

ISBN 978-5-4462-0162-4

*И.А. Бондаренко, А.В. Васильева, Т.И. Возьмашева,
Н.В. Грязнова, С.С. Духанов, М.В. Дуцев, Е.В. Коньшева,
Ю.Л. Косенкова, И.В. Кукина, С.С. Ливошко,
Д.И. Михайкин, Г.Г. Нугманова, К.К. Степанов,
А.Е. Ухналев, В.В. Царев, В.И. Царев*

Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория Книга 1

2022 НИИТИАГ / КОЛО / АРХИ.РУ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ
АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬНЫХ НАУК

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
(Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ)

**И.А. БОНДАРЕНКО, А.В. ВАСИЛЬЕВА, Т.И. ВОЗВЫШАЕВА,
Н.В. ГРЯЗНОВА, С.С. ДУХАНОВ, М.В. ДУЦЕВ, Е.В. КОНЫШЕВА,
Ю.Л. КОСЕНКОВА, И.В. КУКИНА, С.С. ЛЕВОШКО,
Д.И. МИХЕЙКИН, Г.Г. НУГМАНОВА, К.К. СТЕПАНОВ,
А.Е. УХНАЛЕВ, В.В. ЦАРЕВ, В.И. ЦАРЕВ**

**АРХИТЕКТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ**

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
Архи.ру – Коло
2022

УДК 72.03
ББК 85.11
Р39

*Исследование проведено по Плану фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2021 год.
Тема № 1.1.6.1. Научный руководитель И.А.Бондаренко.*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Печатается по решению Ученого совета НИИТИАГ

РЕЦЕНЗЕНТ:

Доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН
Г.А. ПТИЧНИКОВА

Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория.
Книга 1 / Ответственный редактор-составитель И.А. БОНДАРЕНКО.
М.–СПб.: Архи.ру – Коло, 2022.

Книга подготовлена по материалам первого этапа трехлетнего коллективного исследования, посвященного широкому кругу исторических и теоретических проблем модернизации среды жизнедеятельности средствами архитектуры и градостроительства. Она состоит из четырех частей: Искусство освоения естественной среды: традиции Древности и Средневековья; Программная модернизация городов, деревень и межселенных территорий Российской империи; Революционные и эволюционные преобразования жизненной среды в XX столетии; Современные поиски решения проблемы повышения качества среды жизнедеятельности средствами архитектуры.

Работа нацелена на выявление причин и следствий профессиональной деятельности в области средоформирования, а также на выработку убедительных критериев оценки ее результативности. Для архитекторов, градостроителей, управленцев, педагогов и учащихся.

ISBN 978-5-4462-0162-4

© – коллектив авторов

© – филиал ФБГУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

(И.А.Бондаренко)

7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСКУССТВО ОСВОЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ: ТРАДИЦИИ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ГЛАВА I.1

ДРЕВНЕЙШИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АРХИТЕКТУРЕ МИРОЗДАНИЯ,
ИХ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ
И АРХАИЗАЦИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА (И.А.Бондаренко)

13

ГЛАВА I.2

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА И ИХ «ЕВРОПЕИЗАЦИЯ» (И.А.Бондаренко)

25

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОГРАММНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОРОДОВ, ДЕРЕВЕНЬ И МЕЖСЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ГЛАВА II.1

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НЕВСКАЯ АКВАТОРИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
АРХИТЕКТУРНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ (А.Е.Ухналев)

52

ГЛАВА II.2

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА
И ЕЕ РОЛЬ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ РОССИИ (Н.В. Грязнова)

80

ГЛАВА II.3

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(Г.Г. Нугманова)

104

ГЛАВА II.4

ПРОГНОЗЫ И ПРАКТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ ГОРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (В.И. Царев, В.В. Царев)

143

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ В XX СТОЛЕТИИ

ГЛАВА III.1

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НАСЕЛЕННЫХ
ПУНКТОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ.
НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКА (К.К. Степанов)

167

ГЛАВА III.2

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОЕКТНОГО ИНСТИТУТА
СТАНДАРТГОРПРОЕКТ / ГОРСТРОЙПРОЕКТ В 1930-е ГОДЫ
(Е.В. Коньшева)

179

<i>ГЛАВА III.3</i> АРХИТЕКТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х – 1930-х ГОДАХ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ (С.С. Духанов)	208
<i>ГЛАВА III.4</i> ПРОБЛЕМЫ ОЗДОРОВЛЕНИЯ СРЕДЫ ГОРОДОВ В 1920 – 1930-е ГОДЫ. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА З.Г. ФРЕНКЕЛЯ (Ю.Л. Косенкова)	253
<i>ГЛАВА III.5</i> ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС КАК ОТДЕЛЬНЫЙ ТИП ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА (А.В. Васильева)	262
<i>ГЛАВА III.6</i> ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ ЖИЛОЙ СРЕДЫ 1920 – 1930-х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ АРХИТЕКТУРНОЙ СВЕТОТЕХНИКИ (Ю.Л. Косенкова, А.В. Васильева)	272
<i>ГЛАВА III.7</i> АРХИТЕКТУРНО-ПРИРОДНАЯ СРЕДА ДАЧНОГО ПОСЕЛКА КОМАРОВО (БЫВШ. КЕЛЛОМЯКИ) ПОД САНКТ-ПЕТЕРБУРГОМ, ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ (С.С. Ливошко)	286
<i>ГЛАВА III.8</i> ОПЫТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СРЕДЫ СРЕДСТВАМИ «КИНЕТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА» 1960-70-х ГОДОВ (И.А. Бондаренко, Д.И. Михейкин)	316
<i>ГЛАВА III.9</i> «СОВЕТСКИЙ МОДЕРНИЗМ» И НАЧАЛО ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА (Д.И. Михейкин)	335
 <i>ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПОИСКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ АРХИТЕКТУРЫ	
<i>ГЛАВА IV.1</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ СРЕДСТВАМИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАСА ГРИМШОУ (Т.И. Возвышаева)	343
<i>ГЛАВА IV.2</i> О ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДА НА ТРАДИЦИОННОЙ ОСНОВЕ: АРХИТЕКТУРНЫЙ «РЕНЕССАНС» НИЖНЕГО НОВГОРОДА (И.А. Бондаренко)	365
<i>ГЛАВА IV.3</i> О ПОТРЕБНОСТИ В ПЕРЕСМОТРЕ ТЕОРИИ ЕДИНСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (И.А. Бондаренко)	379

<i>ГЛАВА IV.4</i> ТЕАТРАЛЬНОСТЬ КАК ПУТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА <i>(М.В. Дуцев)</i>	391
<i>ГЛАВА IV.5</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕНОВАЦИИ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА <i>(И.В. Кукина)</i>	409
<i>ГЛАВА IV.6</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ И КУЛЬТИВИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРЫ <i>(И.А. Бондаренко)</i>	433
ЗАКЛЮЧЕНИЕ <i>(И.А. Бондаренко)</i>	443
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	448

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема модернизации жизненной среды средствами архитектуры и градостроительства приобретает в современной России все большую актуальность. В Москве, как известно, запущена масштабная программа реновации жилого фонда, которая служит образцом для многих других Субъектов Федерации. Это объясняется, в первую очередь, неудовлетворительным состоянием массовой типовой индустриальной застройки советского времени, которая создавалась в спешке и не рассчитывалась на длительные сроки эксплуатации. На грани аварийности оказались сегодня и многие более старые строения в силу их изначально низкого технического качества в сочетании с элементарной запущенностью. Печальные последствия для рядовой застройки имело установление в советское время государственной монополии на ее использование и содержание. Ускоренная индустриализация и лавинообразный рост численности городских жителей привели к возникновению беспрецедентно острой жилищной проблемы, которая стала хронической болезнью нашей страны.

Новейший опыт решения этой проблемы вызывает у многих совершенно естественную позитивную реакцию, особенно там, где сконцентрированы немалые средства, позволяющие придать модернизации городской среды высокий инженерный и эстетический уровень. Однако, не может не вызывать беспокойства то, что массивные и зачастую весьма радикальные преобразования тех или иных фрагментов наших городов и сельских поселений носят во-многом стихийный волонтеристский характер. Конечно, их проектируют дипломированные специалисты, но по указке далеких от архитектурно-градостроительной профессии чиновников, инвесторов и девелоперов. Хорошо, что градостроительный кодекс требует проведения общественных слушаний для выработки взвешенных проектных решений. Но фактически эти слушания в большинстве своем сводятся к ознакомлению заинтересованных лиц с уже принятыми решениями, которые можно подкорректировать лишь «косметически».

Свойственный XX веку пафос революционных преобразований общества и человека, включая его повседневный быт и среду обитания, подпитывает и сегодня своей энергией сторонников решительных реконструктивных мероприятий в сфере архитектуры, градостроительства и территориального планирования. Идея прогресса трактуется ими как диалектическая противоположность косного консерватизма. Соответственно, новаторство противопоставляется традиционности, что на самом деле является большим огрубле-

нием проблемы, оказывающим негативное воздействие на профессиональное и общекультурное сознание. В этом видится причина довольно острого и затяжного конфликта между сферами современной архитектурной практики и охраны историко-культурного наследия.

Предопределенная законом (ФЗ-73) забота о бережном отношении к наследию ограничивается, в большинстве своем, только отдельными памятниками архитектуры, выявленными и получившими официальный статус. Правда, к объектам культурного наследия относятся и «достопримечательные места», которые бывают большими по площади. Еще существует статус «исторического поселения», но он присуждается городам неохотно, так как накладывает ограничения на новое строительство. Москва, как это ни парадоксально, лишилась этого статуса и не восстанавливает его, очевидно, для того, чтобы не создавать препятствий для своей «реновации». Хотя по закону на достопримечательных местах и территориях исторических поселений допускается новое строительство. Вот где возникают наибольшие расхождения в оценках возможной и допустимой меры модернизации среды. Так получается потому, что вопросы реконструкции существующей планировки и застройки решаются, по большей части, опытным проектным путем, без достаточно основательного научного сопровождения.

Совсем вольно архитекторы-проектировщики относятся к преобразованию районов пресловутых пятиэтажек. А ведь и в них есть нечто привлекательное, ставшее историческим и близким сердцам старожилов. Прежде всего, это относится к параметрам высотности и плотности застройки. При реновации эти параметры резко меняются, и все вокруг становится неузнаваемым. Особенно резкими переменами знаменуется крупномасштабное вмешательство в среду малых исторических городов, даже, если их центры остаются нетронутыми. Но и большие города, и мегаполисы, приобретая новые шикарные здания и комплексы, многое теряют от того, что составляло их славу и неповторимое своеобразие.

Складывается впечатление, что никакой общей теории данного вопроса нет, да и не может быть создано раз навсегда. Жизнь идет, города растут и перестраиваются. Каждое поколение вносит в их облик свою лепту. Это естественно и необходимо. Поэтому поклонникам старины надо смириться и уступить. Так считают многие современные архитекторы, а тем более, градоначальники и бизнесмены.

Однако, потребность в основательной и общепонятной теории данного трудноразрешимого вопроса явно испытывают те, кто по долгу службы занимаются практикой разного рода преобразований, как старых, так и относительно новых селитебных территорий. Потребность эта вызывается внутренним, не всегда полностью осознанным стремлением самых разных людей к достижению общественного взаимопонимания и гармонии с окружающей средой.

Авторский коллектив настоящего научного исследования не претендует на скорейшее разрешение всех противоречий и окончательную расстановку в данном непростом вопросе точек над *i*. Но он намерен подвести под него такую историко-теоретическую базу, которая давала бы достаточно надежную опору для объективных и убедительных суждений о том, что и как можно трансформировать и модернизировать в городе во имя совершенствования среды жизнедеятельности человека и общества.

В соответствии с такими намерениями формулируется цель работы: выявить наиболее существенные побудительные мотивы и механизмы архитектурно-градостроительных преобразований среды жизнедеятельности в исторической ретроспективе и теоретически осмыслить современные подходы к ее модернизации.

Отсюда вытекает целый ряд задач, намеченных на весь период проведения исследования, а именно: изучить глубинные традиции бережного отношения к природной среде при ее обустройстве в интересах человека; проанализировать мотивацию создания регулярных планировочных структур, намеренно противостоящих естественным ландшафтам; выявить специфику и изменчивость отношений к архитектурно-градостроительным новациям в различные исторические эпохи; рассмотреть примеры более или менее обоснованной, щадящей и радикальной модернизации исторически сложившейся среды больших и малых городов, субурбий, сел, деревень; провести критический разбор показательных концепций и проектов реновации районов массовой индустриальной застройки современных мегаполисов; определить перспективные направления развития теории сохранения, ревалоризации, регенерации и повышения качественных характеристик историко-культурной и архитектурно-природной среды жизнедеятельности.

Для решения поставленных задач у авторов имеется определенный научный задел в виде целого ряда статей и монографий. В 2020 году ими выполнено коллективное исследование по близкой теме: «Реновация городской среды: исторические прецеденты», которое опубликовано в электронном виде (М., СПб.: Архи.ру – Коло, 2021).

Говоря о состоянии вопроса, можно отметить, что в целом отечественное и мировое архитектуроведение располагает сегодня огромным массивом исторических данных о всевозможных процессах формирования и обновления среды человеческих поселений и их природного окружения. Больше всего трудов написано об исторических городах, переживших сложные перипетии развития, деградации, возрождения, модернизации. Деревни изучены хуже, хотя история многих из них весьма поучительна. Есть специальные исследования о культурных ландшафтах и межселенных территориях, которые очень важны для настоящей работы.

Вместе с тем, в подавляющем большинстве публикаций преобладают лишь констатации исторических фактов с краткой характеристикой обстоятельств их возникновения. Классическая история создает довольно дискретную картину существования и смены характерных для разных стран и эпох архитектурных явлений. Не раз делались попытки противопоставить этому глобальную теоретическую концепцию закономерного саморазвития городов и сел, но всякий раз она получалась слишком схематичной, да еще и ангажированной господствующей идеологией.

Написано немало более или менее развернутых исторических и пояснительных записок с целью обоснования конкретных проектных предложений по модернизации имеющейся застройки, а с ней и планировки отдельных городских кварталов и районов. Однако, они изобилуют сентенциями агитационно-рекламного свойства. С позиций фундаментального знания такие тексты в большинстве своем не выдерживают критики в силу шаткости своих научных оснований, чрезмерной субъективности, а зачастую и конъюнктурной нацеленности на оправдание уже принятых спорных или вовсе ошибочных решений.

Серьезные историко-теоретические проработки названной темы в отечественной историографии, конечно, существуют. К ним относятся книги и статьи А.В. Анисимова, А.В. Бунина, Т.В. Вавилонской, А.Г. Вайтенса, Н.Ф. Гуляницкого, Г.В. Есаулова, А.В. Иконникова, Г.З. Каганова, Б.М.Кирикова, Е.И.Кириченко, Ю.Л. Косенковой, В.Г. Лисовского, М.Г. Мееровича, М.Б. Михайловой, М.В. Нащокиной, О.В. Орельской, Т.Ф. Саваренской, Д.О. Швидковского, М.С. Штиглиц, А.С. Щенкова. Но они посвящены, в основном, развитию и реконструкции исторических городов. Нам явно недостает углубленного анализа и теоретического осмысления недавней и происходящей сегодня модернизации жилых массивов и промышленных зон, хотя имеются весьма полезные исследования на сей счет А.А. Высоковского, А.В. Бокова, В.Л. Глазычева, К.В. Кияненко, И.В. Кукиной, А.Г. Раппапорта, А.В. Крашенинникова и других авторов.

В этом отношении огромным подспорьем является изучение зарубежного опыта, который чрезвычайно обширен и разнообразен. Члены авторского коллектива данной работы много занимаются этим. Их опыт показывает, что и в ЕС, и в США, а тем более в Китае и других азиатских, а также африканских и латиноамериканских странах современная активная архитектурно-градостроительная деятельность осуществляется всякий раз по-разному, в индивидуальном порядке, следуя известному «методу проб и ошибок». Хотя улавливаются и некоторые общие интенции, увязываемые с актуальными социально-культурными, экологическими и экономическими проблемами, стоящими перед человечеством.

Из самых новых зарубежных работ особенно близка тематике настоящего исследования книга Сары Уильямс Голдхаген, переведенная на русский язык и опубликованная под красноречивым названием: «Город как безумие. Как архитектура влияет на наши эмоции, здоровье, жизнь» (М.: АСТ, 2021). Эта работа пронизана резкой критикой существующей и проектируемой сегодня городской среды как «бесчеловечной и неприемлемой почти по всем показателям», которые устанавливаются автором с помощью привлечения новейших исследований в области социологии, когнитивной психологии, нейробиологии и т.п. Такая критика назрела, она актуальна и для России, хотя производит слишком удручающее впечатление. Может показаться, что следует уничтожить все наработки человечества в сфере архитектуры и градостроительства и начать жить заново. Такие революционные призывы уже звучали и находили свою реализацию в начале прошлого века. Однако, они не только не реалистичны, но и не достаточно справедливы.

Не следует впадать в крайности, дабы не потерять живительных связей с многовековыми культурными традициями. Характеризуя состояние архитектурно-градостроительных и сопряженных с ними междисциплинарных исследований в целом, можно предполагать и надеяться на то, что в обозримой перспективе совместными усилиями удастся поднять нашу профессиональную деятельность на качественно новый уровень. В этом и заключается стратегическая направленность предпринятого нами исследования.

Обработка большого массива разрозненных на сегодня историко-архитектурных и градостроительных данных позволяет получить новое знание о существе извечной проблемы формирования, развития, трансформации и модернизации среды человеческой жизнедеятельности. Это новое знание должно породить и новое понимание того, как следует относиться к накопленному к настоящему времени теоретическому и эмпирическому опыту в данной области. В итоге нам хотелось бы получить основания для выработки новой стратегии разумной и умеренной модернизации урбанизированной среды, повышающей ее качественные характеристики при сохранении устойчивых признаков идентичности.

Структура настоящей книги складывается из предисловия, четырех частей и заключения. Первая часть посвящена глубинным традициям формирования и эволюции искусства освоения и преобразования естественной среды. Вторая часть включает исследования показательных исторических примеров программного преобразования городов, деревень и межселенных территорий Российской империи. В третьей части речь идет о революционных и эволюционных переменах в организации среды жизнедеятельности, произошедших в XX веке в нашей стране, а отчасти и за рубежом. В четвертой части разби-

раются современные проблемы и приемы повышения архитектурно-пространственных качеств среды жизнедеятельности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
**ИСКУССТВО ОСВОЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ:
ТРАДИЦИИ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

ГЛАВА I.1.
**ДРЕВНЕЙШИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АРХИТЕКТУРЕ МИРОЗДАНИЯ,
ИХ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ
И АРХАИЗАЦИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА**

В данной главе характеризуется та картина мира, которая издревле господствовала в воображении людей. С этой картиной, так или иначе, соотносилась вся их созидательная, в том числе, строительная деятельность, тесно сопряженная с освоением и окультуриванием природных территорий. Важное значение в глубокой древности имели ассоциации элементов ландшафта и архитектурных сооружений с животными, образы которых подвергались сакрализации. Нельзя не обратить внимания на биоморфизм тех первосуществ, которые, по архаическим представлениям, образуют землю и небо. Важнейшим следует признать мифологический сюжет отделения в определенный момент и удаления этих символов земли и неба друг от друга, для чего были нужны специальные опоры. Так начинали формироваться архитектурные признаки той воображаемой космической конструкции, в которой земля виделась распластанным днищем, а небо – вспарушенной оболочкой над ним. Существенное значение приобрела вертикальная ось мира, организующая вращение небесных тел.

Далее нам предстоит познакомиться с тем, как античные натурфилософы стали усматривать в основании строения вселенной естественное распределение стихий по вертикали – в зависимости от тяжести. При этом они осознали тот факт, что поверхность земли не плоская, а выпуклая. Это и привело, в конечном итоге, к открытию шарообразности земли и неба. Геоцентрическая модель Аристотеля легла в основу известного труда Клавдия Птолемея «Альмагест», имевшего практическое применение на протяжении всего Средневековья.

Однако, наступление христианской эры было ознаменовано резкой критикой античного самознания и программным возвратом к архаическим космологическим воззрениям в их ветхозаветном изложении, а это послужило фундаментом для выработки типических признаков архитектуры христианского храма как подобия сотворенного Богом

здания мира. Тем самым, была поддержана линия прямого преемственного развития древнейших традиций архитектурного формообразования. Вместе с тем, эти традиции все более абстрагировались под воздействием религиозной концепции креационизма.

Прослеживаемая последовательность смены эпох и представлений о мироздании важна для углубления нашего понимания тех побудительных мотивов формирования базовых принципов архитектурного формообразования и композиции, которые способны сохранять свои универсальные свойства в самых разных исторических и культурных ситуациях.

БИОМОРФИЗМ МИРОЗДАНИЯ

Наиболее древние предания о том, как возник космос – оплот жизни среди мертвого хаоса, - повествуют о гигантских зооморфных и антропоморфных первосуществах. Достаточно вспомнить месопотамскую Тиамат, скандинавского Имира, индусского Пурушу, китайского Пань-гу, а также Адама из «Голубиной книги»¹. Не вдаваясь в подробности разнообразных местных традиций, отметим только тот факт, что тела таких макрокосмических первосуществ мыслились вместилищами пространства для жизни.

Целый ряд мифов повествует о том, что поначалу это пространство было предельно тесным, зажатым между противоположными сторонами, которые трактовались как неразлучная пара сородичей и супругов, пребывавших изначально в объятиях друг друга.

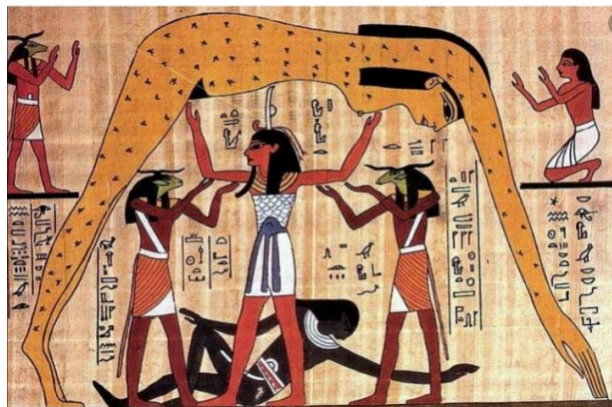
Для древних греков, согласно «Теогонии» Гесиода, такой супружеской парой были Гея – земля и порожденный ею же Уран – небо. От их союза произошли «хтонические» и «уранические» титаны и великаны. Но вот, настал час, когда Гея решила порвать отношения с Ураном. Хорошо известен миф о том, как она подговаривала сыновей восстать против отца. Младший из них - Кронос оскопил Урана и отнял у него власть². Это привело, очевидно, к расширению и наполнению жизнью пространства между ставшими пассивными небом и землей.

В египетской мифологии фигурируют богиня неба – корова Нут и бог земли – змей Геб. Они тоже были влюблены друг в друга и не хотели расставаться до тех пор, пока не поссорились. Когда это произошло, в дело вмешался бог ветра и пространства Шу, кото-

¹ Топоров В.Н. Космологические представления и космогонические мифы // Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т.2 – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 389-404.

² Кун Н.А. Легенды и мифы древней Греции. - М.: Просвещение, 1954. С. 17-18.

рый поднял корову высоко над землей, так что у той закружилась голова³. Тогда он установил прочные подпорки для нее. Впрочем, символами этих подпорок служили четыре пера на головном уборе Шу, из чего следует, что они мыслились легкими, гибкими, парящими в воздухе. К тому же, Шу привел в движение этот мир.

Египетская богиня неба Нут, поднятая над землей богом пространства и ветра Шу.
Внизу полулежит бог земли Геб.

Современная перерисовка древнего изображения. Archeonews.ru

Подпорки неба представлялись, очевидно, и в виде священных растений, таких как лотосы и папирусы, стилизованные роци которых запечатлены в гипостильных залах египетских храмов. Многоколонные залы и портики, несущие перекрытия, ассоциировавшиеся с небом, создавались, как известно, и другими народами древности.

Среди китайских мифов обращают на себя внимание те, в которых опорами неба служат горы, расположенные по четырем сторонам света и в центре⁴. Особый интерес вызывает легенда о том, как дракон Гун-гун в гневе разрушил западную гору Бучжоушань, отчего разразился вселенский катаклизм. Устранением его последствий занялись Нюйва и Фуси. В качестве новых небесных опор были использованы четыре лапы, отрубленные для этого у гигантской черепахи⁵.

Потрясение устоев мироздания отражено и в греческой «титаномахии», завершившейся победой олимпийских богов. Тогда покоренный титан Атлас был поставлен на западный край земли с обязанностью держать на своих плечах небесную твердь. Судя по его местоположению, греки, как и китайцы, считали, что главное повреждение получила западная опора неба и что именно ее необходимо заменить в первую очередь. Это находит свое подтверждение в легенде о гибели Атлантиды, затонувшей как раз в западном океане, названном в ее честь Атлантическим.

³ Рак И.В. Мифы Древнего Египта. – СПб.: Петро – РИФ, 1993. С.49-50.

⁴ Топоров В.Н. Гора // Топоров В.Н. Указ. соч. С. 306-315 / С. 309.

⁵ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965. С. 58-63.

Приведенные примеры, число которых может быть увеличено, дают понять, что земля виделась днищем, а небо - покровом вселенной. Наш мир заключен в полости между ними, заполненной океаном – водным и воздушным – с островом посередине.

Наглядным воплощением такого образа вселенной может служить двустворчатый моллюск с жемчужиной внутри или черепаха с ее панцирем, состоящим из двух половинок - брюшной, сравнительно плоской, и спинной, более выпуклой. Хотя моллюск и черепаха являют собой еще тесно сплоченную пару оболочек. Есть животные с гораздо более объемными туловищами, демонстрирующими полноценное расхождение грудной и спинной областей - аналогов земли и неба. Лучше всего подходят для осмысления подобной модели мира четвероногие животные, грудью и животом обращенные к поверхности земли, а спиной – к небу. Их ноги или лапы соответствуют четырем краевым углам небесной тверди.

Простейшие призматические постройки воспроизводят именно эту объемно-пространственную структуру, распространенную повсеместно и прошедшую сквозь всю историю человечества. И в них до сих пор еще улавливается хотя бы номинальная связь с образами тотемных животных и прародителей. Об этом говорят наименования частей традиционного дома: фасад – «лицо» с его «лбом» и «очами» - окнами, украшенными «бровками» и «наличниками», ворота - «рот», боковые флигели и крыльца - «крылья». А храмы русские имеют «главы», «пояса» и «подошвы».

Теперь следует сказать о центральной вертикальной оси, которая в некоторых зданиях доминирует и определяет форму венчания. С этой осью связано появление вращательного движения небесных «хороводов» звездных животных и блуждающих светил. Согласно Библии, светила были установлены на тверди в четвертый день творения для того, чтобы освещать землю и вести счет времени⁶. Из греческой мифологии можно понять, что это произошло после воцарения Кроноса – титана времени. А для китайцев ту же стадиальную перемену в устройстве вселенной, наставшую после крушения начального порядка, символизировали, наверное, кружащиеся в вихре и сплетающиеся своими змеиными хвостами Нюйва и Фуси. В индусских Пуранах и Махабхарате этому соответствует описание пахтания мирового океана⁷.

⁶ Бытие. I. 14-18. / Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской патриархии, 1979.

⁷ Эрмин В.Г. Индусская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. / гл.ред. С.А.Токарев. М.: СЭ. 1991. С. 535-543 / С.536.

Ось вращения небосвода, устремленная к Северному полюсу, могла обозначаться начальным колом, столбом, обелиском. А всю многоярусную небесную сень, украшенную звездами и планетами, символизировало, очевидно, мировое древо. Аналогичный смысл улавливается в образе мировой горы. В фольклоре встречаются уподобления небесного купола крутой гладкой горе, на которую крайне трудно взобраться⁸. Такая гора представлялась и в виде верхней половинки яичной скорлупы. Нижняя же часть скорлупы ассоциировалась с землей – днищем вселенной. О рождении мира из яйца повествуют мифы разных народов мира⁹.

В архитектуре Древнего мира видное место занимают горообразные, конусовидные и пирамидальные сооружения. Не приходится сомневаться в том, что в них запечатлевался образ небесного купола - иногда широкого и пологого, а иногда резко взмывающего ввысь и сужающегося вплоть до острого шпиля. Напрашивается предположение о том, что в последнем случае решалась задача запечатлеть место сближения с осью мира, устремляющейся в бесконечность и стягивающей к себе, «сворачивающей» окружающее пространство¹⁰.

Обращают на себя внимание многоярусные пирамиды и башни. Их можно считать моделями того небесного устройства, которое получилось в результате склонения плоскости эклиптики по отношению к плоскости экватора. Зодиакальные созвездия, окружающие эклиптику, движутся друг за другом на разных уровнях, а Солнце, Луна и пять видимых невооруженным глазом планет, перемещаясь по поясу Зодиака, переходят с одного уровня на другой, прочерчивая на небе спиралевидные трассы, следующие то на подъем, то на спуск. Такие геометрические фигуры могли выстраиваться только на основании внимательных наблюдений за небесными явлениями, которые побуждали развитие у зодчих абстрактного геометрического мышления, уводившего их все дальше от изначальной тяги к зоо- и антропоморфизму. Впрочем, образ змеи, обвивающей своим длинным туловищем мировое яйцо или древесный ствол, не терял своей популярности в ходе истории.

ОТ ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВСЕЛЕННОЙ К СФЕРИЧЕСКОЙ

Античная натурфилософия не уничтожила, но во многом модернизировала охарактеризованные выше древнейшие представления о космическом мироустройстве. Надо заметить, что и греки, и римляне развивали уже вполне сформировавшиеся и обособившие-

⁸ Афанасьев А.Н. Славянская мифология. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. С.82-83.

⁹ Топоров В.Н. Яйцо // Топоров В.Н. Указ.соч. С. 470-478.

¹⁰ Бондаренко И.А. К вопросу о символике церковной главы // Архитектурное наследие. Вып.70. СПб.: Коло, 2019. С. 12-13.

ся традиции архитектурно-строительного ремесла. Хотя древние языческие культы и космогонические мифы еще продолжали жить, искусство стало менее мистическим и более реалистическим – в сфере живописи и скульптуры, а в сфере архитектуры и градостроительства – структурно-тектоническим. Природа земли и неба была подвергнута рациональному истолкованию, исходя из эмпирических знаний и логических построений. Мысли философов нацелились на познание объективных законов физики.

Гея и Уран не были забыты, но землю и небо стали воспринимать как геометрически организованную совокупность первовеществ или стихий. Вертикальная модель вселенной модернизировалась. В ее основу был положен принцип распределения стихий по степеням плотности и тяжести: внизу – земля, над ней – вода, выше – воздух, наверху – огонь. Правда, существовали представления и о подземном огне, высказывались догадки о том, что огонь находится в центре и что именно вокруг него вращаются небесные тела¹¹.

Геоцентрическая модель мира Клавдия Птолемея.
rusbatya.ru

Развитие астрономии и географии привело к пониманию того, что поверхность земли не плоская и не вогнутая, а выпуклая. Обитаемая ойкумена расположена на южном склоне горообразной планеты, основание которой погружено в воды мирового океана. Однако, наблюдения показывали, что небосвод продолжается и в той зоне, где должны быть разлиты воды. И вот, Аристотель в своем трактате «О небе» уверенно заявил, что земля имеет форму шара, заключенного внутри других шаров – небесных, вложенных друг в друга¹². Справедливости ради надо сказать, что мысль о шарообразности земли вы-

¹¹ Евсюков В.В. Мифы о вселенной. / Отв.ред. В.Е.Ларичев. Новосибирск: Наука, 1988. С. 11-12.

¹² Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3: Перевод / Вступ.статья и примеч. И.Д.Рожанский. – М.: Мысль, 1981. С. 263-378.

сказывалась и до него - Парменидом¹³. В Библии, в третьей книге Ездры, тоже упоминается «земной шар»¹⁴. Но развернутое логическое обоснование центрального положения в космическом пространстве земли, притягивающей к себе прочие стихии, является заслугой Аристотеля.

Геоцентрическая модель шла вразрез с традиционной вертикальной, так как устанавливала местоположение низа в центре земли, а верха – по всему множеству центробежных направлений. Однако, сам Аристотель такой вывод не сделал. Он не отказался от понятий верха и низа вселенной, находящихся на оси вращения мира, только предложил поменять их местами¹⁵. Из трактата «О небе» мы узнаем, что буквально все его современники и предшественники соотносили верх с севером, а низ с югом. Он же нашел аргументы в пользу того, что на самом деле все устроено наоборот. Удивительно, что в другом своем трактате, называемом «Метеорологика», Аристотель ничто же сумняшеся воспроизвел общепринятую точку зрения о расположении вершины земли на севере, откуда, как с горы, стекают, якобы, в южном направлении все большие реки¹⁶.

Учение Аристотеля о шарообразной земле, окруженной со всех сторон небом, нашло своих сторонников и завоевало немалый авторитет. Оно было положено в основу капитального астрономического труда Клавдия Птолемея «Альмагест», успешно использовавшегося в практике календарных расчетов на протяжении всего Средневековья.

В античной архитектуре идея Аристотеля запечатлелась, пожалуй, ярче всего в грандиозном куполе Пантеона. В интерьер этого храма всех богов вписывается как раз сфера, верхняя половина которой приходится на кессонированный бетонный свод. И все же, принципиальная схема построения Пантеона осталась традиционной, демонстрирующей осевое небосводом плоской земли¹⁷. То же можно сказать и об известном по описаниям парадном зале в Золотом доме Нерона, который поражал присутствующих вращавшимся при помощи специальных механизмов потолком с изображением неба¹⁸.

¹³ Евсюков В.В. Указ.соч. С. 12.

¹⁴ Ездра. Третья книга. 11.32. // Библия.

¹⁵ Аристотель. Указ. соч. С. 308-310.

¹⁶ Аристотель. Указ. соч. С. 477.

¹⁷ Бондаренко И.А. К вопросу о символике римского Пантеона // Вопросы всеобщей истории архитектуры / гл.ред. и сост. А.Ю.Казарян. М., СПб.: Нестор-История, 2016. Вып. 6. С. 77-86.

¹⁸ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. / пер. М.Л.Гаспарова. М.: Наука, 1993. Кн. VI.31.

АНТАГОНИЗМ И ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ ДВУХ ОБРАЗОВ МИРА

Наступление христианской эры было ознаменовано резкой критикой античной науки и программным возвратом к архаическим космологическим воззрениям в их ветхозаветном прочтении. Козьма Индикоплов в своей «Христианской топографии» инкриминировал языческим - «внешним», как он их называл, философам уход от божественных истин в сферу человеческого самомышления, питаемого неверием. Он призывал христиан отринуть такую ложную ученость, коль скоро ее постулаты противоречат истинам Священного писания¹⁹.

Первейшим вопросом для него было определение формы и состава оболочки вселенной. Апеллируя к начальным строкам книги Бытия, Козьма Индикоплов заявлял, что никак нельзя говорить об окружении земли со всех сторон небом. Только верх космического пространства ограничен небом, внизу же - земля, под которой ничего больше нет, ибо она держится «на собственной тяжести»²⁰. Форма созданного в первый день «футляра» для жизни отнюдь не сферическая, а призматическая, соответствующая его изначальному статическому состоянию. Земля имеет квадратные очертания, и небо, накрепко соединенное («слепленное») с ней по периметру, такое же в основе своей, но вверху сведчатое - сведенное «комарою». При этом неба существует два: высшее - первого дня творения – и срединное, ближайшее к земле, созданное во второй день и названное твердью. Таким образом, вселенная подобна простейшему дому с междуэтажным перекрытием²¹.

Категорически отвергал автор «Христианской топографии» и аристотелевскую гипотезу о том, что звезды и светила перемещаются благодаря вращению их носителей - небесных сфер. Он утверждал, что небесные тела движутся не по каким-то придуманным людьми законам физики, а при помощи ангелов, несущих их в пространстве, как велел им Господь²².

При этом населенную землю Козьма Индикоплов считал, как и все, южной стороной гористого острова, расположенного посреди океана. Утром Солнце поднимается из-за восточного горизонта, а вечером заходит на западе, скрываясь за высокой горой, направленной своей вершиной к Северу. О том, чтобы другие стороны этого острова были обитаемы, по его мнению, не может быть и речи. Это видно из того, как он высмеивал тех,

¹⁹ Книга нарицаема Козьма Индикоплов. / Издание подготовили В.С.Гольшенко, В.Ф.Дубровина. – М.: Индрик, 1997.

²⁰ Там же. С. 61-62.

²¹ Там же. С. 62-63.

²² Там же. С. 55-56.

кто допускал существование «антиподов», то есть людей, ходящих на противоположных сторонах шарообразной земли вверх ногами по отношению друг к другу²³.

Обращает на себя внимание сравнение устройства вселенной с головой человека, приведенное в «Шестодневе» другого ранневизантийского автора – Севериана Габальского. Вот цитата из этого источника: «...над языком есть [нечто] подобное второму небу, которое твердь. Поэтому по-гречески оно называется «ураниск» Так же и выше [находится] подобный невидимым [сферам] головной мозг, невидимый [нами], тогда как внизу – доступный зрению язык. Соответственно высшее небо можно только помыслить, тогда как нижнее – [увидеть] и описать словами»²⁴. Этот сюжет, включающий наименование неба Ураном, говорит о чрезвычайной стойкости древнегреческой языческой мифологии, которая уживалась с библейским учением о сотворении мира.

Исследователи средневековой христианской космологии склонны выделять в ней две противоположные традиции. Одну из них предложено именовать «плоскостно-комарной», другую - «геоцентрической», восходящей к аристотелевскому учению. Такие восточнохристианские богословы, как Василий Великий, Георгий Писида, Иоанн Дамаскин, Иоанн экзарх Болгарский не видели необходимости в опровержении античных представлений о сферичности неба и земли²⁵. Возможно, они и не знали о том, как критиковал эти представления Козьма Индикоплов.

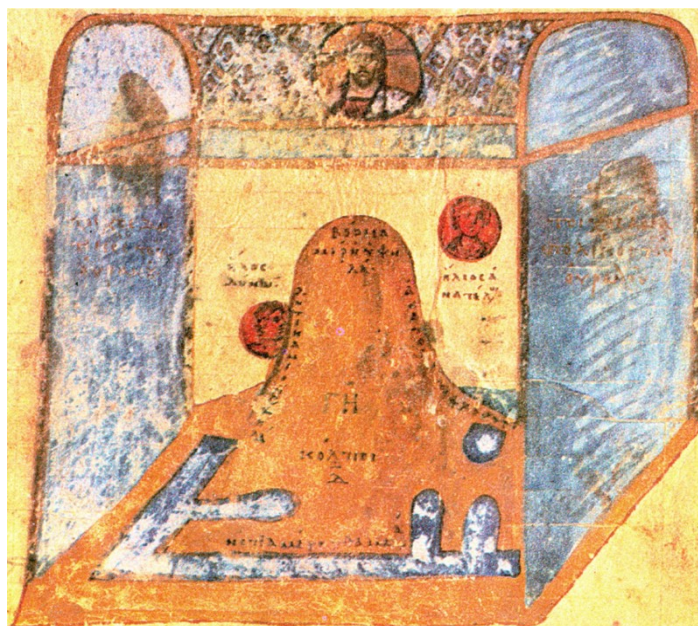
Вместе с тем, есть основания говорить о нечеткости разделения указанных традиций. Во многих канонических, а тем более, апокрифических описаниях мироздания улавливаются элементы различного происхождения. По моим наблюдениям, причина того заключается в смешении представлений о вселенной в целом - с землей-днищем мирового океана - и о земле-суше, являющейся лишь островом посреди этого океана. У того же Козьмы Индикоплова этот остров после некоторой схематизации может быть превращен в плавучий и в конечном итоге уподоблен планете, осененной небосводом с кружащимися звездами и светилами.

²³ Там же. С. 55.

²⁴ Космологические произведения в книжности Древней Руси: в 2 ч. Часть II. Тексты плоскостно-комарной и других космологических традиций / Изд.подг. В.В. Мильков, С.М. Полянский. – СПб.: ИД «Мирь», 2009. С. 109.

²⁵ Космологические произведения в книжности Древней Руси: в 2 ч. Часть I. Тексты геоцентрической традиции / Изд. подг. В.В. Мильков, С.М. Полянский. – СПб.: ИД «Мирь», 2008. С. 19-26.

Сложилось мнение, будто бы «плоскостно-комарная» модель была распространена только в Восточно-христианском мире, а Западу она осталась неизвестна²⁶. Правда, против сферичности Земли высказывался латинский отец церкви Лактанций. Но дело заключается не столько в отыскании исключений из правил, сколько в признании того факта, что в сферичности Земли не были уверены даже те, кто изготавливал армиллярные сферы и вычерчивал знаменитые европейские круглые карты с их Т-образным разделением на три континента. Многими в средневековой Европе не допускалась и возможность существования «антиподов»²⁷.

Мироздание по Козьме Индикоплову.
traveller-world.

Весьма показательно в этом отношении дошедшее до нас описание императорской державы, представляющей собой золотой шар с крестом наверху. Она служила воплощением целого мира, помещаемого на длани самодержца. Можно подумать, что это подобие глобуса, однако, из описания явствует другое: сфера обрамляет жизненное пространство, внутри которого заключена и атмосфера, и море, и земля, занимающая в силу своей тяжести только низ этой пространственной полости - «...дно, земного веса полное»²⁸. То же самое представление о земле-днище и острове, окруженном водой и овеванном воздухом,

²⁶ Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. / пер. с англ. М.А. Кабанова. Предисловие А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1988. С. 56-57.

²⁷ Там же. С. 58-60; 141-143.

²⁸ Там же. С. 365.

обнаруживается на изображениях некоторых армиллярных сфер²⁹. Следовательно, шар мог представлять собой подобие яичной скорлупы, сплавляющей воедино небо с землей.

Архитектурными воплощениями такой округлой центрально-осевой модели вселенной служили ротонды, известные испокон веков в виде разного рода шалашей, вигвамов, юрт, а в монументальном греко-римском зодчестве – моноптеров или фолосов. Можно констатировать, что они перекочевали из языческого зодчества в христианское без существенных изменений, благо поздняя античная ученость не смогла модифицировать их древнюю космологическую семантику.

Однако, преобладающей формой в христианском храмостроении стал параллелепипед. Античные храмы тоже в большинстве своем делались, как известно, прямоугольными. Фолосы были редкостью: им придавалось, судя по всему, какое-то особое значение. Отличительной чертой христианского храма следует признать намеренное соединение в его структуре ортогональных внешних очертаний с круглящимся внутренним пространством, пронизанным вертикальной осью симметрии. Это касается не только крестово-купольных храмов, но и бесстолпных, и базиликальных, в которых всегда так или иначе акцентируется место пересечения центрального нефа с трансептом.

О чем это говорит? - О вполне определенном соответствии построения храма той «плоскостно-комарной» модели мироздания, которую описывал и очень наглядно иллюстрировал в своей «Христианской топографии» Козьма Индикоплов³⁰. Особенность этой модели состояла в том, что она не отвергала иную, «геоцентрическую» модель, а включала ее в себя, помещала в свою сердцевину.

Этот факт заставляет думать о том, что в ранневизантийский период среди церковных иерархов был достигнут консенсус по вопросу о том, что представляет собой вселенная, созданная в первые дни творения, и каким способом должен воплощаться ее образ в храмовой архитектуре. Сочинение Козьмы Индикоплова, конечно, не могло служить пособием для этого великого дела, но оно донесло до нас те самые идеи, которыми руководствовались основоположники традиции христианского храмостроения.

Следует обратить внимание на то, что западноевропейское средневековое зодчество, при всех своих отличиях от византийского, следовало той же традиции воспроизведения образа вселенной в виде четырехугольного здания. Очевидно, что представления о

²⁹ См. миниатюру из греческого Евангелия XII-XIV веков, хранящуюся в РНБ, воспроизведенную в книге: Лихачева В.Д. Памятники византийской миниатюры IX-XV веков в собраниях Советского Союза. М.: Искусство, 1977. С. 56-57.

³⁰ См., например, миниатюру в рукописи из Синайского монастыря, опубликованную в книге: Редин Е.К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч.1. М., 1916. С. 124.

кружащейся вокруг земли небесной сени относились не ко всему мирозданию, а только к нашему островку суши, омываемому космическим океаном. Для церковного зодчества было особенно важно осознание того, что над этой небесной сенью, на вершине мира пребывает в сиянии славы сам Господь Бог.

Общий вывод из вышеизложенного сводится к тому, что приход христианства на смену язычеству дезавуировал открытия античной науки и актуализировал ветхозаветные воззрения на мир. Тем самым, была поддержана линия прямого преемственного развития очень давних традиций архитектурного формообразования. Я не хочу сказать, что настала беспросветная эпоха варварства. Впрочем, Рим пал и великое переселение народов произошло, что не могло не способствовать архаизации архитектурно-художественного мышления. Вместе с тем, греко-римская ученость продолжала цениться, особенно в придворных кругах. Многие позаимствовали из античных трактатов арабские средневековые ученые. И они, как известно, помогли возрождению науки в Европе.

В архитектуре стала все более заметно проявлять себя концепция креационизма, то есть не порождения, а созидания, строительства мира Творцом. Это активизировало борьбу со следами пантеистического биоморфизма в архитектуре. Но принципиальная модель мироздания осталась древнейшей, причем, не только в христианском, но и в исламском мире. Чтобы согласиться с этим утверждением, достаточно посмотреть на замечательные купола мечетей, медресе и мавзолеев, многие из которых покрыты голубыми глазурованными плитками, прекрасно передающими сияние округлого неба над плоской четырехугольной землей.

Самое удивительное, что эта архаическая модель в ее различных архитектурных интерпретациях продолжает существование в современном профессиональном подсознании, невзирая на появление совершенно иных представлений об устройстве вселенной.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА И ИХ «ЕВРОПЕИЗАЦИЯ»

Данная глава посвящена критическому разбору вопроса о европейском воздействии на древнерусскую архитектурно-градостроительную традицию, начавшую активное саморазвитие в период возвышения Московского государства, а затем, в XVIII веке, подавленную и замещенную профессионализмом западного образца. Заостряется внимание на восприятии и интерпретации архитектурных новаций русскими мастерами и заказчиками, перед которыми стояла задача нахождения наилучших средств реализации идеалов, укорененных в средневековых представлениях. Констатируется, что у такого живого творческого развития русской архитектуры был накоплен большой потенциал, но история распорядилась так, что потенциал этот остался невостребованным и постепенно угас в ходе целеустремленного осуществления имперской программы европеизации России. Перелом наступил в начале XVIII века, хотя древнерусское наследие еще долго продолжало свое существование в крестьянской среде.

Принято считать, что древнерусские города сохраняли свой особый средневековый характер вплоть до радикальной перепланировки, развернувшейся по всей стране при Екатерине II. Действительно, фиксационные чертежи, выполненные в ходе этой перепланировки, позволяют весьма достоверно реконструировать процесс формирования и развития структуры поселений древнерусского времени, всегда индивидуальной и живописной, органически связанной с природным ландшафтом³¹.

Вместе с тем, давно замечено, что уже в XVI-XVII веках в русских городах стало появляться все больше и больше регулярно распланированных участков для новых слобод и казенных дворов. Стремление к геометрической правильности отчетливо заявило о себе и в строительстве крепостей. Протяженная ярусная композиция Теремного дворца считается знаменем проникновения на Русь европейского принципа анфиладного расположения помещений внутри единого корпуса государственной резиденции. Этому принципу последовали и другие царские и боярские дворцовые комплексы второй половины XVII-начала XVIII веков.

³¹ Древнерусское градостроительство X – XV веков. Серия «Русское градостроительное искусство». Под ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1993.

В архитектурных деталях и декоре многих построек допетровского времени обнаруживается не строгое, но обильное использование западных образцов. Заметное воздействие на развитие древнерусской архитектуры оставили итальянские мастера, работавшие в Москве в конце XV – начале XVI веков, то есть в эпоху Высокого Ренессанса³².

На основании таких широко известных исторических фактов, как правило, делается общее заключение о том, что в процессе возвышения Московского государства происходила неуклонная и все более активная европеизация его архитектуры, градостроительства и в целом культуры и мировоззрения. Реформы Петра I, тем самым, являлись якобы закономерным шагом на этом проторенном пути. Они могли быть не столь радикальными, но от этого бы ничего принципиально не изменилось. Просто замедлился бы еще больше для «отсталой Руси» переход от Средневековья к Новому времени. А ускорение этого перехода априори считается благом.

Цель настоящей работы состоит в проведении некоторой ревизии таких сложившихся представлений о завершении одной эпохи и начале другой. Для этого надо попытаться посмотреть на ключевые события тех веков не столько извне, сколько изнутри – глазами современников, искавших пути выхода из складывавшихся непростых ситуаций.

Задача возрождения средствами архитектуры былой славы Древнерусского государства была поставлена Иваном III еще в 1460-е годы, при жизни его первой супруги. Василий Ермолин тогда прославился починкой белокаменных укреплений Кремля Дмитрия Донского, установкой на Фроловских воротах резных фигур святых Георгия Победоносца и Дмитрия Солунского, а в Юрьеве-Польском – целенаправленной реставрацией руин Георгиевского собора. За этим последовала печально известная эпопея возведения нового главного собора Москвы по образцу Успенского собора во Владимире с превышением его габаритов примерно на три метра по всем направлениям³³. Программа была амбициозной. В правильно распланированном пятинефном храме ширина центрального нефа, а значит, алтаря и подкупольного квадрата должна была увеличиться на тот порядок цифр, который определял в домонгольской Руси масштабные различия между соборами епископскими и митрополичьими, княжескими и великокняжескими³⁴. Правда, это касалось только плановых размеров. По высоте от пола до свода центрального купола влади-

³² Подьяпольский С.С. Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы / Сост. и подг. к публ. Е.Н.Подьяпольской. М., 2006.

³³ ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. СПб., 1910. С. 297, 300.

³⁴ Бондаренко И.А. Ансамбли средневековой Москвы // Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков. Принципы художественного единства / по ред. Т.Ф.Саваренской. М., 1997. С. 37.

мировский Успенский собор не уступал Софии Киевской. Следовательно, в высотном отношении затеяно было беспрецедентное строительство.

Недостроенный собор пострадал от землетрясения 1472 года. Вызванные из Пскова опытные каменщики, осмотрев постройку, не взяли на себя смелость исправлять и доделывать ее. Тогда возникла мысль о приглашении инженера из Италии, прославившегося умением выправлять покосившиеся каменные сооружения. Очевидно, инициаторами этого дела были те итальянцы и греки, которые незадолго до того организовали свадьбу овдовевшего Ивана III с племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог (1472 год).

Прибывший в Москву в 1474 году Аристотель Фиораванти убедительно продемонстрировал разницу в уровнях развития каменного дела в позднесредневековой Руси и в ренессансной Италии. Летописцы передали то удивление, с которым русские строители воспринимали технические новшества иноземного мэтра³⁵. Солидаризуясь с псковичами, Аристотель счел невозможным подправление поврежденных конструкций и убедил заказчика в необходимости начать строительство заново.

Его успех как инженера и архитектора стимулировал приглашение в Москву и других ренессансных мастеров, которым довелось осуществить реконструкцию всего кремлевского комплекса и принять участие в архитектурно-строительных работах в иных русских городах. Тем самым, искусство итальянского Возрождения проникло на Русь и оказало заметное воздействие на развитие местных традиций. Это, действительно, так. Но был ли сделан тогда сознательный шаг в направлении европеизации древнерусской архитектуры и градостроительства? Ответ на этот вопрос при ближайшем рассмотрении оказывается отрицательным.

Дело в том, что приобщение к итальянской и, вообще, западноевропейской культуре и искусству не входило в планы укреплявшегося Московского государства. По сути дела, здесь не было потребности в иностранных архитекторах, коль скоро заказ опирался на свои исконные образцы. Потребность была только в инженерах – специалистах в области техники прочного каменного строительства.

Весьма показательно, что упомянутые выше псковичи, которые, как сказано в летописи, «от немецъ пришли и навыкши тамо то дело каменосечней хитрости»³⁶, стали строить в Москве кирпичные церкви в древнерусских формах, без признаков готики. Стоит отметить и тот факт, что возведенная под руководством итальянских зодчих Марко

³⁵ ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 200.

³⁶ ПСРЛ. Т. XVII. СПб., 1907. С. 348.

Фрязина и Пьетро Антонио Солари Большая палата великокняжеского дворца, прозванная впоследствии Грановитой, хотя и воспроизвела общую структуру одностолпной Евфимиевской палаты новгородского Архиепископского двора, тем не менее, была лишена характерных для нее нервюр и прочих готических элементов. Очевидно, заказчику хотелось иметь подобный новгородскому просторный и величественный тронный зал с могучим столбом, надежно держащим своды, но при этом его вовсе не интересовала стилистика западноевропейской архитектуры.

Москва была провозглашена Третьим Римом, однако, это не значило, что ей следует походить на Рим Первый: ведь он отпал от Бога, погрузившись в неверие, а потому и отошел в прошлое. Второй Рим – Константинополь – уже полвека находился во власти мусульман. Для христиан это было явным свидетельством того, что и он наказан за накопившиеся прегрешения.

В глазах русских людей теперь только одна Московская держава осталась на Земле поистине самостоятельной и правоверной: «вся хрестьянская церкви потопишася от неверных, токмо единого нашего государя царство благодатию Христовою стоит»³⁷. На Москву перешла, по воле свыше, слава и честь прежних мировых царств. Перенимая эстафету, она не должна была подражать этим царствам, чтобы не демонстрировать свою «вторичность». Ей надлежало расти, крепиться и «омлаждаться», как сказано в Хронографе 1512 года³⁸, на своем собственном «корне», насажденном в давние времена и овеянном великими пророчествами.

Это вовсе не значило, что заимствования иноземных достижений возбранились. Они могли быть полезны, если способствовали возвышению Руси. Ведь сказано же было старцем Елеазарова монастыря Филофеем: «вся хрестьянская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя»³⁹. Материальные блага и технические новшества обогащали страну, но не они определяли формирование ее собственного архитектурного лица, ее провиденциального священного образа.

Вот почему Аристотелю Фиораванти пришлось осваивать древнерусские архитектурные формы указанного заказчиком образца – все того же Успенского собора во Владимире. Надо сказать, что сравнение планов главных соборов Владимира и Москвы свидетельствует об отказе от первоначальной идеи превышения размеров образца, дабы не гне-

³⁷ Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998.

³⁸ Плеханова М.Д. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 174.

³⁹ Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. С. 348.

вить Господа. Недаром в своем восхвалении творения Аристотеля Фиораванти Иосиф Волоцкий не преминул сделать одну существенную оговорку: «Такова не бывая в Руси, **опроче владимирския церкви** (выделено мной – ИБ)»⁴⁰. Приравнять новый собор к старому сочли возможным, но превзойти достопочтенное сооружение не посмели. Так и осталось на долгие времена (показательно, что источники донесли до нас осуждение Бориса Годунова за его честолюбивое намерение «умалить» существующий Успенский собор строительством нового храма в центре Кремля).

Этот пример хорошо показывает, насколько важными казались размерные характеристики зданий, при том, что к их архитектурно-стилистическим различиям и индивидуальным особенностям относились тогда достаточно вольно. Лишь с одной инициативой Аристотеля категорически не согласился митрополит Геронтий – из идейных соображений. Речь идет о латинском кресте, который было велено срочно стесать⁴¹.

Успенский собор получился «небывалым», как выразился современник, но воплотившим в полной мере свои, исконные, древнерусские представления о великом и прекрасном христианском храме. Ни о какой «европеизации» московской архитектуры тогда никто и не помышлял. Ее признаки стали обнаруживать лишь историки архитектуры нашего времени.

Другим итальянским архитекторам, прибывшим в Москву вслед за Аристотелем, пришлось делать нечто подобное по сути своей, хотя и довольно разное по формам и деталям.

Архангельский собор Алевиза Нового явно наделен венецианскими чертами, как то убедительно показал С.С.Подъяпольский⁴². Но эти черты не сделали его иноземным. Просто нашелся мастер, который сумел возродить в новом качестве бывшее великолепие некоторых богато декорированных княжеских храмов домонгольского времени, таких как Дмитриевский во Владимире или Георгиевский в Юрьеве-Польском. Надо иметь в виду при этом не буквальное, реалистическое, а только самое общее ассоциативное сходство между ними. Дело заключалось даже не в сходстве конкретных храмов, а в воспроизведении некой умозрительной былинной красоты того стародавнего резного и расписного убранства, которое подобало постройкам великого государя.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XXV. М.-Л., 1949. С. 324.

⁴¹ ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. СПб., 1910. С. 335.

⁴² Подъяпольский С.С. Венецианские истоки архитектуры московского Архангельского собора // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 254-275.

Сказанное в полной мере относится к изящному североитальянскому декору перестроенного великокняжеского дворца и связанных с ним галерей и порталов Благовещенского собора. Дворцовый комплекс в Кремле компоновался, безусловно, по старой традиции и по месту из отдельных примыкающих друг к другу палат и сеней, объединенных общим подклетом. Влияние Италии проявилось в создании аркад по периметру подклета, но сам принцип устройства подклета, гульбищ и галерей не мог не быть известен на Руси ранее.

Стены и башни Московского Кремля имеют много общего с итальянскими крепостями XV века. Известно и письмо Алевиза о том, что он строит Ивану III замок наподобие Миланского⁴³. Однако, следует еще раз подчеркнуть, что архитектурные заимствования воспринимались тогда совсем не так, как в Новое время. Если даже фряжский зодчий предлагал заказчику воспроизвести формы конкретных итальянских построек, и тот соглашался, это отнюдь не означало, что московский князь решил уподобиться миланскому герцогу. Он был рад воспользоваться прекрасными апробированными образцами для обустройства своей резиденции, но не ради подражания, а для того, чтобы достичь и превзойти уровень великолепия всех прочих столиц. В том то и заключался смысл привлечения лучших мастеров и лучших образцов: их стараниями зримо повышалась степень державной «чинности» великого государя.

Ни Милан, ни Венеция не могли претендовать на роль объектов подражания для Москвы, поскольку она им вовсе не подчинялась и, к тому же, оставалась чуждой и в религиозном, и в общекультурном отношениях. Отложившись от Золотой Орды, Москва не подпала под власть ни Османской, ни Священной Римской империй.

Тут надо сделать одну оговорку: зубцы новых кремлей Московского государства, в большинстве своем, получили запоминающиеся венчания в форме «ласточкина хвоста», а эта форма служила знаком партии гибеллинов – сторонников императора и противников папского престола. По мнению К.С.Носова, высказанному на последней конференции «Архитектурное наследство», Иван III сознательно применял этот знак в своем строительстве. Это правдоподобная гипотеза, однако, она не нашла исторического объяснения в докладе и подготовленной к печати статье. Мне кажется, что для великого князя «всея Руси» было важно отмежеваться от Ватикана и навязанной им Флорентийской унии, а для этого стоило выразить почтение к Священной Римской империи. Но о вхождении в состав

⁴³ Подьяпольский С.С. Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы / Сост. и подг. к публ. Е.Н. Подьяпольской. М., 2006. С. 288.

этой империи речи не было. Русскому государству удалось оттеснить, а в дальнейшем покорить татарские ханства и не допустить вторжения держав Запада, несущих католицизм.

Такое положение дел не оставляло Московской Руси выбора: она должна была провозгласить себя абсолютно самостоятельным царством – преемником павшей Византии, а заодно и Орды, ханы которой из рода Чингизидов имели тоже общепризнанное царственное достоинство. В противном случае ей пришлось бы признать верховенство той власти, которая охватывала Европу по праву римского престолонаследия, или оказаться в вассальной зависимости от турок как новых властителей византийской ойкумены.

Московский Кремль был возведен в соответствии с современными требованиями европейского военно-инженерного дела. Вместе с тем, треугольность его плана, акцентированная тремя круглыми башнями по углам, символизировала причастность его к изначальному образу Второго Рима - Константинополя, построенного, согласно преданию, «на три угла, в образ Святой Троицы»⁴⁴. В источниках встречается нарицание Ивана III новым Константином, а Москвы «Константиноградом». Из этого следует, что не европеизация, а «византинизация» Руси преимущественно заботила тогда власть преобладающих. Это подтверждается заимствованием Москвой византийского герба, ритуала венчания императора и других элементов бывшего константинопольского придворного церемониала. За всем этим стояла мысль о последовательном перенесении царственного достоинства из одной мировой столицы в другую.

Интересна дошедшая до нас легенда о происхождении царских регалий, переданных в свое время Владимиру Мономаху византийским императором, из давно покинутой древней столицы мира – Вавилона⁴⁵. Ясно, что Москве не следовало подражать ни Вавилону, ни двум прежним Римам. Ей надо было только «перейать» их царственность и стать Новым Царьградом - Римом Третьим – воистину правоверным, а потому Последним (вспомним оговорку Филофея: «а четвертому уже не быти»⁴⁶).

Венчание на царство Ивана IV в 1549 году мотивировалось давним родством князей Рюриковичей с византийскими императорами, а кроме того, и с самим Октавианом Августом, в годы правления которого родился Иисус Христос. После принятия высшего титула московский государь мог идти на штурм Казани уже не как ополчившийся на сю-

⁴⁴ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послание. Киев, 1901.

⁴⁵ Бусева-Давыдова И.Л. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. С. 190-194.

⁴⁶ Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. С. 348.

зерена вчерашний вассал, а как достойный венценосный поборник истинной веры и справедливого возмездия.

Распространение власти Москвы на огромные территории исчезнувшей Золотой Орды вызвало пополнение русского общества множеством знатных татарских родов, перешедших в православие. Это не могло не сказаться на общем характере позднесредневековой культуры и архитектуры Русского государства. Напрашивается мысль о том, что удивительная тяга к узорочью, яркости, пестроте, проявившаяся в русской архитектуре и декоративно-прикладном искусстве XVII века, была связана с врожденными вкусовыми предпочтениями вчерашних «восточных людей».

Вместе с тем, подлинная восточная культура на просторах России оказалась в подавленном и разоренном состоянии. А главное, - исчезла потребность в подобострастном отношении к ней, коль скоро не стало ханов, взимавших дань и выдававших «ярлыки» русским князьям. Вот, почему, как мне кажется, тема восточных влияний на русскую архитектуру остается слабо разработанной: время ордынского владычества оставило после себя на Руси слишком скромные плоды, а наследие XVI-XVII века позволяет лишь догадываться о воздействии на него вкусов обрусевшей татарской знати. Впрочем, некоторое влияние на формирование царственного образа Москвы оказывали при Иване Грозном Турция⁴⁷, а при Борисе Годунове Персия.

Что касается западных влияний, то они тоже были обязаны своим происхождением не программным уподоблениям статусным образцам, а тому обстоятельству, что московская знать пополнилась итальянцами и греками - приближенными Софьи Палеолог, а позже – многими выходцами из польско-литовских земель. Как известно, в XVII веке князья из рода Гедиминовичей стали приравняться по своему положению к коренным Рюриковичам. Присоединение к Московскому государству части древнерусских земель, долгое время входивших в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, поспособствовало притоку оттуда и духовенства, и ремесленников – носителей европейских маньеристических и барочных традиций.

Рассматривая поставленный вопрос, никак нельзя обойти стороной такой ключевой памятник середины XVI века, как храм Покрова на Рву (Василия Блаженного). О нем много написано как о выдающемся и загадочном произведении древнерусской архитектуры, не имеющем прямых аналогов в мире и, в то же время, входящем в круг ренессансных художественных фантазий.

⁴⁷ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 74-83.

А.Л. Баталов, посвятивший истории и иконографии собора обстоятельное исследование⁴⁸, пришел к заключению о том, что его «следует рассматривать **только** сквозь призму комбинаторного мышления итальянского архитектора, способного перефразировать самые разные традиции – романские и готические»⁴⁹. В этой цитате из специального интервью удивляет жесткость суждения авторитетного ученого. Мало тех слов, которые выделены мной выше, оказывается, что его вообще **«нельзя изучать как средневековое произведение»**⁵⁰.

Станным представляется столь резкое противопоставление Ренессанса Средневековью: ведь известно, что историки относят эпоху Возрождения к Позднему Средневековью, когда только зарождалась культура Нового времени. По-видимому, Андрей Леонидович противопоставляет не столько эпохи, сколько творческие принципы, характерные для них. Мне встречались его высказывания насчет следования предустановленному образцу по нисходящей – в эпоху Средневековья – и использования образцов для созидания чего-то более высокого – в эпоху Ренессанса.

Эту мысль высказывал не раз и я сам, с той только разницей, что не привязывал ее к эпохам, поскольку обнаруживал созидательные движения в рамках одной и той же традиции, то вверх, то вниз, в самые разные периоды истории и в разных социальных странах⁵¹. В данной статье я стараюсь отстоять правомерность своего взгляда на позднесредневековый период русской истории как на процесс роста, возвышения и усиления государственности, а с ней и своей собственной культуры, искусства и архитектуры. В этом смысле этот период можно назвать, вслед за Д.С. Лихачевым, нашим, русским «ренессансом». В таком локально-позитивном смысле употребляли слово «ренессанс» применительно к другим эпохам и странам и Э. Панофский, и Н.И. Конрад. Понятие же итальянского Ренессанса имеет совершенно иное значение как для России, так и для всего мира.

При этом я вовсе не сторонник построения прямолинейных схем развития архитектуры от простого к сложному. Процесс созидания русского «Царьграда» был не простым и не однозначным. Он вызывал и радость, и разочарования, и даже гнев и проклятия - после того, как произошел церковный раскол и восторжествовал Абсолютизм.

⁴⁸ Баталов А.Л. Собор Покрова Богородицы на Рву. История и иконография архитектуры. М., 2016.

⁴⁹ Баталов А.Л. «Архитектуру собора Покрова на Рву можно понять только исходя из особенностей ренессансной традиции». Интервью 16 декабря 2016 г. Archi.ru

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Бондаренко И.А. Об уместности и умеренности архитектурного новаторства // АCADEMIA. Архитектура и строительство. 2020. № 1. С. 8-12.

Непонятны мне основания тезиса А.Л. Баталова о «комбинаторном мышлении итальянского архитектора». Это средневековые мастера комбинировали избранные образцы, подобно книжникам, составлявшим компиляции выдержек из Священного писания. Архитекторы итальянского Возрождения, хотя и сохраняли навыки традиционного ремесла, но обладали приверженностью к чистоте форм античной классики. И они шли в направлении созидания единых мировых стилей Нового времени.

В свое время Н.И. Брунов тоже внимательно изучал формы и конструкции Покровского собора и обнаруживал их европейские черты. Отмечал он и наличие элементов, характерных для среднеазиатского зодчества⁵². Но он не делал на этом основании вывода об иноземном происхождении автора. Наоборот, ему виделось, что источники доносят верную информацию о работе в данном случае сразу со многими «образцами и переводами» особо одаренных русских архитекторов – Бармы и Постника.

Меня по-прежнему убеждает сформулированная Н.И. Бруновым, а отчасти и его предшественниками, мысль о воплощении в архитектуре Покровского собора именно средневековых, вполне русских, объединявших нацию, христианских, эсхатологических и укоренившихся в апокрифах и фольклоре сакраментальных образов и представлений. Я не вижу оснований для оспаривания подлинности того источника, который процитирован И.И. Кузнецовым и из которого явствует, что Ивану IV «дарова ... Бог дву мастеров русских, по реклу Постника и Барму, и быша премудрии и удобны таковому чюдному делу»⁵³.

Если бы для такого «чудного дела» нашелся итальянец, и не просто умелый строитель, а высоко эрудированный и одаренный европейский архитектор середины XVI века, то есть уже Позднего Ренессанса, то в центре Москвы появилось бы совсем другое по своему духу и стилю сооружение. Предположим, ему указали на средневековый образец, как это произошло с Аристотелем Фиораванти. Не приходится сомневаться в том, что этот архитектор проинтерпретировал бы любой образец по-своему, в современном для ренессансной Италии духе. Ясно и то, что подобного рода сооружение, в отличие от осуществленного Покровского собора, не смогло бы войти столь органично в общую линию развития русского церковного, в особенности, деревянного зодчества.

Легче воспринимается гипотеза о привлечении к данной работе немца или голландца – представителя так называемого Северного Ренессанса, предрасположенного к превращению в маньеризм со свойственной ему некой «игрой с ордером», по выражению

⁵² Брунов Н.И. Храм Василия Блаженного в Москве: Покровский собор. М., 1988.

⁵³ Кузнецов И.И. Московский и Василия Блаженного собор. Спасские ворота. Лобное место. М., 1914. С. 25.

Вл.В. Седова⁵⁴. Однако, об этой протобарочной «игре» уместнее говорить применительно к русской архитектуре XVII века. Если же рассуждать о специфике распространения ренессансных веяний на Заальпийскую Европу середины XVI столетия, то нельзя не признать факта смешения их с довольно стойкими традициями Средневековья. В этом отношении Московская Русь не сильно отличалась от европейской периферии. Она тоже осваивала итальянские ордерные формы, только, без ученого педантизма. И еще: в отличие от Западной Европы, у нее не было своей готики.

Сравним Покровский собор с шатровой надстройкой стоящей рядом Спасской башни. В этой изящной надстройке – резном футляре для часов с боем - отчетливо ощущается тонкая работа готического мастера (хотя это и XVII век). В соборе же, как и в других кремлевских башнях, - нет ничего подобного. Все элементы, как готические, так и ордерные, трактуются тут в одной художественной манере и образуют поэтому сложную, но очень цельную архитектурную форму, представляющуюся и не готической, и не ренессансной, и не маньеристической, но еще вполне средневековой в общем пластическом и стилистическом отношениях.

Конечно, по общему уровню материально-технического развития и образования Московия рассматриваемого времени отставала от Западной Европы. Однако, это не имело прямого отношения к рождению талантливых зодчих. Логика подсказывает, что такие зодчие могли наиболее успешно формироваться в сфере деревянного строительства, которое было массовым. Позволю себе высказать предположение о том, что один из двух названных мастеров прославился сложными и выразительными сооружениями из дерева. Он мог быть и автором первого обетного многопрестольного храма, поставленного после взятия Казани возле каменной церкви Троицы на Рву. А второй мастер должен был быть непременно специалистом по камню и кирпичу. Думаю, что это был тот самый пскович Постник Яковлев, которого привлекли вскоре к организации крепостного строительства в Казани.

Пример храма Покрова на Рву хорошо показывает, что творческие усилия его создателей нацеливались на выражение торжества победы, соборного единения многих земель и богоизбранности молодого Московского царства. Вполне объяснимо появление ассоциаций этого удивительного храмового комплекса со священным градом Иерусалимом.

⁵⁴ Седов Вл.В. Маньеризм первых Романовых // Проект классика. Вып.4. М., 2002. С. 136-145.

Не раз отмечалось сходство его многобашенной композиции с образами идеального храма и города, поиски которых вели мастера эпохи Возрождения. Это дает основания предполагать, что Барме и Поснику были известны европейские рисунки, чертежи и модели такого рода. Вместе с тем, следует обратить внимание на тот факт, что европейцы тоже воодушевлялись архитектурными образами Святой земли. Следовательно, западные образцы не могли быть самоцелью для русских зодчих, они могли служить им только в качестве подспорья в поисках средств воплощения общего для всех христиан идеализированного представления об Иерусалиме, его главных святынях и стоящем за ними предвечном Горнем граде.

Вряд ли до москвичей доходила достоверная информация о проектировании и строительстве грандиозного собора святого Петра в папском Риме, хотя центрическая основа его плана была, по-существу, той же, что и у храма Покрова. Тут надо говорить не о заимствованиях, а о базовой общности построения универсальной геометрической формы, имевшей сакраментальное значение.

На рубеже XVI-XVII веков в Москве назрела потребность в новом великом храме, который отвечал бы царственному и патриаршему статусу Российской столицы. По сути дела, требовалось наверстать упущенное и затмить славу католического Рима. Как решался этот вопрос? – Путем обращения напрямую к Иерусалиму и Первому храму царя Соломона. Борис Годунов успел все подготовить для реального возведения посреди Кремля храма «Святая Святых», программно соединяющего в себе ветхозаветные и новозаветные объекты поклонения⁵⁵. Не приходится сомневаться в том, что если бы данному проекту было суждено осуществиться, то Москва получила бы весьма выразительную и своеобразную архитектурную доминанту.

В правоте такого утверждения убеждает созданный полвека спустя патриархом Никоном подмосковный Новый Иерусалим – Воскресенский монастырь на реке Истре, нареченной Иорданом. Наверное, в его объемно-пространственной композиции проявилось больше черт реалистического формоподражания иерусалимскому храму Гроба Господня, коль скоро в распоряжении строителей имелись обмерные чертежи итальянца Бернардино Амико. Однако, характер воспроизведения данного архитектурного образца был, все же, очень вольным и творческим, ибо патриархом ставилась цель не только достичь, но и превзойти его великолепие и вознестись в духе к сиянию славы Господней⁵⁶. Разве можно было при таком настрое ограничиваться ремесленным копированием?

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978

⁵⁶ Ильин М.А. Каменная летопись Московской Руси. М., 1966.

Строительство Нового Иерусалима стимулировало, как известно, распространение на Руси поливной архитектурной керамики. Ее искусство было принесено с Запада, но художественные плоды получились очень своеобразными, а на взгляд европейцев – восточными. В самом деле, ведь яркой цветной глазурью славились, прежде всего, города Востока, откуда и пришла эта техника в свое время в Европу.

О том, как иностранцы дивились Москве XVII века, написано немало. Нет нужды приводить цитаты и доказывать лишний раз, что сколько бы ни было занесено сюда архитектурных и декоративных элементов европейского происхождения, все они были поглощены местным контекстом и переработаны в совершенно особом духе.

На основании вышесказанного можно заключить, что в XVI-XVII веках совместными усилиями заказчиков и мастеров, как русского, так и иноземного происхождения, была обновлена и наполнена новой энергией древнерусская архитектурная традиция. Эта традиция отнюдь не была изжита и разрушена. Наоборот, она оказалась востребованной и жизнеспособной, что подтверждается бурным саморазвитием московского допетровского зодчества, а также его огромной инерцией, хорошо заметной в провинциальном и сельском деревянном строительстве Российской империи XVIII, а отчасти и XIX веков.

Воодушевление, с которым шло развитие московского зодчества, было свободно от каких-либо комплексов неполноценности. Вот, почему возникали такие яркие, «сказочно-лучезарные», по выражению М.А. Ильина, произведения архитектуры, как Коломенский дворец Алексея Михайловича. И.Л. Бусева-Давыдова отмечала наличие в нем многих европейских заимствований⁵⁷, однако, отрицать его самобытность невозможно. То же следует сказать о палатах Василия Голицына в Охотном ряду, несмотря на то, что этот князь был откровенным «западником»⁵⁸. Даже прямое следование западным образцам не приводило тогда к появлению на русской почве подлинно европейских построек. Наверное, такой постройкой были только палаты Лжедмитрия на кремлевском Взрубке. Но они, как известно, были снесены сразу же после свержения самозванного царя. Может быть, именно чужеродность архитектуры этих палат, недаром прозванных «блудническими», сподвигла москвичей на такую крайнюю спешную акцию.

⁵⁷ Бусева-Давыдова И.Л. Царские усадьбы XVII в. и их место в истории русской архитектуры // Архитектура русской усадьбы. Отв. ред. Н.Ф. Гуляницкий. М.: Наука, 1998. С. 38-49. С. 41-43.

⁵⁸ Можаяев А.В. Усадьба В.В. Голицына в Охотном ряду // Архитектурное наследие. Вып. 63. СПб., 2015. С. 8-14.

Постройки раннепетровского времени, изобилующие ордерным и рокайльным декором, относят сегодня к нарышкинскому, голицынскому и строгановскому «стилям». Конечно, это лишь особые стилистические манеры, а не подлинные архитектурные стили. Несколько десятилетий назад их считали разновидностями московского или петровского барокко. Против этого выступила еще в своей кандидатской диссертации И.Л. Бусева-Давыдова, которая и ввела понятие «нарышкинский стиль».

Мне не раз доводилось выражать несогласие с возведением в разряд полноценного стиля столь локального, хотя и очень яркого архитектурного явления. Вместе с тем, я разделяю мысль о том, что это явление не следует причислять к европейскому барокко, да и к маньеризму. Дело в том, что для русских мастеров мало что значили понятия архитектурного стиля.

Немцы создавали специальные книги - пособия для систематического освоения ордерных форм и правил их пропорционирования⁵⁹. У них получалось совсем не то, что у Витрувия, Виньолы, Скамоцци или Серлио, но по-своему вполне системное, как раз то, что можно было назвать маньеризмом, а потом и барокко. Русские же норовили использовать североευропейские образцы, в том числе, вероятно, и листы из таких пособий, очень произвольно, выборочно, считая себя вправе компоновать полюбившиеся архитектурные и декоративные элементы как придется, смотря по месту.

Сомневаюсь я в барочном происхождении самой центрической конструкции ярусного октаконха от основания или «восьмериком на четверике». Такого рода конструкции не могли не быть известны на Руси с давних пор, поскольку в их основе лежали общеизвестные космологические схемы. Не случайно они получили широкое распространение и большую популярность в русском деревянном зодчестве. Невозможно себе представить, чтобы такие шедевры архитектуры начала XVIII века, как многоглавые соборы в Вытегре и Кижах, были созданы под впечатлением от небольшого числа новейших «нарышкинских» церквей, пусть и очень привлекательных и принадлежащих знатным семьям.

Русское Средневековье недаром доводится у нас обычно вплоть до радикальных петровских преобразований. Эта традиция не разрушается, так как имеет под собой основания, суть которых я постарался раскрыть выше. Русская архитектура конца XVII – начала XVIII веков при всей своей заимствованной ордерности и барочности оставалась имен-

⁵⁹ Попова В.Л. Ордерные книги и их значение в немецкоязычной архитектурной теории // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 12 (1/2019) / Гл. ред. и сост. А.Ю. Казарян. М., СПб., 2019. С. 183-203.

но самобытной, поскольку в ней находили новые формы воплощения свои собственные, коренные, очень давние традиции и идеалы. В ее пластике отчетливо улавливается некая ремесленная лубочность⁶⁰, выдающая все еще средневековое по своему характеру «чувство формы».

Как менялись в рассматриваемое время русские города и селения в целом? Они разорялись из-за смуты и интервенции, теряли жителей, переезжавших в Москву или пускавшихся в бега, но по мере нормализации жизни и роста благосостояния обогащались новыми весьма выразительными и все чаще кирпичными архитектурными объемами церквей, колоколен, палат и теремов. При этом их общая планировочная и объемно-пространственная структура сохраняла свой прежний, живописный, средневековый характер. Регулярные планировки появлялись в государевых дворах и казенных слободах, однако, они явно не воспринимались тогда как что-то принципиально новое и строго обязательное, ибо повсеместно продолжала преобладать традиционная, формируемая «индуктивно» частновладельческая застройка.

Известно, как во время смуты стихийно разрослись некоторые дворы на московских посадах, как бесконтрольно стали застраиваться городские выгоны. Царю Михаилу Федоровичу в 1626 году пришлось издать специальный указ о расширении улиц Китай-города, причем, за счет, в основном, деревянных строений, оставляя каменные, что усугубляло кривизну красных линий⁶¹. Можно догадываться, сколь эффектно по контрасту с окружением выглядели построенные во второй половине XVII века в том же Китай-городе протяженные и параллельные друг другу корпуса Певческой слободы, разделенные внутри на секции. На них, как на первый пример нового типа городской застройки, обратил внимание А.В.Можаев⁶². Но это было лишь небольшим фрагментарным вкраплением «идеального порядка» в реальную городскую среду. И порядок этот ассоциировался, скорее всего, вовсе не с европейским, а со своим – известным по корпусам монастырских келий и дворцовых служб.

Петр I своими указами отказал всей этой вольготной средневековой живописности городской среды в праве на существование. Она была для него враждебной, оказывающей упорное сопротивление реализации его самодержавных амбиций. Ему нужно было укрепить свою власть, и для этого устранить очаги сепаратизма. А эти очаги явно присутствовали в городах, посадах и слободах с их извилистыми улочками и тупичками, предназна-

⁶⁰ Можаев А.В. Великий посад столицы. Монография (в печати). С. 99.

⁶¹ Забелин И.Е. История города Москвы. Неизданные труды. М., 2003. С. 291-293.

⁶² Можаев А.В. Великий посад столицы. Монография (в печати). С. 158-160.

ченными только для своих и очень опасными для незнакомцев. В этом отношении древнерусские города были сходны с европейскими, с тем же готическим Парижем, остававшимся вплоть до перепланировки барона Османа хорошо приспособленным для ведения баррикадных боев.

Французские, как и прочие европейские короли тоже не могли в одночасье навести идеальный порядок в своих средневековых городах и довольствовались отдельными вставками в их старую ткань новых архитектурных и градостроительных элементов. В Париже им удалось сделать «прорыв» в западном направлении: от обновленного Лувра к Тюильри и далее по прямолинейному проспекту Елисейских полей на дорогу в Версаль, который можно назвать «манифестом» французского абсолютизма.

Петр I, как известно, побывал у Людовика XIV и впечатлился его резиденцией. Впечатлило его и многое другое, увиденное в поездках по Европе. Но ему негоже было прослыть скромным подражателем. Перенимая чужой опыт, он должен был обязательно демонстрировать свою независимость, могущество и вольность поступать по своему разумению. Этим объясняется многое в его поведении.

В 1703 году Петр I положил начало строительству совершенно нового города в дельте Невы – назло врагам и наперекор стихиям. Такое искусственное создание большого портового города на самом краю российских владений требовало чрезвычайной концентрации волевых усилий. И молодой царь справился с этим, за что и заслужил народную славу.

Суть дела заключалась, конечно, не в подражании европейским образцам, а в решении военно-стратегической задачи закрепления за Россией отвоеванных у Швеции бывших новгородских территорий. Наверное, сама идея перенесения в Санкт-Петербург столицы возникла по причине необходимости поддерживать здесь созидательную энергию, без которой градостроительный процесс не мог бы стать столь успешным. Для этого надо было не уговаривать, а заставлять множество людей, в том числе, крутых и знатных, беспрекословно повиноваться монарху, который стремительно двигался к установлению российского абсолютизма.

Санкт-Петербург по праву называют самым европейским городом Российской империи. Однако, у него нет в Европе прямого аналога. Петр I привлек к его строительству западных архитекторов, получил от них планировочные решения, отвечавшие современным европейским представлениям о правильно построенном городе, но распорядился ими так, как ему было угодно, смотря по месту и обстоятельствам.

Очевидно, главным для него было требование вести застройку строго по красным линиям спрямленных улиц. Это предписывали изданные им указы, реализация которых в старых городах оставляла желать много лучшего. Здесь же, на просторе, градостроительная мечта стала воплощаться воочию. Особенно эффектными оказывались вытянутые «в струнку» многокилометровые «прошпекты», с одной стороны нацеленные на главные архитектурные доминанты города, а с другой – уходящие в бесконечные дали больших внешних дорог⁶³. Это градостроительный прием, свойственный эпохе барокко, что справедливо отмечалось исследователями⁶⁴. Но для русского царя и его подданных он значил вовсе не приобщение к неведомому зарубежному стилю.

Откуда взялось это навязчивое требование выпрямлять улицы и застраивать их «сплошную фасадую»? Вряд ли просто от желания подражать Европе. Причина тому видится в усилении монархической власти и установлении приоритета государственных интересов над частными.

По стародавней (и отнюдь не только древнерусской) традиции семейную жизнь не выставляли напоказ, а старались скрыть в глубине дворовладений. И внутри дома почетное место хозяина всегда располагалось в глубине. Статус мест определенно снижался по мере приближения ко входу. Соответственно на улицу, на передний план, выходили помещения служебного, сторожевого, подсобного, в лучшем случае, торгового назначения. Вот и получалось, что городские пространства обрамлялись строениями, зачастую, совершенно неказистыми. Обращалось внимание только на оформление парадных ворот.

Царь же воспринимал городскую застройку извне, со стороны общественных пространств, по которым он совершал свои церемониальные шествия. Ему не могла нравиться эта неказистость застройки, как-будто отворачивающейся от происходящего на улице. И он предписал хозяевам домов развернуться к нему лицом и «встать по стойке смирно». Общегородское парадно оформленное линейное пространство стало превалировать над внутриворовыми пространствами рядовых застройщиков. Все делалось для того, чтобы сразу же становилось понятно, кто хозяин в этом городе и в этой стране.

В древнерусских городах улицы принадлежали соседским общинам, то есть самим жителям посадов и слобод, теперь же эти жители должны были ретироваться и знать свое место. Внешний вид их домов стал по-казенному единообразным и регламентированным по ранжиру.

⁶³Ухналев А.Е. Дорожная сеть Санкт-Петербурга XVIII-XIX веков в контексте реновации городской среды // Реновация городской среды: исторические прецеденты. Колл. монография. Отв. ред.-сост. И.А.Бондаренко. М.-СПб., archi.ru – Коло. 2021. С. 105-148.

⁶⁴Каганов Г.З. Санкт-Петербург: образы пространства. М., 1995.

Слободы по традиции еще продолжали существовать. В Петербурге было немало военных слобод, относящихся к разным полкам. Но это были уже совсем не средневековые самоуправляющиеся территориальные общины. Древнерусская слободская структура городских посадов стала разрушаться еще в XVII веке под воздействием экономики и политики государства. Важную роль сыграл переход от слободского к подворному, а в XVIII веке, при Петре I, - к подушному налогообложению⁶⁵. Если при Алексее Михайловиче делались попытки вернуть всех беглецов и закрепить традиционную слободскую организацию, то при Петре I от этого отказались и разрешили свободную продажу тягловых дворов беломестцам, положив, тем самым, конец существованию посадской общинности. Принцип «разделяй и властвуй» восторжествовал.

Тогда же был установлен единый «Табель о рангах», зафиксировавший субординацию граждан по сословному и имущественному положению. Таким образом был запущен процесс кардинального изменения социальной стратификации города. Когда город складывался из родовых и профессиональных соседских кланов, получалось так, что старшие и младшие, богатые и бедные живут рядом друг с другом, вперемешку. Вот почему городская среда и получалась столь сложной, неоднородной, разномасштабной. Теперь же разные слои населения начали распределяться по соответствующим территориальным зонам. В реальности это не могло произойти в одночасье, но образ города нового типа появился, получил определенное обоснование и начал укореняться в общественном сознании.

Указы Петра I, предписывавшие ставить дома, как в Европе, по красным линиям улиц, воспринимались русскими людьми очень болезненно. Дело заключалось не в примизне этих линий, и даже не в требовании оформлять дома по европейским образцам. Придание прямоугольных очертаний планам домов и дворов и выстраивание их в единые «порядки» отвечало и средневековым правилам. Непривычна была строгость новых требований к выполнению этих правил. Впрочем, такая строгость могла даже нравиться горожанам – дескать, вот, появилась, наконец-то, крепкая власть, способная навести порядок в застройке! Что же касается насаждавшихся архитектурно-декоративных новшеств, то обычай предписывал верноподданным рассуждать примерно так: «на то он и царь-батюшка, чтобы все у него было диковинно, и чтоб давал он нам, холопам, свои предписания и образчики».

Оскорбленные бояре и непримиримые старообрядцы, конечно, осуждали Петра за бритье бород, переодевание в европейское платье и многое другое, но исконное мифоло-

⁶⁵ Сынтин П.В. История планировки и застройки Москвы. Т. I. М., 1950. С. 203-204.

гизированное восприятие неотмирной царской власти позволяло ему и «чудесить», и «рядиться», и впасть в необузданное самодурство. В этом отношении Петр I походил гораздо больше на древнего тирана, нежели на европейского просвещенного правителя⁶⁶.

Хуже всего дело обстояло с требованием выносить дома на передний край двора. В народе считали недопустимым жить на дороге, на юру, где, по преданиям, снуют неприкаянные души и бродят темные силы⁶⁷. Вельможи быстро нашли выход из положения при помощи создания курдонеров перед своими дворцами, отодвинутыми в глубину участков. Людям попроще пришлось смиряться и приспособливаться к новым требованиям. Впрочем, малые городские дворы уже давно обстраивались почти сплошь по периметру. Теперь требовалось делать это аккуратнее, придавая уличным фасадам надлежащий архитектурный вид. Но за этими фасадами еще оставалась возможность для устройства жизни по старине.

Обращение к европейским архитектурным образцам, как отмечалось выше, не было в диковинку для русских строителей, однако, в процессе строительства Санкт-Петербурга появилось совершенно новое требование, а именно: соблюдать буквальное сходство с этими образцами вновь возводимых построек. Очевидно, приглашенным Петром I иностранным архитекторам были даны соответствующие установки и полномочия. Отныне было решено механически переносить на русскую землю западное искусство, а не развивать с его помощью свое, «доморощенное».

На этой констатации можно было бы завершить рассмотрение процесса европеизации древнерусских городов. Однако, есть потребность пристальнее взглянуть в причины и следствия происшедшего при Петре I и его преемниках.

Обращает на себя внимание тот факт, что иностранных специалистов на службе у государя было не так много, как русских, съезжавшихся на строительство новой столицы чуть ли не со всей страны. На основании архивных документов М.В. Николаевой удалось показать, что частновладельческая застройка Санкт-Петербурга велась, преимущественно, силами вполне традиционных артелей во главе с опытными практиками, конечно, не бы-

⁶⁶ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого. (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 236-249.

⁶⁷ Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 155.

вавшими за границей и не имевшими профессионального образования европейского типа⁶⁸.

Тем не менее, эти артели справлялись с возлагавшимися на них обязанностями. О чем это говорит? Очевидно, об очень высоком мастерстве и большом опыте работы их руководителей по самым разным образцам. Это были те самые зодчие, которые умели создавать восхитительные произведения русской позднесредневековой архитектуры. Традиционно они были настроены на достаточно вольную трактовку образцовых форм, теперь же им пришлось поубавить свою фантазию и стать более внимательными к деталям. Вероятно, успеху дела способствовало использование европейских, хорошо выполненных проектных чертежей.

Приобретенный в Санкт-Петербурге опыт понадобился этим зодчим и в дальнейшем, поскольку государственная архитектурно-градостроительная политика пошла по пути насаждения новейших западных вкусов и искоренения своих застарелых средневековых привычек. Появилось унижительное для местных мастеров противопоставление профессионального искусства европейской пробы простонародному, самодеятельному, априори непрофессиональному, вернакулярному, как говорят сейчас. Состоятельные господа стали стесняться показывать наличие у себя рудиментов древнерусских традиций, хотя они, конечно, оставались. Поэтому дворянские усадьбы быстро превратились, хотя бы внешне, в барочные и классицистические виллы.

Синод развернул борьбу с традициями «само строя» в церковном зодчестве и стал упорно насаждать стилистически выверенные образцовые проекты храмов, а следом и культовых построек иных конфессий. Правда, в провинциальных городах и сельских местностях еще долго продолжали сооружать церкви и часовни «по старине». Особенно упорно сопротивлялись унифицирующей политике, как известно, староверы, ушедшие далеко от столичных центров. Но им вообще, как правило, приходилось довольствоваться часовнями, так как разрешения на устройство полноценных церквей не давалось.

Европейское барокко, а затем классицизм были насаждены в XVIII веке по всей Российской империи. Это было действенным средством воплощения политики собирания воедино огромной территории с ее очень разными региональными и этно-культурными особенностями. Трудно переоценить значение запущенной Екатериной II беспрецедентной по размаху программы перепланировки губернских и уездных городов на регулярной

⁶⁸ Николаева М.В. Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений – застройка и застройщики. М., 2013.

основе. Такого не было ни в одной западноевропейской стране. Напрашиваются лишь некоторые параллели с колониальной градостроительной практикой европейских стран.

Крупные старые города перепланировались не столь решительно и беспощадно, как малые. Уделялось внимание к их местоположению и сложившимся исторически трассировкам главных вылетных дорог. Поэтому их новые планы получались сложными и не совсем «правильными» по геометрии. Это допускалось, лишь бы все улицы и границы участков были прямолинейными⁶⁹.

Таким стал Нижний Новгород, например. Сильный природный рельеф не позволил подчинить весь план города единой схеме. Отрегулированный по частям, сохранивший древнерусский кремль и ведущие архитектурные памятники, город остался со своим характером, хотя и в «облагороженном» на новый манер виде.

Нельзя отказать в мастерстве создателям регулярного плана Ярославля, которые постарались сохранить замечательные ярославские церкви и провести границы центральной эспланады между ними. Эспланада начиналась от главного городского собора, стоявшего в древнем кремле («Рубленом городе»). Завершение этой эспланады сделали эффектным: в виде крупной трапеции, охватившей древнерусский храм Ильи Пророка. По оси и углам трапеции проложили проспекты, образовавшие трехлучие, сфокусированное на пластичном церковном объеме. Этот пример хорошо показывает, насколько творчески могли подходить архитекторы к реорганизации древнего города по новым европейским композиционным принципам. Правда, тот же пример обнаруживает насильственность увязки нового со старым, сохраненном в сильно урезанном виде.

Трехлучевые планировочные композиции выглядели привлекательно и воспроизводились не раз в проектах реконструкции российских городов, иногда с некоторыми искажениями, как в Воронеже. Очевидно, они служили знаками приобщения к знаменитому «трезубцу» Санкт-Петербурга, стягивающемуся к шпилью Адмиралтейства. Но российская столица, надо признать, не являлась в этом плане конечной инстанцией, ибо сама ориентировалась на западноевропейские образцы, в первую очередь на Рим, где трехлучие появилось еще в XVI веке. Кстати, именно римское трехлучие, начинающееся у городских ворот, было применено в новом плане Твери, созданном в России раньше всех других и трактовавшимся в качестве образцового.

⁶⁹ Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX веков. Серия «Русское градостроительное искусство». Под ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1998.

Идущие наискось лучи не всегда собирались в «пучки» по трое. Они бывали и одинокими, и асимметричными, иногда множественными, веерными и круговыми. Яркую выразительную веерную планировку получила Кострома. Великий Новгород, разделенный Волховом, решили распланировать почему-то по-разному: правую, Торговую сторону – в виде ортогональной решетки, а левую, Софийскую – веера лучей, устремленных на главный собор. Последнее было плодом новейшего осмысления изначальной градоформирующей роли Софии Новгородской, не находившего никакого подкрепления в реальной исторической планировке, тяготеющей на обоих берегах к прямоугольной, порядковой.

Разбивка городских территорий на прямоугольные кварталы, безусловно, преобладала в работе архитекторов и землемеров, как губернских, так и столичных. Иногда удавалось создать интересные сочетания прямоугольной, «картезианской» планировки с лучисто-косоугольной. Однако, в массе своей проекты перепланировки древнерусских городов, особенно малых, вызывают удручающее впечатление своей механистичностью, чертежной жесткостью и полным равнодушием к тем живым, естественным и неповторимым градостроительным образованиям, которые хладнокровно перечеркивались ими раз и навсегда.

Застройка городов по высочайше подтвержденным планам должна была осуществляться строго в соответствии с предписаниями, по образцовым проектам, под контролем полиции. Так «по военному» распоряжалось государство судьбами исторических поселений и их жителей. Неудивительно, что Екатерина II считала необходимым организовывать городскую жизнь с чистого листа, как-будто в прежние времена вовсе не было на местах никакого общества и никакого порядка⁷⁰. Древнерусскому наследию, как архитектурно-градостроительному, так и социально-культурному, было отказано в возможности эволюции: ему предписывалось отходить в прошлое и уступать место «просвещенной» современности.

Преобразованные города обрели небывалую объемно-пространственную и стилистическую целостность. В них теперь не допускалось случайное смешение построек богатых и бедных, так как первым отводились центральные, лучшие зоны, а вторым – периферийные, менее привлекательные и престижные. В каждом городе создавались особые дворянские улицы и дома Благородных собраний, купеческие и ремесленные кварталы, мещанские предместья, различавшиеся по местоположению и характеру.

⁷⁰ Грязнова Н.В. Идеальный образ города Российской империи // Реновация городской среды: исторические прецеденты. Колл. монография. Отв.ред.-сост. И.А.Бондаренко. М., - СПб., archi.ru – Коло. 2021. С. 149-172.

Снос многих средневековых оборонительных сооружений превратил города в поселения открытого типа, окраины которых мягко «перетекали» в сельское окружение. В этом окружении городов оставалось еще очень много признаков древнерусской патриархальной старины. Однако, и сюда стали проникать и внедряться нововведения, восходящие к европейским образцам.

Не отказываясь от крепостного права, имперские власти старались создать иллюзию идиллии, царящей на российской земле. Для некоторых сельских поселений тоже делались новые регулярные планы и проекты «улучшенных» на классицистический манер «образцовых» крестьянских изб. Многие деревни принадлежали помещикам и включались в более или менее богатые и благоустроенные усадебно-ландшафтные комплексы, которые получили благодаря екатерининскому «Декрету о вольности дворянской» стимул к развитию.

Дворянские усадьбы той эпохи – это большое культурное явление, активное изучение которого в последние десятилетия привнесло массу новых материалов и наблюдений в историю отечественной архитектуры и градостроительного искусства⁷¹. Городская жизнь была тогда неразрывно связана с усадебной, и наоборот. Дворяне жили в городах тоже в усадьбах, только более компактных. А в сельской местности, на просторе, они соревновались в создании умиротворенной пейзажной среды, в которой зачастую причудливо соединяли черты традиционного крестьянского быта со своими аристократическими манерами и фантазиями, воспевающими просвещенную Европу и античные древности одновременно.

Наиболее заметной переменной на селе стала разреженность и упорядоченность застройки, появление в ней специальных озелененных коридоров, что определялось, конечно, не столько сентиментальными идеалами, сколько прагматическими требованиями пожарной безопасности⁷². И в городах тогда многое делалось для минимизации пожаров. Здесь тоже старались не допускать излишней плотности и высотности застройки, хотя появились дополнительные вертикали - наблюдательные вышки каланчей (которые, надо сказать, составляли плохую конкуренцию прекрасно отрисованным силуэтам церквей и колоколен).

Пожары постоянно угрожали древнерусским деревянным городам и селениям и уничтожали их, порой, дотла. А те упорно восстанавливались все в том же виде, с той же

⁷¹ Русская усадьба. Сборник ОИРУ. №26 (42). Науч. ред.-сост. М.В. Нащокина. СПб., 2020.

⁷² Нугманова Г.Г. Российская деревня в последней трети XIX – начале XX века: «попечение о лучшем устройстве селений». Часть вторая «Постепенное улучшение их расположения» // Архитектурное наследство. Вып. 70. СПб., 2020. С.207-218.

скученной застройкой, стихийно растущей из-за тесноты ввысь. Но вот, настал переломный момент истории: на пепелищах старых «негодных» поселений появились вдруг совсем другие градостроительные объекты – аккуратные, размеренные, почти совсем безопасные, да еще и хорошо охраняемые от огня и разбоя. Это ли не счастье?

Вроде бы, «темному» Средневековью пришел конец. Вместе с тем, произошедшее можно назвать некой сказочной реализацией средневекового идеала. В Домострое XVI века, конечно, не предвиделось именно такое преобразование древнерусского города, но мечта о тихой, спокойной, упорядоченной и благочестивой жизни, подобной райской, там была выражена очень определенно⁷³.

В абсолютном своем выражении градостроительный идеал представлял в образе Нового Иерусалима, хорошо известного всем христианам по Откровению Иоанна Богослова. К нему устремляли духовные взоры и в эпоху Средневековья, и в Новое время. Монашеские общины издавна воспроизводили его в своих обителях, являвших собой подобие неба на земле. Социалисты-утописты Нового времени пытались воплотить в действительности все тот же идеал справедливости, равенства и братства, только освобождая его от божественности.

Эпоха абсолютизма отличалась такой концентрацией средств и полномочий в руках самодержца, что казалось - он сможет положить конец всем бедам и беспорядкам и сделать свою страну процветающей. В это хотели и начинали верить и подданные, когда обнаруживали признаки улучшения жизни. Вот чем объясняется популярность многих авторитарных правителей. Российские императоры и императрицы не сомневались в том, что ведут свой народ к счастью, правда, слабо представляя себе его настоящие нужды и чаяния.

Они мыслили отвлеченными категориями абсолютной гармонии, повсеместно насаждаемой и наглядно демонстрируемой средствами архитектуры. Справедливые законы и предписания, как и прекрасно вычерченные городские планы, образцовые фасады построек, восхитительные архитектурные ансамбли и театрализованные «потемкинские деревни» - все это создавало иллюзию благостного завершения истории и установления стараниями милостивого государя или государыни полной идиллии в жизни общества и страны.

Эта идиллическая картина подменяла собой ни что иное, как религиозную мечту о преобразении в конце времен земной действительности и обретении избранными вечной жизни в Новом идеальном городе вместе с самим Господом.

⁷³ Домострой / сост., вступ.ст., пер. и коммент. В.В.Колесова. М., 1990.

Упование на такого рода абсолютное счастье в рукотворном исполнении принято называть, вслед за Платоном, утопией. А.В.Иконников под этим углом зрения попытался рассмотреть развитие архитектуры и градостроительства всего XX века, а также и более отдаленных эпох⁷⁴. С ним хочется солидаризоваться в тех случаях, когда речь идет об обманчивости впечатления достижения абсолюта кратковременными иллюзорными средствами. Но если говорить о настоящем идеале, вдохновлявшем испокон веков архитекторов и все общество, то его не стоит называть утопическим. Он был религиозно-эсхатологическим, священным, не допускавшим профанации.

Изучая древнерусские градостроительные традиции и идеалы, я пришел к выводу о том, что сила средневекового идеалистического мировоззрения заключалась в нацеленности на сильное восхождение от бренного к нетленному, от земного к небесному. Цари и князья в той духовной парадигме не считались всевластными демиургами, их миссия была посреднической между мирами дольным и горним.

Это хорошо объясняет, почему средневековые поселения так сильно отличались от будто-бы «идеальных» городов Нового времени. Гармония первых была относительной, а вторых – абсолютной. Во всяком случае, по идее абсолютной - такой, что нельзя ничего «ни прибавить, ни убавить». Действительно, лучшие архитектурные постройки и ансамбли барокко и классицизма можно назвать абсолютно прекрасными и при этом очень «хрупкими», не терпящими вмешательства в их найденную раз и навсегда композицию. Средневековые же архитектурные комплексы допускают изменения и даже предрасположены к ним.

И все же, абсолютная гармония, на самом деле, никогда не достигается на земле полностью. Поэтому и перепланированные, перелицованные российские города оставались все-таки «живыми» и многосложными архитектурно-природными образованиями. Это только в проектных замыслах царило абстрактное геометрическое единообразие. В объемах, силуэтах, деталях наблюдалось немало различий, индивидуальных особенностей и контрастов, тем более, что дома строились не казной, а хозяевами на частные средства, по образцовым, но не типовым проектам.

Важнейшее значение имело сохранение многих старых церквей, колоколен, монастырей на своих исконных местах. Некоторые из них перестраивались или возводились вновь, получая сходство с главными петербургскими соборами, подражавшими, в свою очередь, великим купольным храмам католического мира.

⁷⁴ Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. В 2-х томах. М., 2001, 2002.

Как могли относиться местные жители к таким переменам в храмовом зодчестве? Прежде всего, как к очевидным признакам европеизации России. Ясно, что большинству оставались больше по сердцу древнерусские намоленные церкви. Однако, новые простые, светлые храмы с торжественными колонными портиками были привлекательны по своему. К какому именно из европейских стилей относились они, мало кто знал. А необычными по внешним формам, интерьерам и убранству бывали храмы и в древности.

Из сказанного следует, что древнерусские города не были уничтожены полностью и в Новое время, когда восторжествовала просвещенческая культурная парадигма с ее высокомерным отношением к средневековым традициям. Хотя максимализм градостроительной политики Абсолютизма сказался на судьбе российских городов гораздо сильнее, нежели это произошло в Европе, где нетронутым осталось множество подлинных образцов средневекового градостроительного искусства. Иными словами, европеизация России в отношении городов превзошла по своему размаху саму Европу.

Парадоксальность такой констатации объясняется тем, что в России под флагом европеизации происходило амбициозное укрепление государственной власти при подавлении традиционной самоорганизации гражданского общества. Вот в чем видится главная причина упадка древнерусских городов и их радикального преобразования, приведшего к тому, что при внешнем сходстве с европейскими, они оказались совсем иными по своему существу. Это становится особенно ясно при сравнении социального устройства российских городов с западными, в значительной мере сохранившими характер восходящих к Средневековью территориальных общин или коммун, от которых у нас практически ничего не осталось.

Итак, древнерусские города испытывали на себе некоторые европейские влияния, но вплоть до петровских преобразований эти влияния не имели фундаментального значения, поскольку вживлялись в процесс активного саморазвития позднесредневековой архитектуры и градостроительного искусства. В XVIII веке такое саморазвитие было остановлено и замещено перенесением на российскую почву готовых архитектурно-планировочных форм и приемов с Запада. Это, конечно, не означало, что Россия полностью интегрируется с Европой. У нее оставалось много неповторимого своеобразия, своих собственных политических и этно-конфессиональных амбиций, а вместе с ними и комплексов неполноценности.

Рассматривая исторический архитектурно-градостроительный материал, приходится сожалеть о том, что русские мастера, работая по-прежнему с образцами, были вынуждены стать теперь исправными копиистами и отказаться от традиционного генерирования неких добавочных художественных качеств в своих произведениях, ибо качества эти стали расцениваться как проявления местной самодеятельности при недостатке «настоящего» профессионализма. Это подорвало традицию преемственного развития русской архитектуры, которая уцелела отчасти лишь в практике крестьянского, «низового» строительства.

Огорчительно осознавать тот факт, что довольно скоро, по историческим меркам, в середине XIX - начале XX веков, когда появилось желание и потребность в возрождении самобытности русской архитектуры, «живую» народную традицию уже не смогли подхватить по-настоящему: все архитекторы, в том числе, самые талантливые, занимались этим как профессионалы с академическим, европейским образованием.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОГРАММНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОРОДОВ, ДЕРЕВЕНЬ И МЕЖСЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ГЛАВА II.1.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НЕВСКАЯ АКВАТОРИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: АРХИТЕКТУРНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Центральная акватория Невы с XVIII века по настоящее время является главным городским пространством Петербурга. Применение эпитета «главный» к оценке градостроительных объектов, отдельных городских ландшафтов может показаться некорректным и бессодержательным. Однако специфика Петербурга – города, который с самого своего начала был (и остается) городом пространства, дает основания для применения эпитетов столь же нестрогих и обобщающих, как и само петербургское «сфумато».

Прежде всего, следует очертить зону, пространственную систему и связанную с ней архитектурную среду, которую именуют центральной невской акваторией. Речь идет о водном пространстве Невы и сопряженных с ней ответвлениях речной дельты, о берегах Невы, проток и рек с их застройкой, об отдельных высотных доминантах, видимых с Невы и ее берегов, транспортных сооружениях (мостах), наконец о техногенных объектах, которые не относятся к разряду архитектурных сооружений, но нередко чувствительно воздействуют на впечатления зрителя.

Центральная невская акватория заключена в границах, доступных для обозрения с водной поверхности Невы против Петропавловской крепости. Зритель, находящийся в этом месте, может охватить взглядом пространство от излучины реки у Смольного монастыря до Адмиралтейских верфей на Большой Неве (пользуясь современными ориентирами) и до нового моста Бетанкура на Малой Неве.

В действительности, однако, это пространство, взятое в его градостроительном аспекте, менее объемно. Пространство, связанное с руслом Невы, в зрительном восприятии прерывается мостами. Таким образом, центральная акватория Невы с начала XX века по настоящее время ограничивается пространством от Литейного моста, Госпиталя на Выборгской стороне и истока Большой Невки до Стрелки Васильевского острова и мостов, соединяющих ее с берегами Невы. На протяжении первых 200 лет истории города протяженность пространства акватории менялась главным образом за счет появления и измене-

нии вида внутренних «перегородок» – мостов, членивших первоначальное целостное пространство, но с начала XX века ситуация стабилизировалась, и остается неизменной уже больше столетия.

Рис. 1. Стрелка Васильевского острова и акватория Невы. На виде с птичьего полета наглядно видна современная планировка Стрелки. Огромная внутренняя Коллежская площадь, окруженная зданиями Биржи, пакагузов и Двенадцати Коллегий уничтожена выстроенным на ней в эпоху упадка градостроительной культуры зданием клиники Отта.

Если рассматривать центральную невскую акваторию в историческом развитии, начиная с первых этапов строительства города, можно убедиться в том, что это пространство действительно занимало в городе петровского времени позицию центральной площади, аналогичной подобным градостроительным образованиям в городах, расположенных на суше. Анализу градостроительного значения невской акватории посвящено несколько научных работ, и тезис об акватории как центральной площади петровского города стал уже «общим местом» в градостроительной истории Петербурга. Следует отметить, что главенствующее градостроительное значение эта часть городского пространства сохранила до настоящего времени.

Содержание эпитета «главный» в применении к акватории состоит в ведущем градообразующем значении этого места. Вся структура первоначального города стягивалась к водной площади Невы и так или иначе была к ней привязана. Образ города как произве-

дения градостроительного искусства складывался на основании впечатлений, производимых пространством акватории и уже во вторую очередь архитектурой зданий на берегах в пределах видимости. Впоследствии именно берега Невы стали местом формирования выдающихся архитектурных ансамблей. В сущности, центральная нельская акватория вся стала целостным «мегаансамблем», включающим автономные в композиционном отношении архитектурные ансамбли и соединяющим их в архитектурно-пространственном единстве, художественный результат которого превышает простую сумму слагаемых.

Выше, при перечислении «действующих субъектов» акватории как художественной системы были указаны многочисленные технические объекты. С этой стороны восприятия и художественного осмысления акватории связано несколько проблемных моментов. Во-первых, говоря об эстетике, о художественной апперцепции акватории, следует отметить, что, строго говоря, градостроительный комплекс или систему акватории следует определять не как художественную, а как квазихудожественную. Красота места, его явная причастность градостроительному искусству является результатом сцепления и взаимного действия многих случайных и внехудожественных факторов. «Мозаика» градостроительной системы сложена из деталей различной природы, нередко плохо сочетаемых. Художественный характер она приобретает только через осмысление и мысленную переработку впечатлений в ключе восприятия, находящего эстетическое совершенство в случайном соединении всего, что образует, например, природный ландшафт и что составляет предмет пейзажной живописи.

В этом отношении городской ландшафт отличается от природного даже меньше, чем «дикий» ландшафт от паркового. Ведь сад, даже сад английский, ландшафтный, является всецело произведением искусства, в котором эстетически осмыслены и переработаны все элементы. Городской же ландшафт соединяет в неожиданном сочетании отдельные художественные объекты (ансамбли), намеренно создававшиеся как произведения градостроительного искусства, с численно превышающими их объектами, лишенными художественного содержания, внесистемными для ландшафта как произведения искусства.

Вторая проблема связана с поиском способа совмещения оценки техногенных объектов как факторов эстетики городской среды с характером их форм, свойств, исключающим их из ряда художественных объектов и не позволяющим применить к ним методологию искусствоведческого анализа. Это относится и к мостам, которые далеко не всегда задумываются и создаются как архитектурные объекты, включенные в художественную градостроительную ткань, и остаются сугубо функциональными сооружениями.

Градостроительный анализ центра Петербурга в аспекте модернизации городской среды требует выработки определения и установления границ модернизации в применении к историческому городу. Что значит модернизация городской среды? В чем состоит ее петербургская специфика? Только ясность в этих вопросах может привести к продуктивным выводам, касающимся локальной зоны, отдельного городского ландшафта. Модернизация это, в широком значении, обновление, осовременивание городской среды. В этом смысле всякое новшество, входящее в среду, всякий новый объект может рассматриваться как акт модернизации, не исключая даже пополнения среды воссозданиями утраченных в прежние времена сооружений.

В понятии модернизации, несомненно, содержится позитивная коннотация. Общество не готово признать модернизацией нововведения, снижающие качество жизни, какими бы современными они не были. Такое отношение обусловлено концепцией прогресса, с которой нераздельно связана европейская цивилизация, начиная с эпохи Возрождения. Действительно, прогресс это – последовательное движение к лучшему, а значит, любая новация в идеале должна иметь позитивную направленность, быть очередным шагом к улучшению качества жизни.

Это справедливо и для модернизации городской среды. Однако следует уточнить трактовку этого тезиса в применении к городу. Очевидно, что от мероприятий по модернизации общество вправе ожидать улучшения жизни, внедрения новых удобств «пользования» городом. Например, новые мосты улучшают сообщение между городскими районами. Но стратегия развития, модернизации города, в особенности исторического города, не может базироваться только на утилитарных соображениях. Если мероприятия по модернизации входят в противоречие с эстетикой исторического города-памятника и выступая под знаменем борьбы за комфорт обитания вторгаются в привычную городскую ткань и разрушают художественно ценные городские ландшафты, они отторгаются обществом. Модернизации, сопряженной с разрушением и попранием красоты места, в развитом обществе, сознающем ценность наследия и красоту среды обитания, не бывает. Эстетический фактор в процессах модернизации неизмеримо выше утилитарного фактора – настолько же выше, насколько психический дискомфорт, вызываемый вынужденным регулярным обозрением изуродованного ландшафта, превышает преходящие, как правило исправимые, физические неудобства.

Именно эти проблемы являются для специалистов-искусствоведов в области сохранения культурного наследия предметом исследования. В оценке технических и утилитарных проблем модернизации гуманитарий полагается на суждение урбанистов. Итак,

говоря о модернизации городской среды, мы сосредотачиваемся на эстетическом аспекте, анализируя, как и с какими последствиями события модернизации отразились на городе.

В среде искусствоведов и историков искусств существует молчаливое соглашение об исключении из научной терминологии понятия «красота», вообще о непризнании за красотой статуса разрешенного для применения научного термина. Переживание красоты считается всецело субъективным, а признание красоты произведения искусства, включая и город, демонстрацией личных вкусовых предпочтений, не претендующих на обладание статусом всеобщности.

Такое отношение в узкой профессиональной среде к общепонятному в языковой коммуникации эпитету рождает противоречие, влияющее и на научную методологию искусствоведческого анализа. Самый последовательный сторонник терминологической чистоты как специалист и как человек с «поставленным» вкусом все же неизбежно оценивает произведение с позиции его красоты. Эпитет «красивый» в скрытой форме («гармоничный», «пропорциональный», «композиционно уравновешенный» и т. п.) всегда присутствует в анализе и оценке произведения. Преодоление этого противоречия возможно через отмену нелепого и контрпродуктивного запрета на «красоту», по сути предрассудка, профанирующего искусствоведческую науку. Представляется, что и при анализе городской среды Петербурга, при оценке событий модернизации не резон избегать эпитета «красивый», употребляя его умеренно и уместно.

Следует сознавать, что модернизация городской среды лишь в редких случаях имеет характер единовременной массовой и комплексной акции, резко меняющей курс развития города к новым стандартам жизни, а вместе с этим меняющей и облик городских пространств. Обычно модернизация приходит по многим каналам, постепенно, в плановом порядке меня отдельные звенья инфраструктуры и не всегда проявляясь во внешнем облике города. Если обратиться к Петербургу, истории его строительства, можно видеть, что в первые два века его существования патриархальный городской быт и обслуживающая его инфраструктура почти не знали модернизации.

Иное дело – застройка города. Ведь рассматривая развитие застройки, обновление облика города с появлением новых зданий, ансамблей мы принимаем этот процесс в качестве особого вида модернизации – архитектурно-градостроительной. Каждое значительное здание-доминанта, каждый законченный архитектурный ансамбль существенно обновляет городской ландшафт, качественно изменяет его. Если эти изменения приводят к умножению красоты места, то такое обновление вполне соответствует предложенному выше толкованию модернизации как прогрессивного процесса изменения среды обитания,

улучшающего качество жизни не только в сторону большего телесного комфорта, но и в сторону совершенствования эстетической стороны «пользования» городом.

Обратимся к предмету исследования – Санкт-Петербургу и его невской акватории. В начальный период всякое строительное начинание в городе можно рассматривать как акт модернизации. В самом деле, каждое новое здание, возводимое на пустопорожном месте, резко и существенно обновляло, осовременивало ландшафт. По прошествии времени, когда отдельные очаги застройки соединились, образовав непрерывную ткань, заполнение лакун или замещение зданий новыми, более представительными сооружениями уже не давало того же эффекта, что в начальное время. Оценка новаций как событий модернизации теперь в большей степени, чем первоначально, зависела от физических размеров, места и качества архитектуры здания.

Однако несколько сооружений раннего времени долгое время не утрачивали своего первоначального значения элементов модернизации городской среды. В первую очередь это относится к колокольне Петропавловского собора. Задуманная Петром башня строилась с поспешностью, опережающими темпами по отношению к строительству самого собора. Установив приоритет колокольни перед храмом, царь демонстрировал свое отношение к башне как объекту с сильнейшим модернизационным потенциалом.

Колокольня собора во всех отношениях была новшеством для русской культуры. Наследие русской культовой архитектуры XVIII – XIX века, богатое высокими колокольнями, маскирует положение вещей в этой типологической «нише» в XVII веке. На самом деле в допетровской архитектуре России колокольни значительной высоты скорее исключение, чем правило (Иосифо-Волоколамский монастырь, московский Новодевичий монастырь). На протяжении столетий кремлевская колокольня Иван Великий оставалась по сути единственным образцом для строителей храмовых комплексов.

Традиция строительства высоких колоколен-башен начинает складываться только в конце XVII столетия (например, колокольня Иосифо-Волоколамского монастыря строилась в несколько этапов вплоть до 1690-х годов путем прибавления новых ярусов), а создание наиболее значительных башен относится к XVIII веку (Троице-Сергиева, Киево-Печерская лавры). Новыми для России были и архитектурные формы колокольни Петропавловского собора, опирающиеся на западные образцы – голландские и английские, хотя в Москве к тому времени уже существовал аналог западной по архитектуре колокольни со шпилем – Меншикова башня (кстати, превзошедшей высотой Ивана Великого).

Но именно такой камертон и требовался Петру для застройки Петербурга. Новая столица России должна была во всех отношениях служить форпостом модернизации

страны. Для центральной невской акватории Петербурга колокольня Петропавловского собора стала главной доминантой, определившей характер дальнейшей застройки невских берегов. Если рядовая застройка набережных линий и не производила яркого впечатления, она во всяком случае имела представительный вид. Панорама невских берегов не отличалась от подобных панорам европейских городов, что видно из сравнения рисованных и гравированных панорам петровского Петербурга с видами европейских городов, например, панорамой Варшавы конца XVII века.

Однако для образа прогрессивного города важнее отдельного, пусть даже исключительного по производимому им впечатлению, объекта была *система* доминант центра. Городское строительство создало целую сеть таких высотных доминант, образовавших своеобразное кольцо вертикалей, окруживших акваторию и, благодаря своему расположению за первой линией домов, создавших живописную игру планов, которая давала впечатление глубины городской застройки (на самом деле в петровские времена она не имела существенного развития вглубь суши). Речь идет о башнях Адмиралтейства, Кунсткамеры и Исаакиевского собора на западе панорамы и о башне Литейного двора, колокольне Пантелеймоновской церкви и шпице Партикулярной верфи на востоке и юго-востоке.

На востоке панораму невской акватории замыкало здание Морского и сухопутного госпиталя. Безусловно, выбирая место для госпиталя, Петр мысленно проводил аналогию с Гринвичским госпиталем в Лондоне на берегу Темзы. Вообще, в градостроительном становлении и развитии раннего Петербурга многочисленны аналогии с Лондоном конца XVII века. Например, лондонский Тауэр отразился в Петербурге параллелью Петропавловской крепости, а собор св. Павла К. Рена Андреевским собором на Стрелке Васильевского острова, который по не осуществленному проекту Никодемуса Тессина Младшего (этим проектом закончился поиск архитектурного решения собора) был завершён не менее впечатляющим, чем в Лондоне куполом. Наконец, колокольня Петропавловского собора находит аналогии в некоторых церквях послепожарного Лондона (ц. св. Мартина), на что указывали в своих работах Б. М. Кириков и А. Л. Пунин (в этом случае можно с уверенностью говорить о прямом влиянии лондонских образцов)⁷⁵.

Это, как и в случае с госпиталем, аналогии не прямые, они демонстрируют не зеркальное отражение лондонских образцов в ландшафте города на Неве, а скорее направлены на создание у опытного и просвещенного зрителя ассоциации Петербург – Лондон.

⁷⁵ Кириков Б. М. Прообразы композиции Петропавловского собора // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 2. Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. СПб., 1994. С. 19 ; Пунин А. Л. Петр I и Кристофер Рен. К вопросу о стилевых истоках петровского барокко // Искусство архитектуры. Сб. научных трудов / РАХ. СПбГАИЖСА им. И. Е. Репина. СПб., 1995. С. 34-42.

Петербург в этой оппозиции предстает городом, ни в чем не уступающим столице Великобритании и даже превосходящим ее тем, что Лондон, столица державы, претендующей на мировое лидерство, обретал свой представительный облик веками, тогда как Петербургу потребовалось всего лишь несколько лет, чтобы встать с Лондоном в один ряд и показать миру аналогии всем скопленным веками богатствам главного города Британии. Безусловно, в первую очередь провоцировал создание ассоциации с Лондоном такой петербургский географический фактор как река Нева. В соревновании с Темзой она побеждает, значительно превосходя лондонскую реку шириной и полноводностью.

Протяженное здание Госпиталя в Петербурге по концам было фланкировано павильонами анатомических театров со сложной формы кровлями. В центре здания располагался церковный корпус. Большую лакуну в истории строительства Петербурга при Петре составляет отсутствие проекта госпиталя или каких-либо современных его строительству изобразительных материалов, дающих представление об архитектурном замысле архитектора Д. Трезини⁷⁶.

Панорама невской акватории Алексея Зубова 1717 года снята с берега реки у Госпиталя. Но здание, остававшееся за спиной художника, не было им зарисовано; сложный замысел изображения не предполагал полной замкнутости панорамы. Однако выбор точки у Госпиталя свидетельствует о высокой значимости этого места для заказчика панорамы – царя Петра, задумывавшего гравюру как средство пропаганды российских достижений в Европе. По-видимому, Петр ясно сознавал, что именно эта точка позволит показать город в наиболее представительном виде, демонстрируя зрителю в лучших ракурсах и ландшафт, и застройку берегов с выдающимися зданиями-доминантами.

В нескольких сменившихся за время строительства госпитальной церкви проектах неизменной оставалась композиция церковного павильона в массах, предполагавшая несколько тесно поставленных высоких башенных объемов. В результате ни один из проектов первой половины XVIII века осуществлен не был, церковь была завершена только в начале следующего столетия уже в иных, несравненно менее выразительных архитектурных формах. Если бы ранние проекты храма были осуществлены, панорама невской акватории получила бы в этой части эффектное завершение. Даже в нынешнем виде, навсегда зафиксировавшем незавершенное состояние здания, госпиталь исключительно удачно «держит» восточную часть акватории, и должен быть признан градостроительной удачей Трезини, а всего вернее, самого царя Петра.

⁷⁶ Некоторые материалы по постройке Госпиталя и бытованию здания в XVIII веке приведены в кн.: Лисевич И. И. Доменико Трезини. Л., 1986.

Рис. 2. М. Махаев. Вид вниз по реке Неве со зданиями Академии наук. 1753. Фрагмент. В середине XVIII века Стрелку Васильевского острова украшали значительные здания Библиотеки и Кунсткамеры Санкт-Петербургской академии наук и бывшего дворца царицы Прасковьи Федоровны (справа), где помещалось правление Академии.

Госпиталь в восточной части невской акватории представлял собой только половину выдающегося градостроительного замысла центрального невского пространства. На Стрелке Васильевского острова в петровское время планировалось строительство главного городского собора, посвященного апостолу Андрею Первозванному.

Считается, что ковчежец с частицей мощей апостола был положен в основание Петропавловской крепости, однако это, по-видимому, только предание. В действительности реликвия оставалась в Троицком соборе и представляла собой икону апостола с частицей мощей, вмонтированной в серебряный оклад.

Известна история устроенного Петром конкурса на проект храма⁷⁷. Судя по известию об изготовлении модели, победителем конкурса стал Г. Киавери. В состязании участвовал также Т. Швертфегер. Ни один из поданных на конкурс проектов не сохранился или не выявлен. Император, по-видимому, не был до конца удовлетворен результатами состязания.

⁷⁷ Долбнин В. Г. Один из первых архитектурных конкурсов в Петербурге // Эстетические проблемы советской архитектуры. Межвузовский тематический сборник трудов. Л., 1979. С. 81.

здания, и незадолго до смерти заказал проект собора шведскому архитектору Никодемусу Тессину Младшему. Проект поступил в Петербург уже после смерти императора. Чертеж Тессина хранится в Государственном Эрмитаже. Собор по проекту зодчего представляет собой центрическое сооружение значительных размеров, перекрытое куполом.

На нескольких чертежах мастерской Д. Трезини Андреевский собор изображен наподобие Петропавловского с высокой колокольней со шпилем. Место для строительства храма первоначально было определено в створе Большого проспекта (канала) у здания Коллегий. В этой позиции собор получал ограниченное значение локальной доминанты, значимой только для Большой перспективы, но почти не участвующей в градостроительном комплексе Стрелки и акватории Невы у крепости, то есть в самом значительном для восприятия города месте.

Это, возможно, побудило к изменению плана застройки Стрелки с переносом места для собора. По новому варианту планировки Стрелки 1733 года храм находился перед зданием Коллегий восточнее прежнего места и ближе к Неве у оконечности острова. В новой позиции собор был бы хорошо виден с центральной невской акватории в широком разрыве застройки и активно участвовал бы в сложении невской панорамы. Две активные доминанты – госпитальная церковь и Андреевский собор удачно замыкали бы панораму с востока и запада, придавая завершенный вид масштабному градостроительному образованию центра петровского Петербурга. Если бы эти планы были реализованы, центральное пространство Петербурга уже тогда получило бы такой совершенный облик, какого не имела в то время ни одна из европейских столиц⁷⁸.

Панорама «водной площади» города в петровское время легко реконструируется по материалам истории застройки берегов Невы. Такая реконструкция, более наглядная, чем панорама А. Зубова, приводит к выводу о том, что центральная акватория Невы в то время имела все предпосылки стать уникальным для Европы градостроительным ансамблем, то есть внутренне согласованной художественно осмысленной пространственной системой градостроительно значимых архитектурных сооружений и элементов природного ландшафта. Более того, даже оставив в стороне планируемые, но неосуществленные части этой системы и имея в виду только то, что было построено и существовало, можно настаивать на заключении об ансамблевом характере акватории в петровское время.

⁷⁸ Сведения о ранних градостроительных планах Васильевского острова, равно как и репродукции планов приведены в публикации М. В. Иогансен: Иогансен М. В. Работы Доменико Трезини по планировке и застройке Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1973. С. 45–55.

Разумеется, речь идет не о намеренном создании тогда целостного завершенного архитектурно-градостроительного ансамбля. Время ансамблевого мышления в архитектуре еще не настало. Это время пришло через столетие вместе со стилем ампир, в котором архитектура перешагнула представление о самодостаточности здания, характерное для палладианского классицизма, и приняла новую установку, в которой здание рассматривалось в первую очередь как единица сложного архитектурно-градостроительного комплекса, получившего впоследствии, при теоретическом осмыслении явлений архитектуры название ансамбля.

Знаменателен этот феномен, опережающий общий ход эволюции европейского зодчества и, задолго до наступления эпохи градостроительного расцвета Петербурга во времена Александра I, демонстрирующий органическую предрасположенность петербургского ландшафта к реализации Петербурга в ансамблевой форме. Безусловно, эта судьба города, определившаяся и реально проявившаяся в первые десятилетия его истории, не только ставила Петербург уже в то раннее время в ряд славных европейских городов, но в архитектурно-градостроительном отношении выдвигала его вперед.

Такой ансамблевый характер акватории складывался ненамеренно, без целостного всеобъемлющего плана (хотя и не без активной воли строителей города), так что точность формулировок требует говорить здесь о квазиансамблевости. Однако неверно говорить и о спонтанности, случайности происшедшего. В событиях градостроительной истории центра петровского Петербурга ясно видно стремление к согласованию частей и понимание градостроительной деятельности как чего-то качественно большего, чем простое умножение числа выдающихся из рядовой застройки доминант.

В петербургском градостроительстве видно стремление к получению нового целостного результата, олицетворяющего прогрессивность, острую современность города. Петербург обликом своего центрального пространства декларирует, что в своем развитии он не следует путями, пройденными другими европейскими городами, но идет собственным путем согласованного и внутренне обоснованного создания городской среды, включающей в себя природный ландшафт как органическую составную часть. Безусловно, этот особенный «петербургский путь» сам по себе был явлением модернизации, независимо от того, что модернизация как таковая реализовалась в привычных и испытанных опытом европейского градостроительства формах.

Петровское время, как мы видим, определило общее направление, способы и средства обновления городской среды Петербурга. Их естество лежало вне частных, связанных со стилем, но определялось особенностями ландшафта невской дельты. В этом со-

стоит причина того, что на всем протяжении первого столетия Петербурга градостроительное развитие невской акватории имело преемственный характер. Значительные изменения в застройке Стрелки и берегов Невы не меняли ситуации радикально. С каждой новацией акватория последовательно приближалась к кульминации своего градостроительного развития в александровскую эпоху – уникальное в жизни города время, когда воля и вкус просвещенного монарха соединились с благоприятной ситуацией в художественной и экономической жизни страны.

Предпринятое выше подробное рассмотрение восточной части акватории, где ключевое значение принадлежало Госпиталю с высотной доминантой церкви, предполагает и требует обратить внимание на западную часть водной площади Петербурга. Если Госпиталь незаслуженно редко становился предметом интереса историков градостроительства, то ансамбль Стрелки Васильевского острова всегда был в центре внимания, и имеет богатую библиографию. Для рассмотрения вопроса о центральной акватории в аспекте модернизации городской среды существенной является история проектов градостроительного развития Стрелки и ее застройки.

В последние годы сделан значительный шаг к обновлению представлений о сложении ансамбля Стрелки. Выявлен относящийся к 1733 году проект застройки территории оконечности острова, существенно развивающий известный исследователям проект Д. Трезини 1720-х годов, и предопределяющий все реализованные впоследствии элементы планировки в этой части города⁷⁹.

На чертежах неизвестного архитектора (проект принято называть «планом архитектора Шеслера», однако, по-видимому, реально служивший в Академии наук архитектор Карл Фридрих Шеслер был только номинальным автором проекта) ясно определена главная планировочная ось, границы площадей и кварталов, положение, конфигурация планов и объемно-пространственное решение зданий будущего ансамбля. Есть основания для атрибуции этого проекта выдающемуся, но недооцененному архитектору петровского времени Теодору Швертфегеру, который и в других своих градостроительных проектах (ансамбль Александро-Невского монастыря) показал себя мастером в этой специфической области архитектурного проектирования.

Проект 1733 года исходил из локальной задачи по строительству нескольких зданий для Академии наук. Архитектор предложил на запад от Кунсткамеры симметрично

⁷⁹ О проекте см.: Борисова Е. А. О ранних проектах зданий Академии наук // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1973. С. 56 – 65 ; Ухналев А. Е. Малоизвестный проект планировки Стрелки Васильевского острова 1730-х годов // Архитектурное наследие. М. – СПб., 2017. Вып. 66. С. 69 – 80.

относительно ее главной оси построить реплику находившегося на востоке дворца царицы Прасковьи Федоровны. Таким образом, на набережной Невы создавался композиционно сбалансированный архитектурный ансамбль из трех представительных зданий.

С внутренней, «материковой» стороны предполагалось строительство длинного здания, состоявшего из двух соединяющихся под углом корпусов с павильоном в месте их соединения. Это здание определяло южную и юго-восточную границу просторной торговой площади, задуманной еще в петровское время. Но своим положением предложенное к постройке здание четко задавало также северную границу площади и главную ось всей планировочной системы Стрелки.

В самом деле, зеркальное отражение предложенного в проекте академического корпуса относительно оси, проходящей перпендикулярно протяженному фасаду Коллегий через его середину, образовывало идеально правильную по очертанию границ площадь в виде равнобедренной трапеции (ее большим основанием служило здание Коллегий). При этом ось площади, проходящая, как сказано, через середину здания Коллегий, выходила в точности на оконечность Стрелки, предопределяя положение «замкового камня» планировки всей системы, каким через 70 лет стало здание Биржи Ж.-Ф. Тома де Томона.

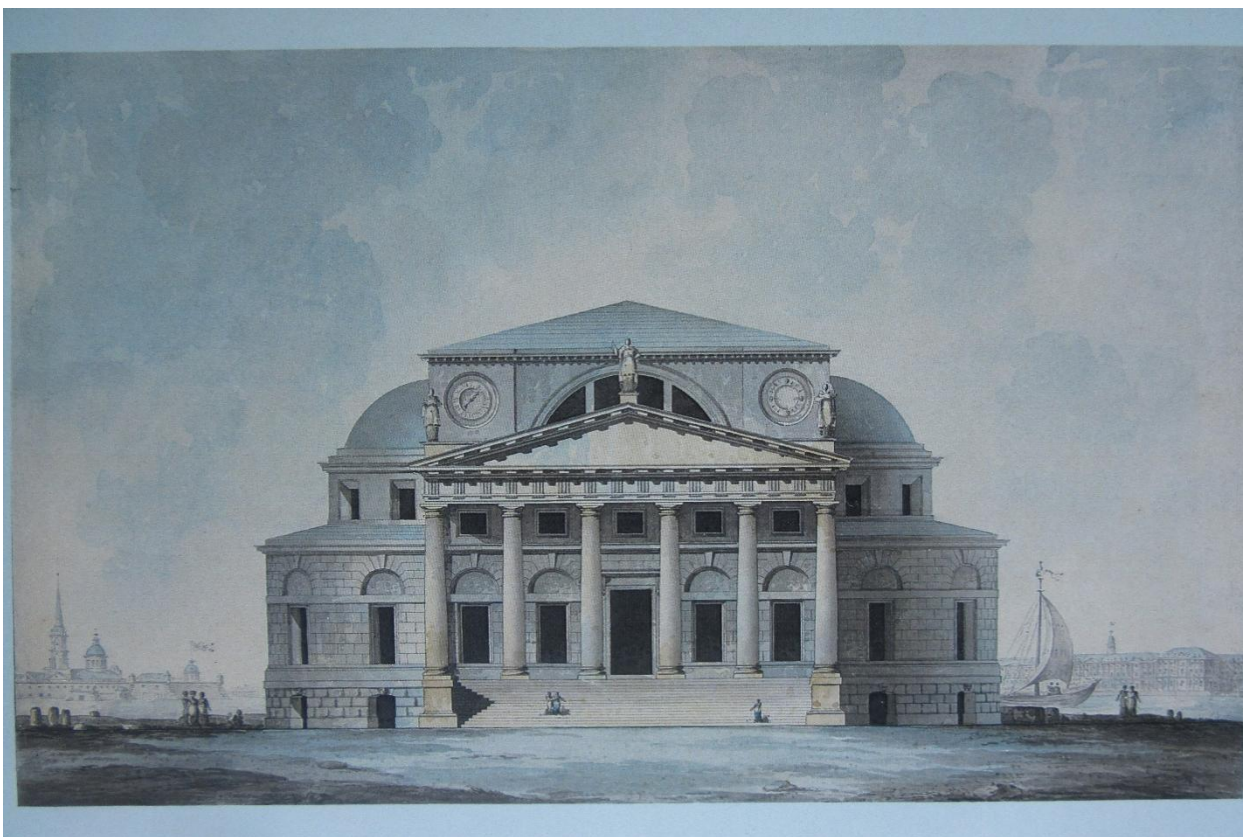

Рис. 3. Дж. Кваренги. Здание Биржи на Стрелке Васильевского острова. Восточный фасад.

Этот проект остался бы в забвении в ряду нескольких других отвергнутых проектов планировки Стрелки, если бы последующая история проектирования и застройки этой части города не велась в соответствии с определенными в нем принципами, закрепленными проектом урегулирования Васильевского острова архитектора Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы А. Квасова, утвержденным в 1767 году⁸⁰.

Одним из начальных шагов к реализации проекта стало возведение здания Академии наук по проекту Дж. Кваренги в 1783 году. Здание построено в точности на месте, определенном проектом 1733 года для реплики дворца царицы Прасковьи Федоровны. При этом общие габариты здания Академии, запроектированного Кваренги, абрис плана, членение фасада по вертикали повторяют соответствующие характеристики дворца царицы. (Это обстоятельство было замечено внимательным исследователем творчества Кваренги М. Ф. Коршуновой, но осталось без объяснения⁸¹).

Необходимо отметить, что в то время старый дворец царицы Прасковьи, в котором располагалось правление АН, был цел и сохранял свой первоначальный вид. Эти факты в совокупности дают веские основания для предположения о том, что возведением дома Академии наук начиналась реализация обширного замысла обновления *всего* комплекса зданий на Стрелке. Очевидно, что следующей позицией этого плана должна была стать переделка архаичного для вкуса второй половины XVIII века фасада дворца царицы Прасковьи в палладианском духе. Иначе говоря, дворец должен был получить тот же фасад, что и новое здание Академии. Именно для этого Кваренги придал строящемуся зданию АН габариты и план «старинного» дворца петровского времени. К счастью для зодчего, пропорции фасада и форма плана этого здания не препятствовали приданию ему палладианских архитектурных форм.

С другой стороны, сходство двух разновременных построек объясняет недоумение, связанное с применением Кваренги в проекте здания Академии некоторых не характерных для его построек приемов. Это большая, чем обычно у Кваренги, ширина межоконных простенков (на стене между ризалитами), разный ритм оконных проемов в ризалитах и на центральной части фасада (обычно архитектор сохраняет единый ритм проемов на всем фасаде здания). Такое необъяснимое «выпадение» дома АН из обычной для архитектора системы легко находит объяснение и оправдание в том, что Кваренги в проекте АН был связан необходимостью воспроизвести схему фасада старого дворца, чтобы завершить ан-

⁸⁰ О проекте планировки Стрелки Васильевского острова Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы см.: Иогансен М. В. Работы Кваренги на Стрелке Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII – первой половины XIX века. Материалы и исследования. М., 1979. С. 7 – 17.

⁸¹ Коршунова М. Ф. Джакомо Кваренги. Л., 1977. С. 40.

самблевый замысел приданием дворцу царицы одного вида (одного во всем!) со вновь возведенным зданием АН.

Из общей ансамблевой композиции из трех зданий, два из которых предполагалось оформить единообразно, выпадала Кунсткамера. Но, признавая это, мы не имеем оснований отказаться от предположения о том, что Кваренги мог включать в свой замысел также и переделку фасада петровской Кунсткамеры, как это сделал впоследствии А. Захаров в своем грандиозном проекте Академии наук 1804 года.

Строго говоря, здание АН Кваренги все же отличалось по своим габаритам от дворца царицы. Это видно на черновом чертеже Стрелки Тома де Томона⁸², на котором архитектор искал оптимальное планировочное решение ансамбля Биржи с учетом значительных изменений планировки комплекса построек АН, вносимых утвержденным императором проектом А. Захарова. Длина фасада дворца царицы Прасковьи, ширина центрального и боковых ризалитов этого здания была меньше, чем у здания Кваренги. Приводя на своем проекте к единому виду фасады двух симметричных зданий, А. Захаров намеревался уравнивать их габариты и членения пристройками к дворцу царицы (на чертеже Томона они хорошо видны, так как выделены цветом).

Ссылка на проект А. Захарова при анализе проектов планировки Стрелки обязывает сделать ремарку с объяснением непростой ситуации, сложившейся в 1804 – 1805 гг. в проектной работе по реконструкции этой части города. Планировкой Стрелки и проектированием отдельных зданий на ней одновременно занимались Ж.-Ф. Тома де Томон и А. Захаров: первый – в рамках составления проекта Биржи и торгового порта, второй как создатель грандиозного проекта перестройки комплекса задний Академии наук. Оба проекта были одновременно утверждены императором. Биржа занимала ключевую градостроительную позицию, и Томон сознавал, что этим обусловлено его ведущее положение. Однако статус утвержденного проекта Захарова обязывал Томона согласовывать свои проектные решения с коллегой.

Усугубляло сложность ситуации активное участие в работе Кваренги, который, безусловно, считал себя полноправным участником проектирования на основании того, что все ключевые части ансамбля (старая недостроенная Биржа, здание АН) принадлежали ему, как и сама идея трехчастной композиции с Кунсткамерой в центре и фланкирующими ее одинаковыми зданиями Академии. Именно документально подтверждаемая активность Кваренги убеждает в том, что трехчастный комплекс зданий в рамках более ши-

⁸² НИМРАХ, А-193.

рокого ансамблевого замысла, включающего Биржу, принадлежал итальянскому зодчему, отстаивавшему теперь свое право автора идеи, подхваченной и развитой молодым конкурентом Захаровым (Кваренги было тогда 60, а Томону и Захарову по 45 лет).

О размахе и комплексности замысла Кваренги свидетельствует то, что в 1781 году, почти одновременно с Академией наук, на Стрелке было заложено еще одно значительное здание по проекту зодчего – Биржа. Она находилась немного севернее дворца царицы Прасковьи. Криволинейная линия берега на оконечности острова не позволяет говорить о четкой «красной линии» застройки набережной в то время. Капитальной каменной набережной на этом участке еще не было. На черновом плане Томона наглядно показана неровная, «дикая» линия берега. Однако Биржа, безусловно, мыслилась встроенной в ряд, образуемый соседними зданиями, стоящей как бы в линию с ними – так, как в едином строю на «красной линии» стоят здания на прямых участках других набережных Невы. По отношению к существующему зданию Томона Биржа Кваренги находилась на юге – юго-западе.

Во всех трудах о творчестве Кваренги повторяется общее суждение о неудаче зодчего в амплу градостроителя. Говорится о том, что Кваренги «не уловил важной тенденции русской архитектуры – интереса к архитектурному ансамблю»⁸³. Предваряя аргументацию излишней категоричности этого заключения, отметим, что показанная выше ситуация на Стрелке, где Кваренги единолично и одновременно занимался составлением проектов и приступил к строительству двух значительных для оконечности острова и всей невиской акватории зданий, а фактически трех скоординированных в пространстве города и решенных в единой стилистике объектов, однозначно свидетельствует о целенаправленном создании целостного архитектурного ансамбля. Одно лишь это является свидетельством не только «интереса к ансамблю», но и активной практической попытки его создания.

Отдельный вопрос состоит в том, в какой мере повлияли на сложение ансамбля Кваренги внешние, внехудожественные обстоятельства. Исследователи не склонны обращать на них внимание, видя в успехах или неудачах архитектора-градостроителя преимущественно следствие его творческих усилий, зависящих только от таланта, воображения и опыта. Однако в работе архитектора, в особенности архитектора-градостроителя многое вовсе не зависит от творческих усилий.

В случае со Стрелкой Васильевского острова следует сознавать, что, во-первых, решение о создании комплекса построек не было в воле архитектора. Инициатором столь

⁸³ Коршунова 1977. С. 43.

крупного проекта, оплачиваемого из государственной казны, была императрица (поводом для возведения приличествующего статусу Императорской академии наук здания стал 50-летний юбилей научного учреждения, основанного Петром I в 1724 году). Маловероятно, что живо интересующаяся архитектурой Екатерина приказала архитектору сделать проект столь важного для центра города здания, не высказав собственных пожеланий. Насколько значимы для ансамбля были указания монархини, мы никогда не узнаем.

Имея свидетельства о характере Екатерины, стиле ее поведения с подчиненными и полностью зависимыми от ее воли людьми, мы можем утверждать, что ее указания не предполагали возможности обсуждения, тем более, дискуссии. Идея одинакового оформления фасадов двух академических зданий является ключевой для этого ансамбля. Характер идеи таков, что она должна была исходить от главного действующего лица истории – того, кто инициировал обновление Стрелки, то есть самой императрицы. Повторим, что истинных обстоятельств этого дела мы не узнаем. Разговоры Екатерины с архитекторами в тех случаях, когда они случались (а в большинстве случаев распоряжения и задания монархини передавались через придворных чинов, например, И. И. Бецкого), не протоколировались и исследователям неизвестны. Поэтому мы не можем судить о степени участия Кваренги в замысле обновления Стрелки.

Роль архитектора могла быть решающей, если он действительно видел в своем воображении ансамбль зданий, и у него была возможность представить свои идеи императрице в виде эскизов. Но могло быть и так, что Кваренги передали повеление, в котором уже были изложены ключевые позиции архитектурного замысла.

В графическом наследии Кваренги есть чертежи фасада вновь возводимого здания Академии, однако нет чертежей комплекса из трех зданий. Если бы замысел ансамбля принадлежал Кваренги, и зодчий очно или в заочной форме, т. е. путем представления государыне проекта через кого-либо из царедворцев мог донести ей свои соображения, чертеж развертки набережной, безусловно, был бы сохранен и был бы известен исследователям его творчества. Это обстоятельство, как кажется, косвенно свидетельствует о том, что замысел ансамбля был «спущен» Кваренги «сверху» – от императрицы.

Впрочем, и от грандиозного проекта Академии наук А. Захарова, о котором упоминалось выше, остались только планы. Чертежи фасадов затерялись⁸⁴. По-видимому, самая эффектная часть проекта хранилась отдельно от менее интересной для заказчика части подачи – планов зданий. Это обстоятельство привело к тому, что единый комплекс про-

⁸⁴ Два варианта поэтажных планов комплекса зданий Академии наук А. Захарова хранятся в НИМРАХ.

ектных материалов разошелся по разным местам хранения, и со временем было забыто, какому зданию принадлежат чертежи фасадов.

Но не одно это решало судьбу будущего ансамбля. Следует помнить, что Стрелка в то время уже была освоена, и возможность нового строительства определялась наличием свободных «пятен». Западнее Кунсткамеры действительно имелось свободное место, которое издавна было закреплено за Академией на случай, если будет разрешено строительство на нем здания. Но до этой поры пустопорожнее место было частью площади перед Коллегиями. Этой площадью дорожили, не торопясь ее застраивать, поскольку в широкий разрыв в береговой застройке (от Коллегий до Кунсткамеры) с Невы открывался вид на длинный фасад правительственного здания, которое в случае появления здесь нового сооружения перестало бы участвовать в панораме невских берегов.

На восток от дворца царицы незастроенным оставалось только место между дворцом Прасковьи Федоровны и несколькими обывательскими домами (Глухова, Демидовых), занимавшими самую оконечность Стрелки, то есть, ключевую для ансамбля позицию. Таким образом, вариантов выбора участка для Биржи не было. Как видно, императрицу это положение устраивало. Она обзревала Стрелку из окон Зимнего дворца, и с этой позиции оценивала архитектурные достоинства будущих зданий и городского ландшафта.

Считал ли Кваренги удачным это положение Биржи, судить невозможно, но он был вынужден строить здание на предоставленном ему участке. В его воле и возможности оставался только выбор такого архитектурного решения Биржи на назначенном для нее месте, которое продолжило бы уже почти законченный комплекс из трех академических зданий и стало бы следующим шагом к достойному ансамблевому завершению всей застройки Стрелки.

Как сказано, оценивая Биржу Кваренги, обычно отдают должное архитектуре, но градостроительное решение признают неудачным. В подтверждение приводится сопоставление положения Биржи у Кваренги и у Томона. У Кваренги ось здания направлена иначе, чем у Томона. Различие составляет около 20 градусов (на совмещенном плане Томона, где показаны обе Биржи, разница составляет 14 градусов, но трудно судить о точности геодезической съемки, почему и приходится прибегать к приблизительной оценке⁸⁵). Это различие в положении зданий многое решает. Биржа Томона кажется полностью повернутой передним фасадом к Неве, а здание Кваренги главным (т. е. восточным) фасадом в большей степени обращено к левому берегу Невы, к Дворцовой набережной.

⁸⁵ НИМРАХ. Инв. № А-195.

Впрочем, раствор угла в 14 градусов не таков, чтобы дать основание говорить о развороте Биржи Кваренги к Зимнему дворцу. План города наглядно показывает, что передний фасад Биржи из окон дворца был виден в ракурсе, а вовсе не ортогонально. Между тем, авторы изображений Стрелки с Биржей, в первую очередь сам Кваренги, зарисовавший вид на Стрелку из окон своей квартиры в Эрмитажном театре, для усиления эффекта невольно или намеренно изображают на рисунках Биржу почти ортогонально.

Интересно, что и Томон в описании Биржи, приведенном им в гравированном издании своих проектов, прегрешает против истины, заявляя, что его Биржа «обращена фасадом к императорскому дворцу». На генплане Биржи и зданий Стрелки⁸⁶ зодчий особо (в надписи на поле чертежа) отмечает положение не попадающего в рамку плана императорского Зимнего дворца, как бы включая его в городской ландшафт, а точнее, задавая на плане ось визуальной связи Биржи и дворца и сообщая ей первостепенное значение.

Томон как бы повышает этим ценность своего здания, устанавливая причастность ансамбля к жилищу императора, к тем видам, которые обозревает сам государь (известно, как дорожил Александр видами из окон дворца, не остановившись пред большими тратами на перестройку Адмиралтейства, когда стало ясно, что здание закроет эффектный вид из окон его кабинета).

Архитектора не смущает искажение истины, ведь реальное положение Биржи не дает оснований для его заявления. Но Томон настолько уверен в удачном положении здания и красоте вида на Биржу из Зимнего дворца (и уверен справедливо), что начинает искренне полагать, что его здание отдает лучший свой ракурс августейшему зрителю невиской панорамы.

Но если, возвращаясь к сопоставлению зданий, реконструировать основания, которые определили действия архитекторов, оценка проектов будет менее категоричной. Интересно одно наблюдение. Представляя по памяти вид на Стрелку, любой уверенно скажет, что Биржа Томона полностью повернута фасадом к невиской акватории и расположена на ее срединной линии. На самом же деле, рассматривая Стрелку с расстояния, можно убедиться, что ось Биржи Томона не совпадает с осью водного пространства и имеет отклонение от оси акватории к правому берегу. Если смотреть с Троицкого моста, видно, что ось Биржи пересекается с мостом не на его середине, а на ближайшем к правому берегу металлическом пролете.

⁸⁶ НИМРАХ. Инв. № А-193.

Получается, что ни Кваренги, ни Томон не связали жестко свои здания с осью акватории. Каждый из них уклонил ось здания. Кваренги дал Бирже поворот к югу. У Томона ось Биржи имеет одно направление с осью акватории, но перенесена параллельно ей к правому берегу.

Кваренги важно было, чтобы Биржа хорошо обозревалась с Дворцовой набережной. Мостов на этом отрезке Невы в то время не было, и вид на Биржу с реки не принимался во внимание. Вид от крепости и с берега Петербургской стороны, где располагались утилитарные объекты (пеньковые склады), тоже не имел значения. И, надо признать, архитектор отлично расположил здание. Его фасад почти фронтально виден с левого берега реки от Зимнего дворца до Летнего сада. Это именно та дистанция, ради вида с которой на Биржу архитектору имело смысл стараться.

Следует отметить, что эти наблюдения уже были однажды сделаны и опубликованы М. В. Иогансен в глубокой и содержательной статье 1979 года⁸⁷, но остались без внимания со стороны писавших впоследствии о творчестве Кваренги авторов, например, В. И. Пилявского⁸⁸. М. В. Иогансен же в свою очередь ссылается на суждение Ю. А. Егорова, высказанное в публикации 1961 года, где автор отмечал, что положение Биржи у Кваренги рассчитано на благоприятное обозрение здания от центральных районов города, и в этом отношении удачно⁸⁹. Так что, «реабилитация» Кваренги как градостроителя имеет свою историю, впрочем, так и не переломившую традиционную негативную оценку деятельности зодчего в сфере градостроительства.

Отметим еще несколько градостроительных удач, связанных с Биржей Кваренги и доказывающих состоятельность подхода зодчего. Биржу Кваренги на панораме невских берегов следует рассматривать совместно со зданием Троицких провиантских магазинов, построенным архитектором Федором Демерцовым в 1808 году. Магазины – большое здание с монументальным фасадом – были возведены на Троицкой площади.

Неоднократные подсыпки берега Невы в районе площади настолько изменили ситуацию в этой части города, что положение магазинов, стоявших примерно на месте внутреннего корпуса здания Дома политкаторжан – того корпуса, что стоит вдоль упраздненной Петровской улицы, может показаться странным. Однако в те времена магазины занимали место оправданно – на восточной границе Троицкой площади параллельно линии

⁸⁷ Иогансен М. В. Работы Кваренги на Стрелке Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII – первой половины XIX века. Материалы и исследования. М., 1979. С. 7 – 17.

⁸⁸ Пилявский В. И. Джакомо Кваренги. Архитектор, художник. Л., 1981.

⁸⁹ Егоров Ю. А. Ансамбль в градостроительстве СССР. М., 1961. С. 62 – 63.

берега (Нева в то время покрывала почти половину Троицкой площади, рассекая ее по диагонали).

Положение магазинов было чрезвычайно удачным в градостроительном отношении. Подобно Бирже Кваренги, здание Демерцова было так развернуто к Неве, что его монументальный фасад с портиком почти фронтально обозревался с Дворцовой набережной на всем ее протяжении от Зимнего дворца до Летнего сада. Троицкие магазины давали в восточной части панорамы правого берега Невы достойный ответ Бирже Кваренги.

Кваренги не мог учитывать возможного эффекта «созвучия» его Биржи и магазинов Демерцова, которые строились много позже здания на Стрелке. Но, как видно, сама атмосфера александровского царствования, в которой зарождались и осуществлялись грандиозные архитектурные ансамбли Санкт-Петербурга, побуждала к расширенному видению последствий строительства в значимых точках города, предполагающему координацию проектов как обязательную часть проектной работы.

Даже в обстоятельствах неизвестности будущей картины места, пребывающая до поры в одиночестве Биржа Кваренги побуждала к осуществлению рядом с ней проектов, разрешающихся архитектурно-градостроительными ансамблями, что и произошло в 1808 году, когда Демерцов увидел и оценил возможность «созвучия» его здания и Биржи Кваренги, расширив этим границы ансамбля Стрелки на всю невскую акваторию.

Тома де Томон исходил из иных, нежели Кваренги, соображений. Он хотел не только оформить фасад Стрелки, но видел необходимость связать в единую градостроительную композицию всю ее застройку. Однако самый логичный и изящный способ сделать это уже был найден Т. Швертфегером за 70 лет до Тома де Томона и за 30 лет до А. Квасова, фактически зафиксировавшего на своем плане планировочную схему выдающегося зодчего петровской и аннинской эпохи. Ко времени Томона это решение уже было частично реализовано. Построенный в 1780-е годы по проекту Кваренги в соответствии с планом Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы северный пакгауз определил конфигурацию серповидной Биржевой площади и зафиксировал положение и направление ее оси⁹⁰.

Подход Томона несколько формален. В жестком следовании заданным осям вопреки местным условиям нет гибкости. Но, по-видимому, архитектор по своему опыту понимал, что неизбежный в этой диспозиции ракурс в обозрении Биржи с невской акватории

⁹⁰ Основания для атрибуции Кваренги и точной датировки строительства северного пакгауза и Нового гостиного двора на Стрелке приводятся М. В. Иогансен в: Иогансен М. В. Работы Кваренги на Стрелке Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII – первой половины XIX века. Материалы и исследования. М., 1979. С. 7–17.

на деле не будет иметь значения. Восприятие зрителя будет отсекаать видимый в перспективе боковой фасад здания и концентрироваться на его невшем фасаде.

Томон поместил свою Биржу на оси Коллежской площади. Эта ось, перпендикулярная фасаду Коллегий и параллельная серединной линии невской акватории, и определила разворот фасада Биржи к Неве. Причем, выполненные Томоном генпланы ансамбля выявляют интересный момент. Ось Биржи (она же ось ансамбля в целом) не проходит через павильон Готторпского глобуса, хотя, казалось бы, этого требует градостроительная логика, стремящаяся к увязке всех значимых объектов системы. Однако топографическая съемка показала, что положение павильона не совпадает с геометрическим центром композиции. Томон же, стремящийся к геометрической точности, не согласился на решение, в котором ось Стрелки переместилась бы на несколько саженей к югу только ради того, чтобы пройти через павильон.

Здесь Томон вновь демонстрирует исключительную рациональность своего подхода. Как в отношении видов на Биржу с невской акватории архитектор игнорирует несущественные для общего впечатления неудачные ракурсы, так и на Коллежской площади он сознает всю незначительность для общего впечатления несовпадения оси и павильона. Томон принципиален в своем отношении к геометрической правильности плана, но гибок в отношении к неизбежным неправильностям, не разрушающим общее впечатление. Возможно, Томон предполагал в ближайшем будущем убедить Академию в необходимости сноса ветшающего павильона, опустевшего после возвращения глобуса в здание Кунсткамеры. Однако на эрмитажном подносном чертеже 1804 года Томон все же не удержался от того, чтобы изобразить павильон на оси композиции, понимая, что никто кроме него не догадывается об истинном положении здания.

Ключевой в истории застройки Стрелки вопрос о том, кем из трех архитекторов определено положение Биржи, невозможно разрешить на основании текстовых канцелярских документов, содержание которых далеко от геометрии и топографии. В сущности, в этом случае вопрос об авторстве замысла сводится к тому, кем и по каким соображениям намечена главная ось композиции Стрелки, ось, проходящая через здание Биржи и определяющая ее ориентацию в системе невской акватории.

Отмеченное выше участие Кваренги в работах по завершению ансамбля Стрелки оставило свой след на чертеже 1804 года. Это генплан комплекса зданий Академии наук, как принято считать являющийся частью проекта архитектора А. Захарова по реконструк-

ции зданий АН и Кунсткамеры⁹¹. Чертеж подписан А. Захаровым, однако трудно сказать определенно, в качестве автора или по обязанности члена Комиссии о построении Биржи и обложении неевского берега камнем. Чертеж также не дает возможности уверенно определить, какому из двух вариантов проекта АН, предложенных Захаровым, он соответствует (впрочем, на генплане они выглядят практически одинаково).

Исследователи традиционно видели в этом чертеже прямое доказательство того, что именно Захаров определил положение Биржи, сообщившее ансамблю Стрелки завершённый вид. Томону же при этом отводилась только роль автора архитектурного решения биржевого здания, Ростральных колонн и набережной. Представляется, что такое упорное желание связать ключевое для ансамбля решение с именем русского зодчего является повторяющимся запоздалым рецидивом известной и повсеместной в свое время кампании по борьбе с космополитизмом. Этим оно само себя дискредитирует. Проектные планы Томона и весь исторический контекст строительства свидетельствует о том, что французский архитектор, связавший свою судьбу с Россией, безусловно, был способен самостоятельно выбрать положение Биржи и сделал это сам.

Ось здания Биржи Томон определил на своих предварительных чертежах 1804 года, и ее положение воспроизведено архитектором как минимум на двух чистовых его чертежах (в НИМРАХ и ГЭ). Причем, на эрмитажном подносном чертеже 1804 года⁹² Томон изображает эту ось пунктирной линией, особо подчеркивая ее, как бы призывая рассматривающих чертеж убедиться в том, что только такое направление оси (перпендикулярно Коллегиям через середину фасада здания) вносит в систему Стрелки четкий геометрический порядок. Если рассматривать упомянутый выше черновой чертеж Томона 1804 года (НИМРАХ), то и на нем Биржа расположена на той же оси, перпендикулярной Коллегиям и исходящей из середины фасада (7-й от Невы ризалит).

Выдающийся ученый, знаток русской архитектуры XVIII столетия Г. Гримм как уважающий себя профессионал и человек избегавший, насколько это было возможно, вульгарных конъюнктурных суждений в таких вопросах, в книге о Захарове 1940 года осторожнее оценивал ситуацию в проектировании Биржи: «Отсутствие документальных материалов не дает возможности решить принципиальный вопрос, который из двух проектов – Биржи или АН возник раньше, и знал ли один из авторов о проекте другого. Они, в сущ-

⁹¹ Чертеж впервые воспроизведен в: Тимофеев А. Г. История С.-Петербургской Биржи... СПб., 1903. С. 38, и впоследствии многократно публиковался в изданиях, посвященных творчеству А. Захарова. В настоящее время, как выявлено Иогансен, чертеж хранится в РГИА: ф. 1424, оп. 2, д. 424, л. 1.

⁹² ГЭ ОР-23538. Опубликовано в: Шевченко В. Г. Произведения Тома де Томона. Каталог коллекции. СПб., 2010. Ил. 36. План впоследствии был издан в гравюре для издания работ Тома де Томона.

ности, игнорируют друг друга. Большая слаженность чувствуется в решении генплана, где несомненным центром является Биржа, тогда как в натуре, если бы здание Академии было построено по проекту Захарова, оно образовало бы независимый центр, не подчиненный и не связанный с Биржей»⁹³.

Разбирая эту пространную цитату, можно легко прийти к выводу о беспочвенности сомнений ученого. Прежде всего, рассматривая два имеющихся изображения невского «фасада» Стрелки начала XIX в., запечатлевших реализованным проект А. Захарова⁹⁴, можно прийти к заключению о том, что Биржа как раз и является «несомненным центром» и доминантой Стрелки, несмотря на яркость и выразительность оформленных по проекту Захарова фасадов зданий АН.

«Распределенное» классическое архитектурное решение трех зданий АН соединяет их в единый ансамбль (как это и мыслилось Захаровым), но отдельность их в пространстве, четкая обособленность друг от друга исключает их восприятие как отдельной интегральной архитектурной единицы, противопоставляющей себя томоновой Бирже и конкурирующей с ней. Напротив, видно, что ансамбль Захарова как бы пристраивается к выдвинутой вперед Бирже, равняясь на нее, как армейский строй равняется на стоящего первым самого рослого солдата.

На этих замечательных иллюстрациях, наглядно изображающих Стрелку, какой она могла бы стать с осуществлением проекта Захарова, видно также структурно органичное ансамблю возможное развитие застройки Стрелки, при котором три захаровских здания АН были бы симметрично относительно Биржи отражены на берегу Малой Невы. (Отчасти это осуществилось с появлением здания Таможни, башня которой зеркально отражает башню Кунсткамеры). Сама допустимость такого отражения захаровской части ансамбля утверждает и подчеркивает непоколебимый статус Биржи как центрального и ведущего в ансамбле объекта.

Второе возражение, более веское для адептов документальных доказательств, заключается в том, что на подписном чертеже Тома де Томона, генплане Стрелки 1804 года, изображены рукой самого архитектора планируемые его конкурентом А. Захаровым перестройки зданий АН. На чертеже Томона они помечены литерой «D» (корпуса, обращенные к Коллежской площади и примыкающие с одной стороны к бывшему дворцу Праско-

⁹³ Гримм Г. Г. Архитектор Андреян Захаров. Жизнь и творчество. М., 1940. С. 19.

⁹⁴ Акварель Ф. Неелова 1809 года в собрании Эрмитажа. См.: Никулина Н. И., Пушкина Л. Т. Юбилейная выставка произведений Андреяна Дмитриевича Захарова (1761 – 1811). М., 1961. Известна также гравюра Дамам Демартре, воспроизводящая тот же вид, но сделанная, по-видимому, не по рисунку Неелова, так как вид на гравюре дан в несколько ином ракурсе.

выи Федоровны, а с другой к зданию АН Кваренги). В экспликации обозначенное литерой «D» расшифровано как «Департаменты Академии, проектированные Захаровым, архитектором Академии».

Этот чертеж доказывает, что Томону было не только известно о проекте Захарова, но архитектор был знаком с чертежами и согласовывал с ними свои соображения по переустройству Стрелки. Но иного и быть не могло, поскольку проект Захарова точно так же, как проект самого Томона, был утвержден императором, который, по-видимому, рассматривал их в единстве – как целостный проект реконструкции Стрелки.

Побочной удачей сделанного Томоном выбора (выбора главной оси ансамбля) стало то, что эта ось, продолженная до Выборгской стороны, вышла в точности на церковь петровского госпиталя. *Две доминанты, два важнейших пункта центральной невской акватории, намеченных еще в петровское время, соединились в единой стройной градостроительной системе, обнимающей всю центральную невскую акваторию.*

Рис. 4. М.-Ф. Дамам-Демартре. Вид на Неву

Таким образом, замысел Ж.-Ф. Тома де Томона предстает не гениальным озарением, а талантливим завершением последовательного движения, которое было начато выдающимся проектом Т. Швертфегера 1733 года. В этой цепи событий эпизод со строительством Биржи Дж. Кваренги не выглядит неудачей архитектора. Кваренги сделал по-

пытку повернуть ход событий от реализации всеобъемлющего градостроительного замысла 1733 года к локальному малому замыслу, действующему в пользу архитектуры отдельного здания Биржи и градостроительно важной, но все же ограниченно значимой группы зданий на Стрелке.

Но и этим не исчерпываются все повороты истории проектирования Биржи. На вышеупомянутом подписанном А. Захаровым генплане имеются две надписи. Одна из них сделана рукой министра коммерции гр. Н. Румянцева: «Построение Биржи Государь Император повелел производить по сему плану. Граф Николай Румянцов. Июня 12 дня 1804 года».

Вторая надпись по-французски, сделанная той же рукой, заинтересовала из исследователей только М. В. Иогансен. Однако неразборчивый почерк графа привел к неверной расшифровке надписи, что впрочем, не повлияло на правильность выводов, сделанных ученым из анализа чертежа. Насколько возможно чтение этой неразборчивой надписи, она такова: «Cette ligne de ... [неразборчиво] Quarenghi Architecte de Sa Mageste Imp.».

Надпись относится к пунктирной линии, проведенной от руки через здание Биржи Томона и корректирующей главную ось композиции. М. В. Иогансен также соотнесла линию и надпись с Кваренги, посчитав даже, что надпись сделана рукой самого архитектора⁹⁵. Однако она все же сделана Румянцевым, а вот линия, действительно, проведена Кваренги. Как видно, Кваренги вплоть до 1804 года, к которому относится чертеж Захарова, продолжал деятельно участвовать в проектных работах, предлагая в ходе обсуждений проектов Томона и Захарова свои поправки. В этом конкретном случае Кваренги откорректировал ось таким образом, чтобы она составляла *в точности прямой угол* с фасадом Коллегий. Осевая линия на чертеже Захарова отклонялась от красной линии фасада Коллегий под углом чуть меньше прямого, примерно на 3 градуса.

Разумеется, такая незначительная корректировка оси не может быть объяснена настойчивым желанием Кваренги обеспечить Бирже выгодный ракурс при обозрении от Зимнего дворца, хоть немного сблизить здание Томона со своей Биржей. Здесь Кваренги, вероятно преодолевая досаду и чувство обиды за судьбу своей Биржи, деятельно вмешивается с предложением, приводящим всю застройку Стрелки в классически стройную систему, из которой отныне изгнаны последние остававшиеся в ней иррациональные элементы, как этот угол, близкий к прямому, но почему-то не прямой.

⁹⁵ Иогансен 1979. С. 11.

Эта история с «прецессией» оси композиции, которая никак не могла установиться в оптимальной позиции, представляется несколько странной. Если на предварительных чертежах планировки Стрелки Томон уже совершенно ясно проводил ось перпендикулярно зданию Коллегий, то почему же Захаров на своем провокационном чертеже 1804 года (провокационном, потому что именно этот чертеж создал повод для сомнений в роли Томона как автора планировки ансамбля) не воспроизвел это положение оси?

Как видно, Захаров все же не оценил достоинства планировочной схемы Томона. Архитектор в первую очередь был озабочен правильностью расположения зданий, входивших в его проект реконструкции комплекса АН, и пренебрег теми тремя градусами, которые были принципиальны для Томона и к которым столь же серьезно отнесся Кваренги, невзирая на переживания неудачного финала строительства собственной Биржи.

Чертеж этот еще должен стать предметом тщательного исследования. Заливки разной плотности и пунктирные абрисы планов Биржи и других зданий несут информацию, которая еще не проанализирована. По-видимому, над чертежом работали в три приема. Сначала его выполнил Захаров, затем Кваренги нанес свою пунктирную ось. Завершена же работа была, когда положение зданий на чертеже было приведено в тот порядок, которого требовала ось, восстановленная рукой Кваренги. С особой наглядностью об этом свидетельствует пунктирный абрис плана Биржи, строго совмещенный с осью Кваренги, в отличие от залитого тоном основного плана здания, привязанного к «неправильной» оси Захарова.

И как завершение истории постройки Биржи, беспрецедентной истории принципиальной борьбы трех зодчих за угол в одну сотую долю окружности, является на свет окончательный подносной чертеж Тома де Томона 1804 года из собрания Эрмитажа, на котором архитектор намеренно, вопреки обычаю выполнения чертежей, предполагающему отсутствие на изображении осевых и вспомогательных линий, четко проводит ось композиции от Коллегий через площадь и здание Биржи. Он вычерчивает ее точно таким же мелким пунктиром, как нанес ее на захаровский чертеж Кваренги. Томон как бы говорит этим императору, что утвержденная Александром по предложению Кваренги ось проложена в точности по предписанию.

Широкая совокупность материалов по планированию и окончательному завершению застройки Стрелки дает основание для нескольких выводов. Прежде всего, следует окончательно отвергнуть традиционную неверную оценку проекта Биржи Кваренги, отказывающую зодчему в признании его состоятельности в сфере градостроительства. Настоящее исследование, поддержанное не получившим должного признания исследованием

М. В. Иогансен, дает основания считать Кваренги значительным мастером-градостроителем, подготовившем путь для проекта А. Захарова, фактически предугадавшем главные позиции этого проекта. Во-вторых, вопреки тенденциозности прежних заключений о решающей роли Захарова в создании плана ансамбля, следует со всей определенностью утвердить авторство Тома де Томона в отношении этого плана.

ГЛАВА II.2.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА И ЕЕ РОЛЬ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ РОССИИ⁹⁶

Созданный политической волей Екатерины II, сложный разветвленный механизм расселенческой структуры обретал свой смысл, только будучи соединенным в единое целое. Необходимую целостность имперского пространства должны были обеспечить связующие «нити» – дороги. С самого начала структурно-пространственных преобразований дороги, как важнейшие элементы пространственной среды, были включены в императорскую идеальную модель государственной системы расселения. Подтверждается это уже тем фактом, что вскоре после выхода «Учреждений для управления губерниями» губернским правлениям были выданы «Правила для заведования дорогами» и учреждена Канцелярия от строения государственных дорог. Это говорило о высокой степени обдуманности и осознания тех путей изменения пространственной среды, по которым шло российское правительство, о целостном, комплексном взгляде на систему расселения, охватывавшим все составляющие ее элементы (рис.1).

⁹⁶ Текст впервые опубликован в журнале Проект-Байкал

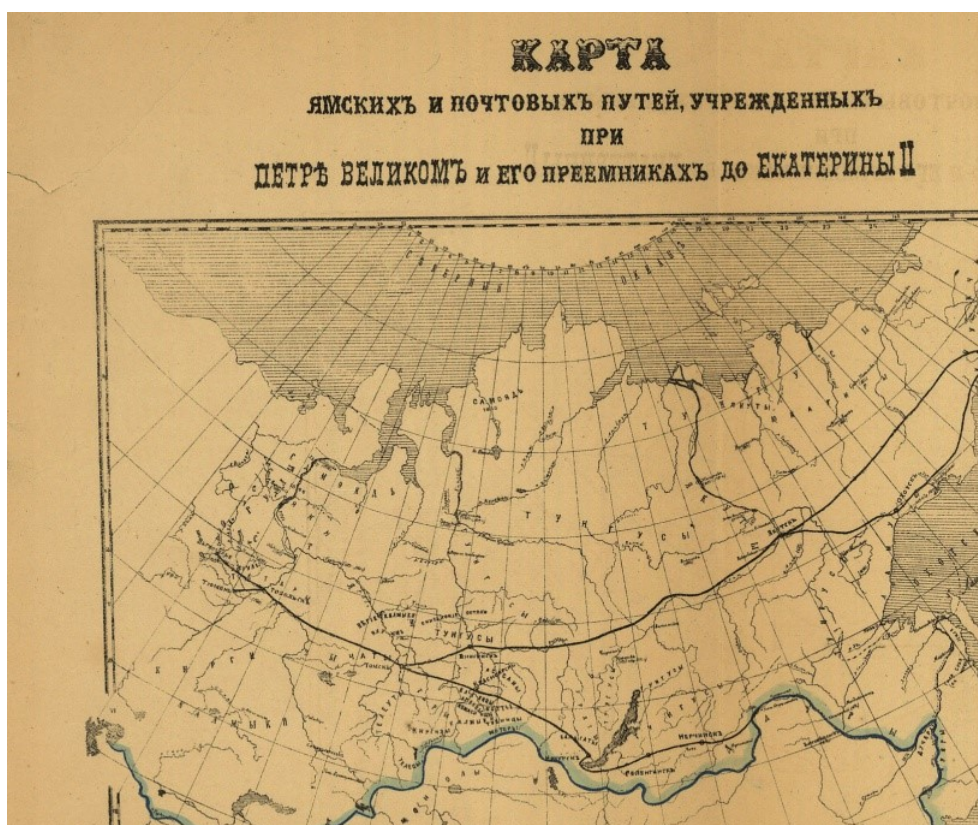

Рис. 1. Карта ямских и почтовых путей, учрежденных при Петре Великом и его приемниках до Екатерины II, 1790 год. Карта из Библиотеки Конгресса США. На карте пути сообщения показаны ориентировочно на 1790 год, очертания побережья Дальнего Востока и границ соответствуют ориентировочно 1870 году <http://nasledie-eao.ru/services/histori/administrativno-territorialnye-karty/karty-xviii-veka.php>

Екатерина II попыталась придать дорожному делу характер важной государственной задачи. На дороги взглянули как на средство, имеющее не только транспортную функцию. В них увидели структуру, обеспечивающую политическое управление, своего рода информационное пространство, равноценное современному медийному. Для успешного проведения, как политических, так и экономических реформ императрице нужна была, прежде всего, быстрая связь, в то время ее могло обеспечить только почтовое сообщение. Во главу угла становится не дорога, как материальный объект, а почта как информационный носитель. Это отразилось даже в названиях государственных структур: Канцелярия от строений государственных дорог, которой указом от 18 февраля 1764 года, повелевалось «*прилагать старанья приводить все государственные дороги в наилучшее состояние*»⁹⁷, в 1780 году была упразднена, а вместо нее создан Почтовый департамент, управление которым было поручено Александру Андреевичу Безбородко.

Почтовая деятельность в России действительно была не на высоте, даже императорская корреспонденция нередко становилась заложницей почтовой небрежности. Екате-

⁹⁷ ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 12053. С. 541.

рина писала по этому поводу: «Буде же мои письма ... на почтовом дворе без уважения более недели оставляются, каково быть может прочее почтовое дело?»⁹⁸.

Развивая политические идеи Екатерины II, А.А. Безбородко внес в почтовое управление ту систему обдуманного усовершенствования, которая стала основой для развития целого ряда других отраслей государственного быта. Его предложения базировались на изучении и систематизации почтовых порядков в других странах. Служа одновременно в Коллегии иностранных дел, Александр Андреевич сделал запрос к русским посланникам при европейских императорских дворах, и уже весной 1782 года получил от них подробные известия об устройстве почтовой части в иностранных государствах. Эти сведения составили 83 брошюры и рукописи.

Изучив их, А.А. Безбородко остановился, видимо, на французской системе почтового делопроизводства, так как по замечанию историков, «некоторые черты учреждения почтовой части в Белорусских губерниях так схожи с существовавшим в то время во Франции почтовым устройством, что кажется, будто первая мысль таких преобразований заимствована именно из этой страны»⁹⁹. Но, если образцом в организации почтовой системы стала современная Франция, то размах и масштаб проводившегося переустройства дорог был поистине древнеримским. Законодательным началом этого мероприятия стал указ «О составлении примерной почтовой карты всех дорог и подробного обозрения всех способов к устройству почт, для удобнейшего сообщения между всеми местами в империи»¹⁰⁰, вышедший в январе 1782 года. «Необходимость иметь порядочные почты» рассматривалась в указе как следствие губернской реформы и увеличения торговых оборотов. Новым законом была установлена своеобразная «иерархия» почтовых дорог, соответствующая в большей степени «иерархии» сформированной недавно структуры расселения, где, прежде всего, предусматривалась связь всех губернских городов со столицами, губернских городов между собой и с уездными городами.

Екатерина II писала в законе: «...рассудили Мы за благо дать Наши повеления Нашим Генерал-Губернаторам и правящим ту должность, дабы каждый из них во вверенной ему губернии приказал сочинить примерную карту всех дорог: первое от города Губернского к обеим Столицам, ... второе, от города Губернского к городам Губернским прикосновенных Наместничеств, ... третье от города Губернского к уездным городам той Губер-

⁹⁸ Цит. по Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. В 2-х т. Т. 1.- Спб., 1789. - С.155.

⁹⁹ Цит. по Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. В 2-х т. Т. 1. - Спб., 1789. - С. 142.

¹⁰⁰ ПСЗРИ-1. Т. XXI. № 15323. С. 378-379.

нии, четвертое, между уездными городами той Губернии от одного к другому, пятое, от каждого уездного города к обеим столицам. К сим примерным картам присоединить точное росписание станций и описание дорог, переправ лежащих по дорогам селений»¹⁰¹. В соответствии с указом почтовые станции должны были располагаться на трактах «одна от другой не далее как от 15 до 25 верст»¹⁰², почтовые дворы устраивались в каждом губернском, редко в уездном городе. Губернаторы смежных губерний обязаны были «снестись» между собой, чтобы «условиться о действительной связи почт одного Наместничества с почтами другаго, о точном назначении дорог... дабы все сие с надлежащею точностию и единообразием исполнено было...»¹⁰³. Так как хозяйственные дороги внутри округов выпадали из сферы внимания этого указа, то его политическая направленность становится более чем очевидна.

Законодательным актом были оговорены все правила, которые необходимо было «наблюдать» при устройстве в губернии новой транспортной сети: учет «удобства проезда» и «выгодности пути», расстояния между почтовыми станциями, способы «содержания дорог», устройство почтовых дворов, сведения о прогонных деньгах, о таксах и так далее. Все эти мероприятия преследовали, кроме политических целей, еще и финансовые: организацию системы, при которой убыточная в тот момент почтовая отрасль стала бы приносить значительные доходы.

Выполнение указа лежало на генералах-губернаторах, но и сам А.А. Безбородко принимал в нем деятельное участие. Так, рассмотрев предложения генерал-прокурора Вяземского об устройстве дорог в Петербургской губернии, он писал ему: «... я должностью поставляю изыскивать себе все то, что к облегчению сообщения между различными местами способствовать может»¹⁰⁴. И затем, основываясь на обстоятельном анализе предложений генерал-губернатора, внес в них значительные и аргументированные коррективы.

Обязанность губернского начальства следить за состоянием местных дорог была прописана Екатериной II еще в 1764 году, задолго до губернской реформы. В Наставлении губернаторам императрица писала: «... прилагает губернатор всерачительное свое старание о приведение в доброе и безопасное состояние больших проезжих и самых проселочных дорог, повелевая в нужных местах через реки и неудобь-проезжаемая болоты, строение мостов без отягощения народа, дабы путешествующие беспрепятственно желанный

¹⁰¹ Там же. С. 378.

¹⁰² Там же. С. 379.

¹⁰³ Там же. С. 378.

¹⁰⁴ Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. В 2-х т. Т. 1. - Спб., 1789. С. 144.

путь во всякое время продолжать могли»¹⁰⁵. Поэтому в 1781 году, то есть до выхода указа о дорогах, Тамбовский и Рязанский генерал-губернатор М.Ф. Каменский писал Екатерине II: «При том же случае имею щастие Вашему императорскому величеству поднести план почт, которыя я учредил по повелению Вашему для сообщения городов здешней губернии»¹⁰⁶. М.Ф. Каменский, судя по его словам, выполнял императорский приказ, а это значит, что указания по устройству дорог, а, возможно и конкретные рекомендации, выдавались наместникам практически одновременно с указаниями об учреждении городов и организации губернии. Таким образом, реализация модели идеального территориального пространства носила одновременный, комплексный характер.

В устройстве почтовых трактов видели не только средство действенного управления государством, но и возможность быстрой цивилизации российских провинций. Предложения А.А. Безбородко о строительстве новых дорог, связывающих Петербург с Тобольском и Казанью напрямую, а не через Москву, как это было раньше, преследовало не только политические цели, но, по мнению самого Александра Андреевича, должно было «послужить к немалой пользе того края»¹⁰⁷.

Особое внимание в устройстве почтового сообщения было уделено международной связи. В феврале 1782 года специальным постановлением вышел указ об учреждении почт до Константинополя¹⁰⁸, позднее установлен новый почтовый тракт в Вену, восстановлен тракт из Риги через Митаву, до Мемеля и Варшавы. В 1781 году инженером Черкасовым составлен первый проект Круго-Байкальской дороги, в 1784 году проложена Военно-Грузинская дорога, строятся дороги на Урале и на юге страны¹⁰⁹.

Уставом Благочиния или Полицейским, вышедшем в свет в 1782 году, регламентируются полномочия губерний и уездов в отношении дорог: губернские власти должны были заниматься достройкой государственных дорог, а содержание их, особенно в городах, передавалось уездным властям – земскому исправнику и нижнему земскому суду. Местным властям предписывалось «прилагать неусыпное смотрение и попечение, чтобы дороги, мосты и переправы... в таком исправном состоянии содержаны были, чтоб проезжим не было ни остановки, ни опасности»¹¹⁰. Частный пристав имел «в смотреии чище-

¹⁰⁵ ПСЗРИ Т. XVI. № 12137. С. 720.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 16, оп. 1, д. 968.

¹⁰⁷ Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. В 2-х т. Т. 1. - СПб., 1789. - С. 149.

¹⁰⁸ ПСЗРИ-1. Т. XXI. № 15344. С. 395.

¹⁰⁹ <http://www.arhplan.ru/history/bridge/russian-bridges-xviii>.

¹¹⁰ ПСЗРИ -1. Т. XXI. № 15379. С. 464.

ние, мощение и поправление улиц»¹¹¹ ему вменялось в обязанность наблюдение за тем, чтобы «мостов и дорог никто не перекопал, не загородил и не переложил с одного места на другое... и чтоб везде на дорогах и мостах была чистота, и палой скотины и мертвичины, от чего вредный дух исходит... нигде не валялось»¹¹².

Но дороги были не единственным видом связи. Сама природа, обеспечив Россию обширным речным бассейном, предоставила дополнительные возможности для развития коммуникаций. В 1767 году учреждается Главная дирекция водяных коммуникаций, в 1782 году организовывается Корпус гидравликов, в 1798 году Главная дирекция переименовывается в Департамент водяных коммуникаций. Здесь разрабатываются проекты по развитию судоходства, устройства каналов, возведения деревянных и каменных мостов. В 1774 году на должность Директора водяных коммуникаций был назначен граф Яков Ефимович Сиверс, бывший ранее новгородским губернатором. Под руководством этого энергичного государственного деятеля началось быстрое развитие системы водных путей России. Он руководил постройкой и реконструкцией каналов, в том числе [Вышневолоцкой водной системы](#), основанной еще по указу Петра I: были основательно расчищены Боровицкие пороги на Мсте, что позволило баркам проходить их без перевозки части товаров по суше, часть старых деревянных гидротехнических сооружений была заменена на каменные и гранитные. Это увеличило пропускную способность каналов и грузоподъемность барок, ходивших по системе, что повлияло на снижение стоимости перевозки грузов (рис. 2, 3).

Рис. 2. Фрагмент карты Вышневолоцкой водной системы.
<https://anashina.com/vyshnevolockaya-vodnaya-sistema/>

¹¹¹ Там же. С. 472.

¹¹² ПСЗРИ -1. Т. XX. №14392. С. 254.

Рис. 3. Нижнедненинский полушлюз в г. Вышний Волочок. Старая открытка.

Летом 1785 года Екатерина II лично посетила Вышневолоцкую водную систему и совершила ознакомительное путешествие по обновленному водному пути. Императрица прибыла в Вышний Волочек, осмотрела каналы, наблюдала прохождение каравана через озеро Мстино и пороги, после чего на пристани Потерпелицы, находящейся после порогов в трёх верстах ниже Боровичей, села на особо приготовленную для неё барку, и сопровождаемая караваном судов с её свитой, за 10 дней доплыла до Санкт-Петербурга. 1 июня она писала об этом путешествии барону Гримму из Твери: «Я отправилась осматривать водяные сообщения, доставляющие Петербургу съестные припасы и товары»; и позже 10 июня: «Вот я... уже двое суток как плыву на судах по реке Мсте, которая должна завтра или послезавтра привести нас в Новгород, по озеру Ильмену, откуда мы войдем в реку Волхов, а это принесет нас в Ладожский канал; потом войдем в Неву и высадимся в Петербурге... Князь Потемкин морит нас со смеху во всю дорогу, да и все другие, кажется, лезут из кожи помогать ему. Погода превосходная и мы любуемся прелестными видами»¹¹³. В путешествии императрицу сопровождали Императорский посол, французский и английский посланники и, ожидая реакции Европы на свой вояж, Екатерина, как бы между прочим, просит Гримма в следующем письме: «Сообщите мне, пожалуйста, какие до

¹¹³ Грот Я.К. Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб., 1879. С. 266-267.

вас дойдут слухи о самом веселом путешествии, какое, как я думаю, когда-либо предпринималось».

Эта длительная поездка (Екатерина еще успела съездить в Москву и обратно) дала повод императрице с гордостью заявить: «Надо еще сказать, что в течение всего моего путешествия, около тысячи двухсот верст сухим путем и шестьсот верст водою я нашла удивительную перемену во всем крае, который отчасти видела прежде. Там, где были убогие деревушки, нашла я прекрасные города, отлично отстроенные из кирпича и камня; где не было и деревушек, там большие села, и вообще благосостояние и торговое движение превзошло все мои ожидания. Мне говорят, что это последствие моих распоряжений, которые уже десять лет исполняются буквально, а я на это отвечала: Очень рада. Это не особенно остроумно, но зато сушая правда»¹¹⁴. В другом письме об успехах в транспортном строительстве Екатерина упоминала нарочито скромно, пожалуй, даже небрежно: «Невозможно всякий раз сообщать вам о разных пустяках, которые мы делаем, потому что все идет своим чередом и после об этом забывается: так мы копаем каналы, устраиваем большие дороги и тридцать шесть гранитных мостов между Москвой и Петербургом»¹¹⁵.

В правление Екатерины II начались изыскательские работы и выполнен проект по строительству еще одного пути, соединяющего бассейн Волги с Балтийским морем. Он проходил от Рыбинска до Петербургского морского порта через приладожские каналы и составлял 1054 версты. 31 декабря 1787 года Екатерина II выделила на сооружение Вытегорского канала 500000 рублей, но тут же переадресовала эти деньги на строительство дорог Петербург – Москва и Петербург – Нарва. К вопросу возведения новой водной системы вернулись уже при Павле I по инициативе того же Якова Ефимовича Сиверса. В 1810 году состоялось официальное открытие движения по водной системе, которая была названа Мариинской поскольку деньги на «скорейшее построение» Вытегорского канала были взяты заимообразно из казны Воспитательных домов обеих столиц. Главноначальствующей заведением была императрица Мария Фёдоровна.

«Северная Венеция» своим местоположением давала повод для развития мостостроения, и в последней четверти XVIII века начинается активнейшее проектирование и строительство мостов, начиная от грандиозных разводных инженерно-технических сооружений через Неву, заканчивая затейливыми мостиками-фантазиями в императорских загородных резиденциях и дворянских усадьбах. Разрабатываются типовые чертежи наплавных, а также небольших каменных и деревянных мостов для строительства в россий-

¹¹⁴ Там же. С. 267.

¹¹⁵ Там же. С. 253.

ской провинции. В особых случаях проекты мостов выполняются на конкурсной основе. Среди авторов проектов не только инженеры, но и лучшие архитекторы своего времени: Фельтен, Камерон, Кваренги, Тромбаро, Неелов, Баженов, Бренна, Гесте, Воронихин, Росси, Бове, Жилярди и другие (рис. 4, 5).

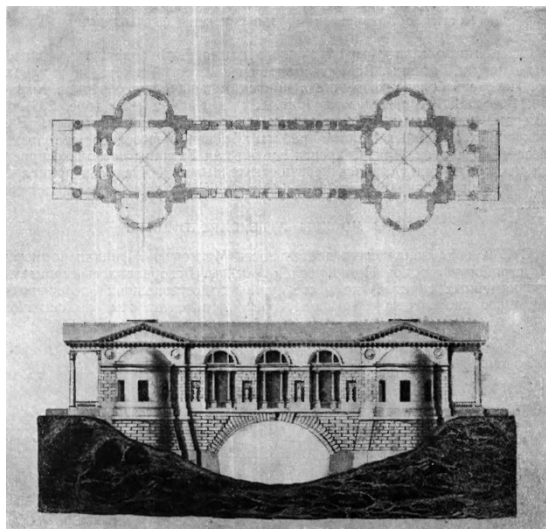

Рис. 4.

Проект моста-галереи в Гатчине. XVIII век. Архитектор Кваренги. Не осуществлен.

<http://www.arhplan.ru/history/bridge/drawing/860/39>

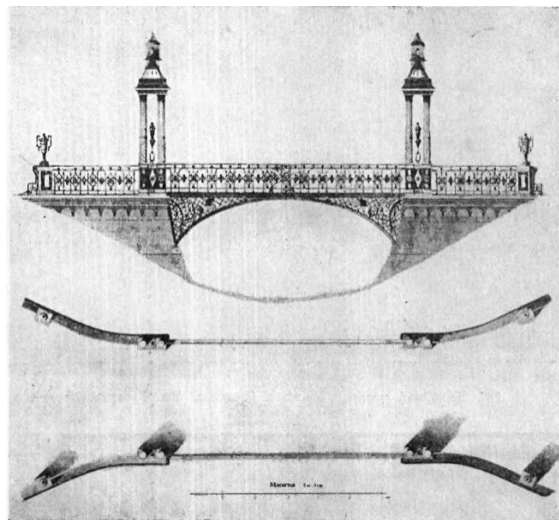

Рис. 5.

Проект китайского моста в верхнем парке Царского села. Архитектор Камерон 1783 год.

<http://www.arhplan.ru/history/bridge/drawing/860/27>

В 1788 году итальянский художник и архитектор Фламиния Миноцци из Болоньи представил проект каменного двухъярусного одиннадцати пролетного моста, выполненный им по заказу Екатерины II (рис. 6). Строительство моста намечалось на месте плавучего Исаакиевского, находившегося напротив Сенатской площади. Проект был выполнен в духе культовых итальянских мостов-пассажей в Венеции и Флоренции – Риальто и Понте-Веккьо. Его отличал невероятный по грандиозности масштаб: длина моста составляла 200 метров, ширина 40,5 метров, кроме транспортных функций здесь предусматривалось строительство развитой надмостной части, включающей помещения торгового и общественного характера, большей частью лавок и магазинов.

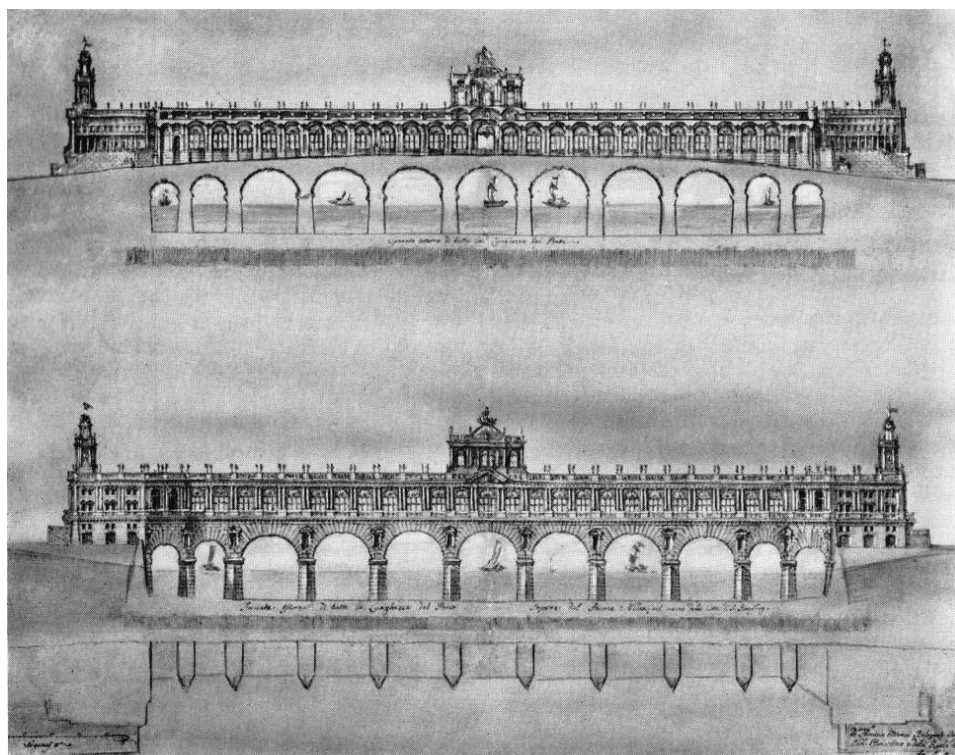

Рис. 6. Проект двухъярусного моста в Петербурге через Неву. Архитектор Миноцци 1788 год.
Не осуществлен. <https://giper.livejournal.com/112840.html>

Отличительной особенностью авторского замысла были береговые галереи, не встречавшиеся ранее ни в одном проекте петербургских мостов. Они как бы продолжали мост, образуя с двух сторон симметричные полукруглые предмостные площади, составляющие единую помпезно-парадную архитектурную композицию сооружения. Несущими элементами в проекте Миноцци были каменные арочные своды на десяти речных опорах. Пролеты в виде двухуровневых арочных окон в центральной части моста-пассажа ритмовались спаренными дорическими колоннами, прибрежные части членились более мелкими окнами на три этажа. Центральная часть и входы моста-здания были подчеркнуты дополнительными башенками, их активная пластическая разработка и богатая декорированность несла отпечаток итальянского барокко. Карниз здания по всему периметру был богато украшен парными статуями. Трудно было придумать что-либо более грандиозное для выражения величия имперской власти, но менее подходящее для реального строительства. В случае возведения этого моста, судоходство по Неве становилось под вопросом, что не входило в планы Екатерины II: Петербург должен был оставаться главным портом на Балтийском море. Проект был отклонен, очередная пространственная утопия заняла свое место в архиве.

В это же время реконструируются старые порты в Риге, Архангельске, Кронштадте. Победа в русско-турецкой войне, завершившаяся присоединением Крыма, привела к

появлению новых городов-портов таких как Одесса, Херсон, Николаев, Севастополь, обеспечивающих не только фортификационные, но и международные торговые связи. Это выводило Россию в ряд сильных политических и экономических игроков на мировой арене.

В 1786 году упраздненная Канцелярия о дорогах была возобновлена под названием «Комиссии о дорогах в государстве»¹¹⁶. Необходимость создания этой Комиссии Екатерина II связывает в законе именно с развитием страны: «Обширность Империи Нашей и разныя другия обстоятельства не дозволяли прежде приступить к учреждению части сея; но когда ныне Божьим благословением управление Земское Губерний Всероссийской Империи достигло желаемого благоучреждения, когда и на самых диких и непроходимых местах не только населения, но и целые города в торговле и ремеслах возрастающие появились... видим мы необходимость и сию часть внутреннего устройства распорядить сообразно с другими на пользу и выгоду общия»¹¹⁷. В задачи Комиссии входило составление «генеральных правил для строения в России дорог», которые должны были быть разосланы во все наместничества или губернии. Администрации на местах вменялось в обязанность составление «дорожных карт с описанием надобности и пользы, как построенных, так и вновь полагаемых дорог». «По собрании таковых сведений» и на основании полученных карт Комиссия должна была «сочинить генеральную дорожную карту всего Государства». Во второй части закона императрица описывает процесс реализации задуманного проекта и наказывает Комиссии «... наблюдать, чтоб строение дорог происходило по издаваемым от Нас правилам общим и планам на каждую из них утвержденным»¹¹⁸.

В Тамбовской губернии решением этих вопросов пришлось заниматься Г.Р. Державину. Он писал Н.А. Львову в Петербург: «Милостивый государь Николай Александрович. По требованию его сиятельства графа Александра Андреевича (Безбородко – Н.Г.) отправил я к его высоко превосходительству Ивану Васильевичу (Гудовичу, генерал-губернатору Рязанской и Тамбовской губерний – Н.В.) росписание почтовых станций от Тамбова до границы Саратовского наместничества, а как по сей дороге находится город Кирсанов, то в нем учрежден будет уездный почтмейстер»¹¹⁹ (рис. 7).

¹¹⁶ ПСЗРИ-1. Т. XXII. № 16346. С. 546.

¹¹⁷ Там же. С. 547.

¹¹⁸ Там же. С. 548.

¹¹⁹ ОР ГПБ. Ф. 247, т. 14, л. 51.

ТРАНСПОРТНАЯ СХЕМА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ С
ОБОЗНАЧЕНИЕМ ПОЧТОВЫХ, ПРОЕЗЖИХ ДОРОГ И
ПОЧТОВЫХ СТАНЦИЙ. НАЧАЛО XIX ВЕКА.

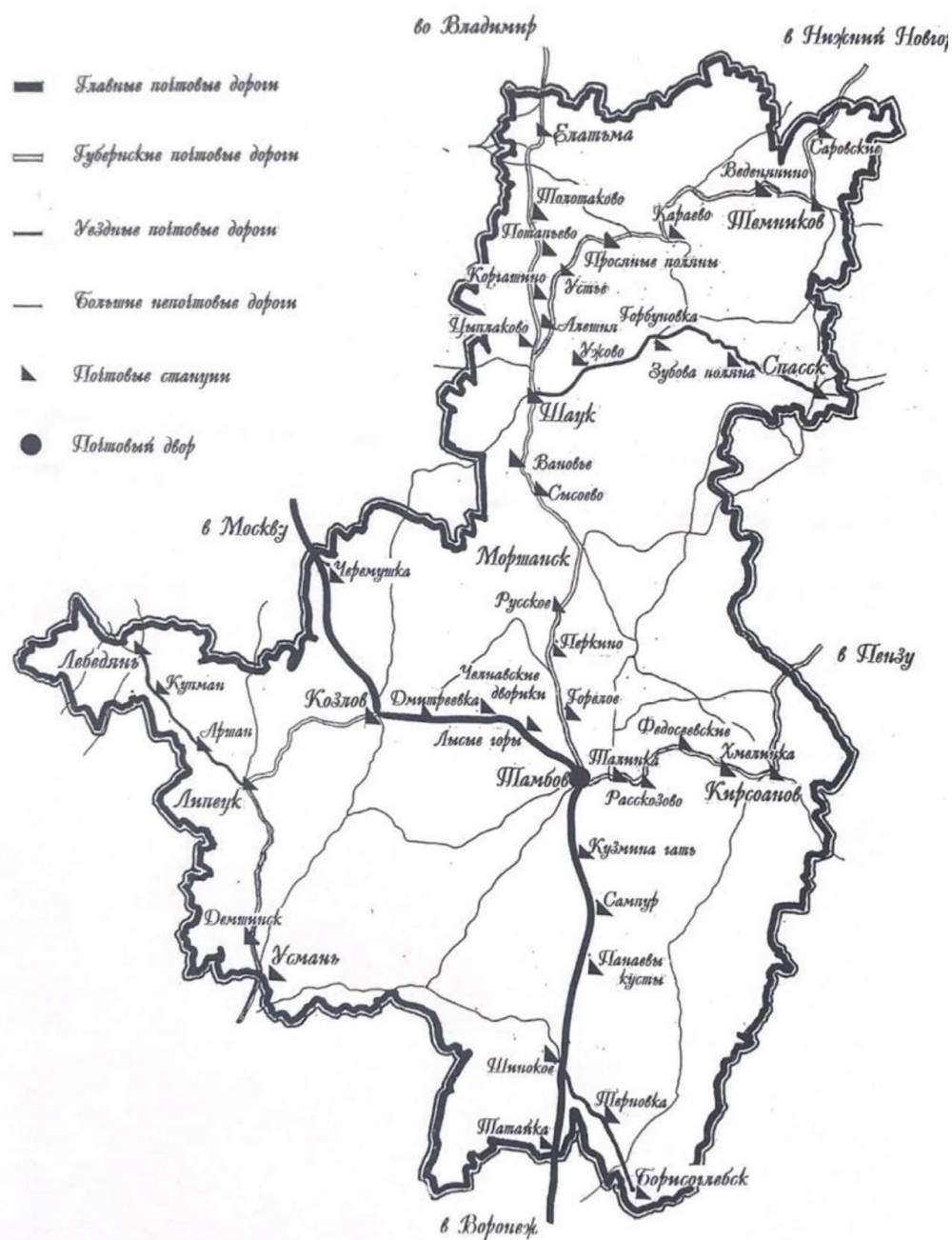

Рис. 7. Схема дорог и почтовых станций Тамбовской губернии в начале XIX века. Авторская графическая реконструкция.

Причиной особого внимания к дорожному делу могло послужить намеченное на следующий 1787 год Таврическое путешествие Екатерины II, и связанное с ним устройство технической стороны предполагаемого маршрута, направленное не только на ускорение продвижения, но и на то, чтобы «усладить взгляд высокой путешественницы». Таким образом, какие бы цели не преследовали мероприятия по устройству дорог – политиче-

ские, хозяйственные, почтовые, или другие результат всегда приобретал материальные формы и к нему предъявлялись определенные требования, эстетические в том числе. Нельзя сказать, что эстетический подход к устройству дорог стал типичным для всех дорог Российской империи. Большею частью он распространился на «образцовую» область Царского Села и другие императорские маршруты, где живописные окрестности облагораживались таким образом, чтобы «делать вид» проезжающим. Здесь искусственным путем создавалось впечатление цивилизованного пейзажа: строились фермы и мельницы, высаживались деревья и распахивались поля не столько для реальных нужд, сколько для «улады взора».

Элементы цивилизации, появившиеся на остальных дорогах Российской империи, носили более утилитарную направленность. Это были почтовые дворы и станции, заставы, мосты и переправы, и даже новые верстовые столбы, которые по предложению А.А. Безбородко были устроены теперь через 600 саженей вместо прежних 700, чтобы, не поднимая таксы за одну версту, увеличить размер прогонных сборов. К моменту роспуска Комиссии о дорогах в 1796 году, в России насчитывалось 95 почтовых контор (дворов) и два почтамта. В начале 80-х годов XVIII века Николаем Александровичем Львовым, работавшим в ведомстве А.А. Безбородко, по поручению последнего был выполнен образцовый проект почтового двора для губернского города. Здание совмещало в себе служебные функции почтовой конторы с проживанием здесь не только проезжающих, но и самого почтмейстера. В 1784 году по этому проекту началось строительство почтового дома в Тамбове «по левую сторону речки Студенца на Московской дороге»¹²⁰ (рис. 8). И в 1786 году здесь появилось одно из немногих, в тот момент, каменных зданий, подтверждавших не только степень цивилизации почтового ведомства, но и степень цивилизации самого губернского города. Львовым также был выполнен проект здания Почтамта в Санкт-Петербурге, где находилось координатное начало Российской империи – мраморный столб с Нулевой верстой, от которой с 1714 года отсчитывались расстояния от Санкт-Петербурга до других населенных пунктов.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 248, кн. 5741, л. 223.

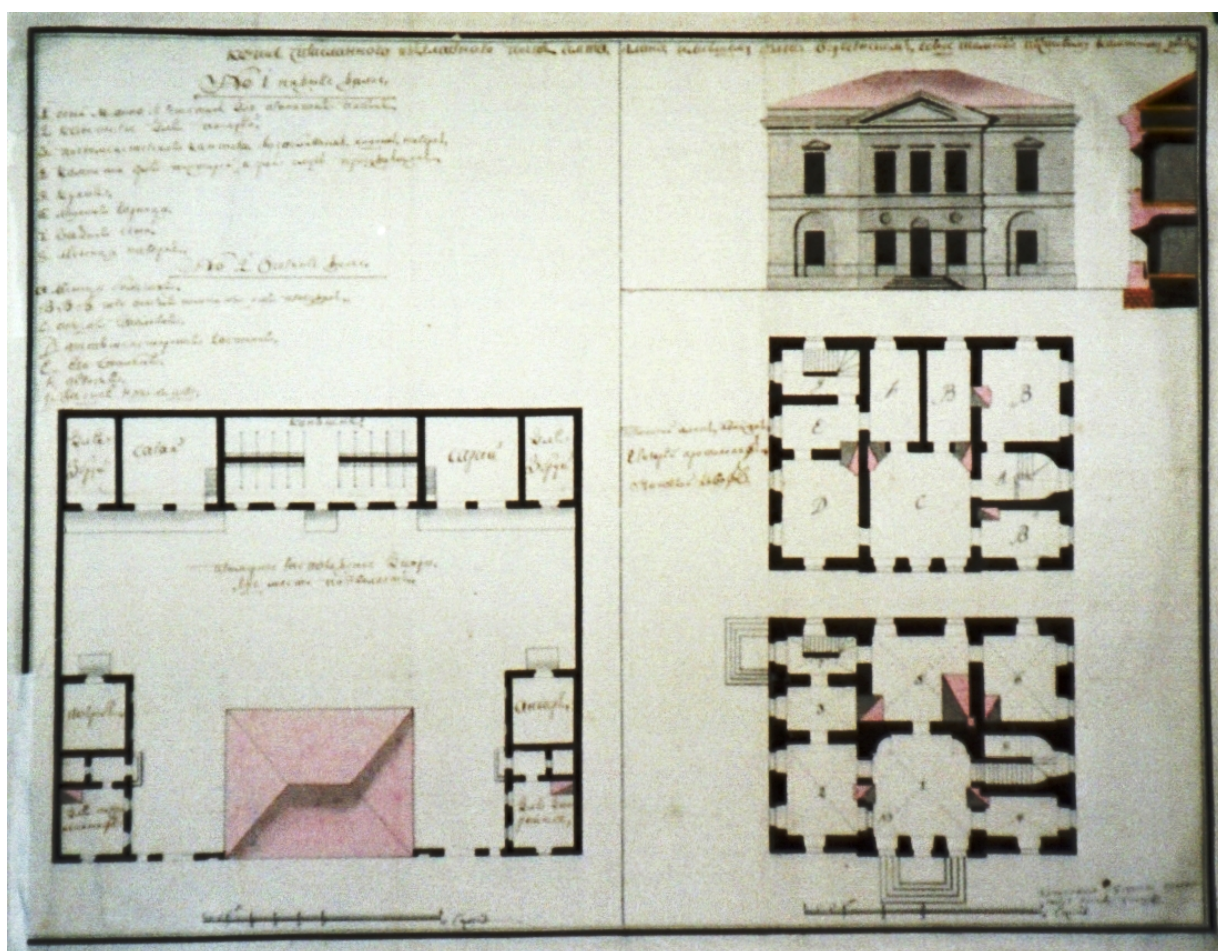

Рис. 8. РГАДА. Ф.248, Д.1572, кн.4837. Общий план почтового двора с планом, фасадом и разрезом 2-х этажного каменного дома для почтмейстерской конторы и семьи почтмейстера в Тамбове. Проект с описанием в красках, подлинный прислан в Тамбов из Главного почтамта, подписан Григорием Протопоповым и Николаем Львовом, копирован губернским архитектором В.Усачевым. 1784 г.

Тем не менее, существует добрая российская традиция: ругать дороги. Но нам даже трудно представить насколько разные требования предъявлялись к дорогам XVIII века и предъявляются сейчас. Оснащенных навигаторами наших современников не устраивает качество дорожного полотна, выбоины и ямы, то есть горизонтальная координата, плоскость. Главное требование к дорогам в XVIII веке – их пространственная заметность. В средней полосе России, на лесостепных и степных территориях отсутствие вертикальных элементов, обозначающих дорогу и направление движения, могло стоять путешественникам жизни. Особенно сложно было ориентироваться зимой, в снегопад, когда вся местность вокруг становилась одинаковой. Заблудиться в дороге было обычным делом, такого рода неприятности были настолько частым явлением, что вошли в художественную литературу: сюжеты замечательных пушкинских произведений основаны на таких коллизиях. Российская дорога и зимняя пурга могли сломать судьбу молодых героев повести, как это случилось в «Метели», а неожиданная встреча при таких же погодных обстоятельствах

спасла жизнь Петруше Гриневу. «В России нет дорог – только направления» – справедливо заметил Наполеон I Бонапарт дважды пересекший европейскую часть России от западной границы до Москвы и обратно.

Поэтому в редко встречающихся, но все же существовавших проектах устройства дорог, обеспечение безопасности движения авторы видели совсем в других мерах. По уверениям Михаила Балитина, бывшего в свое время губернатором Полоцка, степные дороги того времени были крайне опасны, так как стоявшие на них деревянные версты и мили сгнивали и падали, и оттого «в зимние времена путешественники, как не безизвестно не редко заблуждаются и, от суровости зимних погод, смерти подвергаются»¹²¹. То есть деревянные столбы были единственными признаками проезжей части. Для того, чтобы верстовые столбы не гнили, нужно, считает автор, чтобы «были середины дорог возвышенны и оныя окатисты», и тут же продолжает «то учинить не только весьма трудно, но даже и невозможно». А потом дает рекомендации как строить дорогу «лехчайшим образом и притом с великою прочностью, через посредство трех каналов, глубиною в пол-аршина, а шириною в две сажени, дабы вынутою из них землю середины дорог были возвышенны от дна канала на аршин, и от того будут оные окатисты и ни в какие времена года мокрыми и топкими, а каналы обваливаться не будут, и обростут травюю. А при том для сохранения лесов, вместо деревянных строить версты и мили земляныя в виде регулярных пирамид, которые по неистленности земли можно называть вечными памятниками или же и монументами, потому, что оные ...вечно будут существовать»¹²² (рис. 9). Далее весь проектный запал уходил на описание изобретенного автором способа строительства земляных пирамид. Одну такую пирамиду в бытность его губернатором Полоцка в губернии даже построили.

Разработкой технологических способов возведения дорог занималась и Комиссия о дорогах. В 1786 году для дорог с проезжей частью ей была утверждена для обязательного использования «двухслойная конструкция дорожной одежды капитана Баранова: нижний слой – щебень размером «малого куриного яйца», а верхний толщиной 2-4 дюйма – из прочного каменного материала, который при постройке надо было «уколотить поплотнее ручными бабами и выровнять катками, железными и каменными»¹²³. При укатке рекомендовалось употреблять «катки сначала незначительного веса, но увеличивать по мере укат-

¹²¹ РГИА. Ф. 1399, оп. 1, д. 898.

¹²² Там же.

¹²³ Кузнецова А.П. История дорожных одежд. <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-dorozhnyh-odezhd/viewer>

ки вес оных». При этом «польза от катка могла только тогда быть, коль скоро тяжесть его постепенно доходила до 300 пудов нагрузкой в ящик камня».

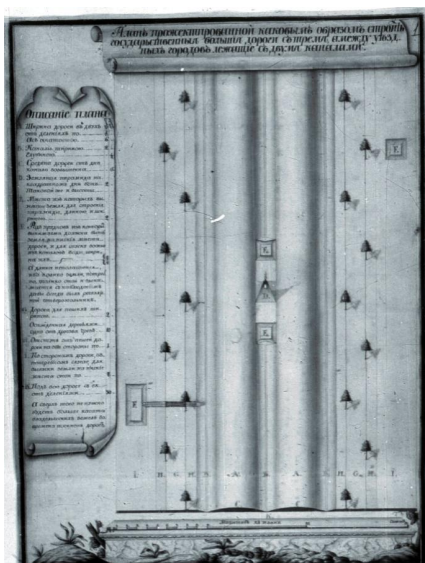

Рис. 9. РГИА Ф. 1399, оп. 1, д.898 Проект устройства новых государственных дорог, предложенный губернатором Полоцка Михаилом Балитиным. 1800 год.

Рис. 10. Строительство трассы Кумберленд-роуд в штате Мэриленд по методу Джона Макадама 1830 год.
http://www.1-day.ru/sob_09_21_1756.html

Однако, эта конструкция двухслойной дорожной одежды получила развитие и вошла в историю дорожного дела как изобретение шотландского инженера-дорожника Джона Лаудона Макадама, предложившего технологию строительства дорог со щебёночным покрытием только в 1815 году (рис.10). Это известное во всем мире покрытие в дальней-

шем стало называться макадам. О применении ее в России князь П.А. Вяземский иронично писал:

Свободна русская езда
В двух только случаях: когда
Наш Мак-Адам или Мак-Ева –
Зима свершит, треща от гнева,
Опустошительный набег...¹²⁴

А, предложенная Барановым укатка щебеночной одежды была изобретена французским инженером Полонсо только в 1834 году и тоже не попала в ряд российских изобретений. Возможно, такая историческая несправедливость случилась потому, что реального распространения изобретение Баранова не получило и не было в должных масштабах использовано даже в России.

В этой ситуации активного внимания со стороны и государства и частных лиц к дорогам, как к важным элементам пространственной среды, не могло не возникнуть очередное утопическое руководство к действию. Оно приобрело форму научной статьи, опубликованной тайным советником, членом Вольного экономического общества И.К. фон Гергардом «О строении дорог и во-первых о пешеходных дорогах», опубликованной в 1798 году в Трудах Вольного Экономического общества. Вероятно, автор статьи И.К. фон Гергард – это тайный советник Иван Кондратьевич Герард, российский военный инженер, служивший в Дирекции водяных коммуникаций (позднее в Департаменте водяных коммуникаций) и занимавший должность архитектора при Императорских водяных строениях. Разница в написании фамилий, особенно иностранных, была не редким явлением в XVIII веке. При участии Герарда были выполнены многие проекты для Вышневолоцкой системы и Ладожского канала, проекты ряда мостов в Санкт-Петербурге, в частности Чернышова и Симеоновского через Фонтанку, Ростокинского акведука из 26 арок, снабжавшего Москву мытищинской водой (рис. 11, 12).

Его статья в Трудах Вольного Экономического общества замечательна не только высокой степенью идеализации пространства, но и высокой степенью проработки всех технических моментов, касающихся устройства дорог. Не возникает сомнений, что автор был профессионалом высокого уровня, и технология проведения дорожных работ была ему хорошо знакома. Степень детализации чертежей дает основание предполагать, что это не утопическая абстракция, а реальность, возможно осуществленная где-нибудь в окрестностях дворцовых резиденций Петербурга или в самой столице. И в данном случае о про-

¹²⁴ П.А. Вяземский. Стихотворения. Л., 1958. С. 175.

странственной утопии мы можем говорить только относительно рекомендаций ее применения в российской глубинке.

Рис. 11. Чернышов мост на Фонтанке.
Инженеры Сухтелени и Герард 1785-1787 гг.
Старая открытка.

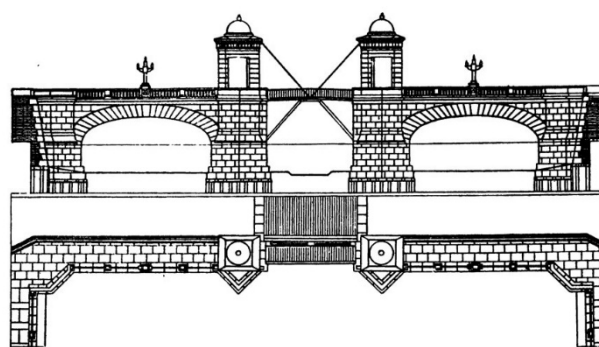

Рис. 12. Проект Симеоновского моста
на Фонтанке Инженеры Сухтелени и Герард 1782-
1785 гг.

<http://www.arhplan.ru/history/bridge/drawing/860/>

3

Предложения автора касались устройства в сельских населенных пунктах пешеходных дорог (тротуаров), которые, по его мнению, могли быть выполнены из камня, бревен или плетеных из прутьев настилов, и «каждой хозяин крестьянского двора справедливым образом побуждаем быть мог делать и содержать оную перед своим местом»¹²⁵. Здесь же были приложены чертежи устройства мостов через реки, описаны способы прокладки дорог через болота, по холмистой местности, и даже вырубки ступеней в горах.

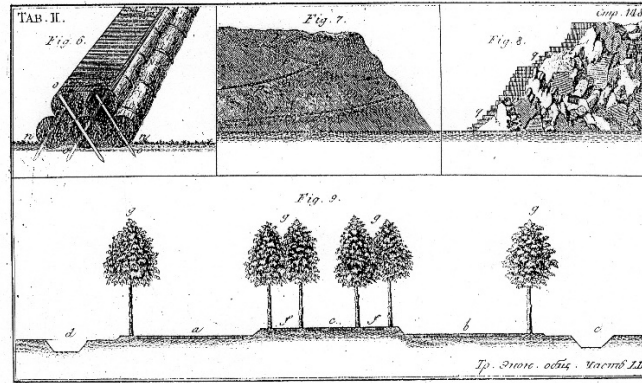
Но что действительно было из области чистой утопии, по крайней мере по отношению к России, это идеи Гергарда по устройству проселочных дорог. Размер их поперечника должен был составлять не менее 25 метров. Два полотна проезжей части были рассчитаны на одностороннее (!) движение, а чтобы «можно было бы такие дороги весьма приятно и весело превратить в аллею для прогулок» автор предлагал устроить между проезжими частями пешеходные тротуары, «доставить им тень», обсадив деревьями, и, «если таковым прогулкам можно доставить большую длину, и через то их более изукрасить, то местами приделывать скамьи»¹²⁶. Проработка дорожных элементов, вертикальных высот были выполнены в проекте с учетом всех технических требований. Но, несмотря на высокую степень профессионализма и детализации представленных чертежей, реализация этого проекта в условиях российской действительности была не просто не возможна, но и

¹²⁵ О строении дорог и во-первых о пешеходных дорогах. Труды Вольного Экономического Общества. Ч. 52. - СПб., 1798. - С. 148.

¹²⁶ Там же. С. 155.

утилитарно не нужна. Это были образы какого-то несбыточного, нереального мира художественной фантазии, впрочем, такими они и остались; за российскими дорогами надолго закрепилась репутация «второй беды» государства.

Способы устройства дорог в болотистых, холмистых и горных местностях.

*Поперечный профиль полевой дороги
Проект устройства дорожного полотна*

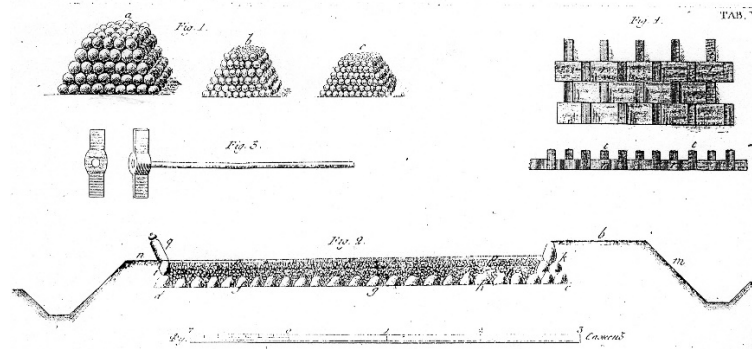

Рис. 13. Фон Гергард. Иллюстрации к статье «О строении дорог и, во-первых, о пешеходных дорогах». Труды Вольного Экономического Общества.

Меньшее внимание уделялось хозяйственным дорогам внутри уездов. Здесь не предполагалось устройство верстовых столбов, почтовых станций, и их создание было уже делом не правительства, а заинтересованных частных лиц. При не столь частом использовании, проселочные дороги зарастали, и находить их порой стоило значительных трудов. Чтобы «делать такие дороги навсегда приметными» А.Т. Болотов в одной из статей, опубликованных в Трудах Вольного Экономического Общества предлагал обсаживать их ракитником.

Имело ли это предложение какие-либо последствия, сказать трудно; дороги в частных владениях облагораживались в меру средств и воображения помещиков. Например, в Тамбовской губернии в Бутском имении кн. Гагариных был устроен «по улице мимо жи-

лых флигорей обсаженный липками на полторы версты прищепт»¹²⁷, а в их же имении в селе Петровском Борисоглебского уезда в 1819 году была устроена мостовая¹²⁸. Именно во второй половине XVIII века в частном мире дворянской усадьбы зародилась и была массово распространена новая для страны культура природной эстетизации дороги, эстетизации пути. Живописные «пропилеи» деревьев-колонн, традиционно открывавших въезд в усадьбу, стали позднее одним из пространственных символов русских дворянских гнезд (рис. 14, 15).

Рис. 14. Липовая аллея усадьбы Мураны.

Рис. 15. Елизаветинская аллея усадьбы Гончаровых
Полотняный завод.

https://www.usadboved.ru/kaluga_20171216

Причем устроители, безусловно, понимали, что сами в полной мере не смогут воспользоваться плодами своего труда: замыслы преобразования природы реализовывались гораздо медленнее строительных. Это было рассчитано на потомков, и почти через сто лет о родовом имении Павловка Борисоглебского уезда Сергей Волконский необыкновенно лирично напишет: «... дубовая аллея – как внутренность готического собора и в версту длиной. А кленовая – три экипажа могут ехать, деревья сводом сходятся»¹²⁹. Готический собор, свод – абсолютно архитектурные ассоциации. И далее у Волконского читаем: «Графская аллея длинная, почти в версту; деревья подстрижены стенкой и только макушки свисают; живая изгородь окаймляет дорогу до конца аллеи; два белых столба отворяют выход в степной простор»¹³⁰. Такие столбы или въездные ворота были почти обязательными атрибутами дворянской усадьбы, как символические знаки, границы, обозначающие вступление в частный мир. (рис. 16, 17). Они могли быть наивны по форме и исполнению, но, тем не менее, это был образ малой родины, материализованный в пространственной среде.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 1262, оп. 1, ч. III, д. 5064, л. 2.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 1262, оп. 4, ч. II, д. 1012.

¹²⁹ Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х т. Т. 1. М., 1992. - 399 с. Т.2.- М., 1992. - С. 29.

¹³⁰ Там же. С. 26.

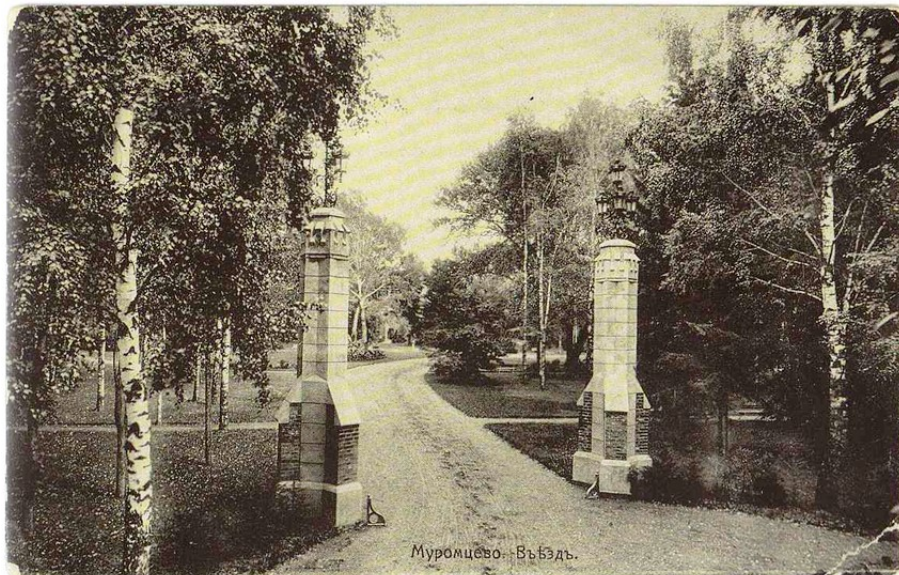

Рис. 16. Усадьба Храповицкого Муромцево. Владимирская губерния. Въезд. Старая открытка.

Рис. 17. Усадьба Гребнево Московская обл. Парадные въездные ворота (триумфальная арка). 1821 год.
<https://realty.ria.ru/20210602/gradozaschita-1733611807.html?in=t>

Города тоже имели входы – заставы, которые устраивались с административною целью (рис. 18, 19). Здесь находились караулы, в обязанность которых входила проверка документов прибывающих и выбывающих из городов людей. Кроме того, заставы соединенные между собой рвами или земляными валами долгое время служили границами земли отведенной для города. С разрастанием городов и появлением железных дорог контролирующая функция застав была утрачена и караул упразднен, но сами сооружения, постепенно разрушаясь, оставались в городской среде еще долгое время.

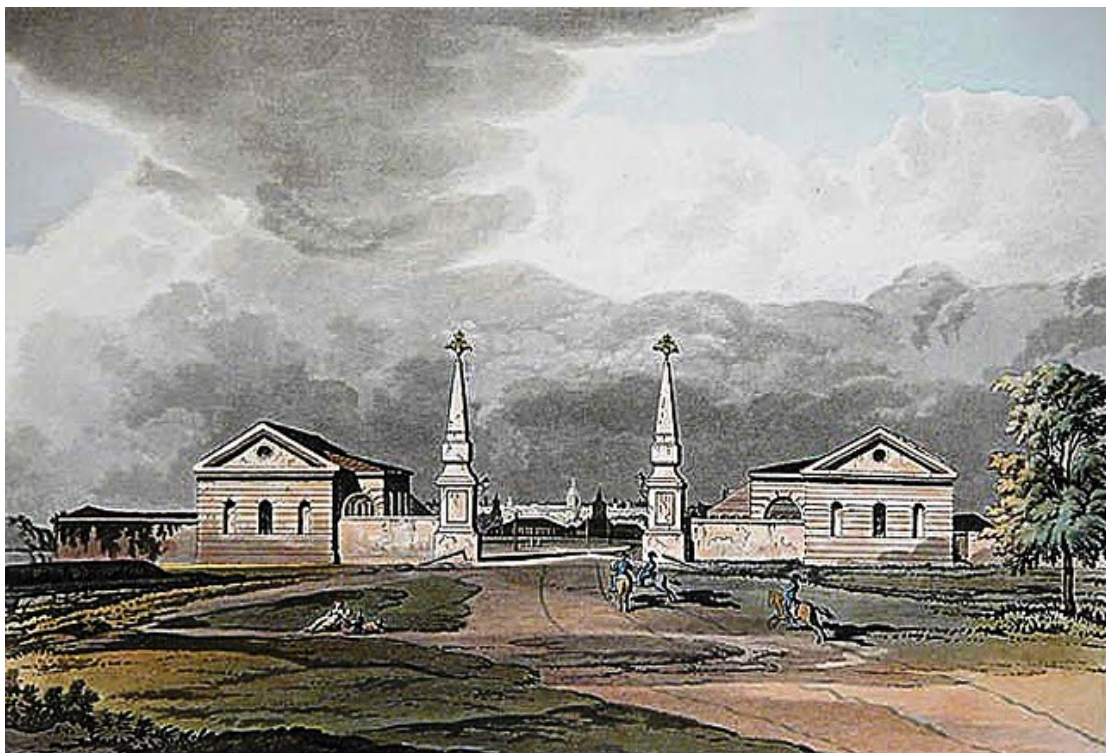

Рис. 18. Вид въезда в Москву со стороны Рогожской (Владимирской) заставы. Неизвестный художник. По гравюре Ф. Кампорези, Лондон, 1813 год.

В Тамбовских губернских ведомостях № 76 за 1881 год было напечатано предложение местного жителя: «В настоящее время, заставы при постоянных расширениях поселений служат указанием бывших границ городов. Но ведь такое назначение застав совершенно бесполезно. В Тамбове есть три заставы, из которых одна – Воронежская может служить украшением красивой улицы – Дворянской. Прочие заставы Моршанская и Астраханская, кроме того, что занимают место, но и безобразят местность своею невзрачною архитектурою – каждая состоит из двух сужающихся кверху столбов. По нашему мнению заставы Астраханскую и Моршанскую давно бы следовало бы разобрать и материал этот употребить на более полезное дело». Воронежская застава действительно стала натурой для старых видовых фотографий Тамбова и была разобрана только в XX веке (рис. 20).

Интересно, что изучая по картографическим материалам конца XVIII – первых десятилетий XIX веков транспортную сеть Тамбовской губернии, можно отметить удивительную особенность: их структура не была абсолютно жесткой, стабильной, установленной раз и навсегда. Дороги скользили по территории губернии, подчиняясь своей определенной логике, своим законам. На каждой последующей губернской карте их становилось все больше, все активнее они опутывали, затягивали, как паутиной пространство, соединяя его в единое целое. Сложившаяся сеть дорог вносила в губернскую карту определенную каркасность, структурность и придавала не только абстрактному чертежу, но и ре-

альному пространству целостный, логически завершенный вид. В отчете губернатора Тамбовской губернии за 1809 год указано: «Дороги почти во всей здешней губернии особеннаго каково либо поправления не требуют. Грунт оных как повсеместно крепкой и сухой, нигде не затрудняет проездов»¹³¹.

Рис. 19. Город Козлов, Тамбовская застава. Старая открытка.

А губернатор соседней Пензенской губернии Андрей Иванович Вяземский – один из образованнейших людей своего времени, фрондирующий аристократ, англоман и мавсон, летом 1796 года предпринял инспекционную поездку по губернии, дабы ознакомиться «с состоянием дорог, мостов и частей наместничества». Уездные чиновники, предупрежденные о посещении их владений его сиятельством, успели подготовиться. Андрей Иванович дорогами остался доволен, хотя и отмечал, что, по-видимому, «оное изрядство не есть следствие попечений или трудов господ Капитанов исправников и их товарищей, а причиною хороший грунт, сухое время и равнина площади»¹³². Прослужив в должности губернатора меньше года, Вяземский попросился в отставку, объяснив ее императору Павлу I так: «Природа влила в мою душу непреодолимое омерзение от кривых дорог»¹³³.

¹³¹ РГИА. Ф. 1281, оп. 11, д. 140.

¹³² Цит. по http://нижнийновгород.рф/references/Governor/Governor_06.html

¹³³ Цит. по <http://www.ostafyevo.ru/>

Хотя это выражение князя, безусловно, имело двойной смысл: независимость во мнении и нетерпимость к мздоимству, присущие Андрею Ивановичу, всегда были плохими проводниками в коридорах власти.

Рис. 20. Воронежская застава города Тамбова. Старая открытка.

Инициированное государством во второй половине XVIII века усовершенствование транспортной сети повлияло на уровень цивилизованности страны и способствовало формированию ее целостности. Но важно еще и то, что в ментальности современников изменилось представление о пространстве. Определенная обустроенность путей сообщения поменяла пространственно-временные соотношения, и территория огромной страны как бы сублимировалась, стала восприниматься освоенной, доступной. Это вызвало не только научный интерес, удовлетворявшийся в исследовательских экспедициях П.С. Палласа, И.И. Лепехина, С.Г. Гмелина, но и праздное любопытство со стороны обывателей. Развилась любовь к путешествиям, которые стали не просто одним из видов развлечения, но и своеобразным способом познания мира.

Именно дорога становится позднее главным местом событий, происходящих в культовых произведениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя. В литературе становится популярным особый жанр – путевые записки. Князь П.А. Вяземский, путешествуя, заводит

свою дорожную памятную книжку и в стихотворении «Станция (Глава из путешествия в стихах; писана 1825 года)» иронично замечает по поводу состояния русских дорог:

Дороги наши – сад для глаз:
Деревья, с дерном вал, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль – проезда нет подчас.¹³⁴

А Пушкин не терял надежду:

Лет чрез пятьсот дороги, верно
У нас изменятся безмерно¹³⁵ ...

Тем не менее, масштаб пространственных перемен и цивилизация российского пейзажа были настолько значительны, а во временном отрезке настолько ощутимы, что современники (в лице Ф.Ф. Вигеля) не могли не заметить: «Пустоши, необитаемые степи покрылись при ней (Екатерине II - Н.Г.) селениями; малоизвестные селения обратились в многолюдные города и зацвели торговлей и общежитием»¹³⁶.

¹³⁴ Вяземский П.А.. Стихотворения. Л., 1958. С. 175.

¹³⁵ Пушкин А.С Сочинения в 3-х т. Т. 2. С. 340.

¹³⁶ Вигель Ф.Ф. Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 1. - М., 1891. - С. 73.

Нормы регулярного градостроительства, распространение которых на деревни Российской империи было заявлено в 1830-х годах,¹³⁷ в действительности незначительно коснулись их реального облика вплоть до последней трети XIX столетия. О «несоблюдении до сих пор предписанных правил» свидетельствует, например, источник 1867 года. Он же сообщает, что даже более урегулированные помещичьи селения успели утратить свою правильность в результате стихийной застройки спустя всего три года после отмены крепостного права: «крестьяне уже, особенно вышедшие из крепостной зависимости, застроили большей частью проулки и наделали произвольных построек».¹³⁸ Перепланировка государственной деревни не носила массового характера.¹³⁹ Повсеместное преобразование сельского ландшафта произошло лишь в позднеимперский период, и его началом послужил указ от 16 июня 1873 года «О пересмотре действующих правил по взаимному земскому страхованию и о порядке издания правил о мерах предосторожности от пожаров в губерниях, в коих введено в действие Положение о земских учреждениях 1 января 1864 г.», возложивший попечение «о лучшем устройстве селений» на земства. Только тогда развернулась масштабная деятельность по преобразованию российской деревни, подобная той, которая охватила города страны столетием раньше. Однако осуществлялась она, как на законодательном, так и на исполнительном уровнях, уже не государственными чиновниками, а местными органами земского самоуправления, которые разрабатывали собственные правила, отменяя принятые ранее правительственные распоряжения и иницируя новые, более эффективные подходы. Пространственно-планировочное переустройство селений, ставшее ключевым направлением в их деятельности, рассматривается на примере Казанской губернии. Речь пойдет о наиболее массовой жилой застройке, преобразование которой затрагивало жизненно важные интересы всего сельского населения.

¹³⁷ Е.И. Кириченко. Градостроительство России середины XIX — начала XX века / Под общ. ред. Е.И. Кириченко. Кн. II. М., 2003. С. 43.

¹³⁸ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 599. Об устройстве городов и селений, 1867 г. Л. 17.

¹³⁹ См. об этом: Нугманова Г.Г. Поселения казанских татар: традиция и ее трансформация в XIX веке // Хан-Магомедовские чтения: [материалы международной научной конференции, 18-20 января 2012 г. / Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ; сост.: Ю.П. Волчок, А.Н. Селиванова; отв. ред. И.А. Бондаренко]. М., Спб., 2015. С. 361-368.

АДМИНИСТРАТИВНО-ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Появлению указа 16 июня 1873 года предшествовал циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева «О благоустройстве городов и селений», подписанный им 8 июля 1867 года. Последовавший вскоре после объявления земской реформы, он служил своего рода наставлением главным государственным чиновникам в губерниях в ситуации перехода полномочий в деле устройства поселений от государства к местным властям. Отметив, что «благоустройство городов и вообще населённых мест постоянно составляло один из важнейших предметов забот и попечений правительства», и что правительство со своей стороны приняло все меры в отношении их правильного устройства, министр сообщал о селениях: «До сих пор попечение об них ... дробилось между несколькими ведомствами. В селениях помещиков при крепостном праве наблюдал за этим заботливый помещик, в селениях государственных крестьян – окружные управления и палаты государственных имуществ, у крестьян горнозаводских – начальство заводов и т.д. Ныне всё сельское население находится в непосредственном ведении губернского начальства и подчинённых ему мировых учреждений и полицейских управлений, и потому оно имеет полную возможность, принимая в этом отношении общие по всей губернии меры, приводить их в исполнение чрез указанные органы своей власти».¹⁴⁰

Циркуляр, немедленно принятый губернатором Н.Я. Скарятиним к исполнению, способствовал тому, что сельское благоустройство стало одним из важнейших предметов усилий Казанского земства, «сознававшего необходимость ... правильного надзора и прямого влияния как на распланирование селений, так и на преследование за нарушение мер предосторожности от пожаров». Уже 5-е губернное земское собрание, состоявшееся два года спустя в 1869 году, было посвящено специально вопросам «распланирования селений, постепенного улучшения их расположения и другим мерам против опустошительности пожаров». «Разные вопросы, относящиеся до этого важного отдела общественного хозяйства и благоустройства», стали предметом постоянных обсуждений и даже ходатайств «к высшему правительству об изменениях в законодательстве, которые оно считало полезными». Одно из них было связано с заменой государственного образцового плана селения на местную его версию, инициированной 8-м губернским собранием 1872 года.¹⁴¹ Так, к моменту выхода указа 1873 года, официально возложившего попечительство «о лучшем устройстве селений» на земства, в Казанской

¹⁴⁰ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 599.

¹⁴¹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3795. Собрание бумаг о суммах на улучшение полицейской и пожарной частей в селениях и о предоставлении в Министерство внутренних дел сведений по сему предмету, 1876 г. Л. 60б.

губернии проблема повышения качества сельской среды уже стала предметом местного законодательного регулирования.

Указ 1873 года¹⁴² вносил дополнения в Положение о земских учреждениях 1864 года.¹⁴³ Возложенное на земские учреждения попечение о лучшем устройстве селений в первую очередь подразумевало их перепланировку в целях обеспечения противопожарной безопасности. В дополнение к статье 64 к ведомству уездных земских учреждений «в особенности» было отнесено «составление планов на устройство селений, сообразно как с действующими по этой части узаконениями, так и с местными постановлениями о мерах предосторожности от пожаров». Планы предполагалось составлялись лишь «в потребных случаях» – при устройстве нового поселения, перестройке селения после опустошительного пожара и т.п. Разработанный план подлежало предъявлять на ознакомление сельским обществам и владельцам располагавшихся в черте селения земельных участков, затем с приложением приговоров сельских обществ и отзывами землевладельцев он следовал на утверждение губернатора. В исключительных случаях при возникновении затруднений «по приведению в действие предположенного распланирования» дело могло предварительно рассматриваться в губернском по крестьянским делам присутствии с участием председателя губернской земской управы. Одобренные губернскими земскими собраниями постановления, подготовленные с учётом «мнений» уездных собраний, также препровождались губернатору, который их утверждал («если не встречал препятствий к изданию предположенных правил») и делал распоряжение об их напечатании в губернских ведомостях.

Передача прав по составлению правил сельского устройства местным властям влекла за собой отмену шестнадцати статей Строительного устава (415-510). Из их числа были выделены 4 статьи (429, 449, 463 и 465), касавшиеся посадки между дворами «скорорастущих» деревьев. По воле императора, высказанной министру государственных имуществ «относительно принятия мер к тому, чтобы вызвать участие земства к насаждению деревьев близ крестьянских строений и селений», это правило было решено узаконить «административным порядком», сделав обязательной для всех земств. Это норма, «могущая принести несомненную против распространения пожаров пользу», была

¹⁴² ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 48. № 52396 от 16 июня 1873 г. – Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 26 июля. – О пересмотре действующих правил по взаимному земскому страхованию и о порядке издания правил о мерах предосторожности от пожаров в губерниях, в коих введено в действие Положение о земских учреждениях 1 января 1864 года.

¹⁴³ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 39. № 40457 от 1 января 1864 г. – Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях.

объявлена указом от 12 апреля 1876 года.¹⁴⁴

Проект нового Устава взаимного земского страхования, разосланный в соответствии с указом 1873 года на предварительное рассмотрение всех губернских и земских собраний, затем, «по соображении доставленных ими замечаний», представленный на окончательное рассмотрение Государственного Совета, получил утверждение 18 мая 1876 года. В губерниях, где запасный страховой капитал достигал размера, равнявшегося общей сумме годовых издержек по страхованию по средней сложности прошедшего пятилетия, земствам разрешалось образовавшиеся сверх того остатки от страхового сбора употреблять на меры предупреждения и пресечения пожаров в селениях, по усмотрению губернских земских собраний.¹⁴⁵

Приступая к реализации указа 16 июня 1873 года, Казанская губернская земская управа, полагая, что «последующий опыт мог изменить некоторые воззрения уездных земств или вызвать новые соображения», вновь запросила их мнения, предложив в целях «ускорения возможности поставить страховое дело в более правильные условия» дать ответы на следующие вопросы: «1. Какие изменения отягощения населения сделать в существующем порядке распланирования селений после пожаров; 2) Какие изменения, непротиворечащие законам, полезно было бы сделать в ныне принятом образе действий для постепенного приведения селений к более безопасному расположению их построек посредством переноса ветхих домов из тесного ряда строений на новые места и 3) Какие правила, касающиеся до предосторожности от пожаров и тушения их, желательно было бы постановить в дополнение к существующим по сему узаконениям?». ¹⁴⁶ 9-му губернскому земскому собранию, состоявшемуся 18 декабря 1873 года, были представлены доклад губернской управы и заключение «особой» комиссии.

Ключевое место в обсуждении занял вопрос о том, какими чертежами надлежало руководствоваться при составлении планов селений, несмотря на уже почти годовую практику следования образцу, принятому 8-м губернским земским собранием 1872 года. Против него выступало Свияжское земство, призывавшее следовать «нормальному» плану, приложенному к Своду законов.

Предметом спора была ширина усадеб, по государственному образцу назначенная в

¹⁴⁴ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 47. Переписка о выдаче крестьянам пособий на перенос строений на запасные плановые места, 1889 г.

¹⁴⁵ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 49. Отчет Казанской губернской земской управы за 1889 год о ходе взаимного земского страхования строений от огня в Казанской губернии, 1890 г.

¹⁴⁶ НАРТ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 3792. О сообщении в Министерство внутренних дел сведений о распоряжениях уездных земств Казанской губернии по посадке между постройками в селениях деревьев и об обмене прежних усадебных мест, 1876 г. Л. боб.

14 сажень, а местным постановлением принятая в 8 сажень. Между тем, именно в излишней обширности дворов и узости проулков губернская управа видела основной недостаток общероссийской нормы, указывая на её неприменимость в условиях Казанской губернии. Составители «такого расположения», по мнению управы, преследовали три цели – «1) доставление обширным двором больших удобств крестьянину в его домашнем хозяйстве 2) достижение более полной безопасности от пожара всякого дома и всякой постройки на дворе удалением их друг от друга, сберегая пространства земли 3) достигнуть общей безопасности селения таким расположением домов, при котором боковые огороды расширяют проулки».¹⁴⁷

Однако, управа обратила внимание собрания на то, что в селениях Казанской губернии эти нормы не соблюдались, чему имелись объективные причины: «Но в нашей губернии ни одна из предположенных целей не достигалась доселе вполне. Внутреннего хозяйственного удобства обширный двор удобства не доставлял крестьянину потому, что в нашем климате ему было необходимо огородить двор со всех сторон от ветров и метелей, чтобы не зябнул скот на дворе и он сам в избе, со всех сторон открытый ветру. При дороговизне же у нас строительного материала, было бы обременительно для крестьянина первоначальное устройство и впоследствии поправка большого двора. Повинуясь однакож необходимости, крестьянин, когда его обременяли таким двором, кончал тем, что ограждал его со всех сторон плетнями и соломой, и нарушал таким образом безопасность каждого строения на своем дворе. Безопасность всего селения не достигалась боковыми огородами, потому, что крестьяне, владея пустыми местами и загородив их вследствие тех же причин, которые заставляли застраивать дворы, доползали со временем какими-нибудь постройками, иногда даже несовершенно им принадлежащими, наприм[ер], кельей какой-нибудь родственницы, до крайнего предела проулка. Огорода, нарисованного на чертеже, на этих местах не разводилось почти никогда, потому что для хороших огородов необходимо удобное расположение относительно солнца, близости воды и различные условия, которые в редких селениях доставляются местами, подходящими к проулкам. Эта-то застройка огородов и была причиной того, что многие селения государственных крестьян представляют теперь сплошные ряды домов, где между большими избами можно видеть на некоторых расстояниях маленькие кельи, все соединенное общею связью соломенных навесов и высоких заборов».¹⁴⁸

¹⁴⁷ Там же. Л. 10-10об.

¹⁴⁸ Там же. Л. 11.

Поскольку застроенный со всех сторон двор представлял одинаковую опасность независимо от его площади, управа считала более целесообразным придерживаться именно местного чертежа. В этом случае участки, приведённые уже к установленной правительством норме в 14 сажень, подлежали сужению до принятой земством в 1872 году 8-ми саженной меры. Проулки предлагалось назначить шириной не уже 15 сажень, «или, по крайней мере, 14, пожалуй, с огородами», предоставив в каждом селении крестьянам самим определить минимально допустимую величину [там же].

Одной из эффективных противопожарных мер считалось т.н. гнездовое расселение. Количество предлагаемых в гнёздах домов варьировалось от 2 до 8, а комиссия собрания 1872 года допускала и 10 домов при 15-ти саженных проулках при условии, что они обязательно будут засажены деревьями. Сейчас губернская управа определила оптимальное для таких малоземельных местностей как Казанская губерния число домов в гнёздах не более шести.¹⁴⁹

В отношении приведения к более безопасному расположению селений, не пострадавших от огня, Управа заявила, что «лучшим, по ее мнению, способом выйти на прямой путь в этом деле было бы отказаться совершенно от намерения перестраивать селения заново по каким бы то ни было чертежам, так как такая перестройка связана со всеобщим передвижением домов, совершенно неудобноисполнимым». Исключению подлежали лишь «некоторые татарские селения, построенные тесно и совершенно беспорядочно, потому что такие селения действительно невозможно [было] привести к более безопасному расположению иначе, как передвинув в них все дома».¹⁵⁰ Для селений же, подвергнувшихся урегулированию («построенных улицами»), предлагалось довольствоваться расширением до 15 сажень существующих проулков и созданием новых.

Осознавая, что «такой способ действий будет, конечно, иметь последствием, что существующие наши селения никогда уже не будут построены по чертежам, и безопасность их будет ограждаться лишь одними широкими проулками (спасшими не раз наши селения от опустошительных пожаров)», управа, тем не менее, считала его более целесообразным с точки зрения реализации по сравнению с перестройкой заново по планам: «для них (селений – Г.Н.) можно предпочесть такую будущность, более близкую, чем совершенная перестройка, потому что 1) проделать проулки несравненно легче, чем передвинуть дома 2) надзор за целостью проулков гораздо удобнее надзора за правильным

¹⁴⁹ Там же. Л. 11об.

¹⁵⁰ Там же.

перемещением в свое время на плановое место каждого дома и каждой постройки 3) что ширина проулков уменьшит необходимость слишком упорного вмешательства нашего надзора во всякие малейшие изменения и во внутреннее расположение дворов, ненавистного крестьянину и всегда почти безуспешного, а главное 4) что такой способ действия для приведения к более безопасному расположению селений уменьшит на огромный процент число домов, на которое ляжет тяжелое запрещение капитальных исправлений».¹⁵¹

Таким образом, расширение существующих проулков и учреждение новых признавались самой эффективной и реальной мерой, которая, однако, представлялась легко исполнимой лишь по сравнению с полной перестройкой по чертежам.

Продукты первоначально надлежало назначить на плане и на местности. Только таким образом можно было изменить существующий порядок надзора, когда ни один домохозяин не имел полной уверенности в том, что дом его останется на прежнем месте, на всякую постройку требовалось испрашивать предварительного дозволения уездных управ и, кроме того, «испытывать часто на себе разорительное действие мелких злоупотреблений, которым порядок этот представлял обширное поле». Предварительное назначение проулков, а, следовательно, и домов, попадавших под снос, управа считала возможным осуществить без злоупотребления лишь двумя способами, а именно: снятием всех поселений заранее на планы в их существующем виде и назначением проулков самой уездной управой либо на планах, либо непосредственно в селении, но не техниками и старшинами, а лично членами управ.¹⁵² Последнее представлялось более предпочтительным, поскольку позволяло учитывать физическое состояние построек, а наибольшее количество переулков могло быть устроено исключительно путем воспрещения возобновления расположенных на их месте домов. Предложенный рядом уездных собраний перенос домов с вознаграждением за счет страхового капитала виделся менее результативны по причине незначительности ассигнованной на это суммы. Такие переносы могли быть делаемы лишь в исключительных случаях, например, в целях обеспечения безопасности множества домов.¹⁵³

Составленные на селения планы с приложением приговора жителей представлялись на утверждение губернатору. После утверждения плана дома, расположенные на местах, где назначены проулки, не подлежали возобновлению и

¹⁵¹ Там же. Л. 11об.-12.

¹⁵² Там же. л.12-12об.

¹⁵³ Там же. Л. 13.

капитальному исправлению, о чем старшинами объявлялось не сельских сходах. Вопреки мнению Цивильского земства, губернская управа полагала ввести это ограничение исключительно на стены, поскольку запрещение менять сгнившие балки и матицы «при бедности и беспечности многих крестьян могло бы иметь дурные последствия».¹⁵⁴

Надзор за невозобновлением запрещенных домов и целостью проулков возлагался на сельских старост и волостных старшин и находился под контролем уездных управ. Сельским старостам вменялось в обязанность немедленно останавливать «собственную властью» всякую незаконную постройку в селении, а в случае неповиновения – донести старшине или даже уездной управе (если его донесение старшине не имело последствий). За упущение в надзоре старшина и сельский староста подлежали привлечению к ответственности со стороны уездной управы. В строгом надзоре и запрете поправлять стены управа видела залог в успешном достижении желаемой цели.¹⁵⁵

Управа предсказывала рост переносов строений по соглашению с вознаграждением из страхового капитала, полагая, что «крестьяне, убедившись раз в невозможности остаться навсегда на местах, назначенных под проулки, станут охотнее соглашаться на делаемые им предложения». Считая эту меру полезной, она выступала за её финансовое обеспечение предложенным Свияжской управой способом – отменив существующее ограничение размера вознаграждения, предоставив определение суммы уездным управам, а согласие на выдачу – губернской управе.¹⁵⁶

Предложенное уездными земствами расширение улиц до 20 сажень управа считала в больших масштабах задачей трудно выполнимой, поскольку требовала «передвижения назад» огромного количества домов. Поэтому в обязательном порядке ее надлежало применять «лишь при возведении совершенно новых домов», при перестройке селений после пожаров и устройстве новых поселений, причем взяв за норму ширину улицы не 20, а 30 сажень. Масштабное же расширение улиц при приведении в лучшее положение существующих селений могло быть допущено в исключительных случаях путем воспрещения возобновлять дома, постепенно по согласию на это самих жителей и без вознаграждения за это от земств.¹⁵⁷

Того же мнения управа придерживалась относительно предложения Лаишевского собрания о разделении деревни «на отдельные посёлки» путем образования на отдалённых местах новых поселений – выселков. Она допускала её применение лишь при

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же. Л. 13об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 14.

¹⁵⁷ Там же. 14-14об.

новом распланировании после пожаров и при увеличении количества домов в селениях, но обязательно без вознаграждения со стороны земства. Высказанное двумя земствами мнение о необходимости при избрании мест для нового поселения убеждаться в годности этих мест «в гигиеническом отношении чрез осмотр их медиком» было ею поддержано с рекомендацией сделать «такой образ действий» обязательным для всех уездных управ.¹⁵⁸

Предложенное одним из земств значительное удаление гумен от селений с указанных в Строительном уставе 25 до 100 сажень управа сочла излишней, предложив принять, «применяясь к условиям местности», обязательное расстояние от 40 до 100 сажень. По её оценке, селения редко горели от гумен, к тому же отдалённость гумен от жилища создавала бы большие неудобства для мелкого крестьянского хозяйства.¹⁵⁹

Удаленность бань, сушилен, красилен и тому подобных заведений регламентировалась Строительным и Пожарным уставами, а потому вынос их за пределы селений должен был давно уже осуществиться. Неисполнение этого губернская управа относила к отсутствию прямого распоряжения, «касающегося до всякого селения и владельца в нем заведения, действующего огнем», и призывала уездные управы изменить сложившееся по данному вопросу положение дел.¹⁶⁰

Далее управа перешла к мерам предосторожности, «не включённым в законы или, хотя включённым в оные, но таким, от немедленного исполнения которых можно [было] ожидать значительной пользы». Ввиду необходимости переделки печей и труб для всего населения управа предложила тем уездам, где отсутствовали кирпичные заводы, отпускать по 300 рублей для выдачи заимообразно лицам, которые пожелали бы производить там кирпич.¹⁶¹ В посадке деревьев затруднения могли быть вызваны лишь неудобством почвы и нехваткой саженцев. Распространение глиносоломенных крыш представлялось «улучшением во всех отношениях в устройстве крестьянских жилищ». Если прошлое собрание постановило, что «обязательно можно будет требовать их устройства только тогда, когда несколько таких крыш будут уже сделаны в районе волости», то сейчас управа была убеждена, что «обязательно этого требовать не будет возможно никогда, потому что ежели от отвлечённого представления о пользе таких крыш перейти к уяснению себе способа обязательного их осуществления, то необходимо будет прийти к заключению, что самые настойчивые действия власти вряд ли могли бы заставить население целой губернии, против его воли, сделать такое значительное

¹⁵⁸ Там же. Л. 14об.-15.

¹⁵⁹ Там же. Л. 15-15об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 15об.

¹⁶¹ Там же. Л. 17-17об.

изменение в его быту, как изменение способа крыть жилища, тем более, что эта работа не может быть исполнена на денежные средства, а должна быть сделана трудом населения и его уменьем». Тем не менее, управа считала стоящим попробовать распространить такой способ крыть крыши, обучив на средства страхового капитала нескольких мастеров и сделав первый опыт над школами и общественными зданиями, как того предлагала Свияжская управа.¹⁶²

По заслушании доклада губернской управы собранию было представлено заключение комиссии, которая по большинству позиций согласилась с выводами губернской управы. Категорическое возражение с её стороны вызвало лишь предложение об узаконении сто саженого удаления от дворов гумен, могущее, по её мнению, привести к «стеснению по недостаточности земельных угодий, преимущественно у крестьян однодесятников». Собрание встало на сторону управы и одобрило расстояние в 40-100 сажень.¹⁶³ Утверждённый проект Правил о мерах предосторожности от пожаров в Казанской губернии был опубликован в губернских ведомостях и по напечатании в потребном количестве экземпляров разослан всем мировым посредникам, мировым судьям, в уездные управы и волостные правления.

С начала 1870-х годов Казанское земство развернуло деятельность по составлению планов всех селений Казанской губернии, которая осуществлялась техниками созданного при губернской земской управе технического отделения. Первоначально фиксировалась существующая застройка с усадебными местами – пазьмами, обозначенными черными линиями. Затем непосредственно на съёмочный чертеж накладывалась запроектированная застройка, отвечающая правилам пожарной безопасности, с разделительными переулками и новыми участками – «запасными плановыми местами», обозначенными красными линиями и предназначенными под постепенный перенос крестьянских построек по мере ветшания строений на прежнем месте. По одному экземпляру утверждённого плана поступали в губернскую и земскую управы, третий хранился в волостном правлении для осуществления отвода дворов и координирования процесса на месте. Суть плана этого документа заключалась в том, что крестьяне заранее были осведомлены о предстоящей перепланировке и заявляли о своём согласии на это приговором общества, заверенным «подписами» его членов. Особое значение имело участие в приговоре тех домохозяев, чьи места отходили под переулки и новые наделы – их отсутствие могло служить основанием

¹⁶² Там же. Л. 18об.-19.

¹⁶³ Там же. Л. 29.

для отказа в утверждении плана.

Большая загруженность составителей планов неизбежно сказалась на качестве последних. В 1903 году губернатора П.А. Полторацкого возмутил вид представляемых к нему на утверждение планов селений, «составленных или на бумаге, подвергающейся скорой порче и притом неблаговидной, или в самых произвольных форматах, начиная с большого листа и кончая размером четверти писчей бумаги». На них отсутствовали засвидетельствования земских управ, земских начальников и сельских обществ; неясно показывались дворовые участки, существующие и проектируемые; чертежи составлялись без масштаба, не покрывались условленными колерами, отсутствовали нумерация и необходимые пояснения о том, какие места отводятся под гумна и какие под огороды; на выкопировках наносились лишь проектируемые пазымы без изображения существующей планировки селения. «Находя необходимым однообразие представления земскими управами планов селений, при том таких, кои во всем отвечали бы требованиям закона и правилам о составлении планов», губернатор препроводил в губернскую управу для точного руководства изданный правительством «примерный» план селения, пригрозив, что «всякий план, не имеющий засвидетельствования управы, или же участкового земского начальника и сельского общества и тех землевладельцев, собственность коих находится в черте селения, будет оставаться без утверждения». Кроме губернатора циркуляр подписал губернский инженер Л.К. Хрщонович.¹⁶⁴

Состоявшееся 4 февраля 1905 года 58-е экстренное губернское земское собрание изменило главных действующих лиц преобразовательных процессов, переложив обязанность по выдаче разрешений на возведение построек и отвод плановых усадебных мест с волостных старшин на страховых агентов.¹⁶⁵ Теперь всякий домохозяин, желавший построить вновь или перестроить жилое и всякое другое отапливаемое печью строение, обязан был на эту постройку испросить письменное разрешение страхового агента. Доводить до его сведения должны были и при починке строений – жилых или других отапливаемых печами, за исключением крыш, постройке вновь сараев, навесов и прочих легких помещений. Крестьян призывали обращаться за разрешением заблаговременно (а не в весенне-летний период, когда наступало время строить, а агенты находились в разъездах), при подаче прошений сообщать имена соседей по обе стороны «дабы агент безошибочно мог найти на плане усадебное место просящего разрешение». Страховым агентам из волостных правлений были переданы копии планов и неиспользованные книги

¹⁶⁴ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 49. Л. 1-1об.

¹⁶⁵ Там же.

свидетельств на разрешение построек.¹⁶⁶

В 1906 году Казанская губернская земская управа, столкнувшись с тем, что многие агенты, не находя возможным дать разрешение на возведение построек, нарушавших план и правила, посылали к ней для ходатайства крестьян, которые «несли напрасные расходы на поездку в Казань», объявила, что не вмешивается в разрешение построек, а лишь рассматривает жалобы по этому вопросу. Считая такое колебание в деле разрешения построек подрывавшим авторитет агентов перед крестьянами, она призвала их не посылать к ней крестьян, а обращаться за разъяснениями самим.¹⁶⁷

На подлежавшие обязательному земскому страхованию крестьянские строения составлялись по установленной губернской управой форме страховые ведомости. От агентов требовалось в присутствии двоих «добросовестных» крестьян и сельского старосты лично осмотреть, описать, оценить и внести в ведомость все постройки каждого домохозяина, отметив те из них, которые были возведены самовольно с нарушением плана и Строительного устава, а также избы с плохими трубами и печами, отапливаемыми по-черному. Они не могли быть приняты к дополнительному страхованию, в отличие от построек, «хотя и построенных не по плану, но отстоявших от соседних на 20 сажень и более». Окладные (обязательные – Г.Н.) суммы страхования на пятистенки назначались на 50 % выше установленных – 30 рублей вместо 20 для изб, и 15 рублей вместо 10 для холодных строений. По окончании описи и оценки в первом намеченном селении с количеством дворов не менее 100 агентам предписывалось подготовить первый белой экземпляр таблицы с подведением итогов оценочных и окладных сумм как по каждому двору, так и в целом по селению, а затем прислать его для просмотра в губернскую управу не позднее 20 мая. Вся работа по составлению ведомостей на местах подлежала завершению к 15 августа, переписка набело двух экземпляров (в губернскую управу и волостное правление) с подведением всех итогов – к 1-му октября.¹⁶⁸

По мере разворачивания деятельности круг возложенных на страховых агентов обязанностей возрастал. В 1909 году на них была возложена и посадка деревьев. Статьи 76 и 77 обязательных правил о мерах предосторожности от пожаров требовали, чтобы проулки, огороды и «вообще промежутки между дворами» засаживались скорорастущими деревьями лиственных пород, причем Казанское земство рекомендовало применять ивовые и ветловые колья длиной от 3 до 4 аршин. Агентам было предписано

¹⁶⁶ Там же. Л. 3-3об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 6.

¹⁶⁸ Там же. Л. 11-11об.

ходатайствовать перед уездной управой об отпуске потребной суммы, затем, приобретя необходимое для посадки количество кольев, зарыть их в снег до оттаяния земли, а весной раздать домохозяевам с тем, чтобы они вставили их в заранее приготовленные ямки.¹⁶⁹

В 1910 году из ежемесячных отчетов управа установила низкую занятость большинства страховых агентов в течение нескольких месяцев с ноября по февраль («и даже март»). Между тем, как показывали ревизии, почти у каждого из них всегда имелось немало дел по составлению дополнительных планов, черчению копий с утверждённых планов и т.д., оставшихся неисполненными. Управа потребовала, чтобы «г[оспода] страховые агенты» зимнее время, свободное от занятий по делам взаимного страхования, посвящали исполнению дел по черчению подлинных планов и снятию с них копий, помня, что эти дела относились к их прямой обязанности.¹⁷⁰ Колоссальная нагрузка, по-видимому, не позволяла страховым агентам справляться с взваленным на них объёмом работ. В 1916 году управа обнаружила, что страховые агенты, отводя усадебные места под постройки, не составляли на них, как того требовала инструкция, дополнительных планов, вследствие чего вновь отведённые и застроенные по приговорам общества усадебные места в селениях оставались ненанесенными на основные утверждённые планы. Последовавший циркуляр потребовал от агентов составление дополнительных планов по всем селениям своего участка, с нанесением на них отведённых и застроенных по приговорам обществ усадеб, а также и застроенных неплановых мест без приговоров обществ, с указанием ширины улиц и проулков и размеров усадеб.¹⁷¹

По неправильно и самовольно возведённым постройкам страховые агенты составляли акты, которые уездными управами передавались на разбирательство в волостные суды. Усмотрев в 1910 году, что эти волостные суды решения о сломе строений постановляли в очень редких случаях и налагали небольшой штраф, губернская управа нашла такой порядок передачи актов нецелесообразным и нежелательным. Для привлечения виновных к ответственности уездным управам было велено направлять все поступающие к ней акты о неправильных и самовольно возведённых постройках к земским начальникам, на которых возлагалась ответственность за исправление нарушений.¹⁷²

Тогда же выяснилось, что приведение в исполнение приговоров о сломке неправильно возведённых крестьянами строений во многих случаях откладывалось, а

¹⁶⁹ Там же. Л. 20-20об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 23, 33.

¹⁷¹ Там же. Л. 56.

¹⁷² Там же. Л. 27.

иногда приговоры эти и вовсе не осуществлялись, исключительно по причине отсутствия в распоряжении волостных правлений сумм на эти расходы. Придавая важное значение «скорейшему приведению в исполнение решений суда о сломке неправильно возведённых построек в селениях с целью разрежения селений и приведения их в плановое состояние», губернская управа постановила отнести расходы по сломке присуждённых к переносу построек на счет страхового капитала в размере трёх рублей по каждому приговору. Волостным правлениям надлежало строго следить за вступлением в законную силу приговоров волостных судов и немедленно приговоры эти приводить в исполнение, обратившись к губернской управе с прошением об ассигновании необходимой суммы. Отдавая себе отчёт в мизерности назначенной суммы, управа призывала «стараться сломать те части здания, за отсутствием которых постройка должна [была] прийти в негодное для жилья состояние и, тем самым, понудить владельца строения убрать строительный материал от разломанных построек и очистить место».¹⁷³

В целях упорядочения взаимодействия с судами управа внедрила «выработанные» ею единообразные формы протокола и заявления в суд на предмет привлечения к ответственности виновных в нарушении плана, Строительного устава и обязательных постановлений губернского земства.¹⁷⁴

Настаивая на устранении нарушений, губернская управа призывала страховых агентов не оставлять вниманием случаи неправильно возведенных построек после передачи составленных на них актов в суды, которые часто закрывали дела «за давностью». Ревизия делопроизводственных материалов показала, что страховые агенты в подобных случаях нередко не только не подавали апелляционных жалоб, но и вовсе переставали составлять акты на застроенные с нарушениями усадьбы. Между тем, как следовало из неоднократных разъяснений Правительствующего Сената, на дела о нарушении Строительного устава по привлечению виновных по статье 68 Устава о наказаниях давность не распространялась. В 1915 году страховым агентам было предписано в обязательном порядке составлять акты на все возведённые с нарушением Строительного устава строения. В случаях применения судами принципа давности агентов призывали ссылаться на решения Правительствующего Сената, принятые по делам Галибина, Григорьева и Вуторина в 1871 и 1873 годах, которыми объявлялось: «обязанность сломать, исправить или перенести неправильно возведенное строение не есть наказание, а лишь неизбежное последствие нарушения, установленное для

¹⁷³ Там же. Л. 28-28об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 37.

устранения опасности от допущенных нарушений строительных правил; посему обязанность эта не погашается за давностью». Кроме того, при возбуждении дел о неправильно возведённых постройках от агентов в обязательном порядке требовалось предоставлять суду первых двух инстанций выписки из обязательных постановлений губернского земского собрания или Правил о мерах предосторожности от пожаров, на основании которых дело было возбуждено, выкопировку с плана селения, а также свидетельство о том, что «такое-то селение имело утверждённый установленным порядком план».

Необходимость сопровождения дел полным комплектом приложений обуславливалась конкретным случаем из практики юрисконсульта Казанской губернской управы, когда Правительствующий Сенат оставил кассационную жалобу без последствий «единственно только потому, что к делу не были приложены указанные выше документы; представлять же в Сенат новые документы, по правилам процесса [было] нельзя».¹⁷⁵ В 1916 году губернская управа, узнав из донесения чебоксарского уездного съезда, что земские страховые агенты игнорируют это требование при возбуждении дел о нарушениях Строительного устава, повторно обязала непременно прикладывать к направляемым в суды протоколам планы селений или выкопировки из них.¹⁷⁶

В 1916 году министр внутренних дел особым циркуляром попросил начальников губерний сделать распоряжение, чтобы сельские власти, а через них и крестьяне были ознакомлены с правилами, касающимися возведения построек в селениях. Появление циркуляра было связано с поступившими за последнее время в значительном количестве от крестьян различных губерний прошениями о неприведении в исполнение наложенных на них судебными приговорами обязанностей сломки или перенесения на другое место построек, возведённых просителями с нарушениями Строительного устава или местных правил. Выяснилось, что основной причиной нарушений со стороны крестьян было незнание с строительным законодательством. В масштабах страны дело представлялось крайне серьёзным, поскольку приведение в исполнение судебных приговоров было сопряжено с значительными денежными издержками для крестьян и даже чревато полным разорением, а оставление таких неправильно возведённых построек сохраняло пожарную опасность.¹⁷⁷ Выясняя положение дел в Казанской губернии, управа произвела через страховых агентов дознание, «были ли виновные при начале

¹⁷⁵ Там же. Л. 51-51об.

¹⁷⁶ Там же. Л. 63-63об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 57-57об.

строительных работ извещены сельскими или волостными властями о том, что постройки ими возводятся неправильно, и принимались ли необходимые меры к устранению замеченных неправильностей и отступлений от устава строительного и правил о мерах предосторожности от пожаров». Последовавший циркуляр разъяснял требование министра внутренних дел и призывал производить осмотр крестьянских построек в самом начале строительных работ.¹⁷⁸

Изданные Казанским земством *Правила о мерах предосторожности от пожаров в селениях* в начале XX века изменили своё название на *Правила о мерах предосторожности от пожаров вне городских поселений и о возведении сельских построек*. Поменялись и некоторые его положения. С расширением прав страховых агентов другую редакцию получила 72 статья, а статья 73 и вовсе была отменена. В 1910 году свод местных законов был дополнен особым параграфом, регламентировавшим расстояние между крестьянскими и земскими постройками: «§ 80а. Расстояние между крестьянскими и земскими постройками, находящимися в черте крестьянской усадебной оседлости, должно быть 20 сажень, а для земских зданий, возведённых отдельно в стороне от крестьянских строений, 25 сажень». Это принятое на 45-м губернском собрании ограничение распространялось лишь на вновь возводимые строения.¹⁷⁹ 47-е собрание 1912 года сократило расстояние между земскими зданиями и жилыми усадьбами до 15 сажень, допустив при наличии брандмауэра и меньшие расстояния.¹⁸⁰ Распространение в селениях строений с нефтяными двигателями вызвало закономерный вопрос относительно расстояния, на котором их следовало размещать от усадебных строений. Статья 79 действующих правил регламентировала расположение лишь бань, кузниц, сушилен и прочих такого рода огнеопасных построек. Собрание 1912 года причислило постройки с нефтяными двигателями к числу огнеопасных и постановило минимальное расстояние 25 сажень для деревянных строений, и 15 сажень для зданий, возведённых из огнеупорного материала.¹⁸¹ Огнеупорное строительство допустили в 1913 году и на участках, строения которых по утверждённым планам были назначены к сносу под переулки, улицы и площади, либо «по маломерности усадеб и скученности» – новшество дополнило содержание 75-й статьи Правил.¹⁸²

Серьёзным препятствием изданные земством Правила стали в результате указа от 9

¹⁷⁸ Там же. Л. 58-59.

¹⁷⁹ Там же. Л. . 24-24об.

¹⁸⁰ Там же. Л. 36-36об.

¹⁸¹ Там же. Л. 34-34об.

¹⁸² Там же. Л. 43-43об.

ноября 1906 года, предоставившего крестьянам право свободного выхода из общины с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходивших к личному владению, участков из мирского надела.¹⁸³ Для претворения закона в жизнь в губернии была учреждена особая комиссия под председательством губернатора М.В. Стрижевского и в составе его членов из чиновников губернского присутствия и губернской землеустроительной комиссии, а также губернского землемера А.В. Барчана.¹⁸⁴

Состоявшееся 31 декабря 1908 года заседание обсуждало вопрос, возбуждённый губернским земством в связи с прошением крестьянина деревни Яргейкино Татаркасинской волости Козмодемьянского уезда Анисима Герасимова. По утверждённому на это селение плану его строения подлежали переносу на запасное плановое место для образования проулка. Между тем он на основании закона 9 ноября 1906 года укрепил за собой в собственность занимаемое им ныне усадебное место. В результате, по донесению страхового агента, «линия построек в 17 дворов на долгое время, если не навсегда, оставалась без всякого разрыва», поскольку остальные домохозяева, занимая плановые участки, не пожелают уступить их для образования проулков, а Герасимов, даже если бы и пожелал освободить свое неплановое место и переселиться на запасное плановое, в настоящее время уже был лишен этой возможности как получивший свою усадьбу в полную собственность и вышедший из общества, которое едва ли захочет отвести ему другое место.

Таким образом, суть проблемы заключалась в неправильной передаче в собственность участка, по плану подлежащего уничтожению. В собственность участки отводились по особому приговору сельских обществ о согласии на укрепление усадебных мест. В нём сообщались номера пазьм по плану, как существующего расположения построек, так и по утверждённому проекту распланирования (показанные на плане черным и красным цветом соответственно). Закреплению в собственность подлежали исключительно изображенные красным плановые владения, на которые страховые агенты выдавали крестьянам именные разрешительные свидетельства. Только на них можно было производить постройки, а не на существующих усадебных местах, на которых для образования улиц, проулков и т.п. разрывов строиться вовсе не разрешалось.

Подобные случаи не были единичными, и проблема остро встала перед земством, «на обязанности которого лежало наблюдение за правильностью возведения в селениях

¹⁸³ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 16. № 28528 от 9 ноября 1906 г. – О дозволении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования.

¹⁸⁴ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 63. По распланированию селений и противопожарным мероприятиям. Циркуляры, 1904-1916 гг. Л. 9.

построек и разреживанием их с противопожарной целью». В связи с ситуацией Герасимова губернская управа обратилась в губернское правление, «озабочиваясь успешным приведением селений с противопожарной целью в плановое состояние и вместе с тем, не желая подвергать единичных крестьян, дома которых по утверждённым планам назначены к выселению, возможному риску в будущем остаться совсем без усадеб, тем более, что за земством осталось законное право запрещать возводить какие то ни было новые постройки на местах, назначенных по плану для образования улиц, проулков и интервалов, хотя бы и укрепленных в личную собственность крестьянам». Она просила сделать распоряжение, чтобы волостные старшины при поступлении к ним для проверки и засвидетельствования закрепительных приговоров обязательно требовали от крестьян подписанный местными земскими страховыми агентами документ, подтверждавший, что закрепляемое усадебное место значилось по утверждённому плану под таким-то номером и подлежало к застройке согласно правил Строительного устава, одновременно разъясняя тем крестьянам, дома которых по плану назначены к переносу, весь риск закрепления за собою таких усадеб, в которых в будущем возводить какие-то ни было постройки было нельзя.¹⁸⁵

Обсуждая проблему, поднятую губернским земством, Комиссия исходила из следующего. Усадебные участки при общинном землепользовании составляли личную собственность домохозяев (статья 1 раздела 3 указа). Они значились за ними по документам, указанным в статье 2 раздела 2. Поэтому предъявление от местного земского страхового агента справки, свидетельствующей о том, что укрепляемое место значилось на плане под определённым номером, не могло быть признано решающим при подтверждении права заявителя на участки усадебной земли. В то же время, то обстоятельство, что укрепивший в личную собственность надельную землю домохозяин вышел из общины, не могло служить основанием для освобождения его от выполнения требований Строительного устава и правил, определённых обязательными постановлениями губернского земского собрания, тем более, что усадебные участки даже при общинном землепользовании по закону составляли личную собственность домохозяев.

Положение складывалось таким образом, что при осуществлении утверждённого на устройство селения плана укрепивший землю в собственность домохозяин, строения которого подлежали переносу на запасное плановое место, мог оказаться лишённым

¹⁸⁵ Там же. Л. 9-9об.

возможности остаться в селении, в случае, если его усадебный участок по новому распланированию отходил под переулок, и в то же время без согласия общества он не имел права возвести постройки на укрепленных наделах полевой земли («если отвода таких к одному месту не состоялось»).

В этих условиях Комиссия сочла желательным, чтобы за домохозяином, строения которого по утвержденному установленным порядком плану на переустройство селения подлежали переносу, подтверждалось его право не только на том участке, которым он владел по прежнему плану, но и на участок усадебной земли по новому плану. Согласно статье 1 третьего раздела указа участки закреплялись за домохозяевами на основании землеустроительных актов, общественных приговоров, постановлений крестьянских учреждений, актов об отчуждении и решений судебных органов. Приговорами же сельских обществ о согласии на новое распланирование селения и самими строительными планами чьи-либо права на усадебные земли не устанавливались (Комиссия ссылаясь при этом на указ Правительствующего Сената от 15 ноября 1907 года).

Исходя из изложенного, Комиссия не признала возможным удовлетворить ходатайство Казанской губернской земской управы о том, чтобы при проверке и засвидетельствовании удостоверительных приговоров волостные старшины обязательно требовали от заявителей удостоверения местных земских страховых агентов о неимении препятствий к застройке усадебного участка и нанесение его на план под определенным номером. Кроме того, она постановила ходатайствовать перед министром внутренних дел о разъяснении, надлежит ли в приговоре сельских сходов и решениях волостных судов по делам об удостоверении принадлежности участков усадебной земли, в тех случаях, когда усадебный участок домохозяина по утвержденному плану на устройство селений должен остаться свободным от построек, указывать согласно предъявленной земским страховым агентом справки, что просителю на основании утвержденного плана отведен особый участок, подлежащий застройке.¹⁸⁶

Вопрос о правах застройщиков – собственников земель был поднят в 1911 году на 47-м очередном земском собрании. Он был инициирован Спасским земством, ходатайствовавшим о пересмотре действующих правил в целях согласования их с новыми законами о крестьянском землевладении. Председатель А.М. Молоствов делился с уездным собранием своими соображениями и сомнениями: «Составленные до сего времени губернской земской управой так называемые «страховые планы селений» не соответствуют действительности. Этими планами совершенно не предусмотрены права

¹⁸⁶ Там же. Л. 9об.-10об.

крестьян-собственников, дарованные им одним из последних новых законов о беспрепятственном выходе из общины. Планы эти составляются в полном согласии с обязательными правилами Казанского губернского земства, о несоответствии которых с законами Российской империи приходилось уже разговаривать в эту сессию. Мне, как земскому начальнику, довольно часто приходится бывать в весьма затруднительном положении при разборе дел о неправильно возводимых постройках: обвиняется крестьянин-собственник, уже формально укрепившийся надельною землею вообще, а усадьбой в частности, и без постановления суда мы не имеем право лишать его владимой усадьбой, взамен которой общество не обязано ему давать, да и ни за что не даст запасную усадьбу, а с другой стороны агент по протоколу неправильно возведённой постройки требует обязать его снести строения, не говоря уже о том, что злополучные постройки нарушителя не принимаются на страх. По данному вопросу я просил разъяснения у губернского Присутствия, но ответа нет. Интересы населения ближе всего уездному земству, а потому я покорнейше прошу собрание обсудить настоящее мое заявление и сделать что-либо в этом направлении».¹⁸⁷

ОБМЕН УСАДЕБНЫХ МЕСТ И ПЕРЕНОС СТРОЕНИЙ

В начале 1873 года часть страховых сумм, предназначенных на улучшение полицейской и пожарной частей в селениях, согласно указа от 19 января были помещены «для приращения из процентов» на три года в банки.¹⁸⁸ Три года спустя в начале 1876 года министр внутренних дел А.Е. Тимашев запросил от губернаторов сведения о размерах сформировавшегося за этот период «запасного страхового капитала». Кроме того, затребованы были и данные о составленных и утверждённых планах на селения и произведённых по ним обменах прежних усадебных мест на новые с объяснением, на каких условиях эти обмены состоялись.¹⁸⁹

Данные, представленные Казанским губернатором, показали большой разброс сумм запасного страхового капитала по уездам, сосредоточившегося в трех местных финансовых учреждениях – ссудно-сберегательной кассе при Казанском отделении Государственного банка и на текущих счетах в Чистопольском отделении Волжско-Камского коммерческого банка и Казанском Обществе Взаимного Кредита, составив от 3 рублей в Козмодемьянском до 348 рублей – в Чистопольском уездах. Общая сумма по

¹⁸⁷ Там же. Л. 32-32об.

¹⁸⁸ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3795.

¹⁸⁹ НАРТ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 3792.

губернии в 1477 рублей распределилась по уездам следующим образом: в Казанском – 45; Свияжском – 11; Чебоксарском – 34; Лаишевском – 15; Чистопольском – 485; Спасском – 134; Тетюшском – 92; Мамадышском – 58; Ядринском – 62; Царевококшайском – 348; Козмодемьянском – 3; Цивильском – 190 рублей.¹⁹⁰

Из последовавших в ответ на министерский запрос из уездных управ донесений воссоздается общая картина развернувшихся в селениях губернии преобразований в первой половине 1870-х годов.

Выяснилось, что еще в 1870 году Казанское губернское земское собрание своим постановлением выделило из земских сборов сумму в 5000 рублей на оказание «вспомоществований» желавшим перенести свои строения «из ряда обыкновенных построек на другие места с целью устранения тесных и сплошных построек, а также для образования площадей и проулков», почти на шесть лет опередив правительственное распоряжение 1876 года.¹⁹¹ Эта инициатива земства была доведена до крестьян через «особо отпечатанные объявления» и, кроме того, распространялось членами управы и техниками при их разъездах по делам службы. Однако, в течение первых двух лет заявлений от жителей на перенос строений не поступало, а осуществление «этого полезного дела» началось лишь с середины 1873 года.¹⁹²

Новые усадебные места подлежало отводить по составленным на селения и утверждённым губернатором планам. Однако, о наличии планов доложили в своих рапортах лишь Ядринское и Спасское земства. В Ядринском уезде таких планов оказалось 11 (на деревни Малые Яндобы и околосок Ойкасы Асакасинской волости; деревни Янишево и околосок Усландырь Малояушевской волости; деревню Ваишево Исмендерово Шуматовской волости; деревню Янгильдино и околосок Ванюшкасы Убеевской волости; деревни Старое Питишево Устьянской волости и Полянки Валдаевской волости).¹⁹³ В Спасской уездной управе имелось целых 37 планов, однако ни один из них еще не получил утверждения губернатора.¹⁹⁴ Ряд земств – Тетюшское, Цивильское, Чистопольское, Свияжское, Чебоксарское, Казанская, – хотя и не упоминали о планах, но сообщали о произведённых по ним обменах, что указывало на их

¹⁹⁰ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3795.

¹⁹¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т.51. № 55959 от 18 мая 1876 г. – Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 16 июня. – О разрешении Губернским Земским Собраниям употреблять часть запасных страховых капиталов на меры предупреждения и пресечения пожаров в селениях.

¹⁹² НАРТ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 3792. Л. 40-40об.

¹⁹³ Там же. Л. 36об.

¹⁹⁴ Там же. Л. 52.

фактическое существование.¹⁹⁵

Страховые планы фиксировали существующую застройку с усадебными местами – пазьмами, показанными на чертеже черными линиями и пронумерованными. Перечень их владельцев с обозначением номеров закреплённых за ними участков прилагался к плану, в некоторых случаях – непосредственно на чертеже. Красными линиями изображалась запроектированная парцелляция с своей собственной нумерацией, «наложенная» на существующую. Новая планировка с участками, предназначенными для постепенного перемещения крестьянских построек по мере ветшания строений на прежнем месте, была рассчитана на неопределённую перспективу. Немедленному освобождению подлежали участки, отходившие под площади, переулки и интервалы между гнёздами. Предварительное (до составления плана) их назначение производилось непосредственно на месте членами земской управы. При этом принималось во внимание физическое состояние строений, поскольку наибольшее количество переулков могло быть устроено исключительно путем воспрещения их возобновлять на отведенных под них местах, следовательно, выгоднее было устраивать их там, где строения находились в более ветхом состоянии и подлежали более скорой перестройке. Для экстренного переноса на планах предусматривались так называемые запасные плановые места, создаваемые на свободных от застройки территориях, которые могли быть среди селения или на его периферии, а при их отсутствии – даже на прилегающей общинной, выгонной или пахотной, земле. На эти новые участки, покрытые на плане розовым тоном и пронумерованные римскими цифрами, и переносили свои строения в первую очередь владельцы отходивших под переулки усадеб. В делопроизводственных документах указывалось, что осуществлявшее обмен лицо переходило с пазьма под номером таким-то прежнего расположения в черных линиях на запасное плановое место, либо на место под номером таким-то в красных линиях нового расположения. Прилагавшийся в обязательном порядке к плану приговор сельского общества подтверждал двумя третями голосов о его согласии предоставить «однообщественнику своему» данный участок. Надзор за невозобновлением запрещенных домов и целостью проулков осуществляли сельские старосты и волостные старшины.

Распределение новых участков на основании первого пункта к статье 8 Правил, принятых Казанским губернским земским собранием в 1873 году, осуществлялось путём жеребьёвки на сельском сходе под наблюдением волостного старшины. Этот привычный для сельской общины способ решения вопроса, воспринимавшийся населением справедливым, гарантировал безболезненное протекание процесса. Некоторые

¹⁹⁵ Там же. Л. 38, 40, 37, 47, 56, 43.

затруднения возникали лишь в случаях неравноценности обмениваемых участков, например, когда в усадьбах имелись сад или колодец, либо в торговых селах, где ценилась близость участка к базару или площади – такие случаи отмечены в Лаишевском уезде.¹⁹⁶ В Свияжском уезде для некоторого восполнения неравности при переселении на новые места имевшиеся на прежних участках сады или огороды сохранялись за их владельцами.¹⁹⁷ В тесно застроенных гнездах в селениях Казанского уезда к сносу назначались те из домов, которые располагались на более узких участках; при одинаковой ширине дворов выбирались более ветхие дома, а в случае одинаковой их прочности вопрос решался с помощью жеребьевки.¹⁹⁸ В селениях Ядринского уезда дома, подлежащие переносу на новые места, помечались «особым знаком», напоминаям о воспрещении их исправлять.¹⁹⁹

Все уездные управы отмечали бесплатное предоставление новых дворовых мест. Пособие со стороны земства оказывалось исключительное на перенос строений. Инициатива Казанского земства, еще в 1870 году намерившегося ускорить процесс обмена материальным поощрением желавших перенести свои строения, повсеместно в стране распространенная с 1876 года, в Казанской губернии оказалась востребованной уже в 1873 году. «Вспомоществование» оказывалось исключительно на перенос еще не пришедших в ветхость строений, поскольку ветхие строения по закону подлежали переносу на плановые места без всякого вознаграждения (сообщившая об этом Спасская земская управа ссылалась на статьи 490 и 491 Строительного устава).²⁰⁰

Крестьяне ходатайствовали о пособии через местные волостные правления. По получении прошения уездная управа поручала своему технику в соответствии с циркулярным распоряжением губернской управы от 9 декабря 1871 года снять с местности той части селения, из которой дома подлежали переносу, а также с той местности, на которую они переносились, особые чертежи с нанесением на них как существующей застройки, так и назначенной новой распланировки. При этом указывалась и цель переноса – устранение тесноты застройки или освобождение места под улицу или проулок. Затем эти чертежи с заключением управы, удостоверявшем ожидаемую от переноса пользу, и указанием требуемой на этот перенос суммы доставлялись на

¹⁹⁶ Там же. Л. 34.

¹⁹⁷ Там же. Л. 47об.

¹⁹⁸ Там же. Л. 43.

¹⁹⁹ Там же. Л. 36.

²⁰⁰ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3795. Л. 53.

рассмотрение в губернскую управу, которая принимала окончательное решение.²⁰¹

В 1874 году Казанское земство дополнительно стимулировало обмен дворовых мест в многодворных селениях с количеством дворов не менее двухсот, увеличив установленный государством верхний предел пособия с половины до полной страховой суммы. В таких крупных селениях перенос было разрешено производить перенос строений, не ограничиваясь («не стесняясь») половиной страховой суммы, а руководствуясь его реальной стоимостью, на что от правительства было исходатайствовано право при обязательном переносе строений размер пособия определять путём его оценки «добросовестными лицами».²⁰² Однако, в отчётах губернатору о случаях переноса в многодворных селениях сообщила только Мамадышская управа, назначавшая пособия в размере полной страховой суммы на основании статьи 146 постановления десятого губернского собрания 1874 года.²⁰³

Ни одного случая осуществлённого перехода со старого места на новое не оказалось в двух уездах губернии – Чебоксарском и Козмодемьянском. В первом производился лишь отвод участков на планах в ходе распланирования селений.²⁰⁴ Во втором выявились прецеденты, связанные с переселением на новые земли всем обществом, однако причина этих миграций заключалась в неудобном расположении селений.²⁰⁵ В Чистопольском земстве переход на плановые места воплощался исключительно после пожаров и по настоянию должностных лиц волостного и сельского управлений.²⁰⁶

Описанная в 1876 году в донесениях уездных управ практика в значительной степени сохранялась в последующие годы, набирая обороты по мере ветшания строений, починка которых на неплановых местах была воспрещена. Кроме того, сбывался и прогноз губернской управы, еще в 1873 году предсказавшей рост числа переносов по соглашению с вознаграждением из страхового капитала: «крестьяне, убедившись раз в невозможности остаться навсегда на местах, назначенных под проулки, станут охотнее соглашаться на делаемые им предложения».²⁰⁷ Проиллюстрируем разные аспекты процесса на конкретных примерах, относящихся к 1884, 1889, 1909, 1911 годам рассматриваемого периода.

²⁰¹ Там же. Л. 40об.

²⁰² Там же. Л. 33об.

²⁰³ Там же. Л. 54.

²⁰⁴ Там же. Л. . 50.

²⁰⁵ Там же. Л. 55.

²⁰⁶ Там же. Л. 37об.

²⁰⁷ Там же. Л. 14.

Как отмечалось выше, основанием для предоставления участка служило наличие общественного приговора, который составлялся по установленной форме и выглядел, например, следующим образом: «Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Казанской губернии Свияжского уезда Верхне-Услонской волости общества Нижне Услонского, заключающего в себе 635 душ и 225 домохозяев, имеющих право голоса, были сего числа в общем собрании на сельском сходе в числе 115 человек, в присутствии местного сельского старосты Йоны Никитина Гусева, где слушали словесное ходатайство однообщественника нашего крестьянина Мартьяна Гаврилова Чубынина о дозволении ему, Чубынину, занять плановое пазьмо на новой линии новой выселки, где и произвести постройки. По выслушании изложенного Чубыниным ходатайства мы постановили: дозволить, и дозволяем просителю Чубынину занять на этой линии плановое пазьмо под его постройки по указании господина страхового агента».²⁰⁸ Указание на количество домохозяев в селении и присутствовавших на сходе подтверждало легитимность приговора, признававшегося действительным при условии присутствия на сходе не менее двух третей имевших право голоса членов этого общества.

Ссылка на страхового агента при назначении нового места в данном случае означала отсутствие утверждённого плана на селение, поскольку в противном случае назывался бы конкретный номер этого планового участка, изображаемого на чертеже красными линиями. Именно так обозначил прежнее и новое места Свияжский страховой агент, осмотрев усадьбу вознамерившегося перебраться на плановое место крестьянина деревни Татарский Янтык Зямалютдина Гайнутдинова и установив, что по утверждённому плану постройки его находились на месте под № 157 черной краски, а перебраться он желал на место за № 192 красной краски.²⁰⁹

Поручение страховому агенту давала земская управа по поступлении заявления от крестьян, изъявивших готовность совершить обмен участков. Цивильская земская управа, получив ходатайство жителя села Янтыкова Лаврентия Евметьева, наказала своему страховому агенту: 1. выяснить, представляли ли строения опасность в пожарном отношении и назначены ли они переносу на запасное плановое место 2. нанести на выкопировку с плана на селения постройки как просителя, так и его соседей с указанием номеров усадеб по этому плану 3. выяснить, согласно ли общество дать запасное плановое

²⁰⁸ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 250. Дело по составлению планов на селения, отводу усадебных мест, составлению актов о неправильно возведенных постройках и о разрешении крестьянам возведения построек. Свияжский уезд за 1909 год. Л. 1.

²⁰⁹ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 40. Собрание бумаг об образовании отдельных поселков из многодворных селений, 1885-1886 гг. Л. 44.

место просителю с указанием его номера по плану, а также не будут ли постройки на новом месте более опасными в пожарном отношении, чем на старом месте; насколько постройки прочны и пригодны для переноса и постановки на новом месте. В том случае, если, по его мнению, обмен действительно способствовал пожарной безопасности, ему надлежало определить и размер пособия, необходимого для переноса каждой постройки, перечислив их и указав номера по страховой ведомости.²¹⁰

Таким образом, именно заключение страхового агента о целесообразности или бесполезности предпринятого переноса служило основанием при принятии управой решения. В приведённом выше случае с Гайнутдиновым страховой агент признал, что его постройки – изба и повет, хотя и не представляли особой опасности в пожарном отношении. Однако, они загоразивали назначенный планом переулоч, поэтому агент счёл нужным предоставить ему пособие на перенос. Его стоимость он первоначально оценил в 9, а затем увеличил до 18 рублей, посчитав, что изба уже пришла в ветхость, и перемещение её на другое место без дополнительного леса было невозможным, в то время как на старом месте она могла бы простоять без ремонта ещё несколько лет.²¹¹ Во втором эпизоде Евметьеву в пособии было отказано, поскольку перенос строений, по заключению агента, не представлял выгоды в пожарном отношении – проситель уже занимал плановое место, а пособие он просил за перенос строений на линию улицы.²¹²

Плановое расположение усадьбы послужило основанием для отказа и жителям села Чирки Бикеево Афанасию Евдокимову и Андрею Андрееву, пожелавшим перебраться на «запасную линию» ввиду маломерности ныне занимаемых ими пазьм.²¹³ Они намеревались последовать примеру своих соседей, которые на этом основании сумели, оставив свои плановые участки, перебраться на «запланые» места. Однако уцелевшие после пожара дома просителей оказались единственными постройками в квартале, и никакой выгоды в пожарном отношении перенос не давал.²¹⁴ Бесполезным страховой агент признал и перенос построек жительницы того же села Марии Арсентьевой, задумавшей перенести их не на запасное место, а на свой огород, отчего улучшения в пожарном отношении не предвиделось.²¹⁵ Постройки крестьянина деревни Айбечь Хормалинской волости Свияжского уезда Синатия Тихонова были признаны «очень

²¹⁰ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 250. Л. 112-112об.

²¹¹ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 40. Л. 4-5.

²¹² НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 250. Л. 107, 107об., 108.

²¹³ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 47. Л. 85.

²¹⁴ Там же. Л. 93-93об.

²¹⁵ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 370. О выдаче пособий на перенос строений на запасные плановые места по Цивильскому уезду, 1911 г. Л. 29.

опасными от пожара», тем не менее в предоставлении пособия ему также было отказано по причине их незаконности – расположенные на огороде «одножителя» Герасима Орлова, они подлежали сносу.²¹⁶ Безусловной причиной отклонения прошений была малочисленность селений, как в случаях с крестьянами околодка Янасал, деревень Мордовские Челны и Носовой Лаишевского уезда, состоявшим из 114, 35 и 60 дворов соответственно.²¹⁷

В большом селе Бурженеры Цивильского уезда после выселения части жителей на новое поселение высвобождались отведённые им плановые места. Желая занять лучшие из них, Авдей Пантелеймонов и Исай Григорьев подали прошения на перенос своих строений.²¹⁸ Поскольку нынешние их усадьбы по плану отходили под площадь и застраиваемы быть не могли, им так или иначе предстояло перебраться на новые плановые места. Однако, удовлетворено было только прошение Григорьева. Постройки Пантелеймонова оказались самовольно построенными 13 лет назад уже после составления плана, между тем пособие полагалось только на перенос строений, возведённых до его разработки.²¹⁹ По той же причине было отказано в пособии и Василию Романову, у которого «строения возведены просителем самовольно после составления плана на селение на неплановом месте, и по решению суда назначены к сломке».²²⁰

При удовлетворении ходатайства с просителя бралась подписка, в которой он обязывался перенести свои строения в указанные сроки, либо вернуть выданные ему деньги. Установленная сумма выдавалась в два приёма: первая половина предоставлялась сразу, вторая – после осуществления переноса. С реальным переносом в действительности происходило по-разному. Так, Замалютдин Гайнутдинов в подписке, данной волостному правлению, обязался по получении пособия перенести свои постройки с места под № 151 черной краски на плановое место под № 192 красной краски, или же возвратить полученные деньги обратно.²²¹ Получив первую половину положенных ему денег, но не приступив к переносу летом по причине отсутствия времени и средств, он попросил волостное правление отсрочить перенос до осени. Вторая половина суммы была выдана ему 3 сентября, и 20 числа крестьянин приступил к переносу своих строений.²²² В этой же деревне Татарский Янтык вознаграждения за перенос строений на запасные плановые

²¹⁶ Там же. Л. 116-117.

²¹⁷ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 47. Л. 15, 31, 34.

²¹⁸ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 370. Л. 38.

²¹⁹ Там же. Л. 37.

²²⁰ Там же. Л. 72.

²²¹ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 47. Л. 2-2об.

²²² Там же. Л. 44-44об.

места были назначены и крестьянам Хуснутдину Сайфутдинову и Мухеметзяну Мифтахутдинову. Первый, получив определённую ему сумму в 15 рублей, строения свои перенес и постройкой окончил в том же году. Второй отказался получать назначенные ему 12 рублей, объяснив, что он «на таковые перенести свои постройки на новое место за малой их суммы не может, а чтобы добавить их к тому, своих не имеет».²²³

В селе Урахчи агент одобрил прошение Ивана Демидова, поскольку его постройки, «сближая два квартала», могли угрожать опасностью в случае пожара. Осмотрев строения, состоявшие из двух изб с сенями, повета, ворот и двух заборов, оценённых по страховой ведомости, составленной на трёхлетие с 1889 года в 85 рублей 50 копеек, он оценил размер подлежащего ему пособия в 36 рублей из расчёта переноса на ближайшее из указанных просителем мест.²²⁴ Удовлетворено было и прошение крестьянина деревни Новый Арыш Зямалютдина Мухаметрахимова, которому «по тесноте построек ... приходилось уходить со старого места по плану № 30 (черной краской) на вновь проектированное место». Агент счёл перенос полезным («так как устранил скученность») и назначил пособие в 8 рублей, первая половина которой подлежала выплате «как только приступит», а вторая – по окончании.²²⁵

При решении вопроса о выделении пособий абсолютное предпочтение отдавалось многодворным селениям, однако, делались и редкие исключения. Деревня Красная Мульминской волости Казанского уезда состояла всего из 46 дворов. Тем не менее, пособие Хамзе Губаеву на переселение на запасное место под № 54 «красного чертежа» было назначено, поскольку его строения – изба с сенями, каретник и карда с забором – подлежали сносу «как занимавшие середину улицы и интервал».²²⁶

В деревне Татарская Айша при назначении пособия во внимание были приняты близость мечети и расположение строений на месте, которое по утверждённому плану отходило под площадь. Её житель, Исхак Аюпов, выразил готовность переселиться на плановое место, «не выжидая сгноя постройки», при условии, что ему будет дано вознаграждение на перенос. Строения, располагавшиеся в 5 сажнях от соседних усадеб и 10 – от мечети, оказались совсем ветхие («в особенности изба, снаружи и внутри вся обставленная подпорками», представлявшая большую опасность для жизни её жителей).²²⁷

²²³ Там же. Л. 46-46об.

²²⁴ Там же. Л. 6-9.

²²⁵ Там же. Л. 11-14.

²²⁶ Там же. Л. 30, 55-56.

²²⁷ Там же. Л. 49, 70.

Особый случай представляла деревня Нижние Вязовые в Сивяжском уезде, где пособия фактически были выданы не на перенос строений, а за отказ от прав на усадебные места, признанные наилучшими для возведения здания кузнечно-слесарного училища.²²⁸ После пожара назначенный планом между участками Фролова и Чибрина проулок, со слов страхового агента, «очистился», а на самих пазьмах располагались лишь у первого – землянка, у второго – баня. Между тем, с их переселением освобождалось обширное пространство шириной 30 сажень, способное обеспечить пожарную безопасность не только общественному зданию, но и всему селению.²²⁹ Ходатайства крестьян сопровождалось письмом от земского начальника, который лично просил губернскую земскую управу не отказать в пособии Фролову и Чибрину, «хотя бы рублей по 50 на каждого».²³⁰

Назначенная страховым агентом стоимость переноса строений не всегда устраивала просителей. Крестьяне села Красновидова Свияжского уезда Андрей Миринов и Степан Горбунов за перенос своих строений на плановые места просили по 100 и 30 рублей соответственно, настаивая на указанных суммах «ввиду неурожая хлебов в 1898 году и крайне бедного положения». Страховой агент, осмотрев местность, признал перенос желательным, однако размеры пособий оценил в 50 и 15 рублей. Горбунова сумма устроила, а Миринов счёл её несправедливой, поскольку «его строения уже стары, а потому при переносе изб ему потребуется много нового материала». В ответ ему было сказано, что пособие назначается на перенос, а не починку строения.²³¹

Любопытное явление обнаружилось в 1912 году в Чистопольском уезде, получившее здесь особенное распространение в селениях, где имелось множество запасных плановых пазьм. Крестьяне самовольно (с ведома старосты, но без общественного приговора) в течение долгого времени занимали эти предназначенные под усадьбы участки, однако вместо того, чтобы возводить постройки, сеяли на них картофель. Случалось, что, когда страховой агент приезжал с планами в селение, чтобы отвести новое место, то находил большинство пазьм занятыми огородами, так что выбрать участок оказывалось невозможным.²³² В связи с этим фактом губернская управа предписала всем агентам отводить исключительно те запасные плановые места, на которое имелось выданное приговором общества разрешение («хотя бы оно было и не

²²⁸ Там же. Л. 70-70об.

²²⁹ Там же. Л. 59об.- 60.

²³⁰ Там же. Л. 63.

²³¹ Там же. Л. 23-26.

²³² НАРТ. Ф. 81. Оп.8. Д. 63. Л. 40-40об.

очередное») и запретила вмешиваться в тех случаях, когда участок был занят – гумнами, посевом или даже постройками, предоставив просителям самим осуществлять своё право на владение переданным ему обществом наделом земли через суды.²³³

РАЗДЕЛЕНИЕ МНОГОДВОРНЫХ СЕЛЕНИЙ

Большие, так называемые многодворные селения представляли наибольшую опасность в пожарном отношении. Как уже отмечалось, в целях поощрения обменов именно в таких селениях в 1874 году Казанское земство увеличило для них размер пособия с половины до полной страховой суммы.²³⁴ Такие селения подлежали разделению «на отдельные посёлки» путем образования на отдалённых местах новых поселений – выселков, которые изначально застраивались правильно по разработанным для них планам. В 1881 году уездным земствам было постановлено ежегодно отбирать из числа селений с количеством дворов 100 и более по два наиболее многочисленных и «скученно расположенных» с целью выявления желающих переселиться. Четыре года спустя губернская земская управа запросила эти сведения, однако, ни в одном из уездов таковых не оказалось.²³⁵

В Царевококшайском уезде населённые черемисами небольшие деревни имели оптимальные, «желательные для всех селений вообще» размеры, и, следовательно, не требовали каких-либо изменений в устройстве. Разделение же русских и татарских селений земская управа признавала желательной, но трудноисполнимой мерой – этот факт был установлен ею «чрез расспросы многих крестьян». Причина неготовности выселяться заключалась в остром недостатке пахотной земли, лучшая из которой при устройстве новых поселений отошла бы под усадьбы, огороды и гумна.²³⁶

Не оказалось желающих выселяться и в Чистопольском уезде, в котором ни одно сельское общество не согласилось на эту меру, несмотря на неоднократно делаемые управой предложения. Управа не назвала причину, отметила лишь, что она была той же, что и в прошлые годы. И лишь в Старо-Шешминске поводом для отказа от выселения послужило опасение, что в новых посёлках не будет «храма божия и пришлось бы возводить новый».²³⁷

В Чебоксарском уезде было выявлено 26 селений с числом дворов, превышавшим

²³³ Там же. Л. 46-46об.

²³⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3795. Л. 33об.

²³⁵ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 40. Л. 1об.

²³⁶ Там же. Л. 2-2об.

²³⁷ Там же. Л. 3-3об.

100. Однако, зная положение дел с землёй в уезде, управа, по её собственному признанию, даже и не предлагала обществам выселение на другие места.²³⁸ Подобная картина сложилась и в Тетюшском уезде. Здесь, напротив, председатель управы и её члены многократно предлагали крестьянам выселение из «скученных мест» в отдельные посёлки, но те «согласия на то не изъявили» по причине «не особенно значительного надела земли». Более того, выяснилось, что острая земельная недостаточность наоборот подвигнула их на суживание усадебных мест до 9-ти вместо назначенной планом 10-ти саженой ширины, вынудив даже затеять за свой счёт пересоставление планов. Председатель Тетюшской управы Горемыкин предсказывал наплыв подобных ходатайств о разработке новых планов в ближайшем будущем.²³⁹

Отобратить подлежавшие расселению деревни не удалось в Мамадышском и Ядринском уездах. В первом известно было лишь, что переговоры велись, но результаты их оставались неизвестными, а во втором – не оказалось желающих.²⁴⁰ В Спасском уезде переговоры в четырёх многодворных селениях – Большие Тиганы, Старый Баран, Три-Озера и Русские Юрткули, не привели ни к какому результату.²⁴¹

«Скученность построек» наблюдалась в целом ряде селений Лаишевского уезда. Однако, как следовало из доклада уездной управы, приступить к образованию новых посёлков «по малоземелью» не представлялось возможным. Наиболее остро проблема расселения стояла в деревнях Татарский Антык и Пелево, а также селах Чирпы и Кадыши. Но при попытке «склонить» крестьян к образованию особых посёлков с получением пособия от земства, те ответили решительным отказом («положительно отозвались нежеланием переселиться»). Татары – жители Татарского Антыка и Пелева, сослались на отсутствие воды и удобных для посёлков мест, а также удалённость от мечетей. Русское население Чирпов не хотело уходить из «местности, к которой привыкли». Подобные отзывы заставили члена земской управы Киукина усомниться в том, что образование посёлков будет вообще когда-либо осуществлено. Тем не менее, именно в этом уезде на переселение решились 24 домохозяина села Кадыш, поставившие, однако, в условие, чтобы общество снабдило их земельными участками, расположенными вблизи того места, где будет создан посёлок, а равно и лугами, имевшимися при реке Мёше. Но не желавшие переселяться остальные члены общества на сходе не захотели выделить им землю под выселок по той причине, что в этом случае могли расстроиться развёрстка земли по

²³⁸ Там же. Л. 4.

²³⁹ Там же. Л. 5-5об.

²⁴⁰ Там же. Л. 6, 8.

²⁴¹ Там же. Л. 9.

душам и ровность трёхпольного хозяйства.²⁴²

Впрочем, случай села Кадыш составлял исключение. Во всех уездах эта предложенная земством мера встретила решительное сопротивление со стороны крестьян, к которому с пониманием относилось и само земское начальство отличавшейся малоземельностью Казанской губернии. Ситуация с переселением из многодворных селений начала меняться с появлением в 1911 году постановления «О выдаче безвозвратного денежного пособия желающим выселяться и выселившимся на новую отдельную посёлку», принятого 32-м очередным губернским собранием. Ходатайства о переселении не замедлили последовать.

Частые пожары стали поводом для обращения жителей большого (в 420 дворов) села Ново-Чурашёва Хормалинской волости Цивильского уезда, которых «судьба заставляла бежать из родного села на посёлочку». После пожара 1907 года семь его домохозяев отстраивались уже не в своём селе, а в расположенной в пяти верстах местности под названием «Сив-Сирма». План на выселок Сив-Сирма был составлен и утверждён в 1910 году.²⁴³ Сюда же пожелали перебраться и другие жители Ново-Чурашёва. Прошение о выдаче безвозвратного пособия от имени 27 домохозяев, включая ранее переселившихся семи, подал их доверитель Трофим Григорьев.²⁴⁴ Из нынешних 20 переселенцев некоторые тоже успели перенести свои дома, а остальные не начали перенос за неимением средств.²⁴⁵ Только этим девяти, не приступившим к переносу, управа и согласилась предоставить пособие.²⁴⁶ Остальным 18 просителям было отказано, поскольку одни из них постройки перенесли до начала ходатайства, а другие уже и построились на новом месте, и, следовательно, никаких строений для переноса в Чурашёве не имели.²⁴⁷ В своём повторном, поданном уже от имени «оставленных без уважения» крестьян прошении Григорьев хлопотал о пособии «хотя бы в наименьшем размере из страхового капитала как передовым труженикам по сему делу», поскольку выселенцы с перенесением строений на новое место заметно разорились, а между тем указали «свободный путь бежать от часто грозящей беды пожара другим членам многогорящего общества».²⁴⁸ Однако, и это ходатайство было оставлено без последствий.²⁴⁹

В том же Цивильском уезде из деревни Новые Бурженеры Старо-Тябердинской

²⁴² Там же. Л. 10 – 11.

²⁴³ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 370. Л. 78, 83, 84.

²⁴⁴ Там же. Л. 22, 23.

²⁴⁵ Там же. Л. 23, 24.

²⁴⁶ Там же. Л. 76.

²⁴⁷ Там же. Л. 26, 26об.

²⁴⁸ Там же. Л. . 25.

²⁴⁹ Там же. Л. 26, 26об.

волости, состоявшей из 102 дворов, на расположенное в девяти верстах от Бурженер новое место под названием «Кашкар Сирма» пожелали перебраться 20 домохозяев. Из них к началу 2011 года трое уже успели частично перебраться, а остальные 17 за неимением средств не начали ещё «ломать построек своих» и просили земскую управу оказать им в этом пособие.²⁵⁰ Страховой агент установил, что действительная причина выселения была связана с желанием быть поближе к своей пахотной земле. Пособие крестьянам назначили, однако, размер его, по настоянию агента, был значительно уменьшен.²⁵¹

Желание поселиться вблизи своей пашенной земли побудило обратиться за пособием и жителей околodka Амач-Касы, состоявшего из 25 дворов. В результате произведённого в 1910 году Цивильской землеустроительной Комиссией раздела общей полевой земли между всеми селениями, составлявшими Перво-Степановское общество, крестьянам Амач-Касов досталась земля в местечке Уба-Вар, которое 19 домохозяев и избрали для образования нового посёлка.²⁵² Переселявшиеся просили о выделении им ссуды в размере 890 рублей (от 15 до 70 рублей на каждого) на условиях возврата в течение десятилетнего срока.²⁵³ На сторону просителей, сложное положение которых усугублялось ещё и тем, что по случаю раздела земли им в этом году пришлось засеять яровым хлебом только 768 вместо 1500 квадратных сажень на душу, встал страховой агент. Он добивался пособия, объясняя, что эти домохозяева, «обречённые к переселению, большею частью не имели средств не только для переноса строений, но и для существования». Агент просил в случае предоставления его на условиях возврата удовлетворить ходатайство всех просителей, а при назначении же безвозвратного – выдать не менее двух третей от общей испрашиваемой суммы. По его словам, расходы им предстояли большие – кроме перевозки строений, постановки их на место и устройства печей многим требовался и новый строительный материал, цены на которые были высокими.²⁵⁴ Несмотря на все доводы, управа отказала на том основании, что пособие на перенос выдавалось исключительно «с целью разрежения скученности строений, возведённых неправильно на улицах, площадях и переулках, представлявших особую опасность в пожарном отношении».²⁵⁵ Поводом для отказа жителям деревни Старый Сундырь стали обнаружившиеся у просителей недоимки по обязательному страховому сбору – здесь в расположенный в четырёх верстах выселок из 165 дворов выходили 54,

²⁵⁰ Там же. Л. 11.

²⁵¹ Там же. Л. 1-5, 11-12об.

²⁵² Там же. Л. 41.

²⁵³ Там же. Л. 47-48.

²⁵⁴ Там же. Л. 46-46об.

²⁵⁵ Там же. Л. 41-41об.

однако управа назначила пособие лишь девятерым домохозяевам.²⁵⁶ Приведённые примеры показывают, что наблюдавшийся с 1911 года всплеск обращений за пособием на выселение из многодворных селений в большинстве случаев отнюдь не был обусловлен проблемами пожарной безопасности.

УСТРАНЕНИЕ НЕПРАВИЛЬНО ВОЗВЕДЕННЫХ ПОСТРОЕК

Постройки, возведённые с нарушением утверждённого плана на местах, отходивших по ним под переулки, площади и т.п., подлежали слому, а виновные подвергались наказанию. Однако, на практике слому приговаривались в основном лишь те из строений, которые представляли пожарную опасность.

Решением Ульяновского волостного суда Свияжского уезда к ответственности был привлечён крестьянин деревни Улановой Степан Порфирьев, который самовольно возвёл на неплановом месте новую избу с сенями. Место это, где находился оставленный «до сгноя» дом крестьянки Орины Андреевой, по плану подлежало «совершенному освобождению» с открытием проулка для разделения одного большого квартала на два, чему и помешал Порфирьев. По мнению свидетельствовавшего на суде старосты, крытая железом постройка Порфирьева, отстоявшая от соседних домов Степана Кузьмина и Филиппа Яковлева на расстоянии 12 и 8,5 сажень соответственно, в пожарном отношении опасности не представляла (что подтвердил и второй свидетель), а потому сломке не подлежала. Порфирьев был оштрафован на 2 рубля «в пользу мирских сумм», однако, несмотря на возражения страхового агента, суд разрешил дом сломке не подвергать.²⁵⁷

Своей неосведомлённостью объяснял строительство на неплановом месте крестьянин села Эбалаки Сергей Киляшев, который, по его словам, не знал «того обстоятельства, что ему согласно плана нельзя строиться на прежнем месте», а полагал, что строится правильно. Новый дом с сенями не представлял пожарной опасности, что подтвердили три свидетеля – староста Петр Балдин и односельчане Яков Мишаев и Захар Кузнецов. Усмотрев из плана на село, что занятое обвиняемым место подлежало упразднению, суд назначил ему за самовольное строительство денежный штраф в пять рублей, но разрешил оставить неправильно возведённые постройки как неопасные «до их сгноя».²⁵⁸ Ограничился уплатой штрафа и крестьянин села Малый Курмыш Азелевской волости Ибрагим Митиганов, привлечённый к ответственности Свияжской земской

²⁵⁶ Там же. Л. 92-94об., 99-100.

²⁵⁷ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 250. Л. 97-99об.

²⁵⁸ Там же. Л. 118-119.

управой за самовольно возведённую им с нарушением плана глиняно-кирпичную постройку размером 4 на 8 сажень на усадебном пазьме размером 10 сажень по улице и 50 сажень длиной.²⁵⁹

Оставленные постройки лишали, часто надолго, сельские кварталы разделительных переулков, но выстроенные из пожароустойчивых материалов строения составляли большую редкость ввиду их дороговизны или нетрадиционности и служили своего рода образцом, пока еще недоступным для большинства.

Постройки, признанные пожароопасными, суд приговаривал к обязательному сносу или переносу. К переносу на законное место был определён Азлеевским волостным судом дом крестьянина деревни Городище Гибадуллы Сайфутдинова, возведённый на назначенном сельским обществом под переулком и подлежащем упразднению пазьме.²⁶⁰ Сломать самовольную постройку обязал суд жителя деревни Большие Кайбицы Ярмухамета Музафарова, поставившего новый дом позади старого, оставленного только «до сгноя» на месте, назначенном по плану 1900 года под переулком, установив срок до 15 мая будущего 1910 года.²⁶¹ Сломке подлежали и строения жителя села Подберезья Григория Ермушина – изба с сенями и конюшня, поставленные не на плановом месте возле гумен.²⁶² Спиридон Графов поставил свой хлебный амбар вблизи участка своего «относельца» Сергея Погодина на проулке общего пользования крестьян села Багаева. Отстоявший от построек Погодина на 19 сажень, он, по показаниям свидетелей, совершенно не препятствовал проезду по переулку. Тем не менее, обвиняемый был оштрафован на 1 рубль, а амбар – определён под снос. Отсутствие в приговоре конкретного срока позволяло отсрочить его исполнение на неопределённое время, за которое постройка и могла прийти в ветхость.²⁶³ Близкое расположение от соседних строений послужило в 1909 году основанием для преследования крестьянки деревни Нижние Вязовые Екатерины Антоновой, без всякого разрешения построившей избу с сенями на расстоянии 7 сажень от соседних строений. Нарушение было зафиксировано Ширданским волостным старшиной Свияжского уезда Калашниковым.²⁶⁴

Более суровый характер взыскание носило в случае соседства общественных зданий, к которым относили в том числе и храмы. Ульяновский волостной суд Свияжского уезда возбудил уголовное дело по обвинению крестьянина деревни Большие

²⁵⁹ Там же. Л. 149.

²⁶⁰ Там же. Л. 139-139об.

²⁶¹ Там же. Л. 233-234.

²⁶² Там же. Л. 237-239.

²⁶³ Там же. Л. 224.

²⁶⁴ Там же. Л. 24.

Кайбицы Валиуллы Файзуллина в том, что он построил житницу вблизи мечети. Файзуллин в свое оправдание сообщил, что строить эту житницу он начал два года назад по личному разрешению прежнего страхового агента. Житница, по его мнению, не представляла опасности, так как отстояла от мечети на 15, а от ближайшего жилья – на 10 саженей, и, кроме того, была крыта железом. Его слова подтвердили три свидетеля, в том числе староста Билютдин Сайфутдинов. Тем не менее, факт самовольной постройки суд нашел доказанным и присудил виновного к штрафу со сносом житницы не позднее 15 мая будущего 1909 года.²⁶⁵

Серьёзной пожарной опасности подвергало сельчан соседство бань, в особенности построенных по-чёрному. За возведение такой бани на расстоянии шести саженей от прилегающих строений Ульяновский волостной суд Свияжского уезда обвинил крестьянина деревни Салтыганова Миннигазетдина Фахрутдинова, приговорив его к штрафу в 25 копеек и обязав сломать незаконную постройку.²⁶⁶ Взысканию по статьям 65 и 68 Устава о наказаниях подверг Верхне-Услонский волостной суд Свияжского уезда крестьянку села Верхний Услон Дарью Бусыгину, построившую в нарушение статьи 79 правил губернского земского собрания 1876 года баню по-чёрному на дворе. Оказавшаяся на расстоянии двух саженей от сеновала и одной – от напогребницы, постройка эта, «ведя к скученности селения», представляла, по мнению страхового агента, большую опасность. Того же мнения придерживался и первый из двух присутствовавших на суде свидетелей – Николай Штыров, считавший её особенно опасной в летнее время. Ему возражал Ефим Марахтанов, расценивавший зарытую в землю баню безопасной. При принятии решения волостной суд руководствовался примечанием к статье 79 губернских правил, не допускавшим строительство любых бань на расстоянии менее 6 саженей от построек.²⁶⁷

В случае несогласия с решением волостного суда обвиняемые в незаконных постройках могли обращаться с апелляционными жалобами в вышестоящие уездные суды и даже доходить до губернского правления.

С апелляционной жалобой в уездное земство обратился житель деревни Шумерма Ахметша Рахматуллин, проживавший в городе Архангельске и приговорённый к заочному штрафу в 1 рубль со сносом задней половины избы. В своей жалобе Рахматуллин сообщал, что постройка, которая обошлась ему в 300 рублей, не была возведена им вновь, а переделана из старой, с давних пор стоявшей на том же самом месте. Он лишь подвёл

²⁶⁵ Там же. Л. 5-5об.

²⁶⁶ Там же. Л. 235-236.

²⁶⁷ Там же. Л. 28-28об.

под старую крышу новые стены, «не изменив ни на один вершок положение старой постройки». Следовательно, приписываемая ему статья 65 Устава о наказаниях, касавшаяся исключительно «построек вновь», никак не могла быть применена в его случае. Решение волостного суда было отменено со ссылкой на неоднократные разъяснения Правительствующего Сената, что, хотя Строительный устав и требовал, чтобы существующие селения приводились мало по малу в соответствующее правилам состояние, но ни одной из статей закона не дозволялось требовать сноса жилых строений или не разрешать перестройку существующих.²⁶⁸ Не согласился с решением Верхне-Услонского волостного суда Свяжского уезда от 11 ноября 1908 года, признавшего постройку дома незаконной, и крестьянин села Нижний Услон Степан Анисимович Бирюков. По его словам, воздвигнув избу на собственной земле, он переулком не загородил, поскольку переулочек этот имел достаточную ширину в 4 сажени и, кроме того, новый дом был поставлен им позади старого, возведённого около ста лет назад, со сносом которого переулочек намного расширился.²⁶⁹

В самовольной, «не на плановом будто бы месте» постройке дома был обвинён указной мулла деревни Большие Кайбицы Лутфулла Булатов, приговорённый к штрафу со сломкой избы. Мулла подал на несправедливое, по его мнению, решение суда апелляционную жалобу, сославшись на процессуальные нарушения как при составлении акта, так и в ходе судебного разбирательства. Акт страховой агент изготовил без его участия и только через шесть месяцев после окончания строительства, когда он успел уже и вселиться. Этот факт могли подтвердить плотники Тимерша Гайфуллин, Валея Габитов, печник Зинатулла Гисматуллин, кровельщик Селим и другие. Между тем, обстоятельство это не было выяснено судом путём опроса свидетелей, как это полагалось по закону. Кроме того, построены были не две избы с сенями, как значилось в акте, а одна – с крыльцом, но без сеней, что также не было установлено судом. Дом был возведён на плановом, разрешённом агентом участке, а оказался он посреди усадьбы вследствие некоторых недоразумений. Далее мулла подробно излагал эти обстоятельства. По избрании его муллой общество указало ему свободный от построек участок под № 193 вблизи мечети, где он и выстроил свою избу на основании свидетельства, выданного страховым агентом. Последний, однако, не приложил к свидетельству чертежа с указанием места постройки, поскольку осмотра местности и расположения соседних

²⁶⁸ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 249. Дело по составлению планов на селения, отводу усадебных мест, составлению актов о неправильно возведённых постройках и о разрешении крестьянам возведения построек. Свяжского уезда 2 участка страховых агентов за 1909 год. Л. 26-27.

²⁶⁹ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 250. Л. 54.

построек не производил. Правильной постановке дома мешали соседние строения, которые оказывались на расстоянии двух саженей (изба Хамидуллы Бикмуллина справа и надворные постройки Хикматуллы Негаметуллина слева). Поэтому мулле невольно пришлось строиться, отступив от утверждённого плана. Однако, при всем этом расстояние до мечети составляло 20,5 саженей, а не 16, как утверждал инициировавший возбуждение уголовного дела страховой агент. Кроме того, от мечети дом отделял сад, что на суде подтвердили и свидетели. Изба, крытая железом, не представляла никакой опасности в пожарном отношении, а надворных построек на участке не имелось. Между тем, согласно 68 статье Устава о наказаниях, сломке подвергались только вредные постройки. Булатов сообщил также, что «вследствие настолько краткого допроса» он даже не понял, какой проступок он совершил, насколько и в каком отношении построенная им изба представляла опасность, соответственно не мог «наустро как следует объясниться в свою защиту». Между тем, исполнение судебного решения грозило ему убытками не менее чем на 150 рублей, которых у него не было, зато за время строительства накопился значительный долг. Изложив суть претензий, мулла просил земского начальника освободить его от наказания и слома избы.²⁷⁰ Апелляционная жалоба рассматривалась в Казанском губернском присутствии, которое нашло её «заслуживающей уважения».²⁷¹

Удовлетворено было и прошение крестьянина села Ульяновско Михаила Пловиникова, обвинённого в самовольном строительстве. Однако, сам он утверждал, что строил согласно данному ему обществом разрешения.²⁷² С разрешения Сосновского сельского общества построил свой дом и житель деревни Сосновка Яков Давыдов, оспаривавший решение волостного суда, оштрафовавшего его на 25 копейки и предписавшего перенести дом на плановое место. По описанию Давыдова, на этом участке уже располагалась неправильно возведённая на расстоянии четырёх саженей от соседской постройка Свяжского мещанина Михаила Поворова, который арендовал его у Сосновского общества за пять рублей в год, однако, за пользование усадьбой не платил. Свободных плановых мест у общества не имелось, поэтому с целью понудить Поворова очистить место оно и дало Давыдову приговор строиться здесь. Следовательно, за счёт этого общества, по его мнению, и должен был осуществиться перенос строений.²⁷³

В случае деревни Большое Русаково Кушмановской волости Свяжского уезда апелляционную жалобу подал страховой агент. Суд оштрафовал крестьянина этой

²⁷⁰ НАРТ. Ф. 81. Оп. 8. Д. 249. Л. 21-25.

²⁷¹ Там же. Л. 20.

²⁷² Там же. Л. 204об.

²⁷³ Там же. Л. 141-141об.

деревни Абдулкави Ярмухаметова за самовольное строительство на 10 рублей, но позволил оставить строения «до сгноя», однако вследствие претензий страхового агента изменил своё решение и приговорил снести постройки как неправильно возведённые.²⁷⁴

Таким образом, Казанское земство в своей законотворческой деятельности в области сельского переустройства прошло путь от адаптации государственных норм к местным условиям до постановки вопроса о полном пересмотре собственных постановлений. «Лучшее устройство селений» в первую очередь связывалось с их перепланировкой. Первоначально эта деятельность уподоблялась преобразованию на принципах регулярности городов с разработкой планов на каждое селение. Однако местные условия, в первую очередь – малоземелье, заставили не только пересмотреть общероссийские нормы с заменой государственного «нормального» плана на селение собственным образцовым чертежом с меньшими размерами дворовых мест, но и вообще отказаться от полной перестройки селений по планам, заменив её практикой постепенного переноса усадеб на запасные плановые места, назначенные так называемыми «страховыми планами». Прямая связь планов с пожарной безопасностью, проявляющаяся через страховую практику, отличала нынешние преобразовательные процессы от регулярного градостроительства второй половины XVIII – первой половины XIX века. Сам концепт регулярности кажется забытым. Тем более неожиданным было обнаружить в делах за 1911 год упрек одного земского гласного в адрес «господ техников», которые, на его взгляд, “излишне увлекаются симметрией”. Значит, идеи регулярности укоренились и все еще присутствовали в головах.

Инициированное государством в середине XIX века распространение по примеру городов норм регулярного градостроительства на сёла в значительной степени преследовало те же художественно-эстетические цели, направленные на придание им современного в европейском понимании облика. Однако масштабы этих преобразований в тот период были незначительными. Массовая деятельность по составлению регулярных планов для селений развернулась только с 1873 года с возложением этой обязанности на земства. Пример Казанской губернии показал, что земства оказались эффективными современными органами местного самоуправления. Попечение о «лучшем устройстве селений» с самого начала оказалось в центре его внимания – проблеме правильного распланирования селений было посвящено уже пятое губернское земское собрание 1869 года. Приняв на себя эту государственную задачу, оно первоначально в своей

²⁷⁴ Там же. Л. 191.

деятельности ориентировалось на модели, созданные государством. Однако реалии и собственный опыт вынудили земства искать и находить иные подходы. Так, неприемлемость установленных государством размеров крестьянских усадебных наделов в условиях малоземельной Казанской губернии заставила создать собственный образцовый план на селение, а затем и вовсе отказаться от полной перепланировки селений по единому плану и обратиться к практике постепенного улучшения их расположения по так называемым «страховым планам». И хотя у создававших их «господ техников», воспитанных на культуре регулярности, еще наблюдалось «излишнее увлечение симметрией», но это их страсть к симметрии, отмеченная дворянским представителем земства, ставилась им скорее в упрёк. Идеалы регулярности, хотя и продолжали сидеть в головах образованной земской элиты, но не имели большого значения в деле преобразования сельского ландшафта. Успешность правильного устройства селений обеспечивали «страховые планы». Навязанное государством обязательное страхование недвижимого имущества первоначально воспринималось сельским населением недоверчиво, как очередной государственный налог. Однако со временем, благодаря очевидным результатам и реально оказываемому земством материальному содействию, эффективность страхования стала ощущаться самими крестьянами, доказательством чему стало распространение дополнительного страхования имущества, особенно по мере роста числа крестьян-собственников. В деле переустройства селений целесообразность возобладала над имперской идеей регулярности.

**ПРОГНОЗЫ И ПРАКТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ ГОРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

XIX – начало XX века – это яркий и своеобразный этап в истории градостроительства России, связанный с первыми попытками, которые предпринимала государственная власть для осмысления и разработки принципов, методов застройки и организации проектирования городов, в том числе размещенных на бескрайних просторах Сибири. В первые два десятилетия XIX века преобразования в сибирских городах регламентировались проектными планами, составленными для них на рубеже столетий, в период проводившихся правительством административно-территориальных реформ, в процессе которых определялись оптимальные формы управления восточными территориями страны. Поступавшие в те годы в Сибирь документы центральной власти, связанные с преобразованиями в городах, определяли, как правило, меры по благоустройству поселений и возлагали контроль по их исполнению на полицию. Такими циркулярными предписаниями являлись: «Общие для городов правила, писанные в 1816 году собственною Его Императорского Величества рукою» и «Правила, Высочайше учрежденные в 13 день декабря 1817 года, о устройстве и чистоте в городах», которые были получены администрациями сибирских губерний в 1821 году.

В первом из рассматриваемых документов выдвигались следующие требования: «Запрещается улицы громоздить и на них что либо складывать, разве при случае постройки домов, и то временно. Всё находящееся на улицах в кучах или разбросанным, как то: камни, доски, бревна, скамьи, всякой лом и прочее, прибрать с улиц, дабы оные чисты были. Улицы планировать, дабы ям или бугров не было до самых домов. Неопрятства никакого на улицах не терпеть»²⁷⁵.

Правила, «Высочайше утвержденные в 1817 году», уточняли и дополняли прежние требования к содержанию городского хозяйства:

«На улицах никакой нечистоты не позволять, сколько для опрятности, столько и для соблюдения народного здоровья; дрова же и всякой лес иметь за дворами, а не перед домами.

²⁷⁵ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 47. Оп. 1. Д. 496. 5 л. Предписание Красноярской городской думы по городovým делам относительно благоустройства города. 1821 г. Л. 3.

Чтобы улицы были сухи, для того делать на них где нужно канавы, одевать откосы их булыжником или за неимением оного дерном и содержать их всегда в чистоте, имея противу домов маленькие мостики в одинаковом размере сделанные.

Непреложным правилом поставить, дабы каждый хозяин подметал и очищал улицу против своего дому, точно так же, как он очищает у себя избу.

Площади и улицы в городах должны быть во всякое время года чисты так, как подробно о сем сказано в общих правилах для городов собственною моею рукою в 1816 году писанных. Полиция обязана наблюдать, чтобы даже и на обывательских дворах соблюдалась по возможности надлежащая чистота.

Мостовые содержать всегда в исправности, починивая испортившиеся места и выбоины немедленно.

Незастроенные места огораживать забором, а бедным жителям позволяется обновить их и частоколом, обрубая верхи оного ровно.

Мостики по улицам чрез канавки строить непременно во всю широту улиц, а не посредине только канавок.

Обвалившуюся штукатурку на церквах и оградах церковных немедленно починивать.

Церковные ограды содержать в исправности и должном приличии.

Запрещается пестрить дома краской, как например, видел я черные ставни и двери на выбеленных домах»²⁷⁶.

В начале 1820-х годов была осуществлена очередная административная реформа, связанная с новой организацией восточных территорий, инициатором которой стал М. М. Сперанский. Он обратил внимание на возможность деления сибирских земель по естественным признакам, согласно которым «самое простое и правильное разделение Сибири представляет черта, пересекающая ее почти во всю широту ее хребтом гор, идущих между Енисеем и Обью, – черта, коею сама природа разделила ее на две части: Западную и Восточную»²⁷⁷.

Среди исследовательских материалов, которые способствовали практическим преобразованиям в сибирских регионах, привлекают внимание «Замечания о Сибири» сена-

²⁷⁶ Там же. Л. 3.

²⁷⁷ Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, Действительным Статским Советником Гагемейстером. Часть III. – СПб. : тип. II Отд. собств. е. и. вел. Канцелярии. 1854. С. 7–8.

тора А. М. Карнилова²⁷⁸. Во вступительной части книги автор, служивший в начале столетия Иркутским, а затем Тобольским гражданским губернатором, указывал на то, что эти «Замечания о возможном улучшении Сибири, могущем на будущее время доставить важные и существенные пользы России, извлечены из собственных опытов при хозяйственном его управлении и личном обзоре местного положения Восточной и Западной Сибири»²⁷⁹. Основное значение этих материалов в аспекте нашего исследования заключается в выделении Карниловым первостепенной роли городов в развитии сибирских территорий. Он указывал по этому поводу, что «ныне города в Сибири так редки, что в самых населеннейших местах один от другого отстоят от 250 до 500 верст»²⁸⁰. Для исправления этого недостатка сенатор предлагал осуществить ряд мероприятий: «Полагаю необходимым умножить число городов в Сибири. Оные во 1-х, будут складкою всех грубых произведений земли и изделий окружных селений. Во 2-х, бедное нынешнее состояние внутренней Сибирской торговли, состояние мануфактур ее и изделий придет в улучшение. В 3-х, то чрезвычайное пространство, которое ныне своею пустотою так ужасным кажется всякому путешественнику, исчезнет в сих новообразованных городах»²⁸¹.

Для более быстрого создания новых сибирских городов А. М. Карнилов предлагал дать им некоторые привилегии, например, «облегчить селения, удобные к образованию города, на 10 лет от всех податей; не возлагать на них общих губернских повинностей, кроме внутренних по городу; содержание же полиции, по примеру уездных городов, учредить от казны; позволить принимать и причислять к градскому обществу всех Российских городов мещан и купцов, также иностранцев, желающих там водвориться; приписывать к мещанскому званию ссыльных, лишенных чинов и дворянства; предоставить для начального городов сих доходу и оборота торговли, в пользу их не несколько лет продажу с малыми за то процентами, для учреждения общественного капитала»²⁸².

На основе предложений М. М. Сперанского в январе 1822 года по именному указу были выделены Западно- и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. Местом пребывания чиновников главных управлений новых административных территорий были назначены Тобольск и Иркутск.

В декабре 1822 года на территории центральной части Сибири, в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, была учреждена Енисейская губерния с главным го-

²⁷⁸ [Карнилов А. М.] Замечания о Сибири / [Соч.] Сенатора Карнилова. – Санкт-Петербург: тип. К. Крайя, 1828. – 105 с.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же. С. 20.

²⁸¹ Там же. С. 19–20.

²⁸² Там же. С. 21–22.

родом Красноярском. Губерния объединила пять округов: Ачинский, Енисейский, Канский, Красноярский, Минусинский, а также Туруханский край, присоединенный к Енисейскому округу. Центрами трех округов сделаны были еще недавние села – Канское, Минусинское и заштатный город Ачинск.

Административный фактор создания новой губернии явился стимулом усиления интереса общественной мысли к исследованию малоизученного сибирского края. Исследователями были, как правило, государственные чиновники, прибывавшие на службу в Сибирь. В начале 1830-х годов по одной только Енисейской губернии были опубликованы две крупные работы, обобщавшие сведения об ее природно-экономическом состоянии. Автором одной из них, книги «Енисейская губерния», был первый енисейский губернатор А. П. Степанов²⁸³. Вторая книга «Записки об Енисейской губернии» написана управляющим енисейской казенной палатой И. С. Пестовым, отмечавшего в описании прекрасное местоположение губернского города Красноярска, в окрестностях которого «есть виды, достойные кисти художника»²⁸⁴.

Одними из первоочередных мероприятий по становлению нового губернского города Красноярска стали работы по составлению для него проектного плана, на примере которых наглядно раскрывается методика градостроительного проектирования того периода. В сентябре 1824 года генерал-губернатор А. С. Лавинский направил в Министерство внутренних дел план города и сопроводительное письмо, в котором сообщалось о том, что «проект сей, по внимательному его Губернатора и Совета Губернского Управления соображению, оказывается совершенно удобным для дальнейшего распространения города»²⁸⁵.

В Петербурге проектный план Красноярска был препровожден состоявшему при Министерстве внутренних дел архитектору В. И. Гесте с тем, чтобы тот после его рассмотрения «доставил свой отзыв, может ли сей план в настоящем его виде быть поднесен Государю Императору»²⁸⁶.

В начале марта 1825 года архитектор Гесте в своем рапорте в министерство высказал мнение о том, что «план Енисейской Губернии города Красноярска сделан весьма про-

²⁸³ Степанов А. П. Енисейская губерния: [ч. 1–2]. – Санкт-Петербург: Тип. Конрада Вингебера, 1835. – 364 с.

²⁸⁴ [Пестов И. С.] Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года / составленные статским советником И. Пестовым. – Москва: Унив. тип., 1833. – С. 33.

²⁸⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 3. Д. 312. По отношению Иркутского и Енисейского генерал-губернатора об утверждении вновь составленного плана городу Красноярску. 1824–1829 гг. Л. 1.

²⁸⁶ Там же. Л. 2.

сто и местное положение не ясно показано, план сей для Губернского города весьма мал и недостаточен, и не может быть представлен к утверждению»²⁸⁷. Данный план выявить в архивах не удалось, но можно предположить, что основой для него послужил проектный план уездного города Красноярска, составленный томскими землемерами С. Зверевым и Дмитренко в 1810 году (в 1804–1822 гг. город входил в состав Томской губернии)²⁸⁸. Землемеры не планировали в ближайшие годы больших масштабов развития городской застройки, которая стройными рядами новых кварталов продвигалась в западном направлении вдоль прямолинейных улиц и постепенно заполняла плоскость мыса между реками Качей и Енисеем (рис. 1). Архитектор В. И. Гесте переделал присланный план «сколько возможно по местному положению с размещением и сохранением ныне существующего строения»²⁸⁹.

Рис. 1. «План уездного города Красноярска с показанием на оном всего ныне состоящего казенного и обывательского строения, последовавшим на оной прожектам выстроенного. Начертан 1810 года. Томский губернский землемер Степан Зверев. Чертил Бийский уездный землемер губернский секретарь Дмитренко» (РГВИА)

Он был отправлен в Красноярск «для поверки и соображения на месте». Первый Енисейский гражданский губернатор – А. П. Степанов, рассмотрев присланный из столи-

²⁸⁷ Там же. Л. 3.

²⁸⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 349. Оп. 47. Д. 721. 1 л. План города Красноярска. 1810 г.

²⁸⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 3. Д. 312. По отношению Иркутского и Енисейского генерал-губернатора об утверждении вновь составленного плана городу Красноярску. 1824–1829 гг. Л. 3.

цы план, нашел его «несогласным с положением Красноярска: ибо в нем включены утесистые крутизны и высокая гора, отстоящая на большое пространство»²⁹⁰. По его распоряжению губернский архитектор составил новый проектный план Красноярска, «сообразно с нынешним положением города и примененный к чертежу коллежского советника Гесте»²⁹¹. Вместе с новым вариантом проектного плана был подготовлен ещё один план, «снятый с Красноярска в настоящем его виде, который на основании Высочайшего повеления, объявленного начальникам губерний в циркулярном предписании от 14 июня 1826 года, должен быть представлен Государю Императору вместе с вновь прожектированным планом»²⁹². Планировочную ситуацию Красноярска «с натуры снимал», как указано на плане, Енисейский губернский землемер, инженер-майор П. Зубакин (рис. 2).

Рис. 2. План Енисейской губернии губернского города Красноярска (фиксационный). 1827 г. Составил енисейский губернский землемер инженер-майор П. Зубакин [21]

В 1827 году оба плана были препровождены к архитектору В. И. Гесте. Он сообщил в министерство о том, что «смотрел плану городу Красноярску, который сделан довольно чисто и кварталы вообще правильны, но для представления плана к утверждению, должно оный переделать безо всяких перемен, с назначением обывательских мест под ну-

²⁹⁰ Там же. Л. 3 об.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Там же.

мерами»²⁹³. Из текста рапорта можно предположить, что в данный период не существовало узаконенных единых требований к составлению и оформлению проектных планов, а определялись они самим В. И. Гесте, который пояснял их в этом же рапорте так: «вся красота и удобность состоит в том, чтобы местное положение было верно показано и прожект сочинен соответственно оному»²⁹⁴. Из министерства Гесте получил указание вновь переделать план Красноярска, которое выполнил к марту 1828 года. Он был ещё раз отправлен на согласование с местными властями.

В начале июля 1828 года генерал-губернатор А. С. Лавинский извещал Министерство внутренних дел о том, что получил план города Красноярска, «переделанный с проекта Енисейского губернского архитектора Воцкого, состоящим при Министерстве внутренних дел архитектором Гесте, и находит оный совершенно удобным к исполнению по местному положению Красноярска»²⁹⁵. Таким образом, авторами плана можно назвать двух архитекторов – П. Ф. Воцкого (при участии губернатора А. П. Степанова) и В. И. Гесте, которые, взаимно дополняя друг друга, определили принципы градостроительного развития административного центра Енисейской губернии. Проектный план Красноярска был Высочайше подтвержден (утвержден Николаем I) в Санкт-Петербурге 2 ноября 1828 года²⁹⁶ (рис. 3).

²⁹³ Там же. Л. 4.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же. Л. 6.

²⁹⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 166. Д. 21. План города Красноярска. 1828 г.

Рис. 3. План Енисейской губернии губернского города Красноярска.
Утвержден в 1828 г. Копия. (РГИА)

Наиболее заметным отличием нового проектного плана города от предшествующего ему плана 1810 года является предложенный масштаб территориального развития Красноярска. Для маленького провинциального городка, в одночасье ставшего губернским центром, подобные «величественные» перспективы роста мог предвидеть только очень опытный специалист-градостроитель, такой как архитектор В. И. Гесте, руководивший планировочными работами во многих городах России. Под территорию города отводился практически весь четырехкилометровый мыс между Енисеем и Качей. Контуры регулярной планировочной структуры, окончательно закрепившиеся в городской застройке в последней четверти XVIII столетия, живописно повторяли криволинейные очертания естественного ландшафта, местами задавая будущим улицам дугообразные направления.

Другой отличительной особенностью плана Красноярска являлась новая планировочная система площадей и общегородского центра. Она предполагала формирование группы площадей различного функционального назначения (Соборная, Плац-парадная, Тюремная, Торговая и др.), которые, по замыслу авторов плана, должны были стать в будущем общественными центрами крупных жилых образований. Главная площадь города – Соборная, назначалась в середине городской застройки, тем самым закладывались предпосылки перехода от «эксцентрического» размещения городского центра (на Стрелке) к «центрическому». В центральной части площади отводилось место под новый главный храм города, впоследствии возведенный к 1861 году.

Впервые в планировке Красноярска решались задачи озеленения города. Наряду с общественным садом, регулярные сады назначались при губернаторских домах и на участке воинских казарм. Немаловажную роль в формировании озеленения города сыграл губернатор А. П. Степанов, по чьей инициативе был сохранен участок естественного леса, ставший затем городским садом, проводилось устройство палисадников около домов, а также начата посадка деревьев на набережной Енисея.

Незначительное промышленное производство, предполагавшееся в Красноярске, намечалось разместить на левом берегу реки Качи, в отдалении от обывательской застройки, как предписывалось градостроительными правилами. Перспективы территориального развития Красноярска, заложенные в проектном плане 1828 года, определили тенденции формирования его планировочной структуры на последующее столетие.

Начало формирования губернского Красноярска совпало с периодом наивысшего подъема архитектуры классицизма в России. Вновь нарождавшийся город, давно утративший прежние черты свободной «посадной» застройки, безболезненно перенял идеи регулярности, новые представления о масштабах зданий и пространственной структуре, что позволяло характеризовать Красноярск тех лет, как наиболее современный город Сибири.

В 1820–1830-х годах подобная методика проектирования, основанная на составлении только двух видов чертежей – плана сложившейся городской застройки и проектного плана, применялась также для территориальных преобразований окружных городов: Енисейска, Ачинска, Канска и Минусинска.

В начале сороковых годов XIX века требования к составу проектной документации изменились. На основании циркулярного распоряжения Министерства внутренних дел от 17 мая 1841 года за № 1339 к проектным городским планам, представляемым на Высочайшее утверждение, требовалось прилагать: «а) план настоящего расположения города или посада; б) план разрезов (профилей) местности – план нивелировки проектируемого города или посада; в) ведомости: о числе дворовых участков личных домов и о числе жителей обоого пола каждого города; г) подробное статистическое описание местности, находящейся под проектируемым городом или посадом, а также и окружающих его на пространстве от 250 саж. до 1 версты – угодий»²⁹⁷. В этом же циркуляре впервые были приве-

²⁹⁷ Нашокина М. В. Развитие градостроительного законодательства в России во второй половине XIX – начала XX века / Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. НИИ теории архитектуры и градостроительства. Под общей редакцией Е. И. Кириченко. М., Прогресс-Традиция, 2001. – С. 265.

дены требования к оформлению плана настоящего расположения города, проектного плана и плана нивелировки местности.

В конце 1840-х годов из Министерства внутренних дел в сибирские города была прислана записка «О порядке составления проектных планов для городов»²⁹⁸, в которой излагались приоритетные положения проектно-планировочных работ.

«При составлении проектного городского плана принимается во внимание два главных предмета: назначение пространства для города и распланировка его. При назначении пространства для города нужно иметь в виду: количество земли, необходимой под заселение города, качество этой земли или удобство ее к заселению и средства города к приведению проектного плана в исполнение. При распланировке города следует главнейше обратить внимание на расположение улиц, образование площадей, и на размещение общественных зданий. При расположении улиц и назначении площадей надобно принимать в соображение выгоды в трех отношениях: в отношении народного здоровья, в отношении полицейском и в отношении хозяйственном. В отношении народного здоровья нужно наблюдать: при расположении улиц, чтобы они доставляли свободное движение чистому воздуху, не были уже 10 сажений, не пролегали по местам низменным и болотистым, чтобы доставляли всем частям города удобный доступ к пользованию чистой и здоровой водой. При назначении площадей, рассматриваемых как резервуары чистого городского воздуха, чтобы они не были на местах бывших под кладбищами.

В отношении полицейском при расположении улицы нужно иметь в виду удобство в полицейском надзоре, именно, чтобы не было глухих переулков, чтобы было удобство в сообщении между всеми частями города в случаях пожарных. В отношении хозяйственном надобно наблюдать: при расположении улиц, чтобы они не были расположены по оврагам, чтобы все кварталы имели удобное и более или менее непосредственное сообщение со всеми общественными зданиями и заведениями, как-то: церквями, гостинными дворами, лавками с первыми потребностями жизни. При назначении площадей, чтобы они были удобны для размещения разных общественных зданий и особенно торговых»²⁹⁹.

Для установления состава и количества необходимых для города торговых зданий (гостинных дворов, торжков, магазинов, амбаров и разных складочных мест для оптовой торговли) проектировщикам предлагалось провести значительный комплекс предпроектных исследований, направленных на определение видов торговой деятельности города

²⁹⁸ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.161. Оп. 2. Д. 551. Л. 126–129 об. О пересоставлении плана г. Красноярска. 1869–1900 гг.

²⁹⁹ Там же.

(внутренняя или транзитная), состояния лиц, доставляющих товары (купцы или производители товаров), необходимого количества и свойства товаров, средств и путей доставки товаров.

Изложенный в министерских циркулярах обширный круг вопросов, рассмотрение которых требовалось при составлении проектного плана города, возлагался на местных специалистов-планировщиков. В середине XIX века основными составителями планов сибирских городов стали губернские и окружные (уездные) землемеры, которые служили в межевых отделениях, причисленных к губернским казенным палатам, являвшимися учреждениями Министерства юстиции. Один или два землемера, которым поручалась разработка и вычерчивание плана города, не могли самостоятельно охватить все требования, выдвигаемые к проектной документации.

Не содействовали этому и городские власти, зачастую не осознававшие в реалиях неспешной провинциальной жизни практического смысла в графическом изображении плана города. Поэтому по завершению проектных работ в Санкт-Петербург представлялись только самые доступные сведения о городе. Например, в 1853 году после завершения работ над очередным планом для губернского Красноярска на утверждение в столицу были отправлены материалы, которые регламентировались циркуляром 1841 года: «проектированный план города Красноярска и при нем план настоящего положения города; разрез местоположения городом занимаемого; ведомость о числе домов и жителей в городе находящихся; описание места положения города, свойства земли оным занимаемым и смежным местам; план городу Красноярску Высочайше утвержденный во 2-й день ноября 1828 года»³⁰⁰.

Административный контроль со стороны государственной власти и местного начальства за устройством городов Сибири способствовал тому, что во второй половине XIX столетия большинство из них приобрели в основном регулярные планировочные структуры, а в некоторых были проведены перепланировочные работы. Так, например, Высочайшее утверждение получили проектные планы городов Енисейской губернии: Красноярска в 1855 году, Минусинска в 1844 и 1856 годах, Ачинска в 1857 году и Канска в 1858 году.

В 1861 году Министерство внутренних дел направило в сибирские губернии «Правила, принятые в руководство при искусственной отделке проектных городских планов и

³⁰⁰ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 173. Оп. 1. Д. 1247. О плане г. Красноярска. 1852–1857 гг.

выкопировок, представляемых на рассмотрение Главного управления путей сообщения и публичных зданий Министерства внутренних дел и Высочайшее утверждение»³⁰¹.

Они должны были стать руководством по составлению и оформлению трех основных планов: настоящего расположения города или посада, проектного и нивелировки местности, впредь «до издания общих по сему предмету наставлений».

В конце 1860-х годов право составления планов регулирования городов было предоставлено Строительным отделениям губернских правлений (образованы в 1865 г.), а в 1870 году Министерством внутренних дел была утверждена и разослана в сибирские губернии инструкция, которая предназначалась специалистам строительных отделений «для руководства при начертании планов на новую обстройку городов и на изменение существующего Высочайше утвержденного городского регулирования»³⁰². Она определяла состав проектной документации и требования к «отделке» – оформлению градостроительных чертежей. В соответствии с инструкцией, по завершению проектных работ, начальниками губерний должны были представляться в министерство на утверждение следующие материалы: «Высочайше утвержденный в прежнее время план города; план существующего расположения города с профилями нивелировки местности, как под существующим городом, так и под частями, предназначенными под его распространение; план проектируемого расположения города; ведомость о числе дворовых участков, находящихся в них домов и числе жителей обоого пола в городе; подробное топографическое описание местности, находящейся под существующим городом, а также и окружающих его угодий, на пространстве от 250 сажень до одной версты, с разъяснением основных причин, побудивших изменить существующее расположение города»³⁰³.

Для всех графических материалов предписывались правила о выборе масштаба, о расположении чертежей на листе бумаги, об «означении» на планах основных элементов градостроительной ситуации, о «тушевке и обозначении частей плана красками». Они сохраняли значение «общих наставлений» при разработке проектных планов российских городов на протяжении последующих сорока пяти лет.

В начале деятельности строительных отделений в сибирских губерниях обострилась проблема, вызванная неопределенностью правил и разнообразием оформления по-

³⁰¹ Нащокина М. В. Развитие градостроительного законодательства в России во второй половине XIX – начала XX века / Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. НИИ теории архитектуры и градостроительства. Под общей редакцией Е. И. Кириченко. М., Прогресс-Традиция, 2001. – С. 265.

³⁰² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 54. Д. 343. Материалы по составлению планов застройки г. Енисейска. 1870–1872 гг.

³⁰³ Там же.

ступавшей на утверждение в столицу проектной документации по различным объектам в городах и селениях. Для ее решения Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел выпустил циркуляр (от 4 декабря 1874 года): «О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов и смет в Строительных отделениях губернских правлений»³⁰⁴.

В нем устанавливалась единая форма чертежей, надписей на них и в сметах, что следовало учитывать лицам составлявшим, проверявшим и утверждавшим проектную документацию. Например, представляемые на утверждение чертежи должны были выполняться на листах бумаги, разрезанных на форматы длиной 13 дюймов, шириной 8 дюймов и наклеенных на коленкор. Масштаб для фасадов, планов и разрезов устанавливался – 2 сажени в дюйме, а для генеральных планов – 5 саженей в дюйме. При чертежах на постройки или перестройки обязывалось прилагать генеральные планы местности. Кроме того, регламентировались определенные цвета, обозначающие различные части гражданских зданий, гидротехнических сооружений, грунтовых и шоссейных дорог.

Наряду с деятельностью центральной власти, усилилась роль в устройстве сибирских городов местных правлений, чему способствовало введение в действие Городового положения 1870 года, на основании которого «утверждение планов и фасадов частных зданий в городах, выдача разрешений на перестройки и наблюдения за правильным исполнением построек» полностью переходило в ведение городских управлений³⁰⁵.

В этой связи, Красноярская городская управа издала в марте 1875 года постановление с правилами, регламентировавшими частное строительство в городе³⁰⁶. Перед началом строительных работ жители, желавшие произвести постройки, должны были обратиться в управу с прошением о разрешении им этих построек, с представлением планов на постройки. Городская администрация удостоверялась: «нет ли препятствий к разрешению построек и утверждала план подписью на оном». В обязанности местных правлений входило также наблюдение «за не отступлением от планов при начале построек».

Однако в реальных условиях, вызванных недостаточным количеством архитектурных и инженерных кадров, городские власти не успевали осуществлять контроль за все возрастающими темпами частного строительства, что приводило порой к случаям стихийной застройки, без надлежащего технического освидетельствования проектов зданий.

³⁰⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 19. Д. 253. О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов и смет в Строительных отделениях губернских правлений. 1875 г.

³⁰⁵ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 161. Оп. 2. Д. 785. О разрешенных постройках жителям города Красноярска в 1876 г.

³⁰⁶ Там же. Л. 6.

В марте 1881 года Главное управление Восточной Сибири направило начальникам подведомственных губерний циркуляр об усилении наблюдения за производством частных построек в городах³⁰⁷.

В нем генерал-губернатор обосновывал необходимость надзорных мероприятий сложившейся в городах критической ситуацией: «Существующие в законе правила относительно частных построек, за весьма немногими исключениями, отличаются такой полнотой и ясностью, что городским общественным управлениям, казалось бы, без особенного труда можно было поставить это дело вполне удовлетворительно, тем более, что и по существу своему оно составляет одну из главных функций городской администрации. Между тем, при сколько-нибудь внимательном взгляде на устройство городов Восточной Сибири, нельзя не убедиться в противном: деревянные дома и службы строятся без узаконенных разрывов, к каменным домам делаются деревянные пристройки для лестниц, ходов, галерей и проч., печи в домах устраиваются без коренных труб и на деревянных фундаментах – словом, нарушения строительного устава встречаются всюду, составляя, по видимому, явление совершенно нормальное. К числу исключений в этом случае нельзя отнести даже Иркутск, – этот главный торговый и административный центр Восточной Сибири. Несмотря на то, что он потерпел громадные убытки от пожара 1872 г., – многие постройки, по-прежнему, производятся в нем без соблюдения правил строительного устава, вследствие чего в некоторых частях города, особенно тесно застроенных, страховые общества отказываются уже от страхования имуществ. Имея в виду, что такое неисполнение закона со стороны владельцев недвижимой собственности может быть объяснено как недостаточностью надзора за частными постройками, так и вообще неправильной постановкой строительного дела в городских управах»³⁰⁸. Городским общественным управлениям предлагалось организовать работу таким образом, чтобы перед выдачей разрешений на производство построек они передавали представляемые к утверждению планы на рассмотрение городских архитекторов.

Полицейским властям предписывалось строго следить за точным исполнением правил строительного устава и постановлений, издаваемых городскими думами, привлекая виновных в нарушении закона к ответственности в установленном порядке.

Однако административные меры не спасали преимущественно деревянные сибирские города от главной беды – пожаров. Уже через месяц после получения циркуляра ир-

³⁰⁷ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 19. Д. 1333. По циркулярному предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири, относительно наблюдения за производством частных построек в городах. 1881 г.

³⁰⁸ Там же. Л. 7.

кутского генерал-губернатора, в ночь с 17 на 18 апреля 1881 года, больше половины Красноярска, его лучшей части, сгорело в крупном пожаре, который стал еще одним печальным подтверждением статистических данных того времени о том, что «в 25 лет выгорает вся Россия»³⁰⁹.

После пожара городская дума издала обязательное постановление о производстве построек в Красноярске³¹⁰. В нем предписывались правила отвода мест под постройки, порядок получения разрешений на строительство и требования к устройству бань, крыш, тротуаров, основанные на положениях строительного устава. В постановлении сохранялись прежние принципы регулирования городской застройки, но с дополнительным усилением контроля над обеспечением пожарной безопасности.

На рубеже XIX–XX веков в связи с увеличением объема строительства значительно расширился круг обязанностей городских архитекторов и техников. Должность городского архитектора впервые была учреждена при Красноярской городской управе в 1876 году, а в других городах Енисейской губернии городские техники появились в начале XX века. В первые годы деятельности основная функция Красноярского городского архитектора заключалась в рассмотрении представляемых в управу на утверждение планов и фасадов частных домов.

Согласно инструкции, составленной красноярскими властями в 1899 году, на городского архитектора возлагались следующие обязанности: «Предварительное рассмотрение планов и фасадов частных построек с указанием на планах, по их утверждению, требований, подлежащих исполнению при производстве построек; удостоверение копий планов, подлежащих выдаче частным лицам; проверка на месте в случае надобности планов и других сведений по строительной части; осмотры по особым поводам частных построек и освидетельствование состояния в строительном отношении городских строений; составление предположений и смет о перестройке и ремонтных исправлениях в городских зданиях; наблюдение за исполнением общественных строительных работ, производимых как хозяйственным, так и подрядным способом; составление отчетов об исполненных городских строительных работах, состоявших под надзором архитектора; возобновление и составление планов существующим городским зданиям для надобностей производящихся в Городской Управе дел; участие при возбужденных Управою судебных преследованиях за нарушения при постройках, установленных правил и указанных Городскою Управою тре-

³⁰⁹ Сибирская газета. 1881 г. 5 апреля. № 6.

³¹⁰ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 161. Оп. 2. Д. 1480. О нарушении устава строительного в Красноярске. 1888–1890 гг.

бований»³¹¹. Наряду с этими обязанностями совместно на архитектора и землемера возлагалось также: «Изготовление проекта плана на город Красноярск; о результатах работ по проектированию плана Управа докладывает Думе через каждые 3 месяца вперед до окончательного изготовления проекта; после же утверждения плана надлежащею властью на упомянутых должностных лиц возлагается наблюдение за тем, чтобы не было отступлений от утвержденного плана, а равно изготовление проектов как на частное изменение плана, так и на проектирование его вновь»³¹².

Постоянно нараставшая в начале XX века сложность архитектурно-планировочных вопросов, возникавших в интенсивно развивавшихся городах Сибири, уже не соответствовала ранее принятым подходам к практике составления градостроительных планов. Требовались новые методы разработки перспектив развития города. Вестник Красноярского городского общественного управления (февраль 1915 г.) высказывал по этому поводу следующие соображения: «Вопрос о составлении городского плана предполагает двойную работу: работу чисто техническую, то есть по снятию с природы застроенных земель и т.п., а равно нанесение на план проектных улиц, кварталов, площадей и т.п., и работу творческую – по определению того, каков должен быть город в будущем, как он должен строиться в будущем – наметить улицы, площади, сады, участки для заселения, для общественных зданий, церквей и т.п. Поэтому, естественно, что Городская Дума должна спешно обсудить те основные положения будущего города, которые должны лечь в основу работ технических по составлению проектного плана. Сейчас необходимо, имея план-фотографию города, наметить, как, то есть в каком направлении город должен расти, где будут у города скверы, сады и т.п. Эту работу, конечно, должны провести гласные, а не землемер»³¹³.

В июне 1915 года в Министерстве внутренних дел была подготовлена и утверждена новая инструкция «для руководства при составлении планов на городские поселения»³¹⁴, которая заменила прежнюю, действовавшую с 1870 года.

В ней регламентировался состав «технических документов», представлявшихся на утверждение в министерство внутренних дел: при устройстве новых городских поселений; при территориальном развитии существовавших городских поселений, не имевших ут-

³¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 28. Д. 736. Сведения по городам Енисейской губернии. 1899–1900 гг.

³¹² Там же.

³¹³ Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915 г. Февраль. № 25–35.

³¹⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.595. Оп. 60. Д. 324. Циркуляры и инструкции технико-строительного комитета управления, верховного начальника санитарной эвакуационной части и енисейского губернатора по утверждению смет и планов строительства в губернии. 1916 г.

вержденных планов; при изменении утвержденного плана города по всей его площади или значительных частичных изменениях утвержденного плана; при распространении существовавшего городского поселения.

Инструкция предписывала представлять в составе материалов на утверждение постановления городских властей относительно изменений ранее утвержденного плана. Таким образом, большая часть ответственности за определение перспектив архитектурно-планировочного развития городов возлагалась на местную администрацию.

В инструкцию вошли требования: к составлению планов существующего расположения городского поселения, который необходимо было выполнять с указанием горизонталей и нанесением на нем красными линиями всех предположенных изменений; к составлению планов проектированного расположения города с указанием на нем лишь той распланировки, которую желательно придать городу; к изготовлению выкопировок из утвержденных планов с показанием предполагаемых изменений; к надписям на планах. Приведенные в инструкции правила отделки планов иллюстрировались двумя образцовыми чертежами: «Планом существующего расположения города» и «Планом проектированного расположения города» (рис. 4).

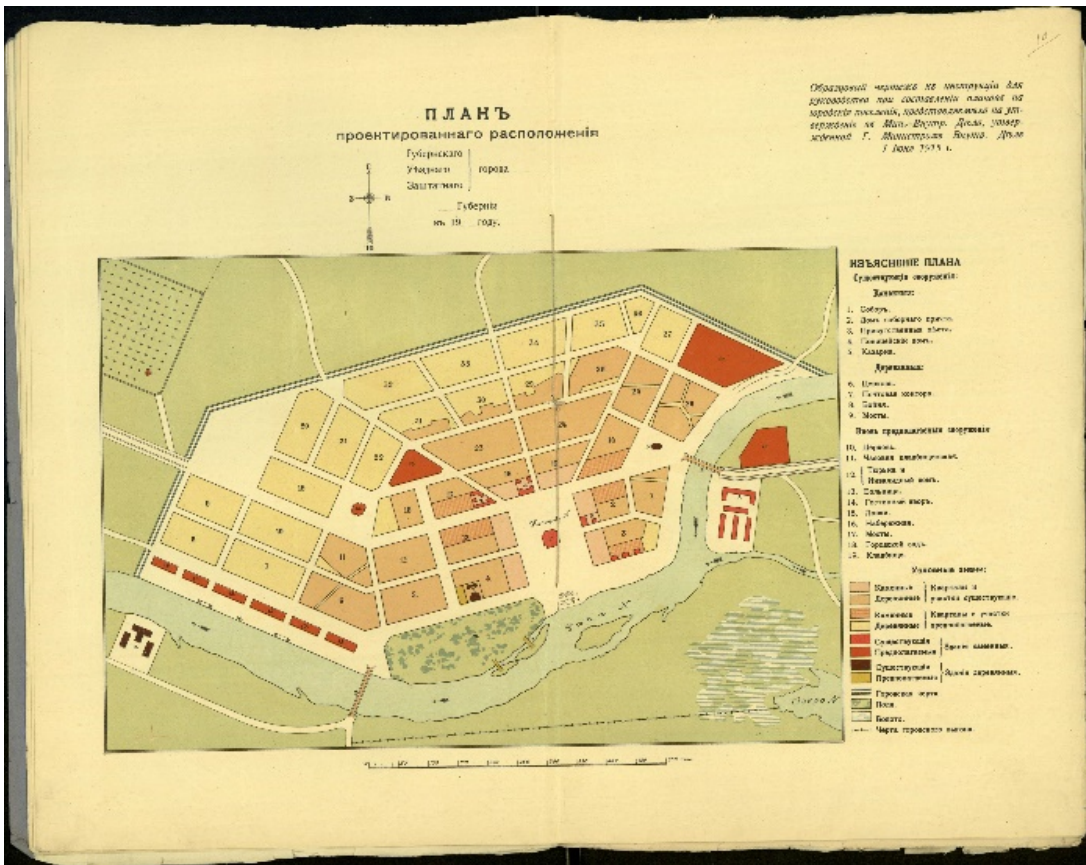
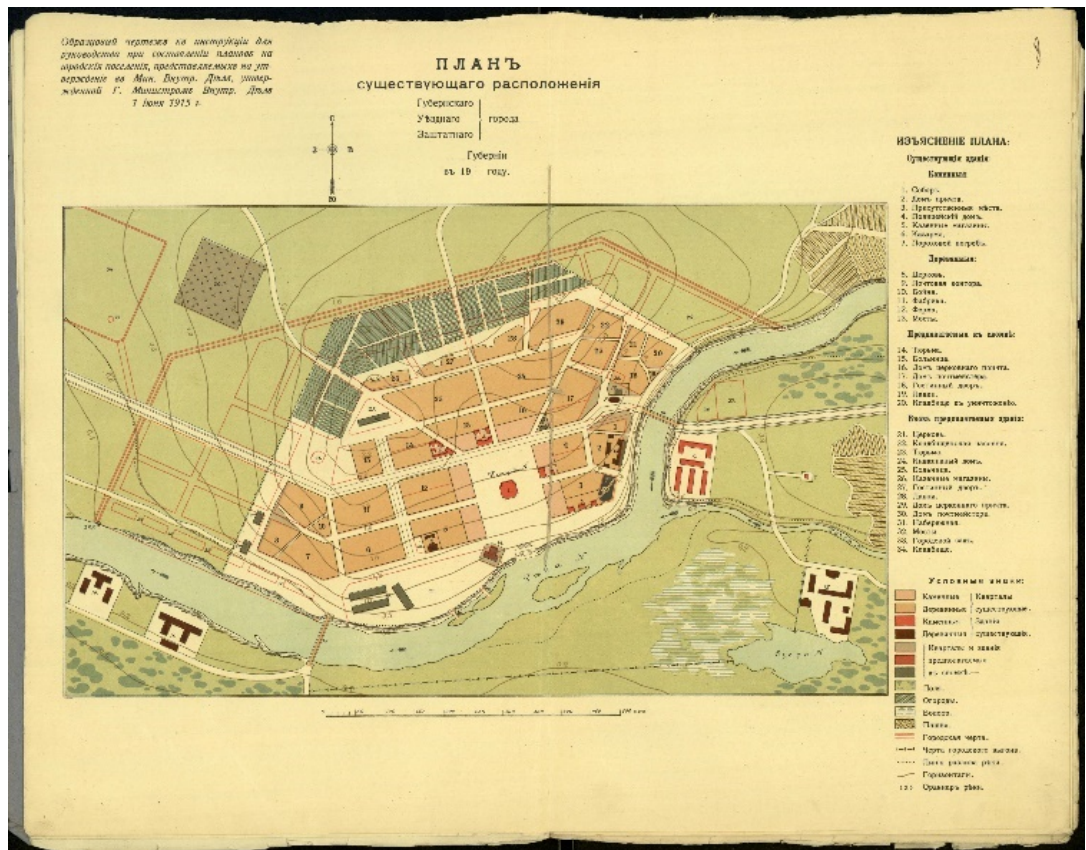

Рис. 4. Образцовые чертежи к инструкции 1915 года. Планы существующего и проектируемого расположения города (ГАКК)

В 1916 году подошла к завершению многолетняя деятельность по разработке нового проектного плана Красноярска, когда землемер А. И. Озерский представил в городскую думу для рассмотрения все материалы, а именно: «план съемки 1910 года, составленный в 1911 году; детальные чертежи Благовещенской улицы от Старого базара до полосы отчуждения железной дороги; тоже – Гостинской и Воскресенской улиц в масштабе 5 саженей в дюйме; план, составленный по накладке, который будет служить подлинным планом для утверждения; копия с него на ватманской бумаге; такая же копия на кальке для нанесения на ней строительных кварталов Высочайше утвержденного плана 1855 года; профиль по линии за Николаевской слободой на местность, которая предназначена к планировке»³¹⁵.

В 1910-х годах активно велись работы по составлению новых проектных планов уездных городов Енисейской губернии: Ачинска, Канска и Минусинска, а в 1912 году состоялось учреждение и открытие самого северного города губернии – Ново-Туруханска. Однако революционные события, вскоре охватившие страну, не позволили реализовать градостроительные замыслы преобразования сибирских территорий, рожденные в начале XX века. Происходившие в XIX – начале XX века изменения принципов проектирования сибирских городов были связаны с переходом от личностных начал в творческом процессе к усилению регламентации всё более усложнявшейся градостроительной деятельности.

О ПРОГНОЗАХ РАЗВИТИЯ ЕНИСЕЙСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

За прошедшие четыре столетия со дня основания Енисейска этот – один из старейших русских городов Сибири испытал периоды яркого расцвета, когда на берегах Енисея бурно кипела деятельность, направленная на покорение новых неизведанных земель, и долгие десятилетия тихого существования в качестве маленького провинциального городка. В настоящее время вновь поднимаются вопросы о дальнейших перспективах города, о его месте и роли в экономическом развитии Сибири XXI века. Для более глубокого осмысления поставленных вопросов и поиска ответов на них, на наш взгляд, следует обратиться к относительно недалекой истории – в начало прошедшего столетия, когда городские власти настойчиво пытались искать пути выхода города из состояния стагнации и создать привлекательный образ будущего Енисейска. Об этих событиях наглядно свидетельствуют документы тех лет, выявленные авторами в архивных фондах³¹⁶.

³¹⁵ Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916 г. 21 июля. № 12–13.

³¹⁶ Царёв В. И., Васильева Н. О., Царёв В. В. О прогнозах развития Енисейска в начале XX века. К 400-летию города // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2019. – № 3 (13). С. 83–103.

На протяжении первых трех столетий существования Енисейска для него было составлено в различные периоды самое большое количество фиксационных и проектных планов среди городов, входивших в Енисейскую губернию. Однако ни один из проектных планов города не был удостоен, так называемого «Высочайшего» утверждения верховной властью. Складывалась весьма парадоксальная ситуация, связанная с тем, что преобразования городской застройки Енисейска осуществлялись либо по не утвержденным планам, либо вообще без них. Именно эти причины затрудняли зачастую разработку очередных вариантов проектов развития города, когда исторически сложившаяся планировочная структура очень медленно подвергалась новым преобразованиям.

В начале XIX века Енисейск еще сохранял роль самого крупного города Приенисейского края, в котором насчитывалось более пяти тысяч жителей. Он считался также одним из красивейших городов Сибири. Утратив в первой половине столетия значение торгово-экономического центра, Енисейск стал между тем, по восприятию современников, своеобразным духовным центром Сибири. Это перерождение города отражалось не только в его внешнем облике, создававшемся величием храмов, но и в «особливой выразительной набожности», которую в первую очередь замечали многие приезжие. Утреннее «шествие иконы для благословения какого-нибудь дома, и воспеваемая молебная песнь» располагали современников «к достойному заключению о духе жителей». «Вот где нашел я, – восклицал один из гостей города, – уцелевшую картину прежних русских нравов!»³¹⁷.

До 30-х годов XIX века жители города промышляли, главным образом, рыбным промыслом, добычей мехов и изготовлением железных изделий из руды, добываемой в окрестностях Енисейска, но «появившаяся вслед за этим во всем своем ослепительном блеске золотопромышленность смела все окончательно»³¹⁸. Енисейцы забросили свой производительный труд и «взапуски пустились в тайгу – на заработки»³¹⁹. В очерке о непростой истории Енисейска, составленном жителями города в начале XX века, слышатся печальные слова об утраченных иллюзиях и эмоциональные, неосознанные еще предчувствия грядущих перемен, поэтому приведем их подробно.

³¹⁷ [Словцов П.] Письма из Сибири 1826 года / Петр Словцов. – Москва: тип. С. Селивановского, 1828. – С. 29.

³¹⁸ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 134. Оп. 1. Д. 543. 23 л. Доклад Енисейской городской управы о возбуждении ходатайства о сооружении в г. Енисейске глубокого водного речного порта и очерк Енисейского городского общественного управления «Енисейский уезд и Туруханский край в экономическом отношении». 1917 г. Л. 17 об.

³¹⁹ Там же.

«Енисейск – патриархальный и религиозный, упорно и скромно трудящийся, – превратился в город пирующий, легкомысленно и беззаботно прожигающий жизнь.

Все подгнило и рухнуло. Рядом с ремесленностью и промыслом подточено было и земледелие. Золото, что называется, полилось рекой, оно сделалось объектом самой остервенелой и отчаянной погони за “счастьем“, – погони не знающей себе ни удержу, ни преград. И действительно, как было не соблазниться легкомысленному обывателю, видя, как самый захудалый рабочий зарабатывает в “операцию“ до двух и более тысяч рублей. В стремлении к этому соблазну появилась масса пришлого люда – “шпаны“. В октябре – времени окончания работ и расчетов, – город буквально превращался в царство беспробудного пьянства и диких оргий, чинимых зачастую самими же золотопромышленниками. Все заработанное здесь спускалось рабочими до копейки в перспективе новых таких же заработков, а кто по воздержаннее и “с умом“, пользовался случаем, чтобы набить мошну, и зачастую обирал своего же не в меру разгулявшегося хозяина. Так шли годы. Обыватель в чаду похмелья не сознавал, какая будущность ждет его впереди. Для хищников же золотопромышленности не существовало ничего, кроме личной наживы и бессмысленного прожигания жизни. Легко доставшиеся деньги шли, как круговорот на одни грубые удовольствия, без малейшего проявления живой мысли или общественного начала. Насколько быстро горячка пришла, с такою же быстротой она и пала. Представители ее, появившиеся из разных концов России, не имевшие никакой связи с интересами города, ушли; иные, утомленные и расслабленные, скрылись под благословенным небом юга – доживать свои последние дни. Енисейск, обобранный и расхищенный, остался на своем месте у своего “разбитого корыта“ пред лицом одной печальной действительности. Возвращение его на путь зажиточного города с прежним патриархальным укладом, когда жители строили храмы и лили колокола, а в праздники одаряли бедноту, стало уже невозможным. Народившееся поколение, взращенное и воспитанное в глухой тайге на мешке с золотом, алчное к быстрой наживе, не могло помириться с прежним кропотливым трудом кустаря-ремесленника; его инстинктивно тянуло в тайгу, на следы того волшебного камня, у которого жили и умирали отцы. В поисках этого “счастья“ тратились унаследованные состояния; “идеалист“-искатель постепенно беднел и все таки тянул “свою линию“ до конца, пока не разорился или не уходил в загробную жизнь. Так шло время до проведения Сибирской железнодорожной магистрали, уничтожившей последние остатки промышленности и торговли края. Дело в том, что до проведения великого Сибирского пути, Енисейск служил транспортным пунктом, чрез него лежала гужевая дорога, поддерживавшая сообщение между Восточной и Западной Сибирью. Железная дорога, имевшая для Сибири не-

оценимое значение, Енисейску нанесла наиболее сильный удар. Город с проведением ее оказался совершенно отрезанным от ближайших пунктов товарообмена, каковыми были для него Ачинск и Томск. Район железной дороги, обслуживающий соприкасающиеся с нею жизненные артерии страны, оказался от Енисейска в 300-верстном расстоянии, так, что примыкавшая к нему до этого Южно-Енисейская золотоносная система, очутилась в сфере влияния железной дороги. Соседний город Красноярск постепенно стал поильцем и кормильцем всего Енисейского края. Четыре-пять месяцев в году пароходной навигации обеспечивают теперь город всем необходимым на его зимнее существование. Это обстоятельство ограничило круг лиц, которые ранее сего входили в соприкосновение с фабрикантами Европейской России, и остановило всякое развитие местной промышленности. Город оказался одиноким и всеми покинутым»³²⁰.

Однако, несмотря на столь удручающую предысторию, представители передовых общественных кругов Енисейска видели будущее развитие города и уезда в дальнейшем освоении природных богатств Сибири.

Золото- и лесопромышленность, рыбное дело и сельское хозяйство – эти важнейшие отрасли народного хозяйства края, по мнению авторов очерка, «повелительно требуют проведения железной дороги Ачинск-Енисейск, правильного функционирования Северного морского пути, что может быть достигнуто только предоставлением открытых дверей – порто-франко; но это еще не все; путь, соединяющий Европу с нашим краем, нужен для всей Сибири, для всего южного и западного сибирского сельского хозяйства; этим путем Сибирь должна отправлять сырье и полуфабрикаты на европейские рынки, пока она сама у себя не создаст промышленности, удовлетворяющей ее потребности; наконец, в сплошном пути через р. Енисей в Европу заинтересовано и государство: при его помощи оно получает реальную возможность приблизить к себе экономически и Монголию»³²¹.

Успехи первого десятилетия эксплуатации Сибирской железнодорожной магистрали вызвали волну проектов строительства новых железных дорог (рис. 5).

³²⁰ Там же. Л. 17 об. – 18 об.

³²¹ Там же. Л. 20 об.

Рис. 5. Карта предполагаемых проектов железных дорог в Центральной Сибири. 1914 г. [1, с. 69]

С постройкой железнодорожной ветки на Енисейск местные власти связывали неперемненное возрастание значения города, в том числе как морского порта: «Железные дороги Ачинск-Енисейск или Томск-Енисейск получают тогда только свое важное колонизационное значение, когда они будут привязаны к морскому пути; массовое передвижение сибирских грузов может действительно наступить, когда морские суда будут непосредственно без перегрузки в устье Енисея на речные суда, подходить к Енисейску у окончания железной дороги, которая в свою очередь будет подвозить сибирские грузы из более отдаленных районов, тяготеющих к этому пути, и Енисейск должен сделаться внутренним отправным пунктом»³²² (рис. 6).

³²² Там же. Л. 5.

Рис. 6. План города Енисейска. Подпись: «Настоящий план является копией с плана 1891 года со схематическим нанесением предполагаемых путей железной дороги». 1910-е гг.
Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова

Енисейская городская дума, окрыленная успешными перспективами, «желая идти навстречу интересам судоходства, как и будущности Енисейска, постановлением своим от 7-го августа 1913 г. определила: отдать в вечное владение ведомству путей сообщения часть городских земель в количестве, какое потребуется, по усмотрению министерства, для нужд затона»³²³. Вскоре на сооружение енисейского затона государство выделило 200000 рублей, но «вспыхнувшая война остановила это дело в зародыше»³²⁴.

В 1916 году городские власти вновь решили обратиться правительства на нерешенную проблему, возбудив перед Министерством путей сообщения ходатайство о необходимости скорейшего устройства в Енисейске «глубокого речного порта для зимнего отстоя пароходов и баржей при открытии беспрепятственного прохода глубокосидящих судов»³²⁵.

В сопроводительных документах, предназначавшихся для правительственных чиновников, давалось обобщенное видение важнейших проблем и прогнозов: «Енисейское

³²³ Там же. Л. 5 об.

³²⁴ Там же.

³²⁵ Там же. Л. 6.

городское общественное самоуправление выдвигает в настоящей записке только самые наболевшие вопросы края. Без разрешения этих вопросов немислимо дальнейшее движение вперед. Северный морской путь и железная дорога – это минимум того, что должно быть сделано безусловно. Полный расцвет экономической жизни края сделается возможным тогда, когда Сибирь получит демократическое земство, когда городские самоуправления будут реформированы, когда основные вопросы государственной жизни получают разрешение в духе прогресса, культуры и общности»³²⁶.

Однако идеям, возникшим в далеком сибирском городе Енисейске, не суждено было осуществиться в начале прошлого столетия, так как приближалось время великих потрясений, значительно изменивших всю Россию. Спустя сто лет со времени описываемых событий, мы можем назвать эти прогнозы и высказывания о Сибири – пророческими, большинство из которых, несмотря на титанические усилия, были воплощены в реальной жизни на протяжении XX века.

Рассмотренные материалы о проблемах формирования Енисейска в начале XX века, наглядно демонстрируют неразрывную взаимосвязь исторического процесса развития отдельного города и региона в целом. В настоящее время социально-экономические преобразования Сибири вновь определяются масштабными проектами строительства транспортных коммуникаций, в том числе, новым этапом обустройства Северного морского пути. Принцип исторической преемственности, который должен являться основой составляемых сегодня прогнозов развития восточных территорий страны, позволит определить достойное будущее старинным городам Сибири.

³²⁶ Там же. Л. 20 об.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ В XX СТОЛЕТИИ

ГЛАВА III.1.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКА

Ко времени окончания затянувшейся на Дальнем Востоке гражданской войны, то есть фактически до середины 1922 года, Хабаровск представлял из себя едва ли "столичный" город скорее небольшой, изрядно потрепанный войной, периферийный городок с преимущественно деревянной застройкой и населением около 35 тысяч человек. Принципиальная схема планировки города повторяла традиционную систему прямоугольных кварталов, характерную для большинства восточносибирских и дальневосточных городов, основанных в середине XIX века. Причем, эта схема вполне удачно накладывалась на уникальный местный рельеф, образуя специфический образ города, прекрасно считаваемый с реки: три холма-водораздела, на которых расположились три главные улицы города и два оврага-речки между ними (Рис. 1). Сложившийся силуэт играл важную роль в формировании образа города и регулярно отмечался гостями Хабаровска: *«он [город – К.С.] живописно расположен двумя террасами на трех отдельных грядобразных возвышенностях, которые подходят к береговой линии Амура... Многие дома в садах, что придает городу, при живописности его расположения, приветливый характер»*.³²⁷ Из вышеприведенной цитаты исследователя Сибири и Дальнего Востока Александра Ипполитовича Дмитриева-Мамонова также несложно сделать вывод об общем дезурбанистическом характере застройки Хабаровска рубежа XIX и XX веков – скорее деревенская чем городская среда подчеркивалась и характером архитектуры, и благоустройством: *«Все улицы с грунтовой дорожкой, не шоассированы, и только на некоторых устроены деревянные тротуары. Большинство частных построек – деревянные»*³²⁸ (Рис. 2). Самые выгодные и знаковые улицы города к концу XIX века заняли ключевые ведомства, в первую очередь военное. Как следствие, две из трех идущих по водоразделам улиц стали носить военные названия: Артиллерийская и Военная. Хабаровск, как, впрочем, и многие другие го-

³²⁷ Дмитриев-Мамонов, А.И., ред. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге, 1901-1902 / Санкт-Петербург, 1902. – С. 288.

³²⁸ Там же. – С. 289.

рода Дальнего Востока, был основан как военный пост, и именно эта функция за городом сохранялась на долгие годы вперед. Каменная застройка, опять же отмеченная А.И. Дмитриевым-Мамоновым в своем путешествии, возводилась именно силами местных гарнизонов: *«Усиленно строятся новые дома. Каменные здания – преимущественно казенные: дом генерал-губернатора и командующего войсками, кадетский корпус, казармы, военное собрание, реальное училище и т.д.»*.³²⁹ Пожалуй, единственным компонентом, отличающим дальневосточные города и Хабаровск, в частности, от других подобных населенных пунктов фронта Российской империи, было, помимо огромных расстояний, отделяющих регион от центра страны, наличие значительного китайского и корейского населения. Очевидно, что стремление отразить в планировке городов Дальнего Востока и их архитектуре подчиненное положение Азии к метрополии, неотделимость их от империи, было важным пунктом в повестке властей: *«Географическое положение региона на самом удаленном от столиц восточном краю России заставляет создателей дальневосточных городов с особенной силой подчеркивать русскость их облика, принадлежность к России и культурно-историческую связь с нею»*.³³⁰ Отличительным примером этой политики была архитектура железнодорожных вокзалов первой четверти XX века.³³¹ Построенное в 1902-1905 гг. Ф.О. Шехтелем здание Ярославского вокзала в Москве определило характерный образ сооружений этого типа и на Дальнем Востоке: в 1910-1912 гг. архитектор В.А. Плансон перестраивает железнодорожный терминал во Владивостоке в тех же псевдорусских мотивах, что и его московский образец, а уже после революции, в 1926 году, в том же стиле возводится и первый каменный вокзал в Хабаровске. Здание деревянного вокзала, построенное здесь еще в 1891 году, значительно пострадало в смутное время гражданской войны, и, сразу по окончании активных боевых действий, вопрос о его восстановлении, но уже в камне, неоднократно поднимался в местной прессе. По итогам проведенного в 1924 году архитектурного конкурса из восьми представленных проектов победителем был объявлен вариант харбинского инженера П.В. Шаманского (Рис. 3).³³² Показательно, что в середине 1920-х гг, когда проводился конкурс и возводилось здание вокзала, архитектура историзма едва ли могла устроить профессиональную публику в центре страны, но на Дальнем Востоке она воспринималась вполне в духе времени и в русле программы

³²⁹ Там же. – С. 288.

³³⁰ Кириченко, Е.И. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Книга третья / Е.И. Кириченко. – Москва, 2010. – С. 540.

³³¹ Помимо военного ведомства, определявшего во многом образ Дальнего Востока, на рубеже XIX и XX веков особое место в формировании среды дальневосточных городов и их застройки начинает играть также железная дорога, обеспечившая регион в стабильном притоке новых переселенцев и рабочими местами для них.

³³² Новая победа // Рабочий Путь. – 1926. – №46 (688). – С. 11.

культурного объединения Дальнего Востока с Советской Россией: «Вокзал построен в русском стиле, но не в древнем уродливом стиле с ненужными, тяжелыми карнизами, а в новом – отвечающем всем требованиям современной техники».³³³

Рис. 1. План существующей застройки п. Хабаровки, 1864 г.

С постройкой вокзала в Хабаровске была инициирована масштабная программа реконструкции города. Модернизации городской среды середины – конца 1920-х гг. предшествовала масштабная административная реформа. Еще в 1922 году на базе Амурской, Приморской, Приамурской, Камчатской, Забайкальской и Прибайкальской губерний, входивших в состав Дальневосточной республики (ДВР) создается Дальневосточная область с центром в Чите, но довольно скоро становится очевидно, что руководить таким обширным регионом из Читы затруднительно, исходя в первую очередь из географии – столица молодой Дальневосточной области находилась вдали от планируемых центров развития региона, сосредоточенных в основном вдоль тихоокеанского побережья и пересечения главных транспортных артерий: транссибирской магистрали и реки Амур. С новой реформой, прошедшей в 1926 году, столица дальневосточного региона, который до 1938 года будет называться Дальневосточным Краем (ДВК), переносится в Хабаровск. Располо-

³³³Ивачев, Д. Новый хабаровский вокзал // Тихоокеанская звезда – 1926. – №436 – С. 5.

жение Хабаровска на перекрестке транссибирской магистрали с крупнейшими водными артериями Дальнего Востока реками Амуром и Уссури нередко играли первостепенную роль в его возвышении. Например, уже в 1858 году, через несколько недель после основания Хабаровска (тогда еще военного поста Хабарово), сюда из Якутска был перенесен почтовый тракт.³³⁴ Со временем сюда из Николаевска-на-Амуре переносятся артиллерийские склады по линии военного ведомства. Став вскоре военным центром Приамурья (в 1884 году этот статус закрепляется за городом официально с созданием Приамурского генерал-губернаторства), Хабаровск со временем становится и негласным торговым центром – по мнению Ф. Буссе именно сюда свозятся меха с низовьев Амура и всего Уссурийского края.³³⁵ В 1880-е гг. усилиями генерал-губернатора Михаила Павловича Тихменева окружное казначейство, суд, полицейское управление и другие организации были перенесены в Хабаровск из других городов Дальнего Востока.³³⁶

С приданием городу "столичного" статуса в 1926 году в Хабаровск из Читы перемещается административный блок, из Владивостока – управление лесным хозяйством, из Благовещенска – управление амурского речного пароходства, создаются новые представительства московских наркоматов и т.д. Конечно, размещение всех этих организаций и многочисленного штата новых сотрудников требовало большого объема свободных площадей и новых зданий, так как национализированных помещений принципиально не хватало. Кроме того, принятые Госпланом в середине 1920-х гг. программа капитального строительства и роста коммунального хозяйства ДВК, а также программа колонизации Дальневосточного края на 1927-1936 гг. подразумевали более чем четырехкратный рост населения Хабаровска за предстоящие 10 лет.³³⁷ Вместе с тем, помимо исключительно утилитарной функции обеспечения города административной и жилой площадью архитектура Хабаровска конца 1920-х гг. была призвана играть ответственную роль в формировании нового социалистического образа столицы Дальневосточного Края, репрезентации новой власти. Витриной нового образа жизни и его репрезентации в камне была выбрана центральная улица города, бывшая Муравьева-Амурского, переименованная в этот же период в улицу имени Карла Маркса. Образцовый статус закрепился за ней еще в конце XIX века. Г.Т. Муров, путешественник и автор нескольких основательных трудов, посвященных Дальнему Востоку, в 1911 году отмечал значимость главной магистрали горо-

³³⁴Чернышева, В., Чечулина, Г., Сутурин, А. Хабаровск. 1858–1983: Очерки истории / Хабаровск, 1983. – С. 15.

³³⁵ Там же. – С. 20.

³³⁶ Там же. – С. 28.

³³⁷ ГАХК, Фонд Р-353, Описание 1, Дело 7 – Десятилетний план развития капитального строительства и роста коммунального хозяйства ДВК за 1927–36 годы.

да следующим образом: «Муравьева-Амурского – это центральная часть города, показанная сторона его. По этой улице ежедневно ходит начальство Приамурского генерал-губернаторства и военного округа. Постройки солидные, бульвары, тротуары, ни сору, ни падали, ни помоев, ни гусей».³³⁸ Полтора километра самой широкой и живописной улицы города заняли в первую очередь знаковые ведомства, которые в 1926-1932 гг. превратили её в одну большую стройплощадку.

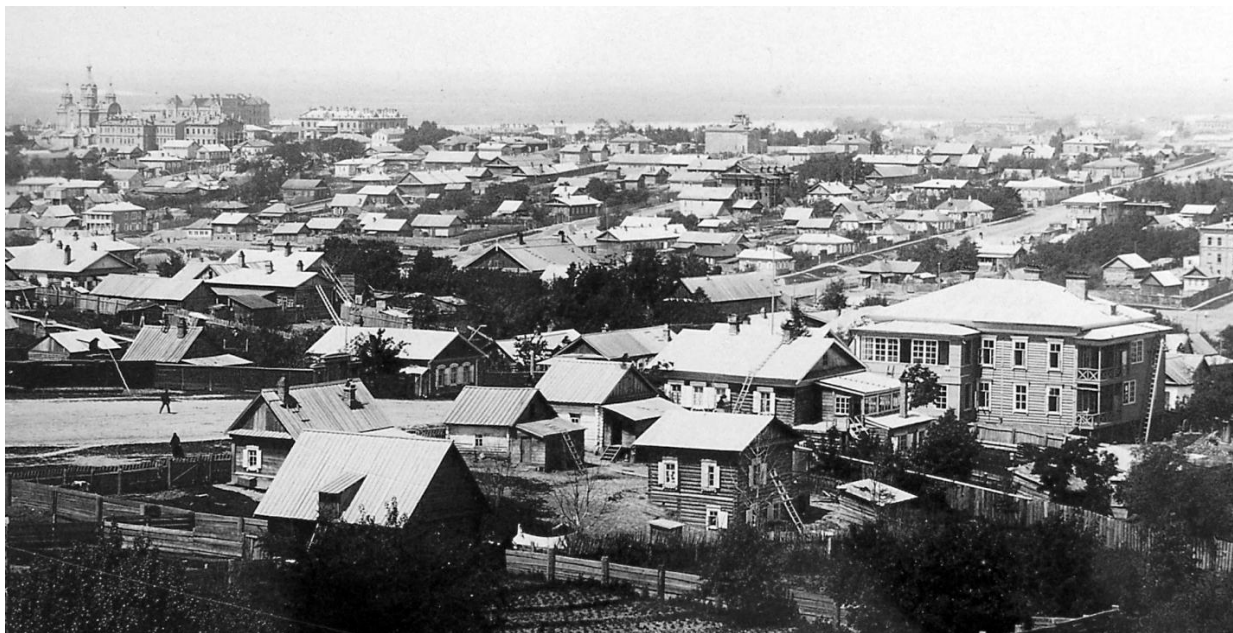

Рис. 2. Общий вид г. Хабаровска в начале XX века.

Рис. 3. Здание железнодорожного вокзала в Хабаровске, 1925–1926 гг., арх. П.В. Шаманский. Фотография 1930-х гг. [ГАХК, Ф.Ф-1, Оп. 4, Ед. хр. 1152].

³³⁸ Муров, Г.Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. Том II / Москва, 1911. – С. 41.

Для более точной систематизации застройки хабаровский горсовет в конце 1926 года выпускает постановление о разделении города на строительные зоны.³³⁹ Без сомнения, в первую очередь это касалось именно улицы Карла Маркса: здесь разрешалась только каменная застройка не менее двух этажей и площадью не менее 80 квадратных сажен [365 кв.м. – *К.С.*]; застройка других улиц и районов также строго регулировалась, при общей возможности на менее значимых улицах города строить деревянные дома, угловые участки, тем не менее, должны были быть решены капитальными постройками; покрытия центральных улиц также подвергались реконструкции, то есть шоссированию и асфальтированию (Рис. 4). Это постановление горсовета стало важным шагом на пути модернизации городской среды Хабаровска, его урбанизации, трансформации от большой деревни к городу.

Рис. 4. Ремонт Вокзальной улицы в Хабаровске, 1926 г.

Вместе с тем, в стилистике архитектуры нового Хабаровска вплоть до 1928 года прослеживалась инерция дореволюционных направлений: помимо уже отмеченной псевдорусской первой очереди железнодорожного вокзала, возведенной в 1926 году, в стиле упрощенного или рационалистического модерна в 1925-1927 гг. архитектором Н.А. Пере-

³³⁹ ГАХК. Фонд Р-904, Опись 1, Дело 6 – Обязательное постановление Хабаровского горсовета №6 «О разделении г. Хабаровска на строительные зоны».

валовым была построена коммунальная гостиница "Дальний Восток", и тем же архитектором в 1925-1926 гг. – эклектичное по своей архитектуре главное управление Центроспирта по Дальнему Востоку. Новая авангардная же архитектура импортировалась на Дальний Восток напрямую из столиц, и во второй половине 1920-х гг. главным образом из Москвы. Предвестником нового стиля в архитектуре Хабаровска была постройка главного управления Дальневосточного банка на центральном участке все той же улицы имени Карла Маркса. Выполненный московским архитектором-конструктивистом В.М. Владимировым проект здания ДВ банка демонстрировался на всевозможных выставках в Хабаровске, а также регулярно появлялся на страницах местных газет. Знаковый объект, первый железобетонный дом города, возводился довольно быстро, на его строительстве (образцовой стройке города) было задействовано более 200 человек инженерного и рабочего состава – невиданная цифра для Хабаровска того времени. Здесь же впервые были опробованы новые методы строительства, которые планировалось применить вскоре на сооружении Дома Советов, поэтому не будет ошибкой утверждать, что Дальневосточный банк стал своего рода экспериментальной площадкой для своего старшего и более известного соседа. К ноябрю 1928 года здание вчерне было уже закончено, еще через полгода все помещения были уже официально сданы. В том же 1929 году на первом всесоюзном конкурсе на лучшую постройку Дальневосточный банк стал победителем; жюри конкурса, возглавляемое председателем Высшего Совета Народного Хозяйства СССР В.В. Куйбышевым, отметило «легкость конструкций, большую экономию в строительных материалах, успешное применение новых принципов строительства, полную механизацию работ, целесообразное использование площади, удачное применение в местных условиях подрывных работ при строительстве».³⁴⁰ В период завершения возведения стен здания банка через дорогу от него начинается строительством Дом Советов Дальневосточного края – грандиозное строение, сыгравшее впоследствии значительную роль в формировании архитектурно-планировочного образа Хабаровска довоенного периода. Еще в 1927 году Московским архитектурным обществом был объявлен всесоюзный конкурс на проектирование главного здания Дальневосточного края. На конкурс было представлено более 50 проектов от архитекторов со всей страны, в числе которых были и многие известные зодчие, например, М.Я. Гинзбург, И.Ф. Милинис³⁴¹, Н.А. Троцкий и многие другие. Первая премия была присуждена проекту авторства И.А. Голосова и Б.Я. Улинича. Принимая во

³⁴⁰ Дыминская, А.В., Шокурова, Л.Б., Янкевич, М.К., Ласкин, А.Р. Объекты культурного наследия. Памятники истории и культуры Хабаровского края / Хабаровск, 2006. – С. 33.

³⁴¹ Милинис И.Ф. Дом Советов Дальневосточного крайисполкома в Хабаровске // Современная архитектура – 1928. – № 4. – С. 109.

внимание всю важность объекта, на строительство Дома Советов были брошены основные силы рабочих-строителей и инженеров города. С небольшой задержкой, связанной с ошибками при возведении фундамента, Дом Советов ДВК был все-таки достроен в течение планируемых двух строительных сезонов.

Таким образом, высокими темпами северная сторона улицы Карла Маркса в пределах нескольких кварталов от улицы Фрунзе до улицы Волочаевской была полностью застроена и перестроена уже к 1931 году; на этом фрагменте центральной магистрали длиной в полкилометра были построены сначала здание Дальневосточного банка (1927-1928 гг.), затем Дом Советов ДВК (1928-1930 гг.), а также грандиозный, занимающий целый квартал, дом-коммуна НКВД (1930-1932 гг.), перестроен в духе современной архитектуры доходный дом Архипова (1930-1931 гг.), ставший центральным универмагом города. Сотни фотографий сделанных из зданий напротив (тоже выстроенных на рубеже 1920-х – 1930-х гг.) тиражировались в местной прессе (Рис. 5), иллюстрируя тем самым выдающиеся изменения, произошедшие со столицей Дальневосточного края в годы советской власти. В этот же период в Хабаровске возводятся здание управления Амурского речного пароходства с ведомственными квартирами (1931-1934 гг., арх. Н.А. Солофенко), жилой дом Крайсовнархоза (1928-1929 гг., арх. Н.А. Перевалов, Р.И. Блюм), жилой дом товарищества редакции газеты «Тихоокеанская звезда» (1928, арх. Б.А. Малиновский) и многие другие.

Однако, строительство образцовых домов-коммун и домов для отдельных контор и организаций, конечно же, не могло справиться с острейшим жилищным кризисом. Население Хабаровска к началу первой пятилетки составляло около 50 тысяч человек, к концу – почти 100 тысяч.³⁴² В местных газетах 1920-х годов огромное внимание уделялось развитию жилищного строительства, пропаганде займов на жилищное строительство и пропаганде индивидуального строительства. Целые кварталы отдавались под застройку различным ведомствам. Все это требовало единой схемы развития города, генерального плана. Этот вопрос всерьез в середине 1920-х гг. не обсуждался – фокусом внимания городского хозяйства все-таки был, в основном, эксперимент на центральной улице города. Только в 1929 году было предложено начать съемку города с целью создания «плана расширения Хабаровска на ближайшие 15-20 лет»³⁴³, причем работа над «распланировкой города для новых застроек» задерживалась и откладывалась по причине того, что «жилчасть не мо-

³⁴² Савков С.Н. Формирование архитектуры центра Хабаровска в годы первых пятилеток // Крадин, Н.П. ред. Архитектура и градостроительство на Дальнем Востоке: сборник научных трудов. – Хабаровск, 1985. – С. 56.

³⁴³ Подготовка плана расширения города // Тихоокеанская звезда. – 1929. – №185 (1264). – С. 4.

жет подыскать специалиста для этого дела».³⁴⁴ Первая попытка создания схемы развития города на первую пятилетку была выполнена в 1928-1929 гг. проектным отделом горкомхоза, возглавляемым инженером-архитектором Н.А. Переваловым, и не увенчалась успехом. В 1931 году основная работа по выполнению генерального плана г. Хабаровска была передана молодому московскому проектному институту Гипрогор. Д.Е. Бабенков возглавил группу Мосгипрогора, направленную на Дальний Восток для обследования и дальнейшего проектирования городов Хабаровска, Александровска-на-Сахалине, Петропавловска-Камчатского и Владивостока, а позднее он становится руководителем бригады и автором проекта планировки города Хабаровска, первая редакция которого была опубликована в 1933 году.³⁴⁵ Далее работы по разработке генерального плана столицы ДВК продолжилась уже непосредственно в Хабаровске, в созданном здесь проектном тресте Дальпрогор, но в течение 1930-х гг. не раз перебрасывались из Хабаровска в Москву и назад, что приводило к серьезным задержкам³⁴⁶ и, как следствие, к общей бессистемности в строительстве города. Утвержденный же вариант генерального плана г. Хабаровска был закончен только в 1938 году.

В результате, подводя предварительные итоги данного исследования, вполне можно определить характерные для дальневосточного региона, и г. Хабаровска в частности, проблемы и особенности формирования городской среды рубежа 1920-х – 1930-х годов:

Во-первых, несмотря на заявленную в стране непримиримую борьбу с прежним мироустройством, хабаровские архитекторы первой пятилетки, скорее, продолжали традиционную для города модель развития вдоль трех улиц-водоразделов, закрепляя их прежнюю иерархию в структуре Хабаровска. Даже новая авангардная архитектура 1920-х гг., как впрочем и застройка последующих периодов, аккуратно встраивалась в городскую ткань, задавая новый масштаб улиц, но не повреждая значительно их прежний образ (Рис. б). Стоит также отметить, что строительство рубежа 1920-х – 1930-х гг. велось и примерно в той же системе приоритетов, что и в дореволюционное время. Ярким примером здесь может служить система распределения продукции Спасского цементного завода, на тот момент единственного в своем роде предприятия на Дальнем Востоке: *«При распределении продукции завода между потребителями учитывать следующие моменты. Очередность по степени важности потребителей применительно к нижеуказанной разбивке:*

³⁴⁴ Распланировка города // Тихоокеанская звезда. – 1929. – №18 (1097). – С. 6.

³⁴⁵ ГАХК. Фонд Р-1743, Опись 1, Дело 1 – Техничко-Экономические записки проекта планировки г. Хабаровска. Том 1. 1932–1933 гг.

³⁴⁶ Дмитриев В. А где же генеральный план? // Тихоокеанская звезда – 1934. – № 234 (2806) – С. 3.

*первая очередь – военвед [военное ведомство], жел[езная] дор[ога], и водн[ый] транспорт и крупные новостройки промышленного назначения, вторая очередь – жилстроительство и остальное промстроительство, третья очередь – прочие потребители».*³⁴⁷

Таким образом, помимо традиционной схемы развития города, основными застройщиками и в 1920-х – 1930-х гг. по-прежнему оставались традиционные армия и железная дорога.

Во-вторых, отсутствие в регионе собственной архитектурной школы³⁴⁸ определяло особенную логику продвижения новых направлений в зодчестве, а именно: пионерами новых стилей в ДВК были, как правило, столичные архитекторы, проектирующие знаковые объекты дальневосточного региона в Москве или Ленинграде, но не принимающие участия в строительстве непосредственно на месте. Например, ни В.М. Владимиров, ни И.А. Голосов, ни А.К. Буров, выполнивший проект дома культуры треста Дальрыба в Хабаровске, так и не побывали на Дальнем Востоке.³⁴⁹

Следует заметить однако, что эта модель по сути повторяла уже известную дореволюционную традицию – некоторые знаковые здания г. Хабаровска до 1917 года строились по проектам столичных зодчих: например, здание городского дома, построенное в 1907-1909 гг. было спроектировано архитектором П.А. Бартошевичем, выигравшим конкурс, объявленный Императорским архитектурным обществом в 1907 году³⁵⁰ (Рис. 5). Привязкой же всех этих знаковых объектов в разные периоды занимались местные архитекторы, которые в свою очередь были в большинстве своем недавними выпускниками архитектурных, инженерных и художественных учебных заведений западных (от Хабаровска) регионов страны и попадали на Дальний Восток по линии того или иного ведомства, чаще всего военного или путей сообщения. Так, например, по военному направлению в Хабаровск из Петербурга на службу попали военные инженеры В.Г. Мооро, Н.Ф. Александров, Б.А. Малиновский и другие.³⁵¹ А в 1920-е гг. из сибирских городов в Хабаровск переезжают Н.А. Перевалов, Б.Л. Боровик, А.А. Лебединский. Другой волной "трудовой эмиграции" в регион были специалисты, прибывшие сюда не по своей воле. Это, например, А.М. Ган, выдающийся художник и архитектор, которому нередко приписывается создание са-

³⁴⁷ ГАХК. Фонд Р-137, Оп. 3, Д. 30, Л. 4. – Протоколы заседаний Далькрайисполкома.

³⁴⁸ На Дальнем Востоке свой первый архитектурный факультет появится только в конце 1930-х годов во Владивостоке, в Хабаровске же архитектурное отделение технического университета откроется только в 1960-е гг.

³⁴⁹ Заметным исключением здесь был Б.Я. Улинич, соавтор И.А. Голосова по проекту Дома Советов Дальневосточного края. Выполняя авторский надзор за строительством Дома Советов, он выполнил несколько командировок на Дальний Восток, выступал консультантом и на других стройках города, участвовал в проектировании целого ряда объектов города рубежа 1920-х – 1930-х гг.

³⁵⁰ Конкурсный проект городского дома в г. Хабаровске // Зодчий. – 1907. – №40. – С. 422–424.

³⁵¹ Крадин, Н.П. Старый Хабаровск. Портрет города в дереве и камне. 1858–2008 / Н.П. Крадин. – Хабаровск, 2008. – С. 394.

мого термина "конструктивизм". Он был сослан в Хабаровск в начале 1930-х годов, принимал активное участие в оформлении города на празднества 1 мая и 7 ноября, был одним из ведущих специалистов на проектировании интерьеров Дома Советов Дальневосточного края в 1930-е гг. Подобная практика пополнения состава квалифицированных специалистов использовалась повсеместно и в конце 1930-х – 1940-е гг.: например, московские архитекторы П.Е. Аппак и М.И. Мержанов работали в проектных конторах при НКВД ("шарашках") и оставили после себя ряд построенных объектов в дальневосточном регионе, большую часть которых еще предстоит атрибутировать.

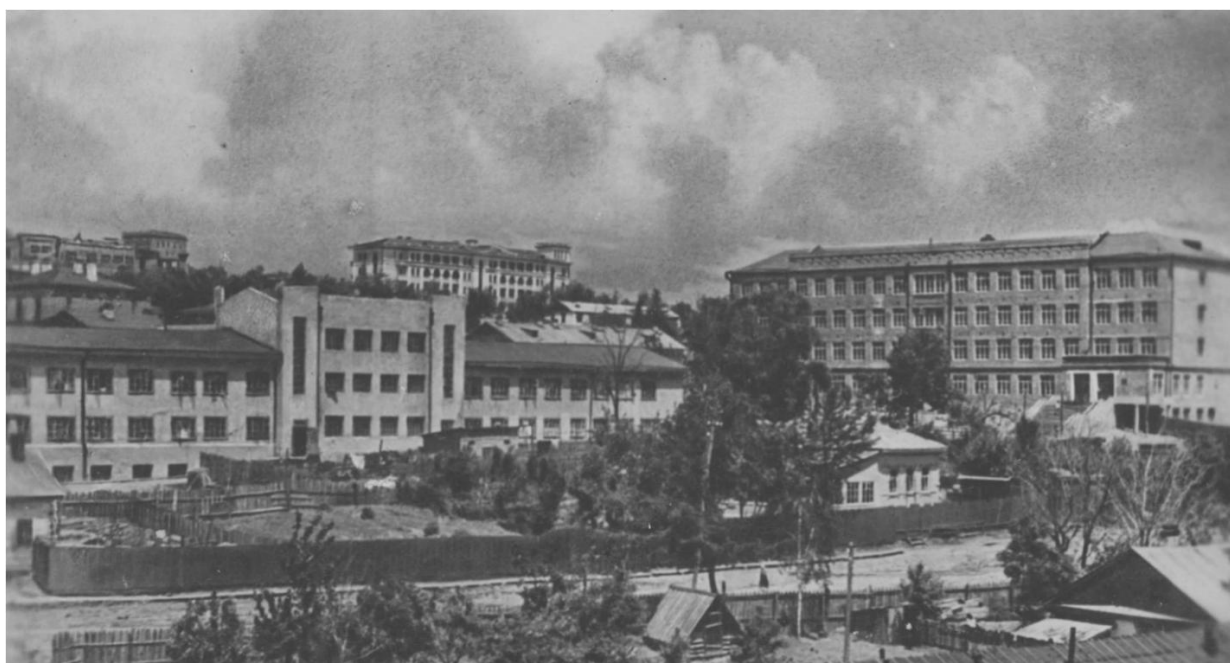

Рис. 5. Фрагмент застройки улицы Карла Маркса в Хабаровске. В центре – Дом Советов Дальневосточного Края (1928–1930 гг., арх. И.А. Голосов, Б.Я. Улинич), справа – здание Дальневосточного банка (1927-1928 гг., арх. В.М. Владимиров), на заднем плане – городской дом (1907-1909, арх. П.А. Бартошевич). Фотография С. Образцова, 1938 г.

Новая архитектура г. Хабаровска 1930-х гг. Фотография С. Образцова, 1938 г.

В-третьих, с процессом ускоренной модернизации городской среды дальневосточных городов власти также решали проблему и ускоренной колонизации Дальнего Востока. Масштабная программа строительства первой пятилетки стремилась значительно ускорить процесс урбанизации региона, в частности в Хабаровске заменить капитальной застройкой деревянную, придать городу образ, максимально отличный от тех принятых в начале XX века представлений о нем как о большой деревне. Так, в частности, известный советский писатель и журналист М.Л. Поляновский, работавший в 1920-е гг. на Дальнем

Востоке описывал изменения, происходящие с Хабаровском: *«на месте низкорослых домишек и фанз выросли заборы и ограждения. Когда же первые леса были сняты, хабаровцы увидели многоэтажные железобетонные дома, да такие, которыми не побрезговала бы любая столица»*³⁵². На рубеже 1920-х – 1930-х гг. именно подобные "многоэтажные железобетонные дома, которыми не побрезговала бы любая столица", отвергающие региональность как таковую, играли роль той самой объединяющей Дальний Восток с другими регионами страны культурной силы, как до революции это делал, например, псевдорусский стиль.

³⁵²Савков С.Н. Формирование архитектуры центра Хабаровска в годы первых пятилеток // Крадин, Н.П. ред. Архитектура и градостроительство на Дальнем Востоке: сборник научных трудов. – Хабаровск, 1985. – С. 55.

ГЛАВА III.2.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОЕКТНОГО ИНСТИТУТА СТАНДАРТГОРПРОЕКТ/ГОРСТРОЙПРОЕКТ В 1930-е ГОДЫ

Советское градостроительство 1930-х гг., как никогда ранее, было направлено на кардинальную модернизацию городской среды. Десятки городов были построены «с чистого листа», еще сотни – значительно реконструированы. Однако, в истории городского планирования этого периода сохраняется существенный пробел – институциональная организация процесса проектирования, позволившая осуществить эти грандиозные трансформации в столь короткий промежуток времени. Если для 1920-х гг. этот вопрос в достаточной мере изучен, благодаря, прежде всего, усилиям И.А. Казуся³⁵³, то проектные и научные организации 1930-х гг. до последнего времени оставались за пределами целенаправленного архитектуроведческого интереса. Лишь в последнее время появились исследования Ю.Л. Косенковой о Гипрограде и Академии коммунального хозяйства³⁵⁴, М.Г. Мееровича о Гипрогоре³⁵⁵, С.С. Духанова о сибирских проектных организациях³⁵⁶. Важным методологическим вкладом можно считать работы, анализирующие в целом организацию архитектурно-проектной деятельности в СССР 1920-х – 1930-х гг.³⁵⁷. Однако границами изучения остался крупнейший, наряду с Гипрогором и Гипроградом, трест градостроительного проектирования – Горстройпроект. Деятельности института посвящена лишь книга Т.А. Смолицкой, но повествование в ней сосредоточено вокруг имен Л.М. Букаловой и А.С. Смолицкого, что не дает широкой картины работы треста³⁵⁸.

Изучение деятельности Горстройпроекта 1930-х гг. затруднено почти полным отсутствием архивных материалов, как текстовых, так и графических, утраченных за прошедшие десятилетия³⁵⁹. Опирается можно в основном на публикации в профессиональной прессе 1930-х гг., что требует серьезной верификации. Несмотря на скудость исходных

³⁵³ Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х гг.: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

³⁵⁴ Косенкова Ю.Л. Становление методологии проектирования городов: опыт харьковского Гипрограда // Советское градостроительство 1917 – 1941 / Ю.Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 966 – 1002; Косенкова Ю.Л. Градостроительные аспекты деятельности Академии коммунального хозяйства РСФСР: 1930-е годы // Архитектурное наследие. Вып. 72. 2020. С. 249 – 259.

³⁵⁵ Меерович М.Г. Гипрогор. Первые годы деятельности // Архитектурное наследие. 2014. № 61. С. 293–312.

³⁵⁶ Духанов С.С. Проектные организации Западной Сибири середины 1930 – начала 1940-х гг. // Вестник ТГАСУ. 2016. № 4. С. 19 – 28.

³⁵⁷ Казусь И.А. Указ. соч.; Меерович М.Г. Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР (1917 – 1941). Иркутск: Издательство РГТУ, 2002.

³⁵⁸ Смолицкая Т.А. К истории отечественного градостроительства 30 – 60-х годов XX века. Л.М. Букалова и А.С. Смолицкий. М.: URSS, 2007.

³⁵⁹ Архивный фонд ЦНИИПГрадостроительства почти не содержит материалов 1930-х гг. (РГАНТД. Ф. Р.-147. ЦНИИПГрадостроительства, г. Москва).

данных, изучение работы такого проектного института как Горстройпроект, представляется чрезвычайно важным для формирования целостного представления об архитектурно-градостроительном процессе 1930-х гг. Именно этот трест проектировал основную часть промышленно-селитебных комплексов, и в ходе этой практической деятельности непосредственно участвовал в формировании принципов советского градостроительства и методологии градостроительного проектирования.

Программой советской индустриализации было предусмотрено возведение сотен промышленных предприятий, и основной заботой государства являлось проектирование и строительство новых промышленно-селитебных комплексов. Главными планировщиками и застройщиками выступали промышленные управления ВСНХ СССР и союзных республик, что было закреплено на законодательном уровне³⁶⁰. Однако, уже в 1928 – 1929 гг. выявилась ключевая проблема подобного подхода – хаос ведомственного проектирования. Работа велась как отраслевыми специализированными организациями союзного и республиканского значения (Гипромез, Гипрошахт и т.п.), так и проектно-производственными конторами (Текстильстрой, Металлострой и т.п.) и проектными бюро отдельных трестов и предприятий. Переход к форсированным темпам индустриализации (1929) заставил искать пути организационной и финансовой оптимизации проектного дела. Приоритетным способом рационализации проектной деятельности был определен «принцип централизации проектировки». Кроме того, стандартизация, типизация и индустриализация официально провозглашались способом обеспечения предполагаемого гигантского роста строительства за первую пятилетку³⁶¹.

Именно для реализации этих задач, постановлением ЦК ВКП (б) от 25 марта 1931 г. и последующим приказом ВСНХ СССР от 01 апреля 1931 г. было создано всесоюзное государственное объединение «Союзстандартжилстрой» (далее – ССЖС)³⁶². В его ведение должны были быть переданы «необходимые» проектные и строительные организации. Перед новым проектно-производственным гигантом были поставлены задачи «проектирования, планирования и строительства рабочих поселков союзной промышленности, изгото-

³⁶⁰ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 23.11.1927 г. «Положение о порядке утверждения проектов по промышленному строительству, производимому ВСНХ СССР, высшими советами народного хозяйства союзных республик, их местными органами и подведомственными им предприятиями и учреждениями».

³⁶¹ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1. Строительная и производственная программа плана. М.: Госплан СССР, 1930. С. 421, 434 – 435.

³⁶² О быстрейшем обеспечении жилищами рабочих угольной промышленности и о развитии облегченного жилищного строительства. Постановление ЦК ВКП (б) от 25 марта 1931г. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/51611>; Стандартжилстрой // Коммунальное дело. 1941. № 4. С. 96.

товления и сборки заводским способом стандартных жилищ, производства новых строительных материалов для стандартного строительства домов»³⁶³. Иначе говоря, в единый комплекс увязывались градостроительное проектирование, строительство и промышленность стройматериалов. Ключевым объединяющим принципом выступало понятие «стандартизации».

В составе ССЖС первоначально был образован самостоятельный проектный отдел, созданный путем слияния «Проектно-планировочного бюро Цекомбанка по строительству городов и поселков» и «Государственной технической конторы по проектированию фабрично-поселкового строительства и подсобных зданий в промышленности ВСНХ РСФСР» (Госпроект-2). Следующим шагом стало создание в сентябре 1931 г. собственного проектного института – «Государственного треста «по проектированию и планированию стандартных рабочих городов и поселков» (Стандартгорпроект)³⁶⁴. Приказом НКТП от 8 октября 1933 г. трест Стандартгорпроект был слит с Вузстройпроектом и реорганизован в «Государственный трест по проектированию рабочих городов, поселков, жилищ, учебных заведений и культурно-просветительских учреждений тяжелой промышленности» (Горстройпроект)³⁶⁵. Руководителем треста с момента его основания был назначен Арутюн Манукович Гаспарян (Гаспарьян)³⁶⁶.

Почти одновременно с головным трестом были созданы два его филиала. Приказом по ССЖС от 10 января 1932 г. на базе Проектного отдела Кузбассжилстроя в Новосибир-

³⁶³ Стандартгорпроект // Проект и стандарт. 1933. № 9. Хроника.

³⁶⁴ Казусь И.А. Указ. соч. С. 280, 284

³⁶⁵ 19 ноября 1939 г. организация была переименована в «Государственный союзный трест по проектированию городов, жилых и общественных зданий, инженерного оборудования и благоустройства населенных мест «Горстройпроект», и перешла из ведения НКТП СССР в ведение Комитета по делам строительства СНК СССР, а затем НК строительства СССР. 26 мая 1951 г. трест был преобразован в «Государственный институт по проектированию городов, поселков, жилых и общественных зданий, инженерного оборудования и благоустройства населенных мест «Горстройпроект», который постановлением Совета Министров СССР от 21 августа 1963 г. был объединен с НИИГиРП в ЦНИИПГрадостроительства (РГАНТД. Ф. Р.-147. ЦНИИПГрадостроительства, г. Москва. Историческая справка).

³⁶⁶ Арутюн Манукович Гаспарян (1895 – 1938), родился в городе Александрополь (Гюмри) в семье служащего. Образование получил в Тифлисской армяно-грегорианской семинарии Нерсисян – центре армянской культуры в Грузии. Слен ВКП (б) с 1917 г., А.М. Гаспарян прошел длинный путь профессионального партийно-советского функционера: в 1918 г. был избран председателем Армавирского армянского народно-революционного комитета; в 1919 г. – в Пятигорском представительстве Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР; в 1921 г. – заведующим отделом народного образования Абхазии, а затем заведующим Отделом культуры Совпрофа Армении; в 1922 – 1928 гг. работал в советских и партийных органах в Ереване и Ленинакане; в 1925 г. был назначен начальником треста «Текстильстрой» в Армении. В 1928 г. в Москве экстерном получил инженерно-строительное образование (более точные сведения отсутствуют) и работал на руководящих должностях в разных организациях. С 1931 г. по 1936 г. был управляющим треста Стандартгорпроект/Горстройпроект. Репрессирован, осужден как участник «право-троцкистского блока» и в 1938 г. расстрелян.

ске был образован Западносибирский филиал³⁶⁷. Подобным приказом от 22 февраля 1932 г. был основан Ленинградский филиал на базе уже существовавшего отделения ССЖС. В 1932 г. были образованы выездные бригады Стандартгорпроекта на места крупного строительства – в Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Горьком (Автострой), Сталинске, Красноярске, осуществлявшие проектирование на месте, а затем бюро по рабочему проектированию в наиболее «ударных» точках – Магнитогорске, Нижнем Тагиле и Сталинске.

Трест Стандартгорпроект/Горстройпроект в момент образования становится третьим крупномасштабным трестом градостроительного проектирования после Гипрогора (1930) и украинского Гипрограда (1930). К середине 1932 г. штат треста (вместе с филиалами и отделениями) достиг 710 человек, с количеством сотрудников в Москве – 370, в Ленинграде – 200, в Новосибирске – 100, в Магнитогорске и Н. Тагиле – по 20³⁶⁸. Перед трестом была поставлена амбициозная задача – «осуществление единой политики по генеральному проектированию социалистических городов и поселков на базе тяжелой промышленности, в обслуживании проектами жилищно-бытового строительства и разработке проектов по индустриализации самого строительства»³⁶⁹. Таким образом, в отличие от Гипрогора, сосредоточенного на реконструкции существующих городов, основным направлением работы Стандартгорпроекта являлось проектирование новых промышленно-селитебных комплексов. Однако в реалиях первых пятилеток интересы двух трестов постоянно пересекались, формируя перманентные конфликты узлы и отражая межведомственную борьбу своих учредителей – ВСНХ и ГУКХ/НККХ³⁷⁰.

Также кардинально отличались от Гипрогора и Гипрограда кадровая политика и кадровый состав Стандартгорпроекта/Горстройпроекта. Оба названных выше института имели кадровое ядро из опытных специалистов, в т.ч. с дореволюционным стажем. В противовес этому, московский Стандартгорпроект комплектовался в основном молодыми специалистами, выпускниками ВХУТЕИНа, МВТУ и АСИ/МАИ. Небольшое число опытных специалистов составляли инженеры-архитекторы, выпускники МВТУ первой половины 1920-х гг., как И.С. Гуревич (1921), Б.В. Гладков (1923), Г.С. Гурьев-Гуревич (1921), Д.С. Меерсон (1924). Основной состав архитекторов и инженеров к моменту начала рабо-

³⁶⁷ Подробно о Западносибирском филиале Стандартгорпроекта/Стандартгорпроекта см.: Духанов С.С. Проектные организации Сибири....

³⁶⁸ ЦГАМ. ОХД после 1917 г. Ф. 1289. Оп. 1. Ед. хр. 383., л. 13.

³⁶⁹ Марк Э.А. Этапы развития Горстройпроекта // Планировка и строительство соцгородов. 1934. № 7/8. С. 4.

³⁷⁰ Меерович М.Г. Межведомственная борьба внутри государственной системы проектного дела в СССР // Советское градостроительство 1917 – 1941 / Ю.Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 919 – 941.

ты в тресте не имел никакого опыта или же минимальный опыт, в пределах одного – двух лет. Молодыми выпускниками ВХУТЕИНа и АСИ/МАИ были В.В. Семенов-Прозоровский (1928), А.М. Мостаков (1929), А.М. Файфель (1929), А.С. Смолицкий (1930), Л.М. Букалова (1930), П.П. Ревякин (1930), Ю.Н. Шевердяев (1931) Н.Н. Смирнов (1931), А.Г. Туркенидзе (1931) и др., среди которых были и более опытные, со стажем в несколько лет, А.М. Зальцман (1927), П.Н. Блохин (1927), И.А. Грушенко (1927).

Подобная ситуация была характерна и для Западносибирского филиала. Главным инженером был назначен Б.А. Биткин, выпускник ЛИГИ (1927), и относительно большим стажем, кроме него, обладали К.Е. Осипов и Г.М. Тумбак, а также периодически сотрудничавший со Стандартгорпроект в 1931 – 1933 гг. в работе над конкретными проектами Б.А. Гордеев, как и работавший в тресте в 1931 – 1932 гг. С.П. Тургенев (оба – выпускники МВТУ 1926 г.). Большую часть составляла молодежь, вступившая в профессиональную жизнь только в начале 1930-х гг. (А.Я. Куселиович, К.К. Глуде, А.Я Щербаков, С.Г. Коваленко, Н.И. Струнин и др.)³⁷¹. Иное положение с кадровым составом сложилось только в Ленинградском филиале, который был образован на базе сектора проектирования городов при промышленных предприятиях ЛенГипромеза и, соответственно, имел сотрудников с опытом по проектированию промышленно-селитебных комплексов (при Магнитогорском металлургическом комбинате, Ростовском Сельмаше, Сталинградском тракторном заводе, Криворожском и Петровском металлургических комбинатах и др.)³⁷².

Такая кадровая политика не означала, что ВСНХ делает ставку на талант, самостоятельность и инициативу молодых, которые в перспективе приобрели бы и профессиональный опыт. Подобный подход был непозволительной роскошью в условиях гигантских по масштабу задач и сжатых до предела сроков. Ставка была сделана на руководящую и направляющую деятельность иностранных специалистов. Именно ВСНХ (с 1932 г. – НКТП) сконцентрировал в своих подведомственных организациях значительную часть иностранной рабочей силы и специалистов – 35 – 40 % от общего числа к началу 1932 г.³⁷³. Ядром треста Стандартгорпроект в момент его образования стало бывшее Проектно-планировочное бюро Цekomбанка, где в конце 1930 – первом полугодии 1931 г. работала мощная группа иностранных архитекторов под руководством Э. Мая. Новый «призыв» зарубежных архитекторов был проведен ССЖС весной-летом 1931 г., когда было нанято

³⁷¹ Данные на основе списков Новосибирского отделения Союза советских архитекторов (ГАНУ. Ф.1444. Оп. 1. Ед. хр. 2, л. 3 – 3 об.; Ед. хр. 5, л. 7 – 10, 16; Ед. хр. 7, л. 1 – 2).

³⁷² Главный инженер треста – В.Ф. Гречухо, главный архитектор треста – Б.В. Данчич, архитекторы А.М. Сорокин, Д.П. Гаузнер, В.В. Ушаков, Э.Б. Кольбе, Ю.Е.Тарасевич, В.П. Фаминский и др. (Запрудский М.Б. Над чем и как мы работаем // Планировка и строительство городов. 1934. № 7 – 8. С. 19 – 22).

³⁷³ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а. Ед. хр. 456, л. 63 – 65.

на работу несколько десятков иностранцев. По сведениям НК РКИ, после образования Стандартгорпроект осенью 1931 г. в нем работало 90 иностранных специалистов, к концу первого полугодия 1932 г. – 75³⁷⁴, из которых в Москве работал 51 человек (50 архитекторов и один техник). Если учитывать, что штат ИТР в московском Стандартгорпроекте составлял 262 человека, то 50 иностранных архитекторов составляли внушительную долю – почти 20%, а среди 135 архитекторов их доля была еще выше – 37%³⁷⁵. В Новосибирском отделении работало 10 иностранных специалистов, что составляло 10% от общего числа сотрудников, но, также как и в Москве, относительно профильных кадров процент резко возрастал и составлял более 20%³⁷⁶. В Магнитогорске из 20 сотрудников небольшого отделения, иностранцев было 14 человек, т.е. 70%³⁷⁷. Ни одна другая проектная организация не обладала таким мощным средоточием иностранных сил, даже в сфере промышленного проектирования.

Сосредоточение иностранных специалистов-архитекторов в ССЖС и в подведомственном ему проектном институте Стандартгорпроект имело причину, которая демонстрировала один из главных интересов советского государства в восприятии иностранного опыта. Это внедрение типизации и стандартизации, рационализации производства строительных работ и индустриализации строительства. Стандартгорпроект был создан непосредственно для «проектирования и отбора типовых проектов рабочих поселков, жилищ и культурно-бытовых зданий», и именно сюда стягивались иностранные силы, обладавшие соответствующим опытом. Привлекали, прежде всего, иностранных специалистов, «обладающих соответствующей квалификацией в области планировки городов и поселков, строительства жилых домов, школьных и больничных зданий, гостиниц, клубов, театров, строений для размещения учреждений и торговых предприятий и прочих видов гражданского строительства, а также сооружений по санитарному оборудованию и благоустройству городов и поселков»³⁷⁸.

От иностранных архитекторов ожидали не просто проектной работы, но, главное, «разработки мероприятий... по улучшению методов проектировки и выполнения комплексного строительства городов и поселков с применением всех новейших достижений в области строительства...». Иначе говоря, они должны были внедрить методику эффектив-

³⁷⁴ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а. Ед. хр. 481, л. 64; 13, л. 49.

³⁷⁵ ЦГАМ. ОХД после 1917 г. Ф. 1289. Оп. 1. Ед. хр. 383, л. 7.

³⁷⁶ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 29, Ед. хр. 50, л. 71; ЦГАМ. ОХД после 1917 г. Ф. 1289. Оп. 1. Ед. хр. 383, л. 49. Перечень специалистов см.: Коньшева Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М.: БуксМарт, 2017.

³⁷⁷ ЦГАМ. ОХД после 1917 г. Ф. 1289. Оп. 1. Ед. хр. 383, л. 49.

³⁷⁸ Deutsche Kunstarchiv (Nürnberg). NL May, Ernst, I, B-13. Трудовой договор Э. Мая с Цекомбанком. 15.07.1930.

ной организации процесса проектирования и строительства. И, кроме того, им вменялось «поднятие квалификации молодых специалистов, окончивших советские высшие технические учебные заведения»³⁷⁹. Для реализации этих задач иностранные специалисты были расставлены на руководящие позиции в проектных подразделениях. С момента основания треста и до февраля 1932 г. должность главного инженера треста занимал Э. Май, затем уступивший ее Б.В. Гладкову³⁸⁰. После этого Э. Май занял должность начальника сектора планировки – ключевого подразделения, сосредоточенного на разработке градостроительных проектов. Главным инженером сектора также работал немец – К. Леман. Э. Май и К. Леман работали в профессиональной связке с советским специалистом – главным архитектором сектора был назначен И.С. Гуревич. Важно, что значительное число иностранцев работало именно в секторе планировки, больше, чем в любом другом отделе – 17 человек. Они составляли треть общего числа работников сектора (включая архитекторов, инженеров, экономистов, чертежников, техников) и почти половину (45%) от числа профильных специалистов – архитекторов и инженеров³⁸¹. В 1931 – 1932 гг. иностранные архитекторы руководили секторами жилищного строительства (Х. Шмидт), школьного строительства (В. Шютте), больничного строительства (В. Хебебрандт), детских учреждений (М. Шютте-Лихотски), конструкторской группой (Г. Опперман). Кроме того, иностранные архитекторы возглавляли мастерские и проектные группы по созданию генпланов городов и поселений или проектированию отдельных значимых сооружений (М. Стам, Х. Шмидт, Ф. Форбат, В. Швагеншайдт, Ф. Ясперт). На местах руководили проектированием и строительством М. Стам (Магнитогорск), Ф. Форбат (Магнитогорск), О. Кауфманн (Донбасс), К. Пюшель (Орск). Иностранный специалист И.И. Соколов-Добрев был первоначально и.о. управляющего Новосибирского отделения Стандартгорпроекта, а затем, в 1932 – 1941 гг., руководил проектно-планировочной мастерской по проектированию городов и рабочих поселков Кузбасса. Можно утверждать, что в 1931 – 1932 гг. профессиональное «лицо» Стандартгорпроекта/Горстройпроекта во многом определялось деятельностью иностранных специалистов, руководивших проектными работами и внесших вклад в формирование методологии проектирования «социалистических городов».

В соответствии с поставленной перед трестом триединой задачей – проектирование промышленно-селитебных комплексов и жилищно-бытового строительства, разработка и внедрение методов индустриализации строительства – была сформирована структура тре-

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ РГАЭ. Ф. 8022. Оп. 1. Ед. хр. 5, л. 54.

³⁸¹ ЦГАМ. ОХД после 1917 г. Ф. 1289. Оп. 1. Ед. хр. 383, л. 102 – 117.

ста и определены принципы организации работы. И структура, и принципы формировались в процессе интенсивной практической деятельности, методом проб и ошибок, и они претерпели значительную эволюцию на протяжении 1930-х гг.

Структура Стандартгорпроекта на первом этапе (1931 – 1933 гг.) была сформирована по производственным секторам и включала: планировочный сектор; сектор гражданских сооружений с отделами жилищного, школьного, детского, санитарно-гигиенического строительства, коммунальных, культурных и административных сооружений; сектор специальных работ (инженерный) (проектирование внешнего водопровода и канализации, теплофикации, электроснабжения, дорожного строительства, организации транспорта, очистки). В 1932 г. был также создан сектор по организации строительных работ на площадке в соответствии с проектом планировки³⁸².

Рассмотрение одной лишь структуры треста позволяет сделать некоторые важные выводы. Прежде всего, о том, что город проектировался «под ключ», от генерального плана до инфраструктуры и застройки. Стандартгорпроект/Горстройпроект выполнял основные изыскания (технико-экономические, инженерные, санитарные, архитектурные), разрабатывал технико-экономические обоснования планировки, схемы распределения территории, схемы и проекты планировки города, технические проекты города/комплекса, проекты застройки от эскизного проекта до технических проектов и рабочих чертежей отдельных зданий и сооружений³⁸³. Такая полнота охвата в проектных работах была характерна также и для Гипрогора, и для Гипрограда.

С одной стороны, это был способ преодолеть хаос ведомственного проектирования. Но, с другой стороны, этот подход имел под собой концептуальную основу. Государством на рубеже 1920-х – 1930-х гг. была сделана попытка выстроить работу советских проектных институтов по образцу американских проектных фирм промышленного проектирования. Для крупных американских контор была характерна профильная специализация отделов, организация параллельной работы над разными элементами проекта с общей координацией процесса, применение типовых решений, стандартизация проектных материалов, хронологическая согласованность этапов проектного и строительного процессов (календарный план), технический контроль за работами на стройплощадке со стороны проектной фирмы. Фактически, американские фирмы представляли собой архитектурно-

³⁸² Марк Э.А. Указ. соч. С. 7.

³⁸³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 29, Ед. хр. 50, л. 70; Кормер Г.П., Белопухов Б.В. Проектирование технического оборудования города // Планировка и строительство городов. 1934. № 7 – 8, с. 15 – 18; Левченко Я.П. Методология Горстройпроекта в планировке соцгородов // Планировка и строительство городов. 1934. № 7 – 8, с. 9.

строительные компании, совмещавшие проектную и строительно-монтажную деятельность (через работу с единым генеральным подрядчиком), и выполнявшие заказ «под ключ» (Austin Company, Albert Kahn Inc., Arthur McKee Company и др.). Именно для внедрения подобной технологии в СССР, был подписан договор с фирмой Albert Kahn Inc. и в системе ВСНХ образован проектный институт Госпроектстрой (с 1932 г. – Промстройпроект), производственный костяк которого в 1930 – 1931 гг. составляла приглашенная группа сотрудников американской фирмы. Однако предполагалось распространение этой методологии и на институты по планировке и застройке городов.

Структура, выстроенная по функциональному принципу, как и методология «параллельного на всех стадиях проектирования как всего города, так и его отдельных элементов»³⁸⁴, были характерными особенностями работы над проектом городской планировки в Гипрограде, Гипрогоре и Стандартгорпроекте³⁸⁵. При этом именно для проектных трестов в системе ВСНХ/НКТП был акцентирован тезис «проектные организации – производственные предприятия». Была поставлена задача «превратить проектные организации в мощные предприятия, выпускающие в точные сроки большие объемы высококачественной продукции»³⁸⁶, по сути – создать «проектный конвейер». Возможности подобной организации работы были продемонстрированы группой Э. Мая еще в ноябре 1930 г. в Проектно-планировочном бюро Цекомбанка, когда схема генплана Магнитогорска была создана за две недели, а нескольких городов Кузбасса – за месяц. Эта же практика внедрялась в Стандартгорпроекте в 1931 – 1932 гг.

Организация поточного проектирования с жесткой специализацией стадий и видов работы по американскому образцу была эффективна для промпредприятий, но не планировки городов. Необходимость в градостроительном проектировании одновременно и профильной специализации, и интеграции на всех этапах планировочных работ, заставляло советские проектные тресты непромышленного проектирования искать разные формы организации. С одной стороны, формировать профильные отделы, с другой стороны – создавать комплексные бригады по конкретным объектам, что и было сделано в Стандартгорпроекте³⁸⁷. Кроме того, в советских условиях форсированной индустриализации и урбанизации было невозможно установить четкую последовательность и жесткий календар-

³⁸⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 29, Ед. хр. 50, л. 70ю

³⁸⁵ Марк Э.А. Указ. соч.; Новиков В.И. Опыт работы Гипрогорода УССР // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 5. С. 29 – 31.

³⁸⁶ Проектные организации – производственные предприятия // Проект и стандарт. 1934. № 6. С. 1–2.

³⁸⁷ Кормер Г.П., Белопухов Б.В. Проектирование технического оборудования города // Планировка и строительство городов. 1934. № 7 – 8. С. 15.

ный график выполнения проектных работ. «Американская» система прочно прижилась в Промстройпроекте: во второй половине 1930-х гг., через несколько лет после отъезда специалистов группы М. Кана, отмечалось, что «метод, применяемый в Промстройпроекте» – это расчленение процесса проектирования на ряд параллельных процессов, осуществляемых постоянными бригадами работников определенного профиля при сквозном наблюдении автора проекта, а стандартизация и типизация составляют основу процесса проектирования³⁸⁸. В свою очередь, в градостроительном и архитектурном проектировании подобная методология, названная «проектной обезличкой», была подвергнута осуждению. В 1934 г. принципы работы проектных трестов (Гипрогор, Гипроград, Горстройпроект) были перестроены по образцу архитектурно-проектных и планировочных мастерских Моссовета.

С целью «углубления комплексного проектирования соцгородов и рабочих поселений, создания целостности и единства архитектурно-художественного оформления кварталов и города в целом», в марте 1934 г. в Горстройпроекте были образованы пять комплексных архитектурно-планировочных мастерских³⁸⁹, а также инженерный сектор (рук. Г.П. Кормер) и архитектурная мастерская типового проектирования (рук. И.А. Грушенко)³⁹⁰. Поскольку в работе планировочных мастерских акцентировалась именно архитектурная составляющая, сектор инженерных сооружений принял на себя широкий спектр работ – выбор площадки строительства, составление схем распределения территории, схем магистралей, расположения основных общегородских сооружений, распределение баланса площадей, разработку очередности строительства, проработку плана и размера структурных элементов (квартал, площади общественного пользования), распределение зон этажности и др.³⁹¹. Реорганизация коснулась и филиалов. Так, в Новосибирском филиале были образованы архитектурно-планировочные мастерские по основным объектам планировки – для Правобережного Новосибирска (Сибмашстрой) и городов Кузбасса (АПМ-1), для Левобережного Новосибирска (Сибметаллстрой) и Ленинска-Кузнецкого

³⁸⁸ Стахановские методы в проектировании. Из опыта Промстройпроекта // Проект и стандарт. 1936. № 12. С. 34 – 36.

³⁸⁹ Мастерская № 1 по планировке ГАЗ им. В.М. Молотова (рук. Л.С. Меерсон), мастерская № 2 по планировке городов Кузбасса (рук. И.С. Гуревич), мастерская № 3 по планировке Орска (рук. Х. Шмидт), мастерская № 4 по планировке Н. Тагила (рук. А.М. Мостаков), мастерская № 5 по планировке Красноярска (рук. И.О. Гохлит).

³⁹⁰ ЦГАМ. ОХД после 1917 г. Ф. 1289. Оп. 1. Ед. хр. 383, л. 45; Марк Э.А. Этапы развития Горстройпроекта // Планировка и строительство соцгородов. 1934. № 7/8. С. 8.

³⁹¹ Кормер Г.П., Белопухов Б.В. Указ. соч. С. 15.

(АПМ-2), для Омска (АПМ-5) и т.д.³⁹². Именно на путях организации работы в мастерских будет строиться работа треста и его филиалов на протяжении середины – второй половины 1930-х гг.

Поиски адекватной структуры, обеспечивающей «поточную» работу треста, были насущной необходимостью, учитывая гигантский объем работ. Основная нагрузка ложилась на Московское отделение, проектировавшее все наиболее крупные градостроительные объекты из общего перечня заданий треста, как новые, так и реконструируемые города. Трест проектировал Магнитогорск (с 1934 г. – Ленинградское отделение Горстройпроекта), Нижний Тагил, Орск, Молотово, Ижевск, Нижнекурьяинск и др. на Урале; Красноярск (правый берег) и проект Большого Красноярска в Восточной Сибири; соцгород ГАЗ им. Молотова (Автострой), Липецк, Каширу, Сталиногорск/Новомосковск в европейской части России; Макеевку и Горловку в Донбассе; Грозный на Северном Кавказе; Караганду и Балхашстрой в Казахстане и др. В 1931 – 1933 гг. московский трест вел одновременно более 30 «главнейших объектов проектирования» без учета промышленно-селитебных комплексов небольшого масштаба³⁹³. В Ленинградском филиале проектировались промышленно-селитебные комплексы с численностью населения до 100 – 150 тыс., не только в северо-западной части СССР (Свирьстрой, Сясьстрой, соцгород Волховского алюминиевого комбината и др.), но и на всей территории РСФСР (Стерлитамак, Давлетканово, Белорецк, Комсомольск-на-Амуре, соцгород при Бакальском стальном комбинате (Челябинск) и др.). Новосибирский филиал проектировал города Западной Сибири, прежде всего, регион Кузбасса (Сталинск/Новокузнецк, Прокопьевск/Тырган, Щегловск/Кемерово и др.), а также планировку и застройку районов Сибмашстроя и Сибметаллстроя в Новосибирске, Омска, Томска и др.³⁹⁴.

Трест был перегружен заказами без учета его реальной производственной мощности, принимая во внимание недостаток квалифицированных специалистов и текучесть кадров. Особенно острой ситуация была в 1931 – 1933 гг. Так, если на 1 января 1932 г. в штате было 174 архитектора, то уже в первом полугодии 1932 г. количество архитекторов уменьшилось до 136 человек. В то же самое время портфель заказов увеличился в денеж-

³⁹² Духанов С.С. Различие и сходство двух проектных подходов к планировке городов (на примере городов Западной Сибири) // Советское градостроительство 1917 – 1941 / Ю.Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 942 – 965.

³⁹³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 29, Ед. хр. 50, л. 73.

³⁹⁴ Там же, л. 70 – 75.

ном выражении на 25%, что было связано с передачей тресту новых объектов проектирования. В ключевом, планировочном, отделе на 1 января 1932 г. работало 33 архитектора, через год – 35. В целом, число специалистов в этом отделе увеличилось за год с 35 до 56, но за счет роста числа экономистов и инженеров. При этом за 1932 г. отдел должен был «выдать на гора» 52 проекта планировки городов и рабочих поселков, и не удивительно, что из них к 1 января 1933 г. было закончено только 10³⁹⁵. Выполнение «производственного плана» колебалось в районе 50% по Московскому тресту и 40% в Ленинградском и Новосибирском филиалах. Эти цифры на практике означали, что трест катастрофически не успевает с разработкой проектов, и в десятках городов и поселений продолжается бесплановое строительство.

Невыполнение планов было обусловлено не только нехваткой специалистов и техперсонала, оно также демонстрировало системные проблемы. При перегруженности проектными заданиями, отделы часто простаивали или часть сотрудников отправлялась в отпуск. Причина – хроническое отсутствие исходных данных для проектирования, что тормозило работу сектора спецработ/инженерного сектора и, по производственной цепочке – всего треста. Отсутствие, недостаточность или неверность исходных материалов, как и их перманентные изменения, порождали необходимость коренной переработки проектов и растягивали процесс проектирования (Магнитогорск, Сталинск/Новокузнецк, Нижний Тагил, Ленинск и др.). Из всех трестов эта проблема была особенно актуальна для Стандартгорпроекта/Горстройпроекта, поскольку в промышленно-селитебном комплексе поселение имело абсолютную зависимость от градообразующего предприятия. Ведомственный характер промышленного проектирования предопределял сосуществование в непосредственной близости нескольких промышленно-селитебных комплексов и, как правило, отсутствие районной планировки к моменту разработки планировки города (Орск-Халилово, Н. Тагил и др.). Так, в Стандартгорпроекте в 1932 г. «в связи с недоучетом ряда важнейших факторов» были подвергнуты коренной переработке проекты Сталинска, Лопатино, Орска, Нижней Курьи, Магнитогорска и др. Вплоть «до выяснения схем размещения промышленности» была полностью остановлена работа по Щегловску и Караганде³⁹⁶.

На протяжении первой пятилетки отсутствовало союзное планировочное законодательство, и до появления российского (1932) и общесоюзного (1933) постановлений³⁹⁷,

³⁹⁵ Там же, л. 54.

³⁹⁶ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 29, Ед. хр. 50, л. 54.

³⁹⁷ Подробнее о становлении советского градостроительного законодательства см.: Косенкова Ю.Л. Проблема законодательного регулирования советского градостроительства // Советское градостроительство 1917 – 1941 / Ю.Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 831 – 863.

приходилось руководствоваться исключительно ведомственными регламентами, что создавало путаницу и усиливало противоречия. Существование множества профильных ведомств, регулировавших планировку и застройку поселений, предreshало несогласованность требований в нормативных документах. По заявлению А.М. Гаспарьяна, проект должен был пройти от 8 до 11 утверждающих инстанций, как на уровне различных ведомств, так и на уровне территорий³⁹⁸. Проект подвергался критике по всем параметрам, процесс экспертизы затягивался на месяцы, процесс переделки – на годы. Ведомственный характер заказа, в свою очередь, предопределял параллелизм в работе проектных организаций. Только в 1933 г. было установлено разграничение проектно-планировочных работ между конкурирующими проектными организациями (прежде всего, Гипрогором и Горстройпроектом) по территориальному признаку. В результате, в 1933 г. проектирование 13 городов было передано из Стандартгорпроекта другим организациям. Например, в Гипрогор передали проектирование Молотово (б. Мотовилиха), Ижевска, Нижнекурья и некоторых других городов³⁹⁹.

Все эти проблемы получили отражение в цифрах статистики. Так, из 223 городов РСФСР, намеченных к проектированию в 1933 г., в НТС НККХ была представлена только 21 схема, принято 13, а утверждена в СНК РСФСР только одна. В 1934 г. из 107 намеченных объектов, схемы планировки были утверждены в НТС НККХ у 15 городов, в СНК РСФСР – у двух, два генплана были утверждены в НТС НККХ, в СНК РСФСР – один⁴⁰⁰. В целом по Союзу в 1934 г. из 276 градостроительных объектов были закончены генпланы 11 городов, в 1935 – 24 городов, и еще у 60 поселений были завершены схемы планировки. Иначе говоря, готовых к реализации проектов было лишь 4% в 1934 г. и 9% в 1935 г.⁴⁰¹.

Как уже было отмечено М.Г. Мееровичем, вопрос о том, как проектировать соцгорода, решался каждой крупной проектной организацией самостоятельно, в меру своего понимания проектные тресты конкретизировали нормативные требования до функциональных и планировочных параметров⁴⁰².

³⁹⁸ ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 6951, л. 21.

³⁹⁹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 29, Ед. хр. 50, л. 73.

⁴⁰⁰ ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 6973, л. 16.

⁴⁰¹ Попов Ф. Планировка городов // Архитектурная газета. 1.2.1937.

⁴⁰² Меерович М.Г. Межведомственная борьба... Сложившиеся в Стандартгорпроекте/Горстройпроекте проектные этапы в достаточной мере освещены и проанализированы, что позволяет не

Методология организации городского пространства в тресте Стандартгорпроект/Горстройпроект разрабатывалась в процессе реального проектирования, и в период 1931 – 1932 гг. в основу ее были положены принципы, привнесенные иностранными проектировщиками⁴⁰³. Предложенная ими новаторская идея – использование индустриальной технологии в градостроительном планировании, а именно – формирование городской структуры из типизированных планировочных модулей. Именно эта методология соответствовала задаче «проектного конвейера» и позволяла проектировать поселение в максимально сжатые сроки.

Решение планировки городов на этом этапе было основано на функциональных принципах. Город понимался как целостный и оптимально функционирующий организм, и эстетическая составляющая подразумевалась как производная функции – красота рациональной структуры, упорядоченного ритма, сочетания рукотворной и природной составляющей. Территория города структурировалась продольными и поперечными магистралями и улицами «второго порядка» на типизированные прямоугольные кварталы. Кварталы разделялись широкими лентами зелени, равно как зеленые полосы структурировали и внутриквартальное пространство: продольные отделяли друг от друга группы домов, «нанизанных» на оси внутриквартальных проездов, поперечные – включали детские дошкольные зоны. Облик квартала определяла строчная типовая застройка. Размещение общегородского и районных центров (как и других общественно-значимых зон) было связано со схемами перемещения «людских потоков». Центр города представлял сочленение зон – административной, культурной и физкультурной. Главная магистраль, связывающая город и предприятие, не играла роли архитектурно-планировочной оси, а трассировалась по границе города, выполняя исключительно транспортную функцию. Функциональное членение определяло также решение квартала – с выделением жилой, детской и общественной зон. Размещение обслуживающих зданий в квартале определялось направлениями каждодневного движения жителей, с соответствующей с привязкой общественных сооружений к остановкам транспорта или путям движения к ним⁴⁰⁴.

Эти подходы были характерны не только для архитекторов «группы Э. Мая», а в целом для проектов треста 1931 – 1932 гг., поскольку влияние иностранных специалистов,

затрагивать их в данном тексте (Кормер Г.П., Белопухов Б.В. Указ. соч.; Левченко Я.П. Указ. соч.; Меерович М.Г. Межведомственная борьба...).

⁴⁰³ Зальцман А.М., Меерсон Д.С. Архитектура соцгорода и его элементов // Планировка и строительство городов. 1934. №. 7 – 8. С. 13 – 14.

⁴⁰⁴ Подробно см.: Коньшева Е.В. Указ. соч..

«руководивших планировкой новых социалистических городов»⁴⁰⁵, было определяющим. Работа строилась в интернациональных бригадах, и советские архитекторы воспринимали и реализовывали функционалистские планировочные принципы в своей проектной деятельности. Вышеназванные характерные черты ярко проявлены в проектах 1931 – 1932 гг. – Магнитогорска (Э. Май, М. Стам, В. Швагеншайдт, У. Вольф, А. Байер, Б.М. Ирлин, Ю.Н. Шевердяев, И.В. Скорлотов, А.У. Зеленко и др.), Прокопьевска (Э. Май, В. Швагеншайдт, Л.М. Букалова, А.С. Смолицкий и др.), Сталинска (Э. Май, В. Швагеншайдт, Л.М. Букалова, А.С. Смолицкий и др.), Щегловска (Э. Май, В. Швагеншайдт и др.), Ленинска (Х. Бурхарт, Л.М. Букалова, А.С. Смолицкий,), Макеевки (рук. проекта М. Стам), Орска (М. Стам, Х. Шмидт, и др.), Караганды (рук. проекта Ф. Форбат), Нижнего Тагила (А. Мостаков, А. Байер, У. Вольф, М. Польшев, Н. Смирнов, Л. Гершкович и др.), соцгорода Авгостроя (рук. проекта Д.С. Меерсон), Нижнекурьинска (рук. проекта Х. Майер), поселка в районе Березовой роши в Прокопьевске (А. Смолицкий) и др.

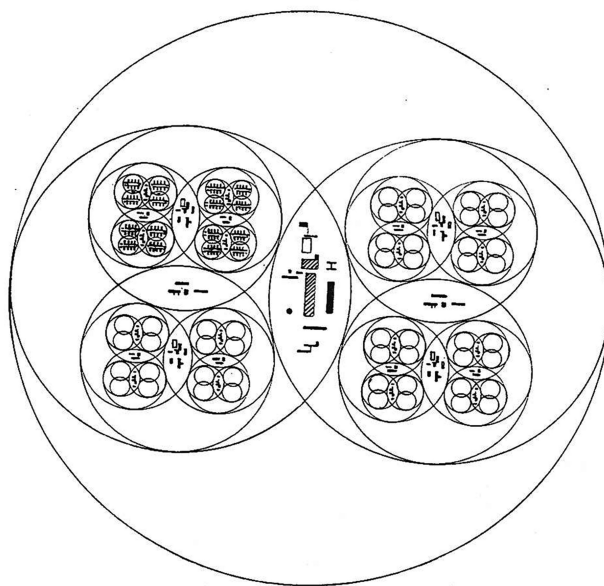

Рис. 1. В. Швагеншайдт, Х. Лаутер (рук. проектной группы Э. Май). Схема организации социалистического города. Стандартгорпроект. 1931 (Die Form. 1932. Heft 5. S. 153)

⁴⁰⁵ Зальцман А.М., Меерсон Д.С. Указ. соч. С. 13.

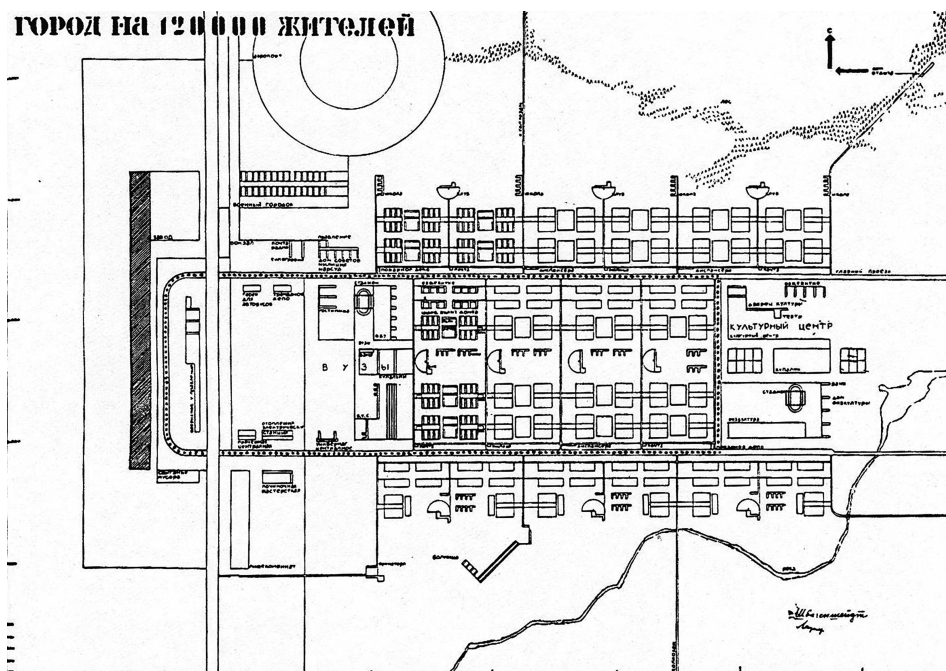

Рис. 2. В. Швагеншайдт, Х. Лаутер (рук. проектной группы Э. Май). Проект города на 120 тыс. жителей. Стандартгорпроект. 1931 (Die Form. 1932. Heft 5. S. 154)

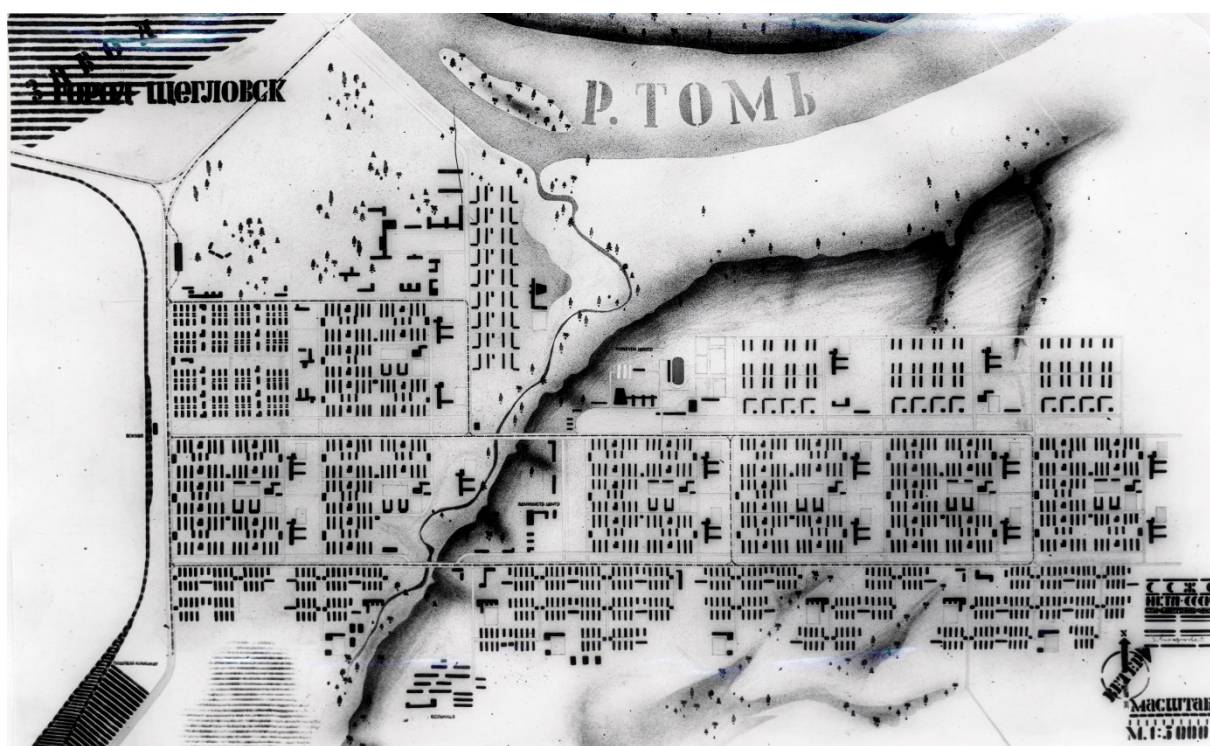

Рис. 3. В. Швагеншайдт (рук. проектной группы Э. Май). Шегловск. Проект планировки. Стандартгорпроект 1932. (Фотоархив ГНИМА им. А.В. Щусева. Коллекция VII. Негатив 654).

В 1931 – 1932 гг. в Стандартгорпроекте была также выработана концепция структурной организации «социалистического города», которая, в отличие от осужденной системы городского плана из типовых модулей, сохранила свою актуальность в дальнейшей практике. Городское пространство планомерно выстраивалось в пятиступенчатой иерар-

хии: жилой дом – жилой комплекс – жилой квартал – жилой район – жилой город. Основным разработчиком и идеологом структуры выступал иностранный специалист В. Швагеншайдт в сотрудничестве с П.Н. Блохиным, бывшим в 1932 г. руководителем группы в Секторе рационализации и БРИЗ⁴⁰⁶. Именно П.Н. Блохин выступал транслятором новой концепции в профессиональном пространстве, и представлял ее как одно из главных достижений Стандартгорпроекта, и как новацию в советском градостроительстве⁴⁰⁷. Новационным структурным элементом в этой системе являлся «жилой комплекс». Он включал группу жилых домов, детский сад, ясли и столовую, а размеры жилкомплекса определялись емкостью детских учреждений и расстоянием от жилья до элементов сети обслуживания. Четыре жилкомплекса должны были формировать квартал с развитой системой обслуживания; четыре квартала образовывали район; четыре района – город. Конечно, эта схема допускала вариации и по размерам, и по численности населения в жилом комплексе, и по количеству жилых комплексов в квартале, в зависимости от конкретной градостроительной ситуации⁴⁰⁸. Введением «жилого комплекса» архитекторы делали структуру квартала более гибкой с точки зрения формирования завершенных архитектурно-планировочных фрагментов в процессе проектирования и застройки. Также формировались завершенные социально-бытовые единицы, и квартал представлял единый структурированный социальный организм. В этом подходе слились западная идея «соседств» и советская концепция «жилкомбината». Выработка такого модуля как «жилой комплекс», как и ступенчатой структуры организации городского пространства, несомненно, было вкладом в сложение теории и практики микрорайонного проектирования.

⁴⁰⁶ Hopmann E. Städtebau in der UdSSR (Vorträge von W. Schwagenscheidt) // Die Form. 7 (1932). H. 5. S. 152 – 155.

⁴⁰⁷ Блохин П.Н. Типизация жилищ и общественных зданий при планировке населенных мест. Практика работ ССЖС 1932 г. М.-Л.: Госстройиздат, 1933; Блохин П.Н. Планировка жилых кварталов соцгорода. Опыт четырехлетней работы Стандартгорпроекта // Архитектура СССР. 1933. № 5. С. 4 – 8; Блохин П.Н. Жилой комплекс и типовые планы жилых зданий // Реконструкция городов в СССР 1933 – 1937. Т. 1. М.: Стандартизация и рационализаторство, 1933. С. 295 – 314.

⁴⁰⁸ Подробно см.: Коньшева Е.В. Указ. соч.

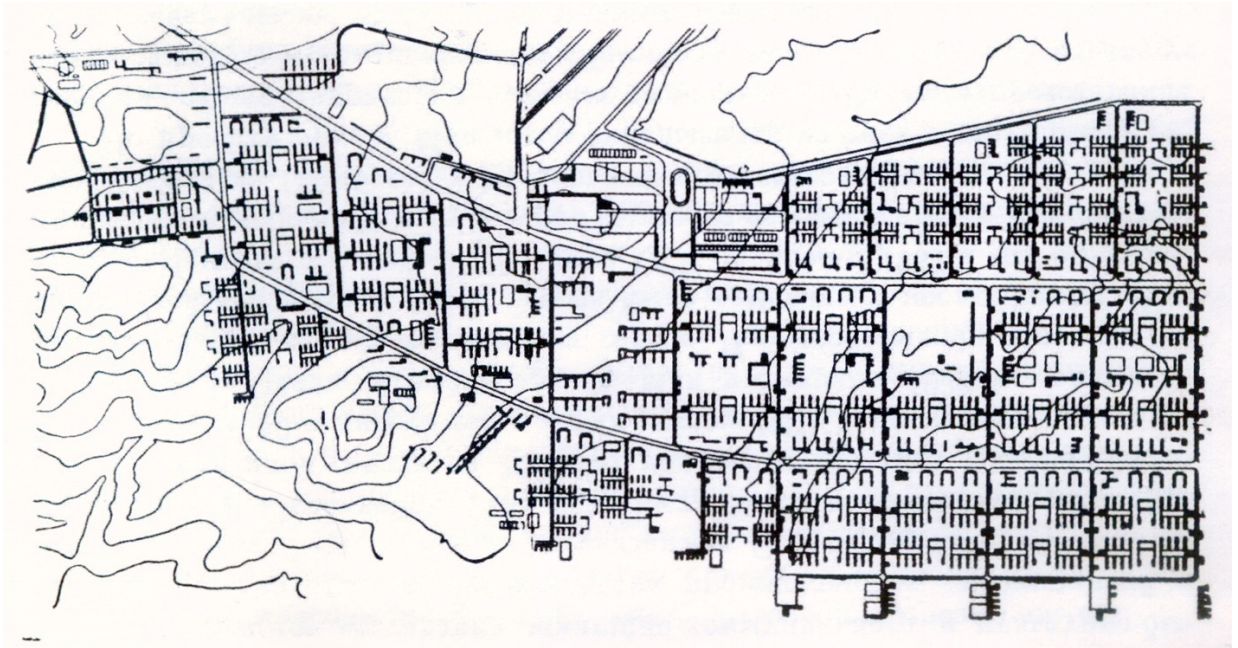

Рис. 4. Магнитогорск. Проект планировки. 1931/1932. Схема генплана. Стандартгорпроект. Арх. Э. Май, М. Стам, В. Швагеншайдт и др. (фотоархив Магнитогорского краеведческого музея).

Руководством Горстройпроекта в 1934 г. было отмечено, что «методология планировочных работ в практике Горстройпроекта окончательно установлена», и в основе ее – «метод комплексного проектирования»⁴⁰⁹. Очевидно, что эта методология была плодом предшествующей теоретической и практической работы 1931 – 1933 гг. Для обобщения проектно-планировочного опыта Стандартгорпроекта/Горстройпроекта, в 1934 г. была организована специальная научно-экспериментальная группа (рук. М.И. Ильина)⁴¹⁰. В ее функции входила работа над практическими задачами, такими как рационализация производства, способы оформления и хранения проектов планировок, внедрение в практику результатов научных изысканий, обмен опытом с другими проектными организациями/трестами. Был также организован «научный кабинет проектировщика», главной задачей которого был заявлен сбор, систематизация, анализ всей проектной продукции треста и других проектных организаций, создание фототеки проектной продукции треста, подбор необходимой литературы. При кабинете были скомплектованы бригады архитекторов по отдельным научным темам.

⁴⁰⁹ Кормер Г.П., Белопухов Б.В. Указ. соч.; Левченко Я.П. Указ. соч.

⁴¹⁰ Ильина М.И. Научная жизнь Горстройпроекта // Планировка и строительство городов. 1934. № 7 – 8. С. 37 – 38.

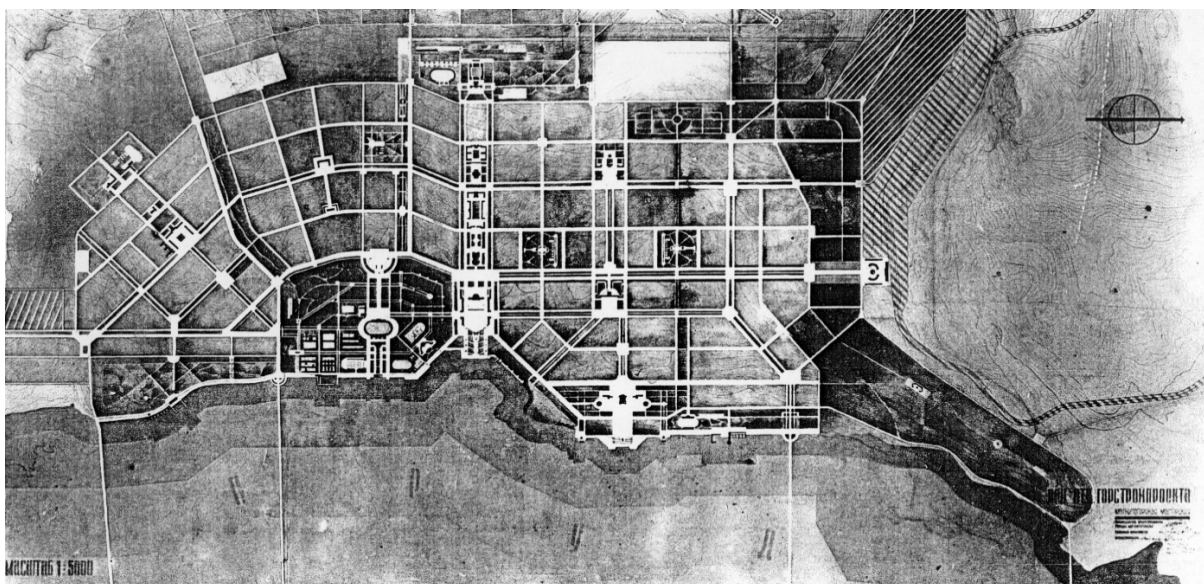

Рис. 5. Магнитогорск. Схема генплана правобережного города. Горстройпроект. 1934. Арх. Б.В. Данчич и др. (ГНИМА им. А.В. Щусева. Фототека. Коллекция X, инв. № 16743).

1933 – 1934 гг. явились переломными в концептуальном подходе к «социалистическому городу» в русле общих процессов трансформации советской архитектуры. Было заявлено о начале нового этапа в работе Горстройпроекта⁴¹¹. Были осуждены «механистичность решения схем планировок и монотонность застройки...», отсутствие «единой архитектурной идеи художественного оформления города», «типовой квартал с типовой начинкой жилых и необходимых культурно-бытовых учреждений», «однообразное и недостаточно архитектурно-выразительное оформление отдельных сооружений и зданий»⁴¹². Новая методология получила в названии ключевое дополнение – «комплексное ансамблевое проектирование»⁴¹³.

⁴¹¹ Зальцман А.М., Меерсон Д.С. Указ. соч. С. 13 – 14.

⁴¹² Гаспарьян А.М. Три года работы Горстройпроекта // Планировка и строительство городов. 1934. № 7 – 8. С. 3 – 4; Зальцман А.М., Меерсон Д.С. Указ. соч.; Марк Э.А. Указ. соч.; Мостаков А. Безобразное «наследство» архитектора Э. Мая // Архитектура СССР. 1937. № 9. С. 60 – 63; Мостаков А. Схематизм в планировке городов // Архитектура СССР. 1936. № 6. С. 29 – 33.

⁴¹³ Зальцман А.М., Меерсон Д.С. Указ. соч. С. 13 – 14.

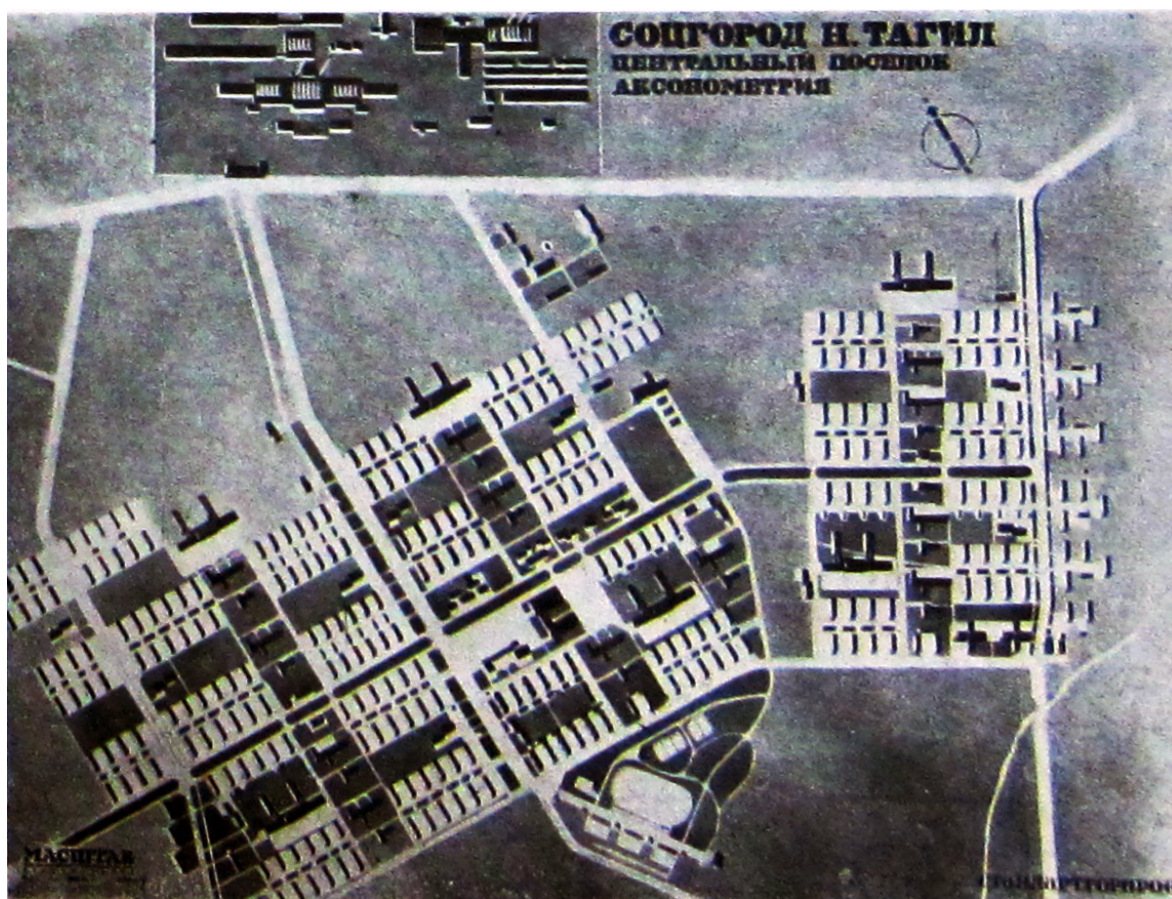

Рис. 6. Нижний Тагил. Проект планировки центрального поселка. Стандартгорпроект. Арх. А. Мостаков и др. 1932 (Архитектура СССР. 1933. № 5. С. 5)

В соответствии с новым подходом корректировались разработанные в 1931 – 1933 гг. проекты. Самыми яркими примерами трансформации принципов планировки и застройки можно назвать проекты Сталинска/Новокузнецка (1934 – 1936, рук. И.С. Гуревич, арх. А.М. Букалова, Л.С. Смолицкий, Т.М. Дружинина, Л.М. Гершкович), Нового Орска (1934 – 1935, рук. Х. Шмидт, арх. Э. Земан др., инж.- экономист Г.Д. Бабад, инж. П.И. Дубровский), Н. Тагила (1934 – 1935, рук. А. Мостаков, арх. Л. Гершкович, М. Польшнев, Н. Смирнов и др.) соцгорода Автостроя (рук. Д.С. Меерсон, арх. Н.Н. Наумова, Ю.Н. Шервдяев, экономист П.Н. Мнев, инж. Г.С. Хмельницкий), правобережного Магнитогорска (1934, Ленгорстройпроект, рук. Б.В. Данчич, инж.-эк. В.М. Попов и др.) и др. Новые проекты были направлены на организацию целостной, моноцентрической и иерархизированной городской структуры, решенной как система ансамблевых комплексов, с акцентировкой архитектурно-образного решения. Композиция городского плана строилась, преимущественно, на сочетании диагональных осей и сетки прямолинейных магистралей, образующих укрупненные кварталы.

Рис. 7. Нижний Тагил. Проект района Вагонстроя. Перспектива. Горстройпроект. 1935. Арх. А.М. Мостаков и др. (Архитектура и строительство городов. 1935. № 5. С. 12).

С середины 1930-гг. в Горстройпроекте был провозглашен переход «к ансамблевому проектированию целых кварталов массового жилья»⁴¹⁴. Был взят курс на увеличение размера кварталов, масштаба их застройки и трансформацию архитектурно-планировочного решения – перехода, преимущественно, к периметральной организации. Кварталы уже выстроенные или находившиеся в процессе строительства приобретали, при возможности, периметральное «обрамление» (квартал № 2 левобережного соцгорода в Магнитогорске (арх. П. Блохин, А. Натальченко), реконструкция первых кварталов соцгорода Новокузнецка (арх. А.М. Букалова, Л.С. Смолицкий) и др.).

Разработка планировки квартала была одной из главных задач Горстройпроекта на протяжении середины – второй половины 1930-х гг. Определяющей была линия на повышение плотности заселения, сокращение затрат на инфраструктуру, поиск новых приемов застройки.

Например, широкомасштабная работа по экспериментальному проектированию кварталов была проведена в 1939 г. Были разработаны 36 эскизных проектов для застройки

⁴¹⁴ Гурьев-Гуревич Г., Меерсон Д. Практика Горстройпроекта // Архитектура СССР. 1937. № 9. С. 28 – 32.

ки 1940 г. по трем типам: 4-5-этажное, двухэтажное и одноэтажное строительство усадебного типа. Доминирующим решением по-прежнему выступала периметральная застройка, однако были предложены и новые приемы: развитый фронт застройки улицы с одновременным размещением группы зданий внутри квартала (Г. Гурьев-Гуревич, Д. Меерсон, Н. Смирнов), развитый силуэт фасадной линии квартала с перебивкой фронта застройки большими вкраплениями зелени (В. Семенов-Прозоровский, Б. Данчич, Б. Баныкин), вынос детских учреждений на фасадную линию квартала (Б. Данчич, Б. Баныкин) и др. Характерным был также прием членения территории квартала на ряд самостоятельных пространств, в частности – центральный сад, соединенный с физкультурными учреждениями (В. Семенов-Прозоровский)⁴¹⁵. Трансформация общих подходов к планировочной и архитектурно-пространственной организации города в целом и квартала, в частности, влекла за собой и пересмотр образа жилого дома – одной из ключевых тем в работе Стандартгорпроекта/Горстройпроекта 1930-х гг.

Рис. 8. Орск. Проект квартала первой очереди. Горстройпроект. Арх. М. Стам, Х. Шмидт и др. (Орский филиал Государственного архива Оренбургской области. Ф. Р-33. оп. 1, д. 1а, л. 10)

⁴¹⁵ Боберко В.В. Проектирование жилых кварталов в новых городах // Архитектура СССР. 1940. № 9. С. 7 – 9; Семенов-Прозоровский В., Шевалье П. Новые задачи в планировке квартала // Архитектура СССР. 1940. № 9. С. 10 – 13.

Рис. 9. Магнитогорск. Эскиз планировки кварталов смешанной застройки. 1933. Арх. Б.В. Данчич и др. (Архитектура и строительство Ленинграда. 1938. № 2. С. 49).

Как уже было отмечено выше, разработка проектов жилищно-бытового строительства, работа по стандартизации, типизации и индустриализации этого строительства являлись изначально одной из главных задач Стандартгорпроекта/Горстройпроекта. В 1931 – 1932 гг. в Стандартгорпроекте были разрабатывались типовые проекты жилых домов разной этажности и конструктивных особенностей, как для капитального, так и временного строительства. Важным в этой работе был ориентир на индустриализацию массового жилищного строительства, что можно было назвать конкурентным преимуществом треста. Были разработаны типовые проекты 4-х этажных кирпичных жилых домов, 2-х и 3-х этажных из шлакоизвестняковых блоков, 2-х этажных каркасно-фибrolитовой конструкции и, главное – сборно-плитной конструкции, что не предлагал ни одна другая проектная организация⁴¹⁶. Было разработано 12 вариантов сборно-плитных жилых домов типа «Плит» для

⁴¹⁶ Сводный каталог проектов. Вып. 2. Социально-бытовое строительство. М.-Л.: Госстройиздат, 1932. С. 30 – 37.

опытного строительства, и тип «ИМ» для массового внедрения⁴¹⁷. Обращение к этой технологии в тресте было связано, безусловно, с опытом Э. Мая, успешно внедрявшим с середины 1920-х гг. во Франкфурте-на-Майне индустриальную технологию изготовления и монтажа сборно-плитных конструкций, тщательно изучавшуюся советскими специалистами. В Стандартгорпроекте адаптацией новой технологии к советским условиям занимался, прежде всего, член группы Э. Мая Ф. Ясперт, работавший в контакте с советским инженером Н.Л. Стамо, одним из организаторов массового индустриального строительства в СССР⁴¹⁸. Работа с технологией сборно-плитной конструкции с весом плиты от 0,5 до 1,5 т. из шлакобетона, с предполагаемым изготовлением ее на заводе или стройдворе, продолжалась в тресте в 1933 – 1934 гг.⁴¹⁹. Однако, все ограничилось только проектными разработками. Невозможность внедрения в СССР в 1930-е гг. плитно-сборного строительства была связана, прежде всего, с низким уровнем механизации, недостаточным для процесса массового индустриального изготовления, транспортировки и монтажа плит, которые еще и обладали значительным весом из-за специфики состава отечественного шлакобетона и необходимости увеличения толщины плиты из-за климатических условий.

Метод сборно-индустриального строительства разрабатывался в СССР с конца 1920-х гг. (прежде всего – в ГИС (инж. Г.Б. Красин, А.Ф. Лолейт и др.), УкрГИС (инж. А.С. Ваценко и др.), Ленгоржилтресте (инж. Д.Х. Альперович и др.)). Но речь шла об экспериментах с крупноблочным строительством, которое и начало внедряться в массовую строительную практику в середине 1930-х гг. (проекты ВНИИЖС, ИННОРСА, Моспроекта и др.), как более адекватное техническим и технологическим возможностям СССР. Свой вклад в поиск не только технико-технологических возможностей крупноблочного строительства, но и его архитектурного решения, внесли и специалисты Горстройпроекта. Например, в 1936 г. был разработан разработали проект комплекса жилых домов и общественных зданий из офактуренных блоков (П. Блохин, А. Зальцман, П. Ревякин, К. Соколов).

В результате интенсивной работы 1931 – 1933 гг., трестом были предложены три основных типа жилых секций с различными планировочными вариациями: меридиональный и два широтных – южный (жилые комнаты на юг, санузел, кухня и лестничная клетка – на север) и северный (жилые комнаты – на юг, кухня, столовая – на север, санузел –

⁴¹⁷ Блохин П.Н. Типизация жилищ и общественных зданий... С. 30 – 32, 40, 42.

⁴¹⁸ Jasperts F. Die Architektengruppe «May» in Russland. Die Tätigkeit und Erlebnisse der Architektengruppe «May» in der UdSSR in den Jahren 1930 – 1933. Düsseldorf, 1980.

⁴¹⁹ Грушенко И.А. Типовое проектирование жилища на новом этапе // Планировка и строительство городов. 1934. № 7 – 8. С. 32.

внутри секции)⁴²⁰. Одним из важнейших направлений экспериментального проектирования треста в 1931 – 1933 гг. стала работа над типом квартиры для индивидуального заселения с минимальной жилой площадью (приоритетный тип – двухкомнатная квартира с жилплощадью 24 – 25 кв. м.). Подобные разработки также восходили к иностранному опыту. Речь идет о концепции «минимального жилища», работа над которой велась в Европе во второй половины 1920-х гг. (прежде всего, в Германии, Голландии, Франции). «Минимальное жилище» стало темой второго конгресса CIAM во Франкфурте-на-Майне в 1929 г. и приуроченной к нему одноименной выставки, в которой приняли участие все ведущие европейские архитекторы-функционалисты (Ле Корбюзье, В. Гропиус, А. Люрса, Э. Май, Л. Хильберсаймер, М. Стам, П. Ауд, О. Хезлер и др.). Реализованным примером этой концепции служили, в том числе, поселки «Нового Франкфурта», возведенные под руководством Э. Мая. Не удивительно поэтому, что именно Стандартгорпроект стал центром проектных поисков «минимального жилища» для советских соцгородов. Разработкой проектов малометражного жилья в Стандартгорпроекте занимались иностранные проектировщики М. Стам, Ф. Ясперт, Г. Хассенфлуг, со стороны советских специалистов работой руководил П.Н. Блохин. Также, в ВНИИЖС и Стандартгорпроекте в 1932 г. была разработана методология модульного проектирования жилого дома, подобная модульному подходу при планировке городов. Было предложено при проектировании использовать т.н. «компоновочный модуль», которому подчиняются размеры основных конструктивных элементов и основные размеры планировочных и объемных решений зданий: ширина и глубина комнат, ширина и глубина лестничной клетки, размеры ступеней и площадок лестницы и т.п.⁴²¹.

В ходе реформирования структуры треста в 1934 г. была образована специальная мастерская типового проектирования. Однако, в русле общего поворота советской архитектуры, был провозглашен отказ от стандартизации жилого дома в целом, и принята линия на стандартизацию и типизацию только элементов – конструкций, планировок секций и квартир (с возможностью их разнообразной компоновки), строительных элементов⁴²².

Наработки Стандартгорпроекта/Горстройпроекта начала 1930-х гг. были вновь актуализированы во второй половине 1930-х гг. Потребности массового жилищного строительства обусловили медленный, но выраженный поворот в сторону типового проектирования и индустриальных методов строительства. «Руководящим указанием» послужило

⁴²⁰ Грушенко И.А. Указ. Соч. С. 31.

⁴²¹ Блохин П.Н. Типизация жилищ и общественных зданий... С. 20.

⁴²² Грушенко И.А. Указ. соч. С. 30.

Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «Об улучшении строительства и удешевлении строительного дела» (1936), требовавшее провести во всех отраслях строительства типизацию сооружений и наметить конкретные планы мероприятий, обеспечивающих снижение стоимости строительства. После «переходного периода» 1937 – 1938 гг., новые тенденции стали доминирующими в 1939 – первом полугодии 1941 г. Постановление СНК СССР «О типовых проектах жилищного строительства» (1939) активизировало в профессиональном дискурсе тему стандартизации, типизации и «скоростного индустриального строительства». Открылась перспектива практического воплощения экспериментальных разработок Стандартгорпроекта/Горстройпроекта, и в тресте «стряхнули пыль» с архивных проектов.

Приказом НКТП от 27 июня 1937 г., проектным мастерским наркомата и Горстройпроекту было поручено разработать типовые проекты жилья с учетом его индустриализации для строительства 1938 года. Специально созданную мастерскую треста «Горстройпроект» возглавил И.В. Жолтовский. В состав бригады вошли П.Н. Блохин, П.А. Александров, М.О. Барщ, А.М. Зальцман, Г.А. Зундблат, М.Н. Кочуренко, Д.С. Меерсон, С.П. Тургенев, К.М. Соколов, В.Н. Яковлев, инж. И.В. Певзнер, Л.А. Гельберг, Г. Коссель⁴²³. В плодах работы этой группы без труда обнаруживается интерпретация результатов начала 1930-х гг. – типы меридиональных и широтных секций, типология квартир, включающих малометражные планировки, типизация структурно-планировочных элементов, а также идея «компоновочного модуля»⁴²⁴.

Особенно актуальной в новых условиях вновь оказалась тема малометражной квартиры. Для практики жилищного строительства середины – второй половины 1930-х гг. был характерен приоритет многокомнатных квартир и сочетание в планировках возможности индивидуального или покомнатного заселения⁴²⁵. Новый курс предполагал доминирование в процентном отношении малокомнатных квартир, и соответствующий ориентир на многоквартирные секции. Как и в начале 1930-х гг., Горстройпроект стал одним из лидеров в разработке типов секций с квартирами малометражной планировки. Анализ практики Горстройпроекта по проектированию типовых жилых секций был предметом пуб-

⁴²³ Былинкин Н.П. Типовое проектирование жилищ. Первый опыт // Архитектура СССР. 1937. № 11. С. 11 – 14.

⁴²⁴ Блохин П.Н. Типовые проекты Горстройпроекта Наркомтяжпрома // Архитектура СССР. 1937. № 11. С. 15 – 24.

⁴²⁵ Доля двухкомнатных квартир составляла 25 – 30%, 3-х комнатных – 50 – 60%, 4-х комнатных – 10 – 20% (Былинкин Н.П. Архитектура массового жилищного строительства // Архитектура СССР. 1938. № 2. С. 18).

личного профессионального обсуждения⁴²⁶. В 1939 г. Горстройпроектом были предложены, в частности, 4,5,6 и 8-квартирные секции для 4-х – 5-ти этажного строительства с жилой площадью для однокомнатных квартир от 16 – 17 кв. м., для полутораконатных и двухкомнатных – от 25 кв.м.⁴²⁷ Именно шести и восьмиквартирные секции были признаны максимально экономичными и оптимальными для массового строительства, отражая характерный для рубежа 1930-х – 1940-х гг. интерес советской архитектуры к американской практике жилищного строительства и, в том числе, к типу «апартамент-хауса» и его интерпретации на советской почве. Среди утвержденных Наркоматом строительства типовых секций для массового многоэтажного строительства 1940 г. были четырех-и шестиквартирные секции Горстройпроекта с малометражными квартирами⁴²⁸. Для строительства 1941 г. трестом были предложены типовые секции для 7-8-этажного строительства, в т.ч. «коридорной системы», восходящей к «апартамент-хаусу», с 8, 9 и 12-квартирными секциями⁴²⁹. Разрабатывались проекты в отделе типового проектирования, которым в конце 1930-х гг. руководил В.В. Бабуров, а наиболее плотно разработкой типовых секций занимались Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, Н.М. Вавировский, П.И. Бронников и др.

⁴²⁶ Гельберг Л., Плессейн Б. О типе односемейной квартиры // Архитектура СССР. 1940. № 5. С. 3 – 6; Плессейн Б., Гельберг Л. Вопросы экономики массового жилищного строительства // Архитектура СССР. 1939. № 11. С. 8 – 17.

⁴²⁷ 4-квартирная с однокомнатными квартирами (22 и 29 кв. м.); 5-квартирная с 2-мя двухкомнатными (30 кв.м.) и двумя 1,5 комнатными (25 и 28 кв.м.) квартирами или одной однокомнатной (21 кв.м.), двумя двухкомнатными (37 кв. м.) и двумя трехкомнатными (50 кв.м.) квартирами; 6-квартирные секции с дифференциацией квартир в 1 комнату в 16 – 17 и 22 – 23 кв. м. и в две комнаты 30 – 34 кв.м.; 8-квартирная с шестью двухкомнатными квартирами (25 и 30 кв.м.) и двумя однокомнатными (20 кв.м.).

⁴²⁸ Типовые жилые секции для строительства 1940 года // Архитектура СССР. 1940. № 5. С. 77.

⁴²⁹ НГА. Ф. 798. Оп. 5. Ед. хр. 49, л. 1 – 9. Архивный материал предоставлен С.С. Духановым.

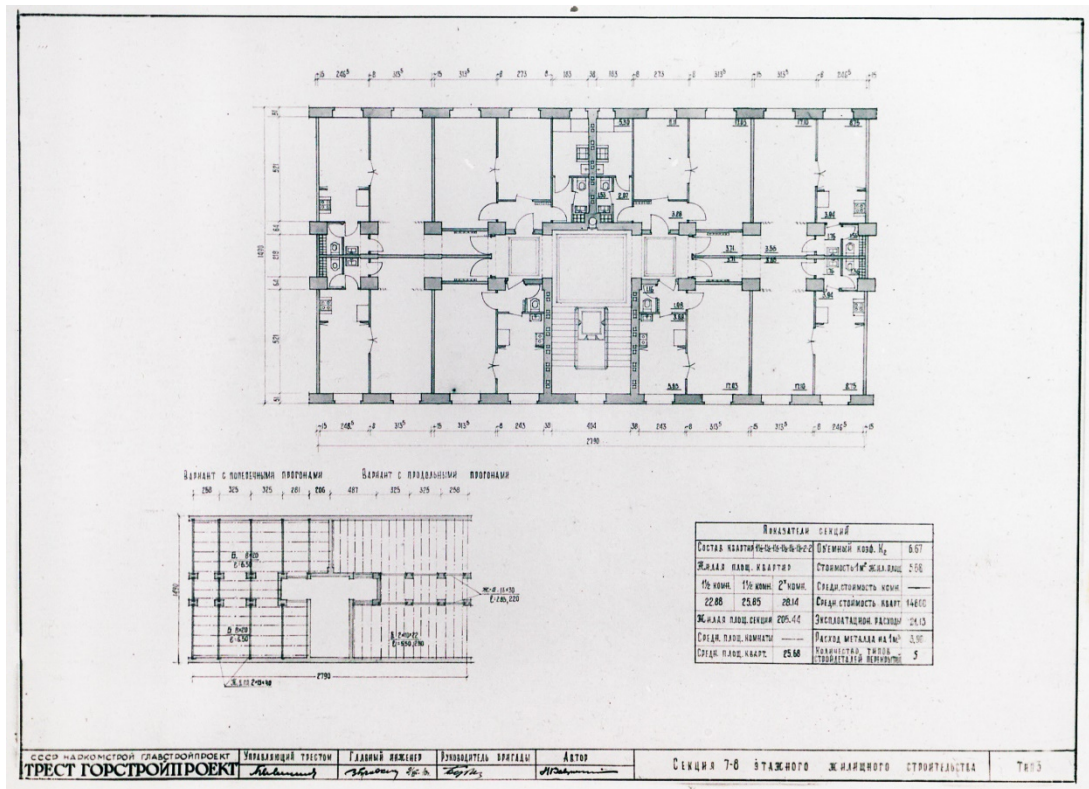

Рис. 11. Проект типовой жилой секции для 7-8-этажного строительства. Горстройпроект. 1940. Рук. В.В. Бабуров, арх. Н.М. Вавировский (Новосибирский государственный архив. Ф. 798, оп. 5, д. 4, л. 5 (предоставлено С.С. Духановым)).

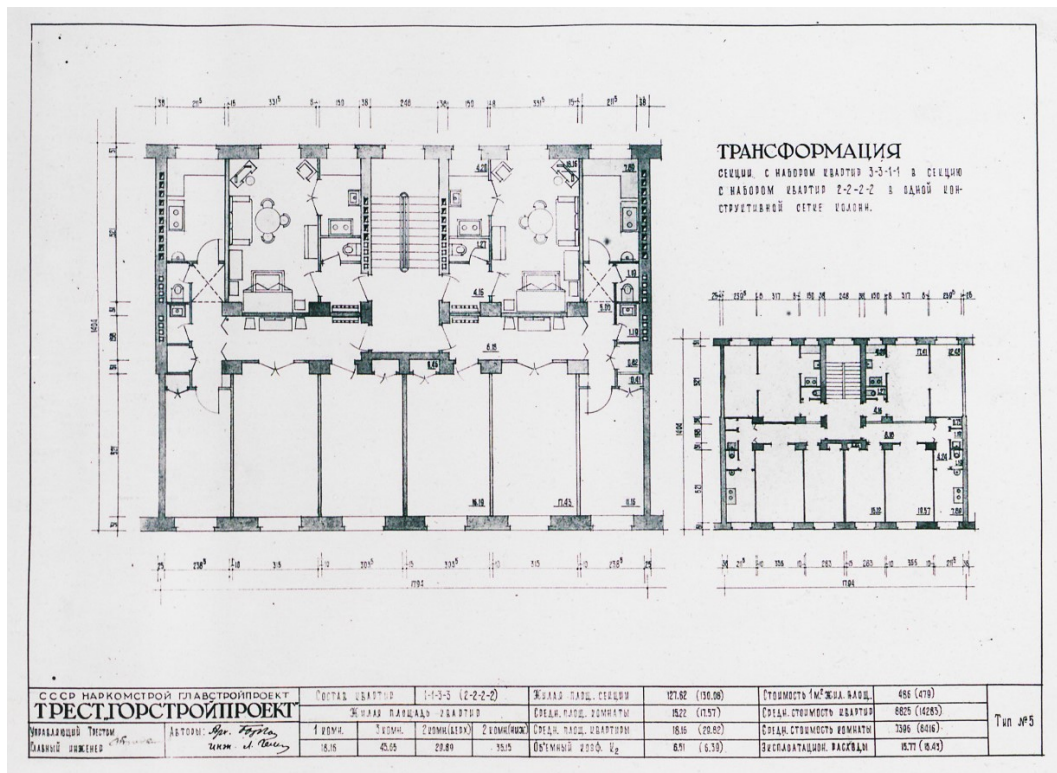

Рис. 12. Проект типовой жилой секции для 7-8-этажного строительства. Горстройпроект. 1940. Рук. В.В. Бабуров, арх. Б.А. Гордеев (Новосибирский государственный архив. Ф. 798, оп. 5, д. 4, л. 7 (предоставлено С.С. Духановым)).

Линия на проектирование малометражного экономичного жилья, стандартизацию и типизацию, как и на индустриализацию строительства, приостановленная с началом Великой Отечественной войны, найдет свое продолжение в послевоенный период, достигнув пика в панельном домостроении 1950-х – 1960-х гг., уходящем своими корнями в 1930-е гг.

Таким образом, можно утверждать, что трест Горстройпроект, созданный для реализации задач форсированной урбанизации в период первых пятилеток, стал важным элементом государственной проектной машины, выстроенной в 1930-е гг. Именно силами специалистов Стандартгорпроекта/Горстройпроекта, наряду с Гипрогором и Гипроградом, была сформирована технология проектного процесса и градостроительная методология, положенная в основу российских и союзных нормативных документов по планировке городов в 1930-е гг. Результатом масштабной практической деятельности треста стало обеспечение проектами планировки и застройки десятков новых «социалистических» городов», и эти проекты разрабатывались через преодоление всех негативных последствий форсированного характера советской индустриализации и урбанизации эпохи первых пятилеток. Именно в деятельности Стандартгорпроекта/Горстройпроекта иностранный опыт был интегрирован в теорию и практику советского градостроения и стал ее органичной частью, несмотря на декларативное отрицание этого факта. Микрорайонное проектирование, модульный принцип структурной организации городского пространства, типовое проектирование и индустриализация массового жилищного строительства – все то, что станет востребованным в советском градостроении последующих десятилетий, было заложено в стенах треста в 1930-е гг.

ГЛАВА III.3.

АРХИТЕКТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х – 1930-х ГОДАХ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ.

Колониальная периферия Франции второй половины 1920-х – 1930-х гг., прежде всего, Северная Африка, дает материал, представляющий интерес для отечественного архитектуроведения. Во-первых, она отражает альтернативный советскому, вариант архитектурно-градостроительной модернизации метрополией слаборазвитой удаленной периферии со специфическими социально-экономическими и природно-климатическими условиями в период общего кризиса мировой экономической системы в предвоенный период. Во-вторых, проблемы французской колониальной модернизации словно бы предвосхищают ряд кризисных явлений современности, связанных с ростом социального и расового неравенства, ухудшением экологии, коммерциализацией строительства, фрагментацией городской среды, столкновением глобального и традиционных подходов и т.д. Материалом исследования послужила французская профессиональная периодика 1920-х – начала 1940-х гг., освещавшая архитектурно-градостроительные процессы во французских колониях в Северной Африке – в Марокко, Алжире и Тунисе⁴³⁰.

Как свидетельствуют материалы профессиональной печати, ключевым вопросом модернизации архитектурно-градостроительной среды этих территорий во второй половине 1920-х – 1930-х гг. был вопрос модернизации туземной среды обитания (*l'habitat indigène*). Именно здесь развернулись не только острейшая профессиональная полемика, но и ожесточенная политическая борьба.

ТУЗЕМНАЯ СРЕДА ОБИТАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ К МОДЕРНИЗАЦИИ

Как и в других колониях того времени, туземное население французской Северной Африки 1920–1940-х гг. считалось так называемой «низшей расой», не имело гражданских прав и дискриминировалось по этническому и религиозному признакам. Проводимый колонизаторами принцип расовой сегрегации определял в этот период не только социально-политическое, но и экономическое развитие колоний. Все европейские отрасли хозяйства считались безусловно передовым и прогрессивным, тогда как все местные – по

⁴³⁰ Были изучены коллекции периодических изданий и публикаций 1920-х – начала 1940-х гг., представленные: 1) на сайте Национальной библиотеки Франции (*Bibliothèque nationale de France*), [gallica.bnf.fr / VnF](http://gallica.bnf.fr/VnF); 2) на электронном портале «Persée» («Le portail Persée») Лионского университета (Франция), persee.fr и 3) в электронном репозитории «Колониальная архитектура и градостроительство» («Colonial architecture & town planning») Делфтского технологического университета (Нидерланды), colonialarchitecture.eu.

определению отсталыми и косными. В результате уже на уровне колониальной идеологии отсутствовали предпосылки для интеграции новых европейских и местных форм.

Процесс хозяйственного освоения французской Северной Африки, особенно усилившийся в конце XIX – начале XX вв., был связан не с модернизацией экономики страны в целом, а с внедрением сюда отдельных, наиболее доходных, элементов современного европейского товарного производства, которые были нацелены на мировой рынок и опирались на европейские сельскохозяйственные монокультуры⁴³¹. Развитие этих новых отраслей сопровождалось экспроприацией у туземцев наиболее ценных земель и разрушением традиционных форм туземного хозяйства, которые колонизаторами рассматривались как нерентабельные и ущербные.

Наиболее сильный удар в 1900-х – начале 1940-х гг. пришелся по кочевому скотоводству Северной Африки, которое во многом было основано на не имевшем коммерческого значения верблюде, сезонных торговых перевозках и патриархальном рабстве. Захват европейцами «ничейных» земель лишил скотоводов летних (северных) пастбищ, а также пастбищ и водопоев на традиционных путях миграции. Развитие сети автомобильных дорог в 1920–1930-х гг. окончательно подорвало традиционные гужевые перевозки. Все вместе это запустило процесс принудительного оседания кочевников, которые массово теряли наиболее ценные земли, скот и имущество⁴³².

Одновременно с этим французская колонизация устранила ряд традиционных факторов, сдерживавших рост численности населения: прекратились межплеменные войны, было отменено рабство, шла борьба с наиболее опасными эпидемиями. Это способствовало росту численности туземного населения французской Северной Африки, которое во второй половине 1920-х – 1930-х гг. ежегодно увеличивалось примерно на 250 тыс. чел.⁴³³. К 1937 г. в Марокко, Алжире и Тунисе проживало почти 17 млн. чел., из них свыше 15 млн. туземцев и около 1,5 млн. европейцев (из них более 900 тыс. чел. – в Алжире)⁴³⁴. Показательно, что французские экономисты 1930-х гг. видели в увеличении потенциальной рабочей силы не преимущество, а проблему «быстрого роста населения в стране с ограни-

⁴³¹ Bordaz R. La situation économique de l'Afrique du Nord // *Politique étrangère*. – Paris, 1947. – No°6 (décembre). – P. 657.

⁴³² Bernard A., Lacroix N. L'évolution du nomadisme en Algérie // *Annales de Géographie*. – Paris, 1906. – T.°15. – No°80. – P.°154, 156-157, 158-159, 160; Tinthoin R. La démographie algérienne // *Annales de Géographie*. – Paris, 1938. – T. 47. – No 269. – P. 545, 546; Capot-Rey R. Le nomadisme dans l'Afrique du Nord-Ouest d'après P.G.°Merner // *Annales de Géographie*. – Paris, 1939. – T.°48. – No°272. – P.°190; Clarke J.[I.] Les problèmes du nomadisme estival vers le nord de la Tunisie // *Bulletin de l'Association de géographes français*. – Paris, 1952. – No°226-227-228 (mai-juin-juillet). – P. 136-137.

⁴³³ Bordaz R. La situation économique... Op. cit., p. 655, 656.

⁴³⁴ Bernard A. Le recensement de 1936 dans l'Afrique du nord // *Annales de Géographie*. – Paris, 1937. – T. 46. – No°259. – P. 88.

ченными природными ресурсами»⁴³⁵. Страх перед демографическим ростом объяснялся, конечно, не ограниченностью пригодной для освоения территории (считалось, что это якобы приведет к «столкновению населения и почвы»), а неспособностью колониальной экономики направить всю эту огромную человеческую энергию в позитивное русло, обеспечив туземцев работой.

Непосредственным результатом французской колонизации стало формирование в 1920-х – начале 1930-х гг. огромной, многомиллионной, постоянно возрастающей армии лишенных средств к существованию безработных туземцев, которые были совершенно не готовы к участию в производстве европейского типа и по своим техническим навыкам могли выполнять лишь функции чернорабочих. Главная проблема была в том, что колониальная экономика французской Северной Африки не могла вобрать эту рабочую силу ни целиком, ни даже в ее существенной части. Туземцы были ей не нужны. Ориентация на европейские типы производства привела к тому, что во французской Северной Африке в 1920-х – начале 1940-х гг. возник феномен массовой безработицы и голода при одновременном остром дефиците рабочей силы, прежде всего, средней квалификации⁴³⁶.

Владельцы ферм, французские колонисты, были заинтересованы лишь в сезонном привлечении туземцев на период массовых работ и уборки урожая, и не могли обеспечить им круглогодичную занятость. Существование армии безработных туземцев объективно отвечало их интересам, позволяя понижать заработную плату туземным работникам до минимума. В Алжире во второй половине 1930-х гг. среднестатистический туземный сельскохозяйственный рабочий работал не более трех месяцев в году, получая 5-6 фр. в день (при прожиточном минимуме в 14 фр.)⁴³⁷. Лишь ничтожная часть туземцев в сельской местности имела постоянную работу.

Прикрепление туземца-кочевника к земле провозглашалось одной из важнейших задач французской колонизации Северной Африки. Однако на практике становление колониальной экономики в первой трети XX в. не только не привело к исчезновению кочевого образа жизни, но напротив, способствовало резкому росту нового типа номадизма – трудовых, в том числе сезонных, миграций туземного населения в поисках работы: от мест их проживания к фермам колонистов, на строительные площадки (строительство до-

⁴³⁵ Bordaz R. La situation économique... Op. cit., p. 655.

⁴³⁶ Doria A. La pénurie de main-d'œuvre dans les industries extractives algériennes // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1929. – No 3 (mars). – P. 233-234; Leuilliot P. Mr Ernest Bouy, Le problème de la main-d'œuvre et la législation du travail au Maroc. Félix Nataf, Le crédit et la banque au Maroc // *Annales d'histoire économique et sociale*. – Paris, 1931. – T. III. – No 9. – P. 128.

⁴³⁷ Claire A. La Grande Misère du Fellah // *L'Élan républicain: organe des radicaux-socialistes de l'Oranie*. – Oran, 1937. – 07 avril. – No 11. – P. 3.

рог, гидротехнических объектов), в крупные города (транспортное, гражданское и коммунальное строительство) и обратно⁴³⁸.

Процессы интенсивной урбанизации, обозначившиеся в Северной Африке с конца 1920-х гг., также мало способствовали фактическому оседанию туземного населения и тем более улучшению условий его жизни. И здесь со всей силой проявился колониальный характер фрагментарной модернизации, основанной на социально-экономической сегрегации. Бурный рост застройки европейских городов, развитие транспортной инфраструктуры (морских портов и сети автодорог), а также гидротехническое строительство, все то, что колониальная пресса 1920–1930-х гг. с восторгом называла «поразительным расцветом» и «чудом», при ближайшем рассмотрении оказывается проявлением не собственно развития, а кризиса.

Мировой экономический кризис 1920–1930-х гг. заставлял вкладывать накопленные в колониях средства не в реальное производство, а в строительство доходной недвижимости, то есть, делать то, что советские экономисты того времени называли «омертвлением» капиталов. Ни о каких долговременных капиталовложениях в этих условиях не могло идти и речи. Основное внимание инвесторов и проектировщиков было привлечено к тем типам гражданского, коммунального и транспортного строительства, которые гарантировали долговременный устойчивый доход после его завершения. Арендное жилье (виллы и многоквартирные дома), торгово-развлекательные комплексы (отели-казино, рынки), спортивные сооружения (стадионы, бассейны), инфраструктура туризма (автодороги, мосты, санатории), а также финансируемое колониальными органами административное строительство (здания управлений, ратуши, суды, комплексы жандармерий) формировали в 1930-х – начале 1940-х гг. новое архитектурное лицо Северной Африки. Показательно широкое применение в этом строительстве самых современных на тот момент строительных материалов (армированного бетона, металла, стекла), конструкций, а также инженерно-технического оборудования (кондиционеры, лифты, эскалаторы и т.д.). В этом отношении колониальное строительство стало «отдушиной» для строительной индустрии метрополии, которая в 1930-е гг. получила выгодный рынок сбыта своей высокотехнологичной продукции. Однако у всего этого архитектурного великолепия была и обратная сторона.

С одной стороны, масштабное строительство привлекло в города большие массы туземного населения. Рост численности последнего в городах Северной Африки в конце

⁴³⁸ *Leuilliot P.* *Mr Ernest Bouy...* Op. cit., p.°128; *Clarke J.[I.]* *Les problèmes du nomadisme...* Op. cit., p. 135.

1920-х – 1930-х гг. шел параллельно и в тесной связи с динамикой строительных работ. Однако, с другой стороны, участие в этих стройках ничего дало туземному населению с социально-экономической точки зрения: ни постоянной работы, ни повышения их социальной роли. Во-первых, практически все осуществляемое во второй половине 1920-х – 1930-х гг. строительство предназначалось для европейцев. Соответственно, оно никак не улучшало условий проживания занятых в нем туземцев, более того, после его завершения они снова оказывались безработными. Во-вторых, это строительство осуществлялось под руководством ввозимой из метрополии европейской квалифицированной рабочей силы, которая таким образом, обеспечивалась работой. Соответственно, наниматели не были заинтересованы в повышении квалификации туземцев, получении ими профессии в ходе строительства и улучшении их жилищных условий. В-третьих, достаточно сложное техническое оборудование европейских объектов ограничивало привлечение основной массы туземной рабочей силы, бывших скотоводов и крестьян, к их эксплуатации в качестве работников коммунального хозяйства.

В связи с этим показательны результаты обследования французскими экономистами одного из типичных поселений туземных строителей в Марокко – так называемого «бидонвиля» (трущобы) Дуар-Дум. Дуар-Дум возник на окраине города Рабата, столицы французского Марокко, и к началу 1940-х гг. был одним из наиболее известных и изученных туземных поселений, возникших при европейских городах. Обследование Дуар-Дума в 1936 г. показало, что его население общей численностью более 3 тыс. чел. состояло из нескольких основных групп. Первая группа – градообразующее население бидонвиля: «рабочие на стройках, нанятые либо подрядчиками для строительства зданий или строительства дорог, либо муниципальными службами для коммунальных работ. Именно приток этой рабочей силы, привлеченной работами по развитию [европейского] города, стал основной причиной образования бидонвиля. Обычно это чернорабочие; однако среди них есть отдельные специализированные рабочие (маляры, каменщики, плотники)»⁴³⁹. Вторая группа – население, которое обслуживало бидонвиль: торговцы, водоносы, мясники, мелкие ремесленники (сапожники, плотники, парикмахеры, швеи). После остановки строительства (из-за кризиса) большая часть строительных рабочих осталась без работы. Это привело к росту третьей группы, состоявшей из представителей разнообразных мелких профессий, которые обслуживали европейский город и медину: дворники, слуги, садовни-

⁴³⁹ *Baron, Huot, Paye. Condition économique et niveaux de vie des travailleurs indigènes au douar Doum // Bulletin économique du Maroc: publié par la Société d'études économiques et statistiques / Société d'études économiques, sociales et statistiques (Maroc). – Rabat, 1936. – Vol. III. – No°13 (juillet). – P.°176.*

ки, носильщики, грузчики, разносчики сезонных продуктов питания, прачки, изготовители циновок, сборщики глины, песка, хвороста и т.п.⁴⁴⁰. В целом же «количество обитателей бидонвилей Рабата явно несоизмеримо с теми возможностями трудоустройства, которые сейчас предлагает им город»⁴⁴¹.

Современники отмечали «огромную долю безработных в Дуар-Думе» и крайнюю «малочисленность ремесленников или квалифицированных рабочих, так как все население состоит из сельских жителей»⁴⁴². Лишь четвертая или пятая часть населения бидонвиля (20-25 %) могла рассчитывать на регулярный заработок, «остальные работают день-два в неделю»⁴⁴³. Соответственно, «многие из них время от времени возвращаются в свою страну во время сбора урожая или работают сборщиками урожая на [европейских] фермах близ Рабата»⁴⁴⁴. Таким образом, как и европейское фермерское хозяйство, европейский город не устранял, а прямо предполагал трудовые миграции. В связи с этим наиболее трагичным оказывалось положение тех туземцев, кто не имел средств на подобные перемещения и, потеряв всю собственность на родине, теперь навсегда был привязан к бидонвилю – «они действительно вырваны с корнем: у них больше нет орошаемой земли и тем более стад»⁴⁴⁵.

Миграции в поисках работы стимулировались и дороговизной жизни. Несмотря на то, что заработная плата в бидонвиле была значительно ниже, чем в европейском городе, стоимость продуктов питания здесь была на треть выше. У бидонвиля не было своих обслуживающих хозяйств (европейцы их не создавали, а у туземцев не было на это средств) и все основные продукты питания (зерно, мясо, овощи) доставлялись носильщиками-перекупщиками из медины и европейского города⁴⁴⁶. В связи с явной зависимостью от европейского города, французские специалисты называли бидонвили «огромными паразитическими телами, цепляющимися за город Рабат»⁴⁴⁷.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. на страницах колониальной печати не раз высказывалось мнение, что выходом из этого критического положения могла стать индустриализация страны – создание крупной промышленности, которая обеспечила бы круглогодичную занятость туземного населения и его культурно-технический рост. Предпосылки для этого существовали: открытые в Марокко и Алжире угольные и нефтяные место-

⁴⁴⁰ Ibid.

⁴⁴¹ Ibid., p.°183.

⁴⁴² Ibid, p.°176.

⁴⁴³ Ibid.

⁴⁴⁴ Ibid.

⁴⁴⁵ Ibid., p.°184.

⁴⁴⁶ Ibid., p.°183.

⁴⁴⁷ Ibid., p.°175.

рождения и т.д. Однако непрерывный кризис центрального правительства и влияние колониального лобби, которое не было заинтересовано в изменении существующей ситуации, привели к тому, что в отличие от восточных районов СССР, во французской Северной Африке в первой половине XX в. не было индустриализации. Здесь не развивалась тяжелая промышленность, в том числе топливно-энергетическая, не строились комбинаты-гиганты, наподобие Кузнецкого металлургического комбината, Челябинского тракторного завода, Барнаульского меланжевого комбината или Ташкентского завода сельхозмашин, не возводились и новые крупные города, подобные советским соцгородам первых пятилеток. Центрами экономического развития в Северной Африке 1930-х гг. были не промышленные новостройки, а крупные портовые города на побережье Средиземного моря: Касабланка, Рабат, Оран, Алжир, Тунис и др.

С точки зрения архитектуры развитие колониального хозяйства привнесло в среду обитания туземцев два новых явления. В сельской – массовое распространение гурби, в городах – появление и рост бидонвилей.

Кризис туземного кочевого общества Северной Африки проявился в 1900-х – начале 1940-х гг. в резком сокращении количества шатров (*tentes*), традиционного жилища кочевников из верблюжьей шерсти (рис. 1), и соответствующем росте так называемых гурби (*gourbis*), буквально «хижин», – импровизированных стационарных построек со стенами из камня, земли или ветвей, перекрытых соломой⁴⁴⁸ (рис. 2). Переход к поселению в гурби, как правило, всегда был связан с невозможностью продолжать кочевой образ жизни, то есть, с потерей основных средств существования – земли и скота⁴⁴⁹. С переселением в гурби резко ухудшались санитарно-гигиенические условия. Если при кочевом образе жизни «свежий воздух и солнце помогают бороться с болезнями», то в гурби «обычно нет этих двух противоядий» против микробов⁴⁵⁰.

Современники единодушно описывали основную массу гурби как антисанитарные постройки, которые были лишены естественного освещения и не обеспечивали надлежащей защиты от холода, ветра и дождя в зимний период. Возводившие их кочевники не имели необходимых инструментов и использовали самые примитивные, ручные, строительные техники. В гурби полностью отсутствовали столярные изделия (окна, двери) и тем более мебель, не говоря уже об элементах санитарного и инженерного оборудования (дымоходах, выгребных ямах и т.п.).

⁴⁴⁸ *Tinthoin R.* La démographie algérienne. Op. cit., p. 545.

⁴⁴⁹ *Bernard A., Lacroix N.* L'évolution du nomadisme... Op. cit., p.°162.

⁴⁵⁰ *Madmon R.* Comment peut être résolu le problème de l'habitat indigène // *Le Journal général des travaux publics et du bâtiment.* – Alger, 1934. – 10 avril. – No 881. – P. 1.

Рис. 1. Лагуат (Алжир). Шатер кочевников. Фотография 1920-х гг.⁴⁵¹.
Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

Рис. 2. Алжир. Гурби в сельской местности. Фотография начала 1940-х гг.⁴⁵².
Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

⁴⁵¹ *Soyer V. La Population indigène de l'Afrique du Nord // L'Algérie illustrée: touristique et pittoresque. – Alger, 1928. – No 2 (avril-mai-juin). – P. 8.*

⁴⁵² *L'Habitation musulmane algérienne // Les Travaux nord-africains: Bâtiment, travaux publics, architecture, urbanisme. – Alger, 1942. – 19 février. – No 1983. – P. 1.*

Плохие условия проживания неизбежно усугублялись жестоким голодом и болезнями. В конце 1920-х – начале 1940-х гг. туземная среда обитания в сельской местности была «живой картиной великих страданий». В инфицированных гурби из земли и тростника можно было увидеть лишь «человеческие тени: детей, взрослых, прячущихся в свои изорванные халаты, скелетное, анемичное тело, настоящий ходячий рассадник туберкулеза. Из всей еды кусок черного хлеба, который экономно обмакивают в то, что они называют маслом»⁴⁵³.

Параллельно с развертыванием крупного строительства в европейских городах на окраине последних стали появляться так называемые «бидонвилли» («bidonvilles») – трущобные поселения, в которых проживало туземное население (обычно 3-5 тыс. чел.), связанное со строительством и обслуживанием европейского города.

Застройка бидонвилей была представлена самыми разными типами жилищных суррогатов, которые, как правило, возводились силами самого туземного населения: навесы (рис. 3), шатры, бараки (рис. 4), в Марокко – так называемые нуалы (noualas), традиционные для Западной Африки конические хижины из тростника.

Рис. 3. Рабат (Марокко). Бидонвиль Дуар-Дум. Навес семьи туземцев. Фотография середины 1930-х гг.⁴⁵⁴. Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

⁴⁵³ Claire A. La Grande Misère... Op. cit., p. 3.

⁴⁵⁴ Baron, Huot, Paye. Condition économique... Op. cit., p. 181.

Рис. 4. Рабат (Марокко). Бидонвиль Дуар-Дум. Общий вид торговой улицы с магазинами. Типы жилищ. Фотографии середины 1930-х гг.⁴⁵⁵. Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

Строительным материалом для бидонвилей служил строительный мусор и другие «отходы жизнедеятельности» крупного европейского города: листы жести, обрывки мешковины, доски, тростник, камни и т.п. Наиболее широко была представлена жестяная тара для керосина (*bidons*), по которой эти поселения в начале 1930-х гг. и получили свое на-

⁴⁵⁵ Ibid., p. 183, 177, 179.

звание. Банки из под керосина расплющивались и разрезались на куски более или менее правильной формы, из которых возводились бараки.

Положение туземного населения бидонвилей, как правило, было лишь немногим лучше положения обитателей гурби. В том же Дуар-Думе почти половина заработной платы каждой семьи уходила на оплату жилья. Все расходы на обстановку и одежду сокращались до предела, поэтому «дети почти голые, мужчины и женщины в лохмотьях [...] многие ходят босиком». Несмотря на то, что туземцы отказывали себе даже в физиологическом минимуме коммунальных услуг (отопление, бани), «все население Дуар-Дума [постоянно] недоедает», а его санитарно-гигиеническое и физиологическое состояние «не соответствует норме»⁴⁵⁶. Аналогичные негативные явления (отсутствие постоянно работы, низкая заработная плата, высокая арендная плата за землю и жилье) были зафиксированы и в бидонвиях города Алжира. В результате «эти центры антисанитарии являются очагами эпидемий. Детская смертность здесь огромна. Туберкулез наносит огромный ущерб (800 смертей от туберкулеза в год в Алжире) из-за влажности, недостатка воздуха, солнца и света»⁴⁵⁷.

Таким образом, резкий социальный разрыв между европейцами и туземцами привел к образованию между ними той «бездонной пропасти», о которой с негодованием или страхом говорили и писали многие современники. Европейское колониальное сообщество могло не замечать страдания далеких обитателей гурби, но возникшие в городах трущобы, быстро ставшие очагами опасных эпидемических заболеваний, представляли непосредственную угрозу самим колонизаторам. Проблема заключалась в том, что совершенно без туземной рабочей силы фермерское и городское хозяйство европейцев обойтись не могло, а значит, контакты с туземцами были необходимы. Становилось очевидным, что требуется та или иная модернизация туземной среды обитания, которая бы позволила либо устранить опасный разрыв, либо навести через возникшую пропасть соответствующие «мосты».

В предвоенные десятилетия во французской Северной Африке оформилось два основных подхода к модернизации туземной среды обитания. Разница между ними может быть раскрыта через известный тезис архитектора Корбюзье, «Архитектура или революция», который по смыслу предполагал две возможные альтернативы: или социальные

⁴⁵⁶ Ibid., p.°182, 183.

⁴⁵⁷ Scellés-Millie J. L'Habitat musulman // *Les Cahiers de la Démocratie*. – Paris, 1938. – No°50 (juillet). – P.°28, 31.

преобразования (революцию) или архитектурную модернизацию – изменение архитектурной среды.

Сторонники первого подхода, «реформаторы», считали, что прежде всего необходимо проводить революционные (с точки зрения общепризнанных колониальных доктрин того времени) политические и социально-экономические реформы, в соответствии с которыми предстоит модернизировать и архитектурную среду колонии.

Сторонники второго подхода, «консерваторы», напротив, доказывали, что нет необходимости не только в реформах, но и вообще в каких-либо изменениях, и делали ставку на узкую, чисто архитектурную модернизацию. У них была достаточно сильная позиция – они апеллировали к колониальной реальности, в соответствии с которой и призывали развивать архитектурно-градостроительную среду колоний.

Если сторонники первого подхода стремились устранить сами причины негативных явлений, то их противники, напротив, боролись лишь с их наиболее острыми последствиями. Если первые видели успех модернизации колониальной среды жизнедеятельности в последовательной и постепенной интеграции европейского и туземного сообществ, то вторые, напротив, главным условием модернизации считали их жесткое и неравноправное разделение – сегрегацию, которая должна была найти отражение также и в архитектурно-градостроительной сфере. Такая сегрегация основывалась на дискриминации туземного населения по расовому и конфессиональному признакам. Наиболее острыми вопросами модернизации были сельскохозяйственная и городская среда.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СРЕДЫ

Подход, нацеленный на модернизацию туземной среды обитания, наиболее ярко проявился в деятельности Мориса Габриэля Виолетта (Maurice Gabriel Violette), который в 1925-1927 гг. был генерал-губернатором французского Алжира, и сторонников его взглядов в колониальной администрации, среди промышленных кругов и архитекторов. М.Г. Виолетт, член социалистической партии и Лиги прав человека, был сторонником проведения широких политических и социально-экономических реформ во французской колониальной империи. Центральное место в его программе занимало решение политического вопроса: предоставление туземной элите французского гражданства, права голоса и включение ее в колониальную администрацию⁴⁵⁸. С первых шагов Виолетт столкнулся с ожесточенным сопротивлением крупных колонистов-землевладельцев и тесно связанных

⁴⁵⁸ *Sisbane Ch.* Note sur les réformes désirées par la Fédération des élus des indigènes du département de Constantine / Chérif Sisbanne. – Constantine: Impr. de P. Braham, 1931. – P. 11-13.

с ними колониальных финансовых кругов и был вынужден отказаться от реализации программы политических преобразований. После этого он сосредоточился на программе социально-экономических реформ сельского хозяйства Алжира, главное место в которой занимала модернизация среды жизнедеятельности туземного населения.

Виолетт и его сторонники стремились затормозить обезземеливание алжирского крестьянства и повысить уровень его благосостояния. Укрепление туземного сельского хозяйства, прежде всего, связанного с производством зерновых культур, должно было создать социально-экономические предпосылки для более активного экономического развития колонии, в том числе в сфере промышленности.

Программа Виолетта опиралась на опыт экспериментальных хозяйств в Сетифе, созданных здесь еще в конце XIX в. – эти хозяйства должны были, в известной мере, стать моделью для других районов. Как подчеркивал Виолетт, «речь идет не только о гигиене, но и о социальных аспектах первостепенной важности», фактически о «переходе к другой концепции среды обитания»⁴⁵⁹. Разработанная при активном участии представителей туземных народов программа Виолетта предполагала следующие мероприятия.

Во-первых, переход к долгосрочной, 99-летней аренде земли. С одной стороны, это должно было защитить туземные хозяйства от непредвиденных обстоятельств, ведущих к потере земли. С другой стороны, этим создавались условия для долговременного закрепления туземцев в поселении, а значит, для формирования у них определенных накоплений. Виолетт особенно обращал внимание, что в таких «защищенных» поселениях в последующие десятилетия наблюдался не отток, а дальнейшее оседание и рост туземного населения. В этих условиях в благоустройстве поселений могла активнее участвовать и колониальная администрация, так как создавались предпосылки для кооптации капиталов, а также привлечения ссуд и кредитов. В частности, это позволяло обеспечить каждый такой поселок двумя-тремя мастерами-строителями, владеющими навыками каменной кладки, умеющими обрабатывать железо и дерево, а также ремонтировать сельхозтехнику⁴⁶⁰.

Во-вторых, как писал Виолетт, «подобно тому как в городах закон обязывает составлять планы расширения и благоустройства, я бы хотел, чтобы мы разрабатывали планы расширения и благоустройства туземных деревень»⁴⁶¹. Такое централизованное планирование позволяло в лучшей степени учесть суровые условия страны с рискованным земледелием, мозаичный характер распределения пригодных для обработки территорий и т.д.

⁴⁵⁹ *Viollette [M.G.]. L'Habitat indigène // Journal officiel de l'Algérie. – Alger, 1927. – 22 avril. – No 16. – P. 202.*

⁴⁶⁰ *Ibid.*, p. 202-203.

⁴⁶¹ *Ibid.*, p. 202.

Наличие генпланов позволяло планировать расширение поселений, строительство к ним путей сообщения и производить перегруппировку тех туземных жилищ, разбросанное размещение которых стихийно сложилось в предыдущий период активных земельных экспроприаций. В таких центрах можно было организовать минимальное благоустройство (улицы, водопровод, водопой для скота), культурно-бытовое обслуживание (школы для мальчиков и девочек, врачебный пункт) и вести более-менее планомерное строительство гигиеничных и устойчивых к непогоде жилых домов и сельскохозяйственных построек из местных материалов, в том числе элеваторов для хранения зерна⁴⁶².

Разработку и реализацию конкретных программ для каждого округа должны были осуществлять специальные комиссии по туземному крестьянству, состоящие из европейских и туземных представителей⁴⁶³. Виолетт и его сторонники рассчитывали, что одним из важных результатов всех этих преобразований станет объединение разрозненных туземных домохозяйств в трудовые сообщества и формирование под эгидой государства туземного крестьянства: это «подняло бы туземное население в социальном плане и принесло бы ему неоценимую пользу»⁴⁶⁴.

Программа реформирования туземной среды обитания получила активную и широкую поддержку среди туземцев. Так, Алжирская ассамблея, обращаясь прежде всего к европейской аудитории, указывала на благоприятные последствия «удаления зараженных и нездоровых лачуг и замены их чистыми и хорошо проветриваемыми домиками-коттеджами». Ведь «туземец, живущий в лучшем жилище, будет вести жизнь, более близкую к европейской; он будет больше работать, больше потреблять и в большей степени способствовать экономической деятельности и благосостоянию страны»⁴⁶⁵. Программа оказалась уязвима с финансовой точки зрения, так как благоустройство туземных поселений требовало огромных расходов на строительство дорог, водопровода, канализации, школ и лазаретов. Отсутствие средств в колониальном бюджете неизбежно заставляло искать помощи в метрополии⁴⁶⁶.

Проект Виолетта подвергся резким нападкам колониального лобби и не встретил поддержки в финансовых кругах Франции. В ноябре 1927 г. Виолетт был смещен, а уже в январе 1928 г. назначенный на его место Пьер-Луи Борд (Pierre-Louis Bordes) отмежевался

⁴⁶² Ibid.

⁴⁶³ Ibid., p. 203.

⁴⁶⁴ Ibid., p. 202.

⁴⁶⁵ *Sisbane Ch.* Note sur les réformes... Op. cit., p. 10.

⁴⁶⁶ Ibid.

от идей предшественника и полностью солидаризовался со сторонниками прежнего репрессивного курса⁴⁶⁷.

В 1931 г. Виолетт опубликовал воспоминания-размышления об алжирском периоде своей биографии «Алжир: будет ли он жить?: Записки бывшего генерал-губернатора», где доказывал, что сохранение прежнего репрессивного колониального курса приведет к тому, что через 15-20 лет Франция потеряет колонию⁴⁶⁸. Эта книга, вышедшая вскоре после окончания пышных празднеств 100-летнего юбилея завоевания Францией Алжира, прошедших в 1930 г., оказалась пророческой. В аналогичном ключе высказывались и другие сторонники реформ: они считали, что существующий в колонии режим «ведет Алжир к гражданской войне»⁴⁶⁹.

Отказ от реконструкции туземной среды обитания не привел к решению проблемы. В последующие годы кризисные явления продолжали углубляться. В 1934 г. по инициативе Союза подрядчиков общественных работ Алжира и Туниса были проведены исследования и состоялась оживленная дискуссия между рядом колониальных специалистов. Итоги оказались предсказуемы: реконструкция туземной среды обитания в сельской местности признавалась важнейшей проблемой, но считалась практически неосуществимой: «в сельской местности улучшение жилищных условий [туземцев] невозможно осуществить до тех пор, пока не будут решены еще более насущные проблемы: проблема водоснабжения, проблема дорог, проблема домашнего образования женщин. Вода, потому что она обеспечивает улучшение земельных ресурсов, а также повышает уровень благосостояния, повышая уровень жизни, потому что она также обеспечивает лучшую гигиену; дороги, потому что они способствуют общению, контактам и обмену между европейцами и туземцами; школы, которые готовят туземную среду для пользования благами нашей цивилизации»⁴⁷⁰.

Таким образом, улучшение жилищных и культурно-бытовых условий туземцев прямо связывалось с масштабной реконструкцией всей среды их обитания, и во многом, с преобразованием природной среды: обводнением полупустынных территорий, созданием водохранилищ, улучшением условий земледелия, прокладкой дорог. Найти источники финансирования для таких проектов едва ли было возможно не только в колониях, но и в

⁴⁶⁷ Millot S. La France et l'Algérie: pour défendre l'idéalisme français. – Chaumont: Impr. de l'Est, 1928 (2 octobre). – P. 6-7, 10, 14.

⁴⁶⁸ Viollette M.G. L'Algérie: vivra-t-elle?: Notes d'un ancien gouverneur général. – Paris: Alcan, 1931. – 503 p.

⁴⁶⁹ Millot S. Op. cit., p. 8.

⁴⁷⁰ T.S. Notre enquête sur les conditions du logement indigène. Conclusion // *Le Journal général des travaux publics et du bâtiment*. – Alger, 1934. – 31 août. – No 922. – P. 1.

метрополии. В глазах крупных финансовых кругов колонии были предназначены для прямо противоположного – получения прибылей, а не для траты огромных сумм для улучшения условий жизни «каких-то» туземцев.

В 1936-1937 гг., в связи с приходом к власти во Франции правительства Народного фронта и подготовкой законопроекта Блюма-Виолетта о предоставлении французского гражданства части элиты туземного населения, сторонники реформ во французской Северной Африке снова перешли в наступление⁴⁷¹. Они указывали на кризисные явления в сельском хозяйстве колоний, на углубляющиеся год от года процессы обезземеливания туземного населения, его обнищания и вытеснения в города, где оно пополняло армию безработных. Снова была заявлена программа создания туземного крестьянства и модернизации туземной среды обитания. Ее основные положения во многом повторяли идеи Виолетта 1925-1927 гг. Политика государственного регулирования (дирижизма) туземного сельского хозяйства с целью создания достаточно крупных туземных зерновых хозяйств, основанных на долговременной аренде земли и коллективном труде. Территориальное объединение вокруг этих хозяйств разбросанного туземного населения (коллективизация), в том числе кочевого, с переходом последнего к оседлому образу жизни. Укрупнение поселений с целью создания минимального коммунального и культурно-бытового обслуживания⁴⁷². Противники программы указывали, что время для этих идей безвозвратно ушло: колониальная администрация уже не найдет для таких хозяйств свободной, подходящей по своим качествам земли, так как многие земли, ранее принадлежащие туземному населению, уже давно отошли французским колонистам и «эта франкизация долгое время поощрялась самой администрацией». Кроме того, так как все прежнее экономическое развитие колонии основывалось на обезземеливании туземного крестьянства, то попытка в одночасье сломать этот отлаженный десятилетиями хозяйственный механизм приведет к непредвиденным финансовым, а возможно, и социальным, потрясениям (неплатежи, кризис колониального бюджета и т.п.). Улучшение же условий в районах рискованного земледелия, куда было вытеснено туземное население, потребует огромных вложений в инфраструктуру и поэтому не встретит поддержки у крупных финансовых кругов⁴⁷³.

⁴⁷¹ Beau Le G. Populations indigènes d'Algérie et politique économique, conférences aux agents techniques des sociétés indigènes de prévoyance (coopératives de blé). – Alger: Impr. la Typo-litho et J. Carbonel, 1937. – 183 p.

⁴⁷² MM. Milliot et Balensi ont exposé le projet de création d'un paysannat indigène // *Les Travaux nord africains*. – Alger, 1937. – 16 juin. – No 1586. – P. 1.

⁴⁷³ Ibid., p. 2.

Сторонники реформ, напротив, доказывали, что именно сокращение пригодных для проживания территорий, не позволяет более откладывать этот вопрос. Так, алжирский инженер-архитектор Жанна Сцеллес-Милли (Jeanne Scellés-Millie), посвятившая свою жизнь борьбе за права туземцев, писала в 1938 г., что, «поскольку арабское население с тех пор как мы прибыли в Алжир увеличилось более чем в три раза, то отсюда следует, что это население задыхается на территории, где оно размещено»⁴⁷⁴. В своих предложениях по реформе туземной среды обитания одним из первых пунктов она предлагала «вместо того, чтобы составлять градостроительные планы только для больших городов и их районов, почему бы не начать как можно скорее сельское градостроительное планирование для всех центров, для всех дуаров?»⁴⁷⁵.

Таким образом, в 1920–1930-х гг. среди французских специалистов достаточно активно развивались идеи интеграции туземных поселений в сельской местности. Основой такого объединения должна была послужить транспортная и культурно-бытовая инфраструктура, своего рода каркас модернизации. Опираясь на него туземное население уже само могло развивать второстепенные, локальные элементы – жилье и т.д. Однако на практике ничего из этого к началу Второй мировой войны реализовать не удалось. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в значительно большей степени обозначились прямо противоположные тенденции.

Во-первых, они проявились в строительстве при некоторых европейских поселениях новых «туземных деревень» («village indigène») и «туземных городов» («cite indigène»). В этих случаях туземное население теряло все надежды на экономическую самостоятельность, превращаясь в подсобную рабочую силу при европейских хозяйствах. Один из сторонников этого подхода, мэр города Эль-Аффрауна (Алжир) генеральный советник Гастон Аверсенг (Gaston Averseng) писал в 1934 г., что «всякий раз, когда это возможно, туземную деревню следует располагать рядом с европейской деревней». Группировка туземных жилищ вблизи европейских деревень необходима, чтобы «облегчить работу мелких фермерских хозяйств» и «крупных производственных центров». При этом, «что касается деревень, то необходимо четко разделить местообитания туземцев и европейцев, то же самое относится и к правам собственности; вот и вся формула Марокко, которая является правильной»⁴⁷⁶.

⁴⁷⁴ Scellés-Millie J. L'Habitat musulman. Op. cit., p. 28.

⁴⁷⁵ Ibid., p. 31.

⁴⁷⁶ Averseng M. Les conditions de l'habitat indigène (XIV) // *Le Journal général des travaux publics et du bâtiment*. – Alger, 1934. – 14 août. – No 917. – P. 1.

Примерами такого подхода являются проекты планировок туземных поселений, разработанные по заданию европейских коммун архитекторами последних⁴⁷⁷ (рис. 5). Такие поселения застраивались группами или блоками индивидуальных жилищ, каждое из которых, как правило, состояло из частично перекрытого хозяйственного двора 4×4 м со встроенным санузлом и жилой комнаты 4×5 м с очагом в углу. Упрощенным характером планировки и минимальными параметрами жилых ячеек эти туземные поселения напоминали скорее трудовые лагеря. Архитектурно-планировочное решение зданий, где отсутствовали функционально необходимые в Северной Африке патио, а дорогие в строительстве террасы заменялись совмещенными скатными кровлями, имело мало общего с традиционным туземным зодчеством. В этом же ключе были выполнены и типовые проекты туземных жилищ для сельской местности, которые в 1934 г. были рекомендованы к применению в Алжире⁴⁷⁸.

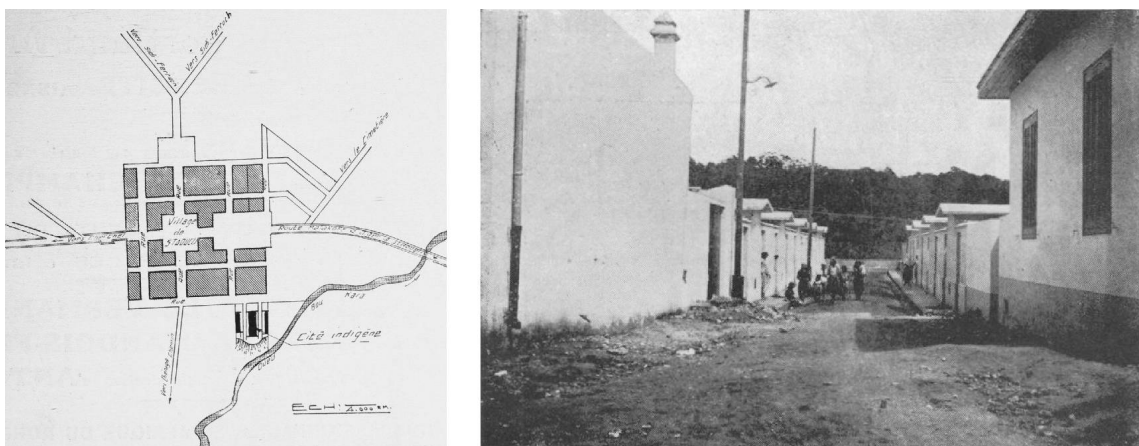

Рис. 5. Стауэль (Алжир). Проект туземного города при европейской деревне (1930-1931 гг.). Автор: арх. Р. Бруно. Генплан (туземный город выделен черным), 1929-1930 гг. Реализованная застройка (ул. Жюля Ферри). Фотография 1931 г.⁴⁷⁹. Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

Во-вторых, в начале 1930-х гг. серьезно изменилось социальное содержание программы модернизации туземной среды обитания, которая теперь получила не экономический, а коммерческий акцент. Теперь она была связана с «реализацией» так называемых «налоговых излишков» колониального бюджета и проводилась в интересах крупных финансовых кругов. Последние прежде всего были заинтересованы в освоении нового ис-

⁴⁷⁷ Bruno R. Quarante habitations pour indigènes à Staouéli (Alger) // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1932. – No 47 (décembre). – P. 953-954; Projet de création d'un village arabe [aux Ouled-Salah (Algérie)] dans la région de Tlemcen // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1932. – No 47 (décembre). – P. 966-967.

⁴⁷⁸ Habitations pour cités indigènes en Algérie // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1934. – No 7 (juillet). – P. 562-563.

⁴⁷⁹ Bruno R. Quarante habitations... Op. cit., p. 953, 954.

точника доходов: в строительстве туземного коммерческого жилья и ограничении программы территориальными рамками крупных городов. Основная идея такого туземного жилища состояла в том, чтобы создать типы дешевого жилья, арендная плата за которое была бы по карману возможно большим категориям туземцев. Целью такой жилищной программы было извлечение прибылей из туземного населения.

Ряд французских специалистов критиковал такой локальный, подход к развитию туземной среды обитания. Ведь если новое жилище и улучшало условия проживания туземцев, то в еще большей мере оно усиливало финансовый гнет, что неизбежно должно было воспроизводить в новых жилищных условиях все те негативные явления, которые уже были хорошо известны в Северной Африке: высокая плотность заселения, отсутствие благоустройства, антисанитария и т.д. Ведь покупательная способность туземных общин, «получающих эту улучшенную среду обитания», существенно не менялась⁴⁸⁰. В этом отношении программа модернизации одного лишь туземного жилища была бессмысленной.

Противники «концепции жилища» выдвигали программу модернизации инфраструктуры: «открытие новых дорог, облегчающих доступ к деревням, обустройство водопровода, создание новых школ, профессионально-технических служб, новых поликлиник». Это и есть «первостепенные потребности, которые доминируют во всей политике туземцев и их общественной жизни». Так, наличие дорог позволит туземцам доставлять местные строительные материалы, необходимые для строительства более современного и более комфортного жилища. В этом случае туземцы смогут сами построить то, что им необходимо⁴⁸¹. При этом первичными должны быть социально-экономические преобразования: «если мы предоставим [туземной] общине средства для получения более высоких доходов, либо позволим ей более легко и по более выгодным ценам продавать продукты ее труда, либо облегчим ей доступ с помощью образования к более выгодным профессиям, тогда мы создадим новые потребности, которые она сможет удовлетворить и которые позволят ей эффективно помогать в улучшении [колониального] бюджета»⁴⁸². Так, доступность профессионально-технического образования позволило бы туземцам «претендовать на более высокую заработную плату, тратить больше средств и тем самым внести заметный вклад в бюджет Алжира за счет притока новых косвенных налогов»⁴⁸³. Это и будет настоящей модернизацией как социальной, так и архитектурно-градостроительной сферы,

⁴⁸⁰ R. V. Ay sujet de l'habitat indigène // *L'Avenir de Bougie: l'Oued-Sahel*. – Alger, 1932. – 11 février. – No 58. – P. 1.

⁴⁸¹ Ibid.

⁴⁸² Ibid.

⁴⁸³ Ibid.

которая прежде всего должна охватить сельскохозяйственную среду и существующие поселения.

Очевидно, что подобные идеи, нацеленные на определенный рост социально-экономического значения туземцев и их закрепление на земле, входили в противоречие со сложившейся к этому времени практикой экономического развития большинства сельскохозяйственных районов французской Северной Африки. Созданные здесь европейцами колониальные экспортные хозяйства не нуждались в туземном крестьянине, напротив, их доходность определялась сохранением многомиллионной армии бесправных туземных чернорабочих, обреченных на вечные трудовые миграции и полуголодное существование.

В профессиональной архитектурной печати в 1930-е гг. было опубликовано очень небольшое число проектов туземного жилища для села, которое таким образом оставалось на периферии профессиональной архитектурной деятельности. Лишь в немногих проектах французские архитекторы стремились учесть местные культурно-бытовые и природно-климатические условия. Так, в проекте экономичного жилья для туземцев Марокко, опубликованном в 1934 г. (рис. 6), французский архитектор, «пожелавший остаться неизвестным», при минимальных планировочных параметрах сумел объединить принципы местной и современной архитектуры не только на уровне эстетики, но и функции. Он учел значение патио в местном климате и повседневной жизни туземцев, предусмотрел выгодную ориентацию жилых блоков и их естественное проветривание в жаркий период; применив шахматную структуру, дал интересное объемно-планировочное решение⁴⁸⁴.

Проект индивидуального жилого дома для садовников Сфакса (1937 г.), центра оливководства в Тунисе, свидетельствует, что подобные разработки, как правило, были связаны с теми крайне редкими случаями, когда имелись условия для ассоциации европейских капиталов и туземной рабочей силы⁴⁸⁵ (рис. 7).

⁴⁸⁴ *Architecte XXX. L'habitat indigène au Maroc // Les Chantiers nord-africains.* – Alger, 1934. – No 8 (aout). – P. 649.

⁴⁸⁵ *Bordaz R. La situation économique de l'Afrique du Nord. Op. cit., p. 660-661.*

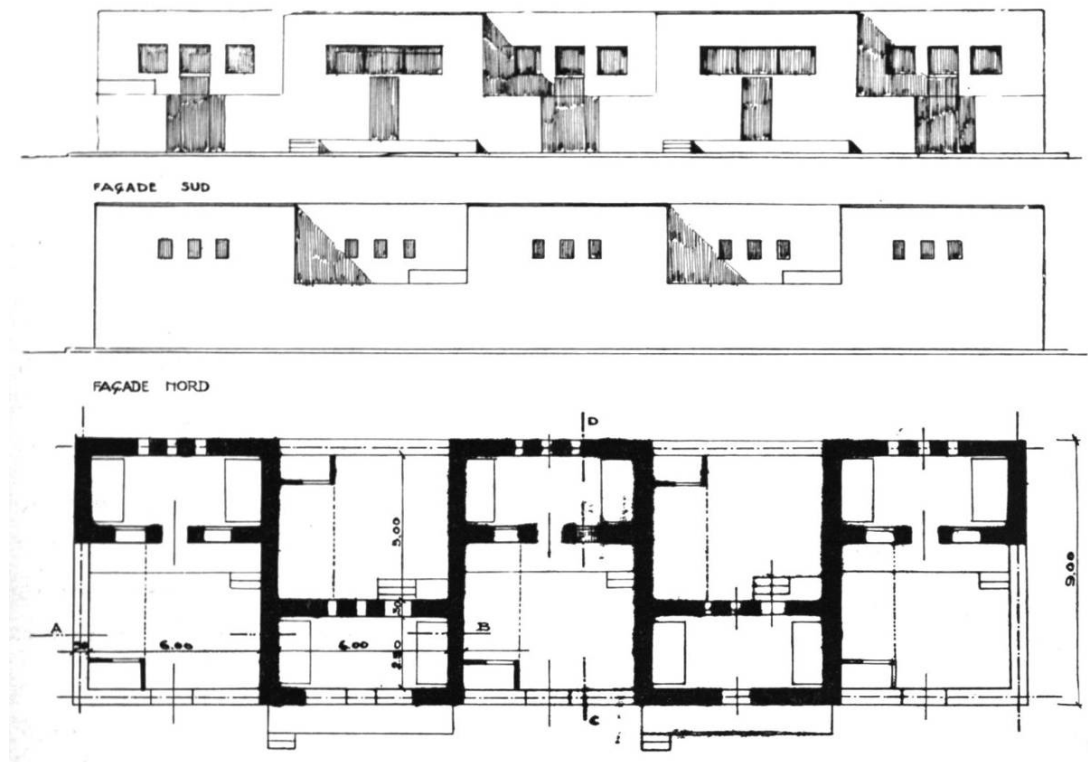

Рис. 6. Марокко. Проект экономического жилья для туземцев. Фасады (южный и северный). План. 1934 г.⁴⁸⁶. Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

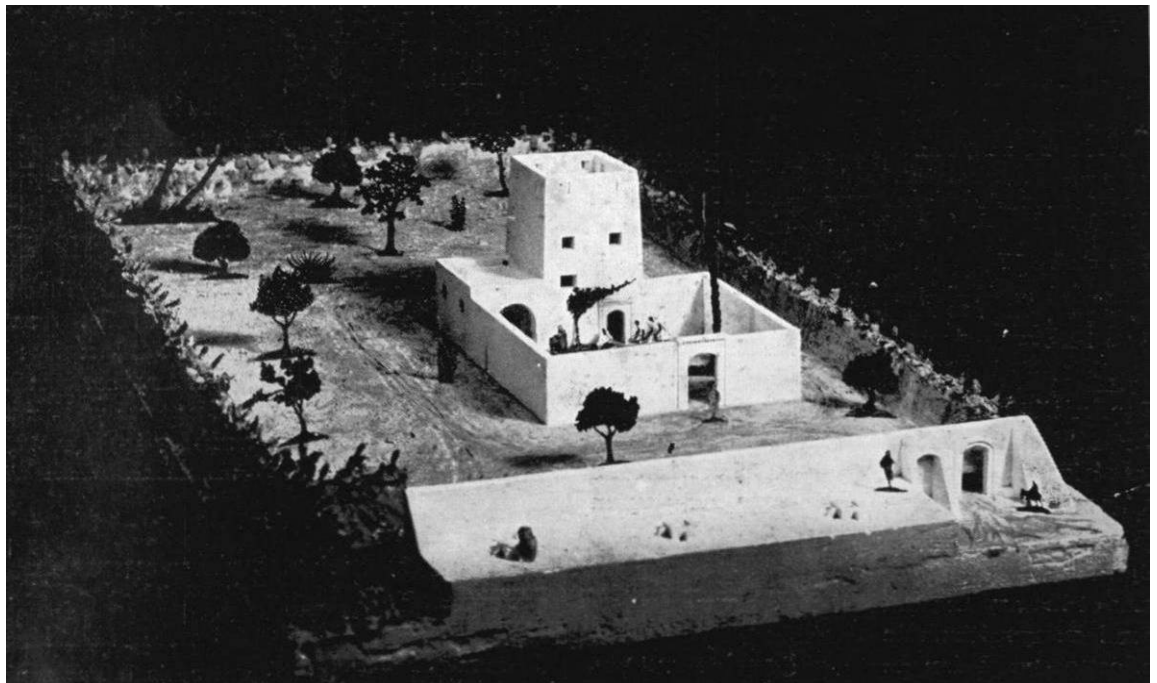

Рис. 7. Сфакс (Тунис). Типовой проект индивидуального жилого дома для семьи садовника. Макет. 1937 г.⁴⁸⁷. Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

⁴⁸⁶ Ibid., p. 649.

В Сфаксе олива была традиционной культурой, опыт ее возделывания имели как туземные крестьяне, так и оседающие кочевники. Соответственно европейцам было выгодно опираться на туземную рабочую силу и традиционные методы ведения хозяйства. Вследствие специфики этой культуры, которая начинает плодоносить только через 8-12 лет и предполагает круглогодичную занятость, сами колонизаторы оказались заинтересованы в долгосрочном кредитовании арендаторов и закреплении опытных садоводов на земле. Благодаря этому в Сфаксе уже к началу XX в. были созданы огромные оливковые плантации. «Оливковый лес Сфакса» («forêt d'oliviers de Sfax») считался одним из «чудес» французского колониального «гения» и представлял собой сплошные посадки многих миллионов оливковых деревьев, которые идеально ровными рядами простирались на десятки километров до самого горизонта. Дом сфакского садовника, расположенный в центре индивидуального сада, представлял разительный контраст с традиционной арабской деревней, лишенной озеленения, и, казалось бы, воплощал европейский идеал жилища «цивилизованного туземца». Однако этот дом не мог стать моделью для всей Северной Африки, так как уникальный характер его архитектурно-пространственного решения был связан с исключительными природно-климатическими, историческими и социально-экономическими условиями конкретного географического пункта⁴⁸⁸.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОРОДОВ

Аналогичные процессы вытеснения туземного населения из исконных мест обитания активно происходили во второй половине 1920-х – 1930-х гг. и в большинстве колониальных городов французской Северной Африки. Здесь происходила своего рода двойная урбанизация. С одной стороны, в самих городах происходила перегруппировка и уплотнение туземного населения, которое вытеснялось муниципалитетами из наиболее привлекательных для коммерческого строительства прибрежных районов. С другой стороны, в города постоянно прибывало обезземеленное туземное крестьянство. Все это население концентрировалось либо в «верхних городах» («касбах», «мединах») или в стихийно складывавшихся трущобных поселениях – так называемых «бидонвиях», расположенных на периферии городов.

Ключевым принципом колониального градостроительства первой половины XX в., в том числе и во французской Северной Африке, был принцип сегрегации по расовому

⁴⁸⁷ Les villas arabes de Sfax (Tunisie) // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1937. – No 4 (avril). – P. 220.

⁴⁸⁸ Ibid.

принципу: резкое разделение туземного и европейского населения на территории городов. Как правило, каждый колониальный город в Алжире, Марокко и Тунисе состоял из двух частей (рис. 8, 9):

1) Во-первых, из нового европейского города, имевшего европейскую регулярную планировку и застройку, развитое благоустройство и озеленение. В начале XX в. в прибрежной части ряда приморских городов сложились узкие полосы европейской многоэтажной застройки, образовавшие эффектный современный «морской фасад», который закрыл вид на старые туземные районы со стороны моря.

2) Во-вторых, из старого, как правило, средневекового, туземного города, который имел иррегулярную планировку и застройку, был изначально лишен какого бы то ни было благоустройства и озеленения. В течение конца XIX – первой трети XX вв. процессы урбанизации привели к резкому росту населения туземных районов и появлению здесь кризисных явлений, которые двумя-тремя веками ранее имели место в европейских городах: высокие заболеваемость и смертность, нищета и т.д.

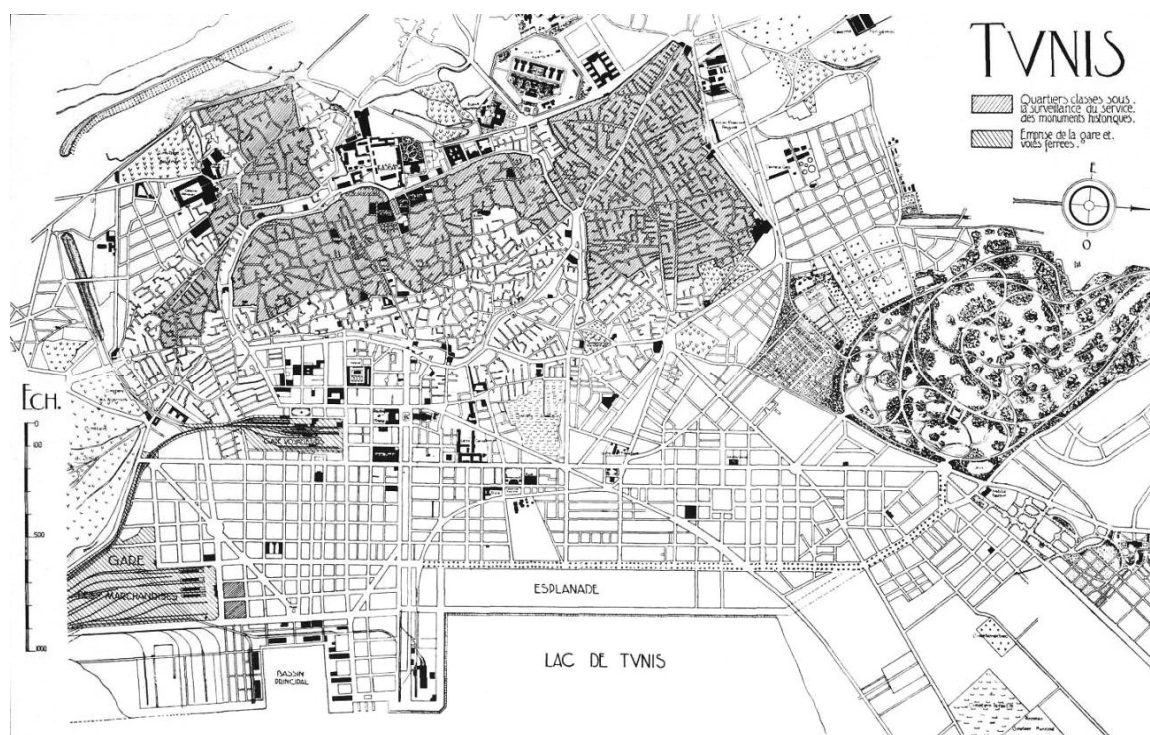

Рис. 8. Тунис. План города, 1931 г.⁴⁸⁹. Источник: colonialarchitecture.eu / Colonial architecture & town planning.

Необходимость модернизации этих неблагополучных территорий ни у кого не вызвала сомнений. В 1920-х – начале 1940-х гг. среди французских колониальных архитек-

⁴⁸⁹ *Municipalité. L'Urbanisme à Tunis // L'Urbanisme aux colonies et dans les pays tropicaux. Communications et rapports du Congrès International de l'urbanisme aux colonies et dans les pays de latitude Intertropicale. Tome I / Comp. et éd. J. Royer. – La Charité-sur-Loire: Delayance, 1932. – P. 57.*

торов сложилось два основных подхода к модернизации туземных районов. Первый подход был связан с последовательной реализацией принципа расовой сегрегации и основывался на изменении социального зонирования городов. Подход предполагал удаление неблагополучного в социальном отношении туземного населения, снос туземной застройки и создание кварталов многоэтажной застройки европейского типа. Реализация таких проектов неизбежно вела к формированию застройки более высокой доходности, что отражалось на улучшении санитарно-гигиенической обстановки, благоустройства и т.д. Второй подход, напротив, был нацелен на последовательную интеграцию туземных сообществ в европейскую цивилизацию. Сторонники этого подхода доказывали необходимость благоустройства туземных кварталов, сохранения исторически ценной средневековой застройки (а не только отдельных памятников) и необходимость социально-экономических реформ. Если в первом подходе улучшения фактически связывались с резким изменением зонирования и радикальной архитектурно-планировочной трансформацией среды, то во втором случае главной была установка на преемственное развитие и улучшение сложившихся сообществ и архитектурной среды.

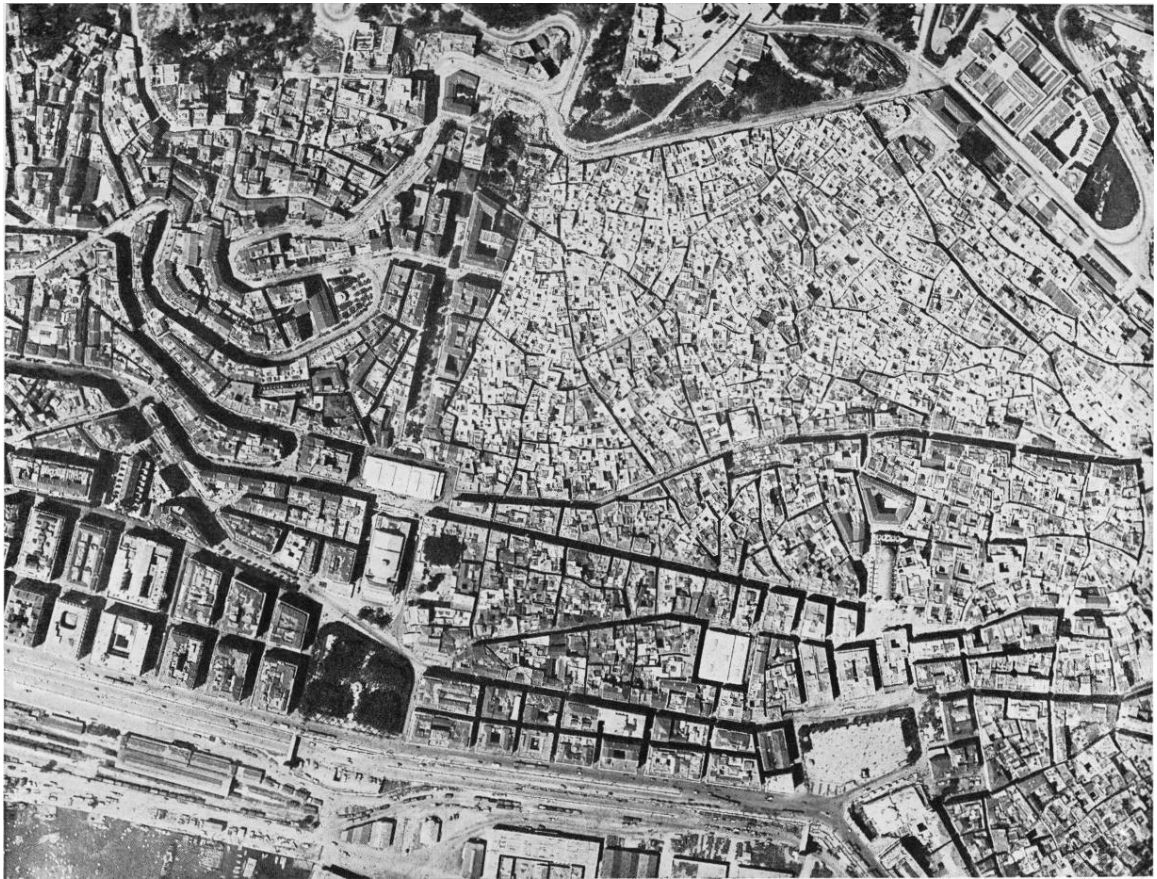

Рис. 9. Алжир. Старый центр. Аэрофотоснимок начала 1930-х гг.⁴⁹⁰. Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

В градостроительстве сегрегация обосновывалась не только политическими, но и гигиеническими причинами. Так, в 1935 г. врач-гигиенист Марсель Леже (Marcel Leger), бывший директор Института Пастера в Дакаре и советник Высшего совета по общественной гигиене, писал в журнале «Урбанизм»: «санитарные причины, которые говорят в пользу сегрегации, имеют первостепенное значение и неоспоримы». Это связано с тем, что «туземцы фактически являются [естественными] резервуарами вирусов для некоторых местных болезней, от которых [европейцам] полезно держаться подальше. Мы знаем, какую важную роль они играют в сохранении эндемичной малярии. Теперь мы также знаем, что они не застрахованы от желтой лихорадки [...] Туземцы также переносят серьезные кишечные заболевания, такие как амебная и бактериальная дизентерия, или такие опасные, как холера; хронические или здоровые носители микробов, они выглядят вполне здоровыми, но, тем не менее, опасны при прямом контакте и через насекомых [...] Наконец, дома аборигенов, находясь обычно в плохом состоянии, привлекают крыс, блохи которых являются основными возбудителями чумы». Поэтому речь должна идти о сегрегации ту-

⁴⁹⁰ *Lespès M.R.* La vieille ville d'Alger-centre. Etude régionale: le passé, le présent et les projets d'avenir. [Volume] II // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1934. – No 3 (mars). – P. 223.

земцев не только в городах, но и «в деревнях или, по крайней мере, в районах, прилегающих к европейским поселениям»⁴⁹¹.

Аналогичные соображения выдвигались против смешанных объектов соцкультбыта, в частности школ: «Каким образом [туземный] ребенок сможет быть чистым, если он живет в гурби, каким образом назначаемое больному лечение сможет быть эффективным, если он спит на циновке среди коз? [...] Как пользоваться мылом, если нет воды?». А в результате туземный ребенок «принесет в смешанную школу возбудителей эпидемии, первыми жертвами которой станут молодые европейцы»⁴⁹². Таким образом, в основе идей сегрегации лежало резкое социальное расслоение туземного и европейского населения.

Градостроительный подход, основанный на сегрегации туземного населения, что было вполне логичным, ставил во главу угла не колониальный город в целом, а только европейскую его часть. Так, архитектор М. Гриссонанш (M. Grissonnanche) в 1934 г. писал в отношении генплана Марракеша (Марокко), что речь не идет о целостном и полноценном градостроительстве (*urbanisme intégral*): «мы должны понимать здесь только европейскую агломерацию, всего лишь зародыш города»⁴⁹³.

Для понимания подходов к модернизации архитектурной среды североафриканского города показательна дискуссия, развернувшаяся в начале 1930-х в связи с предстоящим сносом так называемого Морского квартала (*quartier de la Marine*) в Алжире. Морской квартал был нижней частью древней касбы (*Casbah*), где проживало туземное население. Однако, в то время как трудную в освоении верхнюю часть касбы после непродолжительной дискуссии было решено сохранить в качестве туристической достопримечательности, более привлекательная в коммерческом отношении нижняя часть, Морской квартал, подлежала сносу и перепланировке⁴⁹⁴.

Колониальная печать и ряд архитекторов приветствовали предстоящий снос, особенно подчеркивая резкий контраст между старой застройкой и новым проектом. Так, публицист и архитектор Жан Котеро (Jean Cottereau), сторонник идей современной архитектуры, восторженно писал в мае 1932 г.: «Совершенно бессмысленно подчеркивать контраст! Вместо анархического города, охваченного недоверием и злобой, чистый и воздушный город, похожий на европейский гений. [...] То, что было джунглями, превращает-

⁴⁹¹ Leger M. L'Habitation coloniale du point de vue médical // *Urbanisme: revue mensuelle de l'urbanisme français*. – Paris, 1935. – No 36 (mai). – P. 198.

⁴⁹² Madmon R. Comment peut être... Op. cit., p. 1.

⁴⁹³ Grissonnanche M. L'Urbanisme à Marrakech // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1934. – No 1 (janvier). – P. 60-61.

⁴⁹⁴ Мировой экономический кризис 1930-х гг. и необходимость расселения многотысячного населения Морского квартала задержали работы по реконструкции до окончания Второй мировой войны.

ся во французский сад». Старая планировка свидетельствует о «нездоровой сложности квартала. Здесь проявляются узость и иррегулярность улиц, причудливая форма зданий и их запутанность. В некоторые дома можно попасть только через тупики или иногда через закрытые коридоры»⁴⁹⁵. Как свидетельствует проект перепланировки, основная идея состояла в практически полной ликвидации всей существующей туземной застройки (сохранились лишь отдельные памятники) и исторической уличной сети и замене их на европейскую, с крупными кварталами, широкими и прямыми улицами, которые «нацеливались» и раскрывались на набережную. В результате закрытая средневековая планировка сменялась открытой (рис. 10).

Показательно, что невзгоды туземного района связывались не с социальными факторами и бедностью населения, которое там проживало, а с архитектурной средой. Получалось, что во всем виновата эта архитектурная среда, она-то и должна быть уничтожена, снесена, уступив место архитектурной среде европейского типа. Соответственно, даже не ставился вопрос о возможном благоустройстве этого района, санитарно-гигиенических мероприятиях и т.п., и, тем более, социальных преобразованиях. При этом тот же Котеро приводил факты, которые противоречили его же оценкам. Например, обнаруживается, что плачевное санитарное состояние и разрушения зданий были связаны не с архитектурой и планировкой, а с чрезвычайной уплотненностью района (1376 чел./га) и с отсутствием у местного населения средств на вывоз мусора, благоустройство, ремонт и т.д.⁴⁹⁶.

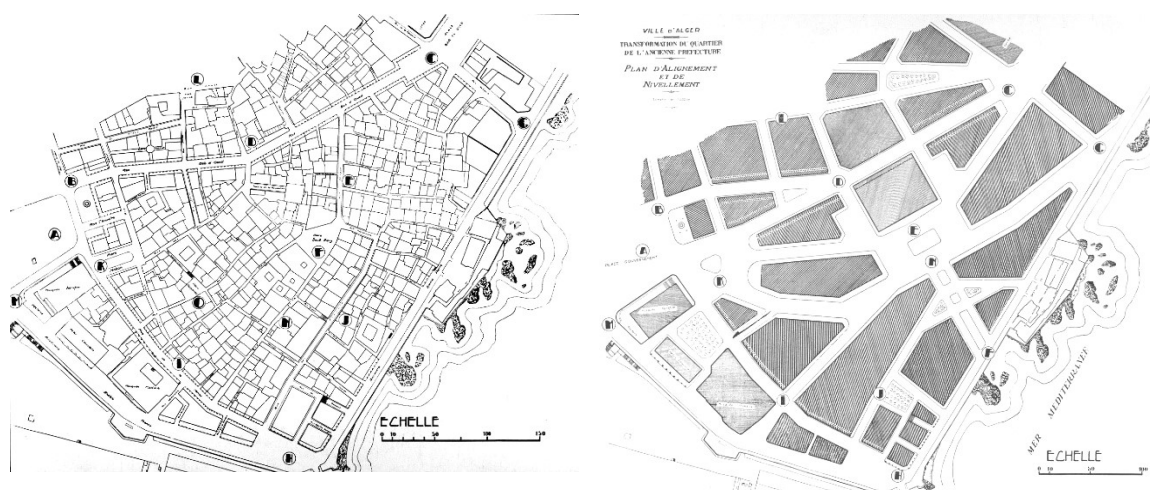

Рис. 10. Алжир. Проект перепланировки Морского квартала, 1932 г.: существующая планировка; проект⁴⁹⁷. Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

⁴⁹⁵ J.C. L'Agonie d'un quartier // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1932. – No 5 (mai). – P. 392.

⁴⁹⁶ Ibid., p. 384.

⁴⁹⁷ Ibid., p. 390, 391.

Таким образом, при разработке планов реконструкции Морского квартала в Алжире проявился подход, нашедший яркое выражение еще при реконструкции Парижа во второй половине XIX в. Жоржем Эженом Османом. Вместо благоустройства рабочих и неблагополучных районов производился их снос и замена высокорентабельной застройкой – то есть, изменение социального зонирования города. Сходными, как следует из статьи Котеро, были и цели реконструкции Алжира: «украшение города», повышение ценности зданий, поощрение и облегчение нового доходного строительства, удаление из центра «неблагополучных» районов, вложение капиталов в недвижимость и обеспечение работой неимущего, прежде всего, туземного, населения⁴⁹⁸.

Морской квартал в Алжире не был исключением: аналогичные проекты с раскрытием застройки на море и сносом туземной застройки были разработаны в 1920-х – начале 1930-х гг. и для других городов Северной Африки (рис. 11).

Реконструкция Морского квартала должна была сопровождаться выселением жителей и их переселением на периферию города. Жан Котеро не видел в этом фактическом изменении зонирования ничего предосудительного: «Что касается несчастных жителей трущоб, которые слишком долго сохранялись, они ничего не потеряют при переменах, переселенные, они окажутся в просторных светлых домах, [...] в населенных пунктах, где они дружески объединятся, избавленные только от факторов нищеты, болезней и смерти»⁴⁹⁹.

Восторженно говорил о предстоящем сносе Морского квартала и Ле Корбюзье (Le Corbusier), побывавший в Алжире в феврале 1933 г. Итогом его впечатлений от этой поездки стала статья «Химеры или здравый смысл?». Корбюзье доказывал, что необходимо «разрывать объятия прошедших веков, в то время как они загромаждают землю устаревшими органами, похожими на какие-то трупы». Таковы все эти Морские кварталы и поэтому надо решительно «выметать эти заплесневелые органы, отбрасывать подальше эти городские трупы». Корбюзье поддержал и изменение зонирования: ведь «именно в этом месте Алжира должны быть офисы. Вы будете снимать эти офисы в два-три раза дороже, чем снимаете квартиры; квадратный метр офисных площадей обойдется вам намного дешевле квадратного метра квартир. Банкиры, вы можете заработать много денег и спасти Алжир от роковой ошибки, и с этого начнется эра великих работ»⁵⁰⁰.

⁴⁹⁸ Ibid., p. 394.

⁴⁹⁹ Ibid.

⁵⁰⁰ *Le Corbusier. Chimère ou bon sens? // Les Chantiers nord-africains. – Alger, 1933. – No 3 (mars). – P. 241.*

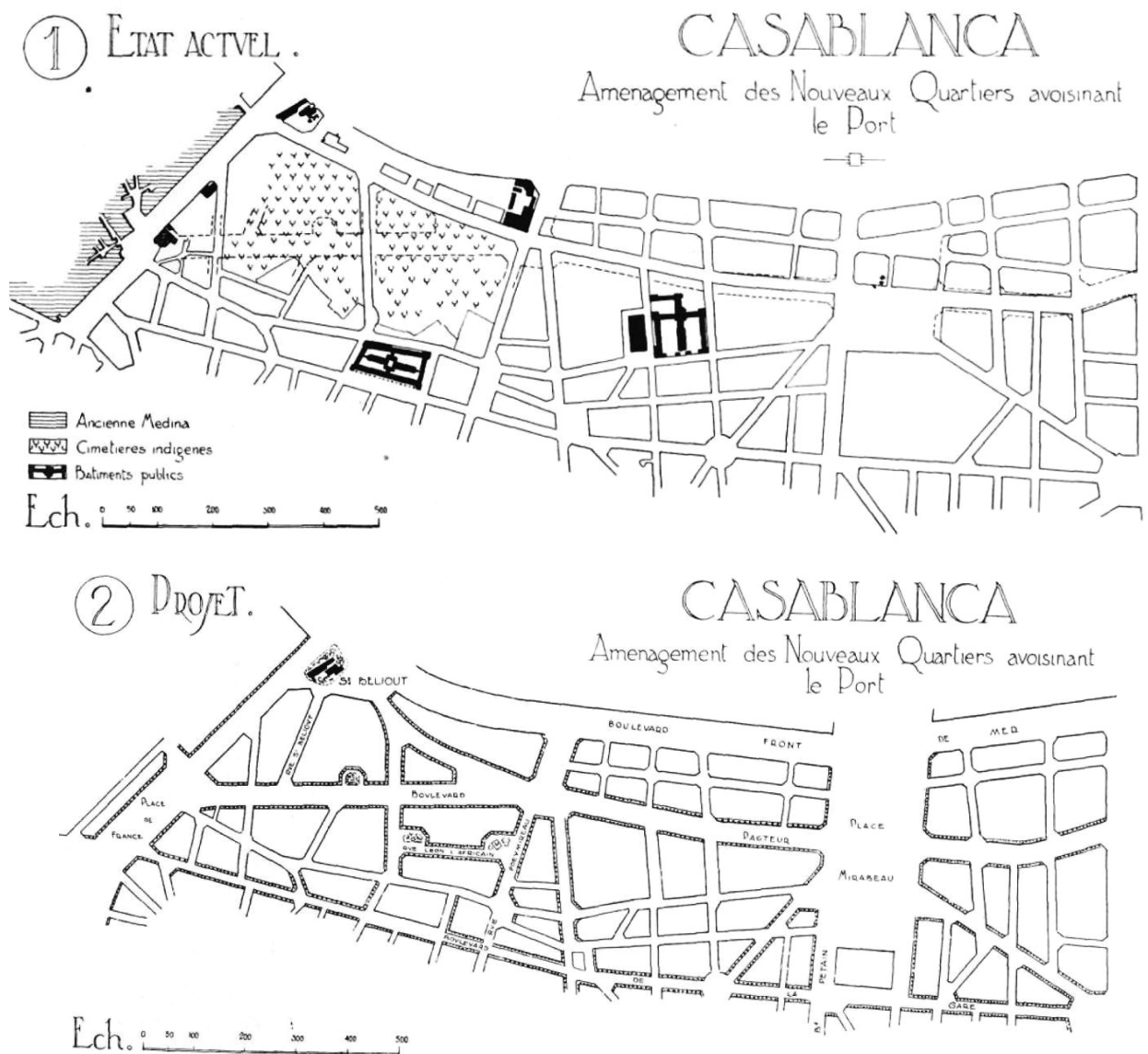

Рис. 11. Касабланка (Марокко). Проект перепланировки кварталов вблизи порта⁵⁰¹: 1) Состояние на 1930 г.; 2) Проект 1930-1931 гг. Источник: colonialarchitecture.eu / Colonial architecture & town planning.

В своем стремлении к модернизации Корбюзье шел дальше. Он считал, что создание в приморской части Алжира делового города (*cité d'affaires*), «приносящего огромные прибыли», должно стать только «первым этапом нового движения», направленного на градостроительное завоевание старого туземного города. Он призывал алжирских коллег исходить «из здравого смысла» и, используя потенциал современных технологий и финансовых интересов, осуществить второй этап: «завоевать в Алжире, в самом красивом, но пока недоступном месте, землю, способную последовательно принять 200 000 чело-

⁵⁰¹ Durand M.E. L'Evolution de l'Urbanisme dans le Protectorat du Maroc, de 1923 à 1931 // *L'Urbanisme aux colonies et dans les pays tropicaux*. Op. cit., p. 85.

век»⁵⁰². Проект реконструкции Морского квартала, предложенный Корбюзье в 1933 г. отражал эти радикальные тенденции (рис. 12).

Никакой перепланировки и исправления уличной сети. Вся территория Морского квартала полностью «поглощалась» (*absorbée*) чудовищной по размерам и высоте (158 м) башней нового делового центра. От этой башни к холмам Форта-эль'Эмперор, через территорию древней Касбы, прокладывался двухъярусный виадук с автомагистралями. На холмах проектировался комплекс гигантских червеобразных жилых корпусов (*immeubles vermiculaires*), которые Корбюзье назвал «редутами» (*redents*). В колоссальных пилонах виадука, которые во многих местах должны были врезаться в историческую застройку Касбы, располагались лифты и подъемники для людей и автомобилей. Показательны две пометки, которые Корбюзье сделал к своему проекту 20 января 1933 г.: «Офисы, очень низкая цена строительства, огромный доход», «Касба спасена (дворцы и дома)»⁵⁰³.

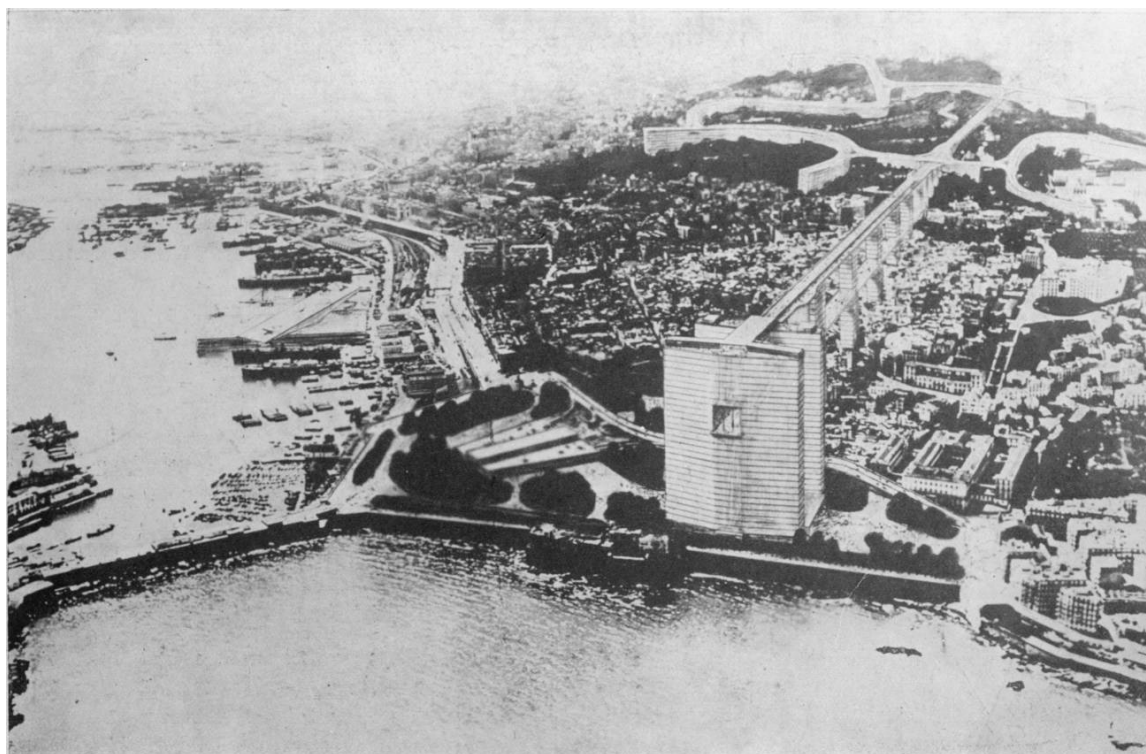

Рис. 12. Алжир. Проект делового центра на месте Морского квартала (Проект «С»). Общий вид. Автор: арх. Ле Корбюзье, 1933 г.⁵⁰⁴. Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

⁵⁰² Ibid., p. 241-242.

⁵⁰³ Ibid., p. 279, 281-283.

⁵⁰⁴ [Cotereau M.J.]. L'Exposition d'urbanisme. Présentation des œuvres exposées, par M.J. Cotereau // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1933. – No 3 (mars). – P. 281.

Корбюзье не был одинок в таком подходе к туземному городу, когда последний рассматривался как неизбежное зло, а основные градостроительные проблемы решались исключительно при помощи ультрасовременной техники. В 1930-е гг. французскими колониальными архитекторами был опубликован ряд идей и конкретных проектных предложений, где освоение «верхних городов» прямо связывалось с новыми техническими достижениями того времени: подъемниками, лифтами, виадуками, тоннелями и т.д. В частности, считалось, что если нельзя приспособить для массового автомобильного движения поверхность верхней части города, то нужно устранить ее недостатки техническими средствами, прокладывая тоннели под землей. В целом эти проекты символизировали идеи градостроительной сегрегации. Те же виадуки, гигантские железобетонные сооружения, были призваны объединять не весь колониальный город, а лишь его европейские анклав, сводя вынужденные контакты европейцев с туземной средой к минимуму. При этом туземные районы словно бы удалялись из градостроительной реальности – оказывались где-то далеко внизу, на самом «дне» города, вместе со всеми своими нерешенными проблемами и все более разрушавшейся застройкой...

В инженерно-техническом ключе был выполнен и другой, несколько более ранний, проект Ле Корбюзье для Алжира (1931-1932 гг.)⁵⁰⁵. Проект учитывал специфику местных топографических условий – характерные проблемы приморских городов Северной Африки: дефицит земли, ленточный характер площадок, пригодных для строительства, а также большие перепады высот. В этих условиях для организации удобных транспортных связей пришлось бы строить мосты-виадуки – эти ажурные конструкции из армированного бетона присутствуют в целом ряде проектов для Алжира и Марокко 1930-х гг. (рис. 13). В этом отношении идея Корбюзье об объединении здания с инженерным сооружением, идея создания здания-виадука, может считаться закономерной. Однако обращает на себя внимание обратная сторона этих проектов – их техницизм, сосредоточенность на инженерно-технических аспектах. Корбюзье не затрагивал проблему жилищных условий туземного населения. Из его статьи о проекте 1931-1932 гг. трудно понять, предполагал ли он хотя бы частичное расселение в этом дорогом доме-виадуке туземцев или этот проект, как и проект делового центра 1933 г., предназначался исключительно для имущего, а значит, европейского, населения колонии.

⁵⁰⁵ *Le Corbusier et P. Jeanneret. Projet d'urbanisation de la Ville d'Alger (1931-32) // Les Chantiers nord-africains. – Alger, 1933. – No 2 (février). – P. 133-146.*

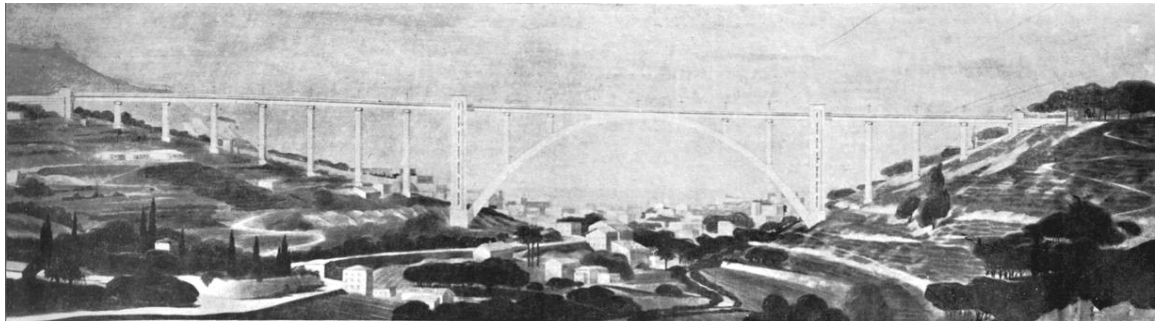

Рис. 13. Оран (Алжир). Проект железобетонного моста через ущелье Рас-эль-Айн. Автор: инж. Э. Фрейссине (?). Проектное бюро компании «Лимузен», середина 1930-х гг.⁵⁰⁶.
Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

Среди французских архитекторов, не разделявших и осуждавших идеи сегрегации может быть отмечен активно занимавшийся проектированием туземного жилища архитектор Франсуа-Мари Бьенвеню (Francois-Marie Bienvenu). В своих выступлениях, статьях и проектах он отстаивал иной подход к модернизации туземной среды обитания.

В отличие от Корбюзье, Бьенвеню считал, что в колониальном градостроительстве первой должна решаться проблема размещения туземного населения, которая является «ключевой проблемой, от которой зависят все остальные: санитария, транспорт, экономическое развитие, благоустройство»⁵⁰⁷.

Из статей Бьенвеню следует, что он был сторонником постепенной адаптации туземцев к европейскому образу жизни⁵⁰⁸. Для понимания взглядов архитектора может служить его доклад на Выставке урбанизма и современной архитектуры, прошедшей в Алжире 17-26 февраля 1933 г., в котором Бьенвеню сравнил туземное население французских колоний с «народом робинзонов», который наконец-то «воссоединился с остальным миром»⁵⁰⁹. На обеспечение архитектурными средствами этого воссоединения и интеграции с европейской цивилизацией, и должна быть направлена профессиональная деятельность колониального архитектора.

В 1933 г. Бьенвеню писал о том, что отсутствие продуманной концепции модернизации туземного сообщества поставило перед архитекторами, занимавшимися вопросами туземного жилища, неразрешимые методологические проблемы. Между проектировщиками неизбежно возникла полемика: «Должны ли они проектировать и строить дома, ко-

⁵⁰⁶ Verny M. Notes sur l'Urbanisme à Oran // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1937. – No 1 (janvier). – P. 65.

⁵⁰⁷ Bienvenu F.[M.] L'habitable indigène et les quartiers musulmans // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1933. – No 3 (mars). – P. 246.

⁵⁰⁸ Bienvenu M.F. Les conditions de l'habitat indigène (VI) // *Le Journal général des travaux publics et du bâtiment*. – Alger, 1934. – 15 juin. – No 900. – P. 1.

⁵⁰⁹ Bienvenu F.[M.] L'habitable indigène et les quartiers musulmans. Op. cit., p. 245.

торые удовлетворяли бы нынешнему образу жизни мусульман? Или, планируя адаптацию туземцев к нашему образу жизни, они должны предусмотреть жилища, похожие на наши собственные, на те, которые будут нашими?». При этом «некоторые утверждали, что предоставление туземцу жилья, спроектированного в соответствии с современными правилами гигиены, вызовет у него потребности, несовместимые с его зарплатой. В их глазах это было серьезной угрозой для сельского хозяйства и промышленности. Другие возражали, что в этом случае более утонченный и более широкий по спектру стиль жизни населения, активизируя коммерческие сделки, может только благотворно повлиять на все сферы деятельности колонии; что создание потребностей и, прежде всего, гигиенических потребностей стало необходимостью, от которой, в конечном итоге, выиграет само европейское сообщество»⁵¹⁰. Как с фатализмом отмечал Бьенвеню, «споры не были завершены, каждый остался при своей точке зрения»⁵¹¹.

На основе опыта проектирования и строительства туземного жилища (рис. 14, 15) Бьенвеню пришел к убеждению о необходимости интеграции современной и туземной архитектуры и оспаривал мнение коллег о неразрешимости этой проблемы. Да, есть финансовые, этнические, психологические трудности, но «давайте просто скажем, что эти трудности не предполагают чрезвычайных решений, что требуется большая широта видения, но также и терпение, мера и особенно согласованность; что не все местные обычаи несовместимы с современным дизайном среды обитания; что можно с небольшими затратами и без ущерба для семейных привычек мусульман спроектировать просторное, светлое жилье, снабженное элементами, необходимыми для хорошего физического здоровья или даже относительного комфорта, жилище, эстетика которого привычна для глаз, отвечает пожеланиям тех, для кого оно предназначено, без того, чтобы эта эстетика существенно отличалась от нашего современного стиля»⁵¹².

По Бьенвеню модернизация традиционной мавританской архитектуры должна была основываться на тщательном изучении местной специфики и глубоком понимании туземного менталитета, чтобы побудить туземное население «воспользоваться преимуществами западных технических достижений»⁵¹³. Бьенвеню оспаривал мнение ряда своих коллег о том, что туземец даже в городе должен жить только в «традиционной», одноэтаж-

⁵¹⁰ Ibid., p. 246.

⁵¹¹ Ibid.

⁵¹² Ibid.

⁵¹³ Cotereau M.J. Aux «Architectes Modernes» (M.Ch. Montaland et M.F. Bienvenu) // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1933. – No 6 (juin). – P. 609.

ной, постройке: «лучше предоставить ему здоровое жилище в многоэтажном жилом доме, чем трущобу на уровне земли»⁵¹⁴.

⁵¹⁴ *Bienvenu M.F.* Les conditions de l'habitat indigene (VI). Op. cit., p. 2.

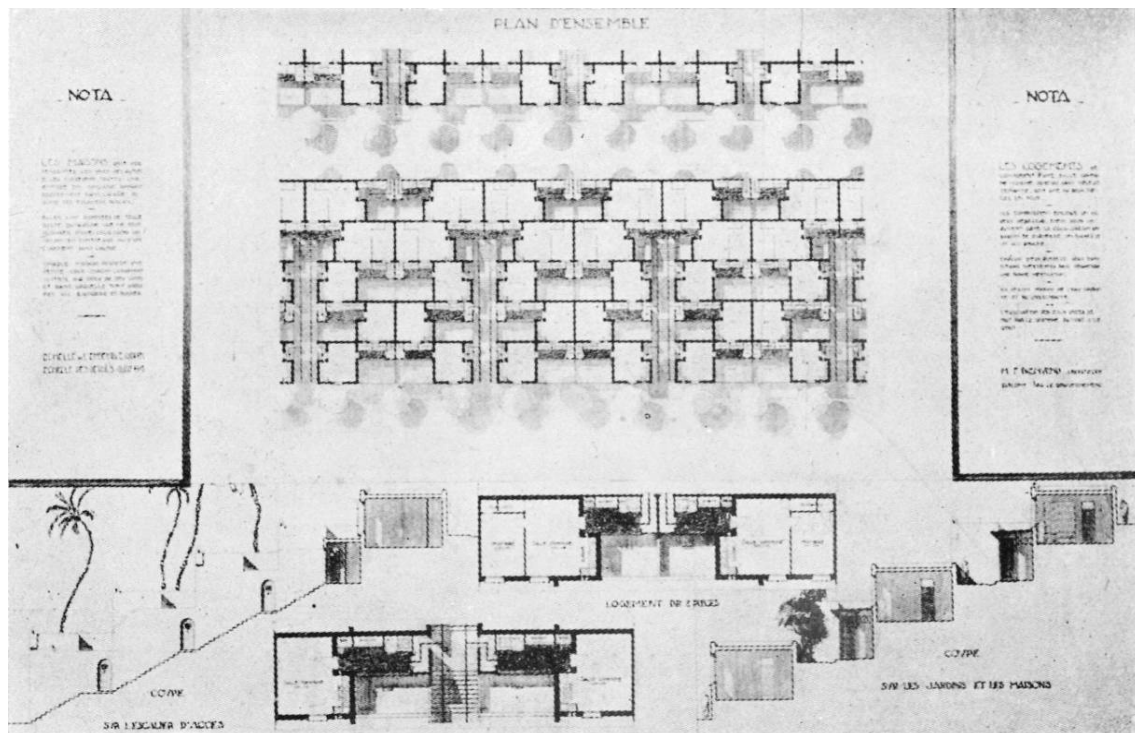

Рис. 14. Алжир. Проект туземного города в Клима-де-Франс. Индивидуальные жилые дома. Общий вид. Планы, разрезы. Автор: арх. Ф.-М. Бьенвеню, 1933 г.⁵¹⁵
 Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

⁵¹⁵ [Cotereau M.J.]. L'Exposition d'urbanisme... Op. cit., p. 267.

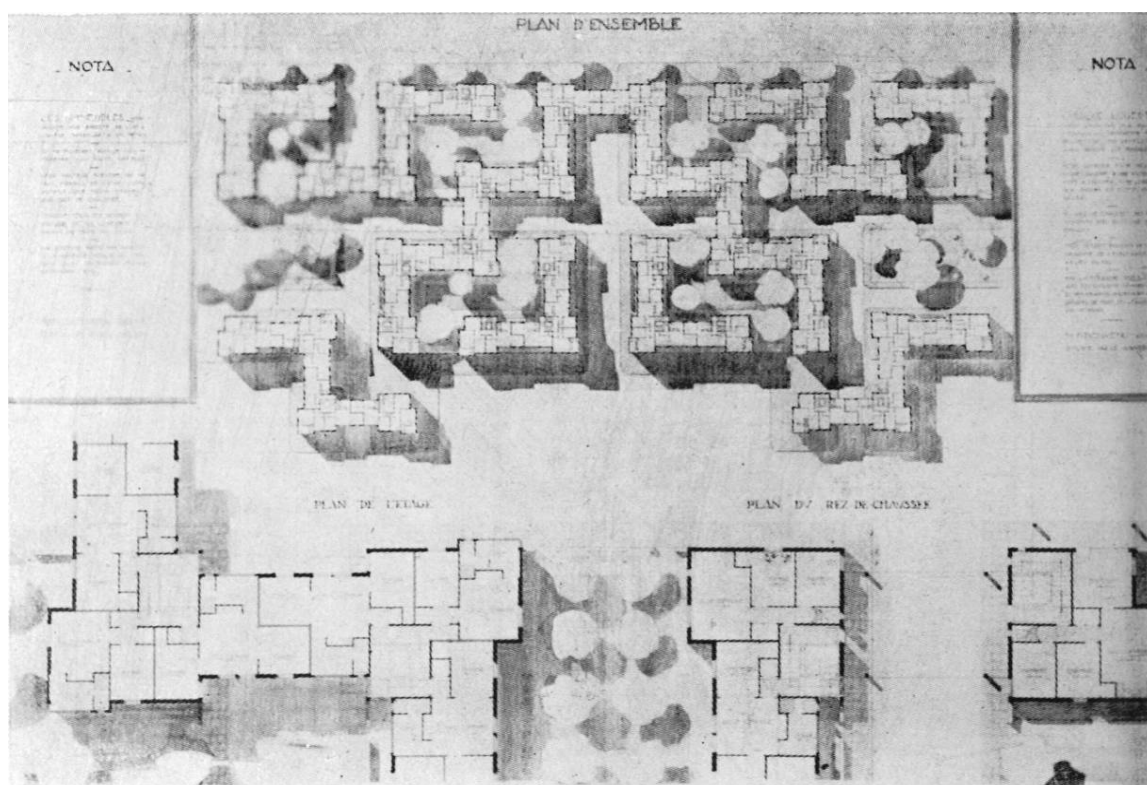

Рис. 15. Алжир. Проект мусульманского города (cité musulmane) в Клима-де-Франс. Коллективное жилище. Фасады. Общий план. Автор: арх. Ф.-М. Бьенвеню, 1933 г.⁵¹⁶.
Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

Еще более новаторскими были идеи Бьенвеню в сфере колониального градостроительства. Один из немногих, он был противником создания так называемых «туземных городов» (cités indigènes) и критиковал создание подобных анклавов в Касабланке: «Нужно ли создавать специальные города для каждой расы? Ставить вопрос таким образом – значит ставить его неправильно»⁵¹⁷. Ведь такая градостроительная формула законсервирует разделение европейского и туземного сообществ и этим помешает постепенной адаптации последнего⁵¹⁸. Складывающемуся у него на глазах колониальному коммерческому городу, нацеленному на извлечение прибылей, Бьенвеню противопоставлял почти еретическую для колониального мировоззрения идею города для рабочих: «Давайте сегодня не будем забывать, что туземные жители наших городов в основном являются мелкими служащими, чернорабочими и поденными рабочими, поэтому давайте создадим рабочие города (cités ouvrières), которых так не хватает во всех наших крупных центрах, чтобы разместить в них наших мусульманских рабочих в хороших условиях. Я скажу, пусть лучше

⁵¹⁶ Ibid., p. 268.

⁵¹⁷ *Bienvenu M.F.* Les conditions de l'habitat indigene (VI). Op. cit., p. 1.

⁵¹⁸ Ibid.

их возможности будут ограничены низкой заработной платой, чем их расой»⁵¹⁹. Соответственно, при разработке генеральных планов алжирских городов такие районы следовало рассматривать как обычные рабочие районы, с градостроительными проблемами «в целом такими же, как и во Франции: близость к местам работы, доступность, быстрые и дешевые средства сообщения и т.д.»⁵²⁰. Бьенвеню был членом Алжирского отделения Общества современных архитекторов (*Société des architectes modernes*) и, как и многие французские архитекторы с левыми взглядами, был уверен, что главные различия между людьми не расовые и не религиозные, а социальные: «Обычаи меняются, социальное положение остается»⁵²¹.

Идея интеграции современной и туземной архитектуры для Бьенвеню определялась отказом от разделения европейского и туземного города. Действительно, если между европейскими и туземными районами нет принципиальной градостроительной разницы, то к чему создавать искусственное различие и тем более противопоставление на уровне архитектурного облика? Поэтому Бьенвеню был противником стилизации и архаизации – прямого воспроизводства мавританских декоративных мотивов – не только в силу приверженности идеям современного стиля: «Не будем говорить о мавританской архитектуре под тем предлогом, что эти сооружения предназначены для размещения мусульман», не туземный стиль обеспечит реальную защиту туземцев. Для адаптации архитектурного облика зданий к обычаям местного населения вполне достаточно туземных реминисценций (*réminiscence indigène*)⁵²².

В мае-августе 1934 г. на страницах ведущего издания французской Северной Африки, «Генерального журнала общественных работ и строительства» («*Le Journal général des travaux publics et du bâtiment*»), прошла широкая дискуссия по проблемам развития и модернизации туземной среды обитания, в которой приняли участие архитекторы, колониальные чиновники и публицисты. Одним из важнейших вопросов стал важный для колониального градостроительства первой половины XX в. вопрос о сегрегации (*séparation*) – разделении туземного и европейского населения в городах французской Северной Африки. Дискуссия быстро перешла в полемику, которая дала богатый фактический материал. Как писала, подводя ее итоги, редакция газеты: «Вопрос о разделении (*séparation*) или смешении (*mélange*) туземцев с французами вызвал блестящий обмен аргументами с обеих сторон. Что касается разделения, то утверждалось, что оно позволяет избежать кон-

⁵¹⁹ Ibid.

⁵²⁰ Ibid.

⁵²¹ Ibid.

⁵²² Ibid., p. 2.

фликтов между людьми разных форм жизни, что смешивание всегда приводит к заражению недостатками, но никогда к обмену достоинствами, что соседство домов, созданных для разных народов, никогда не является эстетичным, и что это затрудняет наведение порядка в городе. Эти аргументы исходят в основном из Марокко, где еще очень недавний контакт с нашей цивилизацией существенно не изменил туземных обычаев. В Алжире все не так. В пользу смешения населения было высказано мнение о том, что он является мощным средством обмена и контактов, что оно способствует смешению этнических элементов; более того, некоторые развитые туземные народы протестуют против разделения, считая это унижительной мерой по отношению к ним»⁵²³.

Подводя общие итоги, издание считало вопрос о смешении (*mélange*) теперь окончательно исчерпанным: без решения проблемы социально-политической неполноправности туземцев предлагавшийся рядом европейских специалистов отказ от зонирования городов по расовому принципу был признан опасным для самих туземцев: «До тех пор, пока туземец не будет вооружен с экономической точки зрения, с точки зрения организации труда, с точки зрения защиты прав, как у европейца, кажется опасным провоцировать смешение, которое закончится экспроприацией [туземной] собственности». Поэтому «разные образы жизни, не имеющие одинаковых защитных элементов, должны быть разделены»⁵²⁴. Противники смешения приводили многочисленные примеры вытеснения туземцев из лучших районов городов и захвата этих участков европейцами. Вместе с тем, признавалось и фактическое отсутствие позитивной социальной туземной программы во французской Северной Африке. В результате «в настоящее время в крупных городах Алжира одним из самых постоянных и наиболее признанных фактов среди коренного населения со скромным положением» является его естественное объединение по родственным и племенным принципам⁵²⁵. Это означало, что интенсивная урбанизация колониальных городов не сопровождалась европеизацией туземцев (принятием теми европейских форм и стиля жизни), а, напротив, способствовала механическому перенесению сюда традиционных туземных социальных институтов из сельской местности. Европейский колониальный город так и не стал плавильным котлом культур, где рождалось что-то новое, как это имело место, например, в советских новостройках первых пятилеток.

Политика сегрегации и градостроительного зонирования городов по расовым принципам должна была привести к изоляции туземцев, а значит, только усугубить за-

⁵²³ T.S. Notre enquête sur les conditions du logement indigène. Conclusion // *Le Journal général des travaux publics et du bâtiment*. – Alger, 1934. – 31 août. – No 922. – P. 1.

⁵²⁴ Ibid.

⁵²⁵ Ibid.

стойные социальные явления. Между тем в 1930-е гг. считалось общепризнанным, что эволюция обычаев туземных народов «в настоящее время в основном зависит от более или менее тесных контактов туземцев с нашей цивилизацией»⁵²⁶. Однако, поскольку на практике дилемма виделась иначе – застой или экспроприация туземцев – из двух зол следовало выбирать меньшее.

Завершение дискуссии на страницах «Генерального журнала» положило начало новому градостроительному явлению. Одним из итогов дискуссии стало официальное признание «необходимости создания туземных городов и градостроительных планировок, соответствующих этим новым агломерациям»⁵²⁷.

Создание колонизаторами новых специализированных городов, предназначенных для проживания исключительно туземцев, не было совершенно новым явлением для французской Северной Африки. Один из первых подобных проектов был разработан для окраины Касабланки еще в 1917 г. архитекторами Анри Простом (Henri Prost) и Альбером Лапрадом (Albert Laprade) (рис. 16). Инициатором проекта стал военный губернатор французского Марокко, маршал Луи Юбер Гонсальв Лиотэ (Louis Hubert Gonzalve Lyautey), сторонник так называемой стратегии долговременных действий, которая основывалась на сегрегации туземного населения и «сотрудничестве» с последним с позиции силы (патернализм). Частью этой политики стала программа разработки генеральных планов городов Марокко и, в частности, туземных городов. Как вспоминал в 1931 г. Лапрад, характеризуя основные задачи, поставленные перед проектировщиками, «маршал проводил политику престижа (*politique de prestige*), заменяя батальоны и орудия отчасти дорогами, портами и, главным образом, градостроительством»⁵²⁸.

⁵²⁶ Ibid.

⁵²⁷ Une cité indigène va être créée au Plateau Salembier // *Le Journal général des travaux publics et du bâtiment*. – Alger, 1934. – 16 octobre. – No 935. – P. 1.

⁵²⁸ Laprade M.A. Une Ville créée spécialement pour les Indigènes à Casablanca // *L'Urbanisme aux colonies et dans les pays tropicaux*. Op. cit., p. 95.

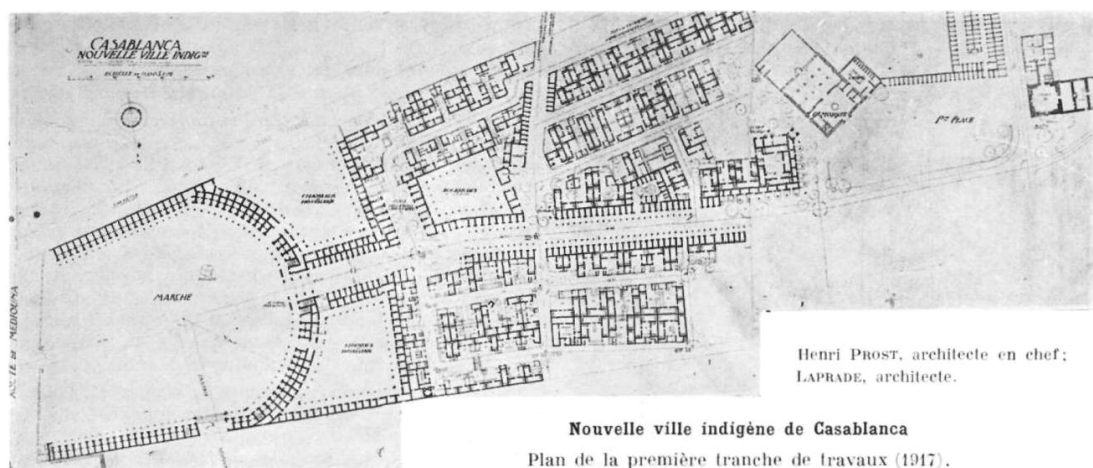

Рис. 16. Касабланка (Марокко). Новый туземный город. Фотография 1931 г. Генплан первой очереди строительства, 1917 г. Авторы: арх. М.А. Прост, М.А. Лапрад⁵²⁹.

Источник: colonialarchitecture.eu / Colonial architecture & town planning.

С 1934 г. марокканская модель градостроительства, основанная на принципах жесткого разделения европейского и туземного населения, официально распространялась и на другие французские территории Северной Африки. С середины 1930-х и до начала 1940-х гг. во французских колониях был разработан и принят к осуществлению целый ряд проектов туземных городов. Проектирование и строительство на периферии существующих колониальных городов так называемых «туземных городов» или «городов туземцев»

⁵²⁹ Ibid., p. 94, 95.

(cités indigènes) стало еще одним проявлением политики сегрегации в архитектурной сфере. Наибольший резонанс в колониальной профессиональной печати получили туземные города в Алжире (Алжир) и Касабланке (Марокко): 1) город на плато Саламбье в Алжире – проект архитекторов Альбера Сейе (Albert Seiller) и Марселя Латюйера (Marcel Lathuillière), 1934 г.⁵³⁰ (рис. 17); 2) город в Мезон-Карре в Алжире – проект архитекторов Жана-Этьена Герино (Jean-Etienne Guérineau) и Жака Бастелика (Jacques Bastélica), 1937 г.⁵³¹ (рис. 18); 3) город для туземных рабочих в Рош-Нуар в Касабланке – проект архитектора Эдмона Бриона (Edmond Brion), 1938 г.⁵³².

Такие города, как правило, были рассчитаны на несколько тысяч жителей (имели от нескольких сотен до тысячи домов) и по меркам отечественного градостроительства того времени, едва ли считались бы городами, подпадая, скорее, под категорию квартала или поселка. При всех отличиях, проекты новых «туземных городов» имели ряд общих градостроительных, объемно-планировочных и функциональных черт.

Сами проектировщики классифицировали свои детища как «туземные города-спутники» (cités satellites indigènes), размещаемые на окраинах крупных колониальных городов. Туземный город на плато Саламбье считался «первым городом-пригородом (cité suburbaine), созданным в Алжире на окраине крупного города»⁵³³. Таким образом, европейские тенденции к рассредоточению крупных городов нашли отражение и в колониальной градостроительной практике, получив здесь расовую окраску. К этому времени туземные города-спутники существовали вокруг Эль-Аффуна, Ривета, Улед-Салаха и ряда других колониальных городов Марокко, Алжира и Туниса. Как правило, это были сельские населенные пункты, призванные снабжать большие города продуктами питания (овощи, фрукты и т.п.). Новые туземные города, возникавшие с середины 1930-х гг., в большей мере были призваны обеспечить размещение и перераспределение на территории крупных городов туземного рабочего населения. В целом практика создания туземных городов-спутников в 1930-х гг. решала достаточно узкие, локальные задачи – обеспечение рабочей силой и продовольствием немногих крупных городов. В этом она в корне отличалась от упоминавшейся выше программы модернизации сельской туземной среды обита-

⁵³⁰ L'Aménagement régional du «Grand Alger». Une Cité Indigène va être créée au Plateau Salembier // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1934. – No 11 (novembre). – P. 849.

⁵³¹ L.M. Une Cité Indigène à Maison-Carrée (Architectes: MM. Guérineau et Bastélica) // *Les Chantiers nord-africains*. – Alger, 1937. – No 2 (février). – P. 97-98.

⁵³² La pose de la première pierre de la cité ouvrière indigène des Roches-Noires // *Le Petit Marocain*. – Casablanca, 1940. – 30 décembre. – No 7001. – P. 1-3.

⁵³³ Une cité indigène va être créée au Plateau Salembier. Op. cit., p. 1.

ния, которая предполагала ведущее значение именно сельской инфраструктуры и всеобщий характер преобразований.

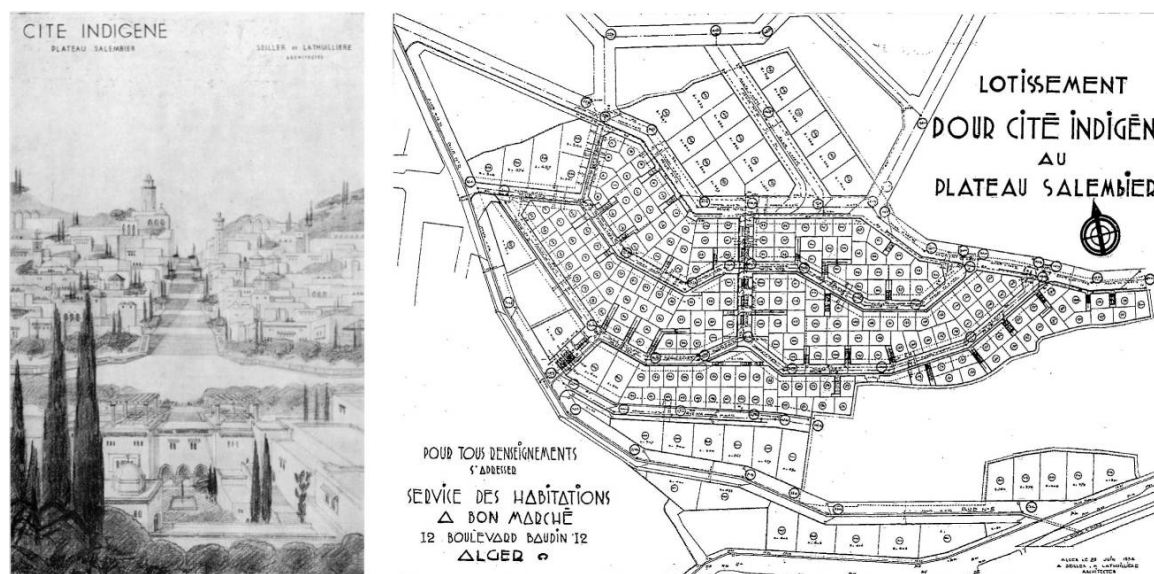

Рис. 17. Алжир. Проект туземного города на плато Саламбье. Перспектива центральной лестницы⁵³⁴. Генплан⁵³⁵. Авторы: арх. А. Сейе, М. Латюйер, 1934 г. Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

Градостроительное размещение новых туземных городов имело ряд специфических, колониальных, черт. В то время как европейская застройка стремилась занять наиболее ценные прибрежные равнинные участки, все более превращая так называемые «нижние города» в чисто европейские зоны, туземное население, напротив, все более концентрировалось в «старых» или иначе «верхних городах» («касбах» или «мединах»), не представлявших интереса для высокоплотной многоэтажной коммерческой застройки. Создание новых туземных городов не только не остановило, но и усилило эту тенденцию. Под новые туземные города отводились участки, которые, как правило, находились на далекой периферии существующих городов, вдали от морского побережья, а в Алжире, кроме того, имели очень большие уклоны рельефа, не позволявшие организовать магистрали для движения механического транспорта. Соответственно, здесь уже в ходе проектирования воспроизводились архитектурные элементы, которые так осуждались в исторических касбах, прежде всего, протяженные лестницы, допускавшие движение лишь пешеходов и вьючных животных. Такой характер уличной сети в новых туземных городах не рассматривался в качестве градостроительной проблемы, напротив, предполагалось, что он «защитит» традиционный уклад жизни туземцев от негативных явлений современности.

⁵³⁴ L'Aménagement regional du «Grand Alger». Op. cit., p. 849.

⁵³⁵ Une cité indigène va être créée au Plateau Salembier. Op. cit., p. 2.

Рис. 18. Алжир. Проект туземного города в Мезон-Карре. Вид сверху. Авторы: арх. Ж.-Э. Герино, Ж. Бастелика, 1937 г.⁵³⁶. Источник: gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France.

Туземные города занимали четко очерченную площадь и имели достаточно плотную малоэтажную застройку. В отдельных случаях туземный город окружался по периметру высокой стеной с воротами, чем подчеркивалась его «закрытость», изолированность от внешнего окружения, замкнутость вовнутрь. В этом отношении проекты туземных городов резко отличались от современных им проектов новых советских городов и поселков, характерной чертой которых была как раз «открытость» планировки, в том числе, и в окружающую природную среду. Такими же открытыми по принципам планировки были и европейские районы колониальных городов Северной Африки.

В проектах новых туземных городов воспроизводилась еще одна черта старых касб – «живописность» архитектурного образа. Живописное объемно-пространственное и силуэтное решение основывалось на сочетании вертикальных акцентов (минаретов, кипарисов) и многоуровневом, террасном, расположении малоэтажных домов рядовой застройки. Практически без изменений воспроизводились социальные модели старых туземных районов: большая общественная площадь с рынком, мечетью, школой, амбулаторией, мавританской баней и большим открытым бассейном, актуальным для возвышенных территорий, лишенных естественных источников водоснабжения. Из европейских архитектурно-планировочных черт обращает на себя внимание общее стремление к регулярной планировке: строго прямоугольная сеть улиц и правильная, на европейский манер, блокировка жилых домов небольшими группами.

⁵³⁶ L.M. Une Cité Indigène... Op. cit., p. 97.

Симптоматично то периферическое, сходное с градостроительным, место, которое занимали такие проекты во французской профессиональной архитектурной периодике 1930-х гг. Проекты туземных городов, как правило, были немногочисленны. При этом им отводились одна-две страницы. Напротив, статьи, посвященные проектам европейских коммерческих жилых и общественных зданий, а также инфраструктурным объектам, часто имели объем не менее десятка страниц и, кроме того, таких статей было больше.

Таким образом, в целом возникновение туземных городов было связано с идеями сегрегации и изоляции туземного населения. В какой мере эти проекты были нацелены на модернизацию туземной среды обитания? «Охранительные» черты воспроизводимой здесь заново старой архитектурной среды имели двоякую роль. С одной стороны, они обеспечивали отделение туземного населения от европейского и обладали свойством естественной природной «защищенности» от европейских застройщиков (удаленность, большие расходы на инженерную подготовку и оснащение, невозможность обеспечить полноценную коммунально-бытовую инфраструктуру и т.д.). С другой стороны, такая среда должна была усиливать застойные социальные явления среди туземцев, способствовать их дальнейшему отрыву от европейцев, пространственной изоляции, а значит, закреплять средствами архитектуры фактический распад колониальных городов на отдельные изолированные анклавы. Иными словами, туземные города стали выражением не модернизации, а консервации туземного общества.

Следует учитывать, что такие города не были и не могли быть особенно многочисленными. Разработанные проекты, предназначенные для более-менее обеспеченной части туземного сообщества, не только потребовали много времени на реализацию, но уже по ограниченности своих задач были неспособны решить острейшие жилищные и тем более социальные проблемы туземной среды обитания. Создание туземных городов не прекратило существование и не остановило рост трущоб («бидонвилей»).

Кроме того, как показала практика реализации проектов, создание совершенно новых районов на неосвоенной периферии европейских городов оказалось сопряжено с серьезными градостроительными проблемами. Во-первых, здесь, кроме жилой застройки, было необходимо создать всю инженерную и культурно-бытовую инфраструктуру, что должно было занять многие десятилетия. Во-вторых, новостройка не могла использовать потенциал инфраструктуры существующего города, от которого была фактически оторвана. При этом строительной и культурно-бытовой базой новых туземных городов, по меньшей мере на время их создания, которое имело тенденцию к удлинению, все равно оставался существующий город. Французские специалисты в той или иной мере понимали

и как могли пытались решить эту проблему. В Касабланке новый туземный город по предложению архитектора Анри Проста был размещен в 1917 г. рядом с группой новых туземных объектов: дворцом султана и двумя мечетями⁵³⁷. В Мезон-Карре в 1934 г. под новый туземный город было отведено место, расположенное рядом с группой туземных школ, построенных на средства генерал-губернаторства⁵³⁸. Однако в целом прием кооптации новых туземных городов с элементами туземной инфраструктуры имел характер полумеры и к тому же был осуществим далеко не везде.

Французские архитекторы, такие как Бьенвеню, предлагали вообще отказаться от порочной практики отрыва туземного жилья от существующего европейского города и отстаивали идею их пространственно-функционального объединения («смещения»). В известном смысле эти идеи перекликаются с идеями тех советских архитекторов, которые в 1930-е гг. отстаивали необходимость взаимной поддержки старого и нового городов, особенно актуальную в восточных районах нового освоения – на Урале и в Сибири. Для организации этой взаимопомощи новые города (соцгорода) и их градообразующие предприятия следовало размещать в непосредственной близости к существующим историческим городам. Создание полноценного жилого и культурно-бытового фонда нового города потребовало бы многих десятилетий. Соответственно, близость к историческому городу облегчало положение жителей новостройки, а промышленное предприятие могло вкладывать часть своих средств в благоустройство и застройку старого города, в развитии которого теперь было заинтересовано. Напротив, отрыв города-новостройки от существующего города неизбежно усугублял его градостроительные и социальные проблемы – прежде всего, замедлял ход его застройки и благоустройства. Получается, что на подобную же градостроительную проблему, особенно остро проявлявшуюся на колониальной периферии, в 1930-х гг. вышел и ряд французских колониальных архитекторов. Только в колониях речь шла о взаимопомощи европейского и туземного городов, один из которых имел строительную базу и культурно-бытовые блага, а второй – был их лишен.

Полемика между сторонниками разделения и смешения туземных и европейских районов города отразила стремление определенных кругов колониального общества к вытеснению туземного населения из европейских районов и лишению его фактической возможности пользоваться культурными благами города. Этим повышалась доходность застройки и благоустройства, которые, будучи созданы усилиями всех, теперь служили потребностям очень немногих. Соответственно, можно говорить о том, что в сфере градо-

⁵³⁷ *Laprade M.A.* Une Ville créée spécialement pour les Indigènes à Casablanca... Op. cit., p. 95.

⁵³⁸ *L.M.* Une Cité Indigène à Maison-Carrée... Op. cit., p. 97.

строительства политика сегрегации не только не была политическим заблуждением, но, напротив, была целенаправленной и изначально обеспечивала немалые финансовые выгоды. Создать же в короткий срок даже минимальное коммунальное и культурно-бытовое обслуживание в новых туземных городах и тем более неблагоустроенных поселках, изолированных от больших городов, оказалось невозможно. Соответственно, сама идея создания отдельных туземных городов противоречила всей логике градостроительного развития, которая предполагала не разделение, а объединение различных элементов города в определенное единство.

Подводя итоги, можно отметить что основные идеи модернизации сельской и городской туземной среды обитания имели много общего.

Сторонники постепенной адаптации туземного сообщества к европейской цивилизации делали ставку на интеграцию туземного и европейского сообществ. В сельской местности этой цели должна была служить модернизация транспортной и социально-культурной инфраструктуры, обеспечивающая соответствующие взаимосвязи между поселениями и сообществами. В градостроительстве интеграция выражалась в отказе от расового зонирования, смешении кварталов и модернизации традиционной архитектуры.

Сторонники сегрегации, напротив, последовательно отстаивали принцип разделения европейского и туземного сообществ. Показательно, что на практике этот принцип не был идеалистическим, а оказался тесно связан с выгодным в финансовом отношении коммерческим освоением территорий. В сельской местности сторонники сегрегации стремились оставить существующие поселения в изоляции. В городах аналогичная политика проявилась в создании на их периферии изолированных туземных городов-спутников.

ГЛАВА III.4.

ПРОБЛЕМЫ ОЗДОРОВЛЕНИЯ СРЕДЫ ГОРОДОВ В 1920 – 1930-Е ГОДЫ. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА З.Г. ФРЕНКЕЛЯ

Недавно исполнилось 50 лет со дня смерти выдающегося ученого, одного из основателей в нашей стране направления «коммунальной гигиены» – дисциплины, напрямую связанной с проблемами градостроительства - Захария Григорьевича Френкеля (1869-1970). Он был более молодым современником и последователем таких выдающихся дореволюционных врачей-гигиенистов как А.П. Доброславин и Ф.Ф. Эрисман. Одним из первых З.Г. Френкель связал свои исследования с гигиеной населенных мест, со здоровыми условиями жизни всех слоев населения. В послевоенные годы логическим продолжением его трудов стала разработка теории, в которой он впервые выдвинул концепцию продления жизни и активного долголетия как социальной проблемы. Его труд «Удлинение жизни и деятельная старость», впервые изданный в 1949 г., до сих пор является классикой геронтологии. Доктор медицинских наук, профессор, академик АМН СССР, за свою долгую, более чем столетнюю, жизнь он написал более 300 научных работ, консультировал проекты планировки городов, вел широкую организаторскую, преподавательскую, просветительскую работу.

З.Г. Френкель своими корнями был неразрывно связан с дореволюционными демократическими традициями начала XX века, когда учеными и общественными деятелями активно велись поиски средств создания здоровых условий жизни для самых широких слоев городского и сельского населения. В дальнейшем из этого теоретически всегда исходила и советская градостроительная школа. Однако на практике на протяжении XX века среда российских населенных мест формировалась отнюдь не благоприятно для человека, в том числе и с точки зрения санитарно-гигиенических своих качеств. Для этого было достаточно много причин.

Оздоровление городов в первые послереволюционные годы рассматривалось как цель и смысл будущего советского градостроительного законодательства. Собранный в 1921 г. Первый съезд по оздоровлению населенных мест уделил большое внимание направленности «градоустройственной» политики. Однако опереться в деле оздоровления городов пока еще было практически не на что, для этого еще не была создана ни материальная, ни законодательная база. На Западе к этому времени санитарное законодательство, особенно в той его части, которая касалась вопросов загрязнения воздуха и воды, было

гораздо более развитым.⁵³⁹ В значительной степени это было связано с активным формированием в западных странах структур местного самоуправления, в которых сотрудничали представители партий социалистического толка, имевшие развитые муниципальные программы.⁵⁴⁰

В дореволюционной России этот процесс не успел до конца оформиться, практически дело санитарной охраны населенных мест относительно серьезно было поставлено лишь в Московской губернии, где было сосредоточено большое количество промышленных предприятий и существовала авторитетная санитарная губернская организация. После революции и гражданской войны, с разрушением земских и городских структур самоуправления, все надо было начинать заново.

Одним из первых управленческих актов в этой области можно считать постановление московского губисполкома, принятое в январе 1919 года, где в самом общем виде было прописано, что вредные производства должны устраиваться вне населенных мест и на таком расстоянии от них, чтобы население не страдало. В 1920 и 1925-1926 гг. вышли общеобязательные постановления Наркомата Труда по охране населенных мест от вредного влияния промышленности, содержавшие требование согласования расположения промышленности с общим планом застройки и расширения населенных мест.

Все эти постановления имели общий характер, за ними не было серьезной исследовательской и нормативной базы.⁵⁴¹ Они более или менее удовлетворяли нужды строительства в период восстановления хозяйства после гражданской войны, однако начало индустриализации, грандиозные планы развития тяжелой промышленности и приближения ее к источникам сырья, поставили вопрос о рациональном планировании новых городов, о правильном выборе промышленных площадок с точки зрения экономики, техники и санитарно-гигиенических требований.

⁵³⁹ Так, Франция еще в 1810 г. ввела разрешительный порядок открытия промышленных предприятий, а также деление предприятий на три класса по степени их влияния на окружающую местность. В Бельгии первый сходный закон был принят в 1849 г. В Англии постановления, касающиеся охраны населения от вредного влияния промышленности, были изложены в парламентском акте 1875 г. Однако задолго до этого там принималось множество актов местного самоуправления, ограничивающие порядок открытия и эксплуатации промышленных предприятий. Санитарный кодекс США 1908 г. воспрещал выпуск густого дыма в крупных городах не только фабрикам и заводам, но и железной дороге.

⁵⁴⁰ Петров М.Н. Муниципальные задачи социализма. /М.Н.Петров. Пг.: 1918.

⁵⁴¹ Например, Институт коммунальной санитарии и гигиены Наркомздрава РСФСР только в 1932 г. приступил к проработке вопросов размещения предприятий в связи с планировкой города. Подобные работы параллельно велись Институтом охраны труда и промышленной гигиены, и Санитарным институтом имени Ф.Ф.Эрисмана, разработавшим новую классификацию промышленных предприятий. Однако все эти исследования продвигались медленно и не находили широкого выхода в практику.

Тем не менее, вплоть до начала Великой Отечественной войны эта область регулировалась лишь отдельными ведомственными циркулярами, издававшимися Наркомздравом, Наркоматом внутренних дел, Высшим советом народного хозяйства и др. Напряженные темпы индустриализации, приоритет промышленного строительства над гражданским (последнее финансировалось по «остаточному принципу»), неизбежно приводили к многочисленным нарушениям в сфере коммунальной гигиены, как в крупных городах, так и в поселениях при производстве.

В то же время всеобщее увлечение техникой будущего, уверенность в том, что в самые ближайшие годы все промышленные предприятия будут полностью обезврежены, делали как бы ненужными всякие исследования этой проблемы в рамках архитектурно-градостроительной деятельности. Соотношение «город-промышленность» воспринималось в большей степени как образно-композиционная задача. Так, известный экономист С.Г.Струмилин писал в 1930 г. о том, что завод, как основное место социального общения, должен быть помещен в центре социалистического города, а что касается «грохота, грязи, дыма и вредных испарений», то «технически вовсе не представляется неразрешимой или даже очень трудной задачей уловить их системой мощных вытяжных труб и пылесосов и дать им полезное применение. Нужно лишь в плановом порядке поставить эту задачу перед проектирующими организациями...». Идея же оздоровления житнотруidящихся путем удаления заводов подальше от жилья, ограждения их какими-либо зелеными «завесами» - это «явно неприемлемая для нас интеллигентски-слащавая маниловщина».⁵⁴²

Этот небольшой экскурс, кратко характеризующий состояние проблематики оздоровления городов, служит необходимым фоном для того, чтобы дать представление об активной деятельности, насколько это было возможно в условиях 1920-1930-х гг., дореволюционного поколения специалистов в области социальной и коммунальной гигиены, не эмигрировавших из страны, а сотрудничавших с советской властью.

Одной из таких ярких личностей был З.Г. Френкель. Его имя, в течение более чем 100-летнего жизненного пути получившее прочное признание в области медицины,⁵⁴³ в истории градостроительства советского периода, за редким исключением,⁵⁴⁴ практически неизвестно, как и имена других дореволюционных специалистов «городского дела», а между тем в 1920-1930-е гг. он был весьма значимой фигурой среди небольшого количества

⁵⁴² Струмилин С.Г. Проблемы социалистических городов. // Избранные произведения / С.Г.Струмилин. М.: 1964. т. 4. С. 20 [Опубликовано: Плановое хозяйство. 1930. № 5]

⁵⁴³ Алексеева Л. П., Мерабишвили В. М. З. Г. Френкель. Серия: Выдающиеся деятели отечественной медицины и здравоохранения./Л.П.Алексеева, В.М.Мерабишвили. М.: 1971.

⁵⁴⁴ Говоренкова Т.М. Вступительная статья и комментарии к современному изданию книги З. Г. Френкеля «Волостное самоуправление»./Т.М.Говоренкова. М.: 1999. С. 3-8

дореволюционных ученых, в новых условиях развивавших идеи благоустройства советских городов и коммунальной гигиены.

Знакомство с биографией Захария Григорьевича Френкеля поражает тем, какую разностороннюю и мощную «закваску» он получил в юные годы, в своей семье. Он родился в Черниговской губернии, где его отец работал управляющим в небольшом имении. Семья, где росло 10 детей, активно трудились в поле, в огороде, в саду и даже в кузнице. Это выработало в нем деятельное начало и физическую выносливость, не раз помогавшую ему в работе земского врача. Вместе с тем, огромная библиотека, особенно по естественным и прикладным наукам, получение новейших научных и литературных журналов создавали интеллектуальную атмосферу в доме. Двоюродным братом его матери был народоволец, впоследствии академик, основатель биохимии А.Н.Бах.⁵⁴⁵ Демократические убеждения семьи, тяга к науке и стремление к общественно полезной деятельности сформировали личность З.Г.Френкеля.

В 1889 году З.Г. Френкель поступил на медицинский факультет Московского университета, где погрузился не только в учебу, слушание лекций И.М. Сеченова, А.Г. Столетова, К.А. Тимирязева, но и в деятельность политизированных студенческих землячеств и кружков самообразования. Через год как участник студенческих сходок Френкель был исключён из университета и отправлен на родину в Черниговскую губернию. Вскоре ему удалось поступить на медицинский факультет Дерптского университета (Юрьев, Тарту), который он закончил в 1895 г.

До Октябрьской революции он – земский врач и организатор санитарной службы, работавший в Санкт-Петербургской, Вологодской и Костромской губерниях, в рабочих пригородах Санкт-Петербурга, в Новгороде. Он также - активный деятель Всероссийского Союза городов, известный политик, член ЦК либерально-буржуазной партии кадетов («партии народной свободы»), выступавшей против большевиков, депутат Государственной думы I созыва (1906 г). Френкель неоднократно подвергался преследованиям со стороны царских властей. В дальнейшем, после революции, с поражением кадетской партии и эмиграцией многих ее членов, он отошел от политики, сосредоточившись на научной и педагогической деятельности.

В августе 1897 года Френкель Санкт-Петербургским губернским земством был командирован в Москву для работы в гигиенической секции XII международного Съезда

⁵⁴⁵ Щербо А. П. Захарий Григорьевич Френкель. Очерк незаурядной жизни (1869–1970)./ А.П.Щербо. СПб.: 2008

врачей. Это было масштабное мероприятие, на котором врачами разных стран было прочитано 1300 докладов. Особенностью московского конгресса стало то, что на него приглашались не только светила медицинской науки, но и рядовые врачи, в том числе земские, что способствовало широкому обсуждению организации массовой врачебной помощи в России.⁵⁴⁶

Помимо большой практической работы, З.Г. Френкель в эти годы серьезно расширял круг своих научных изысканий, в том числе принял активное участие в проводившейся в 1900 году переписи населения Санкт-Петербурга, в ходе которой освоил методы статистики и демографии, активно им в дальнейшем применявшиеся для изучения проблем оздоровления городов.⁵⁴⁷

В 1909 г. З.Г. Френкель окончательно поселился в Санкт-Петербурге, а в следующем, 1910 году стал одним из организаторов российского отдела Международной гигиенической выставки в Дрездене, (где удостоился высшей награды выставки – почетного диплома) и, по ее окончании, Всероссийской гигиенической выставки (1913 г.). Тогда же он опубликовал труд «Очерки земского врачебно-санитарного дела».⁵⁴⁸

По инициативе и под руководством З.Г.Френкеля в 1912 г. была организована длительная командировка врачей–гигиенистов для ознакомления с западным опытом коммунальной медицины. Он был участником и одним из организаторов дореволюционных и послереволюционных санитарно-технических и водопроводных съездов.

В 1915-1916 годах Френкель заведовал санитарно-техническим бюро Петербургского Областного Комитета союза городов. После февраля 1917 года он входил в состав Центрального врачебно-санитарного совета при Временном правительстве (заместитель председателя), состоял членом Предпарламента.

Среди разносторонней научной и педагогической работы З.Г.Френкеля следует отметить его труды по коммунальной и социальной гигиене, непосредственно связанные с оздоровлением и планировкой городов. По материалам Дрезденской гигиенической выставки зимой 1911 г. он сделал доклад в Русском техническом обществе о планировке городов. Как писал впоследствии сам Френкель, «этот доклад был первой попыткой привлечь у нас внимание технической, санитарной и архитектурной мысли к разработке пла-

⁵⁴⁶ XII Международный Съезд врачей. М.: 1897

⁵⁴⁷ Френкель З.Г. Холера и наши города./З.Г.Френкель. М.: 1909

⁵⁴⁸ Френкель З.Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела: (По данным работ, произведенных для Дрезден. и Всерос. Гигиен. Выставок)/ З.Г.Френкель. СПб: 1913

нов не отдельных зданий и ансамблей, а целых городов в интересах соответствия планировки населённых мест требованиям гигиены и дальнейшего их благоустройства». ⁵⁴⁹

В послереволюционный период З.Г.Френкель не только одним из первых поставил в полном объеме задачу общего благоустройства на всей территории города, но заговорил и о путях достижения этой цели, в частности, о целенаправленной организации подготовки квалифицированных специалистов. В 1922-1926 гг. читал курс лекций по коммунальной гигиене на инженерно-строительном факультете Политехнического института, а также в Институте для усовершенствования врачей (ГИДУВ).

Концепция и практические пути достижения благоприятной для населения городской среды стали основой его работы в петроградском Музее города, куда еще на стадии организации Музея он был приглашен арх. Л.А.Ильиным в 1918 г. Френкель основал здесь Отдел коммунальной и социальной гигиены, которому посвятил много лет труда. Огромный и насыщенный разнообразными наглядными материалами отдел, располагавшийся в 60-ти комнатах Аничкова дворца, вскоре стал центром не только музейно-экспозиционной, но научной, консультативной и образовательной работы в этой области. ⁵⁵⁰ Собранные материалы, в том числе по Петрограду, стали для З.Г.Френкеля объектом серьезного научного изучения. ⁵⁵¹ Экспозиция, в частности, демонстрировала возможности организации города как «общего жилища» и его влияния на социальное здоровье населения, необходимость создания целесообразного плана города с разделением районов по их назначению и выделением специальных жилых микрорайонов с развитой сетью детских и спортивных площадок, с густой зеленью. В 1929 г. З.Г. Френкель создал в отделе специальную группу для участия в подготовке новой гигиенической выставки в Дрездене 1930 года.

Размах образовательной и культурно-пропагандистской деятельности в области благоустройства городов и неутомимая энергия З.Г. Френкеля и сегодня вызывают уважение. Он проводил 3-4 часовые экскурсии по отделу Музея и отдельно по городу для ленинградских и приезжих из разных городов страны работников коммунального хозяйства, врачей, студентов, школьных и вузовских педагогов, персонала лечебных и санаторных учреждений, руководящих работников, красноармейцев и школьников; еженедельно вел

⁵⁴⁹ Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути./З.Г.Френкель. СПб: 2009. С. 247

⁵⁵⁰ Френкель З.Г. Отдел коммунальной и социальной гигиены Музея города в Ленинграде. /З.Г. Френкель. // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 1. С. 59-69

⁵⁵¹ Френкель З.Г. Петроград периода войны и революции: санитарные условия и коммунальное благоустройство./З.Г. Френкель. Петроград: 1923

кружок благоустройства городов, где одновременно занималось 60-80 сотрудников ленинградских работников городских коммунальных служб, читались доклады.

При Музее города были открыты специальные курсы, превратившиеся затем в Институт коммунального строительства (ЛИКС-ЛИИКС), где З.Г. Френкель читал лекции по общему благоустройству городов. Они были изданы в 1926 г. Главным управлением коммунального хозяйства НКВД отдельной книгой, пользовавшейся огромным спросом у специалистов. В 1928 г. ему с большими трудностями удалось осуществить первую учебно-образовательную поездку в 16 городов Германии студентов, изучавших коммунальное хозяйство, регулярно он проводил для них и экскурсии по Ленинграду.

В начале 1930-х гг. З.Г. Френкель принял деятельное участие в организации Научно-исследовательского института коммунального хозяйства (ЛНИИКХ), быстро выросшего в одну из значительных научных и экспериментально-проектных организаций страны, в том числе в области градостроительства. В 1933-1936 гг. был заместителем директора этого института по научной работе, возглавлял Ученый совет.

О взглядах З.Г.Френкеля на предназначение города и пути его благоустройства, пожалуй, наиболее наглядно можно судить по материалам его лекций, превратившихся затем в книгу.⁵⁵² Пожалуй, основной мыслью, пронизывавшей и его лекции, и его многочисленные публикации, было убеждение в том, что благоустройство городов должно осуществляться прежде всего на низовом уровне, посредством местных органов самоуправления, лучше всего знающих потребности своего района.. Это убеждение сложилось еще до революции, когда партия кадетов принимала чрезвычайно активное участие в работе как земских органов, так и городских дум, а также в организации Всероссийского Союза городов.⁵⁵³ В 1920-е гг. Френкель еще мог позволить себе, говоря об этических аспектах этого труда, ставить в пример советским работникам «откомхозов», контролируемых Советами, дореволюционное земство: «Здесь, в области коммунального хозяйства, поэтому и в прежнее время для поощрения деятельности, например, прежних земских работников, статистиков и агрономов, земских врачей и народных учителей и вообще всего столь не любимого прежнему бюрократией так наз. «третьего элемента», не нужно было никаких приказов и угроз, никаких орденов и чинов, а лишь простор для беспрепятственной работы на пользу местного населения. Наградой для коммунального работника, - основным стимулом его работы именно и является ведь успех того местного благоустройства, кото-

⁵⁵² Френкель З.Г. Основы общего городского благоустройства. /З.Г.Френкель. М.: 1926.

⁵⁵³ Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. /Н.Г.Думова. М.: 1988

рому он служит. Это поднимает всякого коммунального работника от низин бюрократической субординации, чиновничьей исполнительности и приниженного повиновения начальственным приказам, циркулярам и усмотрению – на высоту умеющего сознательно подчинять свою волю интересам дела и никогда не роняющего своего достоинства общественного работника».⁵⁵⁴ Дальнейшее развитие практики советского градостроительства в русле напряженной индустриализации страны показало, насколько слабыми оказались городские управляющие структуры, не имевшие в подавляющем большинстве ни «простора для беспрепятственной работы», ни достойного бюджета, ни законодательных прав.

Рассматривая все разночтения в теоретических определениях такого, казалось бы, понятного термина, как «благоустройство городов», существовавшие в конце XIX – начале XX вв., Френкель предложил обратиться к более простой задаче – выяснению того, что из себя представляет благоустройство отдельного жилища. На множестве примеров он показывал, что оно должно обладать качествами безопасности, здоровья, удобства, долговечности или прочности, красоты и уюта. Именно такие требования, говорил Френкель, мы предъявляем и к городу: «Такое сходство требований, предъявляемых к благоустроенному жилищу и благоустроенному городу, представляется вовсе не случайным. Это происходит именно потому, что в современной городской жизни жилищем нашим перестал быть дом или квартира, которую мы занимаем. Фактически жилищем для нас уже давно стал весь город в целом, хотя не у всех это дошло до сознания».⁵⁵⁵ Город – считал З.Г.Френкель – должен стать для всего населения таким же удобным, безопасным и здоровым жилищем, как отдельная квартира или отдельный дом для каждой семьи. Этот принцип, сформулированный им еще в 1918 г. исходя из своих демократических убеждений и под влиянием, в том числе, глубокого изучения западной теории и практики развития городов, он будет пытаться осуществить на практике всю свою жизнь.

Вместе с тем, З.Г. Френкель прекрасно понимал уровень технической отсталости России в деле застройки населенных мест, как городских, так и сельских. «Быть может, - писал он в предисловии к своему учебному пособию для работников коммунального хозяйства – ни в какой иной области не говорит о себе так громко наше техническое неумение и отсталость, как именно в области благоустройства населенных мест». Но не только техническая отсталость в узком смысле волновала З.Г. Френкеля, но и особенности российского общественного сознания в области обустройства жизни, в особенности на селе,

⁵⁵⁴ Френкель З.Г. Основы общего городского благоустройства. /З.Г.Френкель. М.: 1926. С.10

⁵⁵⁵ Френкель З.Г. Основы общего городского благоустройства. /З.Г.Френкель. М.: 1926. С.15

которые он считал отрицательным фактором, подлежащим изменению: «... на западе даже в сельской обстановке на всем лежат неизгладимые следы векового накопления многими поколениями материальной культуры (...)» На наш короткий век хватит! “ – вот руководящее начало деревенской жизни и строительства у нас. (...) Какой это источник отупляющей сизифовой работы. Какая неисчерпаемая масса труда, средств и сил тратится вследствие такого отношения к устройству жизни совершенно непроизводительно на создание вновь и вновь все тех нестойких жалких сооружений и построек, которые без следа уносятся потоком времени». ⁵⁵⁶ Он мечтал о том, чтобы «деревня наша была поднята до уровня благоустроенной сельской жизни, как у других культурных народов, в других странах». Решающую роль в этом он отводил коммунальным работникам, прежде всего приближенным к населению волостным и сельским коммунальным учреждениям, а также подготовке квалифицированных кадров для села. З.Г. Френкель даже написал «Проект основных положений инструкции для волостных техников», ⁵⁵⁷ который так и не был в дальнейшем доработан и принят как нормативный документ. Жизнь советского села пошла по другому руслу. ⁵⁵⁸

Как один из бывших руководителей партии кадетов, З.Г. Френкель был репрессирован в 1938 г., но в ходе временного послабления репрессий весной 1939 г. был освобожден, не подписав никаких показаний, восстановлен во всех должностях. Впоследствии, будучи уже в весьма преклонном возрасте, выдержал блокаду Ленинграда, продолжая заниматься научной и организационной работой. З.Г. Френкель умер на 101-м году жизни, сохраняя полную работоспособность, несмотря на потерю зрения, тем самым подтвердив свои основополагающие идеи в области геронтологии, на которых он в значительной степени сосредоточился в послевоенный период.

⁵⁵⁶ Френкель З. Задачи благоустройства в волостях. /З.Френкель. // Вопросы коммунального хозяйства. 1924. № 2. С 123.

⁵⁵⁷ Френкель З.Г. Задачи сельского благоустройства и инструкция волостным техникам. /З.Г.Френкель. // Вопросы коммунального хозяйства. 1925. № 7. С.140-147

⁵⁵⁸ Косенкова Ю.Л. На периферии: проблемы планировки и застройки селений. //Советское градостроительство 1917-1941. /В 2-х книгах. ред. Ю.Л.Косенкова. /Ю.Л.Косенкова. М.: 2018. Кн. 1. С.634-684

ГЛАВА III.5.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС КАК ОТДЕЛЬНЫЙ ТИП ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Первая половина XX века, и особенно 1920-е годы – время сложения современной типологии городского жилищного строительства. Но основы ее были заложены еще в дореволюционный период, когда на волне промышленного бума рубежа веков наблюдался интенсивный рост численности городского населения, нуждавшегося в соответствующем своим потребностям и возможностям жилище.

Основной объем городского жилого фонда в Москве и Петербурге того времени составляли доходные дома. В интересах доходности в своей структуре они могли сочетать разные по уровню комфорта квартиры. Наиболее престижные апартаменты располагались во втором-третьем этажах. На верхних уровнях и в дворовых секциях располагалась менее респектабельные, но более доступные среднему классу горожан жилища. Постоянный рост стоимости земли обусловил то, что наиболее выгодным оказалось приобретение больших земельных участков с последующим возведением на них укрупненных комплексов, что было посылкой в основном мощным организациям или жилищным товариществам⁵⁵⁹. К началу Первой мировой войны эта экономическая предпосылка обусловила сложение в обеих столицах особого типа доходного дома-комплекса. Подобные дома, занимавшие целые кварталы, в плане имели сложную конфигурацию, обеспечивающую максимально возможный процент застройки участка. Характерной чертой этих комплексов, подробно описанной в трудах Е.И. Кириченко, было наличие парадного двора-курдонера, постепенно трансформировавшегося во внутренний проезд⁵⁶⁰. Помимо обеспечения доступа в подъезды, он позволял увеличивать протяженность парадных фасадов, а значит и количество более респектабельных квартир.

Обязательное наличие парадного и дворового фасадов дома оказывало влияние и на планировочную структуру квартир. В большинстве случаев они состояли из 4-8 комнат. Парадные помещения (кабинет, столовая, гостиная) располагались анфиладой вдоль главного фасада. Спальни и хозяйственные помещения были не проходными, окна их

⁵⁵⁹ Среди наиболее крупных московских построек можно назвать жилые дома Страхового общества «Россия» на Страстном бульваре (1902, архитектор Н. Проскурнин), дом «Соляной двор» Московского купеческого общества на Солянке (1912-1916 г., архитекторы И. Герман, А. Сергеев, В. Шервуд), дом 1-го Российского Страхового общества (1905, арх. Л.Н. Бенуа и А.И. Гунст), дом Строгановского училища (1904-1907, арх. Ф.О. Шехтель).

⁵⁶⁰ Кириченко Е. И. О некоторых особенностях эволюции многоквартирных домов второй половины XIX – начала XX века (от отдельного дома к комплексу) // Архитектурное наследие. Вып.15. 1963. С. 86-104.

были обращены во двор. Иными словами, квартира разделялась на парадную, спальную и хозяйственную часть, вне зависимости от количества комнат. Для малокомнатных квартир были характерны те же планировочные принципы: 1-2 жилые комнаты выходили на улицу, а кухня, кладовая и клозет во двор. В первых этажах располагались сдаваемые в аренду конторские и иные помещения для городских нужд, в подвалах в дворовых частях служебные учреждения для нужд жителей комплекса (прачечные, электростанции, гаражи)⁵⁶¹. Таким образом, для домов-комплексов было характерно: наличие парадного двора или парадного проезда, определявшего строгую дифференциацию пространств, что, в свою очередь, отражалось и в планировочной организации квартир. Как известно, основное внимание при проектировании здания архитекторы уделяли оформлению именно парадного фасада, дворовые фасады оставались практически без отделки, что также усиливало эту дифференциацию.

Но строительство доходных домов, в которых плата даже за небольшие и неудобные квартиры была достаточно высока для большинства представителей среднего социального слоя, не решала жилищной проблемы основной массы городского населения. Одним из первых реализованных жилых комплексов, призванных облегчить жилищную нужду небогатых слоев населения, был «Гаванский городок»⁵⁶² в Санкт-Петербурге. Он представлял собой комплекс из отдельных четырехэтажных корпусов, в каждом из которых располагалась своя дополнительная функция: магазины, четырехклассное училище, общественная библиотека, столовая и чайная, детские ясли. Снижению стоимости строительства и последующей платы за жилье, что было ключевым фактором, способствовало увеличение количества квартир на этаже, что обуславливало их преимущественную одностороннюю ориентацию. Все помещения выходили на одну сторону, что, в свою очередь, отменяло традиционное деление на парадные и дворовые фасады. Удешевлению строительства должно было способствовать и упрощение конфигурации корпусов со строчной застройкой участков. Этот принцип повлек отказ от традиционного функционального деления дворового пространства. При этом эстетически корпуса работали в связке друг с другом, образуя целостную глубинно-пространственную композицию. Таким образом, Гаванский городок можно считать первым примером жилого комплекса, характеризовавшегося композиционным и функциональным равенством всех корпусов, отсутствием деления на парадные и дворовые

⁵⁶¹ Кириченко, Е. И. Русская архитектура 1830—1910-х годов. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1982.

⁵⁶² Комплекс домов товарищества борьбы с жилищной нуждой. 1903 – 1906. Арх. Н.В. Дмитриев, В.А. Федоров.

фасады и пространства, общей объемно-планировочной композицией.

В дореволюционной Москве также встречались примеры строчной застройки отведенных участков несколькими корпусами простой конфигурации. В комплексе из нескольких жилых домов в Товарищеском переулке (вл. 10) корпуса прямоугольной конфигурации поставлены параллельно друг другу. С одной стороны зданий располагаются проходные арки, которые связывают его территорию (Рис. 1). Фасады имеют простое кирпичное декоративное оформление, отражающее стилистические предпочтения своего времени.

Рис. 1. Комплекс жилых домов в Товарищеском переулке. Фотография автора (2018 год).

В послереволюционный период новое строительство в сколько-нибудь значимых объемах развернулось лишь к середине 1920-х годов. С 1925 года, как свидетельствуют профессиональные периодические издания того времени, на благоустроенных окраинах городов начали закладываться *жилые массивы* (*термин того времени – А.В.*) капитальных домов⁵⁶³, что говорит о выделении таких образований в самостоятельную типологическую группу и современниками. Первые массивы 1925-1926 годов представляли собой конгломерат из отдельных небольших комплексов из 3-5 объектов. В основе композиции

⁵⁶³ Николаев Н. К. Жилищное строительство Московского совета в 1926 году // Строительство Москвы. 1926. № 4. С. 1-7.

комплексов можно выявить два направления: линию, восходящую к дореволюционным домам-комплексам с парадным проездом и линию, восходящую к жилым рабочим кварталам с общим жилым пространством. Наглядными примерами одновременного существования обоих подходов могут служить два расположенные друг напротив друга комплекса в начале Русаковской улицы – жилые дома ведомственного кооператива ОГПУ (вл.; арх. Б.М. Иофан 1925-1926)) и комплекс рабочего кооператива (1925-1926; арх. Б.Я. Улинич. Утрачен в 2021 году)⁵⁶⁴. Первый объект имеет центрально-осевую композицию с парадным въездом и центральным дворовым пространством в глубине (Рис. 2). Анализ объемно-планировочных решений корпусов показал, что, как и в дореволюционной практике, на этот проезд выходили «чистые» помещения квартиры – гостиные и спальни. В дворовые пространства были обращены кухни, светлые санузлы и еще одна спальня. Таким образом, структура этого комплекса продолжала дореволюционные традиции с разделением на парадные и дворовые пространства.

Рис. 2. Комплекс жилых домов ведомственного кооператива ОГПУ. Арх. Б.М. Иофан. 1925-1926 гг. Фотография автора (2015 год).

Квартал рабочего кооперативного строительства имел иную пространственно-планировочную организацию. В основе своей жилые корпуса имели типовые секции,

⁵⁶⁴ Соловьева Е. А. Новые дома. Архитектура жилых комплексов Москвы 1920 - 1930-х гг. М., 2012.

утверждавшиеся Моссоветом на каждый строительный сезон. Секции 1925 года состояли из четырех квартир на этаже, что обуславливало исключительно одностороннее их проветривание. Такая планировочная организация определила принципиальный отказ от разделения на парадное и дворовое пространство. Тем не менее, композиционная ось квартала сохранялась. В дворовом пространстве располагалась детская или спортивная площадка, зона для отдыха и общения жителей, что меняло его функцию с «парадного» на жилое. Корпуса во всех кварталах имели ровную высоту в 4 этажа, согласно действующим московским нормам того времени (Рис. 3).

По мере разворачивания программы жилищного строительства увеличивались и площади отводимых под новое строительство участков. Задачи обеспечения требуемой нормативами того времени плотности населения с соблюдением санитарно-гигиенических предписаний повлекли поиски новых подходов к организации и композиции квартала. Большинство объектов представляли собой комбинацию строчной застройки по периметру и свободной постановки корпусов во внутренней части. Устойчивым композиционным приемом в жилых комплексах, которые могли разрастаться до размеров квартала, было наличие выраженной центральной оси, на которую были нанизаны все пространства. Несколько кварталов или комплексов, принадлежавших разным застройщикам, могли объединяться в общий массив. При этом внутри массива могли быть крупные пятна, принадлежащие одному застройщику в сочетании с более мелкими комплексами или домами, которые имели отдельных заказчиков.

Неправильная форма участков зачастую приводила к усложнению конфигурации корпусов – появлялись П-, Г- и S-образные здания, примыкающие друг к другу под острыми или тупыми углами секции. Детали фасадов жилых корпусов также способствовали объединению всех зданий в единое композиционное целое. Тяги, ниши окон, балконы, выступы лестничных клеток тяготели к формам современной архитектуры. С 1927 года важными композиционными элементами стали и угловые балконы, помогающие фиксировать въезды в квартал, а также основные видовые точки, уводя взгляд зрителя в жилое пространство. Все эти элементы могли окрашиваться в отличный от основного поля стены оттенок, что дополнительно усиливало их эффект. Вертикальные акценты создавались остеклением лестничных клеток над входами в подъезды. Эти вертикали создавали общий ритм для всего массива. В контраст этим вертикалям активно использовался прием объединения нескольких окон одной нишей, напоминающей ленточное остекление.

Примером усложненной композиции является квартал на Преображенском валу

(арх. И.С. Николаев). Усложненная конфигурация корпусов с полуциркульными или вогнутыми по дуге угловыми секциями акцентировала главный внутриквартальный проезд по центральной оси треугольника (Рис.4). По обе стороны этой оси раскрываются дворовые пространства, подчеркнутые поворотами корпусов. Один корпус, замыкающий главную ось своей вогнутой конфигурацией так и не был реализован, что не позволило раскрыть замысел авторов в полной мере.

Рис. 3. Комплекс жилых домов РЖСКТ. Арх. Б.Я. Улинич. 1925-1926 гг. Фотография автора (2015 год).

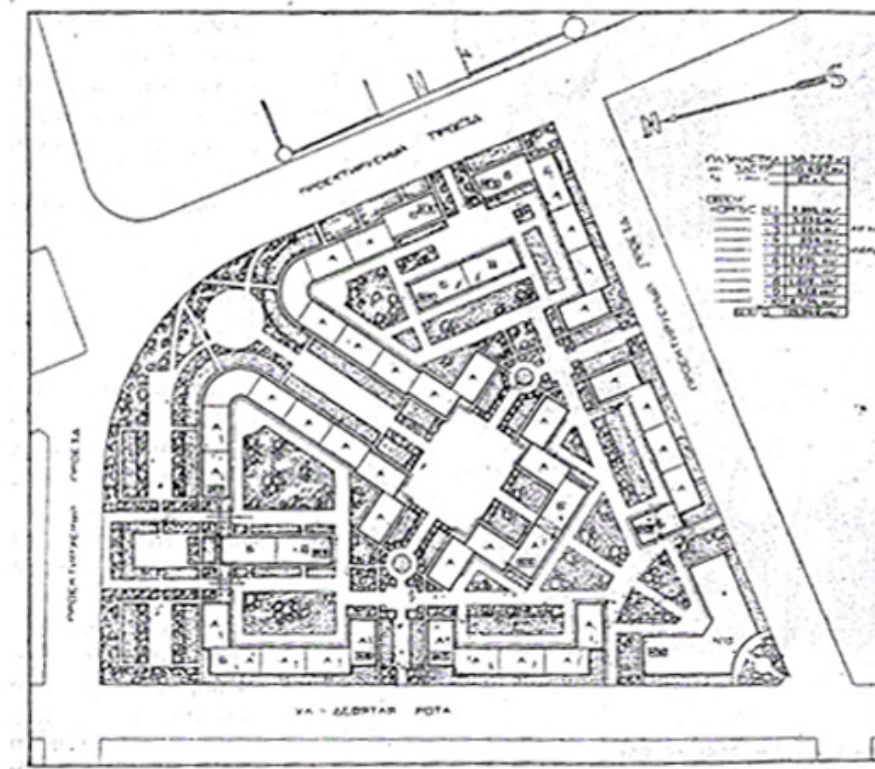

Рис. 4. Генеральный план жилого комплекса на Преображенском валу. Арх. И.С. Николаев, М.М. Русанова, Г.М. Мапу. 1927-1929 гг.

Хавско-Шаболовский жилмассив на Серпуховском валу должен был продемонстрировать принципиально иной подход к массовому жилищу. Первоначальный проект сочетал в себе периметральную застройку по сторонам квартала, при этом центральный въезд должен был фланкироваться корпусами-коммунами повышенной этажности (периметральная часть застройки реализована практически не была). Центральная часть застраивалась по равномерной диагональной сетке типовыми квартирными секциями. На ось нанизаны парадные дворы жилых корпусов, торцы же секций образуют хозяйственные пространства и закрытые детские площадки. Застройка представляет собой равномерный метрический ряд, что должно было подчеркнуть равноценность всех корпусов (Рис. 5).

Рис. 5. Хавско-Шаболовский жилмассив. Бригада АСНОВА. 1927-1928 гг. Общий вид жилой застройки. Фотография автора (2016 год).

В сезоне 1929 года, в связи с переходом к плановой экономике с приоритетом индустриализации, ключевой задачей в массовом гражданском строительстве стало его удешевление при сохранении и даже увеличении объемов вводимой жилой площади⁵⁶⁵. Под влиянием этих факторов произошел переход к преимущественно строчной застройке, где линию застройки образовывал метрический ряд поставленных торцами протяженных корпусов. Композиции фасадов строились на протяженных лентах окон или их равномерной сетке. Для внесения некоторого разнообразия предлагалось применять кладку в два тона кирпича, образующую геометрические рисунки или имитирующие современные архитектурные формы (например, ленточное остекление). Даже в этой ситуации архитекторы стремились создать единый узнаваемый образ жилого комплекса – например, в квартале на ул. Писцовой (вл. 16, арх. О.А. Стабран) метрический ряд усложняется полукруглыми объемами эркеров крайних квартир трех нижних этажей. Этот элемент подчеркивался другой фактурой отделки поверхности (Рис. 6). Ассиметричная

⁵⁶⁵ Мостаков А. Архитектура в жилищном строительстве Моссовета // Строительство Москвы. 1929. № 11. С. 10-12.

выступающая часть должна была иметь и тоновое выделение.

Рис. 6. Жилой массив на Писцовой ул. Арх. О.А. Стабран. 1930-1931 гг.
Фотография автора (2018 год).

Новый виток в деле реконструкции Москвы с курсом на создание парадного образа города определил фактический отказ от возведения жилых массивов на периферии города. Новое строительство концентрировалось на центральных участках, способствуя их парадному оформлению. Крупные участки нового строительства решались квартальной периметральной застройкой, где на улицы выходили более престижные и комфортные квартиры для начальства, а в глубине располагались корпуса для простых рабочих и служащих с преимущественно покомнатным заселением. Как и в дореволюционной практике, парадные помещения квартир обращались на парадный фасад. Задачи оформления магистралей определили повышенное внимание к архитектуре главных фасадов, дворовые же фасады практически не имели детализировки, а в целях экономии нередко даже не штукатурились. При этом распространённые в дореволюционной практике приемы организации парадного двора или проезда на внутридомовую территорию в московской практике середины 1930-х годов практически не использовались. Дворовые территории представляли собой исключительно хозяйственные пространства, нередко практически без благоустройства. Таким образом, в практику московского строительства в начале 1930-х годов вновь вернулись некоторые дореволюционные принципы функционально-планировочной жилых корпусов, но с иным подходом к

пространственно-планировочной организации территории жилого комплекса.

Таким образом, в жилищном строительстве второй половины 1920-х годов был сформирован особый тип застройки – жилой комплекс, обладающий устойчивыми принципами и приемами. Для комплексов было характерно: наличие центрального проезда, который нес в себе функцию объединения всего пространства квартала; функциональное разделение на парадные и дворовые пространства; объединение всех корпусов в единую композицию. Комплексы могли складываться в жилые массивы, образуя композиционно и стилистически гомогенную среду. В современной ситуации жилые комплексы важно рассматривать как целостные градостроительные образования, где утрата какой-либо части повлечет за собой потерю целостности градостроительной единицы и снижению качества среды.

Сегодня многие жилые комплексы стоят под угрозой утраты целостности, а некоторые и под угрозой полного уничтожения. Долгая история определила то, что корпуса, составляющие общую пространственную композицию, имеют разных собственников, а значит разные условия эксплуатации. Ремонт отдельных корпусов производился в разное время и разными подрядчиками, вследствие чего они получили разную окраску и отделку, что во многом разрушает восприятие целостности композиции. При прохождении голосования по программе реновации, часть жителей проголосовала за снос их домов и переселение, а часть жителей высказалась за сохранение своих обжитых домов, что опять же угрожает утратой целостности этих уникальных образований. Некоторые массивы уже давно расселены и ждут решения по своей судьбе, причем, предпочтение власть отдает сносу этих объектов. Есть и положительные примеры капитального ремонта с отселением аварийного фонда – в массиве на Преображенском валу проходит последовательная реконструкция корпусов с возвращением им утраченных в ходе долгой эксплуатации элементов – балконов, углового остекления (Рис. 7).

Рис. 7. Жилой комплекс на Преображенском валу. Арх. И.С. Николаев, М.М. Русанова, Г.М. Мапу. 1927-1929 гг. Жилой дом после проведения капитального ремонта. Фотография автора (2021 год).

Именно благодаря своей композиционной целостности, масштабности застройки, эти комплексы и массивы по сей день создают для своих жителей уютную среду, безопасную для игр детей, способствующую нормальному соседскому общению. Эта атмосфера необходима для поддержания культуры городской жизни, формированию нормальных соседских отношений, которые по всему миру являются залогом устойчивого развития территорий и достижению нормального качества среды. В этих кварталах родилось и выросло не одно поколение москвичей, которые хранят традиции истинно московской культуры, что так же важно в современной ситуации постоянного притока новых жителей столицы.

ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ ЖИЛОЙ СРЕДЫ 1920 – 1930-х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ АРХИТЕКТУРНОЙ СВЕТОТЕХНИКИ

Обеспечение нормальной естественной освещенности жилищ и их достаточной инсоляции сегодня является актуальной проблемой во всем мире. Основные положения и требования в этой области были сформулированы в отечественных науке и практике еще в первые десятилетия XX века. Особенно интенсивно поиски методов расчета велись во второй половине 1920-х - начале 1930-х гг., с развитием как муниципального, так и кооперативного жилищного строительства. Курс на индустриализацию страны, связанный с преобладанием интересов развития промышленности, значительно повлиял на быстрое становление такой отрасли науки, как светотехника. Подход к жилищному строительству как к специфическому «бытовому производству» обусловил интерес архитекторов и светотехников к вопросам выбора оптимальной формы и площади оконных проемов. Привлечение внимания к художественным аспектам гражданского строительства и «освоению наследия» с середины 1930-х годов обусловило работу в области особенностей восприятия сложных архитектурных форм при различном освещении, что иногда шло в ущерб проектированию освещенности жилых помещений. В конце 1930-х годов, вместе с задачами увеличения объемов жилищного строительства по типовым проектам возобновились исследования по определению оптимальных формы, площади и расположения оконных проемов с учетом ориентации и различных факторов затенения. На основании лабораторных обследований и натурных экспериментов были установлены значения коэффициента естественной освещенности (КЕО) для жилых помещений и определены основные требования к инсоляции. Однако сегодня, когда повсеместно звучат призывы к формированию устойчивой среды жизнедеятельности, осознанному подходу к ресурсопотреблению, улучшению качества жизни населения, научно доказанные 80 лет назад положения, к сожалению, в отечественной практике подвергаются пересмотру в сторону явного ухудшения.

Солнечный свет всегда был решающим фактором для формирования здоровой среды жизнедеятельности человека. Несмотря на постоянный рост урбанизации во всем мире, такие базовые характеристики, как инсоляция и освещенность, продолжают играть существенную роль в формировании застройки городов. В крупных городах в последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция повышения плотности застройки, резкое увеличение средней этажности, что неизбежно ведет к сокращению инсоляции как городских территорий, так и внутренних пространств зданий, в том числе их естественного освеще-

ния. Энергоэффективность зданий относится к ключевым проблемам современной архитектуры, и достаточная освещенность и инсоляция помещений является одним из решающих факторов. Вместе с тем, стилистика современной архитектуры предполагает наличие значительной площади остекления практически во всех типах зданий. В северных районах большие площади остекления чреваты чрезмерными теплопотерями, а в южных – наоборот, чрезмерным количеством солнечной радиации, которая может быть опасна для здоровья, затруднять ведение нормальной трудовой деятельности и вести к повышенным нагрузкам на системы вентиляции и кондиционирования⁵⁶⁶.

С целью поиска баланса между экономической необходимостью повышения плотности застройки и соблюдением санитарно-гигиенических принципов в современной иностранной практике при помощи специализированного программного обеспечения ведутся поиски нового формообразования зданий различных типов. Внедрение в процесс проектирования специализированных программ для расчета инсоляции и естественного освещения помогает уже на начальных этапах работы над проектом определить оптимальные параметры здания, которые позволили бы и сократить площадь падающей от здания тени, и провести максимальное количество солнечного и небесного света в помещения. Подробный обзор некоторых западных проектов дан в статье М. Серебряковой⁵⁶⁷. Параметрическое проектирование позволяет определить не только оптимальную с точки зрения инсоляции и освещенности конфигурацию здания, но и понять форму, площадь и конструкцию (тип стекла, переплетов и пр.) окон, которые будут способствовать созданию оптимального микроклимата в помещениях без чрезмерных затрат на кондиционирование и отопление⁵⁶⁸. Разрабатываются и новые технологии для улучшения дневного освещения и инсоляции помещений в сложившейся жилой застройке. В мировой практике все активнее внедряются полые световоды и иные приспособления для концентрации солнечных лучей в нужных местах⁵⁶⁹. Специальные компьютерные программы помогают определить опти-

⁵⁶⁶ Darula, S., Christoffersen, J., Malikova, M. Sunlight and insolation of building interiors. // Energy Procedia. – 2015. – 78 - pp. 1245-1250. [электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/291284929_Sunlight_and_insolation_of_building_interiors (дата обращения: 15.03.2021)

⁵⁶⁷ [Serebryakova M.](#) Foreign experience of design of buildings subject to the requirements of insolation and sun protection // Bulletin of Belgorod state technological university named after. V. G. Shukhov. -2019. - Volume 4. - № 9. [электронный ресурс] URL <https://bulletinbstu.editorum.ru/en/nauka/article/28955/view> (Дата обращения: 16.03.2021)

⁵⁶⁸ Lee, J.W., Jung, H.J., Park, J.Y., Lee, J.B. Optimization of building window system in Asian regions by analyzing solar heat gain and daylighting elements // Renewable Energy. - 2013.- Volume50 -Pp 522-531. DOI: 10.1016/j.renene.2012.07.029.

⁵⁶⁹ Грициенко Г.Д., Касьянов В.Ф. Постановка задач по применению световодов и отражения света фасадами для улучшения условий инсоляции и повышения КЕО при реконструкции городской застройки // Светотехника. - 2015. - №3. - С. 27-30.

мальную конфигурацию световых колодцев, наклон их стен и иные параметры, которые позволят провести внутрь здания наибольшее количество солнечного и небесного света⁵⁷⁰.

Можно констатировать наличие в странах умеренной географической зоны и северных широт устойчивое стремление к максимальному использованию солнечного света как в помещениях, так и на открытых территориях. В мировом законодательстве имеется такое положение, как «право на солнечный свет», которое позволяет блокировать возведение строений, затеняющих соседние участки⁵⁷¹. При этом для развитых европейских государств нормы инсоляции и естественного освещения держатся на стабильном достаточно высоком уровне⁵⁷².

Безусловно, проблема обеспечения городского населения солнечным светом актуальна и в нашей стране, особенно в ее северных районах. Отечественная практика массового жилищного строительства многие десятилетия основывалась на строгом соблюдении норм освещенности жилых помещений и их инсоляции. Эта ситуация, безусловно, далеко не всегда была удобна застройщикам, но только соблюдение жестких регламентов со строгим контролем позволяло обеспечивать определенный стандарт качества массовых жилищ и их санитарно-гигиеническую безопасность. Становление нормирования прошло определенные этапы, в результате чего были сформулированы научно обоснованные критерии.

В дореволюционный период единственным пунктом Устава строительного, главного регламентирующего застройку документа, где упоминались вопросы освещения жилища, было требование к полуподвальным жилым помещениям, чтобы они имели освещение окнами и возможность проветривания⁵⁷³. Лишь в 1911 году управлением главного врачебного инспектора был разработан проект Положения о санитарных требованиях для жилищ, где выдвигались предложения по установлению равенства высоты зданий и ширины улицы, на которой они расположены, что должно было обеспечить инсоляцию первых этажей⁵⁷⁴. Световая поверхность окна или совокупности окон должна была составлять не менее 1/8 площади пола. Прямым светом должны были быть освещены и лестницы. Размещение жилищ в подвалах и полуподвалах категорически воспрещалось.

⁵⁷⁰ Ahadi, A.A., Saghafi, M.R., Tahbaz, M. The study of effective factors in daylight performance of light-wells with dynamic daylight metrics in residential buildings // Solar Energy .- 2017. - Volume 155. – Pp. 679-697.

⁵⁷¹ Андреева П.Н. Право человека на солнечный свет в зарубежных странах // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. №1 (45). – с. 228-234.

⁵⁷² Шмаров И.А, Земцов В.А, Коркина Е.В. Инсоляция: практика нормирования и расчета // Жилищное строительство. 2016 - №7 . – с. 48-53.

⁵⁷³ Тилинский А. И. Практическая строительная памятная книжка : Пособие для строителей, домовладельцев и лиц, причастных к строит. делу / А.И. Тилинский. - Санкт-Петербург :коммерч. типо-лит. Виленчик, 1911. С. 87

⁵⁷⁴ Проект положения о санитарных требованиях для жилищ // Зодчий. - 1911. - №39. - С 404.

Несмотря на признание актуальности этого проекта, он сразу же встретил отпор со стороны разных инстанций, отвечающих за развитие городского жилищного строительства. Предлагавшееся «геометрическое нормирование» освещения помещений, в ретроспективном обзоре этого документа в 1917 году было названо сугубо академическим, поскольку мера освещения обеспечивается не только площадью поверхности окна, но и «зависит от ориентировки данного помещения, от величины дворов, а вместе с размером окон – и от толщины стен»⁵⁷⁵. Проявилась потребность в более достоверном коэффициенте оценки освещения, особенно в зависимости от географической широты места. Иными словами, ученые-гигиенисты и некоторые архитекторы уже тогда вполне осознавали и важность проблемы нормальной освещенности и инсоляции жилых помещений, и комплекс факторов, на нее влияющий. Но провести это понимание в жизнь не представлялось возможным. Решение проблемы оздоровления городского жилищного строительства, несмотря на предпринимаемые попытки, блокировалось на уровне существующего законодательства и лоббирующих его гласных (депутатов) городских дум.

Требования увеличения объемов капитального многоэтажного жилищного строительства в крупных городах, настойчиво звучавшие во второй половине 1920-х годов, когда благодаря НЭПу активно развивалось жилищное строительство, сопровождались введением первых строительных норм, где учитывались и вопросы освещенности квартир. Они должны были отвечать условиям возможности сквозного проветривания, что обеспечивало не только улучшение качества воздуха в квартире, но и лучшую ее инсоляцию и световую среду. Глубина жилых помещений не должна была превышать двойной высоты и двойной ширины помещения. Световая поверхность окон в жилых помещениях, в столовых, в комнатах дневного пребывания и в кухне принималась не менее $1/10$ площади пола. Прямое освещение предусматривалось в туалетах, кладовых и иных помещениях, а коридоры и прихожие должны были освещаться вторым светом.⁵⁷⁶ Таким образом, в советском законодательстве 1920-х годов для жилищ также укоренился геометрический принцип нормирования, как самый простой и доступный, но весьма приблизительный.

Под влиянием перехода к плановой экономике с интенсивным развитием промышленности в конце 1920-х годов стало особенно актуальным внедрение научных расчётов для обеспечения оптимальных производственных условий. Требовалось найти баланс ме-

⁵⁷⁵ Барановский Г. Судьбы русского строительного законодательства. История пересмотров устава строительного. Часть III. // Зодчий. - 1917. - №16. - С. 114.

⁵⁷⁶ Постановление Совета Труда и Оборона Союза С.С.Р. временных строительных правил и норм для постройки, жилых домов в поселках от 28 июля 1926 года (СССР. Законы и постановления. – 1926.- № 53. - ст. 391 и 392)

жду затратами на строительство и эксплуатацию, электроэнергию, на освещение и отопление, обеспечение оптимального температурного и светового режима, непосредственно влиявших на производительность труда и здоровье работающих. В этой связи особенно востребованными оказались данные такой развивающейся отрасли науки, как светотехника. Советским архитекторам, стремившимся разработать научный подход к проектированию жилых и общественных зданий для нового общества, приходилось во многом опираться на немногочисленные работы отдельных немецких и американских ученых. Свою лепту в мировую науку, несомненно, внесли Институт оптики, основанный в 1921 г. в Париже выдающимся физиком-оптиком Ш.Фабри и проведенный в том же году Международный конгресс по проблеме освещенности, установивший определения основных понятий и единиц измерения.

Об остроте проблемы свидетельствовал тот факт, что в 1929 г журнал «Современная архитектура» посвятил ей целый номер, где свои опыты и теоретические построения описывали как ученые-физики, инженеры, в том числе и иностранные, так и архитекторы. Инженер-архитектор И.С.Николаев опубликовал в этом журнале предлагаемую им методику математического расчета естественного, меняющегося в течение дня, освещения. Эти знания он применял практически, работая в это время над текстильной фабрикой «Красная Талка» в Иванове и знаменитым студенческим общежитием в Москве, ставшим классикой авангардной архитектуры. Николаев указывал на необходимость организации собственных лабораторий и исследовательских станций по изучению вопросов естественного освещения, так как только они позволяли вывести эту необходимую науку на новый уровень⁵⁷⁷.

Такая работа действительно началась в ГИСе⁵⁷⁸ в начале 1930-х гг., однако наибольшее влияние на методы измерения и расчета естественной освещенности оказал тогда еще молодой сотрудник Государственного оптического института А.А. Гершун. Он был физиком-оптиком, и, сотрудничая одновременно в Кабинете современной архитектуры ленинградского Института гражданских инженеров, опубликовал в том же тематическом номере журнала «Современная архитектура» результаты своих первых работ в этой области⁵⁷⁹. Он рассматривал вопросы естественной освещенности помещений несколько с иной стороны – как часть светового хозяйства страны, в свою очередь являющегося важ-

⁵⁷⁷ Николаев И.С. Основания к выбору рационального светового проема. // Современная архитектура.- 1929. - № 2.- С. 46-50

⁵⁷⁸ Государственный институт сооружений (ГИС, создан в 1927 г, с 1931 г – ЦНИИПС, с 1957 г. ЦНИИСК)

⁵⁷⁹ Гершун А. Метод расчета естественного освещения. // Современная архитектура.- 1929.- № 2.- С. 56-57

ной составляющей всего энергетического хозяйства СССР. По рассуждению Гершуна, для рационального ведения светового хозяйства, включающего в себя и область естественного освещения помещений, нужно знать естественные ресурсы, т.е. условия естественного освещения под открытым небом для разных местностей Союза ССР. Но поскольку в то время исходных метеорологических данных было еще далеко недостаточно, это вынуждает, как он писал, пользоваться приближенными методами расчета естественного освещения.

Суть изобретения А.А.Гершуна состояла в построении на основе формул теоретической фотометрии специальных измерительных диаграмм, рассчитанных на различные типы световых проемов, а также диаграмм, учитывающих ориентацию здания, влияние толщины стены, противостоящих зданий и даже вертикальной освещенности стен и освещенности между зданиями. Изготовленные из прозрачного материала, диаграммы накладывались на простые чертежи в определенном масштабе, и по количеству попавших на световой проем фрагментов диаграммы подсчитывался уровень освещенности в нужных точках. Такой расчет делался значительно проще и быстрее, чем вычисление по аналитическим формулам и при этом оказался достаточно точным. Он получил признание, как среди ученых и инженеров, так и среди архитекторов-практиков. К примеру, точность измерений освещенности подтверждалась в проектах ленинградского архитектора А.С. Никольского. Пользуясь методом измерения освещенности помещений А.А. Гершуна, он проверял опытным путем и математическими расчетами площадь, конфигурацию и размещение оконных проемов соответственно характеру освещаемого помещения. В частности, результаты этой работы были применены им в проекте дома Центросоюза в Москве, а также в проекте районного почтамта в Ленинграде ⁵⁸⁰.

Жилище в конце 1920-х годов воспринималось как своего рода приложение к промышленности, его задача понималась прежде всего как восстановление сил рабочих после трудового дня. Жилой дом рассматривался как производственное здание, где основным полем приложения труда было ведение быта и умственная работа.

Такая установка определила, с одной стороны, первые попытки научного осмысления естественной освещенности жилых помещений и разработки неких научно-обоснованных подходов к выбору формы оконных проемов и их расположению. Наиболее активно в конце 1920-х годов подобные работы производились в секции типизации Стройкома РСФСР, где впервые в государственном масштабе под руководством архитектора М.Я. Гинзбурга стали разрабатываться проблемы научной организации быта. Вне-

⁵⁸⁰ Никольский А.С. Естественное освещение внутренних помещений. // Современная архитектура.- 1929 - № 2.- С. 57

дрением научных подходов объяснялась и новая эстетика жилищной архитектуры, характеризовавшаяся, в том числе, свободной композицией фасада с разнообразной формой окон. Для обоснования внедрения конструктивно более сложных типов оконных проемов архитекторами из группы Гинзбурга было проведено сопоставление оконных проемов различной конфигурации при различной степени застекленности в жилых помещениях (от 1:2 до 1:6 от площади пола). Было выявлено, что при одинаковой поверхности стекла и соотношении с площадью пола горизонтальное окно дает значительно более равномерную освещенность по сравнению с вертикальным окном. Особенно эти преимущества возрастают при уменьшении толщины стен в современных железобетонных конструкциях⁵⁸¹, на которые в своей работе и ориентировались эти архитекторы. Однако в этом случае чрезвычайно важной является высота от пола до начала окна и высота «верхнего лба» над окном до потолка. Было установлено, что при высоте более 1 м от пола до окна последнее перестает играть роль связи жилья с окружающим пространством, а темный верхний промежуток более 1 м «значительно попадает в зрительную перспективу глаза».

Новые типы окон и их комбинации впервые в отечественной практике были применены именно в объектах, проходивших через Стройком РСФСР : жилой дом Наркомата финансов на Новинском бульваре, 25 (арх. М.Я.Гинзбург, И.Ф.Милинис, инж. С.Л.Прохоров); дом РЖСКТ «Показательное строительство» на Гоголевском бульваре, 8, арх. М.О. Барщ, В.В. Владимиров, И.Ф. Милинис, С. Орловский, А.Л. Пастернак, Л. Славина); общежитие рабочих ватной фабрики в Ростокино (Проспект Мира, 186, арх. М.Я. Гинзбург, С. А. Лисагор, 1928 г.); жилой комплекс «Дом Уралоблсовета» в Екатеринбурге, арх. М.Я. Гинзбург, А.Л. Пастернак, инж. С. Л. Прохоров, 1929-1933 гг). На рубеже 1920-х – 1930-х годов наибольшую популярность ленточное остекление получило в общежитиях (Студенческое общежитие (дом-коммуна) Текстильного института, арх. И.С. Николаев. 1929-1930 г.); студенческий городок на Извозной и комплекс студенческих общежитий «Анненгофская роща»(арх. Б.В. Гладков, А.М. Зальцман, П.Н. Блохин, 1929-1930 гг). Именно в этой форме жилья организация, предоставлявшая жилплощадь своим подопечным, была заинтересована в максимальной рациональности при наиболее полном соблюдении всех требований, и применение ленточного остекления, казалось, как нельзя лучше выявляет подобные устремления.

Выход в начале 1930-х гг. на первый план узко понимаемой экономики жилищного строительства достаточно быстро привел к пересмотру выбора горизонтальной формы

⁵⁸¹ Барщ М., Владимиров В. Форма окна жилого помещения. // Современная архитектура.- 1929. - № 2.- С. 41-43

окон с большой площадью остекления как наиболее светоактивных проемов⁵⁸². Учету подверглось все: расходы на т.н. «экономичные стены», очистку и ремонт остекления, на дрова для отопления, на вентиляцию в летнее время и т.п. Институт сооружений сделал тепловые расчеты, показывающие, насколько дороже в эксплуатации 1 кв. м. остекления поверхности в сравнении с поверхностью стены⁵⁸³. Оказалось, как доказывали авторы исследований, что все эти эксплуатационные расходы перекрывают экономию на имевшейся возможности в масштабе страны дольше пользоваться естественным освещением, не прибегая к электрическому свету (на что в основном были направлены расчеты А.А.Гершуна). Сама форма горизонтальных окон также была дискредитирована этими расчетами. При одинаковой световой площади стоимость горизонтального окна оказалась несколько выше, чем стоимость окна вертикальной формы. При этом кривые освещенности, по мнению авторов, различались несущественно. «Таким образом – писали авторы статьи – стремление архитекторов дать возможно больше стекла в помещении обходится чрезвычайно дорого и непроизводительно расходует топливный фонд страны»⁵⁸⁴, а наиболее экономичным и светоактивным является окно квадратной, а не горизонтальной формы.

Таким образом, естественное освещение в начале 1930-х годов представлялось важным экономическим фактором, оказывающим серьезное воздействие при организации производственных процессов. На этом этапе были внедрены и первые нормативы. Для регулирования уровня освещенности рабочих поверхностей был установлен коэффициент естественной освещенности (КЕО) - т.е. отношение освещенности на данном месте к одновременно измеренной горизонтальной освещенности под открытым небосводом.

На волне увлечения сугубо экономическими показателями в начале 1930-х годов появлялись предложения полного отказа от устройства в зданиях окон и перехода к исключительно искусственному освещению. Такие предложения выдвигались применительно не только к производственным помещениям, где в ряде случаев они могли бы быть вполне оправданны, но и для объектов жилищного строительства. Так, в 1931 году известный российский физик А.Ф.Иоффе предлагал проекты домов-коммун на 1 миллион жителей, которые отапливались теплом человеческих тел и кухонными плитами, при этом

⁵⁸² Гусев Н.М., Джус К.Н. [Опечатка в оригинале статьи: правильно: Джус К.И.] Против горизонтального остекления. // Строительство Москвы.- 1930.- № 10.- С. 26-29

⁵⁸³ Гусев Н.М., Джус К.Н.... с. 27

⁵⁸⁴ Гусев Н.М., Джус К.Н.... с. 28

без окон, поскольку они были основным источником потери тепла⁵⁸⁵. Но такие радикальные предложения были однозначно осуждены и отвергнуты, так как в рассматриваемый период уже признавалась важнейшая психо-физиологическая роль небесного и солнечного света для людей. В то время уже было доказано, что стекло задерживает значительную часть солнечного спектра, в частности, ультрафиолетовые лучи. Тем не менее, и проникающие внутрь помещения короткие лучи видимого спектра, и длинноволновая часть спектра признавались не лишенными положительного биологического действия. Кроме того, ощущение непосредственной связи помещения с окружающим пространством, особенно в солнечные дни, и в начале 1930-х годов признавалось весьма положительным эмоциональным фактором, имеющим особо серьезное значение в жилых, учебных и лечебных помещениях⁵⁸⁶. Но, несмотря на признание важности естественного освещения для жилищного строительства, в первой половине 1930-х годов требования к освещенности жилых помещений по-прежнему сводилась к геометрическому нормированию. Согласно Единым нормам строительного проектирования, установленным в марте 1930-го года, «световая площадь окна за вычетом площади переплетов должна составлять 1/7 – 1/10 площади пола в зависимости от географической широты, расположения здания и ориентировки по сторонам света».⁵⁸⁷ Глубина жилого помещения не должна была превышать удвоенной высоты и удвоенной его ширины. Высота подоконника устанавливалась на уровне не менее 80 см.

В трудах по вопросам планировки жилых кварталов указывалось, что по существующим нормам ширина разрыва между зданиями должна быть равна их высоте. Но такое простое, вновь сводившееся к геометрическим принципам нормирование для учета инсоляции жилых кварталов признавалось недостаточным. Группа архитекторов и экономистов под руководством П.И. Гольденберга провела исследование, по результатам которого установила зависимость разрывов между зданиями не только от их высоты, но и от ориентации здания (меридиональное, широтное, диагональное), а также от особенностей психологического восприятия. Оптимальной признавалась застройка в пять-шесть этажей с разрывами от полутора до трех высот корпуса, в зависимости от его ориентации. При этом Гольденберг указывал, что «несмотря на всю важность для нас солнечного освещения,

⁵⁸⁵ Труды первой всесоюзной конференции по естественному освещению. Вып. 3. Доклады. М.-Л.: Государственное энергетическое издательство, 1933. С.169

⁵⁸⁶ *Мешков В.В.* Смелянский З.Б. Гигиена освещения (руководство для студентов санитарно-гигиенических факультетов и для промышленно-санитарных врачей). М.-Л.: Государственное медицинское издательство, 1934. С.268

⁵⁸⁷ Единые нормы строительного проектирования. Жилищные сооружения. Здания постоянного жилья. Утверждены комитетом по стандартизации при Совете труда и обороны 14 марта 1930 года, как обязательные для всех строительных проектов, начатых разработкой после 31 марта 1930 года.

считать инсоляцию решающим санитарно-гигиеническим фактором нельзя. Это тем более справедливо, что 69% времени в году (по наблюдениям за период 1871 – 1923 гг) московское небо покрыто тучами»⁵⁸⁸.

Инсоляция квартир на этом этапе так же стала важным фактором. Согласно действующим требованиям, все основные помещения должны были освещаться прямым солнечным светом, но уже тогда было понятно, что различные функции могут допускать разную ориентацию жилых помещений. Для обеспечения проникновения солнца в жилые комнаты окна должны быть расположены в пределах – восток, юг, запад. Подсобные помещения квартир могут быть ориентированы на северные стороны. В односемейных квартирах вопрос равномерного освещения жилых помещений вообще не представлялся жестким требованием, «так как комнаты по назначению могут иметь разные требования к освещению, в разное время дня, скажем, столовая, спальня, общая комната и др»⁵⁸⁹. Однако распространенная в этот период практика покомнатного заселения квартир, рассчитанных на одну семью, сводила на нет все научные расчеты.

В середине 1930-х годов, на волне общих установок на освоение классического наследия, даже такие, казалось бы, прикладные аспекты, как освещенность и инсоляция, в значительной степени стали связываться с проектированием фасадов жилых домов и приобрели значение художественного инструментария. Солнечный свет должен был способствовать созданию «жизнерадостных», «бодрых и выразительных» образов. Указывалось, что именно солнечное освещение является одним из факторов, оказывающих исключительно большое влияние не восприятие геометрической формы здания и его деталей. Стали разрабатываться вопросы архитектурно-декоративного освещения, которое сочетало в себе художественные и утилитарные задачи. Была показана зависимость инсоляции не только от ориентации здания как таковой, но и от времени года. Восточная и западная ориентации жилых помещений были указаны в качестве приоритетных⁵⁹⁰. При этом никаких требований к светопроемам не давалось. Выбор конфигурации окна полностью оставался за архитектором и диктовался преимущественно стилистикой фасада.

Увлечшись проектированием фасадов домов и их композициями, архитекторы нередко приносили в жертву качество жилых интерьеров, особенно в домах, выходящих на парадные магистрали. Об отсутствии научного подхода и произволе в оценках много го-

⁵⁸⁸ Проблема жилого квартала / П. Гольденберг, В. Долганов ; предисл. проф. В. Н. Семенова. - Москва; Ленинград : Техника управления, 1931. С. 20

⁵⁸⁹ Галактионов А, Соболев Д. Жилой квартал. Организация, нормы и условия планировки. М.: Госстройиздат, 1934. С. 52

⁵⁹⁰ Гусев Н.М. Свет в архитектуре. М-Л.: Главная редакция строительной литературы. 1937. С. 104

ворилось на II пленуме правления Союза советских архитекторов, посвященном жилищу, в декабре 1937 г. Примером критической оценки сложившейся ситуации может служить высказывание Б.М. Иофана: «... зачастую архитектор жертвует удобством и комфортом жилья ради, я бы сказал, псевдо-архитектуры. В Москве, например, во многих новых домах квартиры получились недостаточно светлые, с чрезвычайно высокими подоконниками и другими крупными дефектами потому, что этого якобы требовало решение фасада»⁵⁹¹. Наибольшее распространение получила вытянутая вертикально прямоугольная форма окон. Для обогащения фасада применялись и сдвоенные узкие вертикальные окна (ул. Тверская, д. 4, арх. А.Г. Мордвинов, 1937 г.), которые впоследствии были названы наименее удачными со светотехнической точки зрения. Определенное распространение получила и «лежачая» форма окон, которая должна была сочетать в себе преимущества ленточного и обычного прямоугольного остекления (например, один из первых московских домов для специалистов на ул. Земляной Вал, ¼ стр.1, арх. А.А. Кеслер, 1932-1934; дом кооператива «Военный строитель» на Тишинской пл. 8, арх. О. Шмидт). Позже она была названа экономически не оправданной, так как давала чрезмерные затраты на устройство перемычек усложненной конструкции без качественного улучшения показателей освещенности помещения.

Дальнейшее повышение внимания к различным аспектам естественного освещения жилищ было обусловлено требованиями резкого увеличения объемов жилищного строительства с переходом на типовое проектирование по всей стране. Перед архитекторами ставились задачи обоснования выбора размеров, расположения и формы оконных проемов, ориентации здания по сторонам света с учетом особенностей светового климата данной местности, а также затеняющего действия противостоящих зданий⁵⁹². При этом стремление к обеспечению максимально возможной инсоляции и естественного освещения называлось такой же ошибкой, как и допущение выхода всех окон квартиры исключительно на северную сторону или недостаточная площадь световых проемов.

Но если для различных видов промышленного производства для разных географических зон к концу 1930-х годов уже начали разрабатываться свои специфические требования к нормам освещенности, то в жилище точные регламенты отсутствовали. На законодательном уровне по-прежнему применялось геометрическое нормирование, но показатели были улучшены – световые площади окон без вычета площади переплетов, должны

⁵⁹¹ Жилище. Вопросы проектирования и строительства жилых зданий. Материалы II пленума правления Союза советских архитекторов СССР 23-27 декабря 1937 г. М.: Изд. ВАА, 1938. С. 41

⁵⁹² Гусев Н.М. Освещение жилищ. М.-Л.: Государственное издательство строительной литературы, 1939. С.4

были составлять $1/5 - 1/8$ площади пола, в зависимости от географической широты расположения здания и ориентировки по странам света. Вспомогательные помещения квартир допускалось освещать вторым светом⁵⁹³. Единственным желательным условием было то, что в некоторой части помещения величина КЕО должна была быть достаточной для производства домашней работы⁵⁹⁴.

Именно в этот период с целью проверки достоверности теоретических расчетов, на которое опирались все рассуждения на протяжении десяти прошедших лет, проводилось обследование освещенности жилых помещений на моделях и в натуре. Главным выводом стало то, что величины реального КЕО в значительной мере превышают расчетные показатели за счет положительного влияния отраженного света⁵⁹⁵. При этом наилучшие показатели достигались при светлой окраске стен и потолка. Это позволяло устраивать жилые помещения глубиной до 6 метров, но при соблюдении определенного соотношения площади остекленной поверхности окна и площади пола. Хорошие показатели освещенности получались при соотношении от 14 до 18%, что в пересчете на простые дроби составляет примерно от $1/7$ до $1/5,5$ от площади пола. Такая площадь остекления признавалась умеренной и вполне достаточной для соблюдения баланса между качеством освещения и затратами на строительство и последующую эксплуатацию.

На основании проведенных расчетов КЕО для рабочих поверхностей было показано, что оптимальным для жилищ световым проемом будет окно вертикально-протяжённой или квадратной формы. При значительной ширине помещения рекомендовалось увеличение количества окон подобной конфигурации, а не переход к ленточному типу. Именно вертикальные окна давали наилучший КЕО во всех основных расчетных точках, в то время как протяженное горизонтальное остекление давало чрезмерно затененный участок непосредственно под окном, что в жилых помещениях являлось наиболее распространенным рабочим местом. Наличие затемненных простенков по сторонам окон представлялось как специфическая особенность именно жилых помещений, которая должна была создать необходимое ощущение уюта и отдыха для глаз.

Таким образом, в конце 1930-х годов не только увлечение сухими расчетами, которые должны были дать ощущение объективности архитектурных решений, но и учет довольно субъективных психологических факторов влиял на требования к освещению жи-

⁵⁹³ Временные нормы строительного проектирования жилых зданий. Наркомхоз РСФСР. 1938. С.18

⁵⁹⁴ Беляев С.В. Вопросы естественного освещения при проектировании помещений. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1938. С.42

⁵⁹⁵ Гусев Н.М. Освещение жилищ. М.-Л.: Государственное издательство строительной литературы, 1939. С. 73

лых помещений. Проведенные расчеты КЕО показали, что практиковавшийся уже несколько десятилетий геометрический метод расчета величины светопроема относительно площади пола помещения являлся вполне достаточным для жилищной архитектуры. К концу 1930-х годов главным показателем нормы освещенности для всех зданий, в том числе и для объектов жилищного строительства, был КЕО, который мог четко регламентироваться.

Таким образом, к концу 1930-х – началу 1940-х годов в практике жилищного строительства СССР сформировались определенные требования к естественной освещенности и инсоляции жилых помещений квартир для массового строительства. Они были направлены на обеспечение здоровой жилой среды при соблюдении требований экономичности строительства как в процессе возведения постройки, так и при ее эксплуатации. Учет климатической зоны строительства, ориентации зданий, характера окружающей застройки должны были обеспечить оптимальные условия для жизни граждан.

Но сегодня, почти через 100 лет после установления стандартов для массового жилищного строительства, требования и нормативы год от года ухудшаются. В 2017 году для центральной географической зоны РФ было допущено ухудшение норм инсоляции. Нормативная продолжительность инсоляции в центральной зоне РФ с 2 часов в период с 22 марта по 22 сентября сократилась на два месяца: теперь - с 22 апреля по 22 августа⁵⁹⁶. Увы, этот показатель для основной территории страны, где проживает большая часть населения, стал хуже, чем для северных территорий с гораздо более суровыми климатическими условиями. Ухудшились и нормы инсоляции как для помещений, так и для детских и спортивных площадок и придомовых территорий. В условиях разворачивающейся в Москве программы реновации новые нормативы грозят ухудшить не только микроклимат внутри квартир для массового заселения, но и являются реальным фактором снижения показателей благоприятности окружающей среды в городе⁵⁹⁷. С особой остротой проблема обеспечения нормальной инсоляции развернулась в связи с охватившей мир пандемией COVID-19. Ухудшение норм инсоляции и увеличение плотности застройки связывается с различными аспектами распространения высококонтагиозных инфекций⁵⁹⁸. В погоне за экономическими выгодами, увы, отодвигаются ключевые завоевания XX века, в том числе

⁵⁹⁶Постановление от 10 апреля 2017 г. О внесении изменений в санитарные правила и нормы СанПиН 2.2.1/2.1.1.1076-01 «Гигиенические требования к инсоляции и солнцезащите помещений жилых и общественных зданий и территорий».

⁵⁹⁷ *Андреева П.Н.* Право на инсоляцию и Программа реновации в городе Москве // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. №1. – с. 42-48.

⁵⁹⁸ *Поповский Ю.Б., Щепетков, Н.И.* Инсоляция и COVID-19: защита от агрессора // Светотехника. – 2020. - № 3. – с. 23-26.

и в отечественной практике, в области оздоровления среды жизнедеятельности человека – нормирование инсоляции и естественного освещения в помещениях, которые являются безусловным фактором здоровья населения.

ГЛАВА III.7.

АРХИТЕКТУРНО-ПРИРОДНАЯ СРЕДА ДАЧНОГО ПОСЕЛКА КОМАРОВО (БЫВШ. КЕЛЛОМЯКИ) ПОД САНКТ-ПЕТЕРБУРГОМ, ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ.

Дачный поселок Комарово (бывш. финск. название Келломяки) на Карельском перешейке в ближайшем пригороде Санкт-Петербурга сформировался в три этапа: дореволюционный (конец XIX века – 1917 г.), в составе Финляндии (1917-1944 гг.) и советский (1944 г. – конец 1980-х гг.)⁵⁹⁹. Нынешний этап, постсоветский, 1990-е - 2020-е гг., это этап умеренной модернизации поселковой среды. Уникальность историко-культурного ландшафта Комарово состоит в сочетании природы Карельского перешейка с характерной материально-пространственной средой Санкт-Петербургского дачного пригорода. В свою очередь, особенность природного ландшафта заключается в объединении зоны морского курорта (пляжи побережья Финского залива, Балтийского региона) и северной природы (леса и озера Карельского перешейка). До революции здесь сложился оригинальный уклад жизни, впитавший в себя элементы традиционной финской культуры. Немало исторических деятелей, петербургских и финских, жили в дореволюционный и финский периоды Келломяк.

После Второй мировой войны Келломяки, переименованные в 1948 г. в Комарово, стали дачно-курортной зоной с многочисленными домами отдыха творческих союзов. В поселке в Доме творчества писателей, на дачах Литфонда, Академического поселка и на собственных дачах жили и работали многие выдающиеся представители петербургско-ленинградской научно-творческой интеллигенции. Мемориальность места в совокупности с особенностями природного и культурного ландшафта позволяют считать Комарово целостным культурным феноменом, в связи с чем в 2013 г. делались попытки, не увенчавшиеся успехом, присвоить Комарово статус достопримечательного места⁶⁰⁰.

ПРЕДИСТОРИЯ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА. ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ВДОЛЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА МЕЖДУ ТЕРИЙОКАМИ И КУОККАЛОЙ

К началу XIX века России принадлежала Выборгская губерния – часть территории Финляндии, отошедшая России по Ништадтскому миру 1721 г. В 1809 г. по результатам русско-шведской войны между Россией и Швецией был заключен Фридрихсгамский до-

⁵⁹⁹ Ныне дачный поселок Комарово административно-территориально входит в Курортный район Санкт-Петербурга.

⁶⁰⁰ Левашко С. С. Особенности градостроительной охраны культурного ландшафта дачного поселка Комарово (бывш. Келломяки) на побережье Финского залива // Современная архитектура мира. М., -СПб: Нестор-История, 2016. Вып. 7. С. 79-97.

говор, по которому король Швеции полностью отказался от своих прав на Финляндию в пользу России. Финляндия вошла в состав Российской империи на правах Великого княжества Финляндского, автономия которого закреплялась конституцией, дарованной императором Александром I и сеймом. С 1890-х гг. правительственная политика в отношении Финляндии изменилась: в ее задачи входили постепенная отмена автономного управления на основании конституции и русификация края.

Карелия была отдельным графством Великого княжества Финляндского.

Представление об облике исследуемой территории до появления железной дороги Риихимяки – Выборг – Санкт-Петербург, строительство которой завершилось в 1870 г., дает топографическая карта, датируемая концом 1850-х гг.⁶⁰¹

Вся территория вдоль Финского залива между Терийоками (ныне г. Зеленогорск) и Куоккалой (пос. Репино) покрыта лесом. Местность была безлюдна, малопригодна для сельскохозяйственной деятельности. Про первые поселения и археологические памятники неизвестно. Археологических работ на анализируемой территории в советское время не проводилось. Навряд ли они были проведены и в 1918-1939 гг.

Местность называлась Хирвисуо (Лосиное болото), по ней проходила одна из старейших исторических дорог. Вдоль побережья Финского залива, по нижней террасе, со времен средневековья пролегалла прибрежная дорога (Рантатие) на Выборг – нынешнее Приморское шоссе. Местность будущего дачного района отчетливо возвышалась, о чем говорят топографические карты середины XIX века. Соседняя возвышенность еще в XVII веке получила название Афанасьевой горы.

Финляндская железная дорога находилась в ведении дирекции казенных железных дорог Финляндии, подчиненных сенату. На работах по ее постройке было занято 12 тыс. финнов. Проект был разработан финскими инженерами и архитекторами.

Вероятно, название будущего дачного поселка родилось в период строительства железной дороги, которое на этом отрезке пути осуществлялось примерно в 1868-1869 гг. «Поблизости располагался небольшой холм, на котором установили медный колокол, извещавший рабочих о перерывах на обед, начале и окончании смены»⁶⁰² – предположительно отсюда появилось название места «Келломяки» (Kellomäki). С финского языка mäki – «гора», «холм», kellomäki – «Желтая горка», «Часовая горка» или «Колокольная

⁶⁰¹ Атлас карт на центральную часть СПб губернии (50 листов), 1858-1859.

⁶⁰² Балашов Е.А. Карельский перешеек. Земля неизведанная. Часть I. Юго-Западный сектор: Кивенапа – Терийоки (Первомайское – Зеленогорск). СПб. : ИПК «Нива», 2005. Изд. 5. С.133.

горка» – последнее стало общепринятым переводом во всей русскоязычной литературе как наиболее подходящая версия.

Естественно, что проложенная здесь железная дорога стала мощным фактором градостроительного освоения территории, превратившая непригодные для сельского хозяйства земли в дачно-курортную зону, чему способствовали исключительно благоприятные климатические и бальнеологические условия этой части Финского залива. Активное градостроительное освоение территории началось через десятилетие после завершения строительства железной дороги и ее пуска в 1870 г. До 1880-х гг. территория к юго-востоку от Терийок не была заселена.

В 1890 г. и 1903 г. вышли постановления, которые уравнивали в правах россиян и финнов, что создало предпосылки для более активного освоения русскими финских территорий.

Созданный Финским сенатом в 1890 г. Дачный комитет резервировал земли на северном побережье Финского залива для продажи иностранцам. Приобретение участков иностранцами требовало разрешения Финского сената. Из 12 стран поступили прошения на покупку дачных участков в окрестностях Терийок. Больше всего заявок было из Германии. Среди покупателей из Российской империи — представители Грузии и Урала, но большинство, разумеется, являлись петербуржцами.

Работы по межеванию проводились в 1895-1905 гг., одновременно шла продажа участков⁶⁰³. Технической стороной продажи ведал лесничий Эрнстрём. Желающих среди местного населения приобрести дачный участок оказалось немало, но русские покупатели оказывались в привилегированном положении, так как своим жителям финские власти часто отказывали, подозревая их в спекуляции.

Период освоения под дачное строительство Карельского перешейка с последней четверти XIX – нач. XX веков в литературе называют «дачным бумом» (третьим по счету), неузнаваемо преобразившим финскую провинцию. Петербуржцы, финны, а также граждане других стран начали скупать у местных крестьян земли. Почти все малопригодные для сельскохозяйственных нужд прибрежные территории были скуплены предприимчивыми жителями Санкт-Петербурга. Произошло новое открытие «старой Финляндии». Неофициальной «дачной столицей» Карельского перешейка стал поселок Терийоки с одноименной железнодорожной станцией.

⁶⁰³ Ленинградский областной государственный архив г. Выборга (ЛОГАВ). Ф. 268. Выборгская губернская межевая контора. Оп. 1. Д. 28. О проведении межевания в губернии в 1898-1900 гг.; д. 4808. О проведении межевания в уезде (Эурпяякский), 1896-1910.

Финнами, в том числе и осевшими здесь строителями железной дороги, были основаны небольшие финские поселения (хутора, деревни). Традиционная финская система землепользования была хуторской. Для обеспечения дачников продуктами крестьяне стали вырубать леса и осушать участки Литориновой террасы, создавая сельскохозяйственные угодья.

ПЕРВЫЙ ЭТАП. КОНЕЦ XIX ВЕКА – 1917 г. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В 1900 г. государственными структурами Финляндии был составлен проект распределения донационного имения Линтула. Дачный район Келломяки стал формироваться на фрельзовых землях⁶⁰⁴, покупаемых дачевладельцами от казны⁶⁰⁵.

Указанный дачный район расположился на террасах, ступенями поднимающихся от Финского залива. Нижняя Литориновая терраса тянется на многие десятки километров вдоль морского побережья. В пределах сегодняшнего Комарово ширина нижней террасы не превышает 700 м, а абсолютная отметка – 12 м. От нижней террасы верхняя отделена крутым склоном-уступом, вдоль верхней бровки которого и были сооружены первые дачные постройки. Рельеф окрестностей не исчерпывается террасами, береговыми валами и дюнами. К северо-западу от железной дороги в 3 км находится Щучье озеро.

Келломяки не упоминаются в качестве самостоятельного селения в известных путеводителях Н.П. Федотова 1880-1890-х гг. Однако, уже в последнем десятилетии XIX века в Келломяках существовали единичные дачные постройки. Об этом свидетельствует, например, датировка одной дачи – 1896 г.⁶⁰⁶. Этот и ряд других фактов позволяют считать середину 1890-х гг. датой основания будущего дачного поселка Келломяки, который с появлением платформы в 1901 г. и станции в 1903 г., начал активно развиваться. Первые купчие на приобретение земельных участков датированы 1904 г.⁶⁰⁷

В соответствии с классификацией дачных поселений, возникновение исследуемого дачного поселения относится к третьему периоду процесса развития дачного строительства в Петербургской губернии в наиболее благоприятном природном ареале, и тип дачного поселения Комарово определен как «дачный поселок»⁶⁰⁸.

⁶⁰⁴ Фрельзовые земли – дворянские земли, освобожденные от налогов, льготные для всех с 1864 г.

⁶⁰⁵ Проект зон охраны ПИиК пос. Комарово. СПб., 1995. С. 11. Хранение: КГИОП. П.737 (2), Н-6480.

⁶⁰⁶ Проектно-инвентаризационное бюро Курортного района, инв. № 301. См.: Дача в пос. Комарово по адресу Кавалерийская, д. 6, лит. А (№ 16) в: Историко-культурная экспертиза. СПб., 2006. Хранение: КГИОП. Инвентарный № Н-8024.

⁶⁰⁷ Kahonen E. Ehtinen Terijoki. Kouvola, 1982.

⁶⁰⁸ Черных О.И. Дачное строительство Петербургской губернии XVIII – XX веков: диссертация на соиск. ст. канд. архитектуры, СПб., 1993. Т. 1. С. 41; Т. 2. С. 8-9, 32-33.

Дачные поселки Келломяки и Оллила (ныне пос. Солнечное) самые поздние по Финляндской железной дороге. Их закладкой завершается история основания дачных поселений северного побережья Финского залива на рубеже XIX-XX вв. в пригородах Санкт-Петербурга. Наряду с известными дворцово-парковыми ансамблями и усадебными комплексами вдоль южного побережья Финского залива, они сформировали пригородную систему расселения столичного Санкт-Петербурга.

Схему планировки дачного района Келломяки (ок. 1895) составил помощник землемера Элиас Аугуст Пипониус⁶⁰⁹. Выявлены кадастровые планы некоторых участков Келломяк, подписанные Пипониусом, что подтверждает его причастность к планировке исследуемого дачного района⁶¹⁰.

Составленная Э.А. Пипониусом схема планировки территории исключала хаотичность и стихийность последующей застройки. Предварительное планирование территории в тот период стало уже нормой при закладке новых дачных поселений. Схему Пипониуса нельзя считать генеральным планом поселения в полном смысле слова. Характеристика планировки сегодня дается только по имеющимся схематичному фиксационному плану 1909 г. и плану 1913 г. Рис. 1.

Структура планировки поселка выполнена с учетом генеральной схемы межевания и лесо-устроительных работ Кивеннапской волости (после 1910 г. Терийокской) Эурьяпякского уезда Выборгской губернии, в который входил дачный район Келломяки. Она регулярна, вытянута вдоль железной дороги, ориентирована на нее поперечными улицами. Имеются несовпадение осей трассировок, случайные отклонения, возможно связанные с рельефом. В плане 1913 г. диагональная по отношению ко всей планировке Озерная ул. приблизительно совпадает с исторической дорогой-просекой (древняя дорога Хаукиярвентие). Древняя дорога в южной части от железной дороги приблизительно совпадает с нынешней Курортной ул.

Железная дорога делит территорию поселения на две почти равные части: Лесную (Верхнее Комарово, на север от ж/д) и Морскую стороны (Нижнее Комарово, к югу от ж/д до берега залива). На схеме можно выделить главные и второстепенные улицы. Так, перпендикулярно железной дороге проложена главная улица Морская (Мерикату), пронизывающая всё поселение с севера до побережья Финского залива. В Морской стороне Морскую ул. пересекают улицы, идущие параллельно железной дороге. Большой проспект

⁶⁰⁹ Kahonen E. Entinen Terijoki. Kouvola, 1982. С. 197.

⁶¹⁰ Кадастровый план квартала «Булгария» с подписью Пипониуса (квартал с Болгарской ул.). Хранение: Провинциальный архив г. Миккели (Финляндия).

(Валтакату) проходит вдоль бровки Литоринового уступа. На Лесной стороне Петербургскую ул. (Пиетаринкату, ныне Ленинградская) перпендикулярно пересекают короткие номерные улочки – 1-я, 2-я и т. д. до 10-й. Площади или другие открытые общественные пространства на схеме отсутствуют.

Рис. 1. Карта окрестностей С. Петербурга. 1909 г. Фрагмент. / Интернет-ресурс <http://terijoki.spb.ru>.

ПОДХОД К ПЛАНИРОВКЕ ТЕРРИТОРИИ МОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ КАК ИНЖЕНЕРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ (ЛЕСОУСТРОИТЕЛЬНЫЙ)

В 1901 г. появилась платформа, в 1903 г. платформа Келломяки превратилась в станцию. Местоположение железнодорожной станции обусловило стихийное возникновение общественного центра поселения. Он сформировался и закрепился на пересечении железной дороги и Морской ул., где в основном сосредоточились русские и финские предприятия торговли и обслуживания. С 1930-х гг. часть Морской ул. на Лесной стороне именовалось Торговой (Кауппакату), отражая свою функцию. Далее вдоль железной дороги сложилось открытое пространство двух кварталов, где впоследствии появились объекты социальной инфраструктуры: аптека, конторы, церковь (1906), школа (1909), летний театр и т.п. заведения. Итак, с появлением станции, а не наоборот, территория дачного района стала интенсивно застраиваться.

На первом же этапе развития дачного района Келломяки в 1900-е гг. определилась рекреационная функция Кивеннапской волости. Он вошел в группу т.н. «морских дере-

вень»: Оллила, Куоккала, Терийоки, «Каунис и Тойвола»⁶¹¹. В этот период, кроме Келломяк, образовались поселки Тарховка, Александровская, Сестрорецкий Курорт. Административно-правовой статус «поселка» Келломяки, вероятно, получил после 1944 г. В финское время он значился как «деревня Келломяки».

За 1900-1913 гг. планировочная схема Пипониуса получила свое развитие как вдоль железной дороги, так и в северо-восточном направлении.

Необходимое представление о сложившейся планировочной структуре и застройке исторического поселения дает рисованный «План дачного района Келломяки», выполненный по заказу Келломякского пожарного общества художником И.А. Владимировым в 1913 г.⁶¹² Он снабжен списком имен дачевладельцев, что явилось ценной информацией для сегодняшних исследований. Рис. 2.

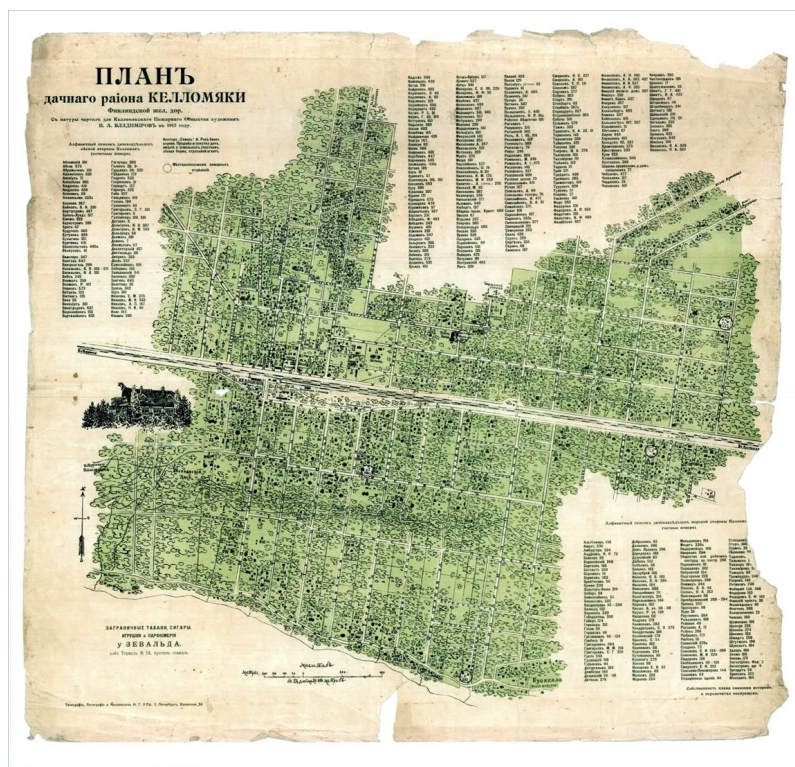

Рис. 2. План дачного района Келломяки Финляндской железной дороги (со списком дачевладельцев). 1913.

Исполнитель: худ. И.А. Владимиров. / Из семейного архива Н.И. Баторевич, внучки художника. Подготовка к публикации Р. Даянова.

На 1913 г. функционально-планировочная структура селения принципиально сложилась. Имелись все основные общественные сооружения и инфраструктура, необходимые для функционирования дачного столичного пригорода : железная дорога и товарная

⁶¹¹ Черных О.И. Указ. соч.

⁶¹² В данном случае термин «историческое поселение» употребляется в историко-градостроительном смысле, а не нормативно-правовом.

станция, церковь, школа, магазины, административно-хозяйственные и обслуживающие здания (полиция, сеть пожарных депо), промышленное производство, летний театр, учреждения курортного назначения (пансионы, санатории). Рис. 3.

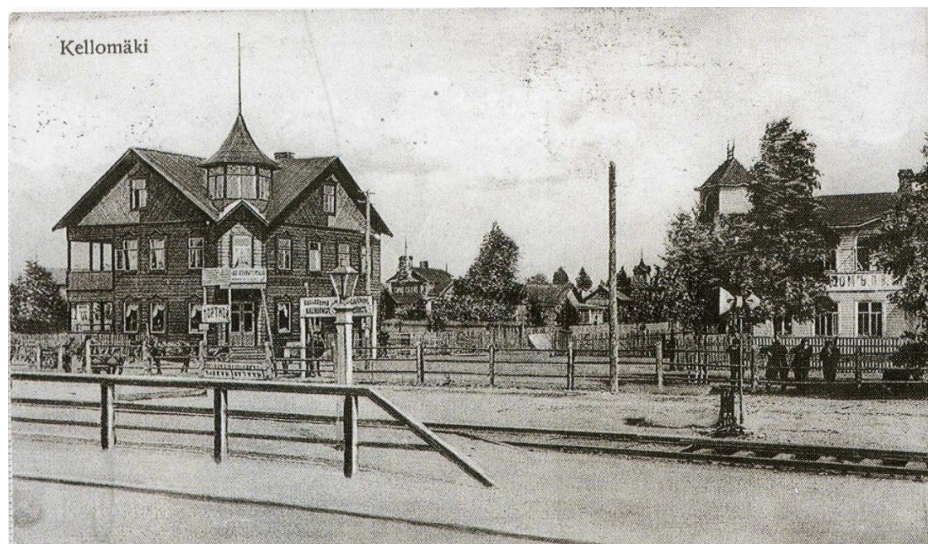

Рис. 3. Пристанционная застройка на Лесной стороне. Предприятия торговли и обслуживания. / Teuvo Termonen. Junalla Pietarista Kivennavalle: Фотоальбом. Saarjärvinen Offset Oy, Saarjärvi, 2008. С. 148.

Судя по иконографическому материалу дореволюционного времени (в основном фото открытки), поселок имел благоустройство на высоком уровне, что было характерно для всех курортно-дачных поселений побережья Финского залива: благоустроенные проезжие и пешеходные дороги (мощение, ограждение, освещение, скамьи и малые формы, площадки отдыха), лестницы на уступе Литориновой террасы, мостики через овраги, ручьи, видовые площадки и террасы, купальни и пр. Спортивные площадки в основном были частные, расположены на территориях крупных дачевладений. Фрагменты этого благоустройства дошли до нас. Рис. 4.

Поскольку население в Келломяках было преимущественно русским, то и улицы поселка носили русские названия. Некоторые из них сохранились до настоящего времени. Европейская традиция именовать собственные дома и виллы стала характерной для пригородных дачных поселений и в России. Так в Келломяках почти все виллы или участки имели собственные звучные имена: «замок Арфа» (вилла архитектора Г.В. Барановского), «Миранда», «Обрыв» (владение А.М. Юхневича,), «Берта» (вилла Ф. Нидермейера и арх. А.Ф. Нидермейера), «Мариенгоф», «Мекленбург» и т.д. Имена вилл передавали особенности архитектурного облика сооружений, географию места (русские дачевладельцы зачастую давали своим владениям финские имена), а в целом они, как и топонимика, отражали культурный ландшафт и стиль эпохи модерна. Деревянная церковь Сошествия

Святого Духа на Апостолов (1906, арх. Н.Н. Никонов. Утрачена, 1917) в объемно-пространственной структуре поселения являлась доминантой. Для ее возведения было объединено несколько участков. На этом месте сегодня в стадии завершения находится объем новой церкви, возведенной по проекту воссоздания утраченной⁶¹³.

Рис. 4. Пансион «Тихий уголок». Фотооткрытка, 1908. / Интернет-ресурс <http://terijoki.spb.ru>.

В 1908 г. в Келломяках насчитывалось 500 дачных участков; к 1916 г. без малого 800 дач, в которых летом проживало около 10000 жителей.

На краю поселка возле дороги по направлению к озеру Щучьему (Хаукиярви) появилось небольшое русское кладбище .

В Келломяках, как и повсюду в российских городах и поселках, на добровольных началах была организована пожарная команда. В 1908 г. € Общество содействия благоустройству дачной местности «Келломяки»⁶¹⁴.

Развитие застройки Келломяк в сторону Куоккалы обусловило появление в 1914 г. небольшого полустанка Канерва. Он обеспечивал русским владельцам новых дач на этом

⁶¹³ Проект воссоздания церкви Сошествия Св. Духа на Апостолов в Комарово разработан архитектурным бюро «Литейная часть-91», 2012.

⁶¹⁴ Устав Общества содействия благоустройству дачной местности «Келломяки» Кивинебского прихода Выборгской губернии. СПб.: изд-во «Строитель», 1908.

участке более удобное сообщение. Когда же численность дачников резко снизилась, полустанок прекратил свое существование.

Представление об архитектурной среде Келломяк дают сохранившиеся немногочисленные исторические здания, литературные и архивные источники. Типовые проекты дачных построек применялись повсеместно в России, и Келломяки не исключение. В каждом конкретном случае вносились индивидуальные изменения. Сегодня идентифицировать модернизированные со временем дачи, в свое время построенные по конкретным типовым проектам, сложно.

Архитектура жилой застройки Келломяк вписывается в диапазон «между историзмом и современностью». В первую очередь, это модерн в разных региональных интерпретациях (балтийский, немецкий, швейцарский, неорусский), неоклассицизм, неогрек, имеющие характерное воплощение в дереве. Материал нивелировал различие стилистик, придавал среде гармоничность и целостность. Архитекторы вдохновлялись лучшими образцами европейских и петербургских пригородных вилл и особняков⁶¹⁵. Рис. 5, 6.

Финский национальный романтизм (т.н. «северная архитектура») и карелианизм⁶¹⁶, источником которого была народная архитектура Белой Карелии, считался русскими архитекторами, да и заказчиками, наиболее приемлемым на финской земле. Рис. 7, 8. Это стилевое направление не относится к той застройке, которую сегодняшние жители Комарово до сих пор называют «финскими домами». «Финские дома» (не путать с послевоенными сборными щитовыми домами в Академическом поселке) – это одно-, двухэтажные постройки на одну или несколько семей, возведенные строительными артелями в традициях финской строительной практики рубежа XIX-XX веков. Они характеризуются простотой облика без архитектурно-художественной обработки (прямоугольные в плане, с двухскатной крышей, белыми рамами окон и окрашенные суриком стенами), функциональностью и исключительной экономностью. Подобные дома строились по всей Финляндии, и собственно они являются неотъемлемой частью ее исторического городского ландшафта (Выборг, Поорво, Лавииса, Ярвенпяя и др.).

⁶¹⁵ Лешошко С. С. Дачный пейзаж Русской Финляндии //Е. Травина, С. Лешошко. Архитекторы Карельского перешейка. Книга первая. От Солнечного до Молодежного (от Оллила до Метякюля), 1880-1939. Биографический справочник. СПб., 2016. С. 9-44.

⁶¹⁶ Netta Book, Johani Seppovaara. Kirkosta Savusaunaan. Puusta Rakennettu Suomi. Helsingissa kustannusosakeyhtiö. Otava, 2008. 175 s.

Рис. 5. Морская сторона. Вилла «Арфа» Арх. Г. В. Барановский, вторая пол. 1900-х. Фотооткрытка 1930- гг.

Рис. 6. Контора «Север». Фотооткрытка / Интернет-ресурс <http://terijoki.spb.ru>.

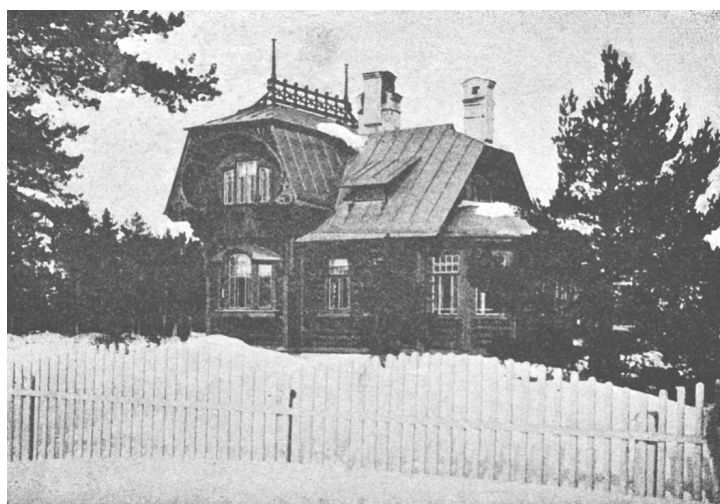

Рис. 7. Дача. Арх. В.Г. Стори. / Дачная архитектура. СПб.: Прогресс. Вып. 4. Фотооткрытка.

Рис. 8. Дача архитектора В. Ф. Габерцетеля. Морская сторона.

Характер застройки на Лесной и Морской сторонах заметно отличался: во-первых, Морская сторона была чисто дачной в отличие от Лесной, где сосредотачивались объекты социального обслуживания; во-вторых, по величине и благоустройству участков, габаритам дачных построек; в-третьих, по уровню архитектуры, определяемой высокими запросами заказчиков. Владельцы дач Морской стороны были людьми, как правило, состоятельными. По бровке глинта Литоринового уступа с видом на Финский залив расположи-

лось 15 участков. Дачевладельцы скупали по несколько участков, строили внушительных размеров дома, композиция которых, как правило, включала башенки-доминанты. Например, собственные дачи архитекторов и гражданских инженеров (зачастую и их родственников) все разместились на Морской стороне. В воспоминания русских и финнов жильцов Келломяк нередко фигурируют «сказочные дворцы». Финский писатель, петербуржец, Тито Коллиандер вспоминал: «Резные, будто выпиленные лобзиком зубчатые башенки, беседки и стеклянные веранды с окнами-витражами, причудливые ворота полукругом... Дачи, похожие на дворцы и сказочные замки, с шестиугольными башнями, взмывавшими высоко над парком и лесом»⁶¹⁷. Писатель-эмигрант Борис Зайцев делился своими впечатлениями посещения Келломяк в письме И.А. Бунину в 1935 г.: «...Здесь поражают *размеры* дач. Как широко и богато в России жили!»⁶¹⁸. Рис. 9.

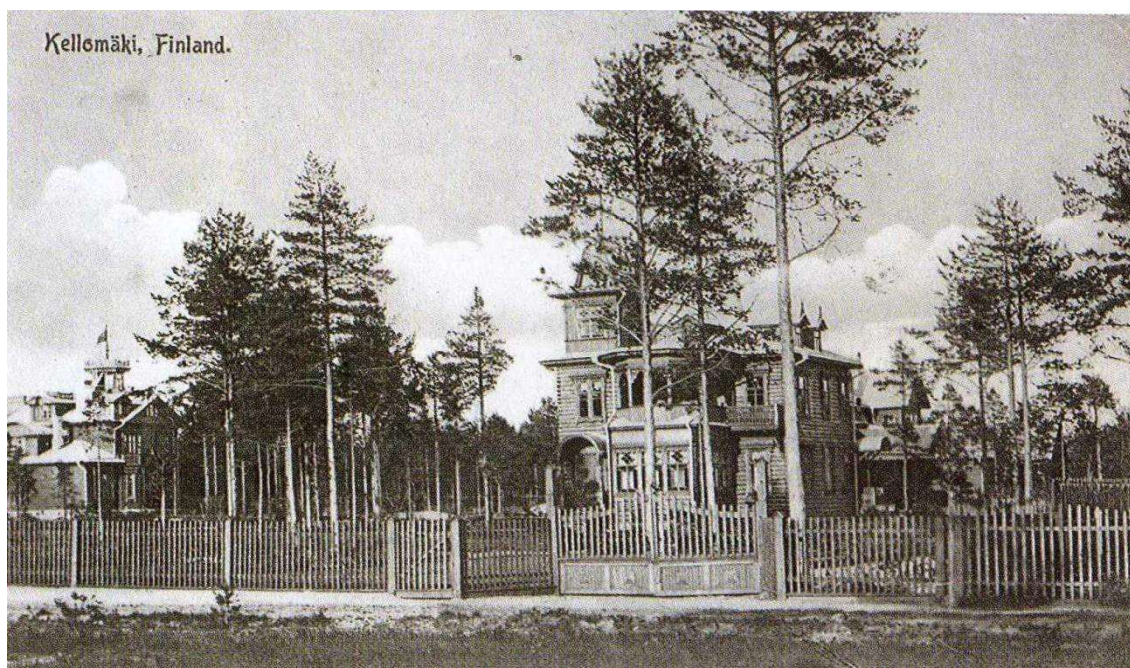

Рис. 9. Характерная архитектурная среда Келломяк

Ист. : Teuvo Termonen. Junalla Pietarista Kivennavalle: Фотоальбом. Saarjärvinen Offset Oy, Saarjärvi, 2008. С. 149.

Многие виллы имели электрическое освещение, источником тока обычно служила домашняя электростанция.

На Лесной стороне строили дачи меньших размеров, более скромные в архитектурном плане, но в своей массе хорошего профессионального уровня, который обеспечивался высоким средним уровнем профессиональной культуры в Санкт-

⁶¹⁷ Снеговая И.А. «Маленькая столица» // Комарово-Келломяки. Статьи и воспоминания. Второе изд., испр. и доп. СПб., 2010. С. 80.

⁶¹⁸ Цит. по: Снеговая И. А. Указ соч. С. 84.

Петербурге того времени. Поэтому рядовая дачная застройка, которой сохранилась ничтожная часть, представляет не только историческую, но и художественную ценность.

Летом приезжали строители из Польши, садовники из Прибалтики, в основном, латыши и эстонцы⁶¹⁹. На бедных песках местных террас они создавали произведения садово-паркового искусства. Выходец из Курляндии Я. Сериньш основал здесь садоводство. Культивировались фруктовые сады, обеспечивающие продукцией столицу и местный рынок.

В пределах нижней Литориновой террасы в конце XIX – начале XX века владельцами дач были устроены пруды, чему способствовали рельеф и почва. Наиболее известен каскад прудов бывшей виллы Рено, который сегодня находится на территории памятника природы «Комаровский берег», и там организован маршрут «Экологическая тропа»⁶²⁰. Финский журналист Оскар Парланд характеризовал парк и сад этой виллы как «грандиозные». В своей книге «Знание и вживание» он оставил воспоминания о Келломяках в 1923-1925 гг.: «Роскошная вилла Рено была превращена в пансионат... На склоне было множество источников, заполнявших три больших овала, три пруда в окружении ирисов.... Внизу находился круглый пруд, величиной почти с небольшое озеро в окружении серебристой ивы, тополей, лип и кленов. ... Сюда стекала вода из прудов на склоне. ... Из каменной беседки, которая располагалась на самой высокой точке горы, на углу ул. Морской, был виден залив, вечерний ореол Петербурга, купол Морского собора Кронштадта, паруса кораблей»⁶²¹.

Взаимопроникновение русской и финской культур формировало особый тип повседневной культуры. В поселке проживали в основном петербургские дачевладельцы, жившие порой здесь и зимой, но были и съемщики дач, клиенты пансионатов⁶²². Из общего числа дачевладельцев, зафиксированных на плане 1913 г. И.А. Владимирова, часть являлась финнами. Жители различных районов Финляндии, в том числе и весьма отдалённых, поселялись здесь и делали свой бизнес (торговый, строительный, лесопиление, добыча торфа и т. п.). В 1903 г. предприниматель Й. Халленберг, житель Выборга, основал в Келломяках завод по производству торфяной крошки. Сырьё добывалось в соседнем болоте Техтаан-суо («Заводское болото»). Поскольку с торфом работали лишь летом, в зимнее время при заводе действовало лесопильное производство, основанное в 1914 г., а позднее

⁶¹⁹ Комаровский берег – комплексный памятник природы. СПб., 2002. С. 10.

⁶²⁰ В 2006-2008 гг. по инициативе дирекции особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга была произведена их расчистка и реконструкция.

⁶²¹ Цит. по: Снеговая И. А. Указ соч. С. 84.

⁶²² Травина Е. М. Комарово – Kellomäki. Морская сторона. Книга - путеводитель. СПб.:ЦСКН, 2020. Серия «Дачная жизнь сто лет назад». С. 16-22.

и мельница. Это производство функционировало, давая работу многим местным жителям, до начала Зимней войны.

Жизнь в Келломяках носила те же черты времени, что и в Санкт-Петербурге. Поэт И. Савин писал в 1926 г.: «До революции вся южная сторона Выборгской губернии жила исключительно, так сказать, отраженным петербургским светом, Келломяки, Терийоки, Перкьярви, Райвола – все это летом было забито дачниками из Петербурга, и частично, севера, России. Коренное население дачного района опять, так или иначе, путем ли сдачи жилищ или продажи продуктов, но жило и работало для русских дачников, число коих в иные годы доходило до нескольких тысяч...»⁶²³.

Уже тогда стал складываться миф о побережье, очарование которого будет вдохновлять петербургско-ленинградскую культуру на протяжении всего двадцатого века.

Д.С. Лихачев, чье детство и юность были связаны с поселками Куоккала и Келломяки в своих «Воспоминаниях» написал: «Правый и левый (южный) берега Финского залива резко расходились по своему значению. На южном [...] располагались дачные места, где в окружении исторических дворцов жили по преимуществу художники с ретроспективными устремлениями... На северном... располагались места, где жила по преимуществу интеллигенция, склонная к творческому бунтарству»⁶²⁴.

В августе 1914 г. началась мировая война. Дачное строительство было свернуто, летние виллы и пансионаты опустели.

Келломяки как социо-культурное явление и архитектурно-градостроительное образование представляет собой типичный пример выражения философских идей своего времени: мечты об идеальной среде для жизни человека, выразившейся в формировании комфортной среды на лоне природы. Культурный ландшафт Келломяк берет свои истоки уже на первом этапе развития поселка.

ВТОРОЙ ЭТАП. 1917 – 1944 гг. ФИНСКИЙ ПЕРИОД

Второй период связан с вхождением поселка в состав независимой Финляндии. Келломяки утрачивают функцию пригородного дачного района Петрограда. Сохраняется и развивается социальная инфраструктура, направленная на удовлетворение нужд собственно жителей поселка: местная промышленность и сельское хозяйство, достигшее к 1930-м гг. своего максимума, социально-культурное обслуживание.

⁶²³ Цит. по: Базанов П.Н. Келломяки (Комарово) в эмигрантский период и культурная жизнь русско-го зарубежья // Вестник СПб государственного университета культуры и искусств, 2011. № 3. С. 160.

⁶²⁴ Снеговая И. А. Указ соч. С. 81, 79.

1917 – 1939 гг.

Существует 3 карты, позволяющие провести архитектурно-градостроительный анализ этого периода: топографическая карта Финляндии 1922 г., карта межевания деревень Терийоки и Тюрисевя, 1923 г.⁶²⁵ и схематический план Келломак 1930-х гг.⁶²⁶

⁶²⁵ Провинциальный архив Миккели, Финляндия, Ф. 258.. Сайт: Terijoki.spb.ru. Зеленогорск. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_map_browser.php?mfx=map_kellomaki_1923&sc=5 (дата обращения 14.02.2022) Подготовка к публикации А. Браво

⁶²⁶ Ист.: сайт Terijoki.spb.ru. Зеленогорск. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=map_kel1930&sc=3 (дата обращения 14.02.2022). Подготовка к публикации А. Браво

Рис. 10.

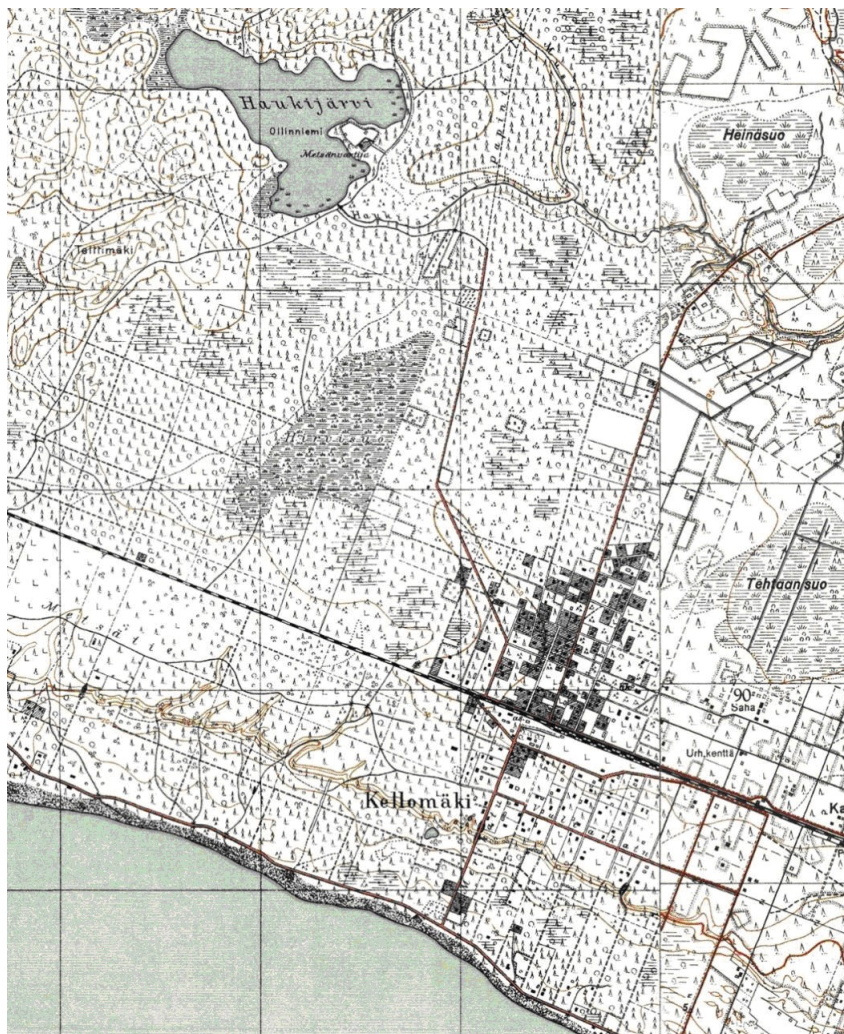

Рис. 10. Топографическая карта 1930-х гг. с наложением схемы застройки из: Kahonen E. Entinen Terijoki. Kouvola, 1982. С. 400.

По всей видимости, план межевания Келломяк 1923 г., составленный финским топографом Уно Хольстен, был реализован лишь частично. Развитие застройки поселка в этот период намечается вдоль выходящей на Выборгскую трассу основной дороги (1-я Дачная ул.), перпендикулярной железной дороге. План 1922 г. фиксирует это перспективное направление, которое ограничено природным рубежом: глубоким оврагом с Щучьим ручьем. Оно получило дальнейшее развитие уже на послевоенном советском этапе.

Создавалась инженерная инфраструктура поселка. Сформировалась дренажная система финского образца, зафиксированная на плане 1930-х гг. Система дренажных канав почти утрачена в настоящее время. Фрагменты сохранились между 3-й и 4-й Дачными улицами. Система дренажных канав в продолжение 1-й и 2-й Дачных улиц послужила генеральной основой для трассировки улиц садоводства «Дружба» на третьем послевоенном

этапе. В сохранившихся лесах производились выборочные рубки, на заболоченных участках – осушительная мелиорация; прокладывались просеки, лесные дороги. Кстати, и на плане пос. Келломяки 1913 г. лесная просека именуется Репинской ул.

Революционные события 1917 г. заставили многих представителей имущего класса покинуть Петроград. Поток беженцев шел в основном через Финляндию, ставшую к тому времени независимой. Некоторые владельцы дач вернулись к своим летним резиденциям уже в качестве эмигрантов. Некоторые, не задерживаясь в Финляндии, эмигрировали в центральную Европу, и только небольшая часть русской колонии (несколько десятков семейств) осталась постоянно жить в Келломяках, «за границей», на своих дачах.

В 1918 г. брошенных зданий в поселке насчитывалось около восьмиста. Порядка 200 зданий остались на прежних местах, так как имели своих хозяев. Многие пустые дачи были заняты расквартировавшимися в них немецкими подразделениями дивизии фон дер Гольца. На аукционах начали распродавать бывшую русскую недвижимость. Большую часть из них продали, а 200 зданий раскатали на бревна и перевезли в поселок Ярвенпяя под Хельсинки, некоторые из которых сохранились до сих пор⁶²⁷. Бесхозные здания через несколько лет перешли в собственность финляндского государства. Отдельные дома передавались безвозмездно финским семьям, нуждавшимся в жилье.

О жизни в 1930-х гг. опубликованы воспоминания Л.В. Балмасовой, внучки академика И.П. Павлова. Она отмечала отличную систему каналов, великолепную дренажную систему, которую рыли и чистили нанятые сезонные рабочие-финны. Камни, которые попадались, укладывали сверху в виде ограды. пляж был абсолютно чистый, никаких камней. Солдаты вынимали эти камни из воды и в больших грузовиках увозили на строительство⁶²⁸.

С каждым годом расширялась система мелких гостиниц и пансионатов на побережье. Перед войной в этот отдаленный уголок Финляндии приезжали на отдых гости из стран Северной Европы, Англии, Франции и Германии. Культурная жизнь поселка Келломяки носила в этот период космополитические черты, царило смешение национальностей и языков. С середины 1920-х гг. местным предпринимателям, стремившимся к возрождению курорта, стала оказываться государственная поддержка. Обветшавшие бесхозные дачи обрели новых владельцев, которые принялись приводить их в порядок.

⁶²⁷ Натурное обследование С. С. Лешко, 2010.

⁶²⁸ Балмасова Л.В. Интервью. Лето 2000 года // Комарово-Келломяки. Статьи и воспоминания. СПб., 2010. С. 176.

Рис. 11.

Рис. 11. Финский период, 1917-1939. Морская улица. Характерная среда.
ист. : Teuvo Termonen. Junalla Pietarista Kivennavalle:
Фотоальбом. Saarjärvinen Offset Oy, Saarjärvi, 2008. С. 147.

Судя по выявленным в ЛОГАВ пяти делам, можно сделать вывод, что возводились и новые постройки. Финские жители Терийокской волости в 1920-х – 1930-х гг. открывали новые пансионаты, дома отдыха, отели, кафе, рестораны. Таким образом, несмотря на отхлынувшее русское население, освободившиеся постройки, которые продавались, бесплатно раздавались и перевозились в коренную Финляндию, появлялись и новые сооружения. Эскизные схемы планировок пяти вновь открываемых предприятий показывают, что все они традиционной финской постройки⁶²⁹. Есть основания предполагать, что существующие русские постройки приспособлялись под новые нужды.

Между современными Ленинградской ул. и ул. Кривцова была создана спортивная площадка. В настоящее время на этом же месте находится стадион, что подчеркивает устойчивость функциональных локаций.

⁶²⁹ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 9. Д. 4483. Дело о предоставлении медсестре Талас О. права содержания дома отдыха «Лепола» в д. Келломяки Терийокской волости Эурьяпяского уезда, 1926-1934.

В период независимости Финляндии в Келломяках появились две ткацкие мастерские, одну из которых организовал в пустых дачах Отто Ауэр, генеральный консул Финляндии в Ленинграде.

В 1928 г. на основании Закона «Об охране лесов» прибрежная зона была определена как часть охраняемой территории Карельского перешейка. Лесопарки охраняемой территории и перелески на песках сохранялись. В 1929 г. в Финляндии вступили в силу «Закон о частных лесах» и «Закон о лесоустройстве». Было возрождено лесоводство, и стали распространяться рациональные методы лесопользования. Начались работы по посеву и посадке леса и в частных лесных владениях. В 1930-е гг. финское государство начало оказывать содействие возрождению курортной зоны на терийокском побережье.

1939 – 1944 гг. СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Осенью 1939 г. в Москве проходили советско-финляндские переговоры об изменении границы и возможности ее смещения к северо-западу от Ленинграда. Мирного разрешения этот вопрос не нашел.

Наступление Красной армии было приостановлено на главном оборонительном рубеже финнов «линии Маннергейма». Когда в феврале 1940 г. она была прорвана, советские войска подошли вплотную к Выборгу. 13 марта 1940 г. советско-финляндская или т.н. Зимняя война окончилась. Поселок Келломяки, находившийся в глубоком тылу, до конца войны оставался закрытой зоной. К лету 1940 г. в Келломяки прибыли первые советские переселенцы из Ленинграда⁶³⁰.

Финляндия вступила в войну против СССР 26 июня 1941 г. С сентября 1941 г. по начало июня 1944 г. поселок Келломяки оказался вновь в расположении финской армии. Кроме военных в поселке в этот период никто не жил, частично поселок пострадал 9 июня 1944 г. от советской артиллерии.

ТРЕТИЙ ЭТАП. 1944 – КОНЕЦ 1980-х гг. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В 1944 г. пос. Келломяки вошел в состав Приморской санаторно-курортной зоны Ленинграда. Кардинальных изменений в планировочной и ландшафтно-композиционной структуре не произошло. Развитие поселковой застройки, размещение новых кварталов и объектов происходило в северо-восточном направлении (в пределах 1-ой и 2-ой Дачной ул.) с учетом уже намеченной планом планировочной структуры и зонированием тер-

⁶³⁰ Балашов Е.А. Русский поселок Келломяки // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы о ежегодной международной научной конференции. СПб., 2005. С. 244-245.

риторий на жилые и рекреационные. Размещение новых рекреационных учреждений не противоречило сложившейся исторической функции. В северо-восточной части происходило уплотнение усадебной жилой застройки и уменьшение владельческих участков (между улицами Юрия Германа, Громыхалова, Васильева и Ленинградской, Цветочной и Выборгской). В конце 1940-х гг. жителям Келломяк отвели участки примерно по 0,3 га, а в начале 1960-х гг. в связи с идеологическими переменами им же, уже жителям переименованного поселка Комарово, было вменено урезать участки до 0,06 га (6 соток). Как показывает анализ межевания 1960-х гг., уменьшение участков произошло примерно вдвое, до 0,15 га. В связи с этим, в исторически сложившейся планировочной структуре образовался характерный прием планировки – внутриквартальные зеленые насаждения общего пользования. Кроме того, в структуре поселка сохранились как небольшие, так и значительные лесные массивы, имеющие градоформирующее значение, придающие особенность пространственной среде.

Это обусловили исторические факторы развития территории, которую в самой малой степени коснулось сельскохозяйственное освоение, достигшее к 1930-м гг. максимума в Выборгской Карелии, на что было указано выше.

Во-первых, еще в шведские времена леса в районе Хаукиярви были объявлены коронными, то есть принадлежащие казне. Государственный лесной фонд Хаукиярви сохранялся в Финляндии вплоть до 1939 г. Во-вторых, с переходом территории под юрисдикцию СССР всем лесам вновь созданной курортной зоны была присвоена I категория, что фактически исключало сплошные рубки, передачу лесных земель в иное пользование⁶³¹.

После войны вся территория Карельского перешейка активно заселялась переселенцами из других областей России, зачастую не имевшими представления о хуторской системе землепользования. Летом 1945 г. в Келломяки начали прибывать советские переселенцы. Некоторые дачи были уже заняты военными и их семьями. Численность новых жителей Келломяк постепенно увеличивалась. По воспоминаниям Л. В. Балмасовой, «Тогда в Комарове предлагалось профессуре брать дома в аренду, на три-пять лет. Люди брали, восстанавливали, а потому них отбирали, кстати говоря. ...Именно по Косой улице много дач было взято в аренду»⁶³². Для ремонтов дач привлекались немецкие военнопленные.

Руководящими структурами было принято решение Келломяки превратить в курортную зону, зону по преимуществу детского отдыха. Многие участки были переданы

⁶³¹ Келломяки-Комарово. СПб.: Изд. "МКС", 2003. С. 20

⁶³² Балмасова Л.В. Указ соч. С. 177.

военному ведомству. Старые дачи приспособлялись под спальные корпуса пионерских лагерей и детских садов. И это оказалось спасением для них.

14 октября 1945 г. вышло постановление Совнаркома СССР № 2638 «О постройке дач для действительных членов Академии наук СССР». Советское правительство предписывало построить 150 индивидуальных дач – 125 под Москвой и 25 под Ленинградом и «передать указанные дачи... безвозмездно в личную собственность действительным членам Академии наук СССР». Это было «сталинским подарком» академикам в связи с приближающимся 225-летием Академии наук СССР (в 1949 г.) и окончанием войны. Постановление предписывало отвести земельные участки размером от 0,5 до 1 га вблизи железных дорог в дачных местностях под Москвой и Ленинградом, поставить «150 финских стандартных домов (типы VII и X)», провести в них электричество, водоснабжение и канализацию и осуществить благоустройство участков⁶³³.

Конкретно определились места расположения новых дачных поселков: Можжинка, Абрамцево и Биостанция (Луцино) под Москвой и Келломяки под Ленинградом⁶³⁴. Строительство заняло примерно два летних сезона, санитарно-техническое оборудование на сумму 500 тыс. германских марок предписывалось закупить в восточной Германии.

Под возведение новых дач в Келломяках на Морской стороне на месте соснового массива был отведен участок земли 25-30 га, между железной дорогой и бровкой Литоринового уступа. Объяснений выбора для ленинградских академиков именно Келломяк из всех дачных поселков Карельского перешейка не обнаружено. Возможно, выдвижение своеобразного «форпоста» советской науки на земле бывшей Финляндии вписывалось в концепцию освоения этого оригинального по своим этническим и природным условиям региона⁶³⁵. Вполне вероятно, в эту же концепцию вписывалось создание Домов творчества писателей, журналистов, кинематографистов, театральных деятелей и композиторов.

Главным архитектором «Академпроекта» в 1937-1949 гг. был А.В. Щусев. Этот институт занимался проектированием академических поселков под Москвой. Проект застройки участка Академического поселка в Келломяках выполнен институтом «Ленакадемпроект»⁶³⁶.

⁶³³ Распоряжение № 528 по Академии наук СССР от 19.10.1945. СПб филиал Архива РАН. Ф. 387, оп. 1, д. 22f, л. 2–3.

⁶³⁴ Протокол № 4 распорядительного заседания Президиума Академии Наук СССР от 11 марта 1948 г.

⁶³⁵ Калесник Е.С. Академический поселок // Комарово-Келломяки. Статьи и воспоминания. СПб., 2010. С. 121.

⁶³⁶ Ответ из Архива РАН от 06.04.1995. Ист.: Пояснительная записка к «Проекту зон охраны ПИИК Комарово». СПб., 1995. С. 58-59.

В отличие от схемы планировки Келломяк землемера Пипониуса, проект генерального плана Академического поселка имел вполне читаемую композиционную структуру, частично реализованную в натуре. Проект планировки можно проанализировать по топо съемке 1957, 1963 и последующих годов.

Планировка Академического поселка в своих первоначальных границах имеет вытянутую вдоль железной дороги регулярную структуру, которая принципиально не противоречит уже существующей планировочной схеме Морской стороны. Новая планировка, как и историческая часть, учитывает трассировку железной дороги, подчинена характеру рельефа местности. Две параллельные железной дороге улицы (Академика Комарова и Курортная) пересекают под прямым углом четыре улицы (Академическая, 1-й, 2-й и 3-й Курортные пер.). На топосъемке 1957 г. протрассированы три дороги-луча, точка схода которых расположена на железной дороге. Намеченный «трезубец» не закрепился застройкой и постепенно утратился. На пересечении 3-го Курортного пер. и ул. Академика Комарова организована круглая площадь с центральной клумбой. Она стала главным композиционным узлом планировки Академического поселка. Дачные дома на четырех участках вокруг площади размещены по диагональным осям. Этот же прием повторен и на участках вокруг пересечений улиц. Четкой геометрии планировки не отвечает рельеф местности, глубокие овраги расчлняют верхнюю террасы. Владельцы дач считали эту планировку «удачной», потому что «не возникало ощущения однообразного уныния и казенщины». Судя по расположению домов на пересечении ул. Академика Комарова и 2-го Курортного пер., там тоже проектировалась круглая площадь. Однако, по воспоминаниям жителей поселка, главной улицей считалась Курортная ул.

В 1948 г. было принято решение о переименовании поселка Келломяки в Комарово в честь академика ботаника В.Л. Комарова, бывшего до своей смерти в 1945 г. президентом Академии наук СССР.

С выделением участков ученым последующих поколений, территория Академического поселка вытянулась вдоль железной дороги почти в 2 раза. На волне перестройки, в 1995 г. названный «Академгородком» поселок получил статус памятника архитектуры и градостроительства второй половины 1940-х гг. Но в таком статусе он пробыл считанное количество лет, и был выведен из списков памятников.

Дачи из первой серии стандартных деревянных сборно-разборных щитовых финских домов, возведенные рабочими из «Академстроя», как показали натурные обследования весной 2021 г. и архивный проект (тип 13, 1947 г.), были вполне комфортабельны-

ми⁶³⁷. На сегодня сохранилось 12 дач (или больше), где и сегодня живут потомки ученых. Дом представляет собой двухэтажный объем (один этаж и мансарда с лоджией) на высоком гранитном фундаменте с двускатной крышей основного объема, тремя входами (с торца служебный, парадный с улицы и садовый через веранду) и застекленной верандой на садовом фасаде со своей двускатной крышей. Площадь дачного дома составляет более 150 м². В помещениях были установлены кафельные печи «финского образца» (не исключено, что поставки были и из других мест), имелись встроенные хозяйственные шкафы, полный комплект кухонного и санитарного оборудования, мебельные гарнитуры. Рис. 12.

Рис. 12. Академический поселок. Морская сторона. Дача академика В. И. Смирнова.
Типовой деревянный щитовой дом финской фирмы Пуутало, 1947.
Натурные обследования Лешошко С. С., апрель 2021

По выходу в свет в 2021 г. финской коллективной монографии «Новые стандарты» о массовом распространении в послевоенное десятилетие подобных описанному выше «финских домиков» по всему миру (ок. 80 стран, ок. 300 типов) совсем в другом свете представляется факт реализации этого масштабного проекта в 1947-1952 гг. в Академиче-

⁶³⁷ Комплект чертежей проекта дома академика В. И. Мещанинова, ул. Академика Комарова, д. 6. Предоставлен Т. Е. Анчиковой, внучкой академика, за что автор выражает ей большую признательность.

ском поселке в Комарово ⁶³⁸. Сейчас понятно, что сохранившиеся 12 финских домов Академического поселка Комарово являются частью явления мирового масштаба. Послевоенное десятилетие в истории застройки Комарово можно обозначить как виток трансформации архитектурной и рекреационной среды.

На участке возводился еще один служебный домик (для шофера, obsługi), гараж. Необыкновенно просторные участки обеспечивали изолированность дач друг от друга, и зелени было так много, будто каждый из них стоял в лесу. Воспоминания подтверждают этот факт. «Академический поселок со всех сторон окружал лес, а за ним простиралось море. Поэтому многие ходили гулять к морю вдоль лесных тропинок, и на горках были сделаны деревянные скамейки...»⁶³⁹. Некоторые участки прорезали глубокие овраги, через ручьи и болотистые места были проложены мостики и гати. Рис. 13.

Рис. 13. Характерная среда дачных участков Академического поселка.
Натурные обследования, апрель 2021

Вдоль Большого проспекта в границах улиц Отдыха и Лесной в 1955 – начале 1960-х гг. сформировался так называемый писательский участок. Самые первые дачи были построены по индивидуальным проектам, которые разрабатывал «Курортпроект» (главный

⁶³⁸ Netta Book. *Wooden houses for workers and scientists in Stalin's Soviet Union* //Kristo Vesikansa, Philip Tidwell, Laure Berger. *New standards*. Helsinki, 2021. p. 206-225.

⁶³⁹ Калесник Е.С. Указ. соч. С. 126-127.

архитектор института А.В. Львов)⁶⁴⁰. Дачи всех последующих за первыми поселенцами-академиками поколений ученых были более представительными: внушительных объемов с вальмовой крышей, ризалитами разной конфигурации, пристроенными остекленными полуцилиндрическими или многогранными верандами, балкончиками и крытыми террасами входа. Еще около десятка дач для академиков было построено в самом начале перестройки 1990-х. Академический поселок и сейчас является местом отдыха ученых, многие из которых являются потомками первых жителей.

На Лесной стороне сразу после войны тоже началось строительство новых дач⁶⁴¹. Планируемая площадь дачного участка на Лесной стороне составляла 0,32 га, что говорит об относительно крупном масштабе межевания рядовой застройки. Однако, такое межевание не было реализовано, реально участки занимают по 0,15 га. В 1950-1960-е гг. общественные учреждения (библиотека, почта) расположились в постройках, возведенных по типовым проектам дачных домов. Некоторые дачи проектировались на гранитных фундаментах утраченных дореволюционных построек. Такая практика была весьма распространённой. И даже типовые проектные решения пытались приспособлять к сохранившимся фундаментам. Типовые и индивидуальные проекты дач советского периода проектировались в мастерских Ленпроекта (возможно, и др. организаций) не без влияния опыта фирмы Пуутало, с которыми ленинградские архитекторы были весьма хорошо знакомы, и о чем говорят натурные обследования. В середине 1960-х гг. был построен комплекс типовых деревянных 2-х этажных четырех- и восьми квартирных корпусов дачного кооператива «Ученый». Рис. 14. В их архитектурном решении использованы характерные приемы финского функционализма (сплошное остекление фасадной стены, террасы)⁶⁴². И Комарово, по выражению его жителей, из полуразрушенной войной деревни, стал превращаться в достаточно ухоженный и уютный дачный поселок.

Параллельно шел процесс переименования улиц поселка. Чуть более десятка улиц сохранили свои старые русские названия.

В 1956 г. было организовано садоводство «Дружба», которое является одним из первых в пригородах Ленинграда. Оно было разбито на завершении 1-ой Дачной ул., основные улицы садоводства проложены по дренажным канавам – межам, зафиксированным в плане Келломяк начала 1930-х гг. Сформировался «поселок в поселке» со своей ха-

⁶⁴⁰ Интервью с П.Н. Базановым, внуком и наследником академика В.Г. Базанова. Полевой дневник С. С. Левашко. СПб., 2010.

⁶⁴¹ Levoshko S.S. Dachas of the Karelian Isthmus Through the lens of Shared Built Heritage //The Look of Leisure. Historic seaside villas of the Northern Baltic/ Helsinki, 2021. P. 182-191.

⁶⁴² Натурные обследования С. С. Левашко. Апрель, 2021. Информатор: жительница кооператива «Ученый» Е. Реннэ.

рактерной средой, отличной от остальной в Комарово, что подчеркивается в воспоминаниях его первых жителей. «У нас были свои достопримечательности, свои знаменитости, и даже сложилась собственная «мифология»: оказывается, великая Ахматова гуляла и по нашим тропинкам; оказывается, у нас какая-то особая концентрация долгожителей; оказывается, мы были избранным, «элитным» (выражаясь современным языком) садоводством»⁶⁴³.

Рис. 14. Дачный кооператив «Ученый». 4-х и 8-ми квартирные дачные корпуса, первая половина 1960-х гг. Фото Левощко С. С., апрель, 2021.

Параллельно шел процесс переименования улиц поселка. Чуть более десятка улиц сохранили свои старые русские названия.

Суть феномена Комарово, по мнению писателя Д. А. Гранина, заключается в следующем: «Комарово – это совершенно уникальное место, которому я не знаю аналога в России. Конечно, были места, где жили писатели, например, Переделкино, но чтобы в одном месте сошлись и Шостакович, и Соловьев-Седой, и Черкасов, и Евгений Лебедев, и Товстоногов, и Козинцев, и Лихачев, и Евгений Шварц, и Ахматова, и Жирмунский, и Бродский... Писатели, поэты, замечательные музыканты. Артисты, художники, просла-

⁶⁴³ Комаровские воспоминания : садоводству "Дружба" 50 лет // Вести Келломяки-Комарово. 2017. № 5 (184). С. 20.

вившие нашу культуру. Они жили здесь. Приезжали сюда... Но это еще и большие ученые – Иоффе, Алферов, Линник, Смирнов... Здесь не просто дачное место, это что-то, связанное с их биографией, с их творчеством, со всей их жизнью. И вдохновение и утешение... Это место, где люди любили встречаться, дружили, общались, спорили...»⁶⁴⁴.

Сам Д. А. Гранин более полувека жил в Комарово на своей даче в пер. Кудинском (проект, 1959. Арх. З. Кушева, мастерская Ленпроекта⁶⁴⁵) на Лесной стороне. По его словам «Комарово – единственный своего рода заповедник, в котором собралось все лучшее, что было в Ленинграде в советской науке и культуре»⁶⁴⁶.

ПОСТСОВЕТСКИЙ ЭТАП. 1990 – 2020-е гг.

В дореволюционный период Морская сторона была исключительно дачной, здесь, на самых лучших участках состоятельными владельцами возводились репрезентативные постройки, которые в советский период превратились по преимуществу в детские учреждения отдыха. Они-то с середины 1990-х гг. оказались наиболее уязвимыми: участки по отдельности и группами проданы частным лицам или компаниям под новые санаторные предприятия, гостиницы, дачевладения.

В постсоветское время предприятия оказались не в состоянии содержать на балансе свои базы отдыха, пионерлагеря и детские сады. Без надлежащего ухода дачи стали разрушаться, гореть. В период 1990-х – 2000-х гг. некоторые из них внесены в список выявленных объектов культурного наследия. За 10 лет статус так и не изменился, их стали выводить из списка. Таким образом, дачи приобретались новыми владельцами без обременения, сносились как не представляющие ценность или под знаком «воссоздания» строились в других формах⁶⁴⁷.

Сегодня дачи Академического поселка превратились в места отдыха семейных кланов, состоящих из потомков академиков. Это ведет к уменьшению размеров когда-то огромных участков, изменению характера среды. В 2010 г. в поселке началось строительство десятка новых дач для вновь избранных членов Академии. На Лесной стороне происходят те же процессы: выкупаются рядом расположенные просторные участки с целью

⁶⁴⁴ Гранин Д.А. Интервью, 2003-2004 годы // Комарово-Келломяки. Статьи и воспоминания. СПб., 2010. С. 239.

⁶⁴⁵ Личный архив семьи. Предоставлен М. Д. Чернышевой, дочерью писателя, за что автор выражает ей свою признательность.

⁶⁴⁶ Гранин Д.А. Там же.

⁶⁴⁷ Travina E. Dachas. Objects of cultural heritage in Kurortny district of St.Petersburg //The Look of Leisure. Historic seaside villas of the Northern Baltic/ Helsinki, 2021. P. 182-191.

распродажи под дачное строительство, но участками меньших размеров, сохранившиеся на них исторические дачи сносятся. Возводятся комплексы коттеджей.

На территориях и вне территорий исторических дач сохраняются подлинные «реликты» уходящей архитектурной среды: остатки гранитных глыб фундаментов, ледников, колодцев, многообразных форм благоустройства (опоры светильников, ограды, беседки, мостки, чаши фонтанов и прудов, купальни, лестницы и т. д.).

В целом процесс изменения поселковой историко-природной среды можно охарактеризовать как активно трансформирующийся. За последнее десятилетие появилась сеть детских площадок, новые общественные пространства, и постоянные жители Комарово с удовлетворением отмечают преобразование среды в лучшую сторону на бытовом уровне: реконструкция библиотеки, открытие второго магазина, уличные инсталляции на 2-ой Дачной ул. и т. д. Но если взглянуть объективно с позиций сохранения историко-культурного наследия: Комарово подвергается хаотичной застройке, что сопровождается сносом исторических деревянных дач, в том числе и ОКН. Просторные владельческие участки расчленяются на мелкие, застройка участков уплотняется; продолжают возводиться высокие глухие ограды, нарушающие визуальные коридоры и сложившиеся устойчивые пешеходные направления.

Все это в комплексе ведет к утрате идентичности архитектурной и природной среды, а соответственно и уникального культурного ландшафта пос. Комарово, основное формирование которого пришлось на вторую половину XX века. Рис. 15.

ОБ ОДНОМ ИЗ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ-СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ И РЕКРЕАЦИОННОЙ СРЕДЫ КОМАРОВО

Необходимо искать пути развития поселка в эффективном и органичном использовании его ресурсов. Основным ресурсом Комарово является его историко-культурная среда, культурный ландшафт. Одним из направлений их сохранения и в тоже время развития является адаптация под туристические функции. Этот вид модернизации исторически ценной среды признан во всем мире.

Рис. 15. Характерная среда дачных участков Лесной стороны , советский период.
Фото Лешошко С. С. , 2014.

В 2013 г. для Комарово была выполнена историко-культурная экспертиза с целью обоснования включения его в единый государственный реестр ОКН народов РФ как достопримечательного места, о чем шла речь вначале. Управление наследием Комарово, кроме инвентаризации и мониторинга состояния культурного ландшафта и его предметного содержания, подразумевает разработку комплексных планов социально-экономического, пространственного и рекреационного развития поселка, мероприятий по реализации его туристического потенциала, расширения прав местного муниципалитета (как первейшего фактора эффективного управления), поддержку общественных инициатив. План управления наследием нацелен на сохранении баланса основных элементов, которые требуются для поддержания поселка как живого организма. Эти элементы представляют собой нужды жителей, требования поселка как туристического центра, вопросы экономического развития и необходимость поддержания культурного наследия. Задача состоит в том, чтобы решать эти вопросы взаимосвязано, комплексно, а не один за счет другого. Такая работа не может решаться одним органом, а должна быть рассредоточена между разными уровнями власти.

В последние годы сформировались экскурсионные маршруты по ключевым объектам поселка, созданные силами поселкового краеведческого музея, гидами туристических организаций, частными лицами. Туристическая востребованность, как показывает опыт, высокая (по преимуществу, внутренний туризм). Массы туристов желают посетить Комаровский некрополь с могилой Анны Ахматовой, увидеть «Будку» Ахматовой, «сосну Иосифа Бродского», дачи и места создания культовых произведений советской эпохи, дачи высокой художественной и исторической ценности (финский национальный романтизм, карелионизм, северный модерн, «финские домики»), характерные именно для Карельского перешейка. Имеются природные памятники: заказник «Щучье озеро» и «Комаровский берег»

Сегодня туристический комплекс Комарово в современном его понимании отсутствует во всех аспектах и на всех уровнях: от инженерно-транспортной и социальной инфраструктур до благоустройства. Отсутствуют: парковки, обустроенная пешеходно-велосипедная сеть, социальная и туристская инфраструктура (отели, кафе, музейно-выставочный комплекс, туристско-информационный центр), места отдыха, визуальная навигация и т.п. Требуется реконструкция вся система инженерного благоустройства поселка (канализация, освещение, мусороудаление), уход за лесом. Зачастую отсутствует сама возможность беспрепятственного обзора объектов туристического интереса и путей экскурсионного следования: объекты недоступны из-за глухих высоких оград дачных усадеб, уничтожения исторически сложившихся пешеходных связей, отсутствия обустроенных площадок и путей панорамного обзора и композиционно завершенных видов, спусков-подъемов по террасам уступа Морской стороны, береговой полосы и т.п.

Резко ухудшилась с 2013 г. транспортная доступность поселка. Решение управлением РЖД о закрытии переезда через железную дорогу в районе станции Комарово из-за пуска скоростных поездов (Санкт-Петербург-Выборг, Санкт-Петербург-Хельсинки) превратило поселок в тупик. В то время как перспектива развития туристического комплекса, в первую очередь, подразумевает доступность объекта.

В поселке Комарово имеется успешный опыт адаптации бывшей дачи советского периода под социально-общественную функцию - библиотеку, и сегодня есть пустующие дачные постройки, которые можно подобным образом адаптировать под туристические и иные социально востребованные функции. Созданы «Экологическая тропа» на основе системы исторических каскадных прудов парка Чижова (2012); отреставрированы дача «Ж. Бормана» (дача Эргардта) (2000), вилла «Замок-Шишка» (2006), дача Юхневич (2017), вилла Рено (2018), Духовская церковь (Проект, 2012; реализация 2018-2021) – это

успешные примеры, они единичны в сфере сохранения дачной, в особенности, деревянной, архитектуры в пригородах Санкт-Петербурга. Существуют местные общественные инициативы, поддерживаемые местным самоуправлением: Музей истории Келломяки-Комарово и его выдающихся жителей, некоммерческий фонд «Келломяки-Комарово», исследовательская группа «Старые дачи».

Однако, такой признанный и ставший традиционным способ сохранения-развития историко-культурной среды, как создание туристического комплекса, на сегодня не реализован, отсутствует он и в планах стратегического социально-экономического и пространственного развития поселка Комарово.

ОПЫТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ СРЕДСТВАМИ СОВЕТСКОГО «КИНЕТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА» 1960-1970-х ГОДОВ.

В настоящем разделе отчета анализируются новаторские творческие поиски и достижения в области архитектурно-художественной композиции и средоформирования наиболее ярких представителей отечественного «кинетического искусства», порожденного эпохой так называемой «оттепели» (Ф. Инфанте, В.Ф. Колейчук, Л.Н. Нусберг, а также А. Ланин и Б.М. Галеев). Выявляется концептуальная основа этих поисков, включавшая особое отношение к свету, цвету и музыке как важнейшим компонентам нового архитектурно-художественного языка. Раскрывается практическая ценность предложенных указанными авторами и отчасти внедренных ими проектов особого, динамического освещения арт-объектов, интерьеров экспозиционных пространств, отдельных архитектурных объектов и городской среды в целом. Показано, каким путем и с какой целью сформировался в свое время на стыке архитектуры, дизайна и инженерии данный вид синтетического искусства, внесшего значительный вклад в развитие и теории, и практики современной архитектуры. Анализ приводит авторов к мысли о важности использования рассмотренного исторического опыта в настоящее время, когда с каждым годом появляются все новые технические возможности для создания выразительной архитектурно-пространственной светоцветовой среды, но при этом теряется глубина тех содержательных, философских и теоретических оснований для ее проектирования, которые вдохновляли мастеров, стоявших у истоков этого весьма перспективного архитектурно-художественного направления.

Конец 1950-х годов был ознаменован радикальной реформой архитектурно-строительного дела в нашей стране. На смену официально осужденному «украшательству» в духе высокой классики пришла эстетика абстрактных геометрических форм, присущая западному «Современному движению» или модернизму. Сейчас стало принято говорить о «советском модернизме» 1960-70-х годов, хотя определение это не вполне корректно, поскольку развернувшееся в те годы в СССР типовое индустриальное домостроение имело в массе своей чисто утилитарный характер. На архитектуре тогда попросту экономили. Решая поставленные партией и правительством задачи скорейшего обеспечения населения жильем, стройкомплекс грубо подавлял архитектора, ставя его на положение безропотного проектировщика. Как стали шутить тогда и позднее, «телегу поставили впереди лошади».

Однако, архитекторы не сдались. Они начали стремительно и увлеченно осваивать язык форм современной мировой архитектуры. Стали появляться и отдельные уникальные объекты, где было можно и нужно показывать высокие творческие достижения советских зодчих и работавших с ними художников-монументалистов. Чем меньше оставалось отдушин для подлинного творчества, тем сильнее концентрировалась его энергия в этих отдушинах и тем эффектней получались результаты новаторских экспериментов.

Конечно, наши архитекторы и дизайнеры интересовались тем, что происходит за рубежом. Знакомились они и с головокружительными идеями авангарда первых десятилетий XX века. Но они были далеки от мысли о простом копировании и тиражировании чужих находок. Это были настоящие энтузиасты своего дела – творческие индивидуальности, одержимые далеко идущими идеями, как философского, так и прикладного характера. Они были нацелены на изобретение и внедрение в практику совершенно новых средств выразительности архитектурно-пространственных форм и конструкций. Среди этих средств особое значение имела для них техника создания свето-цветовых эффектов.

Именно таким энтузиастам и экспериментаторам было обязано своим становлением так называемое «кинетическое» движение - одно из ярчайших направлений развития отечественного искусства 1960 – начала 1970-х годов. Само наименование этого движения говорит о желании придать недостающий динамизм окружающей человека предметно-пространственной среде. Такое желание восходило к авангардным поискам синтетических средств выразительности, включающим игру не только света и цвета, но и звуков. Достаточно напомнить имена композитора А.Н. Скрябина и художника-музыканта М.К. Чурлениса.

Надо заметить, что естественным средством «оживления» среды испокон веков был свет, то усиливающийся, то ослабевающий, отбрасывающий тени, меняющие свои контуры, активно воздействующий на эмоциональное состояние человека. От освещенности всегда зависела и цветовая палитра природной и искусственной среды. Советская лапидарная архитектура 1960-х годов проигрывала исторической в отношении богатства создаваемых световых эффектов. И это стимулировало развитие светотехники, способной обогатить архитектурную форму, компенсировать ее недостатки и буквально преобразить, наполнить новыми смыслами и эмоциями. Имеются ввиду научно-проектные

разработки, относящиеся как к естественному дневному, так и к искусственному ночному освещению зданий и городских пространств.

С одной стороны, эти разработки способствовали удовлетворению повышенных нормативных санитарно-гигиенических требований по инсоляции и наполненности рассеянным светом внутренних помещений, а с другой – они претендовали на роль новаторского архитектурно-художественного средства формообразования и композиции, экспрессивной «дематериализации» строительных масс и «оживления» организуемых ими пространств.

Кинетическое искусство было устремлено в неизведанное будущее, овеянное романтикой научно-технических достижений, достигающих космического уровня. Но при этом его представители были прирожденными практиками, нацеленными на осуществление в натуре своих проектных замыслов.

Искусство это было неофициальным, но оно играло заметную роль в художественной жизни Советского Союза периода «оттепели». Особая, свободная творческая атмосфера, объединявшая этих талантливых молодых людей, способствовала появлению многих неожиданных решений, опережавших свое время, а потому представляющих профессиональный интерес и сегодня. Следует подчеркнуть, что это были отнюдь не любительские работы, шедшие вразрез с официальными установками. Наоборот, наиболее крупные из них были осуществлены в рамках государственного заказа. А иначе и не могло быть в то время, поскольку эти работы были затратными и сложными в инженерно-строительном отношении.

Наиболее продуктивной была деятельность трех творческих «групп» (как их называли сами участники): «Движение» (около 1964), «Мир» (с 1967 года) и «Арго» (с 1970 года). О них написано немного⁶⁴⁸, хотя их достижения, безусловно, заслуживают изучения и осмысления сегодня, на новом этапе развития и художественных, и технических средств выразительности архитектурно-пространственной среды.

⁶⁴⁸ "Другое искусство". Москва 1956-1988 [Текст] / [сост. И. Алпатова, Л. Талочкин, Н. Тамручи]. – М. : Галарт, 2005. – 431 с. : фот.; Михайкин, Д. И. Художественные группы СССР 60–70-х: новая философия взаимосвязей среды и объекта : Деятельность групп «Движение», «Мир», «Арго» и творчество Франциско Инфанте [Текст] : [Продолжение] / Д. И. Михайкин // Tatlin News. – 2012. – №6. – С. 114-116; Михайкин, Д. И. Художественные группы СССР 60–70-х: новая философия взаимосвязей среды и объекта : Деятельность групп «Движение», «Мир», «Арго» и творчество Франциско Инфанте [Текст] : [Начало] / Д. И. Михайкин // Tatlin News. – 2012. – №5. – С. 126-128; Кинетизм. Группа Движение, 1962–1976 [Текст] : [альбом] / сост., худож. оформ., вступ. ст. А. Е. Григорьева ; послесл. С. А. Жигалкина. – Москва : Знак, 2013. – 267 с. : цв. ил.; Колейчук, В. Ф. Кинетизм : Альбом [Текст] / В. Ф. Колейчук. – Москва : Галарт, 1994. – 154 с., ил.

Раньше всех – в 1962 году – появилась группа начинающих художников, учившихся в школе при Суриковском институте. Тезисы их общей платформы отобразились в графических работах Л.Н. Нусберга, Ф. Инфанте, А. Кривчикова, В. Акулинина, В. Щербакова, Р. Заневской, М. Дорохова. «В этот момент группа еще не имела своего названия «Движение», которое появилось, видимо, в 1964 году»⁶⁴⁹. Бессменным лидером этой группы стал Л.Н. Нусберг.

В 1967 году из «Движения» вышел Ф. Инфанте, который в 1970 году создал собственную группу «Арго» (вместе с Н. Горюновой, а также В. Осиповым, И. Забавниковой, к которым присоединились Д. Ненароков (с 1971 года) и В. Николаев (с 1975 года)⁶⁵⁰.

Группу «Мир» создал архитектор В.Ф. Колейчук в середине 1967 года. В нее входили инженер Г. Рыкунов, М. Колейчук, Г. Файф⁶⁵¹.

«Кинетическое» искусство включило в себя некоторые приемы, свойственные ленд-арту, перформансу и хепенингу. Инструментарий авторов «кинетического» искусства впечатляет своей безграничной широтой: авторы создавали объекты и инсталляции в виде движущихся механизмов, вантовых и металлических самонапряженных конструкций и так далее. Важным для них было использование «естественных» природных сред, стихий и явлений, таких, как вода, огонь, молнии, земной ландшафт и космическое пространство. Они занимались эстетизацией естественных фактур и текстур всевозможных новых материалов; создавали интерактивные объекты (например, реагирующие на ветер), придавали звучание объектам путем воспроизведения специально подготовленных звукозаписей, а также с помощью специфических устройств, издающих произвольные звуки.

Одним из важнейших средств выразительности для них являлось искусственное, в том числе, динамическое освещение, а также светомузыкальная среда. Наиболее полно и по-новому раскрыли потенциал искусственного света в ряде своих проектов и художественных работ В.Ф. Колейчук, Ф. Инфанте, а также Б.М. Галеев, который не был участником названных групп, но его новаторская творческая деятельность вполне может быть отнесена к «кинетическому» направлению (им было создано СКБ «Прометей» при Казанском Авиационном институте).

⁶⁴⁹ "Другое искусство". Москва 1956-1988 [Текст] / [сост. И. Алпатова, Л. Талочкин, Н. Тамручи]. – М. : Галарт, 2005. С. 85.

⁶⁵⁰ Там же. С. 166.

⁶⁵¹ Там же. С. 141-142

Включая элементы освещения в кинетические пространственные структуры, В.Ф. Колейчук и Ф. Инфанте старались высвободить свет и возвести его в ранг главного формообразующего и преобразующего пространство элемента. Л.Н. Нусберг в своей околопроектной графике также преподносил свет в качестве одной из немногих субстанций-ориентиров в бескрайних полуабстрактных пространственных средах, что соотносилось с представлениями о космическом пространстве-времени с его разрозненными источниками света (планетами, звездами, газовыми облаками, солнечными системами и галактиками).

Ф. Инфанте еще в 1965 году выполнил серию работ на сходную тему под названием «Проекты реконструкции звездного неба». Как и любая из его работ, данная серия изначально была глубоко осмыслена в авторских текстах и скрупулезно выполненных графических схемах. На своих графических листах Ф. Инфанте из ночных светил выстраивает на небе, как на плоскости, структуры правильной геометрии: прямые линии, радиусы, круги, – начиная от точки и заканчивая всевозможными двухмерными фигурами с их различными ритмами и метрами.

В этой ранней серии работ фактически заложен фундамент всех будущих поисков мастера в сфере кинетического освещения, которое стало для него одним из важнейших средств художественной выразительности. Представляя в этой серии вселенское космическое пространство, как будто освоенное человеческой цивилизацией, Ф. Инфанте философствует в ключе креационистских и биоцентристских концепций, в которых разум, знание (вспомним выражения: «знание – свет» и «знание – сила») в конечном итоге физически перестраивают вселенную, превращая биосферу в «ноосферу», как ее назвал В.И. Вернадский.

Небольшие источники освещения (лампы накаливания) в интерпретации Ф. Инфанте символизировали то ли небесные тела – звезды, галактики, то ли субатомные частицы. Тем самым, с помощью средств динамической иллюминации Ф. Инфанте, также как и В.Ф. Колейчук, смешивали в своих пространственных объектах макро и микромиры, показывая, что между ними есть принципиальная общность, что все объединяет и пронизывает некая фрактально структурированная пространственно-временная среда.

По-видимому, первой реализацией Ф. Инфанте такого рода объектов, была конструкция «Пространство – Движение – Бесконечность» (1963-1965)⁶⁵², представленная на выставке кинетического искусства группы «Движение» в ленинградском Доме

⁶⁵² Инфанте, Ф. Артефакты = Artifacts: ретроспектива [Текст] / Ф. Инфанте ; Гос. центр соврем. искусства. – М.: [ОАО Тип. «Новости»], 2004. С. 30-33.

архитектора (20 мая – 6 июня 1965), о чем свидетельствуют сохранившиеся фотографии. Имеется эскиз, на котором конструкция «Пространство – Движение – Бесконечность» парит в пространстве над новым городом 1960-х годов, что ясно подразумевает возможность экспонирования (или установки) объекта очень крупных размеров в реальной городской среде.

Весьма эффектно эта идея была реализована в сентябре-октябре 1967 года на ВДНХ на площади перед павильоном, где был установлен первый масштабный кинетический объект Ф.Инфанте «Галактика» (Рис. 1), в котором использовались, по словам самого автора, «...металл, бельевой шнур, электромоторы, лампы, акустические динамики»⁶⁵³ [3, с. 88]. «Галактика» представляла собой самонапряженную вантовую конструкцию с набором «гиперболоидов», созданных из множества натянутых шнуров внутри несущего каркаса, состоявшего преимущественно из треугольников. Кинетическая композиция резко контрастировала с «неоампирным» павильоном ВДНХ. Объект был таких размеров, что под ним можно было свободно пройти, увидев необычные конструкции над головой, о чем красочно свидетельствуют авторские фотографии. В сумерки включалась динамическая иллюминация.

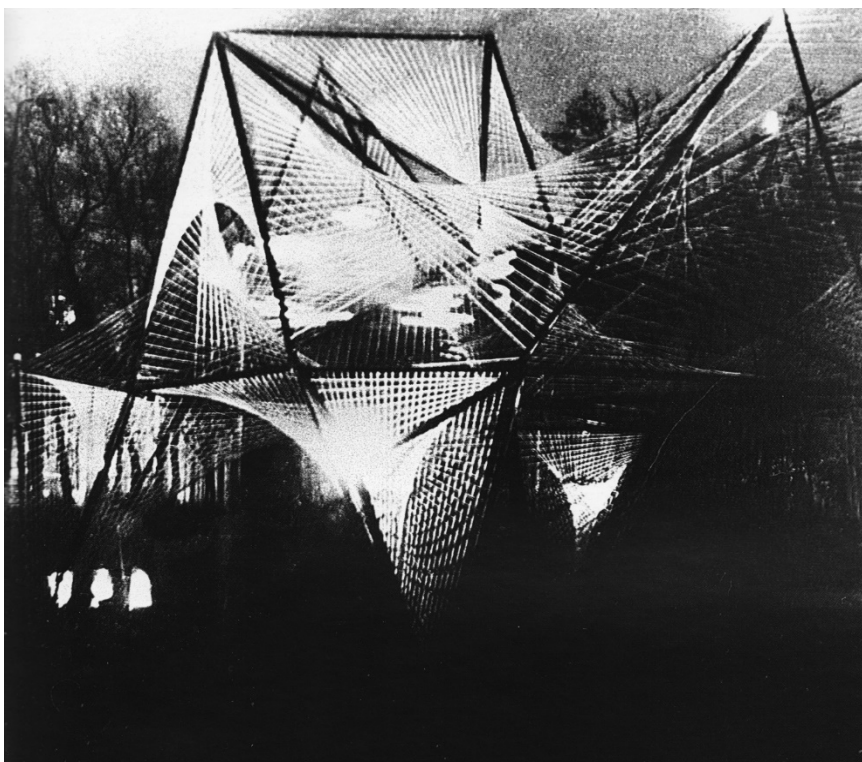

Рис. 1. Кинетический объект «Галактика». Ф.Инфанте. ВДНХ, Москва. 1967. Источник: воспр. по илл. из книги: Инфанте, Ф. Артефакты = Artifacts: ретроспектива [Текст] / Гос. центр соврем. искусства. – М., 2004. – С. 89.

⁶⁵³ Галеев, Б. М. Принципы конструирования светомузыкальных устройств [Текст] / Б. М. Галеев, С. А. Андреев. – Москва : Энергия, 1973. – 102 с., 2 л. ил. : ил. – (Массовая радиобиблиотека; Вып. 827). С. 88.

Аналогичными свойствами обладала кинетическая композиция «Атом» группы «Мир» (авторы проекта В.Ф. Колейчук и инженер Г. Рыкунов) (Рис. 2, 3). Проект был создан по заказу Института атомной энергии им. И.В. Курчатова к 50-й годовщине Октябрьской революции. «В основу проекта легли размышления самого Колейчука и идеи, возникшие в результате его бесед с участниками казанской группы «Прометей» и московского коллектива “Движение”»⁶⁵⁴. «Сфера шестиметрового диаметра, выполненная из полированных дюралевых трубок, вращалась от ветра на высоте 6 метров и подсвечивалась тремя группами цветных прожекторов, соединенных со светомузыкальными устройствами. Музыка специально для композиции была записана на терменвоксе ее автором Л.С. Терменом...»⁶⁵⁵ [2, с. 141-142].

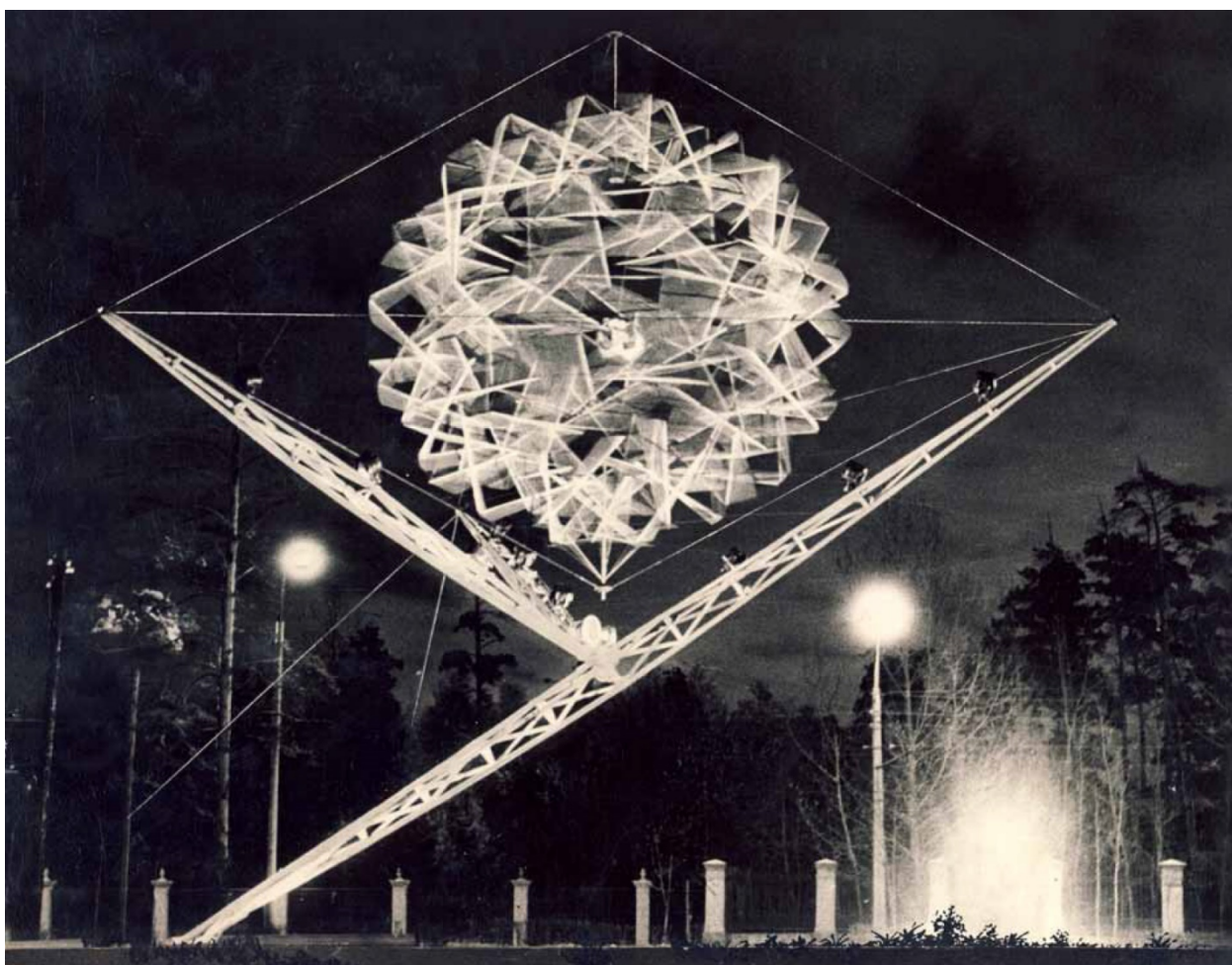

Рис. 2. Кинетическая композиция «Атом». Группа «Мир»: В.Ф. Колейчук, инженер Г. Рыкунов. Москва. 1967. Фотография Н. Рахманова. Источник: воспр. по илл. из книги: Источник: воспр. по илл. из книги: Колейчук, В. Ф. Азбука Колейчука [Текст] / МГХПА им. С. Г. Строганова. – М., 2012. – С. 11.

⁶⁵⁴ из аннотации к реконструированному объекту «Атом» в рамках экспозиции «Атом. 1967/2018» в музее «Гараж» в 2018 году, 6 мая – 26 августа.

⁶⁵⁵ "Другое искусство". Москва 1956-1988 [Текст] / [сост. И. Алпатова, Л. Талочкин, Н. Тамручи]. – М. : Галарт, 2005. – 431 с. : фот. С. 141-142.

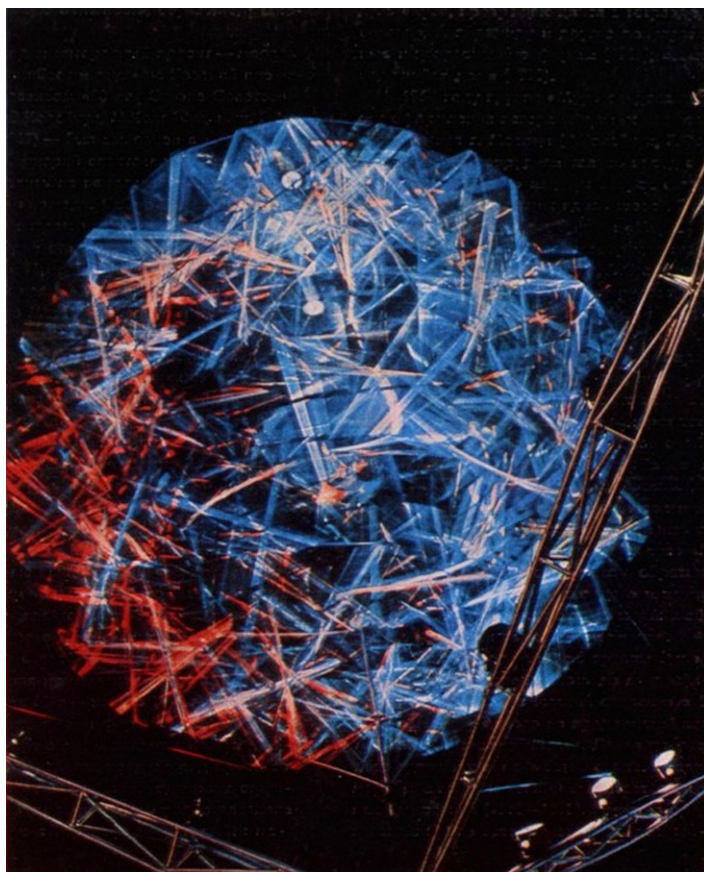

Рис. 3. Кинетическая композиция «Атом». Фрагмент (центральная сфера). Группа «Мир»: В.Ф. Колейчук, инженер Г. Рыкунов. Москва. 1967. Фотография Н. Рахманова. Источник: воспр. по илл. из книги: Источник: воспр. по илл. из книги: Колейчук, В. Ф. Азбука Колейчука [Текст] / МГХПА им. С. Г. Строганова. – М. , 2012. – С. 11.

Крупная вантовая конструкция «Атома» была возведена на площади им. И.В. Курчатова в Москве в конце октября 1967 года, то есть практически одновременно с «Галактикой» Ф. Инфанте на ВДНХ. «Немаловажную роль в реализации проекта сыграли высококвалифицированные инженеры Курчатовского института, располагавшие передовой технологической базой»⁶⁵⁶. Объект представлял собой самонапряженную ассиметричную вантовую конструкцию, состоящую из трех стержней, один из которых, в два раза более длинный, чем остальные, был шарнирно закреплен под углом к фундаментному основанию. Конструкция образовывала «чашу» для шара-«атома», который был сложно подвешен на стержнях, а сам по себе шар был также

⁶⁵⁶ из аннотации к реконструированному объекту «Атом» в рамках экспозиции «Атом. 1967/2018» в музее «Гараж» в 2018 году, 6 мая – 26 августа.

самонапряженной отдельной конструкцией, набранной из множества круглых в сечении дюралевых трубок.

Сфера слегка двигалась и освещалась мощными прожекторами с цветными фильтрами. Конструкция реагировала на порывы ветра (что было заранее предусмотрено). Ее металлические поверхности обладали отражающими свойствами, что усиливало и обогащало общее впечатление от всей этой сложной, постоянно меняющейся светоцветовой динамической пространственной «картины». Именно благодаря искусственному освещению образ «атома» с его удивительной квантовой природой, обладающей своим микрокосмосом (элементарные частицы, летающие со световыми скоростями вокруг ядра), получился столь наглядным и впечатляющим.

В проекте того же В.Ф. Колейчука следующего, 1968 года была применена сходная с «Атомом» трехчастная вантовая конструкция, в центре которой парил в пространстве огромный 10-метровый остроконечный кристалл, равномерно светившийся изнутри и окруженный неким дымчатым ореолом. А в «Проекте световой композиции на въезде в Тольятти» 1970 года В.Ф. Колейчук применил исключительно мощные прожектора, испускавшие в атмосферу четкий симметричный узор из ярких плотных лучей (Рис. 4).

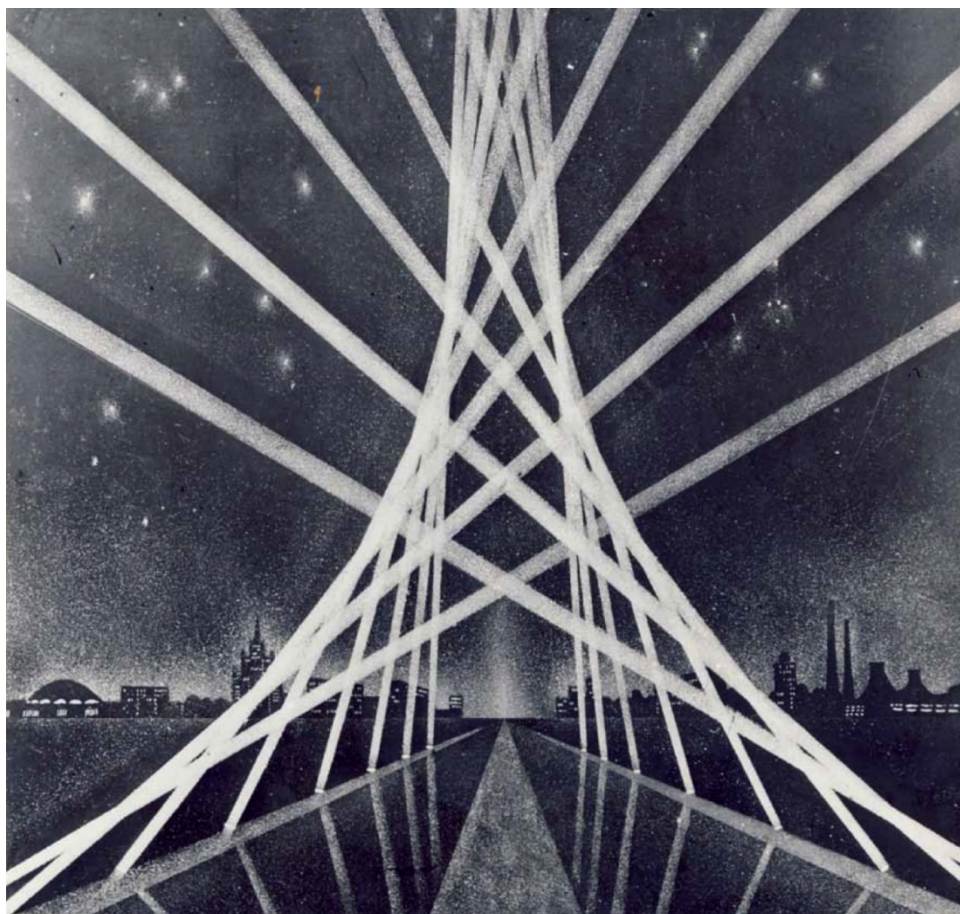

Рис. 4. Проект световой композиции на въезде в Тольятти. В.Ф. Колейчук. 1970. Источник: воспр. по илл. из книги: Колейчук, В. Ф. Азбука Колейчука [Текст] / МГХПА им. С. Г. Строганова. – М. , 2012. – С. 11.

С 1968 года Ф. Инфанте занялся проектами архитектурного освещения целых ансамблей. Наиболее ярким из них является «Проект кинетического освещения старинных сооружений Московского кремля (Спасская, Никольская, Сенатская - башни, кремлёвская стена, собор Василия Блаженного) и мавзолея на Красной площади» (1968)⁶⁵⁷. Основной проектный лист представляет собой подробную схему архитектурного освещения (Рис. 5), меняющуюся во времени в строгих рамках задуманного сценария, что сродни методам создания театральных эффектов. В этой схеме ансамбль Красной площади разбит на отдельные памятники, цветоцветовой «сценарий» для каждого из которых строго скоординирован со всеми остальными. Другие сохранившиеся листы проекта заполнены текстами и графикой, в том числе, спецификациями конкретных осветительных приборов, а также планами-схемами с расстановкой оборудования. Ф. Инфанте предполагал использовать в данном проекте следующие типы прожекторов: «СЗЛ-300-1», «ПФС-45», «ПЭС-35», «ПСМ-40», «ПСМ-50», «ПКМ-1500», «ОПР-60»⁶⁵⁸.

Рис. 5. «Проект кинетического освещения старинных сооружений Московского кремля (Спасская, Никольская, Сенатская - башни, кремлёвская стена, собор Василия Блаженного) и мавзолея на Красной площади». Графическая схема. Ф. Инфанте. 1968. Источник: воспр. по илл. из книги: Инфанте, Ф. Артефакты = Artifacts: ретроспектива [Текст] / Гос. центр соврем. искусства. – М., 2004. – С. 90-91

Помимо обширной графической части был создан очень точный опытный макет Красной площади в масштабе 1:100 с действующим кинетическим освещением, о чем свидетельствуют многочисленные фотографии (Рис. 6). Макет был выполнен в реалистической манере с учетом существующих материалов и цветов всех памятников архитектуры для того, чтобы представить максимально достоверную модель столь грандиозного проекта динамично изменяющегося архитектурного освещения. При

⁶⁵⁷ Инфанте, Ф. Артефакты = Artifacts: ретроспектива [Текст] / Ф. Инфанте ; Гос. центр соврем. искусства. – М.: [ОАО Тип. «Новости»], 2004. С. 90-92.

⁶⁵⁸ Там же. С. 92.

создании макета были использованы: «дерево, пенопласт, темп. [темпера – авт.], миниатюрные электролампы, провода, регуляторы автоматического напряжения»⁶⁵⁹.

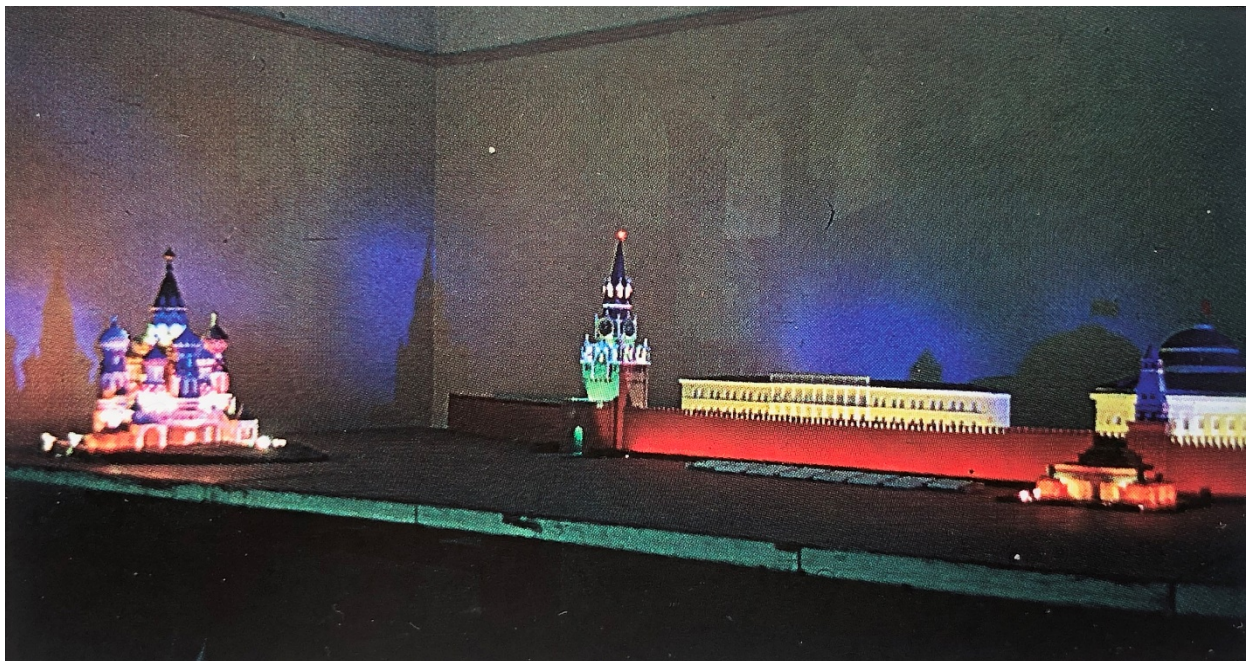

Рис. 6. «Проект кинетического освещения старинных сооружений Московского кремля...» Действующий макет. Ф. Инфанте. 1968. Источник: воспр. по илл. из книги: Инфанте, Ф. Артефакты = Artifacts: ретроспектива [Текст] / Гос. центр соврем. искусства. – М., 2004. – С. 90.

Ф. Инфанте предполагал «ежедневный» и «будничный» «цветосветовой режим Красной площади», что следует из описательной части проекта. Ниже представлена расшифровка рукописи: «Каждый цикл длится 60 минут и начинается с боя кремлевских курантов... У каждой башни 5 [пять] динамических ступеней... Начинают бить куранты. Часы – самое активное пятно на площади, под звук курантов золотой диск циферблата ... подобно драгоценности [переливается] всеми оттенками радуги, но в золотой общей гамме. Башня – приглушена, но сохраняет свою цветовую структуру, то есть все пять ступеней: 1. Глухой красный...; 2. Красно-фиолетовой холодный; 3. Красный, холодный; 4. Красный, темнее; 5. Шатер – серебристый».

И так далее по каждому памятнику: описаны смена цветов освещения в определенных зонах фасада с привязкой к определённым циклическим событиям на площади (смена караула и бой курантов).

⁶⁵⁹ Инфанте, Ф. Артефакты = Artifacts: ретроспектива [Текст] / Ф. Инфанте ; Гос. центр соврем. искусства. – М.: [ОАО Тип. «Новости»], 2004. С. 90.

Здесь интересен как новаторский подход к поиску художественной выразительности, так и поиск средств проектирования и реализации такого сложного с точки зрения инженерии многосоставного механизма. Как уже было сказано, автор прибегнул к созданию действующей модели.

Аналогичным, но менее масштабным был разработанный Ф. Инфанте проект «кинетического освещения средневекового (14-17 века) замка в Олесько (близ г. Львова)»⁶⁶⁰ 1972 года (Рис. 7).

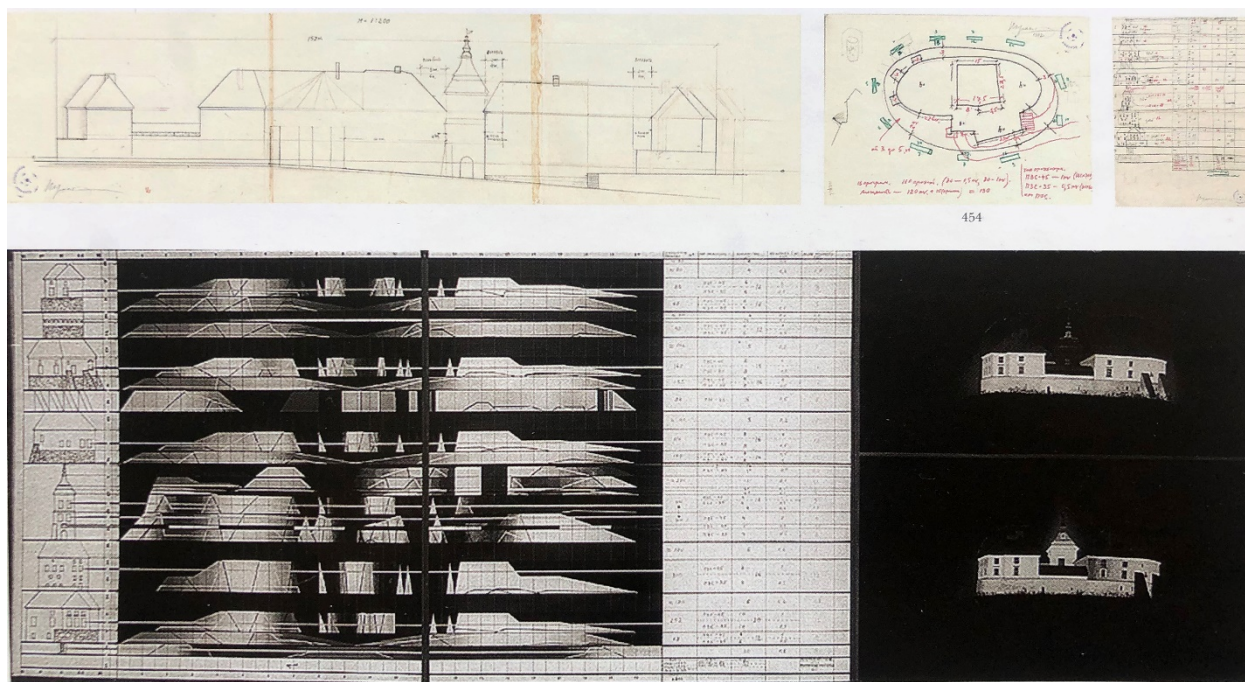

Рис. 7. Проект «кинетического освещения средневекового (14-17 века) замка в Олесько (близ г. Львова)». Проектные материалы. Ф. Инфанте. 1972. Источник: воспр. по илл. из книги: Инфанте, Ф. Артефакты = Artifacts: ретроспектива [Текст] / Гос. центр соврем. искусства. – М., 2004. – С. 93.

Ф. Инфанте активно использовал приемы кинетического освещения и в своих «оформительских» проектах экспозиционных пространств, таких как «кинетическое пространство «Звук и Свет» на международной выставке «Химия-70» (Москва, Сокольники, 1970)⁶⁶¹, «проект кинетических сооружений для города Тольятти» (1973), «проект синтетического комплекса «Свечение» для Дома ученых Академии наук СССР на

⁶⁶⁰ Артефакты Инфанте, С. 93.

⁶⁶¹ Инфанте, Ф. Артефакты = Artifacts: ретроспектива [Текст] / Ф. Инфанте ; Гос. центр соврем. искусства. – М.: [ОАО Тип. «Новости»], 2004. – 384 с. : 1618 ил. С. 94-96

“Красной Пахре”» (1973), «светодинамические интерьеры на Московском заводе “Фруктовых вод”» (1975)⁶⁶².

Однако, к концу 1970-х годов Ф. Инфанте постепенно отходит от проектной деятельности, связанной с архитектурным освещением, и более к этой теме в своем творчестве не возвращается.

Весьма показательны и интересны работы группы «Движение», выполненные для праздничного оформления Ленинграда к пятидесятилетию Октябрьской революции⁶⁶³. Проект на тему «Советская наука за пятьдесят лет» был разработан под руководством Л.Н. Нусберга (художники-конструкторы Г. Битт, В. Бородин, Ф. Инфанте и В. Бутурлин). В едином ансамбле на Университетской набережной были запроектированы и установлены три кинетические ажурные конструкции: «Атом» (Рис. 8), напоминающий цветок «Космос» (Рис. 9) и кристаллическая решетка «Молекула» (Рис. 10). Все они были оборудованы осветительными приборами и объединены единой светомузыкальной композицией. Конструкция «Космос» за счет кручения своих «лепестков» превращалась зрительно в невесомую летающую и светящуюся окружность.

⁶⁶² Инфанте, Ф. Артефакты = Artifacts: ретроспектива [Текст] / Ф. Инфанте ; Гос. центр соврем. искусства. – М.: [ОАО Тип. «Новости»], 2004. С. 87.

⁶⁶³ Пятьдесят факелов над Невой [Текст] : [Альбом] / [О.В. Немиро]. – [Ленинград] : [Художник РСФСР], [1971]. – [142] с. : ил.

Рис. 8. Кинетический объект «Атом». Оформление Ленинграда к пятидесятилетию Октябрьской революции, тема «Советская наука за пятьдесят лет». Группа «Движение»: Л.Н. Нусберг, Г. Битт, В. Бородин, Ф. Инфанте и В. Бутурлин. Ленинград. 1967. Источник: воспр. по илл. из книги: Пятьдесят факелов над Невой [Текст] : [Альбом] / [О.В. Немиро]. – [Ленинград] : [Художник РСФСР], [1971]. – 142 с.

Рис. 9. Кинетический объект «Космос». Оформление Ленинграда к пятидесятилетию Октябрьской революции, тема «Советская наука за пятьдесят лет». Группа «Движение»: Л.Н. Нусберг, Г. Битт, В. Бородин, Ф. Инфанте и В. Бутурлин. Ленинград. 1967. Источник: воспр. по илл. из книги: Пятьдесят факелов над Невой [Текст] : [Альбом] / [О.В. Немиро]. – [Ленинград] : [Художник РСФСР], [1971]. – 142 с.

Рис. 10. Кинетический объект «Молекула». Оформление Ленинграда к пятидесятилетию Октябрьской революции, тема «Советская наука за пятьдесят лет». Группа «Движение»: Л.Н. Нусберг, Г. Битт, В. Бородин, Ф. Инфанте и В. Бутурлин. Ленинград. 1967. Источник: воспр. по илл. из книги: Пятьдесят факелов над Невой [Текст] : [Альбом] / [О.В. Немиро]. – [Ленинград] : [Художник РСФСР], [1971]. – 142 с.

Разработками подобного рода занимался и А. Ланин. Примечателен его проект оформления релаксационных зон завода чистых металлов в Светловодске (1972). Здесь на заводской площади доминировала специальная цветомузыкальная установка. Кроме того, А. Ланин разработал проект оформления магазина-салона «Электроника» в Воронеже также с наружной цветомузыкальной установкой и интерьером «цветомузыкального демонстрационного зала» (1973) (Рис. 11). Установки для завода в Светловодске и салона в Воронеже в целом схожи по своей архитектонике: в сущности, это стелы со сложными структурами и силуэтами, расширяющимися кверху. Автор явно стремился передать легкость, почти невесомость своих объектов, опирающихся только на одну точку, как будто готовых оторваться от земли и воспарить в пространстве. Осветительное оборудование, по-видимому, располагалось прямо на конструкциях установок, что усиливало эффект дематериализации их форм.

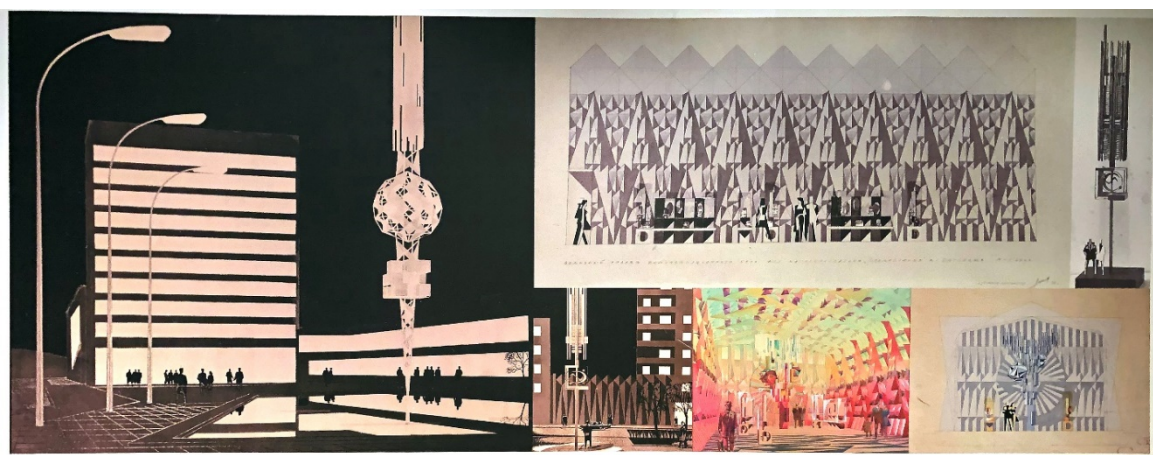

Рис. 11. Проект оформления релаксационных зон завода чистых металлов в Светловодске (1972) (слева). Проект оформления магазина-салона «Электроника» в Воронеже также с наружной цветомузыкальной установкой и интерьером «цветомузыкального демонстрационного зала» (1973) (справа). Автор проектов: Август Ланин. Источник: фотография – Д.И. Михейкин, 2021 (с выставки «Лаборатория будущего. Кинетическое искусство России» в ГТГ).

Фасады и интерьеры салона-магазина «Электроника» в Воронеже являют собой единое целое: логика орнаментального решения навесных фасадов распространяется и на внутреннее пространство зала, стены и потолок которого переливаются всеми цветами радуги за счет отражений используемых материалов и динамического освещения.

Единственным центром разработки светомузыкальных приборов и систем был СКБ «Прометей» при Казанском Авиационном институте, основателем и руководителем которого являлся Б.М. Галеев. Не случайно, что и Ф. Инфанте, и В.Ф. Колейчук сотрудничали с Б.М. Галеевым – кандидатом философских наук, теоретиком нового синтеза искусств, науки и техники, автором ряда научных статей и монографий по данной тематике. Они нуждались в его поддержке, прежде всего, в инженерно-конструкторском плане. Но и сами по себе разработки СКБ «Прометей» могут быть названы

произведениями не только инженерной мысли, но и промышленного дизайна⁶⁶⁴. Они, действительно, были способны преобразить и насытить новым содержанием практически любое пространство: от интерьеров частных квартир до аудиторий клубов и больших общественных рекреационных пространств.

Подводя итоги рассмотрения работ наиболее ярких представителей советского «кинетического искусства» 1960-70-х годов XX столетия, надо отметить значительность их творческого вклада в развитие и архитектурно-художественной, и инженерно-технической мысли, устремлявшейся в будущее и реально влиявшей на его становление. Действительно, они побудили дальнейшие продуктивные поиски новаторских средств пластической, тектонической и объемно-пространственной выразительности архитектурных объектов и городской среды с активным использованием светотехнических устройств. Поэтому совершенно не случаен пробудившийся в последние годы интерес к тому довольно далекому, но еще весьма актуальному и поучительному опыту. Об этом интересе свидетельствуют такие заметные культурные акции, как воссоздание модели В.Ф. Колейчука «Атом» в парке культуры им. М. Горького рядом с музеем «Гараж» в рамках экспозиции «Атом. 1967/2018» (6 мая – 26 августа 2018) и модели «Пространство – Движение – Бесконечность» Ф. Инфанте в Государственной Третьяковской галерее в 2020 году (16 января – 10 мая) в рамках выставки «Лаборатория будущего. Кинетическое искусство России».

Сравнивая охарактеризованные творческие достижения советского времени с западными, можно заметить, что их преимущество состояло в отсутствии коммерческого подхода, обращающего высокое искусство и серьезную науку, которыми жили лидеры «кинетического» движения, в сферу услуг и развлечений. Сегодня мы видим, как и в нашей стране бурно распространяются новейшие, теперь уже компьютеризированные технологии создания динамических световых, цветовых и музыкальных спецэффектов. Поражаясь видом грандиозных лазерных шоу, можно сказать: вот и воплотились, как в сказке, мечты и фантазии основоположников. Однако, невольно на ум приходит мысль о том, насколько же отличаются те трудоемкие и глубокомысленные работы поисковиков-первопроходцев от нынешних поставленных на поток, зачастую эпатажных и быстро наскучивающих массовых зрелищ! Вот почему так хочется призвать современных специалистов разного профиля опереться на продуктивный опыт предшественников и возродить, наладить самое серьезное, целеустремленное, взаимозаинтересованное сотворчество во имя покорения новых вершин в архитектуре, искусстве и технике.

⁶⁶⁴ Галеев, Б. М. Принципы конструирования светомузыкальных устройств [Текст] / Б. М. Галеев, С. А. Андреев. – Москва : Энергия, 1973. – 102 с., 2 л. ил. : ил. – (Массовая радиобиблиотека; Вып. 827).

В 1991 году после распада СССР вся эпоха советской архитектуры в целом перешла в ранг исторического материала новейшего времени, требующего всестороннего исследования, и начался активный процесс переосмысления и переоценки архитектурного наследия того периода впервые «вне контекста» самого советского времени⁶⁶⁵. Тем не менее, обращаясь к явному внешнему различию по формальным стилистическим признакам, а также популярным тогда взглядам на устройство политической системы, вся история советской архитектуры в некоторых собирательных трактовках, ставших впоследствии широко распространенными, была достаточно строго разделена на три как будто несвязанные между собой части (советский авангард, «сталинская» архитектура – точнее так называемая архитектура «сталинской» эпохи – и позднесоветская архитектура, обозначаемая сейчас термином «советский модернизм»), что безусловно, является наследием имевшего места исторического отрицания предыдущего периода в последующем (зачастую по понятным политическим причинам), возведенного в некоторую традицию, повлекшую определенные деформации внутри самой советской историографии и ее восприятия в «архитектурном цехе» в целом.

Казалось бы, после 1991 года некоторые искажения в объективности исторического взгляда должны были уйти сами собой, но, к удивлению, деформация в историографии лишь только усилилась. И шире – скорее как следствие: внутри «архитектурного цеха» с начала 1990-х годов в целом возникло понимание базисной раздробленности исторического процесса развития отечественной архитектуры, которое укоренилось и существует сегодня, несмотря на научные усилия в диаметрально противоположном направлении таких исследователей, как А.В. Иконников, Ю.П. Волчок, Ю.Л. Косенкова и других. И на данный момент позднесоветская историография в целом видится более объективной и аналитически безупречной по отношению к своей современности (конца 1950-х – 1980-х годов)^{666 667 668}, чем определённый пласт попыток исследований

⁶⁶⁵ Проблемы изучения истории Советской архитектуры = Soviet architecture history study problems [Текст] : Сборник по материалам Круглого стола 15-16 апреля 1991 г. / ВНИИТАГ ; Союз Архитекторов ; МАрХИ ; отв. сост. и ред. Ю. П. Волчок, ред. стенограммы Кр. ст. М. И. Астафьева-Длугач и др. – М. : ВНИИТАГ, 1991. – С. 164-166.

⁶⁶⁶ Бархин, М. Г. Архитектура и город [Текст] : Проблемы развития советского зодчества / М. Г. Бархин. – М. : Наука, 1979. – 223 с. : ил.

⁶⁶⁷ Бархин, М. Г. Архитектура и человек [Текст] : Проблемы градостроительства будущего / М. Г. Бархин. – М. : Наука, 1979. – 239 с. : ил.

⁶⁶⁸ Новое в архитектуре [Текст] / ЦНИИ теории и истории архитектуры, Союз архитекторов СССР. – М. : Стройиздат, 1987. – 232 с. : ил.

последнего времени. Такая ситуация породила в том числе и терминологическую путаницу в историографии позднесоветской архитектуры.

Устоявшийся термин «советский модернизм» в контексте его употребления при ближайшем рассмотрении не выдерживает критики. При попытке определения этим термином, обращенным к некой «стилистической» общности, всего наследия отечественной архитектуры конца 1950-х – 1980-х годов в целом, на самом деле имевшей достаточно разнонаправленное развитие (так же, впрочем, как и архитектура эпохи авангарда, и сталинского времени), каждый раз видны явные противоречия. А.В. Иконников в мировой архитектуре 1950-х – 1960-х годов обозначает контуры более десяти направлений^{669 670}, в том числе и так называемый «неофункционализм» в советской архитектуре.

Безусловно, в то время имело место обращение к авангардистской традиции 1920-х годов и опыту мирового модернизма 1930-х – 1950-х годов. Действительно, следует рассматривать определённые обширные пласты архитектуры того времени, как проявление инерции модернизма, что сказалось в усилении типизации и индустриализации в архитектурном формотворчестве по сравнению с архитектурно-строительной практикой сталинского времени (хотя эти процессы были заложены по крайней мере еще в конце 1930-х). Проявлялась инерция и в отношении жесткого функционального зонирования, и в утверждении главенства функции над формой, что давало прежде всего ощутимый экономический эффект, но было, по существу, уже рудиментом прошлого в контексте бесконечного «цехового» повторения этой матрицы – понимания архитектуры, как «машины», где примат функции незыблем, а универсальность и относительная «свобода» пространства могла пониматься исключительно в русле концепции Мис ван дер Роэ, резюмирующей в максимальном высвобождении пространства от несущих конструкций.

Однако нужно учитывать то обстоятельство, что на мировой архитектурной арене закат модернизма обозначили ко второй половине 1950-х годов, в том числе, его же создатели – Ле Корбюзье, Нимейер, Сааринен и другие, открывая в своих последних произведениях новое художественное понимание, новые методы, отличные от исконно

⁶⁶⁹ Иконников, А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность [Текст] : Издание в двух томах : Том I / А.В. Иконников. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – С. 514-652.

⁶⁷⁰ Иконников, А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность [Текст] : Издание в двух томах : Том II / А.В. Иконников. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – С. 39-235.

модернистских⁶⁷¹. Так, например, поиски нового архитектурного языка видятся в таких произведениях архитектуры, как: «Электронная поэма»⁶⁷² (1958), Водонапорная башня⁶⁷³ Э. Сааринена (1945–1955), Дворец Рассвета О. Нимейера в Бразилиа (1956–1958) и т.д. Эти первичные явления представляют собой то, что к 1970-м годам и далее будет в итоге осмыслено в философии постмодернизма. И ровно такая же картина при ближайшем рассмотрении наблюдается в отечественной архитектуре, например: серия работ «Город Солнца» (1943–1959) И.И. Леонидова, а именно проект «Монумента спутнику Земли» (1958) – в этом контексте показательное сравнение формальных композиций с «Электронной поэмой» Ле Корбюзье.

То есть отчасти сами создатели и участники советского авангарда плавно переходят во второй половине 1950-х – 1960-х годах к созданию и пониманию нового художественного качества, что можно видеть в основном на примере «авторского» «нетипового» проектирования, однако в совершенно разных масштабах: от здания, ансамбля, до целого городского образования. Наиболее примечательны такие реализованные и нереализованные произведения архитектуры, как: Дворец Советов А.В. Власова (1957–1959), один из первых павильонов «Радиоэлектроника и связь» нового тогда ВДНХ (1959)⁶⁷⁴, Финляндский вокзал в Ленинграде (1955–1960)⁶⁷⁵, курорт Пицунда (1958–1967)⁶⁷⁶, Дворец искусств в Ташкенте (1962–1964)⁶⁷⁷, здание ЦЭМИ⁶⁷⁸ в Москве (1966–1977), реконструкция крепости «Питиунт» – выставочный зал⁶⁷⁹ (около 1975) и кафе

⁶⁷¹ Михейкин, Д. И. «Гуманизация технократической утопии» в мировой архитектуре 1950–60-х годов [Текст] // Архитектура и строительство России. – 2014. – №1. – С. 24–33.

⁶⁷² «Электронная поэма» Ле Корбюзье (в соавторстве с Янисом Ксенакисом) на Всемирной выставке в Брюсселе

⁶⁷³ в огромном комплексе технического центра компании «Дженерал Моторс» (Уоррен, штат Мичиган)

⁶⁷⁴ архитектор В. М. Голштейн при участии архитектора И. М. Шошенского, инженеры В. А. Штабский, Б. Андреаускас

⁶⁷⁵ Архитекторы: П. А. Ашастин, Н. В. Баранов, Я. Н. Лукин, инженер И. А. Рыбин

⁶⁷⁶ Авторский коллектив под руководством М.В. Посохина, архитекторы: А.А. Мдоянц, В.А. Свирский, Ю.В. Попов, З.Е. Дырмонт, Б.И. Тхор, И.А. Покровский, А.С. Маркова, С.Е. Егоров, А.В. Моисеев, В.И. Романова, Ю.Н. Семенов, В.А. Щелкановцева, К.Н. Калелейкина, В.А. Васильев, М.В. Першин (и др.) Инженеры: Т.В. Бильжо, В.Е. Сно, Ф.Н. Беркман, С.Л. Гомерг, Л.Г. Кронфельд, М.А. Малахов, С.Г. Перепелицкий, А.М. Певзнер, А.П. Ромадин, Е.М. Тепман и др. Руководитель художественно-декоративного оформления З.К. Церетели, художники и скульпторы: Э. Бердзенишвили, К. Игнатов, Г. Очиаури, Г. Каладзе, А. Ратиани, В. Кокиашвили, А. Мchedlishvili, В. Орбеладзе, В. Ониани, А. Горгадзе, Э. Машукели, Г. Аджиашвили и др.

⁶⁷⁷ Архитекторы: Владимир Берёзин, Серго Сутягин, Юрий Халдеев, Дмитрий Шуваев («Узгоспроект»); инженеры Д. Антман, А. Браславский, при участии архитектора О. Легостаевой; художники Александр Ган и Виктор Ган

⁶⁷⁸ Архитекторы: Л. Павлов, Г. Колычева, И. Ядров.

⁶⁷⁹ Ныне музей; проектная организация «Грузсоветкурорт» (?) – по воспоминаниям инженера-строителя курорта Пицунда В.Ч. Джонуа

«Абаата»⁶⁸⁰ (около 1975-1976), кинотеатр «Звездный»⁶⁸¹ (1971–1975) и так далее. И это качество носит явный характер понимания, именно как после модернистского^{682 683}. Д.Е. Фесенко указывает в эти годы по крайней мере на сдвиг в «сфере представлений» в сторону нового профессионального мировоззрения⁶⁸⁴.

А еще ранее, в 1958 году на V Конгрессе Международного союза архитекторов в Москве, темой которого было «Строительство и реконструкция», участники по существу договорились не разрушать существующую историческую «ткань» новой архитектурой, а относить ее преимущественно на свободные территории, а в случае реконструкции – соотносить с окружением.

Полное низложение функционалистского начала – «начала начал» модернизма – в отечественной архитектуре можно видеть на примере творчества Л.Н. Павлова, а именно долгой истории проектирования ЦЭМИ в Москве (1966-1977), где этажи с высокими потолками были специально предназначены для громоздких ЭВМ, но пока шло строительство, новое поколение вычислительных машин уменьшилось в размерах, и

⁶⁸⁰ Проектное бюро организации «Грузкурортторг» (?) – по воспоминаниям В.Ч. Джонуа

⁶⁸¹ Архитекторы: Е. Н. Стамо, Г. Чалтыкьян, В. Шер, инженеры Л. Каган, Е. Суслов, О. Соловьёва

⁶⁸² Михайкин, Д.И. Образ «универсума» в архитектуре СССР конца 1950-х – 1960-х годов [Текст] / Д. И. Михайкин // Современная архитектура мира : выпуск 13 (2.2019) / Гл. ред., сост. Н.А. Коновалова. – М. : СПб. : Нестор-История, 2019. – С. 69-94.

⁶⁸³ Михайкин, Д. И. Проблема «границы и «края» в организации пространства. Павильон «Радио-электроника» на ВДНХ. 1959 год / Д. И. Михайкин // IV Хан-Магомедовские чтения : материалы научной конференции / отв. ред. и сост. И. А. Бондаренко; НИИТИАГ. – М.; СПб : Коло, 2020. – С. 99-122. – URL: http://www.sectioaugseries.org/uploads/releases_PDF/002/05.pdf (дата обращения: 22.03.2021).

⁶⁸⁴ Из статьи Д.Е.Фесенко «Запоздалый расцвет. О постмодернизме в советской архитектуре»: «...не вполне корректной выглядит датировка появления первых признаков сдвига в профессиональном сознании, выдвинутая Гумаркиным (9). Он относит их к концу 1970-х гг., т.е. времени распространения вполне артикулированных проектных манифестаций, трактуя, таким образом, постмодернизм весьма обуженно - как одно из многих стилевых направлений - и, следовательно, фактически отказывая ему в профессионально-идеологическом или мировоззренческом статусе. Однако, если говорить именно о начальных симптомах формирования новой профессиональной картины мира, то они восходят к середине 1960-х годов. К этому времени относится появление первых голосов, усомнившихся в благотворности установления к рубежу 1950-1960-х гг. технистской монополии. В роли возмутителя спокойствия выступает тема охраны памятников культуры - принятие на втором Международном конгрессе по реставрации памятников архитектуры Венецианской хартии и учреждение Международного Совета ЮНЕСКО по охране памятников и исторических мест ИКОМОС, нашедшее отражение в профессиональной печати (10), стали теми точками роста, из которых впоследствии развилось новое профессиональное мировоззрение. С этого момента начинается медленное, но неуклонное расшатывание сначала застывших в сознании своей абсолютной истинности топики и риторики модернизма, затем - самих идеологических принципов и установок. Углубление темы охраны наследия и реставрации закономерно приводит к осознанию своеобразия старого города и признания необходимости его реконструкции. Подвергается критике концепция функционального зонирования, организация типового проектирования и др. На одно из первых мест выдвигается история архитектуры. Художественно-эстетическая проблематика становится центральной при обсуждении природы зодчества. Формируется привычный сегодня нашему уху понятийный аппарат: возникают новые термины – «средовое проектирование», «экологический подход», «социально-культурный фактор» и пр.» Фесенко, Д. Запоздалый расцвет. О постмодернизме в советской архитектуре [Текст электронный] / Дмитрий Фесенко // Сайт intelros.ru : [ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/subject/figures/teoriy_arh_processa/6774-zapozdalyj-rascvet-o-postmodernizme-v-sovetskoj-arhitekture.html (дата обращения: 25.09.2021).

«идеальную» казалось бы, до предела «функциональную» матрицу пришлось приспособлять еще на стадии строительства и ведения текущих исполнительных проектных работ. По-видимому, примерно тогда Л.Н. Павлов приходит к одной из своих «экстрем» архитектуры: «архитектура – не функциональна»⁶⁸⁵.

Даже сам по себе «лозунг» в отечественном «архитектурном цехе» 1960-х годов – «вперед к 1920-м годам»⁶⁸⁶ (а не «назад») – имеет под собой в основе переосмысление того наследия и создания принципиально нового, но в той традиции инновации, которая была заложена в авангарде. И это совершенно не значит прямое «копирование» образцов модернизма (на что в том числе и указывает слово «вперед»), которого безусловно нет и не может быть по определению в знаковых произведениях того времени. Тем более, что на тот момент времени (в 1960-е) и не было как такового прямого ассоциирования «себя» с модернистским движением, однако же сам по себе модернизм в мировом искусстве и архитектуре понимался уже как вполне устоявшееся явление последних 60-ти лет и подлежал всестороннему научному изучению⁶⁸⁷.

Итак, уход от конструктивной «правды» – выявления прямой работы конструкций в строгом модернистском смысле (например, павильон «Радиоэлектроника» 1959 года, Курзал курорта Пицунда⁶⁸⁸, 1958-1967), контекстуальность, выраженная в особых и крайне многогранных проявлениях соотношений «старого и нового» (павильона «Водное хозяйство» 1954 года и реконструкция 1967 года)⁶⁸⁹, начало проявления прототипов «средового» подхода (Финляндский вокзал), точнее, того, что впоследствии будет обозначено, как «средовой» подход, создание определенной «ауры» городской среды (на примере города-курорта Пицунда), сохранение «духа» места и культивирование новых коннотаций и аллюзий в этом направлении на базе исторического материала, в том числе с помощью создания симулякров «далекого прошлого» (также на примере курорта Пицунда), обращение к народным традициям и народной архитектуре различных этнических групп и их проявление и переосмысление в новой архитектуре (например, кафе «Золотое руно», г. Пицунда, начало 1970-х и т.д.), и, наконец, проявление

⁶⁸⁵ Броницкая, А. Леонид Павлов [Текст] / ред.-сост. А. Броницкая ; авт. ст. О. Казакова, Л. Павлова. – М. : Electa Architecture, 2015. – 336 с. : ил.

⁶⁸⁶ АСADEМIA. Юрий Волчок. История, архитектор и город. 1 лекция. Канал Культура [Электронный ресурс] // АСADEМIA : Канал Культура [телевизионный проект телеканала «Культура»] : [официальный канал на сайте Youtube.com]. – Опубликовано 29.07.2015. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=pkboz_Km_1M (дата обращения: 25.09.2021).

⁶⁸⁷ Модернизм : Анализ и критика основных направлений [Текст] : Сборник статей / Под ред. В. В. Ванслова и Ю. Д. Колпинского. – М. : Искусство, 1969. – 242 с. : ил.

⁶⁸⁸ Авторский коллектив под руководством М.В. Посохина, архитекторы: А.А. Мдоянц, В.А. Свицкий, Ю.В. Попов и др.

⁶⁸⁹ П. П. Ревякин, Ю. Н. Шевердяев и реконструкция, видимо — теми же авторами, около 1967 года

постмодернистской «сверхсимволики», образов-метафор, в случае Дворца искусств в Ташкенте (1962-1964), где форма центрального зала ассоциируется с частью, а именно с блоком дорической колонны – все эти явления отчетливо прослеживаются в лучших произведениях отечественной архитектуры того времени.

Таким образом, видится наиболее справедливым понимать отечественное архитектурное наследие конца 1950-х – 1970-х, по большому счету, в качестве плавного начала эпохи постмодернизма. Так это время в мировом искусстве и архитектуре чаще всего и классифицируют в мире⁶⁹⁰. Это автоматически снимает ряд противоречий и сложностей в синхронизации развития отечественной и мировой архитектуры, в выстраивании самой периодической «шкалы». Важно, что это устранил навязанные такой терминологией неверные коннотации, подспудно разделяющие отечественную архитектуру и мировую, как «региональную» – «вторичную» и «высокую» – «первичную», что является крайне спорной точкой зрения.

В этом контексте сам по себе переход от модернизма к постмодернизму целесообразно рассматривать как растянутый во времени сложный процесс, протекавший более или менее синхронно в западной и отечественной культуре с разной степенью интенсивности появления тех или иных памятников искусства и архитектуры.

Следует подчеркнуть и определенную уникальность, и «самость» выдающихся образцов отечественной архитектуры второй половины 1950-х – 1980-х годов в рамках общемирового развития архитектуры эпохи постмодернизма, которая характеризуется сложным пересечением философских направлений, являющих в своем конгломерате некую общность.

«Язык» архитектуры постмодернизма крайне разнообразен. Надо сказать о выделении в нем такой отличительной черты, как «ирония», которая совершенно не характерна для советской архитектуры тех лет с ее идеологически выверенной серьезностью и монументальностью, целенаправленным синтезом искусств и абстрактностью образов. Но так ли распространена и важна постмодернистская «ирония» в архитектуре обобщенного «Запада», является ли она одним из ее первичных определяющих признаков? Есть основания полагать, что данный прием был далеко не основополагающим среди различных по своей структуре приемов и методов постмодернизма. Наиболее существенным новшеством и проявлением эпохи стала концепция «деконструкции», как направление постмодернистского критицизма. И в этом

⁶⁹⁰ Ильин, И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Текст] / И. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 253, [2] с.

видится вполне синхронное совпадение в некоторых подходах к архитектурному формообразованию в отечественной и мировой практике, выразившееся в контекстуальности, особом отношении к поиску новой художественности (в том числе, в новом синтезе искусств), «гибридизации», переосмыслении и трансформации различных архитектурных исторических языков, соотношений «старого» и «нового», «игре разных времен» в рамках единой архитектурной «ткани» здания, ансамбля, района и даже города.

В контексте общей темы модернизации среды жизнедеятельности, и конкретнее, в контексте «Программы реновации жилищного фонда в городе Москве» (далее «Реновация»), начатой в 2017 году, актуальность обозначенной терминологической проблемы очевидна, тем более, что ее влияние выходит далеко за рамки историко-теоретического дискурса узкого круга профессионалов в данной конкретной области. Надо понимать, что советское архитектурное наследие является в нашей стране преобладающим в деле формирования городской среды малых и больших городов, и тем более в крупных агломерациях, по крайней мере, если судить по количеству эксплуатируемых квадратных метров, а также площади застроенных территорий – целых микрорайонов, районов и огромных частей исторических городов.

Термин «советский модернизм» уводит всё отечественное архитектурное наследие второй половины 1950-х – 1980-х годов (то есть после известного постановления №1871 ЦК КПСС «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» от 4 ноября 1955 года) исключительно в позднемодернистский дискурс⁶⁹¹, и такое понимание исторической ситуации в целом в отечественной архитектуре стало преобладающим не только в архитектурном «цехе», но и в обществе в целом, и преподносится как нечто безальтернативное и устоявшееся, как «исторически» сложившееся. Тем самым глубинные цели и задачи самой программы «Реновации» со всеми ее принципами утилитарности, «функциональности» и «экономической целесообразности», могут быть в корне неправильно поняты и трактованы. И шире, все попытки реконструкции и модернизации данной среды могут быть начаты и проведены неверно в контексте такого понятийного аппарата, который навязывает изначально неверные «названия» обширных временных (исторических) отрезков, разнородных по своей структуре.

Парадигма понимания глубокой «вторичности» отечественной архитектуры второй половины XX века, в особенности позднесоветской архитектуры 1950-х – 1980-х годов, которая возникла на фоне глубочайшего социально-экономического и (крупнее)

⁶⁹¹ Поздний модернизм в своей сущности, как архитектурный «язык», угасал, будучи вторичной производной по отношению к модернизму 1930-х – 1950-х годов уже к 1960-м.

цивилизационного кризиса 1980-х – 1990-х годов в нашей стране, на фоне идеи «вторичности» всей страны и русской культуры по отношению к «западной» культуре, порождает в профессиональной среде определенную тенденцию к низложению прежней архитектуры, ее отрицанию как явления искусства, отрицанию ее интеллектуальности и уникальности. О научно-теоретической составляющей данного вопроса говорить не приходится совсем – нынешние реалии таковы, что современный российский архитектор в массе своей даже не имеет понятия о первичной природе своего профессионального образования, подлинной базой которого являются многочисленные исторические и теоретические исследования НИИТИАГа и других институтов, созданных в советское время под эгидой Академии архитектуры.

Выходит так, что многое из постулируемого сегодня в качестве «нового», «ультра-инновационного», оказывается на поверку хорошо забытым «старым». Трактовка всей отечественной архитектуры второй половины 1950-х – 1980-х годов в качестве позднего модернизма накладывает неизгладимый отпечаток на возможные помыслы и проекты реконструкции той разнородной среды, которая, на самом деле, требует не менее бережного отношения к себе, как и любая другая историческая среда. Идеи «просто» снести и зачистить советский город, преобразовав его до полной неузнаваемости по всем возможным пространственным и архитектурным параметрам, сейчас, к сожалению, преобладают. Так, например, видится чудовищной ошибкой программа «реконструкции» кинотеатров советского времени в Москве, которая по сути своей является повсеместным сносом кинотеатров 1960-х – 1970-х годов – и типовых, и выполненных по индивидуальным или индивидуализированным проектам (ведь и каждый «типовой» кинотеатр имел друг от друга определенные отличия) – для строительства новых, так же типовых торговых развлекательно-досуговых центров.

При этом такие понятия, как «зеленый город», «экологичность», «средовой» и «контекстуальные» подходы, «естественное озеленение», гармоничные взаимоотношения «старого и нового», образность архитектурной формы и так далее и тому подобное, – оказываются далеко не новыми: своим появлением они обязаны глубоким интеллектуальным и практическим усилиям многочисленных авторов-архитекторов и градостроителей 1950–1960-х и далее - 1970–1980-х годов. В связи с этим важно добиться понимания постмодернистской природы поиска в отечественной архитектуре в ее действительно инновационных проявлениях того времени. Данное понимание несоизмеримо обогатит не только конкретную проектную деятельность по линии реконструкции планировки и застройки того времени, но и в перспективе, возможно, сменит ее оценку в глазах высшего чиновничества.

ва, что породит гораздо более взвешенный подход к стратегическому пространственному развитию нашей страны и модернизации ее архитектурно-градостроительной среды.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
**СОВРЕМЕННЫЕ ПОИСКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ
ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СРЕДСТВАМИ АРХИТЕКТУРЫ**

ГЛАВА IV.1.

**МОДЕРНИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ СРЕДСТВАМИ
ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАСА ГРИМШОУ**

Британский архитектор Николас Гримшоу причисляется исследователями к числу создателей архитектуры хай-тек. Наряду со своими соотечественниками Ричардом Роджерсом, Норманом Фостером и Майклом Хопкинсом в конце 1960-х годов он начал освоение современных технологий в архитектуре. Многие годы его проектное бюро работает в тесном сотрудничестве с промышленными предприятиями, занимающимися технологическим обеспечением зданий в интересах наибольшей рентабельности, эффективности и сохранения окружающей среды. Сформировалась и определённая философия проектирования коллектива единомышленников Гримшоу с характерными профессиональными подходами. Его новаторские проекты и постройки ориентированы на создание архитектуры, получившей сегодня название «устойчивой». Этапы последовательного формирования составляющих этого понятия прослеживаются в творчестве Гримшоу от начального этапа – павильона Великобритании на Экспо 1992 года в Севилье и знаменитых оранжерей «Эдэм» в Корнуолле, до последних сооружений - Музея техники в Майями (США), открытого в 2017 году, и «Павильона устойчивого развития» для выставки ЭКСПО- 2020 в Дубай.

В Великобритании тема устойчивого развития архитектуры была поднята на рубеже 1980-1990-х годов архитектором Ричардом Роджерсом, когда её актуальность стала все более очевидной с развёртыванием новой экономической политики консерваторов, началом так называемой «эпохи тэтчеризма». В эти годы в своих многочисленных выступлениях и публикациях он призывал архитектурное сообщество обратить особое внимание на всё более ухудшающееся состояние современных городов и сосредоточиться на проблеме гуманизации архитектурной среды, а в проектных предложениях разрабатывал пути решения экологических и социальных проблем, связанных с проектированием и обустройством зданий, улиц и городов. В 1992 году после победы на выборах лейбористов, активным сторонником которых являлся Роджерс, его

инициативы стали обретать реальный характер. Совместно с Марком Фишером, отвечающим в новом правительстве за вопросы культуры, были подготовлены тексты, которые формулировали необходимость регулирования целого ряда архитектурных и градостроительных проблем на законодательном уровне. Особое внимание в них обращалось на такие вопросы, как создание новых учреждений культуры и доступность для горожан пространств нижних этажей общественных зданий, увеличение количества социального жилья и освоение заброшенных территорий бывших промзон, обустройство новых площадей и зелёных скверов, создание условий для более здорового и комфортного образа жизни в городах для людей различного уровня достатка. Не малую роль для формирования в Великобритании нового видения роли архитектуры в жизни общества сыграла давняя дружба Роджерса с тогдашним Премьер-министром Тони Блэром и назначение Роджерса на пост Главного советника правительства лейбористов по вопросам модернизации городской среды. Спустя годы, многие из подготовленных под началом Роджерса предложений по решению экологических и социальных проблем легли в основу существующей сегодня политики в области архитектуры и урбанизма Великобритании.

В целях регулирования и стимулирования работы проектировщиков в направлении экологической эффективности в 2009 году в Великобритании была разработана система добровольной оценки экологической эффективности всех строящихся зданий - BREEM (Building Research Establishment Environmental Assessment Method). Соответствие сооружений высокому рейтингу по этой системе не только способствует повышению престижности сооружения, но также обеспечивает значительную финансовую выгоду владельцам, как за счет снижения величины налогов на построенное здание, так и благодаря ощутимой экономии в процессе его эксплуатации. Одновременно, эта система работает в качестве инструмента, способствующего реализации принятых всеми странами-членами ООН резолюций по преобразованию мира на основе принципов устойчивого развития.

Термин *sustainable development*, который стали употреблять и в контексте архитектурной тематики, обычно переводится как «устойчивое развитие». Однако, в зависимости от контекста, слово *sustainable* можно перевести по-разному: как «долгосрочный», «самодостаточный», «жизнеспособный», «экологичный», «экологически безопасный» и «экологически эффективный». По разным оценкам от 38-и до 50-ти процентов всех углеродных выбросов на Земле производится городами, зданиями и сооружениями - основными потребителями энергии. Исходя из этого, важной задачей для архитекторов стал поиск таких проектных решений, которые бы обеспечили возможность сокращения расходов

энергоресурсов. Опыт инновационной архитектуры, лучшие образцы которой могут быть отнесены к архитектуре хай-тек, показал возможные пути их решения. Так, значительной экономии электроэнергии, расходуемой для искусственного кондиционирования воздуха, способствует предусмотренная в проекте возможность естественной вентиляции помещений. Достигается это компьютерным моделированием процессов воздухообмена в здании, а также применением инновационных технологий для оконных ограждений, способных самостоятельно регулировать поступление воздуха извне. Сокращение энергозатрат на отопление можно обеспечить путём использования композитных строительных материалов для панелей наружных стен (в том числе материалов вторичной переработки), а также путём усовершенствования теплозащиты стыковочных узлов и устройства «умных» оконных блоков. Положительный результат дала система аккумуляции зданиями энергии в тёплое время года для использования её при наступлении холодов. Также серьёзная экономия электроэнергии получается за счёт проектирования зданий с максимально возможной теплоизоляцией помещений для сокращения времени использования искусственного освещения. Важную роль в энергосбережении играет комплексная система саморегуляции зданий с компьютерной программой управления и мониторинга. Использование датчиков, определяющих места скопления людей, позволяет на этот промежуток времени обеспечить в помещениях заданные нормативные значения кондиции воздуха, температурно-влажностного режима и степени освещённости. Экономия расходов воды достигается путём организации на крыше сбора естественных осадков, создания системы очистки собираемой воды и повторного её использования в технических целях там, где это возможно. В последние годы актуальной темой устойчивого развития стала проблема проектирования зданий, рассчитанных на последующую реконструкцию, без разрушения и серьёзных затрат, для их повторного использования и приспособления к возникающим со временем новым запросам потребителя.

В ряду архитекторов Великобритании - сторонников «устойчивого развития», одним из наиболее ярких и последовательных можно считать Николаса Гримшоу. На протяжении многих лет он целенаправленно работает над решением проблем, которые сегодня осознаются мировым сообществом в качестве наиболее важных. Под началом Николаса Гримшоу в бюро «Grimshaw Architects» работает команда его единомышленников, которые в 2019 году выступили с особой программой своей деятельности, оформленной в Заявлении для профессионального сообщества. Концепции и профессиональные методы этого архитектора представляют определённый интерес для последующего более подробного изложения.

Под руководством Гримшоу в его архитектурном бюро «Grimshaw Architects» за долгие годы работы было создано более 900 проектов, многие из которых награждены престижными премиями. В 2019 году к своему 80-летию Николас Гримшоу был награждён золотой медалью Королевского Института Британских архитекторов (RIBA), которая считается наиболее престижной и присуждается за особый вклад в развитие архитектуры. Вручая её, президент RIBA Бен Дербишир отметил, что эта награда значительно запоздала, поскольку: «На протяжении более чем полувека влияние сэра Николаса на британскую архитектуру было исключительным. Ему принадлежит авторство огромного количества зданий и инфраструктурных проектов международного значения. Главное в его эстетике – технология и этим он вдохновляет будущее поколение архитекторов»⁶⁹². По словам же самого Гримшоу, его архитектурная практика «всегда была сопряжена с экспериментами и идеями прежде всего в сфере «устойчивости», которая достижима средствами современных технологий, способных улучшить жизни рода человеческого».

Будучи участниками проводимой Организацией Объединенных наций компании под девизом «Гонка к нулю», сотрудники возглавляемого Гримшоу архитектурного бюро подписали «Обязательство» Всемирного совета по экологическому строительству, которое призывает к 2030 году вводить в эксплуатацию здания, обеспечивающие нулевой выброс углерода, а для себя поставили цель сделать это реальностью уже к 2025 году. В принятом «Обязательстве», значительно повысившем международный авторитет компании, архитекторы заявляют следующее: «Мы также обязались спроектировать и построить к 2030 году социально и экологически восстанавливающиеся здания и инфраструктуру... Мы признаем, что проблемы, с которыми сталкивается наша планета, слишком велики, слишком важны и слишком актуальны, чтобы их можно было решать в одиночку. Мы установили партнерские отношения с организациями по всему миру, чтобы взять на себя определённые обязательства, способствующие усовершенствованиям как в нашей практике, так и в архитектурно-строительной отрасли в целом... Наше портфолио новаторской архитектуры и проектов является результатом серьёзных исследований, смелых идей, экспериментов и бесчисленных инноваций, которые в конечном итоге приводят к результатам, удовлетворяющим не только наши собственные амбиции и устремления, но и запросы наших клиентов... Чтобы задокументировать наши успешные наработки, мы организовали серию тематических исследований, в которых показаны различные стратегии, использованные при разработке проектов, получивших награды. Таким образом мы стремимся сделать всё от нас зависящее, чтобы не только ограничить возможность негативно-

⁶⁹² <https://www.interior.ru/architecture/4429-nikolas-grimshou-poluchil-zolotuyu-medal-riba.html>

го воздействия архитектуры, но и улучшить природную среду для восстановления экологии планеты»⁶⁹³.

Работу в качестве архитектора Николас Гримшоу начал в проектном бюро “Farrell & Grimshaw”. Первая, казалось бы, мало впечатляющая его работа 1967 года – пристройка блока ваннных комнат для реконструируемого под студенческое общежитие здания в Лондоне, произвела мощный резонанс в кругу единомышленников (Рис. 1). Причина подобного эффекта крылась в том, что эта работа стала первой реализацией на практике парящих в воздухе идей Седрика Прайса, которыми были увлечены выпускники Лондонской школы Архитектурной Ассоциации. В достаточно утопических проектах студентов этой школы, выпускником которой был Гримшоу, разрабатывалась концепция новой динамичной архитектуры, собираемой как конструктор из готовых элементов заводского изготовления. По проекту Гримшоу и Терренса Фаррелла, с которым он в то время работал, на судостроительном заводе были изготовлены металлические кабины ваннных комнат (Рис. 2). С первого до последнего этажа этими модулями заполнили стальной каркас башни, приставленной к зданию, со спиралевидным бетонным пандусом с внешней стороны. Остеклённый фасад башни-колбы, сквозь который просматривалось движение людей по пандусу, придавал всему зданию футуристический акцент. Этот оригинальный приём обеспечил решение одновременно несколько проблем, таких, как: быстрота и удобство монтажа сантехнических коммуникаций, расположенных в одном месте по вертикали; экономичность и, что было особенно актуальным, доступность по утрам для одновременного использования спешащими на занятия студентами. Разумность, экономичность и смелый новаторский подход к использованию сторонних технологий в этой незначительной по масштабу, но идейно значимой в архитектурной профессии работы, послужили для молодых коллег мощным вдохновляющим стимулом.

⁶⁹³ <https://grimshaw.global>

Рис. 1. Башня ванн для студенческого общежития. Лондон. Арх. "Farrell & Grimshaw".
1967

Репутацию первопроходца в проектировании «устойчивой архитектуры» Гримшоу получил с созданием экстраординарного павильона Великобритании на всемирной выставке ЭКСПО-1992 в Севилье. В основу проекта, разработанного им уже в собственном бюро "Grimshaw Architects", были заложены выработанные веками местные традиции строительства домов в этом самом жарком регионе Испании. Толстые каменные стены предохраняли здания от перегрева знойным летом и сохраняли тепло зимой, а также служили для защиты помещений от значительных колебаний температуры в дневное и ночное время. Естественная вентиляция в домах достигалась за счёт продуманной внутренней планировки и расположения дверных и оконных проёмов, обеспечивающих максимальную циркуляцию воздуха. Характерным для жаркого климата Испании было и устройство множества уличных фонтанов, в которых движущаяся вода способствовала увлажнению и охлаждению воздуха.

Рис. 2. Установка металлических кабин ваннных комнат в каркас башни с пандусом.
Арх. бюро “Farrell & Grimshaw”.

В проекте павильона, разработанном бюро Гримшоу, специфика национальной архитектуры были мастерски переосмыслена с использованием современных материалов и технологий. Павильон представлял собой призму из металлического каркаса со стеклянными витражами (Рис. 3). Здание было запроектировано из полностью готовых металлических конструкций, предполагающих сборку на месте без использования сварки, что обеспечивало короткие сроки его возведения и упрощало процесс разборки павильона после окончания выставки. Наиболее нагреваемый солнцем боковой фасад павильона сверху до низу был уставлен на специальных помостах контейнерами с водой, которые защищали здание от перегрева и, одновременно, аккумулировали тепловую энергию. Главный витражный фасад имел выступающие вперёд элементы тентового затенения, а также оригинальную систему охлаждения непрерывно струящейся по нему водой (Рис. 4). Для того, чтобы привести в движения и поднять на высоту павильона воду из расположенного вдоль фасада резервуара длиной в 65 метров, на крыше были размещены вырабатывающие электроэнергию солнечные батареи. Они представляли собой металлические пластины, превращенные в элементы архитектурного декора в виде изогнутых крыльев. Таким образом,

с помощью каскада струящейся по витражу воды, создающего вокруг ореол брызг, была решена проблема охлаждения здания и прилегающей к нему территории (Рис. 5).

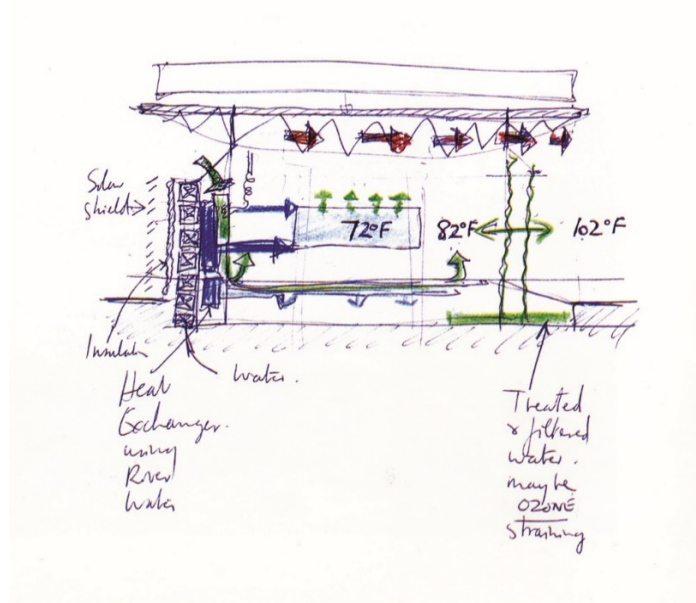

Рис. 3. Концептуальное решение проекта павильона Великобритании на ЭКСПО-92 в Севилье. Арх. бюро "Grimshaw Architects".

Павильон Великобритании стал наиболее привлекательным местом для посетителей выставки, а Николас Гримшоу и его коллеги получили международную известность и репутацию смелых новаторов. Авторы проекта были награждены специальной премией за самый экономически эффективный павильон из 106 других, представленных на ЭКСПО. Подобный инновационный подход к использованию современных технологий для создания комфортной среды, а также оригинальный архитектурный образ сооружения, представленный на международном форуме, пробудили в профессии огромный интерес к проблеме сохранения энергии и экологической эффективности в архитектуре.

Рис. 4. Павильон Великобритании на ЭКСПО-92 в Севилье.
Арх. бюро “Grimshaw Architects”.

Рис. 5. Главный фасад с каскадом воды. Павильона Великобритании на ЭКСПО-92 в Севилье. Арх. бюро “Grimshaw Architects”.

Ещё больший резонанс в профессиональном сообществе произвел хорошо известный сегодня комплекс «Эдем», построенный по проекту “Grimshaw Architects” (при участии инженерной компании Ове Аруп) в графстве Корнуолл в 2001 году (Рис. 6). По признанию Гримшоу, это был амбициозный эксперимент, предполагающий создание биома для пустынных регионов мира. На месте заброшенных карьеров по добыче каолиновой глины для производства фарфора, представлявших собой, по существу, выморочное пространство, были построены оранжереи в виде геодезических куполов с собственным микроклиматом. Они предназначались для коллекции видов растений, цветов и фруктов, аналогов которым нет в Великобритании. Комплекс, напоминающий футуристические картинки инопланетной жизни, со временем достраивался новыми оригинальными сооружениями, спроектированными в бюро Гримшоу. Новые павильоны потребовались для расширения функций оранжерей и предназначались для размещения в них исследовательских лабораторий, выставок, учебных и общественных пространств. Скучный ландшафт со сложным рельефом постепенно засаживался специально подобранными кустарниками и деревьями и, спустя годы, превратился в спускающийся по склону прекрасный парк. Этот проект способствовал возвращению к жизни заброшенных территорий и регенерации казалось непоправимо испорченной природной среды. Сегодня оранжереи Эдем представляют собой всемирно известный экологический центр и считается одним из самых красивых и привлекательных для посещения мест Великобритании. Новый, спроектированный недавно в бюро Гримшоу проект курорта XXI века - «Эдем Север», также ориентирован

на решение проблемы регенерации ландшафта средствами архитектуры. Он продолжает начатую в Корнуолле тему создания искусственной среды, органично связанной с природным окружением (илл.7). Кластер из объёмов в виде гигантских пузырей из инновационных материалов неправильной формы будет располагаться на северо-западном побережье Англии (г. Моркам). В нём предполагается разместить объекты для отдыха, развлечений, а также культурных и образовательных программ. Проект затрагивает не только зону побережья, но также будет включать в себя пространство надводной и подводной среды, что, безусловно, станет возможным только с использованием новейших технологий. Для осуществления своих экспериментальных проектов архитектурное бюро Grimshaw многие годы работает в тесном сотрудничестве с промышленными предприятиями и организациями, занимающимися технологическим обеспечением зданий для достижения наибольшей рентабельности и эффективности в целях сохранения окружающей среды.

Рис. 6. Комплекс оранжерей «Эдем» в Корнуолле. Великобритания.
Арх. бюро “Grimshaw Architects”. 2001-2005.

Рис. 7. Проект курортного комплекса «Эдем-Север» для г. Моркам. Великобритания. Арх. бюро “Grimshaw Architects”. 2018.

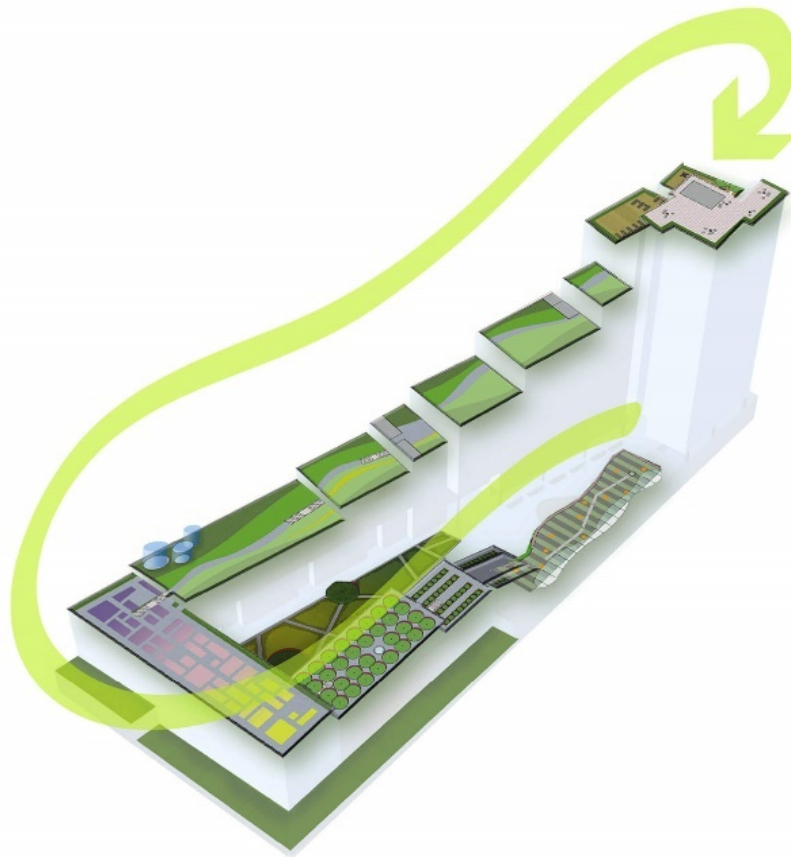

Рис. 8. Принципиальная схема проектного решения жилого комплекса «Зелёная улица» в Южном Бронксе. Нью-Йорк (США). Арх. бюро “Grimshaw Architects”.

За долгие годы работы в коллективе единомышленников Гримшоу сформировалась определённая философия проектирования с характерными профессиональными подходами. Их проекты, которые выделяются своей оригинальностью, продуманностью и экономичностью, становятся победителями на международных конкурсах. Так в 2012 году по проекту бюро “Grimshaw Architects” был построен жилой комплекс «Зеленая улица» в Южном Бронксе Нью-Йорка, где также были продолжены поиски взаимосвязи архитектуры и природы (Рис. 8). Проект с применением достаточно дешёвых инновационных строительных материалов вторичного использования, принципа пассивного охлаждения помещений за счёт сквозного проветривания узкого фронта корпусов, использование солнечных батарей на крыше, оказался для заказчиков наиболее экономически привлекательным. Это позволило застройщику предложить доступное жильё для арендаторов с низким и средним доходом. На огромных террасах, ступенями спускающихся по торцам 20-и этажного здания комплекса, были предусмотрены общественные сады, а во внутреннем дворе – хвойная роща, фруктовый сад и сад для фитнеса (Рис. 9, 10). Уход за посадками, после определённой программы подготовки со специалистами, возлагается на самих жителей комплекса. Предполагалось, что для населения этого не спокойного района Нью-Йорка, большинство которого составляют латиноамериканцы и афроамериканцы, такое проведение досуга могло бы играть положительную роль, а пространства с зелёными насаждениями – обеспечить благоприятную среду для отдыха и общения жителей. Комплекс «Зеленая улица» получил высокую оценку уровня экологической безопасности – LEED Gold (американский аналог системы BREEM).

Рис. 9. Основное здание комплекса «Зелёная улица» в Южном Бронксе. Нью-Йорк (США).
Арх. бюро “Grimshaw Architects”. 2012.

Рис. 10. Вид на террасные сады комплекса «Зелёная улица» в Южном Бронксе. Нью-Йорк (США). Арх. бюро “Grimshaw Architects”. 2012.

Еще один победивший в международном конкурсе проект, созданный бюро “Grimshaw Architects” в содружестве с инженерной компанией Аруп, – здание Музея науки Филиппа и Патрисии Фрост в Майями (США). Открытый в 2017 году комплекс Музея науки, стоящий на берегу залива, по существу сам стал наглядным экспонатом музея, демонстрирующим посетителям новейшие научные и технологические достижения (Рис. 11). В нём максимально использованы природные факторы, такие как энергия солнца и морских бризов, работает система сбора дождевой воды и вторичного использования её для технических нужд, а также «умная» система заполнения бассейнов комплекса морской водой. В состав этого комплекса, состоящего из нескольких зон, входит планетарий в виде огромного металлического шара, расположенного на площадке перед основным объёмом музея, и гигантский стеклянный конус аквариума с обитателями океана, на которых можно смотреть как сверху, так и с нижнего этажа через прозрачное дно (Рис. 12). Внутри, на нескольких уровнях атриумного пространства, галереи которого соединены между собой

подобиями корабельных мостиков, размещены экспонаты с интерактивным общением. В мини-лабораториях для посетителей, большинство которых составляют дети, сотрудники музея демонстрируют различные опыты (Рис. 13). Очертание белоснежного фасада музейного комплекса с рядами маленьких оконных проёмов ассоциируется с образом океанского лайнера, стоящего на причале порта Майями, и органично вписывается в ландшафт городской набережной (Рис. 14).

Рис. 11. Музей науки в Майями. (США). Арх. бюро “Grimshaw Architects”. 2017.

Ещё одним важным фактором обеспечения устойчивого развития архитектуры Николас Гримшоу считает восприятие зданий как возобновляемого ресурса, что позволит экономно использовать строительные материалы и тем самым сохранять экологию. Это подразумевает проектирование гибкой, динамичной архитектуры, способной к адаптации для новых функций.

Показателен пример реконструкции мебельной фабрики в г. Бат (юго-западная Англия), построенной в 1976 году по проекту Фаррелла и Гримшоу. Уже тогда, по замыслу авторов, здание проектировалось согласно концепции гибкой, динамичной архитектуры, с расчётом на сохранение наиболее дорогостоящего металлического каркаса и возможность замены ограждающих модулей. Спустя сорок лет достаточно объёмное двухэтажное сооружение фабрики, стоящее в красивой части города на берегу водоёма, утратило свои прежние функции. Одновременно возникла проблема расширения помещений для художественного факультета местного университета. Успешная и достаточно эконо-

мичная реконструкции этого сооружения, осуществленная по проекту бюро Гримшоу, подтвердила потенциал подобных концепций и методов проектирования.

Рис. 12. Аквариум Музея науки в Майями. (США). Вид с нижнего уровня. Арх. бюро “Grimshaw Architects”. 2017.

Рис. 13. Атриумное пространство Музея науки в Майями (США). Арх. бюро “Grimshaw Architects”. 2017.

Рис. 14. Главный фасад Музея науки в Майями (США). Арх. бюро “Grimshaw Architects”. 2017.

Структура металлического каркаса обусловила возможность изменения внутренней компоновки помещений без нарушения принципиальной конструктивной схемы. На существующие опоры были установлены металлические фермы, которые подняли здание на метр выше. Сооруженные по периметру световые фонари в прямоугольном каркасе ферм (по типу Виеренделла), позволили обеспечить помещения дополнительным естественным светом и сократить использование электричества для искусственного освещения. Над зданием была сооружена новая крыша из поперечно-клеёной древесины. Увеличенная несущая способность позволила оборудовать крышу фотоэлектрическими элементами для выработки солнечной энергии. Соответствующее оформление интерьеров превратило бывшее здание фабрики в университетскую Школу искусств и дизайна, которая открылась в 2019 году. Первый этаж школы доступен для общественного пользования. Там разместились кафе с местами отдыха, магазин художественных принадлежностей и залы постоянной галереи, что сделало это место притягательным не только для студентов, но и для горожан. Прилегающая к зданию набережная была облагорожена ландшафтным дизайном и оборудована столиками для пикников. Таким образом, за счёт локальной реконструкции промышленного сооружения, построенного в расчете на такую возможность в будущем, бывшее здание фабрики приобрело новое качество и важную роль для местных жителей в городской среде. Примечательно, что осуществлённый в бюро Гримшоу проект реконст-

рукции этого здания предусматривает, в случае необходимости, возможность его последующей адаптации.

Перечень работ архитектурного бюро “Grimshaw Architects” огромен. Последний проект Гримшоу, на котором он закончил свою проектную деятельность в качестве архитектора, это тематический павильон ЭКСПО- 2020. Всемирная выставка в Дубае, перенесённая из-за пандемии, открылась 1-го октября 2021 года. Её главная цель – способствовать сохранению средствами современных технологий природной среды в условиях негативного воздействия растущей урбанизации планеты. Девиз ЭКСПО-2020 звучит так: «Объединяя идеи, создаём будущее». Три главных темы и, соответственно, раздела выставки – «Мобильность», «Возможности» и «Устойчивое развитие». Для каждой из этих тем были выделены отдельные зоны с главными тематическими павильонами. Павильон «Мобильность» – спроектирован командой Нормана Фостера, «Возможности» – архитектурным бюро из Дании – BIG Бьярка Ингельса и павильон «Устойчивое развитие» – мастерской «Гримшоу Архитектс». Вопреки традициям, многие павильоны после окончания выставки не будут демонтированы и должны образовать «умный город» в пустыне, где предполагается разместить выставки, галереи и научные музеи. Исходя из этого, к главным павильонам предъявлялись особенно строгие требования соответствия климату и обеспечения комфортности для их дальнейшего использования.

Спроектированный Гримшоу комплекс «Устойчивое развитие», кардинально отличается от остальных павильонов выставки. Его название и концепция отражены в самом проектном решении (Рис. 15). Как таковой, объём павильона визуально отсутствует. Экспозиционные пространства расположены под землёй. В них представлены наглядные примеры потребительского отношения человека к природе и, с помощью интерактивных инсталляций, объясняются ключевые проблемы и возможные пути сохранения экологически устойчивого будущего планеты. На поверхности можно увидеть лишь парк с собственной экосистемой, который располагается под тенистыми кронами «умных деревьев», обеспечивающих жизнеспособность растений и всего комплекса (Рис. 16).

Как и большинство построек Гримшоу, эта работа стала демонстрацией стратегии и реальных возможностей инновационной архитектуры для создания «устойчивого устройства» образа жизни. Идея следования за природными процессами сфокусирована в этом проекте на использовании возобновляемых ресурсов - таких, как солнечная энергия, фотосинтез, получение чистой воды из влажного воздуха и использование её по замкнутому циклу.

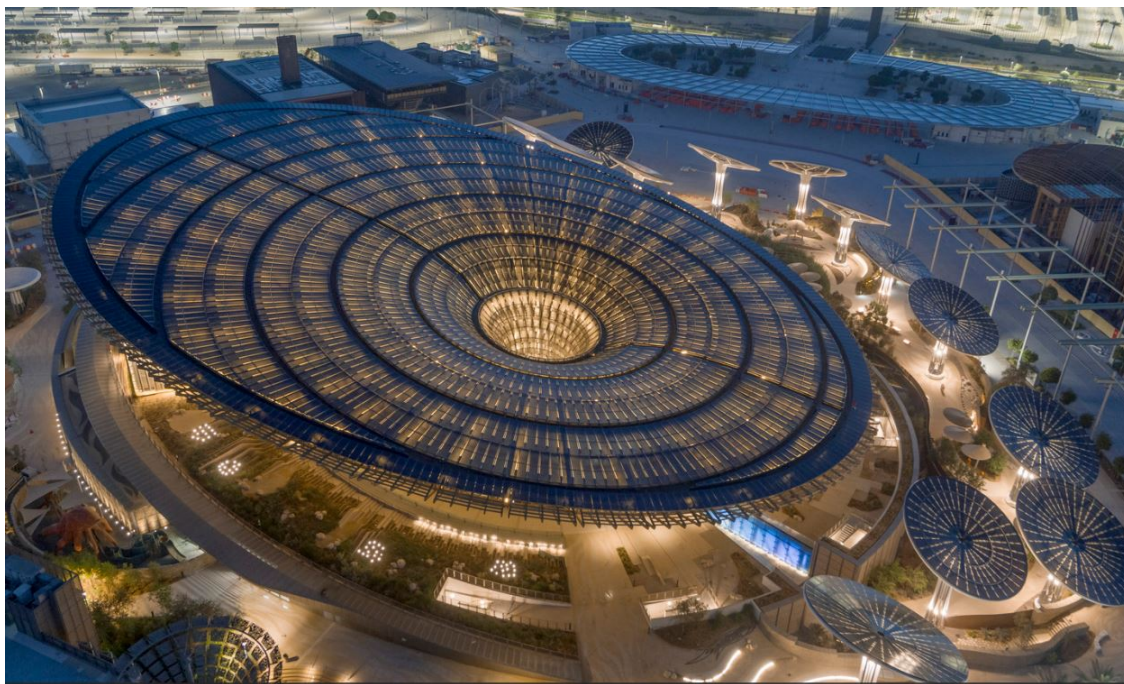

Рис. 15. Тематический павильон «Устойчивое развитие» на ЭКСПО-2020 в Дубай (ОАЭ). Вид сверху. Арх. бюро “Grimshaw Architects”.

Рис. 16. Элементы комплекса «Устойчивое развитие» на ЭКСПО-2020 в Дубай (ОАЭ). Арх. бюро “Grimshaw Architects”.

В экстремальных условиях пустыни, где температура воздуха может достигать 50 градусов в тени, наиболее оптимальным решением для команды Гримшоу, представлялось заглубления всех экспозиционных помещений под землю, поскольку это наиболее экономный способ поддержания комфортных условий внутри помещений. Таким образом

сверху, на площади, отведенной под павильон, появилась возможность создать ландшафтный парк с искусственным микроклиматом, что в этом регионе представляется редкой, но желаемой роскошью. Учитывая местные традиции, в центре участка был запроектирован внутренний двор. Прежде всего необходимо было обеспечить затенение участка. Для этого архитекторы совместно с инженерным бюро Э. Хэпполда разработали уникальные конструкции. В центре двора возвышается главный объём, получивший название “Terra” со входом в подземные экспозиционные помещения (Рис. 17). Он представляет собой навес в виде огромного куста с раскидистой кроной. Примечательно, что на 98 процентов он выполнен из металла вторичной переработки. Крона, диаметром в 135 метров, представляет собой огромный коллектор солнечной энергии в форме эллипса. Более 6000 квадратных метров сверхэффективных монокристаллических элементов встроены в стеклянные панели его плоскости. Такая комбинация глухих и прозрачных ячеек навеса позволила сооружению генерировать солнечную энергию, одновременно пропуская дневной свет и создавая кружевную тень внизу. Форма навеса и конфигурация двора определялась на основе проведенных термодинамических исследований с тем, чтобы обеспечить свободное поступление во внутрь двора прохладным бризам юго-западного направления и блокировать проникновение горячих ветров. Одновременно, благодаря эффекту дымохода, горячий воздух отводится с нижнего уровня через отверстие в центре конструкции. Навес также служит огромной площадкой для сбора дождевой воды и конденсата для пополнения системы водоснабжения всего комплекса. Вход в подземные помещения обрамляют габионы, заполненные местным светлым камнем, который одновременно хорошо аккумулирует тепло и отражает солнечный свет (Рис.18). Девятнадцать металлических конструкций в виде деревьев диаметром от 15 до 19 метров размещены по территории парка и образуют искусственную рощу, которая также генерирует и пополняет потребляемую комплексом энергию (Рис. 32). Прототипом их формы с развесистой кроной послужило устойчивое к засухе дерево Гаф, встречающееся на Аравийском полуострове (Рис. 19). Конструкция этих деревьев изготовлена из стали и лёгких композитов, позволяющих выдерживать значительные консольные нагрузки солнечных батарей на поверхности кроны. Для оптимизации работы фотоэлектрических элементов кроны деревьев отслеживают движение солнца, поворачиваясь вслед за ним на 360 градусов. Территория, отведённая для павильона, с помощью функционирования и формы этих конструкций была превращена в миниатюрную замкнутую экосистему с тенистым парком и разнообразными зонами для прогулок и отдыха (Рис. 20). В условиях пустыни в его тенистых аллеях поддерживается комфортный микроклимат за счет распыления воды и природных арома-

тизаторов. Искусственно созданный ландшафт с извилистыми тропинками образует затайливый лабиринт, состоящий из кластеров с растениями исключительно местного региона, включая те, которые ранее здесь никогда не культивировались из-за сложных условий для их возделывания. Также на территории парка размещены испытательные площадки для сельскохозяйственных экспериментов по выращиванию определенных сортов злаков, включая галофитное земледелие, предполагающее полив растений морской водой. Проект был полностью адаптирован к участку и разрабатывался с учетом особенностей климата и культурных традиций. После окончания выставки 6 000 квадратных метров площадей подземного павильона «Устойчивого развития» будут отданы для размещения в нем Музея техники, где предполагается продолжить работу по изучению устойчивых методов поддержания жизни в экстремальных условиях. Безусловно привлекательным местом останется созданный архитекторами оазис с тенистым парком, местами для отдыха и опытными площадками для продолжения экспериментов по выращиванию растений в условиях пустынных регионов мира.

Рис. 17. Вид на структуру павильона “Terra”. Комплекс «Устойчивое развитие». Дубай (ОАЭ). Арх. бюро “Grimshaw Architects”.

Рис. 18. Входная зона в подземные пространства экспозиции павильона «Устойчивое развитие». Дубай (ОАЭ). Арх. бюро “Grimshaw Architects”.

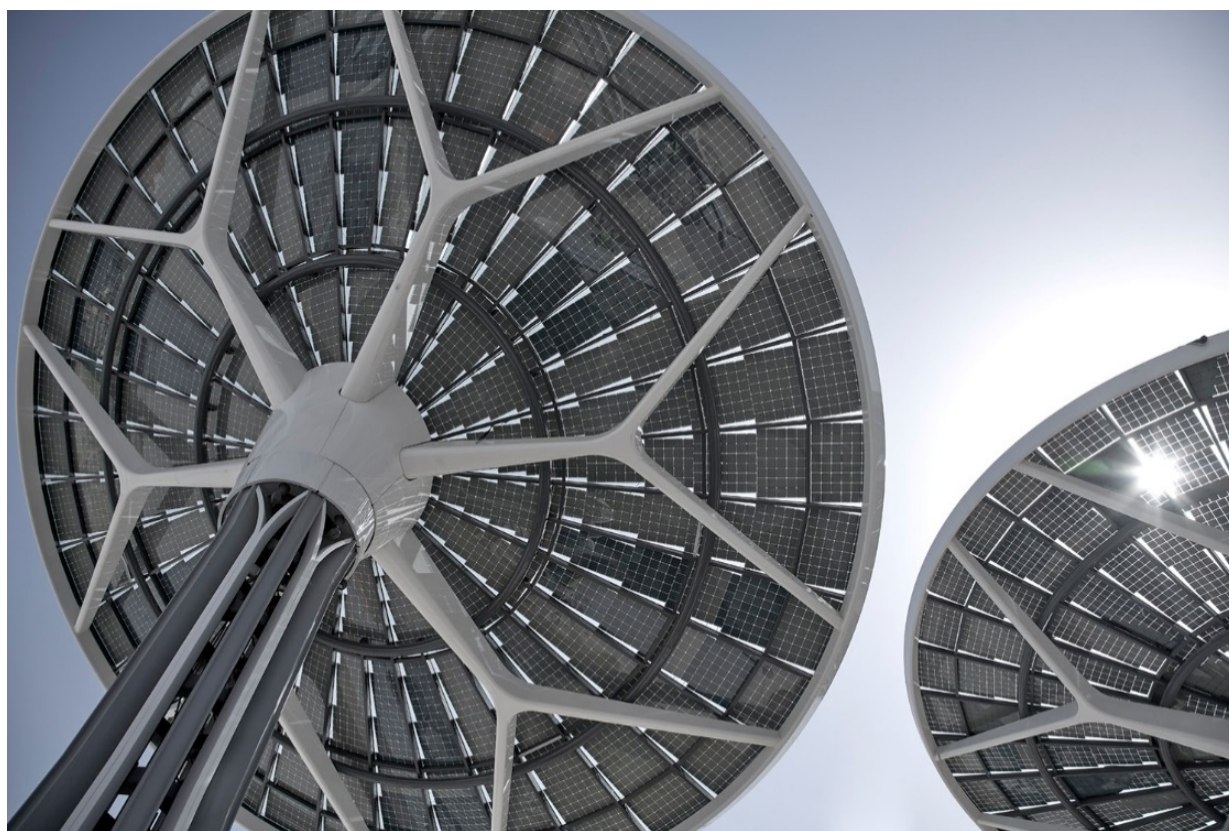

Рис. 19. Металлические конструкции в виде дерева. Комплекс «Устойчивое развитие». Дубай (ОАЭ). Арх. бюро “Grimshaw Architects”.

Рис. 20. Парк павильона «Устойчивое развитие». Дубай (ОАЭ). Арх. бюро “Grimshaw Architects”.

Комплекс павильона «Устойчивого развития» получил сертификат LEED Platinum, который является наивысшим уровнем, доступным в системе сертификации устойчивости LEED. Он также получил сертификаты LEED Zero Energy и LEED Zero Water, как сооружения, полностью обеспечивающие себя энергией и водой. Однако некоторые специалисты отмечают, что эти высокие оценки комплекса относятся лишь к его эксплуатационным показателям, но не к строительному процессу, который, по их мнению, пока соответствует самым средним значениям.

Опыт работы “Grimshaw Architects” продемонстрировал всему миру пути использования современных технологий для создания сооружений, способных к адаптации, в условиях меняющегося климата нашей планеты, к обеспечению устойчивости архитектуры к природным катаклизмам и возникающим новым запросам населяющих её людей. В творчестве Николаса Гримшоу концепции технологического совершенства архитектуры превалируют над стремлением к её художественной выразительности и образной значимости, которые отступают на второй план перед современными глобальными вызовами. Главный профессиональный ориентир для него – идея создания архитектуры, отвечающей требованиям сегодняшнего дня, а основные стратегии – это оптимизация естественных

условий, присущих данному месту; работа с ним и внутри него для достижения максимальной эффективности; разработка оптимальных методов проектирования с использованием инновационных технологий для достижения целей устойчивого развития.

В 2019 году Николас Гримшоу покинул пост председателя правления, созданной им 40 лет назад архитектурной фирмы, но остаётся в ней в качестве главного консультанта. Всё своё время он намерен посвятить новому Фонду искусств и архитектуры, носящему его имя, который, благодаря огромному авторитету Гримшоу в Великобритании, будет существовать на спонсорские взносы и пожертвования. Фонд предполагает финансирование программ дополнительного образования для начинающих архитекторов, в том числе совместных программ с RIBA по установлению более тесных контактов между архитекторами и художниками. Основным направлением работы своего фонда Гримшоу видит в содействии устойчивому развитию. «Я видел отсутствие поддержки и отсутствие признания того, что могут сделать архитекторы», - говорит Гримшоу. «Правительство решило, что инновационные технологии являются основным способом поддержки страны, но обучение в этой области отсутствует».⁶⁹⁴ Движение к устойчивой архитектуре должны продолжить молодые, поэтому Гримшоу считает для себя важным помочь начинающим архитекторам войти в профессию и готов делиться с ними накопленным многолетним опытом архитектора-новатора.

⁶⁹⁴ Пионер высоких технологий Николас Гримшоу уходит с поста председателя своей архитектурной фирмы. Электронный ресурс. Код доступа: [https:// ru.furniturehomeweres/com](https://ru.furniturehomeweres.com)>...

**О ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДА НА ТРАДИЦИОННОЙ ОСНОВЕ:
АРХИТЕКТУРНЫЙ «РЕНЕССАНС» НИЖНЕГО НОВГОРОДА**

Не раз делались попытки распространить понятие «ренессанс» на культурные феномены, далекие от знаменитого европейского Возрождения, начавшегося в Италии в XV веке, но имевшие определенное типологическое сходство с ним. Академик Н.И.Конрад находил возможным проводить прямые параллели между более или менее синхронными эпохальными подъемами национальных культур Запада и Востока. А Э.Панофский очень убедительно показывал, что «ренессансы» происходили и в эпоху Средневековья, до того, как настал тот Ренессанс, который положил конец этой большой эпохе. Не менее известный академик Д.С.Лихачев, рассматривая «ренессанс» как явление стадияльное, уподобил ему русский XVII век, являвшийся для нас, действительно, переходной ступенью от Средневековья к Новому времени.

В свете этого представляется важным и полезным усматривать признаки «ренессанса» и в более локальных исторических событиях. Несмотря на все внешние формальные и масштабные отличия от итальянского Ренессанса, такие события могли быть сродни ему по своей внутренней сути, коль скоро следовали исконной логике смены жизненных циклов – от рождения и созревания до угасания и возрождения вновь.

Можно ли назвать бурные события в архитектурной жизни постперестроечного Нижнего Новгорода «ренессансом»? Уверен, что можно и нужно. Дело заключается отнюдь не в том, чтобы просто польстить главным героям этих событий и сопоставить их произведения с общепризнанными архитектурными шедеврами. Хотя им удалось создать шедевры, которые уже вошли в историю. Мне понадобилось слово «ренессанс» для того, чтобы с его помощью попытаться глубже вникнуть в суть произошедшего.

Резкий разворот нижегородского зодчества в направлении, противоположном позднесоветскому индустриальному «модернизму», не был случайностью, спровоцированной вкусовыми предпочтениями одного человека, пусть и наделенного большими полномочиями. Наоборот, этот разворот вполне назрел, о нем мечтали многие – и начальники, и обыватели, и архитекторы.

Типовое панельное домостроение, распространенное по всей стране и достигшее в годы правления Л.И.Брежнева колоссальных масштабов, вызывало не утихавший, а только усиливавшийся ропот, прежде всего, со стороны профессионалов, очень болезненно переживавших состояние безнадежных заложников тяжеловесно-прагматичного строй-

комплекса. Сейчас об этом почти не вспоминают и не пишут, предпочитая отыскивать творческие достижения советских архитекторов среди безликих, в основном, строительных массивов того времени. Достижения, безусловно, были, но редкие и полученные не благодаря, а вопреки диктату технократической системы проектирования и строительства.

Студенты и преподаватели архитектурных вузов и факультетов не могли полностью смириться с тем, что «лошадь впрягли в телегу». Они искали вдохновения в лучших образцах современной западноевропейской, американской и японской архитектуры. Поэтому есть все основания говорить о том, что постмодернизм появился в СССР почти сразу же после своего возникновения на Западе. Не столько в практике проектирования и строительства, сколько в учебном процессе, которому присуща устремленность в будущее.

Я учился в МАРХИ, на ЖОСе в середине 1970-х годов и могу засвидетельствовать тот факт, что в некоторых группах уже тогда стали использоваться постмодернистские приемы под флагом поисков архитектурно-композиционной, пластической и образной выразительности. Правда, никто тогда специально не призывал вставать на рельсы новомодных зарубежных течений. Мы вдохновлялись переводным изданием французского журнала под наименованием «Современная архитектура», листали настоящие западные журналы, читали выпускавшиеся ЦНИИТИА книги о современной архитектуре и ее лидерах, но слабо ориентировались в тех процессах, изучением которых занимались профессиональные историки и теоретики. Поэтому мы довольно непринужденно выбирали и смешивали наиболее эффектные примеры из многообразного арсенала архитектуры XX века и при этом всегда старались избегать прямой подражательности, памятуя о необходимости развивать свою творческую индивидуальность.

Наши педагоги поощряли именно такое вольное отношение к наследию, ставя задачу сделать что-то непременно выразительное и неповторимое. Объясняя возможные способы нахождения интересной объемно-пространственной композиции, они размывали границы между эпохами и стилями и обращались, порой, даже к совсем далеким историческим примерам. А мы одновременно открывали для себя те же примеры в курсах истории архитектуры и градостроительства. Я убежден был в том, что архитектор должен отличаться от «простых смертных» знанием всеобщей истории архитектуры. И отчетливо осознавал тот факт, что основные принципы и приемы композиции и формообразования проходят насквозь через всю историю зодчества. Поэтому совершенно не возбраняется учиться на образцах иных стран и эпох.

На это настраивали и нередкие обращения преподавателей к авторитету их собственных учителей и наставников, которые состоялись как архитекторы в эпоху «украшательства». Среди таких авторитетов на первое место всегда ставился И.В.Жолтовский, имевший многих маститых учеников и последователей. В наше время в МАРХИ еще работали выдающиеся мастера советской архитектуры. Нашу группу вели Е.Б.Новикова и З.Ф.Зубарева, которые заслужили огромную благодарность за всемерное поощрение фантазии, образного мышления и живого творческого подхода к проектированию.

Ходили слухи о том, что наших педагогов осуждают за столь вольное отношение к поискам новых путей развития архитектуры, становящейся слишком пластичной, экспрессивной, похожей на абстрактную скульптуру. Эти слухи вызывали у нас душевные порывы в защиту педагогов и серьезные опасения в том, что скоро нас заставят проектировать в полном соответствии с текущей строительной практикой, вызывавшей безнадежную тоску и неприятие. Особенно остро я это почувствовал, когда узнал о том, что журналу «Современная архитектура» положен конец и отныне мы должны читать и смотреть только «Архитектуру СССР».

Таким образом, уже в студенческие годы мне стало ясно, что по окончании института нас ждут «серые будни». Только здесь, в стенах МАРХИ мы можем радоваться архитектуре и что-то сочинять. Поэтому быстро понял, откуда и почему появились на следующих курсах за нашим прославившиеся потом «бумажники».

Педагоги ЖОС все же смогли отстоять свои позиции и продолжить движение в избранном направлении, которое, как оказалось, отвечает мировому постмодернистскому тренду, но происхождением своим обязано вовсе не ему, а нашей собственной реакции на советский индустриальный утилитаризм 1960-70-х годов при наличии того профессионального багажа, тоже своего собственного, который был накоплен в предшествующий период и перекочевал в сферу образования. Важно отметить, что в этот багаж вошла не только неоклассика, но и авангардный опыт ВХУТЕМАСа, реабилитированный на кафедре Основ архитектурного проектирования. Получилась совершенно уникальная гибридизация историзма и новаторства.

К этому надо добавить, что в те же и последующие годы произошел переворот в закосневших, было, оценках профессиональных достоинств архитектуры эклектики, модерна и неостилий.

Лейтмотивом многих обсуждений проектов было тогда утверждение допустимости заимствований, позволяющих учиться у великих мастеров, но при условии их авторской переработки и неременного «осовременивания». Мысль о передаче «духа современно-

сти» волнует меня с тех пор по сей день. Стойкость модернистски-минималистской стилистики объясняется, судя по всему, именно этим общепринятым требованием к архитектуре. Хотя чем дальше, тем больше я убеждаюсь в теоретической слабости данного постулата.

Специального внимания заслуживают проводившиеся в те же и последующие годы очень смелые и увлекательные учебные эксперименты Б.К.Еремина на кафедре Градостроительства, которой заведовал И.Г.Лежава. Они сосредотачивались, в основном, на теме воссоздания исчезнувших архитектурных доминант Москвы и реализации некоторых неосуществленных проектов во имя придания современному столичному городу неповторимого своеобразия и яркой выразительности. Это направление, названное «ретроразвитием» города, было поддержано Диссертационным советом МАРХИ, присудившим его автору ученую степень кандидата архитектуры. Сам этот термин произвел сильное впечатление и оказал, безусловно, позитивное влияние на дальнейшее развитие нашей архитектурной мысли, несмотря на всю спорность и даже эпатажность некоторых проектных фантазий.

Для своего диплома из предложенных тем я выбрал театр в Ашхабаде. Удалось съездить туда, познакомиться с А.Р.Ахмедовым и его прекрасной библиотекой. Однако, мне не захотелось работать в стилистике этой библиотеки, привнесенной в Среднюю Азию извне. Я вдохновлялся неким совокупным образом коренной исторической архитектуры этого региона. Хотя не обошлось без привлечения для создания образа театра элементов европейского наследия. Чрезвычайно благодарен за поддержку моих инициатив З.Ф.Зубаревой, руководившей дипломом и взявшей на себя ответственность за его необычность.

По окончании института я пошел работать по приглашению туда, где проходил и преддипломную практику, - в ЦНИИЭП им. Б.С.Мезенцева. Там всерьез проектировали этот театр, но в моем дипломе не нуждались, несмотря на то, что он был рекомендован к внедрению. Я работал в Мастерской Ю.Л.Шварцбрейма, где принимал участие в разработке проекта Дворца науки, культуры и техники для Улан-Батора. Его композиционным ядром являлся круглый в плане объем, очень похожий на гигантскую юрту. Такой эскизный проект стал победителем на конкурсе, проводившемся, скорее всего, в 1975 году. Я рассказываю об этом забытом историческом факте (в 1978 году проект резко сократили, отказавшись от юрты) для того, чтобы дать понять, насколько рано в СССР проявилась тенденция к возрождению архитектурного стилизаторства. К этому надо добавить извест-

ные опыты целенаправленного использования национальных декоративных мотивов в архитектуре Союзных республик того времени.

Многих архитекторов смущали эти опыты, в которых ощущалась политически мотивированная искусственность и не всегда высокие художественные достоинства. Дело в том, что они инициировались не профессионалами, а партийными руководителями, из-за чего в общем стремлении побороть архитектурную безликость возникло два русла, проявлявших скрытую антипатию друг к другу. Этой антипатией объясняется очень многое в ходе развития постсоветской архитектуры.

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо рассказать еще об одном существенном, хотя и почти забытом событии последних лет существования Советского Союза. Во второй половине 1980-х годов Строительным отделом ЦК КПСС было решено поднять уровень и престиж профессии архитектора. Можно сказать, возродить в стране «настоящую» архитектуру. Как я узнал позднее, исходила эта установка от секретаря ЦК, члена Политбюро Е.К.Лигачева. Еще будучи Первым секретарем Томского обкома, он убежденно и напористо выступал за это. Госгражданстрой при Госстрое СССР переименовали в Госкомархитектуры, назначив на пост Председателя Е.Г.Розанова.

Следом развернулась подготовка к возрождению Академии Архитектуры СССР. Наш институт, называвшийся тогда ЦНИИТИА, где я был ученым секретарем, должен был послужить базой для этой Академии. К нему присоединили ЦНТИ, добавили экспериментально-проектное отделение и филиалы в Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Ташкенте и Владимире, где на территории монастыря в Боголюбове решено было создать центр творческой переподготовки архитекторов. Реорганизованный институт получил наименование ВНИИТАГ.

Не так давно нам стало известно от И.А.Казуся, бывшего заместителя директора ГНИМА им. А.В.Щусева, что в те годы по поручению руководства музеев в назначенный день собрал экспозицию самых эффектных архитектурных проектов сталинского времени и продемонстрировал ее высокопоставленным начальникам из регионов во главе с самим Е.К.Лигачевым, который прямо указал на то, что отныне наша архитектура должна равняться на образцы такого характера.

Какие плоды принесла бы реализация этой программы в случае сохранения целостности страны и преемственности власти? Полагаю, что позитивные, поскольку дело было доверено подлинным профессионалам, которые должны были стать академиками и руководить процессом. Буквального возрождения архитектуры 1930-50-х годов, конечно, не произошло бы – на это вовсе не были настроены ни теоретики, ни практики. Но архитек-

тура приобрела бы разнообразие и пластическое богатство, допускающее стилизации и живое взаимодействие с историческим контекстом. Наверное, возникли бы, но и разрешились споры о возможности возобновления эклектических методов компиляции классических и неклассических образцов. Западные постмодернисты показали, как это можно делать, однако, у нас возникло бы нечто иное - свое собственное, самобытное и вполне серьезное архитектурное явление, безо всякого эпатажа и иронии.

Самым главным результатом начатой, но неосуществившейся реформы должно было стать высвобождение архитектуры из-под прессинга Стройкомплекса. Следует обратить внимание на то, что Академия Е.Г.Розанова задумывалась как чисто архитектурная. Строительной индустрии надлежало стать обслуживающей архитектуру отраслью. Это давно назрело, это было правильно и пошло бы на пользу делу при переходе к рыночной экономике. Но этого, увы, не произошло.

Наше счастье, что А.Г.Рочегову благодаря поддержке Б.Н.Ельцина удалось создать РААСН. Академия взяла под свое крыло фундаментальную науку, собрала авторитетных практикующих архитекторов. Но у нее не было возможности на государственном уровне возглавлять и направлять процесс развития российской архитектуры. А процесс этот оказался весьма энергичным и зачастую сумбурным.

Стремительно разбогатевшие частные заказчики захотели получить совсем не ту архитектуру, что была у нас нормой. Они потянулись за мастерами и образцами на Запад. Российским зодчим пришлось обороняться и одновременно доказывать, что они то же способны прекрасно делать «все, чего изволите». Тут, как нельзя кстати, на помощь им пришли еще студенческие фантазии и наработки. Во всяком случае, мне в 1990-е годы казалось очевидным, что пошли в ход и стали реализоваться наши «мархишные» проекты, среди которых встречались и экспрессивные, и пластичные, и «хай-тековские», и «деконструктивистские», и «бионические», и минималистические, и эклектично-постмодернистские. В МАРХИ не поощрялись только ордерные композиции. Тем не менее, они тоже нашли своих заказчиков и своих архитекторов, которые быстро научились делать их «не хуже настоящих».

Прежде, чем перейти к Нижнему Новгороду, хочу сказать несколько слов о «лужковской» Москве. В ее архитектурной жизни заявили о себе, как мне кажется, три основные стремления: вырваться на передовые международные позиции, возродить свои «почвеннические» традиции и не навредить исторически сложившейся городской среде.

Последнее стремление вылилось в ожесточенное противостояние практикующих архитекторов и защитников наследия, в глазах которых любое современное строительство

представляло угрозу для старой Москвы. В некоторых случаях удалось осуществить деликатные контекстуальные проекты, хотя и они подверглись критике за уничтожение бывшего духа места.

Возрождение старомосковских архитектурных традиций заботило самого Ю.М.Лужкова, увлекшегося археологией и историей. Однако, его инициативам был дан довольно дружный отпор со стороны архитекторов, посчитавших зазорным для себя идти на поводу у непрофессионала и заниматься фантазиями на тему русских сказок и былин. Правда, делались попытки по новому проинтерпретировать средневековую тему разновысоких башен – в комплексе на Красных холмах и в первоначальном проекте московского Сити, но в итоге получилось нечто совсем другого характера.

Что касается глобалистского тренда развития московской архитектуры, то он оказался компромиссным, опосредованным и фрагментарным. Зато сильно зазвучали в качестве специфического московского вклада в современное многоэтажное строительство вариации на тему «сталинских высоток». А в массе продолжили преобладать все те же индустриальные жилые «коробки», только еще более высокие, еще более плотно поставленные и кичащиеся своей «улучшенной» яркой отделкой.

В целом, Москву захлестнул довольно хаотический архитектурно-строительный бум, ожививший город, порадовавший многих, но и огорчивший до боли тех, кто знал и любил его прежним. Поэтому о «ренессансе» Москвы конца XX – начала XXI вв. говорить не приходится. Это не возрождение былых достоинств, а энергичный порыв к чему-то новому, влекущему, но совершенно непонятному, спорному и даже пугающему своей неумеренностью.

Гораздо больше умеренности можно заметить в развитии Санкт-Петербурга, где удалось поставить на государственную охрану чуть ли не каждый дореволюционный дом. Ценность исторической городской среды признана теперь всеми, хотя без порчи ее современными вставками тоже дело не обходится. Появилось немало примеров и красивых, элегантных контекстуальных решений. Все это можно определить, как восстановление и поддержание великолепия уникального города.

На таком фоне Нижний Новгород рассматриваемого времени выглядит как совершенно особый культурно-исторический феномен. Он не просто стал перестраиваться и украшаться вслед за развитием рыночной экономики. В нем появились люди, сознательно и целеустремленно направившие свои усилия на возрождение и прославление в новом качестве покалеченного наследия предков. На такое возрождение, которое, по моему мнению, может быть названо местным, нижегородским «архитектурным ренессансом».

Отсутствие жесткого общегосударственного руководства пошло в данном случае на пользу делу. Занявший пост главного архитектора города А.Е.Харитонов почувствовал свободу, а отсюда и уверенность в своих силах. Общий настрой был на то, чтобы отказаться от продолжения политики типовой застройки по генеральному плану и проектам, присылаемым из Москвы. От той политики, что десятилетиями на глазах у бесправной публики «убивала» старые русские города.

Нижнему Новгороду повезло и с главным архитектором, и с губернатором, который, в отличие от типичных больших начальников, не считал себя вправе вмешиваться в профессиональную «кухню». А.Е.Харитонов хорошо знал, кого надо привлечь к себе, на кого можно положиться. Его альянс с Е.Н.Пестовым оказался на удивление удачным и продуктивным. И архитекторы старшего поколения, работая под началом А.Е.Харитонova, получили возможность раскрыть свой творческий потенциал. Замечательно то, что он привлек к себе и воодушевил целую когорту более молодых талантливых архитекторов, которым выпало счастье образовать сообщество единомышленников - «могучую кучку» - ядро прославившейся нижегородской школы.

Позитивное значение имело осознание Нижнего Новгорода в качестве сильного регионального центра. Это требовало от архитекторов выразить лидирующее положение города в Среднем Поволжье – положения прочного и давнего, завоеванного в ходе истории. Главным образом, истории дореволюционной, поскольку советское время оставило по себе тяжелые воспоминания.

Статус закрытого города делал его слишком казенным, безропотным и даже, пожалуй, соответствующим псевдониму великого пролетарского писателя, имя которого носил в то время: Горький. Застройка типовыми многоквартирными домами проявляла полную бесчувственность по отношению к стремительно ветшавшему и обрекавшемуся на уничтожение архитектурному наследию. Огромные безликие «коробки» были поставлены и в центре, на самом видном месте – у Кремля на береговой круче, возле совершенно восхитительной и неповторимой Ильинской церкви XVII века. Поставлены демонстративно, «назло» поборникам старины, чтобы показать, к какому социалистическому счастью ведет свой народ наша могущественная страна.

Как только советскую архитектурно-градостроительную политику стало можно осуждать и отвергать, появилось и быстро набрало силу естественное стремление вернуться к живительным истокам, реабилитировать и регенерировать профессиональную культуру дореволюционных времен. В Нижнем Новгороде это произошло не в общем, аб-

страгированном плане, как в федеральной столице, а в тесной увязке с конкретным, местным архитектурным наследием.

В том то и заключалось сходство возникшего явления с ренессансом, что архитекторы открыли для себя несметные богатства того наследия, которое было погребено и едва не погибло полностью под тяжеловесным массивом строительства «варварского», по сути своей. Конечно, недопустимо сегодня всю советскую архитектуру оценивать столь негативно. Точно так же никак нельзя считать варварской и безвкусной архитектуру готики, пришедшую на смену античной классике. Но в свое время мастера итальянского Ренессанса исходили, как известно, именно из такого противопоставления, явно придававшего им сил для осуществления художественной революции.

Поставив во главу угла своей деятельности заботу о приведении Нижнего Новгорода в лучшее состояние, А.Е.Харитонов, как и подобает настоящему архитектору, стал искать наиболее яркие и, вместе с тем, типичные образные характеристики его застройки. И нашел их, прежде всего, в эффектных купеческих особняках, деловых конторах, банках и доходных домах XIX – начала XX веков. При таком взгляде на город, пристальном интересе к нему, многие эклектичные здания вдруг открыли ему свои неведомые до того архитектурно-художественные достоинства.

Это было, действительно, открытием, «эврикой» для человека, получившего советское профессиональное образование. Не приходится сомневаться в том, что в вузе такая архитектура отнюдь не восхвалялась, не поощрялась и даже вовсе не изучалась. Слишком сильно и долго антипатию к ней проявляли старшие поколения наших архитекторов. Само слово «эклектика» было ругательным. Заодно с эклектикой осуждался и «вычурный» модерн, и неорусский стиль. Однако, надо вспомнить о том, что нижегородским студентам чрезвычайно повезло: у них был такой педагог, как С.Л.Агафонов – прославленный реставратор и историк архитектуры, прививавший ученикам уважительное и заинтересованное отношение к наследию.

Еще следует заметить, что в глазах мастеров старшего поколения ордерная неоклассика и неоренессанс были явлениями другого рода, нежели эклектика, – достойными уважения. Думается, что именно эта двойственность отношения к стилизаторству привела постепенно, при росте заинтересованности в нем, к разрушению того водораздела между искусством «высоким» и «низменным», который установили и удерживали лидеры советской архитектуры (вспомним рассказы о том, как И.В.Жолтовский с издевкой разделял архитектуру на хорошую и «барочную»).

Выше я уже упомянул о пробуждении интереса к эклектике и прочему стилизаторству у историков архитектуры. Происходили, по-видимому, параллельные процессы в искусствоведении и в художественном, в том числе, архитектурном творчестве. Подспудно назревала, наконец, назрела и произошла, более или менее явно и решительно, переоценка ценностей. Мне об этом как-то раз в приватной беседе рассказала Е.И.Кириченко. Однажды, будучи в Ленинграде, она очень искренне удивилась резкой перемене в своих собственных чувствах. Вдруг, поутру, она взглянула на городскую застройку и увидела, осознала, насколько же она прекрасна в своем архитектурном многообразии и единстве!

Пришло время, когда невозможно стало говорить о том, к чему дружно призывали мэтры советской архитектуры: снести в Москве Исторический музей, ГУМ, перелицевать гостиницу Метрополь и т.д., и т.п.

Архитектура эклектики третировалась дольше всего. До сих пор она не в большом почете и первой приносится в жертву при всевозможных «реновациях». Исторической заслугой нижегородской школы следует признать наглядную и убедительную демонстрацию достоинств эклектики и модерна, причем, в их местных, провинциальных вариантах, обязанных своим происхождением, порой, несдержанным, доморощенным инициативам непомерно разбогатевших купцов, заказывавших себе особняки «сразу во всех стилях». Пусть эта архитектура заслуживает критического разбора и учит тому, как не следует терять чувство меры, но зато она предельно искренна и передает доподлинно дух того крупнейшего российского торгово-промышленного центра, каким был Нижний Новгород в период своего расцвета.

Обращаясь к нижегородскому наследию при проектировании банка «Гарантия», А.Е.Харитонов и Е.Н.Пестов преследовали цель подхватить традицию, но не копируя буквально исторические образцы, а творчески перерабатывая их и представляя в новом, лучшем виде. Это получилось блестяще, удивительно красиво и талантливо. И это опять-таки напоминает искусство мастеров Ренессанса, создававших свои «улучшенные» вариации на тему античного зодчества, которое не только внимательно изучалось ими, но и воспевалось, идеализировалось и обращалось, тем самым, в абстрагированную модель, побуждающую проводить все более изысканные формально-композиционные эксперименты.

Ясно, что в данном случае речь идет вовсе не о далекой классике. Тем не менее, проводимые параллели, по-моему, уместны, поскольку возрождалась давно отвергнутая, безнадежно «омертвевшая» архитектура, оказавшаяся вдруг, в глазах современных зодчих, такой интересной, пластичной, замечательной. И такой своей, родной, типичной для Нижнего Новгорода времени его «Золотого века».

Совершенно очевидно, что данная архитектурная стилизация, как и многие последовавшие за ней, родилась здесь, на месте, исходя из внутренних соображений и назревших желаний. Это не значит, что авторам были неведомы интернациональные постмодернистские заигрывания с архитектурным наследием. Вероятно, постмодернистские работы помогли им утвердиться в своей правоте. Но я хочу подчеркнуть, что конкретное архитектурное решение не было импортировано ни из зарубежья, ни из Москвы, которая лишь с удивлением и завистью взирала на возникновение нижегородской архитектурной самостоятельности.

Кого-то подмывало тогда сказать «фи!», но отправить то, что получилось у А.Е.Харитонова и его коллег в разряд провинциальной второсортности никто не мог при всем желании. Недаром столичный архитектурный «ареопаг» решил поддержать нижегородцев, избрать главных из них в состав РААСН и присудить Государственные премии России за их лучшие произведения.

Второй корпус того же банка «Гарантия» спроектирован, как известно, в модернистской стилистике. Авторам хотелось показать, что Нижний Новгород не отказывается и от причастности к мировым достижениям Новейшего времени. Основная идея вполне понятна: исторический город живет и обогащается все новыми и новыми культурными напластованиями. Средневековые города в эпоху Возрождения тоже получались разностильными, поскольку появление ордерных композиций не отменяло существования в них романо-готических.

Нельзя не обратить внимания на то, что двухчастность банка «Гарантия» возникла не стихийно, а преднамеренно. Так имитировалось непредсказуемое сочетание в исторически складывающейся и трансформируемой городской среде объектов совершенно разного характера, вынужденных сталкиваться и мириться друг с другом. В этой имитации усматривается интенция к волевой организации архитектурного процесса, столь нужной городу для его благополучной эволюции во времени.

Отсюда следует умозаключение о том, что А.Е.Харитонов со товарищи ставил задачу восстановления не одного из пластов городского наследия, но многих таких пластов и, что важно, - обеспечения связанности этих пластов между собой, передачи ощущения исторической глубины города и его преемственного поступательного движения из прошлого в настоящее и будущее. Случайность сочетания старого и нового волею главного архитектора наделялась чертами композиционной закономерности.

Задача подобного рода издавна направляла поиски архитекторов «эпохи историзма», как ее называют, чтобы оттенить сознательное обращение к историческим стилям и

образам. Под это определение подпадает и эклектика, и псевдостили, и неостили. Но если взглянуть на проблему непредвзято, то это определение может быть распространено и на классицизм, и на барокко, и на Ренессанс. Началось все с желания «реновации» Римской империи, но по мере развития темы к Риму добавились образы античной Греции, а затем и всего Средиземноморья, Африки и Азии, Ближнего и Дальнего Востока, наконец, Америки, то есть самых разных национальных и экзотических культур.

Однако, общая логика развития архитектуры Нового времени в разных городах проявлялась по-разному, часто сбивчиво и противоречиво. И в планах многих городов, и в застройке появлялись «рубцы» и «шрамы», «инородные тела» и опасные «новообразования». Это известно и давно уже вызывает желание восстановить упорядоченность, гармоничность и органическую связность составляющих городской среды.

Пример Нижнего Новгорода чрезвычайно показателен в этом отношении. А.Е.Харитонов постарался сыграть роль настоящего главного архитектора – заботливого, ответственного и полноправного хозяина вверенной ему территории со всеми ее достопримечательностями. Что это дало Нижнему Новгороду? - Серьезный шанс преодолеть упаднический градостроительный «разброд и шатание» и обрести недостающую целостность, собранность, а отсюда и свой особый колорит, который имелся у города в прошлом, но был в значительной степени нивелирован и утрачен. Теперь стараниями нижегородских архитекторов этот колорит стал осознанно возрождаться и формироваться на преемственной основе заново.

При таком подходе к делу совершенно естественным оказалось развитие контекстуализма как приоритетного метода современного архитектурно-градостроительного проектирования в старом городе. Причем, этот метод получил нацеленность не только на сбережение ценного наследия, но и на то, чтобы регенерировать поврежденную городскую ткань, улучшить ее при помощи новых пластически выразительных, но уместных и деликатных архитектурных добавлений.

Я не раз высказывал критические суждения по поводу стремления к достижению целостности среды исторического города и обоснованности контекстуального подхода к проектированию современных архитектурных объектов. Это обязывает меня уточнить и прояснить затронутый круг вопросов. В основе моих рассуждений лежала забота о защите интересов отдельных произведений архитектуры и сохранившихся фрагментов исторически сложившейся городской среды. Стремление объединить разрозненное, разнокачественное, чревато насилием над частным во имя общего. Каждый из существующих архитектурных объектов принуждается к включению в новые, чуждые ему по природе компо-

зиции и ансамбли. Ратуя за сохранение подлинности памятников, я всегда выступаю против такого их принуждения, в пользу самостоятельности, обособленности, а значит, и некоторого «разрыхления» пространственной среды.

Что мы видим в Нижнем Новгороде? Как раз эту «разрыхленность» и многосложность среды, позволяющую самым разным постройкам более или менее благополучно сосуществовать, сосуществовать в относительно умиротворенной среде. Не в жестко скомпонованных и отрисованных раз навсегда комплексах, не в абсолютно завершенных ансамблях, а в «живой», допускающей изменения, относительно гармоничной среде. Конечно, здесь встречаются неудачные сочетания, «столкновения» чужеродных форм и масштабов, но в большинстве своем все это пригашено и улажено стараниями архитекторов, совершенно сознательно избравших для себя индивидуальный, «штучный» подход к проектированию новых объектов и метод неперемного «подлаживания» их к старым.

Во многом спасает ситуацию сравнительная непритязательность большинства поздних памятников архитектуры, выполняющих средообразующую функцию. В этой непритязательности рядовой исторической застройки Нижнего Новгорода кроется ее особое обаяние, которое стараются не потерять и к которому пытаются подстроиться авторы современных зданий. Это приносит свои плоды. Вместе с тем, это дает пищу для некоторых высокомерных высказываний насчет архитектурного провинциализма. Зачем скрывать, что в массе своей нижегородская купеческая застройка относилась, действительно, к разряду провинциальной. Но ту новую «контекстуальную» архитектуру, пришедшую «на помощь» старому городу благодаря А.Е.Харитонову и его последователям, я бы никогда не назвал провинциальной – ведь она создавалась такой специально, с огромным вниманием и любовью к своему городу со стороны людей, получивших прекрасное профессиональное образование, знающих и одаренных.

Нельзя не отметить в этой связи небывалое развитие в Нижнем Новгороде последних десятилетий историко-архитектурной науки, за которой последовали и глубокие теоретические исследования. Самое замечательное, что изучение архитектурного наследия оказалось востребованным здесь практикой современного проектирования. Чем дальше, тем больше стала проясняться ценность памятников не только древнерусских, не только времен существования Российской империи, но и советских - авангардных и неоклассических, а отчасти и совсем поздних, так называемых, модернистских. Это послужило питательной средой для все более многообразных творческих поисков.

Нижний Новгород не совсем един – он многосоставен и многообразен. Поэтому включаться в его среду могут здания очень разных форм и стилей. Главная задача: найти подobaющее место для каждого из них.

А.Е.Харитонов смог внести столь существенную лепту в развитие архитектуры Нижнего Новгорода потому, что осознал необходимость в улучшении его среды, в «заживлении ран» на его «теле», в восстановлении прерванной связи времен, в модернизации города на основе выявления и новой интерпретации его собственных исторических традиций. И при этом он чувствовал, что большой город не может достигать абсолютного архитектурного, да и планировочного единства, что его районы и кварталы, исторические местечки и урочища должны оставаться разными, со своим характером и особенностями. В этом отношении он был единомышленником своего московского коллеги – А.В.Кузьмина, который горячо призывал нас не унифицировать среду и отказываться от поисков одного оптимального градостроительного решения на все времена.

Отрадно осознавать тот факт, что тем самым лидеры нашей профессии пришли к пониманию культурной значимости и «премудрости» самого процесса созидания исторического города. Это тоже можно назвать «ренессансом» - возрождением отвергнутых рационалистическим схематизмом живительных принципов естественного градоформирования.

В заключение надо сказать о ценности того урока, который преподавал всем нам «Харитоновский» Нижний Новгород. Он наглядно показал, что и сегодня исторический город может восстановить свои жизненные силы и возобновить естественный процесс саморазвития. Но только надо понимать, что это дело не самой по себе архитектурной «недвижимости», а людей – жителей, руководителей и профессионалов-архитекторов, которые знают и ценят свой город и дружно работают над его усовершенствованием. Когда же нарушается взаимопонимание между людьми, когда местное сообщество теряет контроль над городским планированием и архитектурным проектированием, и жизнь города захлестывает стихийный волюнтаризм, тогда органическая упорядоченность городской среды приносится в жертву ее механистической компоновке, преисполненной конфликтов и диссонансов.

Существование в Нижнем Новгороде своей сильной архитектурной школы, фундамент которой заложил Александр Харитонов, позволяет надеяться на то, что негативным градостроительным процессам здесь будет дан отпор и что архитектура города продолжит успешно развиваться в найденном – верном и, безусловно, плодотворном направлении.

О ПОТРЕБНОСТИ В ПЕРЕСМОТРЕ ТЕОРИИ ЕДИНСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Охватившая мир пандемия коронавируса сделала очевидным тот факт, что людям для нормальной жизни требуется гораздо больше пространства. Необходимо бороться с излишней затесненностью застройки, пересматривать в сторону увеличения нормы ее плотности, а также инсоляции помещений. Хорошо известно, как в прошлом создавались сверхкомпактные города-крепости для совместной защиты от врагов. Они свидетельствуют об очень трудных временах, когда их обитатели предпочитали жить «в тесноте, да не в обиде». И это несмотря на свирепствовавшие, порой, смертельные эпидемии. Теперь ситуация стала совершенно иной: надо бояться микробов, а еще и террористов в гуще городской жизни, и для безопасности – рассеиваться. Впрочем, горожане и в старину, по мере необходимости, рассеивались в сельской местности и природной округе.

Уже довольно давно стали ясны результаты социального эксперимента по сосредоточению большей части населения в крупных городах и многоэтажных домах-этажерках. Этот эксперимент доведен до логического конца. Пандемия заставляет осознать это и тех, кто до последнего времени оставался во власти закосневшего стереотипа якобы прогрессивного городского образа жизни. Ясно, что мы на развилке двух путей дальнейшего движения: 1) – повышать безопасность и комфорт высотных домов, то есть превращать их в роскошные небоскребы; 2) – возвращаться к легкому малоэтажному, лучше всего – односемейному, усадебному жилищу. Первый путь затруднен из-за дороговизны и нежелательности обострения имущественного неравенства, а второй становится вполне логичным и предпочтительным.

Тормозом тут служит налаженное строительное производство и искусственно поддерживаемая на заоблачной высоте цена городской земли. Однако, преодолеть это можно, отказавшись от приоритета развития экономики ради экономики. Задача не из простых, но все же выполнимая, поскольку пандемия заставляет государство отдавать приоритет спасению человеческих жизней.

Строительный бизнес, конечно, так просто не откажется от своих привычек, но его вынудят уступить место развитию городского малоэтажного строительства. Такой процесс уже начался. А это самое главное, так как у людей должна появиться возможность выбора. Уверен, что многие предпочтут свой дом с участком. Тогда заработает и рынок, все более избавляясь от монополизма тяжеловесной строительной индустрии.

После такого оптимистического прогноза я хочу заострить внимание на гораздо более тонких и сложных вопросах профессионального отношения к структуре и композиции города. Это представляется важным потому, что перед нами стоят задачи и реконструкции сложившихся районов, и проектирования новых. Решать эти задачи надо не так, как было вчера, и не так, как это делается зачастую сегодня. Я давно уже размышляю о том, насколько схематична, однобока и неточна господствующая в наших умах теория единства городской планировки, застройки, да и самой среды, хотя о ней стали много говорить как раз для того, чтобы избавиться от упрощенных представлений о городе.

В современном профессиональном сознании укоренилась убежденность в том, что важнейшим критерием качества города является его компактность, крепкая структурная связность и композиционная целостность⁶⁹⁵. На достижение этого настроено архитектурно-градостроительное творчество и образование. С таких позиций оцениваются проекты на всевозможных конкурсах и смотрах.

Можно сказать, что несмотря на все революционные, в том числе, дезурбанистические порывы и достижения авангарда, общие теоретические взгляды на то, как должен быть устроен город и его среда, остались ренессансно-классицистическими, апеллирующими к высшей гармонии, насаждаемой усилиями архитекторов на Земле. В идеале к истинному произведению искусства нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. И такое понимание «кристаллического» совершенства одного здания распространяется на город, который, по определению А.Палладио, есть «...некий большой дом...»⁶⁹⁶. Для теоретиков Ренессанса эта мысль подкреплялась авторитетом Витрувия и, вместе с тем, общехристианскими представлениями о Небесном Иерусалиме. В эпоху Просвещения ни у кого не оставалось сомнений в том, что городу надлежит стремиться стать единым и строго организованным, лучше всего - регулярным архитектурным ансамблем.

Получилось так, что и социалистическая революция в нашей стране, и радикальные социально-демократические движения на Западе, нацеливаясь на крушение прежних режимов, воодушевлялись очень давними (религиозными по своему происхождению) идеями установления на Земле полного порядка и справедливости - «единства, равенства и братства». На новом витке развития новые лидеры опять брали на себя миссию Демиурга. Мечтая о чем-то принципиально новом, футуристы, авангардисты и продолжившие их

⁶⁹⁵ Владимирова В.В., Саваренская Т.Ф., Смоляр И.М. Градостроительство как система научных знаний. Труды Российской академии архитектуры и строительных наук. Серия «Теоретические основы градостроительства». М.: УРСС, 1999. С. 81-85.

⁶⁹⁶ Палладио Андреа. Четыре книги об архитектуре. В 2-х томах. / Пер. И.В.Жолтовского. Под общей ред. А.Г.Габричевского. М.: ВАА, 1936. С. 48.

дело модернисты действовали, порой, наподобие древних тиранов, силой навязывавших бесправной толпе лучший образ жизни. В этом отношении они мало чем отличались от архитекторов-неоклассиков, востребованных тоталитарными режимами XX века.

Характерным примером такого высокомерного отношения архитектора к традициям частнособственнического строительства служит высказывание А.П.Иваницкого в статье о подготовке конференции по вопросам восстановления и оздоровления городов и селений после Первой мировой войны: «Как оно[восстановление разрушенных городов и деревень] совершится, - стихийно, силами самого возвращающегося на свои места населения, без общего планомерного руководства, в старых формах, не отвечающих требованиям целесообразности, гигиены и экономики, или же дело восстановления городов пойдет по какому-то плану и будет осуществляться в формах целесообразных и рациональных?»^{697 698}.

Таким образом, возобладавший, было, благодаря капитализму, древнейший принцип спонтанного и постепенного, «индуктивного» формирования поселений был вновь отвергнут и замещен принципом «дедукции», то есть выведения частного из общего.⁶⁹⁹ Для советского планового хозяйства это было само собой разумеющимся. На Западе все оказалось сложнее, благодаря сохранению частной собственности и рыночных отношений. Но и там большую силу набрал модернизм с его тягой к правильным геометризованным планировкам. Особенно этому поспособствовали программы послевоенного восстановления городов и обеспечения населения стандартизированным социальным жилищем⁷⁰⁰.

Воспитанные на этом поколения современных архитекторов всегда стремятся возглавить управление градостроительными процессами. Они вполне готовы жертвовать частным во имя общего. Они считают полезным прикомпоновывать одно к другому, собирать разрозненное в единые блоки, даже в целом определять форму нового сооружения, исходя из градостроительной ситуации и задач ее композиционного исправления, артистического «отрисовывания».

Вопрос, однако, стал все более обостряться и обнаруживать наличие глубоких противоречий в связи с растущей заботой о сохранении памятников архитектуры и градо-

⁶⁹⁷ Иваницкий А. Восстановление разрушенных городов // Известия Всероссийского Союза Городов. 1917. № 50-51. С.137-138.

⁶⁹⁸ Благодарю Ю.Д.Старостенко за указание на данную публикацию.

⁶⁹⁹ Дефиницию индуктивного и дедуктивного принципов формирования городов ввела в историко-градостроительную науку Т.Ф.Саваренская (*Саваренская* 1987: 65-128; *Владимиров* 1999: 79-81).

⁷⁰⁰ Птичникова Г.А. Градостроительство и архитектура Швеции 1980-2000. СПб.: Наука, 1999.

строительного искусства, а также естественной природы. Ведь каждый из таких памятников требует своего специфического средового контекста, своей собственной пространственной ауры.

Несмотря на это, продолжают с упорством звучать призывы к укреплению композиционных связей между историческими и современными, да и просто разными объектами. Считается, что нехорошо, когда одно с другим не вяжется, когда памятники архитектуры выпадают из нового контекста. Они непременно должны встраиваться в него и «жить» в нем, а не превращаться в бездушные музейные экспонаты!

Против такой закоренелой логики возражать трудно, но необходимо. Один видный архитектор в полемике со мной по поводу несовместимости нового со старым энергично высказался: «ничего, стерпитя-слюбитя!». Но ведь есть и другая мудрая поговорка: «на-сильно мил не будешь».

Я принципиальный противник насилия и над людьми, и над архитектурой. Подавление душит жизнь, а в состоянии покоя, на свободе, она набирает силу и расцветает. Музейные экспонаты, также как и законсервированные архитектурные памятники, хранят в себе духовную энергию, которая способна излучаться и оживотворять место. Надо только предоставлять ей такую возможность. И при этом вполне допустима деликатная современная эксплуатация памятников.

Неприятие вызывает у меня и нарочитое заигрывание с наследием, пародирование его форм и принуждение к диалогу, зачастую, некорректному. Меня коробит возникающая тут невольно аналогия с надругательством победителей над побежденными, также как и молодых над старыми, а тем более, мертвыми. Я решительно против подавления и искажения подлинных историко-культурных ценностей! Кажется, что они имеют только научное значение, но на самом деле, наука приводит со временем к обнаружению и освоению этих ценностей широкими слоями населения.

Потребность в примирении обозначенных противоположных позиций порождает якобы неизбежную и единственно верную идеологию компромиссного контекстуализма, которая на самом-то деле пагубна, так как принуждает каждый элемент города служить интересам целого, априори поступаясь своими собственными. В развитие этой идеологии вырабатываются концепции создания некой симбиотической, гибридной, интегрированной среды, где достигается эффект «эмержентности», то есть у системы появляются свойства, не присущие ее элементам в отдельности (*Вавилонская 2015; Сапрыкина 2020*). Иными словами, все составляющие этой среды приходят к такому тесному и необходимому взаимодействию, что теряют самостоятельность уже окончательно и бесповоротно. А

если так, то они перестают быть полноценными «организмами», «микромирами», имеющими свою собственную волю к жизни.

Конечно, симбиоз между разнородными организмами в природе существует. В исторически сложившейся городской среде нечто подобное нередко ощущается, и довольно отчетливо. Однако, то, что произошло когда-то по воле случая, точнее, многих и не всегда счастливых случаев в ходе длительного течения времени, невозможно воспроизвести одномоментно. Можно лишь более или менее правдоподобно имитировать перипетии исторического процесса. Н.П.Крайняя оценивала появление в последнее время такого рода имитаций сложносотканной исторической городской застройки весьма положительно⁷⁰¹. С ней нельзя не согласиться в том отношении, что это делает среду гораздо более человеческой и природосообразной. И все же, результат получается бутафорией, симулякром.

Очень глубоко прорабатывает вопрос о городской среде как «пространстве художественной интеграции» М.В. Дущев⁷⁰². Его подкрепляющиеся всегда замечательными примерами умозаключения о множественности взаимных объектно-субъектных связей, понижающих архитектурно-пространственную ткань городов резонны и поучительны. Они касаются по большей части таких ситуаций, где происходит более или менее органическое встраивание нового в старое.

Мой ход мысли отличается только тем, что противится чрезмерной интенсификации использования пространства и перенасыщения его смыслами и функциями. Если городская среда сложилась, приобрела культурную и архитектурно-художественную ценность, то разве можно в нее вмешиваться? Есть мудрая русская поговорка: «От добра добра не ищут».

До последнего времени весь мир был настроен как раз на интенсификацию общественных контактов и связей в городской среде, видел в этой интенсификации живительную силу социального примирения и развития. Я же все время беспокоился о превышении меры допустимого, о том, что общество потребления впадает в крайности, превращая городскую среду в навязчивую бесструктурную мешанину, отчего обитание в ней становится невыносимым. И призывал создавать хорошо артикулированную, умиротворенную, бес-

⁷⁰¹ Крайняя Н.П. Кризис урбанизма и пути его преодоления // Вопросы теории архитектуры: Архитектура и культура России в XXI веке / под ред. И.А.Азизян. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С.330-337.

⁷⁰² Дущев М.В. Пространственные связи. Художественная интеграция в городской среде // Теория и история архитектуры. Вып.1. XI Иконниковские чтения. Материалы научной конференции. Отв.ред. И.А.Добрицына. М.: НИИТИАГ, СПб.: Коло, 2020. Электронное издание.

конфликтную среду⁷⁰³. Сейчас вдруг эти соображения приобрели очевидную актуальность.

Нельзя не отметить, что там, где преобладают новостройки, среда получается совсем не той, что в исторических частях городов. При бесконечном мультиплицировании жилых ячеек одного, вроде бы, человеческого масштаба, архитектурно-пространственное единство никак не возникает. Возникает неприятное ощущение уныния в сочетании с раздражением, заставляющее рефлекторно притуплять восприятие. Еще хуже получается, когда стараются проявить заботу о разнообразии среды путем возведения по соседству разнотипных объемов. Возникает, порой, просто какофония нависающих над прохожими и агрессивно спорящих между собой чужеродных параллелепипедов.

Довольно естественной реакцией на это становится требование осуществлять непременно комплексную, целостную, одномоментно спроектированную, предпочтительно регулярную, то есть подчеркнута упорядоченную квартальную застройку, для которой надо беспощадно расчищать немалые территории. Это ведет к тому, что города наши разрастаются как огромные и все более и более плотные строительные массивы. Именно строительные – бездушные и бессмысленные, сколь бы ни улучшалось качество их отделочных материалов.

Между некоторыми частями этих массивов еще остаются разрывы, но с ними борются, считая, что негоже городу дробиться и разваливаться на обособленные куски. Разумным считается делать специальные «буферные» вставки между отдельными градостроительными образованиями, смягчающие контрасты и как бы заживляющие раны, «исцеляющие» разорванную или недоформированную селитебную ткань. При этом забвению предается важнейший постулат теории градостроительства: в процессе разрастания поселения не следует допускать эффекта «масляного пятна»⁷⁰⁴⁷⁰⁵. Ясно, что этот постулат противоречит интересам строительного бизнеса, связанным с высокой стоимостью земли, которую невыгодно оставлять пустующей.

Не так давно в связи с реформой местного самоуправления на местах обширных городских районов возникли округа, которые стали тут же трактоваться как территории собственно городские, несмотря на то, что на них расположены деревни и дачи, поля и леса. Над ними нависла угроза тотальной урбанизации. В Подмосковье создано много та-

⁷⁰³ Бондаренко И.А. Бесконфликтное соседство // Градостроительство. № 6 (28). М.: РААСН, 2013. С.43-45.

⁷⁰⁴ Селар Питер. Города выходят из своих границ. Пер.с англ. –М.: Госстройиздат, 1962.

⁷⁰⁵ Благодарю Г.С. Юсина за указание на этот классический труд.

ких округов, отождествляемых с городами, где деревенских жителей в официальных документах уже именуют горожанами, а за машину, стоящую на траве, выписывают штраф, как в городе за въезд на газон! Это мало чем отличается от придания городского статуса территории Новой Москвы.

Вернуться к прошлому вряд ли возможно, но оказать сопротивление возникшему тренду необходимо. Вот, почему представляется важным придти к согласию в том, что современные города должны не «замоноличиваться», а наоборот, становиться все более «гетерогенными», многосоставными и достаточно просторными, имеющими возможность полноценно оберегать и культивировать на своих территориях архитектурную и природную среду во всем ее великом многообразии. Следует решительно отказаться от давнего антагонизма между городом и деревней и сложившегося на этой почве представления о том, что в современных городах не место для садов и огородов, свойственных так называемому «частному сектору».

По сути дела, города формируются по принципу агломерации с ее изначально полицентрической структурой, которой противопоказано превращаться в слипшуюся «гомогенную» массу. Это означает, что надо совершенно сознательно отказаться от композиционного объединения и «сращивания» разнородных элементов и, наоборот, заняться методичным размежеванием, даже «раскомпоновкой» их во имя того, чтобы один не мешал другому, не налезал, не давил и не подстраивался там, где его не просят, а деликатно отходил в сторону, обособлялся и «знал свое место».

Если следовать такой градостроительной политике, сообразующейся с правилами хорошего тона в отношении общественного поведения, среда жизнедеятельности станет гораздо более умиротворенной, комфортной, богатой и привлекательной. Ее должны пронизывать многочисленные пространственные зазоры, нейтральные полосы, способные предоставлять людям всегда большой выбор путей сообщения и передвижения. Особенно важны непрерывные пешеходно-велосипедные коридоры в виде скверов и парков, переходящих в лесные полосы, тянущиеся из пригородов. Когда мы перестанем экономить на этом, в городах не будет возникать заторов при экстренной эвакуации, не будет трудностей и в соблюдении санитарной дистанции во время эпидемий.

Обосновывая высказанную мысль, хочу обратить внимание на то, что сочетание разнохарактерных форм в пространстве бывает более удачным и убедительным, когда видно, что они относятся к совершенно разным градостроительным, типологическим и стилистическим системам. Как хорошо, например, когда храмы не втянуты в окружаю-

щую застройку, а обособлены от нее! Они ведь и по существу своему должны быть «не от мира сего».

Приведу еще один показательный пример: слабоорганизованное, отданное, в основном, транспорту пространство перед Боровицкими воротами Московского Кремля. В конце XX века появилось намерение создать здесь достойный ансамбль Боровицкой площади. В 1997 году был проведен архитектурный конкурс⁷⁰⁶. Большинство его участников увлеклись прорисовкой регулярных колоннад, портиков и эксэдр в развитие осевой классицистической композиции дома Пашкова. Мне было ясно, что такое решение нанесет непоправимый ущерб данному уникальному пространству, характерному для древнерусских городов. Очень был рад услышать от М.В.Нащокиной, участвовавшей в конкурсе в качестве научного консультанта коллектива, возглавлявшегося С.Б.Ткаченко, что следует сохранить здесь «средневековое пространство». Так, безусловно, много лучше, когда Кремль и застройка противоположного берега Неглинки не скрепляются, а только «смотреть» друг на друга издалека, через бывшую речную пойму.

Говоря о составных частях одного биологического существа, можно находить их узко специализированные функции оправданными и естественными, но рассуждая о городе, мы должны осознавать, что это вовсе не «существо», а обитающий в нем человек – не «часть», не «элемент», не какой-нибудь «орган» или «жилка», а полнокровный субъект жизнедеятельности, своего рода «микрокосм в макрокосме». Потому-то и не удастся создать стабильно работающую и оптимальную на все случаи жизни градостроительную систему, что люди не закрепляются в ней раз на всегда. Их жизненные интересы отнюдь не сводятся к городским функциям, да и меняются со временем. Вот почему оказался несостоятельным модернистский принцип жесткого функционального зонирования города и ушел в прошлое техникстский образ человека - «винтика», обеспечивающего функционирование большого государственного «механизма».

Считается, что «жить в обществе и быть свободным от общества» невозможно. На самом деле, существуют очень разные степени зависимости и свободы. Сильные мира сего вольны обитать в просторных имениях, а слабые – вынуждены тесниться в ячейках многоквартирных домов. Этот факт явно указывает на то, что существует настоятельная потребность в повышении возможностей и широких слоев населения поселиться в одно-

⁷⁰⁶ Ткаченко С.Б. Творческие архитектурно-градостроительные конкурсы и их влияние на генеральные планы городов (на примере Москвы). Автореферат дис.канд.арх. М.: МАРХИ, 2016.

семейных домах со своими земельными участками⁷⁰⁷. Известно, что такие дома дешевле и безопаснее многоэтажных, как в процессе строительства, так и в эксплуатации. При этом усадьбу нельзя не признать наилучшим и самым богатым по своей сути типом жилища. На протяжении веков и тысячелетий люди предпочитали обитать именно в таком типе жилища. И не только в деревнях и пригородах, но и в центральных кварталах городов.

Что препятствует массовому возрождению усадебного строительства сегодня? Пресловутая цена земли, налаженная строительная индустрия и стереотипное сознание, что важнее всего. Однако, экономические резоны могут быть разными. Надо признать, что они имеют прикладное, а не фундаментальное значение. Но главное: каковы бы ни были эти резоны, они не могут считаться более весомыми, нежели насущная потребность в повышении качества жизни путем существенного изменения застарелой идеологизированной градостроительной политики, порождающей удручающую и просто опасную среду крупного современного города.

По социальному существу своему город всегда был и остается ни чем иным, как соседской общиной. Другое дело, что община эта стала теперь переусложненной и бюрократизированной, мало похожей на общину патриархальную. Я не собираюсь обсуждать здесь плюсы и минусы родового строя древнего общества, но призываю задуматься над базовыми принципами достижения общественного согласия. Важнейший из них – право каждого свободного семейного гражданина на землю и пространство, на частную жизнь в своем наследственном домовладении. А главное - право выбора места и образа жизни. Это означает, что у человека должна быть достаточная «свобода от общества» и право «вета» на решения, ущемляющие его интересы. Сейчас запрос на свободу личности стал гораздо выше, чем в прежние времена, однако, градостроительство настроено резко против его удовлетворения. Можно подумать, что остаются в силе требования принуждения людей к унифицированному коллективизму. Но ведь это ушло вместе с эпохой. Общество ждет от архитектуры и градостроительства совсем другого.

В архитектуре непременно должна проявляться воля хозяина и жителя. Без нее городская ткань становится казенной и черствой. К сожалению, тенденция наблюдается противоположная: стандартизация, типизация, индустриализация... Правда, архитекторы пытаются внести в современную застройку разнообразие и индивидуальность, но это возможно только в надуманном, игровом режиме, что обусловлено преобладанием массо-

⁷⁰⁷ Боков А.В. Город-гибрид. О социокультурных предпосылках формирования российского пространства // Архитектура и культура России в историческом взаимодействии. / отв.ред., сост. И.А.Бондаренко. СПб.: Коло, 2019. С.172-179

вого производства недвижимости не на заказ физическим лицам, а для продажи или сдачи в аренду.

Итак, суть данной работы состоит в призыве пересмотреть упрощенное представление о целостности города, давно уже проявляющее свою несостоятельность и несправедливость. Убежден, что существует потребность воспринимать город как многосоставное, дискретное, даже лоскутное и разножанровое объемно-пространственное образование, недаром сплошь и рядом оказывающее сопротивление попыткам приведения всех его элементов к общему знаменателю.

Весомым подкреплением данной позиции послужил для меня пленарный доклад Президента РААСН А.В.Кузьмина на Общем собрании Академии 2015 года, посвященном теме: «Среда жизнедеятельности – национальный приоритет России. Формирование и реализация». Красной нитью в этом ярком выступлении была проведена мысль о том, что «не может быть идеальной среды жизнедеятельности – нет того, к чему мы все должны стремиться. Есть приверженность людей к тому или иному образу жизни...». Стремление к идеальной среде «в конечном счете приведет к единообразию не только жилой среды, но и сознания людей»⁷⁰⁸.

Всякое поселение, тем более, крупный город, мегаполис, является местом сосредоточения огромного числа разнородных объектов архитектурного, инженерного и природного происхождения. Поэтому представляется совершенно некорректным уподобление города только одному слаженному «существу» или «организму». Город - не существо и не организм, а лишь вместилище для множества организмов, которые должны иметь возможность благополучно жить в его пространстве. Поэтому гораздо лучше подходит для сравнения с городом природный ландшафт, лесной массив во всем его великом ботаническом и зоологическом разнообразии.

Исходя из такого понимания города, считаю нужным поставить во главу угла тезис об обеспечении дружественного и деликатного сосуществования многообразных и в достаточной мере автономных архитектурно-пространственных локусов, имеющих возможность и взаимодействовать, и сохранять самоизоляцию в зависимости от возникающих потребностей и намерений. Этот тезис отвечает интересам установления добрососедских отношений и цивилизованного образа жизни на обширных территориях современных населенных мест, где должны проектироваться множественные, наслаивающиеся, но не ме-

⁷⁰⁸ Кузьмин А.В. Среда жизнедеятельности – национальный приоритет России. Формирование и реализация. Доклад на Общем собрании РААСН. М., 2015. http://www.raasn.ru/upload/iblock/756/Доклад_А.В.Кузьмина.pdf

шающие друг другу сети общественных, отраслевых, частных архитектурных объектов и пространств самых разных функций, характеров и масштабов.

Говоря о самодостаточности и автономии наполняющих город архитектурных и природных объектов, я отнюдь не собираюсь поощрять хаос. Понятно, что чем больше индивидуальной свободы, тем важнее соблюдение общественного порядка, этикета, общепризнанных правил, которые должны быть прочными, хотя и не слишком жесткими, хорошо пригнанными к месту. Как прекрасен тот же лес своей общей атмосферой, слаженностью, близостью многих растительных форм, образующих группы, но вместе с тем, и разнообразием, пронизанностью насквозь пространством, бесконечной композиционной свободой и изменчивостью! А еще и тем, что в нем могут и прибавляться, и убавляться отдельные деревья без ущерба для общей - множественной целостности.

И.А.Азизян много писала о взаимодействии искусств, их пространственных «диалогах», об эффекте «полифонии», возникающем в художественно насыщенной городской среде⁷⁰⁹ (Азизян 2008). Это очень существенная тема, восходящая к идеям М.М.Бахтина и активно развиваемая сегодня М.В.Дуцевым. Акцент в ней ставится не на синтезе, а на живом взаимодействии элементов, каждый из которых сохраняет свое «я». Это побуждает проводить параллели между сложной «полифонией» городской среды и звучанием большого симфонического оркестра. Главные архитекторы городов иногда льстят себе сравнениями с дирижерами, а то и с композиторами.

Однако, подойдя к сравнению города с лесом, я должен констатировать некорректность таких сравнений. Городская среда, также как и природная, не находится во власти одного-единственного композитора. Она наполнена независимыми друг от друга энергетическими импульсами, своего рода «шорохами» и «звуками», некой выходящей из «застывшего» состояния «музыкой», свойственной отдельным зданиям, но в общем пространстве не выстраивающейся в стройную мелодию.

Лучше подходит для сравнения с эмоциональным «звучанием» среды - и городской, и природной - церковный «демественный» распев, практиковавшийся в Древней Руси. В таком распеве каждый ведет свою тему параллельно с другими без претензий на лидирующую роль и созвучие. В результате возникает завораживающее, по особому шумящее многоголосие, которое сродни колокольному звону. Этот замечательный факт приме-

⁷⁰⁹ Азизян И.А. Диалог искусств XX века: Очерки взаимодействия искусств в культуре. М.: ЛКИ, 2008.

нительно к архитектуре впервые отметил и охарактеризовал Н.Ф.Гуляницкий⁷¹⁰ (*Гуляницкий* 1988). В нем мне видится ключ к проникновению в сущность проблемы многосоставного средового единства. Такого единства, которое можно назвать органическим, но не абсолютным и потому не вполне отвечающим классическому определению Ф.-Л.Райта: «...целое так относится к части, как часть к целому...»^{711 712}.

Подытоживая все вышесказанное, можно сказать, что я предлагаю реабилитировать индивидуальный, «штучный» подход к проектированию каждого здания и каждого комплекса и не допускать того, чтобы они теснились и насильственно «спекались» в монолитные конгломераты. Им подобает достаточно уверенно, вольготно, с подобающими отступлениями от красных линий располагаться на своих участках, создавая пронизанную воздухом, «пористую», «диффузную» и нежесткую, живописную градостроительную структуру. Чрезвычайно рад был обнаружить понимание этого вопроса у авторов стратегии «реновации» средневекового ядра города Алжира – Касбы, согласно которой все гражданские здания там должны и впредь сохранять свою пространственную автономию и архитектурную индивидуальность. Этот показательный пример разобрала в своей новейшей работе И.В.Кукина⁷¹³.

Современные города нуждаются не столько в выразительных архитектурных «аккордах» и «созвучиях», сколько в устранении вопиющих «диссонансов». Поэтому требуется не принуждение к миру контрастирующих и конфликтующих сторон, а их всемерное разведение, пространственное и визуальное обособление. Нужно думать и об исправлении грубых ошибок путем, образно говоря, «пропалывания сорняков», убивающих тот «цветник», которому может быть уподоблен прекрасный город. Рискованная тема – совершенствование городской среды. Многие ее сторонятся, но от этого она не становится легче.

В заключение хочу вспомнить о пропагандируемой многими молодыми архитекторами концепции превращения жилых районов массовой индустриальной застройки в «живые районы»⁷¹⁴. Эта концепция принадлежит тому охарактеризованному выше тренду интенсификации использования городских территорий, который должен теперь отойти в

⁷¹⁰ Гуляницкий Н.Ф. Колокол в древнерусской архитектуре // Архитектурное наследство. М.: Стройиздат, 1988. Вып. 36. С.65-74.

⁷¹¹ Райт Ф.-Л. Будущее архитектуры. Пер.с англ. М.: Госстройиздат, 1960. С. 33.

⁷¹²Здесь имеется в виду, надо полагать, равная потребность как целого в своих частях, так и частей в объединяющем их целом.

⁷¹³ Кукина И.В.Стратегия развития Касбы в городе Алжире // Реновация городской среды. Исторические прецеденты. Рукопись научного отчета / Рук.И.А.Бондаренко. Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ. М., 2020. С. 258.

⁷¹⁴ <http://живойгород.рф>

прошлое. Насыщение спальных районов торгово-развлекательными функциями далеко не всегда и не всеми воспринимается положительно, поскольку люди нуждаются в тишине и покое, которых явно недостает в современном мегаполисе. Но в архитектурно-художественном смысле сделать такие районы «живыми» было бы весьма желательно. А на это и нацелены все мои вышеприведенные доводы.

**ТЕАТРАЛЬНОСТЬ КАК ПУТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ
АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА**

Театр в архитектуре или архитектурный театр – весьма распространенные понятия, за которыми сразу встает череда смыслов и ссылок: от барокко до постмодернизма, не минуя, безусловно, авангард; от обманной архитектуры – до «честных» спецэффектов актуальной медиа-среды, от прямых заимствований в композиции и декоре здания до театра в прямом смысле, использующего архитектурный арсенал. Есть ощущение, что тема даже отчасти «уставшая», однако, это опять же иллюзия. Видимо иллюзорное начало настолько сильно проявлено сегодня в культуре, что не позволяет дать однозначного и краткого ответа ни на один существенный вопрос в теории и в практике.

Представляется интересным взглянуть на театральное разного рода, его свойства и применения. Речь даже не о форме или содержании, а о характере отношений. В первую очередь, – внутренних ощущений и мотиваций архитектора новейшего времени. Не менее важно найти и почувствовать отклик публики. Очевидные ресурсы развлекательного свойства здесь можно оставить за скобками, также как и архитектурное «лицедейство» ради эффектного спектакля, маскарада. Следует отметить, что мотив театра безмерно глубок и адресуется к интеллектуальным стратегиям узнавания, ассоциативной игры, культурного контекста эпохи и отдельного индивида, что представляет материал не для одного исследования. Постмодернистская по природе тема сегодня по-прежнему жива. Наша цель несколько иная – увидеть механику новой театральности в период, когда реальность иллюзии стала в порядке вещей, а общество более не стремиться к усложнению, а, скорее, тяготеет к обратному, о чем свидетельствуют наблюдения и выводы метамодернистов⁷¹⁵.

Безусловно, сегодняшний режим прочтения заявленной темы в гораздо большей степени социальный, чем образный. Город как театр, т.е. как реализация социальных ролей или предварительное моделирование жизненных процессов в проекте. В данной конфигурации отчетливо проступают контуры общества потребления – очевидная канва сегодняшнего представления о профессии. Заметим, что оно не столь драматично, и оперирование упомянутыми «данными» (как в ЭВМ) дает свои результаты. Многие архитектурные школы сегодня формируют взгляд на среду не с позиций градостроительной культуры или традиции, а из расчёта потоков к местам притяжения пользователей. Помимо это-

⁷¹⁵ Митрошенков О. Что придет на смену постмодернизму? // Свободная мысль. 2013. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svom.info/entry/355-что-придет-на-смену-postmodernizmu/> (дата обращения 25.10.2019).

го, городской театр может трактоваться как временный режим: праздник, фестиваль, «ширма», кураторский эксперимент. Театр в этом смысле приобрел всеобъемлющий масштаб в реальности виртуальной – в сети существуют бесчисленные возможности ролевых взаимодействий, которые также формируют аналог среды.

Принимая во внимание приведенные, в чем-то полярные особенности, как доставшиеся в наследство, так и проявившиеся в новейшее время, хотелось бы сконцентрироваться на театральном в качестве интегральной стратегии художественного мышления (восприятия). Стратегии, не потерявшей живой связи с человеком, с чувственным миром его творческого воображения. Сюда обязаны войти такие понятия, как витальность, аура, атмосфера, перформативное начало и художественная интеграция. Театральность – как возможность сближения города и его жителя или гостя, как ресурс настройки архитектурной среды путем художественной провокации, вызывающей на диалог. Для архитектора театральная или игровая стратегия может стать ключом к свободе в условиях преобладающего коммерческого проектирования. Для пользователя существенное преимущество театральности-игрового пространства города состоит в испытании чувств, в своего рода тренировке отзывчивости к среде за пределами сугубо прагматических условий.

Говоря о свободе архитектора, мы, безусловно, предполагаем свободу интеллектуальную – в исследовании и интерпретации пространства. Не случайно, слова «театр» и «теорема» имеют один корень⁷¹⁶. Таким образом, театральность может быть понята в русле теории познания. И, конечно, важнейший ресурс открывается с позиции жизнеспособности творения зодчего во времени. «Произведение продолжает жить в той мере, в какой оно способно стать иным, чем его задумал автор. Оно длится, дабы преобразоваться в тысячах интерпретаций и превращений», – писал Поль Валери⁷¹⁷.

ТЕАТРАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГОРОДА. АРХИТЕКТУРНЫЙ «ТЕАТР» И ЕГО ФОРМЫ

*Театр находится там, где кончается архитектура и начинается мир воображения или даже бессмыслицы*⁷¹⁸

Альдо Росси. Научная автобиография. 1981

Театрализация играет особую роль в образном строе городской среды. Отметим характерную способность города и его частей к перевоплощению, рождающую театральность. Явление театральности – это своеобразное проявление мимикрии пространства – открытой возможности городу на время стать иным. Пространственно-временное измере-

⁷¹⁶ Крючкова В.А. Классика и «новый классицизм». Франция, Италия (1919–1939). М.: БуксМАрт, 2020. – 368 с.: ил. ISBN 978-5-907043-21-3 С. 29

⁷¹⁷ Крючкова В.А. Классика и «новый классицизм». Франция, Италия (1919–1939). М.: БуксМАрт, 2020. – 368 с.: ил. ISBN 978-5-907043-21-3 С. 9

⁷¹⁸ Росси А. Научная автобиография / Пер. с ит. Голубцова А. М.: Strelka Press, 2015. С. 109

ние при этом явно растягивается, переходя из реального режима в область вымысла, воображения, воспоминания, иной раз, в сферу индивидуальной концепции автора.

Ю.П. Волчок в статье «Городской амфитеатр в Москве в эпоху Н.М. Карамзина» указывает на естественные истоки «театральной» тенденции: «Аудитория» – понятие зрительного восприятия и восприятия на слух. Отсюда, за городом закрепляется еще одна, очень важная для его жизнеустройства функция – город становится театром. При этом театром в буквальном смысле слова. Театр как уличный балаган, зрелище. Театр и как интерьерное восприятие, будь то в стенах театрального здания или в городском пространстве. Пожалуй, здесь суммируются основные исследовательские проблемы взаимосвязи города – текста – театра»⁷¹⁹. Далее автор статьи приходит к важным выводам: «Уместно для начала зафиксировать решающе важное: и амфитеатр, и аудитория – понятия в равной мере двойного содержания. Это и зрители, и действие друг от друга неотрывные. При этом они неразрывно участвуют в диалоге (общении) автора (актера, поэта) и зрителей. Архитектора и горожанина. Они выступают в роли со-участников. Эту роль и обеспечивает им диалоговая пара взаимодействия, поэтому театр становится активным инструментом – как модели жизнестроения, так и организации пространства»⁷²⁰

Согласимся с мыслью о родовой укорененности реальности театра в городских реальностях, а также правды ее восприятия. Возможная версия правдивого театра архитектуры соотносится с многозначным понятием перформативности⁷²¹, которое может иметь несколько значений: непрерывное развитие пространства во времени, населенность живыми существами, наконец, приоритет одухотворенности окружения, считываемый подсознательно, интуитивно. Возможно и более упрощенное, но не менее востребованное, прочтение понятия, как указания на городской спектакль, в который включается публика. Взгляд с позиций истории делает особенно ценным факт постоянного становления архитектурной среды, которая ни в какой точке не является завершенной. Отсюда приоритет перформативного как «живого» начала города.

В отношении модернизации исторической среды города театральность может приобретать разные, даже противоположные оттенки смыслов: от навязчивого «маскарада» псевдоподобия и имитаций классических форм до аллегорического «зазеркалья» образов, от жесткого разностильного коллажа до утонченного поэтического переживания про-

⁷¹⁹ Волчок Ю.П. Городской амфитеатр в Москве в эпоху Н.М. Карамзина // *Художественная культура*, 2020, № 1 (32) С. 127-142. С. 138

⁷²⁰ Там же

⁷²¹ Невлютов М.Р. Перформативность архитектуры // *Художественные миры XXI века. Пути интеграции архитектуры и арт-практик: коллективная монография / авт.-сост. и отв. ред. Т.Г. Малинина.* – М. : БуксМАрт, 2020. – 500 с.: ил., С. 216–225.

странства, от декораций – к действию. «Театр», безусловно, метафора, но указывающая на характерные средовые черты, которые могут быть зафиксированы. Пользователю пространства словно предлагается стать зрителем или соучастником городского спектакля, чему сопутствует особое звучание окружения. Историческая многослойность города способна стать не только источником правдивого повествования, но и средой эмоционального погружения. В этом плане, значение сохраненного наследия смещается от музейного в сторону перформативного, т.е. участвующего в социальном (и шире) процессе становления, а за реновированной исторической средой закрепляется роль активного художественно-образного начала, интегрирующего в себе потенциальные «сюжеты» разных реальностей. Итак, активирующая функция театра архитектурных пространств следует наполненности средового произведения, находящегося при этом в постоянном развитии, движущегося во времени вместе с человеком.

Таким образом, на пути развития театрального в среде обнаруживается как минимум две концепции, которые упрощенно охарактеризуем как путь достижения «правды» пространственного чувства и путь «лицедейства», художественного притворства, проявления коллажа смыслов. Вторая из указанных тенденций во многом питается мировоззрением постмодернизма, но все же имеет обновленные, сегодняшние лица. При этом оба пути опираются на свою историю и свою правду! Остановимся на примерах в художественно-концептуальном ракурсе.

Как же театр служит правде? Кажущийся парадокс помогает разрешить известная концепция «Научного театра» (*Teatrino scientifico*) Альдо Росси. Практически все наследие мастера театрально: знаменитые рисунки, соединяющие бытовые и архитектурно-геометрические реальности, непосредственно объемные заготовки домашних «архитектурных театриков», коллажи по мотивам реализаций и построенные объекты. Театрален и сам подход сопоставления предметной и художественной реальности в качестве основных действующих лиц разыгрываемой сцены (как в произведениях Дж. де Кирико). Здесь же можно увидеть истоки предельной геометризации, активного, открытого цвета, преувеличенного масштаба отдельных элементов (колонн, например).

Однако именно в эссе «Научная автобиография» архитектор-философ дает максимально прочувствованное и оттого очень личное пояснение мира своего театра. Читая отдельные строки, мы понимаем, что по Росси театр пространства рождает наполненность чувственного проживания города его пользователем и дарит возможность вспомнить свою историю внутри городского контекста. Своего рода, проверка чувств, исследование переживания, где одним из главных действующих лиц становится архитектурная форма. Когда

мы соприкасаемся с многоассоциативным миром авторской архитектуры, к нам невольно начинает приходить ответ на поставленный выше вопрос: аура пространства простирается гораздо дальше его физических пределов, что рождает потребность в художественной интеграции реальности, памяти, воображения⁷²². Только встреча этих мотивов в архитектурном театре может быть признана истинной правдой.

Осмыслим постоянные ссылки Росси на историю – его формы повсеместно интерпретируют традиционные архетипы – это своеобразная азбука архитектурной геометрии и формы, соединенной с содержанием: «домик», «театрик», «маяк»... Историческая реальность для мастера не прерывается, а только обобщается, фиксируется и на время сводится, словно «сворачивается» к неким примитивам, чтобы потом опять «развернуться». При этом «аналогический» подход А. Росси выступил своеобразной антитезой привычно контекстуальному, так как основан на авторском понимании архетипов и аналогов. Не случайно на этом акцентирует внимание П. Айзенман в работе «Десять канонических зданий: 1950-2000»⁷²³. Мастер выбрал путь своего рода выращивания личного контекста, определяющего образ городского пространства, куда интегрируются предметы быта, геометрия, сакральные образы и, главное, некие архитектурные праобразы и «примитивы». Следовательно, предложенный театр все же историчен, по-своему достоверен, сориентирован на отклик каждого пришедшего в него.

Таким образом, следует предположить, что театр Альдо Росси связан с категорией времени, равно как и с ощущением безвременья. Его время – почти всегда прошлое, если точнее, – детство, «детство цивилизации». Вероятно, отчасти так можно расшифровать метод аналогий или авторской типологии вне контекста, всегда адресующей к неким вневременным образцам без привязки к конкретному времени и пространству. Как образно отмечает исследователь творчества Росси Курт У. Форстер (Kurt W. Forster, три цитаты – пер. М.В. Дущева), «...типология – это дверь, через которую идеи могут перемещаться из одного времени в другое, переходить из одной категории в другую без всякого бремени – некоторого багажа индивидуальных случаев и исторических условий»⁷²⁴. Не случайно архитектора интересует образ ракушки как чуда, волнующего с детства. Герои архитектур-

⁷²² Дущев М.В. Художественная аура городского пространства / Теория и история архитектуры. Выпуск 2: IV Хан-Магомедовские чтения : материалы научной конференции / отв. ред. и сост. И.А. Бондаренко; Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства.— Москва; Санкт-Петербург : Коло, 2021. С. 34–58.

⁷²³ Айзенман П. Десять канонических зданий: 1950-2000 / Пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2017, – 312 с. С. 188.

⁷²⁴ Forster K.W. The untimeliness of Aldo Rossi / ALDO ROSSI. II Gran Teatro dell'Architettura / The Great Theater of Architecture: The International Conference Aldo Rossi. Perspectives From the World (11th-13th June 2018), Galleria del Progetto – Politecnico di Milano / Edited by Marco Biraghi, Gianni Braghieri, Martina Landsberger: SilvanaEditoriale, 2018, pp. 18–31 С. 20

ного театра Росси – это такие «раковины», хранящие свою историю и по-разному открывающиеся каждому. Рождаются не единый контекст, а множество индивидуальных контекстов.

Не случайно Форстер пишет: «Я бы пошел еще дальше и предположил, что архитектура Росси была не только безграничной, но и бездомной, напоминающей персонажей Пиранделли, которые продолжают искать свое "я", уже находясь на сцене»⁷²⁵. Здесь, помимо красивой и точной метафоры, важна интуиция действия, событийности, адресующая к перформативному бытованию наследия мастера. По сути, за счет этого характерного и загадочного свойства контекстуальной неопределенности (или многозначности) произведения мастера продолжают «играть» в сегодняшнем городском спектакле, перешагивая границы стиля и преодолевая время. Сам А. Росси указывал на «время в двойном значении атмосферного и хронологического»⁷²⁶, на чем держится нерв любого исторического периода. И все же представляется, что загадка его театра обусловлена преодолением этой пары, некоторым третьим измерением – максимально обобщенным и индивидуализированным одновременно.

Совершенно иной театральностью наделены вещи Рема Колхаса – его теоретические принципы провоцируют и порой пугают, а предлагаемые им картины будущего (в эссе «Мусорное пространство», например) скорее предрекают «театр подделки» общества победившего потребления, калейдоскоп сменяемых имиджей вне контекста⁷²⁷. Несмотря на явный привкус антиутопии, в его текстах обнаруживается много отрезвляющей правды о человеке в современном городе. Учитывая это, стоит посмотреть на работу мастера в историческом контексте, тем более что реальные проекты сложнее и гуманнее теорий. Реконструкция бывших производственных корпусов фирмы Прада (рис. 1) под выставочный центр современного искусства в Милане – резонансный объект, которого ждали. В этой работе продемонстрировано максимальное внимание к отделочным материалам и их возможностям – вольный коллаж фактур и цвета. В первую очередь, работа материала, как представляется, дала возможность реализации в комплексе осязаемого поля напряженности, усилив разнородность всех блоков. Бетон, металл, зеркало, золотая фольга, вспененный алюминий, дерево, поликарбонат, гибкий пластик – разнообразие доведено до предела. При этом сочетание идеального качества отделки формы и противоречивого содержа-

⁷²⁵ Там же, С. 21

⁷²⁶ там же, С. 19

⁷²⁷ Колхас, Р. Гигантизм, или проблема Большого. Город-генерик. Мусорное пространство / Р. Колхас. Пер.: Визель М.; Ситар С.; Бабицкая В. – М.: ООО «Арт Гид», 2015. – 84 с.

ния рождает явный диссонанс, ощущения подвоха, недоверия к тому, что видишь и чем пользуешься. Такого и наполнение залов – многоликое современное искусство с его склонностью к нигилизму и провокации!

Рис. 1. Комплекс Фонда Prada в Милане. Р. Колхас. 2008–2015 гг.
Фото М.В. Дущева, 2019 г.

Это агрессивный театр, который заигрывает с посетителем красотой фактур, но ни внутри, ни снаружи не предполагает ощущения гармонии и покоя, подчиняясь мнимому порядку. С другой стороны, в комплексе фонда Прада образован город актуального искусства, оправданно и ожидаемо живущий по законам диссонансов. Любой пришедший произвольно выбирает сценарий осмотра павильонов, проходя через полупространства, отде-

ленные сохранившимися промышленными жалюзи, минуя неожиданные отражения и умножения в зеркалах, удивляясь инсталляциям сквозь стекла выставочных залов. Несоразмерный масштаб отдельных элементов, выросшая недавно башня необъяснимой конфигурации и подчеркнутый стандарт заводских блоков – все это далеко от привычной эстетики лофта и создает ощущение слегка «обезумевшего» города, что в окружении бесхитростной среды окраины Милана выглядит весьма театрально. Таков авторский средовой театр Рема Колхаса.

ТЕАТР ГОРОДА. ГОРОД КАК ТЕАТР И КАК МУЗЕЙ

Сегодняшняя среда исторических городов служит стыковочной реальностью, собирая вместе если не все, то многое: от материальной организации современных городских процессов до сотворения новой мифологии. Высокое соседствует с приземленным, а ангажированное управлением и бизнесом – с поэтической вольностью и «художественной волей». Театр города многолик и не только неотличим, но и неотделим от реальности. Город «играет» с нами, мы проигрываем свои роли, пространство и время ведет свою вечную игру. Концепция «город-театр» во многом контрастна идее «города-музея», но отчасти и дополняет ее. Ключевое различие в характере «действия», так как театр среды не только приглашает своего «посетителя» ознакомиться с «экспонатами», но предполагает «игру» всех и каждого. Его существование невозможно без «актеров-зрителей», коими могут считаться пространства, постройки, люди, атмосферы, мифы.

Ансамбль еврейского культурного центра на площади Св. Якоба в Мюнхене (Wandel Hoefer Lorch Architekten, Regina Poly, 2007 г.) выступает одновременно востребованным общественным пространством, музеем и городским транзитом. В таком сплетении функций и скоростей современного потребления города важно было точно маркировать смыслы и ненавязчиво обозначить исторический событийный слой. В первую очередь, сохранившимся по периметру объектам возвращен их достоверный облик и силуэт. Новое здание аудиториума, имеющее островное расположение, решено в обобщенной, брутальной эстетике. Особую историчность, даже своего рода «архаичность» сообщает отделка первого этажа колотым натуральным камнем, что рождает контраст со стеклянным верхом зала. Явленная таким образом антитеза земного и небесного выглядит уместной темой для религиозного центра в окружении следов времени. Выставочные стенды на площади служат логичным информационным дополнением музейному нарративу. Однако гораздо более концентрированное высказывание достигается за счет сплошного остекления первого этажа некоторых новых построек комплекса. Стекло с нанесенными надписями

является зеркалом реальных образов, неподдельным отражением истории, когда аутентичные фасады соседних зданий составляют единую иллюзорную реальность с текстами:

образ, ощущение и мысль соединяются.

Рис. 2. Музей культур Базеля.
Herzog & de Meuron. 2008–2011 гг.
Фото М.В. Дуцева, 2018 г.

Швейцарский Базель – город полярных значений и смелых средовых концепций, на первый взгляд, достаточно парадоксальных. Соседство сохранившейся и новой застройки могло стать губительным с позиции масштаба и характера исторической ткани, но этого не случилось. Показательные примеры – музеи в самом центре города. Музей Культур Ж. Херцога и П. де Мерона – объект контекстуальный и провокативный одновременно (рис. 2). Надстройка пилообразной конфигурации, сверкающая на солнце, обошла все профессиональные и не только медийные ресурсы. Органика такого очевидно рекламного хода загадочна и скорее необъяснима. Безусловно, можно говорить о найденном масштабе, о применении традиционной облицовки, вертикального озеленения и, наконец, о заимствовании очертаний скатных кровель. Однако архитектурное решение в целом – вы-

зывающий коллаж. Несомненный успех данной интервенции можно объяснить не только мастерством архитекторов, вдобавок местных уроженцев, но и чудесным свойством Базеля быть готовым к контрастам. Факт проведения самой известной в Европе ежегодной ярмарки современного искусства Арт Базель (Art Basel) привил городу определенный иммунитет – среда заведомо активирована всепроникающей идеей художественной свободы, странности, вероломства. Найденная мера привычного и выходящего «за границы» – это красиво.

Другой примечательный объект, Музей искусств (Kunstmuseum), показывает иную версию средовой реальности, максимально обобщенной и обладающей своей странной, но убедительной контекстуальностью. Обобщенная каменная масса с разной фактурой словно концентрирует в себе всю историю и, не отдавая предпочтения какому-либо стилю, остается стерильной, даже «примитивной» по аранжировке. Если принять во внимание функцию – актуальное искусство – такой ход выглядит уместным. Нейтральность формы

и отделки при внушительных габаритах (но не превышающих высоты соседних зданий) ставят объект в ряд узнаваемой музейной морфологии (рис. 3). Вероятно, здесь также присутствует провокация: на контрасте с исторической застройкой улицы архитектура вызывающе «проста»... Однако, еще раз вспомним, что таковы сегодняшние реалии Базеля – города поиска новых языков и вызовов при кажущейся внешней идиллии.

Рис. 3 Музей изобразительных искусств (Kunstmuseum). Christ & Gantenbein, 2016 г.
Фото М.В. Дуцева, 2018 г.

Действительно, Базель в определенном плане стал центром или музеем современной архитектуры, сохраняя уют, характер и атмосферу. Даже беглое перечисление впечатляет: музей Жана Тэнгли (Jean Tinguely Museum), 1996 г., и банк-офисное здание, 1994 г. Марио Ботта; музей изобразительных искусств (Kunstmuseum), Christ & Gantenbein, 2016 г.; университетская больница, Silvia Gmur Reto Gmur Architects; сигнальная башня (Signal Box Auf dem Wolf), 1994 г., музей культур Базеля (Museum der Kulturen Basel) 2008–2011 гг., башня концерна Roche (Roche-Turm), 2009–2012 гг., медицинский центр (Rossetti Institute for Hospital Pharmaceuticals), комплекс ярмарки Арт Базель (Art Basel) и еще ряд объектов Жака Херцога и Пьера де Мерона. Во всяком случае, городскую среду точно можно считать музеем творчества упомянутого архитектурного дуэта.

*ЛИЧНЫЙ «ТЕАТР» АРХИТЕКТОРА
ЧИНО ДЗУККИ. ПОВСЕДНЕВНОЕ ЧУДО АРХИТЕКТУРЫ*

Итальянского архитектора Чино Дзукки характеризует особое проникновенное отношение к истории. Он более всего известен застройкой современного района Джудекка в Венеции, где использовал мотив окон со ставнями в новой предельно лаконичной интерпретации. Новые здания вдоль каналов обрамили альтернативную реальность «тонущего» города, сохранив преемственность реальности исторической.

Творческий манифест Ч. Дзукки – «Сложность не в том, чтобы быть оригинальным, а в том, чтобы быть уместным»⁷²⁸. Архитектор настаивает, что архитектуру от других искусств отличает именно понятие места. По мнению Дзукки, восприятие духа места указывает на целостность города как «второй природы»: «Что касается *genius loci*, просто набор элементов не образует характера – характер, настроение определяются именно соотношениями между разными частями, их многочисленными резонансами и воздействуют одновременно на эмоциональном и интеллектуальном уровне»⁷²⁹.

Архитектор ссылается на эссе А. Лооса «Архитектура» (входит в состав знаменитого текста «Орнамент и преступление», 1910 г.), в котором говорится, что разрушение пейзажа происходит согласно «художественной воле» архитектора⁷³⁰. По мнению мастера, органический «структурный» союз с пейзажем в постройках прошлого достигался благодаря ограниченности ресурсов и искусству ремесленников. Такая позиция может быть обозначена термином «антропогеографический ландшафт», введенным итальянским исследователем Витторио Греготти в книге «Территория архитектуры»⁷³¹. Работая в контекстуальном ключе, Дзукки предостерегает от прямолинейного копирования или воспроизведения архитектуры прошлого, вспоминая высказывание Поля Валери: «Мы забыли, что традиция может быть только бессознательной»⁷³².

Сегодня архитектор успешно строит в разных итальянских городах и пригородах, сочетая глобальное и локальное. Обратимся к архитектуре жилого комплекса «La Corte Verde» (Cino Zucchi, Filippo Poli, 2006–2013 гг.) в составе терминала Порта Нуо-

⁷²⁸ Дзукки, Ч. Сложность не в том, чтобы быть оригинальным... : интервью А. Вяземцевой / Ч. Дзукки // *Speech* : дух места. – 2012. – № 9. – С. 187-210.

⁷²⁹ Там же

⁷³⁰ Лоос А. Орнамент и преступление : эссе / пер. Э. Венгеровой. – Издательство: Strelka Press, 2018 – 104 С.

⁷³¹ Gregotti V. *Il territorio dell'architettura* (итал.). – 3 edizione. – Feltrinelli, 2014. – 192 p. – ISBN 978-8807884801.

⁷³² Zucchi C. *Everyday Wonders / Meraviglie Quotidiane*. Luigi Caccia Dominioni and Milano: the Corso Italia complex / Catalogue of the installation at the 16th International Architecture Exhibition – La Biennale di Venezia *Everyday Wonders*. CZ reads by Zucchi Architetti // Printed in Italy by / Stampato in Italia da: Esperia, Lavis (TN), 2018, 128 p.

ва Гарибальди в Милане, ставшего эпицентром модернизации масштабного фрагмента городской среды (рис. 4). Здание находится уже за пределами сформированного многоуровневого общественного ядра и его частей: общественной площади, нового парка «Библиотека деревьев», аудиториума и пешеходного моста. Оно скорее рифмуется с историческими домами, завершая ансамбль улицы.

Рис. 4. Жилой комплекс «La Corte Verde» (the Green Court). Милан. Cino Zucchi, Filippo Poli. 2006–2013. Фото М.В. Дуцева, 2019 г.

Мастер удачно использует пеструю облицовку металлическими и керамическими панелями пастельных оттенков, что стало узнаваемым авторским приемом. Вместе с этим в архитектуре прочитываются архетипические части традиционного дома: темы стилобата, карниза, привычного для взгляда окна. Располагаясь напротив исторических зданий, комплекс воспринимается их обобщенным отражением. «Мозаичное» заполнение фасадной поверхности позволяет достичь приятного разнообразия внутри ясной системы. В этом формальном приеме улавливается характер городской среды, формирующейся на основе близкой морфологии, но наслаивающейся периодами, вехами, стараниями разных владельцев. Создана живая и «жилая» фактура, однородная по принципу, но на редкость разнообразная за счет его реализации. При этом паттерн покрывает абсолютно всю поверхность фасада со стороны улицы, рождая образ бесконечной ткани.

Следует отметить, что Дзукки словно сознательно держится за этот прием, интерпретируя его в разных объектах, в том числе построенных в Милане. Характер и цвет заполнения паттерна изменяются, но сохраняется ощущение некой «продолженной» архитектуры, пронизывающей город авторский и в то же время программно контекстуальный городской мотив. Мотив, позволяющий звучать мелодии и поэзии пространства, проявляется той «городской мелодичности», о которой так часто пишет сам автор. Таким образом, Ч. Дзукки является носителем и популяризатором своей индивидуальной архитектурной философии «каждодневного чуда» или «чуда повседневности». Мысль о ценности «средового» в широком смысле, как принадлежности к более крупной структуре или системе, важна для мастера. Не случайно Дзукки – автор монографии об архитектуре миланских дворов «кортиле» XVI–XVII вв., занимается историей зодчества Милана и отдельных персоналий. В 2014 г., накануне ЭКСПО-2015, он выступил куратором итальянского павильона на Венецианском Бьеннале, показав становление и прорастание нового в местной архитектуре через концепт «прививки», заимствованный в аграрной науке.

Еще одним характерным для Дзукки начинанием стала выставка и одноименная книга об известном миланском архитекторе Луиджи Качча Доминиони (*Everyday Wonders, Luigi Caccia Dominioni by Cino Zucchi Architetti*, 2018 г.). Выставочное пространство автор соотнес с красноречивым названием. По его мысли, сам павильон интерпретирует качества «домашней монументальности» или «единой бытовой ментальности». Это размышление о судьбе города, его непрерывной среде, формируемой и воспринимаемой во времени. Архитектор так характеризует павильон: «В этом смысле он несет в себе ощущение интеллектуальных и художественных отношений между различными поколениями, отношений, которые придают форму городской среде»⁷³³ (пер. М.В. Дуцева). Эта форма в мировоззрении Дзукки крепко связана с каждодневной жизнью человека в среде.

⁷³³ Zucchi C. *Everyday Wonders / Meraviglie Quotidiane. Luigi Caccia Dominioni and Milano: the Corso Italia complex / Catalogue of the installation at the 16th International Architecture Exhibition – La Biennale di Venezia Everyday Wonders. CZ reads by Zucchi Architetti // Printed in Italy by / Stampato in Italia da: Esperia, Lavis (TN), 2018, 128 p. С. 118*

ТЕАТР СТИХИЙ.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ СТРЕЛКИ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ: «СТИХИЙНЫЙ» ТЕАТР СУДЬБЫ

Судьба территории Стрелки Волги и Оки в Нижнем Новгороде представляется сегодня показательной и противоречивой историей, которая далека от своего завершения. Значимость места очевидна не только для нижегородцев: слияние великих российских рек, точка отсчета Нижегородской ярмарки, один из сакральных и символических центров крупного города. Все это определяет уникальность территории, которая вдобавок имеет еще и нераскрытый ресурс – потенциально сильнейшее общественно-рекреационное пространство с живописными видами на верхнюю часть города, которое только в конце прошлого года стало доступно публике. Место хранит в себе не одну загадку...

Первая связана с природным происхождением мыса, который по ходу истории приобретал искусственные очертания. Несмотря на это, а также на частичную застроенность территории, естественная энергия по своей внутренней сути побеждает здесь иные мотивы: стихии воды и ветра, а в метафорическом смысле и огня (именно здесь акцентируются вечерние огни Нижнего, множась в водных отражениях). Вряд ли можно назвать упомянутые энергии городскими, тем более, «запереть» их в привычные пространства городского уюта. Это, бесспорно, Место Силы, причем силы не человеческой. Однако полезно вспомнить, что именно эти природные качества привлекли сюда человека: на мысу причаливали лодки, баржи с грузами, сплавляемые по воде, а собор Александра Невского имеет в основании дубовый плот (Собор святого благоверного князя Александра Невского (Новоярмарочный), Р. Килевейн, Л. В. Даль (авторство достоверно не установлено), 1868-1881 гг.), т.е. также связан с водной стихией. Следовательно, стихия здесь издавна находит путь к своему «очеловечиванию»...

Другая загадка обнаруживается в особенностях социальных сценариев, которые никогда не допускали публичного выхода к реке с целью отдыха. Стрелка всегда «работала», а не «отдыхала», начиная со времен функционирования ярмарки и заканчивая горьковским речным грузовым портом со статусом закрытой режимной зоны. Историческая закрытость Стрелки – настоящий парадокс с учетом ее географии. Кстати, собор Александра Невского, один из крупнейших в России храмов, в большей степени рассчитан на восприятие именно издали, в панораме нижней части города. В целом, этому знаковому для города месту органично подходит роль «вида», открывающегося с воды или «с горы».

Можно утверждать, что у Стрелки есть и всегда будет полноправная художественно-образная реальность, что подтверждают разноплановые факты культуры: от шедевра К. Юона («Закат на Волге. Нижний Новгород», 1911 г.) или фотографий М.П. Дмитриева и А.О. Карелина до картинки на коробке конфет местной Сормовской кондитерской фабрики, от самых глубоких проявлений поэтических чувств в созерцании далее до мимолетного впечатления от вечерней прогулки по набережной (противоположного берега). Сама реальность меняется во времени: ушли в небытие некогда завершающие силуэт мыса портовые краны, появилась во многом спорная масса стадиона, исчез мелкий масштаб бетонных пакгаузов и подсобных построек на берегу. Мыс Стрелки сейчас расчищен, выполнено временное благоустройство – пространство словно ждет... новой жизни.

В свое время силу стихии Нижегородской Стрелки оценил и использовал французский художник, сценограф и преподаватель Ксавье Жуйо (профессор, заведующий кафедрой пластических искусств Архитектурной школы «Париж-Ля Вилетт»). Творческий метод К. Жуйо соединяет несколько направлений: понимание пространства города как «сцены» социального действия, экспериментальное погружение в природу воздушной и водной стихии, модные тенденции альтернативного архитектурного образования, а также традицию концептуального искусства и утопического дискурса XX века. Среди множества реализованных автором ярких проектов можно вспомнить динамическое оформление финала церемонии торжественного открытия Олимпиады в Альбервиле (1992 г.), масштабные инсталляции в Париже, Женеве, Венеции, Сиднее. В этих, ставших «классическими» для современного искусства, работах фрагмент городской ткани превращается в сюжет или арт-объект, адресованный публике. Текущие интересы художника связаны с изучением энергии ветра и водных потоков во взаимодействии с человеком.

В 2011–2012 гг. К. Жуйо обратился к Стрелке в Нижнем Новгороде, уникальному месту слияния Оки и Волги, где по мысли художника должен проводиться ежегодный студенческий проектный семинар «Подъёмные силы», направленный на раскрытие многомерного потенциала пространства во взаимосвязи природных сил, современных технических достижений и интуитивного творчества участников. Состоявшиеся семинары объединили представителей интернациональной молодёжной бригады «Ля-Вилетт», студентов и преподавателей Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ), которым удалось почувствовать силу стихии в городском контексте. Этого, к сожалению, нельзя сказать о жителях всего города, поскольку доступ на территорию Стрелки, где на тот момент еще располагался нижегородский грузовой порт,

был строго ограничен. В перспективе были запланированы более масштабные инсталляции с использованием устойчивых к ветровым нагрузкам материалов интенсивных цветов, свето- и кинопроекций на причальную стену. Город и его жители должны были стать участниками спектакля, в котором Стрелка и река образуют сцену, а естественные склоны противоположного берега – открытый зеленый амфитеатр. Обращение к Нижегородской Стрелке можно назвать успешным только отчасти – как бесценный и краткий перформативный опыт самих участников, но не как реальность, принятая местом и воспринятая горожанами.

Противоречия места во много раз повышают градус связанной с ним профессиональной проблематики⁷³⁴. Во-первых, встают вопросы пространственные: соотношение открытого и закрытого с учетом важнейшей доминанты (собора), возможности взаимодействия с водой, раскрытия в сторону природного окружения. Во-вторых, не прозрачны регламенты использования бизнесом и населением, а также исторически укорененным здесь церковным сообществом. Поэтому резонансным событием в общественной жизни Нижнего Новгорода и в отечественном архитектурном мире стал конкурс на реновацию территории Стрелки в Нижнем Новгороде, состоявшийся в рамках Международного архитектурного фестиваля «Экоберег-2018», который инициировал веер поисковых решений – размышлений о будущей судьбе места.

В настоящее время территория «очищена» от многих следов прошлого (демонтированы портовые краны, снесен ряд пакгаузов) и рождает множество вопросов о будущем. Так, например, весьма спорным представляется недавнее предложение по размещению на мысу крупного концертного зала. Данное место может не принять столь сильных «ударов»... В год празднования 800-летия города (2021 г.) появились пространства для выставочной и зрелищной функций в форме сборных павильонов с отражающими поверхностями внутри конструкций сохраненных пакгаузов (бюро SPEECH). На территории Стрелки реализовано временное благоустройство, открыт памятник князю Александру Невскому, установлены две «шуховские» башни, акцентирующие пешеходную ось, предполагается размещение инсталляций – вот так сегодня откликаются идеи К. Жюйо о перформативном потенциале места (генеральный проектировщик – Институт развития город-

⁷³⁴ Гельфонд А.Л. Адресат архитектуры и жизнеспособность архитектурного объекта / Теория и история архитектуры. Выпуск 1: XI Иконниковские чтения: материалы научной конференции / отв. ред. и сост. И.А. Добрицына; Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. – Москва; Санкт-Петербург : Коло, 2020.— 296 с. : ил. ISBN 978-5-4462-0128-0, С. 31-50.

ской среды Нижегородской области ИРГСНО). В будущем ожидаем профессионального конкурса с надеждой на взвешенные и целостные решения.

АКТУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ ТЕАТРАЛЬНОГО В АРХИТЕКТУРЕ И СРЕДЕ ГОРОДА

В заключение наших размышлений зафиксируем несколько промежуточных положений, относительно тех значений, что может дать сегодня рассматриваемый круг понятий в профессии, помимо традиционно укоренившихся в культуре.

В первую очередь, театральность опосредует включенность человека: его памяти, воображения, образного багажа. В этом плане театральная тенденция питает внутренние процессы художественной интеграции (персонально-личностное поле), а также полноправно входит в игровую стратегию на стыке профессионального и публичного полей. Оба типа активации человека, условно, художественно-образный и социально-перформативный, сегодня востребованы в городской среде. Социальное действие внутри архитектурной среды рождает «театр» современного города как многослойного и разнонаправленного целого.

Еще одним ресурсом представляется та интегральная пограничность, которая позволяет соединяться широкому кругу творческих инициатив, форм и видов деятельности. В этом также задействована художественная интеграция (поле взаимодействия видов искусства), которая словно умножается за счет полифонических качеств театральности. Архитектурный театр может начинаться «до» архитектуры и продолжаться «после»... Театр рождения замысла в «мастерской» автора, «мизансцены» первых эскизов, многочисленные «репетиции» и, наконец, представление на «сцене» города. При этом городской «спектакль» обладает полиинтегративностью, обусловленной контекстом, сопутствующими художественными акциями и арт-практиками, событийностью, а также особым временным измерением. Длительность «действия» зависит, как от физических параметров и атмосферных планов, так и от жизнеспособности ауры, которая переживается как феномен сознания.

Пожалуй, игра с временным измерением является одним из самых существенных и знаковых свойств театрализации. Думается, что в период перманентных кризисов и размытого поля значений, многозначность и условность театра созвучны времени. Да, именно сегодня театральность может быть понята не в постмодернистском ключе иронического усложнения реальности и умножения стиливых масок, а как стратегия диалога профессионального и пользовательского сообществ, попытка честного проживания разных исто-

рий и реальностей, сосуществующих одновременно. Возможность эксперимента в пространственно-временном и эмоциональном полях актуальных взаимодействий позволяет реализовываться творческой (зачастую только на определенное время) свободе без риска физического ущерба среде и невозполнимых историко-культурных утрат.

Поиск своего времени, – что не следует прочитывать вульгарно в контексте вольной смены декораций, а увидеть смысл в настройке или со-настройке чувств. Данная миссия театрального предполагает и определенную степень искренности, доверия, культурного обмена, что необходимо культивировать со стороны архитектора и его адресата в среде современного города.

*ИЗМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРИЕНТИРОВ И ГРАЖДАНСКОЙ
АКТИВНОСТИ В РЕНОВАЦИИ СРЕДЫ ГОРОДОВ*

Пространственное развитие современного города в настоящее время все больше и больше связывается с реновацией существующей застройки, так как замедляются темпы и масштабы нового строительства на неосвоенных землях. Наступило понимание того, что массово застроенные территории на пике строительных темпов сборного домостроения 1960-1980-гг., на базе минималистских архитектурно-строительных технологий также массово устаревают. Земельные отношения, экономика, политика управления городами радикально изменились. Складывается несколько тенденций, требующих филигранной политики управления проектным и строительным процессами, а также и вовлечения заинтересованных слоев граждан в общий процесс реновации города. К этим тенденциям можно отнести: замену обязательности нормативов проектирования на рекомендательный характер; мозаику землевладения и землепользования; отступление от тотального применения типовых решений, заинтересованность или, наоборот, абсолютную индифферентность граждан к среде собственного обитания, столкновение частных и общественных интересов и т.д.⁷³⁵ Это в целом многократно увеличивает контрастность качества среды отдельных территорий и усложняет реконструкцию города. При этом и в профессии, и в сознании граждан доминирует понятие «реновация» как обновление, внесение новых качеств комфорта, но не тотальный снос устаревших строений. Поэтому продолжают дискуссии о том, что есть «комплексное развитие территории» в условиях существующего города⁷³⁶. Последовало принятие ряда федеральных законов, направленных на новое понимание градостроительной деятельности, делегирующих право регламентации развития и реновации территорий населенных мест на региональный уровень. В настоящее время именно региональный уровень как раз и находится, без преувеличения, в полном тупике, поскольку актуальными становятся не только знания фундаментальных основ регламентации градостроительной деятельности, но и прикладных методик, подходов. Требуется

⁷³⁵ Кукина И.В. Морфология города и регламенты застройки // Архитектура и строительство России. – 2021. - №3(239) – С. 28-33

⁷³⁶ Кукина И.В. КРТ – панацея или нерегламентируемое уплотнение города? /И.В. Кукина, К.В. Камалова, И.А. Ряпосов, Я.В. Чуй // Проект Байкал. – 2021. - № 70. – С. 140-148

исследование и анализ успешного опыта реновации городов при отсутствии в регионах научно-аналитических структур.

Смещение акцента от строительства новых населенных мест в сторону реконструкции существующих изменяет и методологии реновации городов. Масштаб происходящего позволяет выделить два принципиально разных подхода к совершенствованию среды города. Первый формируется с середины XX века и во многом связан с осознанием общечеловеческой гуманитарной катастрофы, вызванной второй мировой войной, пониманием хрупкости культур, формировавшихся тысячелетиями и попавших под угрозу уничтожения в очень короткий срок. В этот период создается ЮНЕСКО для защиты памятников культуры, сохранения традиционных укладов жизнедеятельности, развития и пропаганды образования и науки. В отечественной практике такой подход затрагивает исторические города и исторические центры динамично развивавшихся промышленных городов, здесь важно определение памятников архитектуры, истории, культуры, охранных зон, исторической среды и сохранения культурного наследия населенных мест в целом. В экономике развития территорий традиционных укладов в зарубежных странах приоритет отдается туризму и обслуживанию, целью градостроительной реконструкции является преимущественно сохранение морфологии исторического города⁷³⁷. Полноценная реновация в смысле внесения «новой жизни» в историческое наследие в отечественной практике затруднена противоречиями, заложенными в федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (№73-ФЗ), предусматривающем объектный подход к определению памятника культуры, будь то памятник архитектуры, либо территория (ландшафт), но не процесс, уклад, традиция и форма ее воплощения в материальной среде. И, наоборот, в практическом градостроительстве реконструкции подвергаются территориальные объекты: транспортные системы, инфраструктуры, промышленные и иные зоны и т.д., закладывается технологичный процесс будущего функционирования города и никаких отсылок к историческому городу, как правило, не происходит. При этом динамика современного градостроительства такова, что материальная история города становится одной из востребованных сил устойчивого развития во многом, без преувеличения, в социально-идеологическом аспекте. Материальная история города формирует самосознание.

⁷³⁷ Реновация городской среды: исторические прецеденты / Отв. ред. И.А. Бондаренко. – М.–СПб.: archi.ru. – Коло. – 2021. – 333 с.

Птичникова Г.А. Особенности изменения морфологии крупнейших российских городов //Градостроительство. – 2015. - №5(39). – С. 79-80

Для второго подхода на первый план выходит цель реструктуризации города преимущественно в связи с конверсией, естественно-развивающимися непредвиденными трансформациями, потребностью уплотнения застройки, рациональности использования территорий, совершенствования среды обитания человека и т.д. Особо сложной задачей в данной связи является решение «контактных связей» между старой логикой плана города с реконструированными и вновь возводимыми районами, в поиске цельности, толерантности пространств, неконфликтности. Во многих странах для этой цели разрабатываются национальные программы реновации городов, с обязательным привлечением всех заинтересованных сторон: граждан, представителей бизнеса, финансовых групп и т.д.⁷³⁸ Но, активный и продуктивный диалог начинается там, где развито информационное поле, где складывается понимание закономерностей развития структуры города и где наступает заинтересованность в «потреблении среды»⁷³⁹.

В конце XX - начале XXI веков в градостроительство проникают глобалистские идеи, что повлияло на профессиональные ориентиры архитекторов, градостроителей. Глобалистские идеологии обострили и региональное самосознание, и стремление местных культур не затеряться.

Повестка дня XXI века, принятая в 1992 на конференции ООН (Саммит Земли) в Рио-де-Жанейро, предусматривала всемирное сотрудничество, направленное на достижение двух целей — высокого качества окружающей среды и здоровой экономики для всех народов мира. Спустя двадцать лет на саммите «Рио+20» в Повестку внесены изменения на активизацию действия локальных сообществ, на планирование «снизу вверх» в сотрудничестве с местными властями. На Всемирном форуме культур в Порту-Алегри в 2002 возникла идея создания руководящих принципов для местной (локальной) культурной политики. Это первый документ, в котором закладываются основы развития и, что особенно важно, преобразования городов и муниципальных образований через культуру, традиции, историю. Изменения появились вследствие признания усиливающейся глобализации, которая далеко не всегда содействует развитию населенных мест, стирая историю, память, традиции, ведет к утрате памятников культуры. В конце XX века процесс архитектурно-градостроительный "глобализации" обогатился неожиданными социальными явлениями, ломающими представление об устоявшемся городском образе жизни и структуру города

⁷³⁸Савельев М.В. Особенности формирования открытых общественных пространств Красноярска в зоне влияния объектов культурного наследия /М.В. Савельев, Н.А. Унагаева, И.Г. Федченко // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2021. – № 42. – С. 135-157

⁷³⁹Кияненко К.В. «Средовизация» архитектуры: истоки в социальном проектировании и проектном активизме // Архитектура и строительство России. – 2021. – №2(238). – С. 21-28

за счет, например, технологий цифровизации, перераспределения сфер занятости и физических мест приложения труда, др. Появились архитектурные фирмы, захватившие пьедестал крупномасштабных градостроительных конкурсов и проектов. Так, например, архитектурные аттракторы Гери, Хадид, Либескинда, Кулхаса, Пиано, Фостера и др. были призваны срочно поднять статус конверсионных территорий городов и стран. Вест 8, Неоплан, Уолкер и партнеры, Берлин XXI, Тюринскейп, КСР, др. - постоянные участники и призеры всех возможных конкурсов на проекты реновации, ре-урбанизации, "вторичного использования" городских территорий, стратегий и развития генеральных планов, в том числе "глобальных" городов. Безусловно, обладая своим лицом, стилем, почерком, их произведения становятся узнаваемыми, брендами творцов, но не локальными явлениями, приобретают мировую значимость и в какой-то мере уже «типизацию», как архитектурной формы по всему миру, так и проектных подходов. Так происходит массивированный экспорт архитектурных идолов взамен локальных архитектурных и градостроительных традиций⁷⁴⁰.

Еще спустя десять лет в ответ на глобализацию экономики появляется «Локальная повестка» с конкретной методикой действий. Ее методы включают опросы общественного мнения, прозрачность инициатив, активное стимулирование заинтересованности жителей городов в преобразовании собственной среды жизнедеятельности. В документе дано определение «места», как особой уникальной категории мировой культуры, обладающей ценностью и неповторимостью на каждом историческом этапе развития. Причем, важным аспектом является сохранение не просто архитектурной формы, но и активного функционирования охраняемых целостных градостроительных объектов. В отечественной практике такой согласованности для целей реконструкции городов и населенных мест не наблюдается. Урбанистические, ландшафтные ареалы как объекты культурной истории, остаются все больше предметами научных дискуссий. Проблема состоит в глубоком противоречии подходов, методов реконструкции, целеполагания. В исторической науке, как правило, исследуются архитектурные объекты, сложившиеся градостроительные ансамбли или исторические города определенного этапа развития, в прикладных исследованиях и практическом градостроительстве - функциональные зоны, структура и инфраструктуры населенных мест. Для сохранения культурного наследия разработаны требования к охранным зонам. Считается, что достаточно строгие регламенты строительной и хозяйственной деятельности в их пределах как раз и обеспечат некую среду восприятия исторически ценной

⁷⁴⁰ Птичникова Г.А. Архитектурное пространство в эпоху глобализации / [Социология города](#). – 2008. – № 1. – С. 40-53

застройки. Вопрос об уникальности, сохранении градостроительной структуры как объекта культурного наследия в отечественной практике рассматривается редко, еще реже возникают поводы для градостроительного проектирования территорий, связующих исторические и современные районы. Редкими остаются проекты реновации исторической среды, включающие сбалансированные решения сохранения объектов культурного наследия и одновременно позволяющие полноценно развиваться особо ценным ареалам в структуре города. В мировой практике к настоящему времени накоплен некий опыт стратегического и практического градостроительного проектирования, как по сознательному «обострению» локальных черт, как и по удачной реализации реновации, приспособления для нужд современного города памятных районов населенных мест и ландшафтов, а также связующих территорий между разноценными.

РЕНОВАЦИЯ С УЧАСТИЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ГРУПП

Мартина Баум и Кейс Кристиансе исследуют гражданский инициативный самодеятельный подход к реновации городов. М. Баум и К. Кристиансе в книге «Город есть лофт» анализируют самодеятельные инициативы творческих групп, устанавливая точкой отсчета уникального мультикультурного взаимодействия 51-й год пошлого столетия в связи с организацией уличной выставки в полуподвальных помещениях промышленной зоны Нью-Йорка, инициированной Лео Каstellи. Событие происходит одновременно с самодеятельным заселением пустующих промышленных предприятий в Сохо в Нью-Йорке. 1952-й год. Гарольд Розенберг вводит термин «действенная, актовая живопись» - полагая, что этот вид творчества является публичным, общественным, “The American Action Painters” сопровождается массовыми выставками на открытых пространствах. 1959-й год. Алан Карпов определяет «искусство представления» в связи с устраиваемыми им «событиями счастья», по примеру симфонии Фабричных сирен Арсения Аврамова (1922). 1962-й год. В Амстердаме рождается движение спонтанных акций – Прово, где даже полиция, вызванная по тревоге, рассматривалась как особая группа актеров урбанистического «действия». Оно охватывает креативные группы, заселившие заброшенные промышленные здания и очевидно заканчивает свое существование в Христиании в Копенгагене, ассоциируется с прибежищем для малоимущих, наркоманов, асоциальных в представлении обывателей граждан. Но при этом Христиания, несмотря на негативный окрас, – свободная республика, на территорию которой остерегается заглядывать полиция, и куда власти вообще не особенно правомочны вмешиваться. Нечто родственное «Свободному Оранжевому государству» (можно, наверное читать и как государству Апельсинов), объявлено-

му основателем движения Роелем ваб Дуйенем в 1970 г. Далее творческий процесс формализуется и их список сегодня насчитывает более 50. Это, действительно, уже «представительские» среды рафинированных лофтов в бывших промышленных зданиях, экономически успешные арт галереи, и т.д., «вторичного использования», напоминающие недавнюю историю утраченных технологий. Христианию в зарубежной критике принято приводить как контрастный, но удачный пример по сравнению с осуществленным «мертвым» проектом реконструкции цементной фабрики Бофила в Барселоне⁷⁴¹

ОБНОВЛЕНИЕ, ЧЕРЕЗ НЕПРЕРЫВНОЕ ВНЕДРЕНИЕ НОВЫХ МОДЕЛЕЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Реновация промышленно-жилых районов

К началу XXI века разворачивается не только реконструкция промышленных ареалов и сопровождающего их жилища, но и структуры городов, куда с той или иной степенью успеха включаются заново осознанные, сохраненные элементы, фрагменты технологий ушедшего века в форме новых архитектурных объектов: жилых, общественных, ландшафтных. Часто территории «вторичного использования» рассматриваются как перспективные формы жилища для горожан. Особо сложной задачей реконструкции в данной связи является решение «контактных связей» между воспоминаниями об ушедшей эпохе в старой логике плана города с реконструированными и вновь возводимыми районами.

Несмотря на кажущуюся ясность цели реконструкции – создания новых жилых районов за счет рационального использования высвобождающихся земель, подходы к инновационному проектированию весьма различны.

Район Плагвитц, в недавнем прошлом селитебно-промышленный, находится недалеко от исторического центра Лейпцига (ФРГ). Его развитие характеризуется экономическими пиками и падениями. Промышленный ареал переживает бум во второй половине XIX века благодаря преимущественно промышленнику Карлу Эрдманну Гейне. Гейне был инициатором строительства канала, соединяющего Лейпциг и Гамбург, впоследствии получившего его имя. Проект Канала не был полностью осуществлен, однако он стал катализатором для формирования индустриального поселения, вдоль него выстроено большое количество предприятий и компаний, предлагавших широкую палитру специальностей и рабочих мест. В течение 60 лет потенциал развития территории Плагвитца иссякает. Промышленный ареал переживает два мощных удара по экономике – Вторую мировую войну

⁷⁴¹ Baum, M. City as loft / V. Baum, K. Christiaanse // gta Verlag. – 2012. – 384 p.

и финальный - объединение Германии, когда обанкротились до 90% социалистических предприятий. В период ГДР канал использовался как канализационный коллектор, куда предприятия и жилые районы сбрасывали без преувеличения всю таблицу Менделеева, и был образцом ужасающего экологического загрязнения.

Карл-Гейне-Канал связывает два крупных предприятия - фабрики Шпиннерай и Эльстер-парк и исторический Лейпциг. После регенерации русла реки Вайсе-Эльстер и очистки канала было принято решение о строительстве серии линейных парков и бульваров с обустройством пешеходных и велосипедных дорог, привлекающих людей в хорошую погоду. Вдоль Канала сохранены отреставрированные здания промышленной архитектуры конца XIX века, с богато декорированными кирпичными фасадами различных оттенков с включением эльбских известняков. Они формируют ритм разверток улиц и набережных, образуют акценты и привлекают внимание пешеходов и туристов.

Река Вайсе-Эльстер, питающая Карл-Гейне-Канал и другие каналы, стала излюбленным местом отдыха горожан. По водной поверхности мельтешат во всех направлениях байдарки и каноэ, туристам предлагают часовую экскурсию на плоскодонном суденышке. Даже если на улице прохладно, то их завернут в пледы и нальют горячего кофе — чтобы можно было спокойно слушать рассказ гида. Подступившие к самой воде некогда хмурые заводские корпуса преобразились в жилые дома с геранями на балконах и мини-причалами с пришвартованными байдарками.

Шпиннерай начиналась как фабрика по переработке хлопка, поступавшего из США и Египта. К началу XX века это целый фабричный город площадью около 10 гектар и 900 000 квадратных метров пространств, пригодных для использования, построенный в 1884-1907 гг. с жилыми кварталами, садовыми наделами, детскими садами между улицей Шпиннерайштрассе и Карл-Гейне-Каналом. Производство закрылось в 2000 г. В 2001 г. группа компаний Heintz & Co. и MIB AG покупают фабрику. Цеха фабрики несмотря на то, что были построены более века назад, находились в достаточно хорошем состоянии для проведения реконструкции и приспособления для отличных от промышленных видов использования. Частично заброшенные здания с забитыми окнами, граффити разного толка на стенах корпусов, местами проломленными черепичными крышами до сих пор остаются привычным элементом городского пейзажа, но в мертвые цеха вдохнули вторую жизнь - хлопкопрядильная фабрика, становится известным культурным центром. Внешняя форма, архитектура сохранена практически полностью - фабрика так и осталась фабрикой: те же цеха, рельсы, трубы котельных. Но содержание изменилось, на ее территории обосновалось арт-сообщество: бывшие цеха занимают галереи, библиотеки, мастерские и вы-

ставочные залы. Атмосфера в «Шпинерай» контрастирует с духом классической культуры, царящей в старом Лейпциге, что делает его особенным аттрактором в среде города – культурологическим, художественным, артистическим и экономическим.

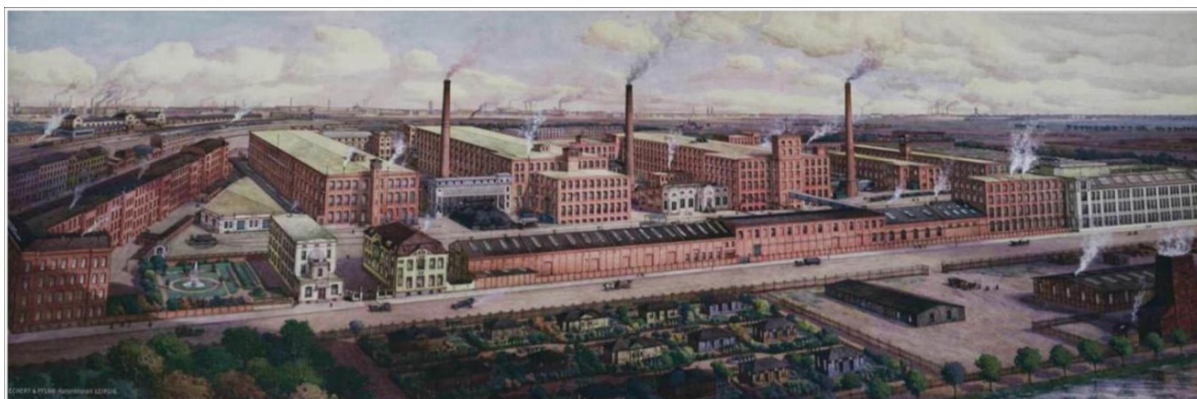

Рис. 1. Лейпциг. Фабрика Шпинерай. Источник: Leipzig.de - Stadt Leipzig

Рис. 2. Лейпциг. Фабрика Шпинерай. Современное состояние. Вид сверху. Источник: Leipzig.de - Stadt Leipzig

Эльстер-парк - комплекс цехов и жилых кварталов бывшей крупнейшей прядильни Эльстер всегда был местом массового жительства. Прядильня признана памятником промышленной архитектуры, вследствие экстенсивной реновации ее цеха переоборудованы в лофты, офисы и малые производства. Разница в том, что вместо бедного класса, в настоя-

щее время в рабочие поселки и в здания прядильни приходят молодые энергичные люди, с достаточным доходом, чтобы реализовать свою мечту в творчестве, бизнесе, жилище, стиле жизни. Таким образом, реконструкция промышленных цехов стала причиной развернувшейся гентрификации всего селитебно-промышленного района. Самое известное, знаковое «Здание на сваях» реконструировано по проекту Вейса и Волкмана, за что соавторы были удостоены государственной премии Саксонии в области архитектуры за инновационный подход к реконструкции. В настоящее время это офисное здание – центр деловой, производственной и культурной жизни Эльстер-парка. Одна из групп архитектурных компаний - Heintz & Co. и MIB AG продолжающих реконструкцию района разместила здесь свое генеральное представительство.

Рис. 3. Каналы Лейпцига. Фото И.В. Кукиной.

Реновация селитебно-промышленного района Плагвицта ведется по следующим принципам: сохранение облика промышленной архитектуры с интенсивной реконструкцией интерьерного пространства; минимальное новое строительство, связанное преимущественно с ландшафтным строительством и восстановлением водных пространств каналов и долины реки; интеграция в структуру исторического Лейпцига через восстановление зеленых ареалов, пешеходных и велосипедных сетей парковых зон и бульваров; много-

функциональное использование территорий и строений района, следование в какой-то мере образу Нью-Йоркского Сохо, поскольку реновация в данном случае начинается с организации творческих пространств, студий, мастерских, событий и т.д. В районе создаются жилые группы разнообразной типологии жилища, ориентированные на различные социально-экономические группы граждан города. В районе разрешено развитие всех возможных видов экономической деятельности за исключением крупного промышленного производства. Большое внимание отдано различным видам туризма. Типы жилища привязаны к историческим событиям, найдена уникальность в истории места, персоналиях, знаковости, разработаны сценарии связности событий, архитектуры, типов поведения.

Рис. 4. Промыленно-селитебный район Плагвиц.
Лейпциг ФРГ.
Фото И.В. Кукиной

Связывание исторических эпох

Некоторые примеры из британской градостроительной традиции говорят об удивительной непрерывности, связности эпох в пространстве поселений. Здесь невозможно разделить историко-консервативный метод сохранения и реновации культурного наследия и реконструкции иных территорий города. В каждую из эпох складываются: характерный опознаваемый архитектурный образ, строение города и системы регламентов, предъявляемых к градостроительному проектированию, что в целом и составляет тот неповторимый образ, который ассоциируется с «местом». Разноценные ареалы поселений «приращиваются» друг к другу и связываются, например, через инфраструктурные буферы, зеленые линейные объекты, широкие бульвары обслуживания. Рассматривать, устанавливать или сохранять границы и буферные территории следует из понимания культурной

истории соседствующих ареалов. Так акцент реновации смещается в пользу «соединительной ткани» между свидетельствами эпох.

Серия планов Эдинбурга конца XVIII и начала XIX веков дает блестящее подтверждение конгломерата эпох и сложившихся «между-территорий», отделяющих традиционный «хвостатый» британский город, сформированный «головами» домовладений вдоль главной улицы – «длинного» рынка, от классического георгианского, а затем и «города-сада».

На плане 1820 года совершенно очевидны зеленые пояса, отделяющие разные части Эдинбурга. В период строительства железных дорог в 1840-е гг., у подножия замка, строится Уверли – крупнейший железнодорожный узел на месте осушенного озера Нор-Лох, которое с ростом населения города превратилось в зловонный водоем. Общее название Уэйверли закрепилось за станциями около 1854 г. благодаря серии романов Вальтера Скотта «Уэверли». Большая часть полученной территории была занята под парк Принцесс Стрит. Выход к замку, вокзалу в центре города на Маунд стрит, устроен через площадь Королевской шотландской академии и Национальной галереи Шотландии, которые построены по проекту В.Г. Плейфера. Ткань плана Эдинбурга складывается как контрастный пазл, где каждая новая, более прогрессивная градостроительная эпоха «прикладывается» к существующей, отживающей, менее привлекательной для граждан. Эпохи соединены мембранами ландшафтных объектов.

Для населенных мест с глубокой историей характерно и вертикальное наслоение разных периодов в едином культурном ландшафте. Британское наследие (British Heritage) весьма жестко регламентирует неприкосновенность физических свидетельств культурной истории. В стране часто можно видеть, как в современных поселениях одновременно существуют и весьма прагматично используются объекты археологии. Чаще они продолжают романтическую традицию классицистического парка, но при этом служат не объектами для созерцания, но полностью интегрированы в жизнедеятельность города. Это стало возможным, когда в проектах реновации ландшафтные объекты рассматриваются как «этажерка уровней» где каждая карта составлена из линий, внесенных человеческим поселением и способом использования земли за значительный период времени, накладываясь и затемняя одну другой. Где слои - там и «археологический» подход к сохранению и анализу слоев истории территории. Но до тех пор, пока один исторический период не будет оценен как более значимый по сравнению с другими, цель подхода состоит в сохранении мозаики всех следов разных периодов, создавших этот ландшафт. Этот подход поможет

разобраться в сложности места в различные периоды культивирования, прерываемые периодами беспорядков. Метод очень широко используется в Великобритании и постепенно завоевывает позиции в США. Археологический подход демонстрации дневных поверхностей разных уровней лучше всего работает на «идею наслоений», но не улавливает в достаточной степени процесс изменения растительности. В этом случае перемещение деталей часто влечет сложные типы изменений, такие как регенерация, миграция, вторжение. Растительная композиция и сооружения должны анализироваться совместно с историей их деталей как однородных останков. Это метод реновации, близкий по своей идеологии к ландшафтно-экологическому подходу в градостроительстве.

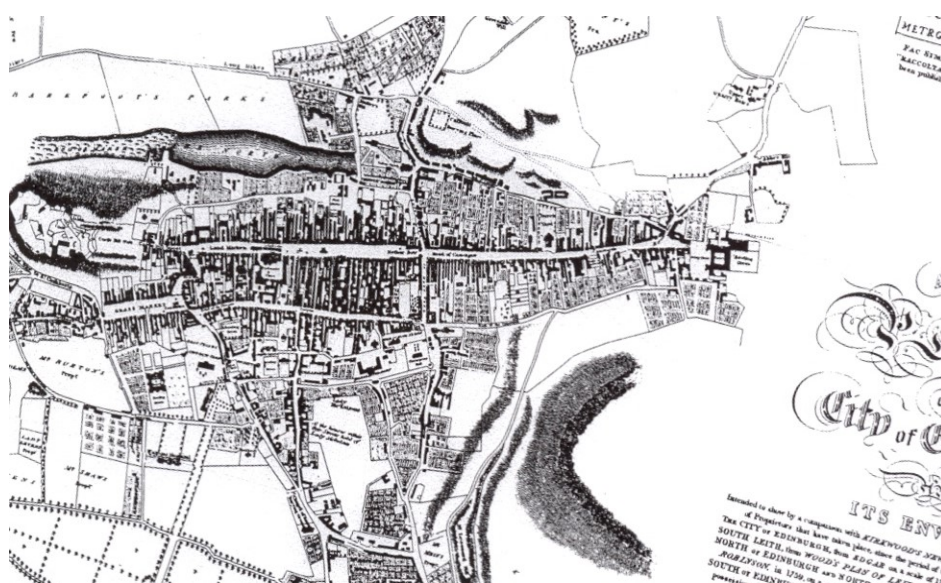

Рис. 5. Эдинбург начала XVIII в. Традиционный британский город вдоль главной улицы – длинного рынка и пригороды. Альбом планов исторических городов Великобритании. Коллекция библиотеки университета штата Вашингтон.

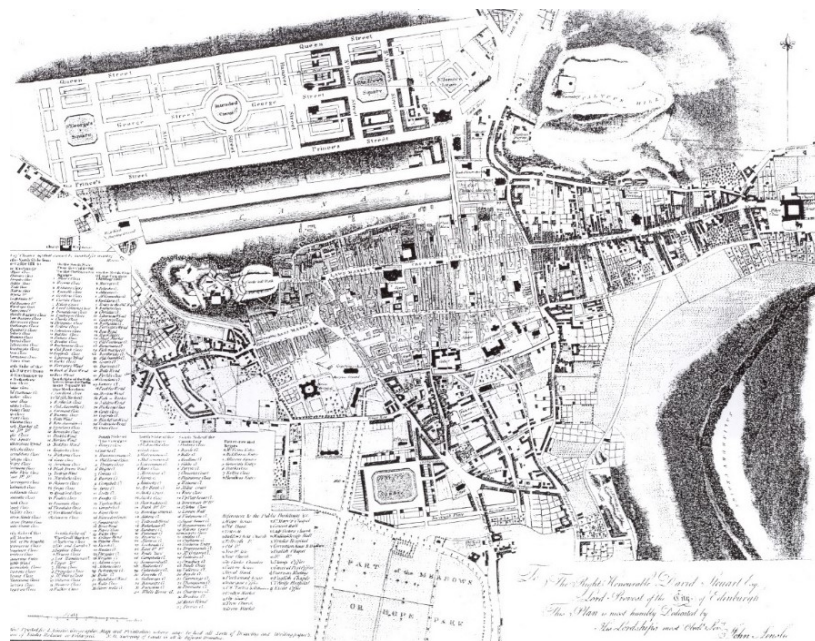

Рис. 6. Эдинбург конца XVIII в. Разбивка георгианского (палладианского) города. Альбом планов исторических городов Великобритании. Коллекция библиотеки университета штата Вашингтон.

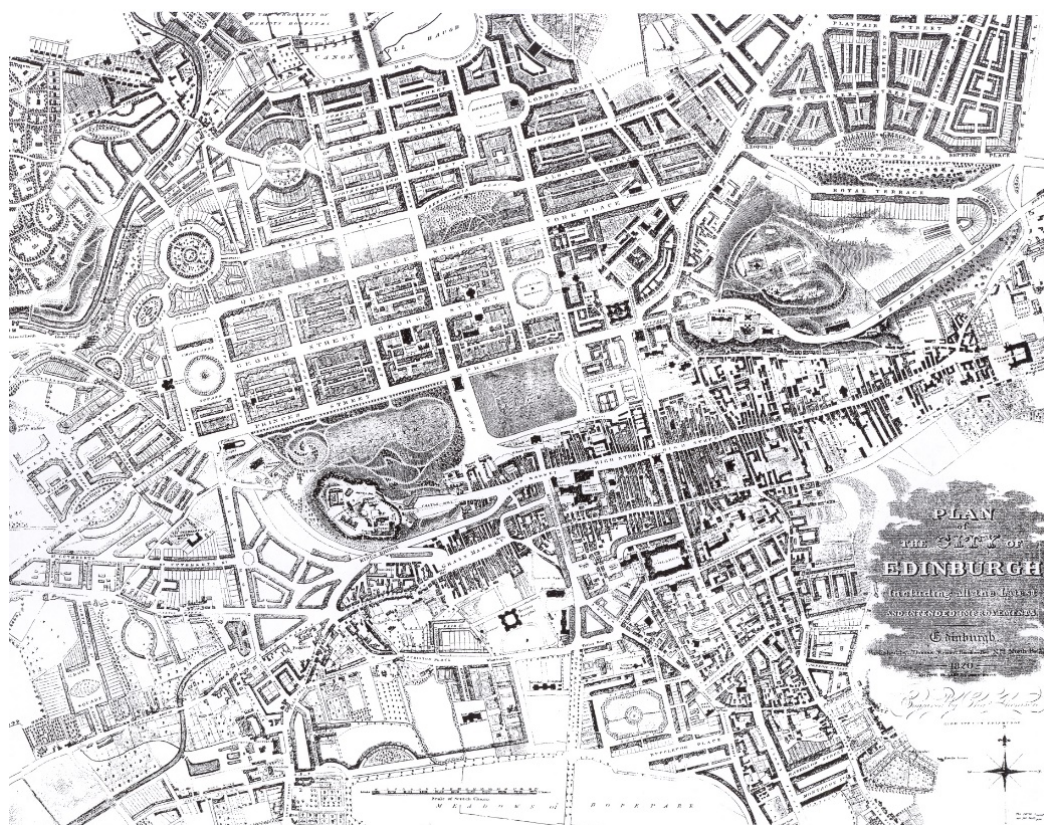

Рис. 7. Эдинбург, план города 1820 г. Сочленение разных типов планировочных структур. Коллекция библиотеки университета штата Вашингтон.

Третий тип сосуществования свидетельств различных эпох в современном поселке Эйвбери совершенно уникален. Он сложился благодаря тому, что каждая последующая эпоха «сокращалась» в масштабе, теряла религиозную значимость, монументальность. Но градостроительная история места не прекращалась. Поселок находится на древнем пути, соединявшей кромлехи в окрестностях Стоунхенджа. Но в отличие от других объектов, оставленных племенами, в кромлех первобытного общества вписывается древний римский лагерь, затем на его руинах возникает деревенька, которая сохраняется до сего дня.

Ситуационный план современной деревни, вписанной в кромлех, содержит несколько памятников от раннего до позднего неолита, датируемых 3500-2100 до н.э., строения поздней Римской империи и средневековья. Главная улица поселения – продолжение региональной дороги, так называемый Вест-Кеннетский «авеню». Она соединяет Вест-Кеннет «длинную могилу», которую использовали для захоронений более 1500 лет назад (вскрыта археологами Пигготтом и Аткинсоном в 1956-56 гг.), а также строения поздней Римской империи, курганы и др. музеефицированные памятники археологии, сохраняемые среди сельскохозяйственных полей района⁷⁴².

⁷⁴² По материалам сайта www.avebury.com

Рис. 8. Фрагменты кампуса Университета Йорка с объектами археологии. Великобритания. Фото И.В. Кукиной

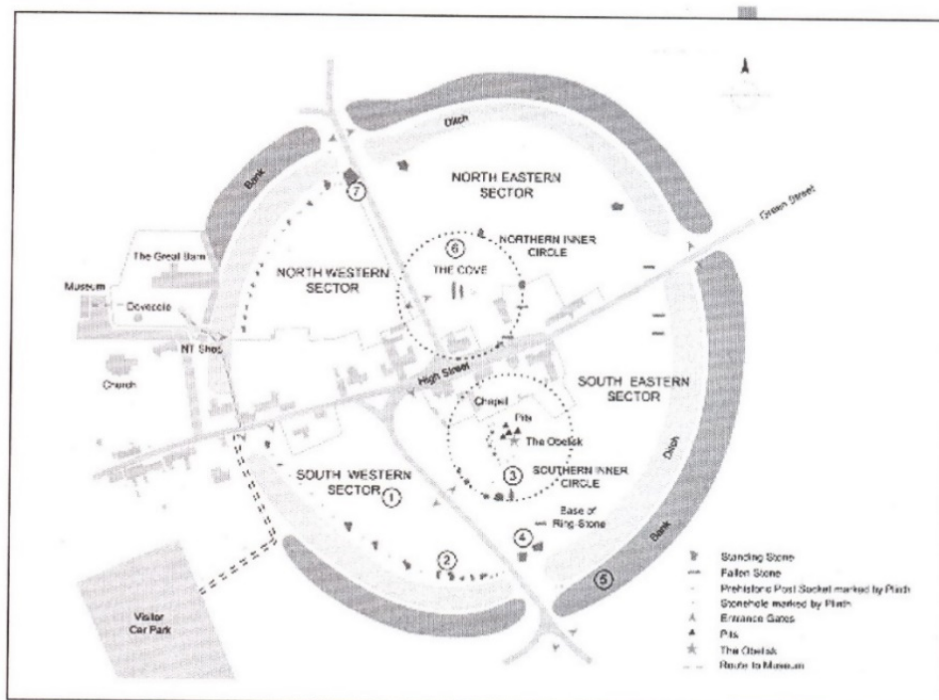

Рис. 9. Мозаика времен. Поселок Эйвбери. Северо-восточный Уилшир. Великобритания:
Режим доступа: www.avebury.com

Рис. 10. Эйвбери Хендж. «Юго-восточный каменный круг». Поселок Эйвбери. Северовосточный Уилшир. Великобритания. Фото И.В. Кукиной.

Рис. 11. Эйвбери Хендж. «Главный камень». Поселок Эйвбери. Северовосточный Уилшир. Великобритания:

Режим доступа: www.avebury.com

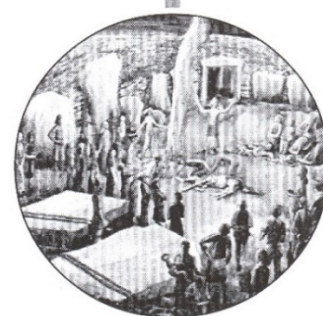
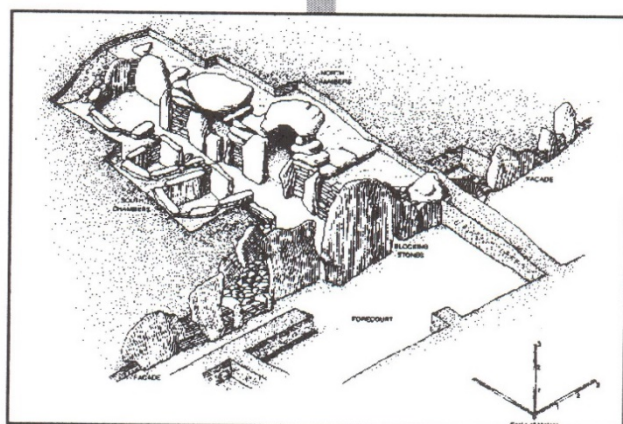

Рис. 12. Схема интерьеров Вест-Кеннет «длинной могилы»

Рис. 13. Вход в Вест-Кеннет «длинную могилу». Поселок Эйвбери. Северо-восточный Уилшир. Великобритания. Фото И.В. Кукиной.

Параллельная реальность – внутренние ландшафты города

Ряд стратегических проектов развития крупнейших городов свидетельствует о признании того факта, что пространственная и социальная сегрегация - не единственные диссонансы, характерные для современного города. Это и функциональная чересполосица «между-территорий», экологически «чувствительных» ареалов болот, долин малых рек, оврагов. На территории города проживают не только сообщества людей, но и других биологических видов, закон жизни которых не был принят проектировщиками во внимание в прошедшие эпохи. Набирает силу понимание того, что в населенных местах должно происходить не только единение людей на определенной территории, но и совершенствоваться неразрушительное сосуществование с другими биологическими видами.

В настоящее время человек как биотип уравнивается в правах с другими формами жизни. Здесь мы констатируем принципиально другой подход – не исчерпания биологических ресурсов планеты в связи с функционированием городов. Последнее понятие коренным образом меняет подход к проектированию и стратегии сохранения экосистем в городе – не только и не столько в пределах систем зеленых насаждений. Природная основа города априори была поставлена в зависимость от градостроительного освоения, поэтому в стратегиях развития большинства метрополий конца XX – начала XXI веков определяют

ся «эко-чувствительные» объекты, для которых предпринимаются особенные правила развития, использования и защиты от чрезмерной антропогенной нагрузки. Как правило, особенные естественные ландшафты в черте города защищаются буферными зонами.

В ряде публикаций, исследующих морфологию урбанистических систем, появилось словосочетание «внутренние ландшафты», на первый взгляд как будто понятное: некоторая объективно существующая естественная субстанция, для которой характерно внутреннее единство всех форм ее проявления и саморазвития, динамика, направленность. Параллельно неизменно, популярно, злободневно идеалистическое желание проектировщиков создавать единые непрерывные зеленые системы, начиная от интуитивных проектов братьев Олмстедтов, перепланировавших практически все крупные города Северной Америки в середине XIX до настоящих проектов экокаркасов, зеленых путей и т.д. При этом «внутренние ландшафты» включены исследователями в иерархии искусственные, более высокого порядка. Здесь возникает целый ряд диссонансов. Противопоставление искусственного и естественного начал переворачивает данное понятие с ног на голову в силу необратимости, неизменности естественных законов развития ландшафта и, наоборот, изменчивости регламентов формирования искусственной среды, создаваемой интеллектом человека в соответствии с уровнем развития техники и технологий. В то же время урбанистический процесс рассматривается как сила, способная сломать неизменность природного комплекса. При этом каждый период технического прогресса сопровождается своей собственной законодательной нормативно-регламентной базой для архитектурно-градостроительного творчества, а естественные законы остаются неизменными, изменяется глубина и временной период их обратной реакции на антропогенные процессы в прямой зависимости от масштаба последних. «Внутренние ландшафты» трактуются в стратегиях восстановления, реновации градостроительных объектов, и множественных других действий с приставкой «ре-» именно в силу представления о них как о ином мире, параллельной реальности, специфических территориях, где природа уступает свое место воле и успехам организованной социальной жизни. Набирает силу этика понимания ценности выживания, всего живущего на планете.

Так, например, своенравная река Брисбэн представляет определенную угрозу для одноименного города в Австралии частыми затоплениями не только из-за близости «большой воды» океана, но также из-за крайне извилистого русла реки и особого режима – перемены направления течения воды дважды в сутки. Корневая система береговых зарослей и заливные луга, «удерживают» прибрежные территорий от излишних разрушений во время затоплений и одновременно являются домом для некоторых особых видов рыб и

земноводных. Жизненный цикл последних заключается в очистке вод реки. Поэтому в черте города открытый доступ водной поверхности крайне ограничен несмотря на роскошные зеленые набережные. Спуски к береговой линии - это, как правило, небольшие, хорошо благоустроенные парки, оборудованные системой защиты от наводнений. Магистрали «оторваны» от линии берега и земли на опоры, попадание автомобиля на берег в принципе невозможно.

Рис. 14. Фрагмент буферной зоны русла Брисбэна на территории университета Гринвич. Брисбэн, Австралия. Фото И.В. Кукиной.

Рис. 15. «Параллельный путь» реки Брисбэн. Газон парка покрывает дренажную систему, работающую во время «большой» воды. Фото И.В. Кукиной.

Рис. 16. «Сухой ручей» - фрагмент дренажной системы набережной Брисбэна. Фото И.В. Кукиной.

Рис. 17. Брисбэн, «отрезанный» от реки. Фото И.В. Кукиной.

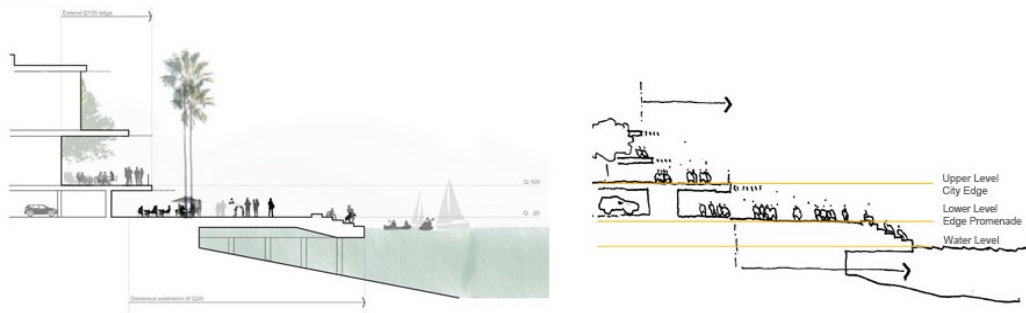

Рис. 18. Проект набережной Брисбэна. Верхний уровень – «край» города

Концепция городских окраинных поясов как стратегия сохранения истории города

Городской окраинный пояс – это зона широкого использования городских земель, сформированная на границе населенного пункта в период замедления или приостановки его территориального развития. По мере своего роста город переступает через окраинный пояс и продолжает развиваться за его пределами, но в этой зоне концентрируются важные городские объекты⁷⁴³. Это происходит потому, что при исчерпании земельных ресурсов города на его окраину часто выносятся крупные строения и архитектурные ансамбли. Они, как правило, располагаются в хаосе окраинных землевладений, резко повышая статус окраины. Таким образом, город с богатой историей может содержать в себе несколько окраинных поясов: внутренний, средний, внешний. Следует признать, что окраинные пояса – это отдельная многофункциональная зона города, совершенно уникальная в каждом отдельном случае. Установить ее реальные границы можно только после того, как она будет включена в структуру города.

За время становления Енисейска постепенно сложились три окраинных пояса: внутренний пояс, средний и внешний, который является «условной границей» города на сегодняшний день. Внутренний окраинный пояс располагается на границе исторического ядра и содержит большое количество объектов культурного наследия. В XVII в. на территории окраинного пояса располагались только мужской монастырь и менный двор. Он стал наполняться религиозными образовательными и здравоохранительными сооружениями, магазинами енисейских купцов, усадьбами жителей города. Большая часть пояса проходит по озелененной пешеходной улице Фефелова, которая раньше была руслом реки Скородум. В XVIII в. с восточной стороны от Спасского мужского монастыря находилась Сенная площадь. В настоящее время здесь располагаются 30 объектов культурного наследия. Из них три религиозных объекта, 20 – частных усадеб, пять зданий общественно-делового назначения, складское помещение, сквер, в котором находится объект культурного наследия регионального значения – братская могила 242 активных участников Енисейско-Маклаковского восстания.

Внутренний окраинный пояс Енисейска может рассматриваться как общественно-рекреационная зона, представляющая собой единую систему общественных пространств,

⁷⁴³ Н. Louis, *Geographical outline of Great Berlin* // Stuttgart. – 1936. – 146 p.
Conzen, M. P. How cities internalize their former urban fringes: a cross-cultural comparison? // *Urban Morphology*. – 2009. №1 (13). – Pp. 29–54.

состоящую из небольших садов и озеленённых участков разной тематики. Здесь дополнительно могут разместиться объекты общественного питания, камерные музеи и гостиницы в исторических усадьбах. Их недостаток особо ощущается в период проведения открытой Августовской ярмарки и других крупных городских праздников. Рекомендуется

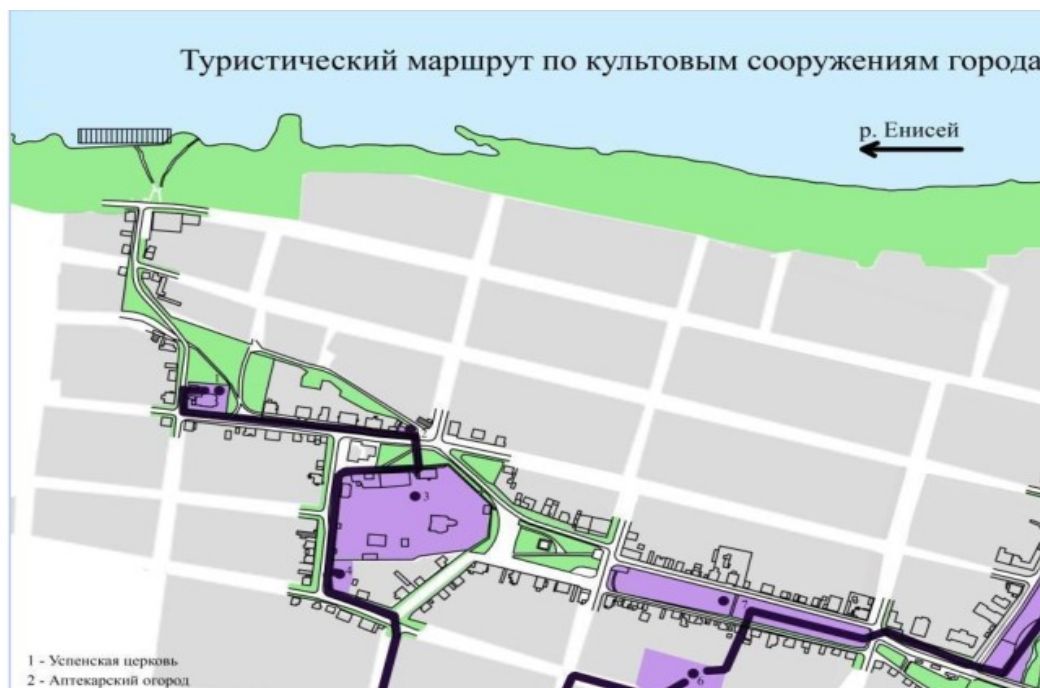

Рис. 19. Внутренний окраинный пояс Енисейска. Эскиз студенческого проекта Белобородовой Д.Г.

Рис. 20. Улица Фефелова, пролегающая по окраинному поясу.

разместить по всей территории зеленого окраинного пояса тематические садики: террасированный аптекарский огород, садик для православного кафе с использованием специальной символики в оформлении растительностью, прогулочную зону вдоль улицы Фефелова, набережную реки Мельничной с особой рекреацией. В некоторых случаях они будут привязаны к объектам общественного назначения, подчеркивать природные особенности места и выполнять образовательную функцию, знакомя посетителей с местной флорой и фауной. Возможно размещение интерактивных площадок, оборудованных информационными сенсорными стендами и медийными макетами, знакомящими в режиме реального времени с интересными историческими фактами, особенностями развития города. По всем территориям окраинного пояса могут проходить туристические маршруты разной направленности, выбор которых также может быть продуман индивидуально заранее через специально разработанную онлайн анкету. Наличие современного оснащения туристических маршрутов не только привлечет в город большее количество посетителей, но и значительно увеличит поступление средств в городской бюджет. Одним из туристических маршрутов может стать по культовым местам города.⁷⁴⁴

Если в случае Енисейска мы рассматриваем камерный вариант «объятия» исторического ядра религиозно-рекреационным поясом с сохранением масштаба и силуэта исторического города, то в случае освоения внутреннего окраинного пояса Никосии следует констатировать масштабную интервенцию за счет строительства многоуровневого парка Элефтерия Захи Хадид. Место грандиозного парка не случайно. Это южный аттрактор по определению Алессандро Камица, возникший в период строительства венецианской крепости, возведенной инженерами Джулио Саворньяно (Giulio Savorgnano) и Франческо Барбаро (Francesco Barbaro) в период с 1567 по 1570 гг. Но чтобы понять значимость места, нужно несколько обратиться к истории развития города⁷⁴⁵.

Южный вход – это Лимассольские ворота венецианской стены, где ныне располагается самый северный транспортный автомобильный хаб греческой части Кипра. Это самое посещаемое место, куда выходит историческая улица Ледра – торговая, оживленная,

⁷⁴⁴ Белобородова, Д. Г. Пространственно-архитектурное наследие окраинных поясов Енисейска в контексте развития культурного туризма /Д. Г. Белобородова, Н.А. Унагаева, И.В. Кукина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2007. №27. – стр. 220-228

⁷⁴⁵ Camiz, A. Ancient city gates and modern checkpoints of Nicosia for the morphological theory of attractors // New approaches in Historic Centers Preservation in: Proceedings of the International Conference of Changing Cities. – Syros. – 2017. – Pp. 455- 465

но как бы боком не напрямую, делая приличную петлю. Современная Никосия — это пример нескольких непреодолимых границ: сохраняемая стена средневековой крепости, буферная зона, разрезающая город на христианскую и мусульманскую части, и на два государства – Грецию и Турцию. Транспортная петля появилась после установления буферной зоны, контролируемой миротворцами ООН между турецкой и греческой частями Кипра после вооруженного конфликта 1964 г., после получения независимости от колониальной политики Великобритании. Ледра до вооруженного конфликта связывала южный и северный Кипр, проходя через все столицу и историческую Никосию и сегодня ведет к контрольно-пропускному пункту⁷⁴⁶.

Артефакт византийского владычества – массивная крепостная стена с редутами, ровом - до настоящего времени самое грандиозное сооружение города. В защитный ров вынесены парки, поля для массовых мероприятий, несколько инженерных предприятий. Парк Элефтерия занимает узловое место, куда сходятся улица Ледра и улицы нового города и транспортный хаб. Он находится в завершающей стадии строительства – яркий образец дигитальной архитектуры размещен на линии крепостных стен венецианской крепости, в проекте разрешены проблемы этой части города – ров вдоль крепостных стен «завешен» бетоном причудливой формы, в нижнем уровне размещена парковка. Уровни парка соединены протяжёнными пандусами фантазийной формы, обеспечивающими пешеходную доступность всем маломобильным группам. Группы фонтанов напоминают по своей затейливости образцы арабского искусства. Это, конечно же, отдает дань всем историческим периодам Никосии. Однако архитектура парка настолько контрастирует с сохранившейся тканью средневекового города и современной Никосии, с другой стороны, что заставляет задуматься не о блекле архитектурной мысли, а об персональном эпатаже автора творения.

Говоря о многозначности реновации, следует констатировать, что в архитектурном творчестве накопился немалый опыт мастерского решения проблем средовых, пространственных и архитектурных конфликтов. При радикальном изменении пространства, формы и образа в прошлом зачастую маргинальных территорий, сохраняются и развиваются функциональная структура, традиционные процессы, восхищая яркими образами современной архитектуры или тонкостью сбалансированных решений.

⁷⁴⁶ Kukina I. The architecture of conflicts // В сборнике: 2nd International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations. Proceedings of the 2nd International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (АНТИ 2020). Сер. "Advances in Social Science, Education and Humanities Research". – 2020. – С. 386-391.

Рис. 21. Строительство парка Элефтерия у бастиона венецианской крепости в Никосии (арх. Заха Хадид, фото И.В. Кукиной)

Учитывая сложность отечественного контекста, меняющегося правового поля градостроительной деятельности, актуальными остаются исследования фундаментальных основ реновации, практики проектирования. При этом существующая нормативная база реконструкции городов, дает основание полагать, что задача рационального применения инструмента реновации территорий состоит:

- в конкретизации критериев и методов определения границ территорий, подвергаемых реновации; предельной ёмкости и других параметров застройки с учетом обеспечения благоприятных условий для жизни населения;
- в ориентации на оценку положения проектируемой территории в структуре города, обязательности интеграции в сопредельные территории;
- в оценке архитектурной и территориальной типологии застройки как убывающей, так и предполагаемой (планируемой);
- в оценке инженерно-технического состояния объектов, ее классификации в соответствии с типологическими особенностями застройки разных периодов, материалами и технологиями строительства;

- в оценке социальных и экономических условий, сложившихся на территории, с целью минимизации негативного воздействия на социально-экономические процессы в городе, вследствие разрушения устойчивых связей;
- в учете мнений общественных институтов.

Архитектура модернизируется сегодня под воздействием самых разных импульсов, зачастую взаимоисключающих. Картина происходящего производит сумбурное впечатление, которое не вяжется с представлениями о высокоорганизованном и культурном сообществе.

Хочу поделиться своим опытом участия в подготовке «Стратегии развития строительной отрасли Российской Федерации» в 2019 году. В проекте этого документа архитектура и градостроительство выглядели как «бедные родственники» той сугубо прикладной инженерно-технической деятельности, которая получила вдруг чрезвычайные полномочия. «Телегу» опять поставили впереди «лошади», подразумевая наличие у нее своего «мотора». Когда сетуют на отнесение архитектурного проектирования к сфере услуг, имеют ввиду доминирование заказчика над профессионалом. В данном же случае произошло иное: хозяином положения стал производитель работ, исполнитель. Откуда ему знать, куда должно направляться развитие отрасли? Хорошо, что представители РААСН были привлечены к подготовке разделов о науке и образовании. По настоянию А.В.Кузьмина появился раздел градостроительный. Но в целом документ получился таким, что многие высказывались вообще против включения в него архитектурных вопросов.

Я написал своевременно свои предложения, однако, составителям они были неинтересны. При обсуждении на совещании у заместителя министра Д.А.Волкова я вкратце озвучил их и позволил себе критику всей этой Стратегии, которая ведет Россию к тому, чтобы сделать ее «самой отсталой страной мира в отношении развития архитектуры», как я выразился. Особое внимание мной было заострено на отсутствии ясно сформулированной общей жизнеустройственной цели, а также на намерении добиться существенной экономии на архитектурном проектировании, которое, наоборот, должно становиться все более наукоемким, концептуальным и вариативным. Меня возмутило изложенное в тексте «инновационное» предложение: разработать один раз навсегда такие типовые проекты жилых домов, из которых потом можно будет произвольно выбирать фрагменты, отсекая лишнее «методом гильятины» (так было написано в документе!), и строить быстро и легко, не обращаясь к архитектору вовсе – за ненадобностью.

Реагируя на мои замечания, Д.А.Волков сказал, что министерство заботится и о деятельности архитектора, для чего перерабатывает соответствующий закон. То есть оно

старается создать видимость отсутствия противоречий между участниками проектного и строительного процесса, хотя они обостряются. Немалая проблема состоит в том, что юристы трепетно следят за неприкосновенностью границ между сферами компетенций разных ведомств. А ведь архитектура требует совершенно иного подхода к делу, поскольку ее призванием является увязка на местах множества разнородных, межотраслевых, междисциплинарных вопросов.

Остается только сожалеть, что все те огромные усилия, которые были приложены в 1970-80-е годы к тому, чтобы выправить положение нашей архитектуры, оказались на сегодня забыты и оставлены в прошлом. Правда, продолжает существовать РААСН, но полномочия ее урезаны.

Былой авторитет Академий и академиков заметно снизился, что связано с общим настроением на замену «вертикальных» иерархических структур так называемыми сетевыми - «горизонтальными» - легкими, мобильными, вроде бы демократическими.

На самом деле, сети разного рода учреждений и предприятий создаются вовсе не из демократических соображений, а ради придания им совокупной силы, которая концентрируется в управляющих центрах, обладающих абсолютной властью над всеми своими подразделениями. Земля покрывается щупальцами могущественных спрутов, неуязвимых в силу экстерриториальности своих штаб-квартир. И они беспощадно подавляют и уничтожают россыпь обособленных субъектов, которым свойственно расти на родной почве. Агрессивная глобализация пробивает оборону локализации. Это заметно влияет на архитектуру.

Проблема привязки сетей и отраслей к конкретному месту оказывается особенно трудной. Сама собой, без вмешательства властных «вертикалей» жизнь не налаживается. Но и с этими «вертикалями» не все в порядке. При подборе руководящих кадров предпочтение отдается сегодня управленцам – в этом суть сознательно проведенной административной реформы. Они априори не специалисты во вверенных им отраслях, пребывают вне профессиональных связей, с ними невозможно разговаривать по существу дела. Их интересуется только экономическая составляющая какого бы то ни было начинания. Поэтому от них не приходится ожидать бескорыстной и компетентной управленческой взвешенности.

Это говорит об утрате целостного восприятия таких обширных сфер деятельности, как архитектура, о расщеплении их на неполноценные, а значит, и не вполне жизнеспособные составляющие.

Архитектура – одна из самых консервативных профессий с точки зрения сохранения изначальной, синкретической целостности. Недаром у нас так мало до сих пор ваков-

ских специальностей. Практикующие архитекторы всегда готовы взяться за выполнение любого заказа, вне зависимости от того, на каком факультете и на какой кафедре они учились.

Вместе с тем, идет процесс модернизации, демонтирующий и перестраивающий на новый лад старые «организмы». Инженеры первыми ушли вперед, отобрав у архитекторов весомую часть функций. Дизайнеры тоже окрепли и не хотят признавать верховенство архитектора. Но самую большую опасность представляют девелоперы, не имеющие представления о нашей профессии, но решающие, что, как и где строить и нанимающие себе в услужение безропотных проектировщиков.

Что можно прогнозировать, исходя из логики происходящего? Наверное, продолжат идти в рост те отдельные составляющие архитектурно-градостроительной деятельности, которые окажутся наиболее интересными для бизнеса. Вразрез с ними и в нагрузку к ним будут приниматься некоторые антирыночные государственные решения. Все вместе никак нельзя будет сравнить со слаженным организмом или гармоничной музыкой.

А как было в прошлом? Там тоже не получалось абсолютной идиллии, но все же, система проектирования и строительства была более стройной и ясной. Главное отличие от нашего времени заключалось в том, что дома создавались, в основном, хозяевами для себя, а не девелоперами на продажу. Хотя можно было и снять квартиру, но у определенного домовладельца. Отсюда проистекала забота и заказчика, и архитектора о качестве и престижности постройки, о ее совокупных конструктивных, стилистических и градостроительных достоинствах. У архитектуры не было нынешней анонимности, напоминающей об удручающей бесхозности советских индустриально-типовых массивов. Сейчас строятся массивы гораздо более аккуратные и с яркой облицовкой. Они иногда повышают настроение, но по-существу остаются теми же абстрактными «этажерками», нивелирующими личности обитателей, да еще и стирающими с лица земли следы истории места своего расположения.

Человечество многое потеряло от приземления профессии архитектора, поставленной теперь на одну доску со всеми остальными. Получилось так, что «оркестранты» играют, «кто в лес, кто по дрова» - без композитора и хорошего дирижера. Это оправдывается идеологией плюрализма, блокирующей какие-либо споры о вкусах. Дело дошло до запрета Министерству культуры высказывать суждения о качестве художественных произведений, как это стало известно в связи с выставкой «живописи» Е.Н. Васильевой в музее РАХ. А что творится в сфере «поп-культуры»?! Свобода самовыражения до неприличия, ставшего безграничным. Если это картины, спектакли, фильмы, то их еще можно не смот-

реть. С архитектурой дело хуже, коль скоро от нее некуда деваться: в ней приходится жить. Но Министерство культуры вовсе не озабочено проблемами искусства архитектуры и градостроительства. Его полномочия распространяются только на признанные памятники зодчества.

В наших городах и селениях все чаще появляются пугающие объемно-планировочные «новообразования», оправдываемые якобы насущной потребностью в модернизации среды. Модернизация или реновация позиционируется как безусловное благо, что на самом деле далеко не всегда и не для всех так. Преобразования планировки и застройки вызывают передел собственности в пользу инициаторов. Отсюда, с одной стороны - напор, а с другой, - протесты, обычно довольно беспомощные, коль скоро у мелких собственников нет права вета.

На протестной волне выросло особое направление очень нервной деятельности по сохранению архитектурно-градостроительного наследия, а также природы. Совершенно очевидно, что есть острая потребность в сдерживании, обуздывании излишне энергичных реновационных инициатив.

Мне представляется, что делу могла бы помочь общая установка на повышение качества жизненной среды и целенаправленное культивирование архитектурных средств ее обустройства - от мала до велика, вплоть до планеты целиком. Среди этих средств на передний план, естественно, выходят архитектурно-градостроительные. Архитектура должна не портить, а облагораживать и украшать землю. Настало время осудить многое из того, что натворили люди на этой прекрасной планете.

Важно, что смысловым ядром понятия культивирование являются однокоренные слова культ и культура. Первое из них явно указывает на приверженность чему-то великому и святому. Хотя приверженность эта в XX веке была дискредитирована, и в целом в сфере современной культуры тоже наблюдается разброд и шатание. Тем не менее, в людях сохраняется общее представление о благотворном влиянии культуры на человека и на все сферы его жизнедеятельности.

Сейчас принято делать акцент на множественности и неповторимости разных культур, сложившихся исторически и присущих тем или иным странам, этносам, социальным слоям и профессиональным сообществам. Это важно для изучения и сохранения накопленных человечеством культурных ценностей. Для археологов вообще любые антропогенные отложения являются культурными. Но есть и совершенно другое фундаменталь-

ное свойство культуры - устремленность к совершенству. Я хочу акцентировать внимание на этом.

Всем известны проявления грубости, бесцеремонности, полного бескультурья. Есть люди среднего уровня – более или менее культурные. Встречаются и хорошо воспитанные, чуткие, интеллигентные люди, которых принято считать носителями высокой культуры. Если смотреть на вопрос под таким углом зрения, то степень «окультуренности» среды превращается в довольно ясный критерий ее качества. В эпохи своего расцвета архитектура была в почете и, действительно, культивировалась, то есть привлекала к себе всеобщее внимание, поощрялась, воспевалась, оттачивалась и утончалась как искусство высочайшего культурного уровня. Культуре, как и архитектуре, свойственна слаженность, органическое единение элементов, пронизанных общим духом и общим стилем.

Понятно, что лидировало в этом отношении храмостроение, овеянное религиозным культом. Но нельзя обойти вниманием возникновение и светских, даже атеистических культов личностей. Архитектура обязательно ставилась на службу таким культам и получала от них большую поддержку. Другое дело, что мы не можем безоговорочно относить к выдающимся творческим достижениям все то, что было спроектировано и построено, например, в сталинское время. Виной тому является не профессиональное образование, старание и умение архитекторов, а их служение царившей тогда идеологии. Вдумываясь в этот вопрос, нетрудно понять, насколько показной и неискренней была культурная парадигма, вскормившая ту помпезную, хотя и восхитительную, по-своему, архитектуру. На смену ей пришла «хрущевская» альтернатива, порадовавшая, было, своей честностью, но тут же и разочаровавшая бесцеремонностью и бескультурьем.

Приведенные примеры из нашей недавней истории показывают, что сосредоточение внимания на существовании понятия культура позволяет выстраивать достаточно объективную многоступенчатую шкалу духовных и материальных ценностей.

Опасны человеческие заблуждения в отношении того, что считать правильным, благим, культурным. Еще более опасны лжесвидетели и лжепророки, уверенно указывающие неверный путь. Но и полный отказ от суждений о том, что хорошо, что плохо, в угоду обезоруживающему релятивизму не может удовлетворить человека, которому необходима уверенность в себе, у которого есть потребность обдумывать, проверять и перепроверять свои поступки, раскаиваться и исправлять ошибки, не теряя при этом тягу к нахождению верного пути. Вот тут и помогает культурное сознание вместе с развитой интуицией.

Говоря о культивировании архитектуры, я не призываю искусственно создавать на государственном уровне культ архитектуры, поскольку это обернется фарсом. Я за то, чтобы на государственном уровне было просто уделено достаточное внимание архитектуре и градостроительству как искусству и большому социально-культурному явлению. Для этого полезно было бы создать авторитетные профессиональные советы разных уровней, начиная с президентского, а главное - изменить кадровую политику, чтобы на ключевые роли подбирались люди достойные, обладающие хорошей профессиональной и общей культурой. Конечно, разумно было бы использовать для этого потенциал РААСН. Есть смысл в активном привлечении к решению практических вопросов ученых. Безусловно, они будут осложнять и затягивать процедуры принятия решений, но то ведь от большого ума и из лучших побуждений!

Наука порождена культурой и не должна противостоять ей. Честная, неподверженная конъюнктурным интересам аналитическая составляющая необходима для поддержания культурного уровня архитектурной деятельности. Углубленные предпроектные исследования, конечно, ограничивают свободу волеизъявления зодчего, но это и хорошо. Это стимулирует появление гораздо более верных и тонких архитектурных решений.

Известно, что и образованные люди бывают черствыми и беспринципными. Они находят себе оправдание в том, что «такова жизнь» в этом обществе несправедливости: «с волками жить – по волчьи выть». Мораль такую надо признать неблагоприятной, идущей вразрез с подлинной культурой. Приличные люди не хотят жить по неправильным правилам. Бесчестие, бестактность, корыстолюбие, лукавое приспособленчество – все это не совместимо с подлинной культурой, хотя зачастую и прикрывается ее видимостью. Это нетрудно понять, если только сосредоточиться на осмыслении понятия культура – очень давнего понятия, обладающего огромным историческим багажом и авторитетом традиции, облагораживающей и консолидирующей человеческое сообщество.

Никакое дело нельзя пускать на самотек. Надо все время искать выходы из трудно-разрешимых ситуаций, заботясь о нахождении для каждого человека подходящего, подобающего ему места. Тогда естественно на верх будут подниматься достойные. Сейчас же мы нередко наблюдаем движение в противоположную сторону. К сожалению, приходится вспоминать сентенцию псалмопевца: «Когда господствует нечестивый, праведники укрываются».

Несколько лет назад В.Ю.Музычук рассказывала мне о том, как они вместе с В.И.Толстым закладывали в разрабатывавшуюся тогда «Стратегию культурной политики» мысль об особом, надотраслевом статусе культуры, которой надлежит распространяться

повсюду, пронизывая работу всех министерств и ведомств, в том числе и таких приземленных, как Министерство строительства и ЖКХ. Увы, этому благому начинанию не было дано хода. Монополию на культуру оставило за собой Министерство культуры.

Я вспомнил об этом для того, чтобы показать наличие надежд на цивилизующую роль культуры отнюдь не только у меня. В этой связи нельзя не помянуть добрым словом Д.С.Лихачева, вознесшего в свое время культуру на пьедестал почета и тем самым заметно повлиявшего на оздоровление нашего общественного сознания.

Существует представление, восходящее к О.Шпенглеру, о том, что культура склонна к самосохранению и противостоит цивилизации, настроенной на прогресс. Это представление объясняет, а для кого-то и оправдывает происходящую борьбу между тем и другим и якобы неизбежное наличие жертв. Меня совершенно не убеждает такая диалектика. По-моему, культуре изначально была присуща именно цивилизационная миссия. То же, что рушит культуру, называется не цивилизацией, а вандализмом. Поэтому и сегодня цивилизационно-модернизационный процесс должен наполняться культурным смыслом и подчиняться высоким гуманитарным целям. Ничего хорошего ждать не приходится, пока экономические и технические задачи выдвигаются на передний план, а гуманитарные откладываются на потом.

Многие культурные традиции подверглись деформации и уничтожению под воздействием нигилистического новаторства. Теперь пришло время умерить революционный пыл и вернуться к нормальному, цивилизованному взаимодействию новаций с традициями. Это означает отказ от нарочитого и необоснованного оригинальничания в пользу оттачивания мастерства доведения до совершенства того, что было открыто ранее, что уже имеется в арсенале архитектуры. Задача такая мне кажется актуальной.

К сожалению, и на этом пути встречаются большие трудности, связанные с превратным толкованием фундаментальных историко-теоретических вопросов архитектуры и градостроительства. Приведу только один, но яркий пример: известный архитектор С.А. Скуратов упрямо пробивает разрешение на реализацию проекта башни возле здания Центросоюза Ле Корбюзье на Мясницкой, заявляя, что это улучшит и украсит Москву. Фактически он объявил войну градозащитникам, которых считает препойной на пути прогресса. При этом он совершенно не боится потерять свой профессиональный имидж. Как видно, на профессиональном уровне такие коллизии сегодня не разрешаются.

Вот почему я и предлагаю поставить во главу угла культуру как ту самую вертикаль, пирамиду, которой недостает нам сегодня, которая должна охватывать и пронизывать все профессии, все виды деятельности и оздоравливать общество. Пусть архитекторы

спорят между собой, в горизонтальной плоскости, формируя разные профессиональные группировки, как было до создания единого творческого Союза. Градозащитники же, отстаивающие широкие общественные интересы, должны не обороняться из последних сил, а быть над схваткой, в сфере высокой культуры.

Никакая модернизация не может быть самоцелью. В архитектуре мы сплошь и рядом находим нужным не только сохранять имеющееся, но и регенерировать утраченное, оживлять традиционное. Хотя никак нельзя отрицать и прелесть некоторых новых головокружительных открытий в области архитектурного формообразования и композиции. Ясно, что человечеству необходимы эксперименты и новации, как научно-технические, так и архитектурно-художественные. И они могут быть обращены во благо, но только если будут обладать подлинной культурной значимостью.

Я попытался обозначить назревшую задачу, которая, надо признать, не из простых и в теоретическом, и в практическом отношениях. Ее постановки недаром давно и упорно избегают, предпочитая не выяснять, что есть истина, не спорить о вкусах, не осуждать коллег, а проявлять только пресловутую толерантность по отношению ко всем и вся, закрывая глаза на опасные деформации культурного сознания и нравственности. Если же заострить всеобщее внимание на проблеме повышения культуры, то настраиваться на оценку уровней благопристойности и деликатности, честности и ответственности, этичности и эстетичности все же придется. А это отрезвит нас и поможет собиранию разбросанных камней для истинного созидания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первый год работы позволил выявить и рассмотреть на конкретных примерах основную круг заключенных в заявленной теме историко-теоретических проблем, требующих своего скоординированного исследования и осмысления. Проблемы эти не замыкаются рамками практической профессиональной деятельности. Их основания обнаруживаются в сфере культуры, неразрывно связанной с мировоззрением, идеологией, политикой и, конечно же, с социально-экономическими условиями, материальными ресурсами и историческими обстоятельствами. Архитектурно-строительная деятельность в принципе не может рассматриваться как вещь в себе, в отрыве от ее побудительных мотивов и целевых установок.

Исходя именно из этого, наш авторский коллектив старался найти объяснения для разного рода модернизационных инициатив в процессе обустройства, развития и трансформации человеческих поселений. Инициативы эти неизбежно наталкивались на защитную реакцию стойких традиций, и в то же время, находили свое оправдание в присущих традиционной культуре стремлениях к обновлению и совершенствованию среды обитания и жизнедеятельности. Поэтому лейтмотивом всего исследования можно считать известную, но все еще недостаточно разработанную тему взаимодействия традиций и новаторства.

Согласно намеченной общей программе, первая часть настоящего отчета посвящена изучению древних и средневековых традиций искусственного освоения и совершенствования человеком естественной среды обитания. Из намеченных в этой части разделов или глав публикуются две. В первой из них характеризуются основные признаки универсальной геоцентрической модели мироздания, сознательно соотносившейся испокон веков с различными строительными начинаниями человека. Показано, как происходило существенное переосмысление и модернизация этой модели в эпоху Античности и по каким мотивам поборники христианства предпочитали вернуться к архаическим представлениям об устройстве вселенной, закрепляя, тем самым, консервативные традиции зодчества и градостроительства в эпоху Средневековья. И все же, эпоха эта во многом обновила и изменила профессиональные традиции, а с ними и всю среду жизнедеятельности. Во второй главе рассматривается самобытность древнерусских городов и процесс их постепенной «европеизации» с приходом Нового времени. Констатируется тот факт, что становление

абсолютистской формы правления в XVIII веке вызвало резкий перелом в этом процессе, после чего саморазвитию русского зодчества был положен конец.

Вторая часть включает четыре главы, содержащие анализ поучительных примеров программной модернизации городов, деревень и межселенных территорий Российской империи. Первая из них посвящена теме архитектурного осмысления и преобразования акватории Невы в центре Санкт-Петербурга. Вторая - характеризует модернизацию транспортной инфраструктуры, а с ней и системы расселения в масштабе всей Российской империи. В третьей главе представлены результаты исследования оставшегося совсем неизученным до последнего времени вопроса о том, как осуществлялась в дореволюционной России объемно-планировочная модернизация сел и деревень. На солидной документальной основе, охватывающей пространство Казанской губернии, прослежен знаменательный переход от изначальных имперских замыслов тотальной перепланировки сельских поселений по подобию регулярных городов к компромиссному и гораздо более жизненному усовершенствованию их отдельных частей, главным образом, ради обеспечения противопожарной безопасности. Четвертая глава посвящена перспективным планам и проектам модернизации городов Центральной Сибири в XIX веке.

Третья часть книги состоит из 9 глав, представляющих собой новейшие исследования причин и следствий революционных, а также эволюционных и стихийных преобразований жизненной среды, происходивших в XX столетии. Здесь преобладает рассмотрение советского опыта, вместе с тем, характеризуются и общемировые тренды, что способствует лучшему пониманию эпохи и улавливанию специфики отечественной архитектурно-градостроительной деятельности.

Первая глава посвящена интенсивному переустройству в первые десятилетия установления советской власти Хабаровска, ставшего столицей Дальневосточного региона. Во второй главе анализируется государственная градостроительная политика 1930-х годов и активная проектная деятельность специально созданного института Стандартгорпроект, переименованного вскоре в Горстройпроект – предшественника ЦНИИПГрадостроительства. Третья глава важна для нахождения параллелей и отличий между советской и западноевропейской политикой градостроительной реорганизации исторических населенных мест в первой половине XX столетия. В ней рассматриваются противоположные точки зрения градостроителей-модернистов на вопрос о том, как следует вести новое строительство в северо-африканских колониях Франции, - обособляя европейские города от поселений «туземцев» или сближая и смешивая их. Четвертая глава посвящена проблеме оздоровления среды советских городов 1920-30-х годов. В ней пока-

зано, что решением этой проблемы предметно занимались в то время такие крупные ученые-гигиенисты, как З.Г.Френкель, сформировавшийся как специалист еще в царской России и хорошо знавший соответствующий западноевропейский опыт. В пятой главе речь идет о формировании крупных жилых комплексов, типичных для Москвы довоенного времени. Шестая глава продолжает тему улучшения гигиенических качеств жилища за счет инсоляции и нормальной естественной освещенности помещений, на службу чему была поставлена специальная наука – архитектурная светотехника. Седьмая глава характеризует дачно-рекреационную, преимущественно природную среду знаменитого поселка Комарово, в финское время называвшегося Келломяки, расположенного в пригороде Петербурга-Ленинграда. Здесь разбираются все этапы формирования этого поселка с дореволюционных времен вплоть до нашего времени, когда стала происходить его стихийная трансформация, вступившая в острую конфронтацию с общественным осознанием уникальной историко-культурной ценности этого, несомненно, достопримечательного места. В восьмой главе заостряется внимание на рождении в нашей стране в период многообещающих хрущевских преобразований новаторского «кинетического искусства», сильно повлиявшего на профессиональное мировоззрение и эстетику современного архитектурного формообразования. Этот материал свидетельствует об особой актуальности обращения к опыту 1960 – 70-х годов для наших сегодняшних теоретических и творческих поисков новых средств повышения архитектурно-художественной выразительности среды жизнедеятельности. Последняя в третьей части, девятая глава важна для уточнения представлений о реальном процессе развития отечественной архитектуры второй половины XX столетия, который, в целом, отвечал общемировой тенденции перехода от модернизма к постмодернизму, но имел свои побудительные мотивы и специфические особенности. Автор показывает, насколько это нужно осознавать для выстраивания верной стратегии осуществляемой сегодня реновации жилых районов массового индустриального домостроения советского времени.

Четвертая часть книги посвящена обсуждению современных подходов к модернизации среды жизнедеятельности средствами архитектуры и градостроительства в системе их непростых взаимосвязей с не менее актуальными вопросами сохранения историко-культурного и природного наследия, ценных традиций, коренных признаков этноконфессионального своеобразия, национальной, региональной и местной идентичности давно обжитых территорий.

В первой главе этой части фокусируется внимание на инновационных творческих достижениях всемирно известного английского архитектора Николаса Гримшоу. Во вто-

рой главе разбирается вопрос о правомерности и продуктивности возрождения и модернизации исторического города на базе его собственных коренных архитектурно-градостроительных традиций. Анализ проводится на примере самого показательного градостроительного феномена Новой России - Нижнего Новгорода. В третьей главе речь идет о назревшей необходимости пересмотра закосневших модернистских постулатов теории единства города. Разросшиеся современные города, а тем более, городские округа и агломерации охватывают территории, занятые очень разными селитебными образованиями и природными объектами, соединение которых в одно архитектурно-планировочное и композиционное целое представляется невозможным и нецелесообразным, хотя стремление к этому проявляется в силу стереотипности профессионального мышления. В противовес этому выдвигается понимание города как вместилища построек, ансамблей и комплексов относительно самостоятельных, независимых друг от друга, но не конфликтующих между собой, а разведенных в пространстве и находящихся в гармоничном окружении. Четвертая глава включает теоретическую разработку весьма интересной и перспективной темы театризации городской среды, которая позволяет создавать условия для многоплановой и многозначительной художественной интеграции составляющих элементов, обладающих и объективной, и субъективной культурной ценностью. Такая постановка вопроса способна ориентировать модернизационную градостроительную деятельность в искомом направлении. Пятая глава содержит целый ряд весьма показательных примеров современной реновации старых, во-многом депрессивных городских районов. В ней характеризуются новейшие международные тренды развития профессиональной научно-проектной деятельности в тесном контакте с местными сообществами, направленные на создание благоприятной, сбалансированной и неконфликтной среды жизнедеятельности. Шестая, завершающая глава раскрывает возникающие противоречия между модернизацией среды и сбережением ее культурных ценностей. В ней обосновывается мысль о свойственном культуре стремлении от низменного к возвышенному, что и нужно использовать для совершенствования архитектурных средств обустройства среды сегодня и в будущем.

Общий результат первого этапа представляемого коллективного исследования можно охарактеризовать как целеустремленный охват весьма непростой многоаспектной проблемы в целом и шаг в направлении выработки нового понимания существа модернизационных процессов, осуществляемых средствами архитектуры и градостроительства. Эти процессы необходимо подвергать глубокому беспристрастному анализу для того, чтобы учиться, «отделяя зерна от плевел», отказываться от безвольного следования за изменчивой конъюнктурой потребительского спроса и отстаивать приоритет ответственной

профессиональной работы над совершенствованием условий жизни на планете Земля. В том и состоит общая «сверхзадача» нашего исследования при всем внимании, уделяемом в нем к конкретно-историческим частностям.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Игорь Андреевич – доктор архитектуры, профессор, академик РААСН, главный научный сотрудник НИИТИАГ

Васильева Анна Владимировна – старший научный сотрудник НИИТИАГ

Возвышаева Татьяна Ивановна – кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ

Грязнова Надежда Владимировна – кандидат архитектуры, советник РААСН, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ, начальник научно-организационного отдела ОА РААСН

Духанов Сергей Сергеевич – кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ, доцент НГАХА

Дуцев Михаил Викторович – доктор архитектуры, советник РААСН, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ, заведующий кафедрой, доцент ННГАСУ

Коньшева Евгения Владимировна – кандидат искусствоведения, советник РААСН, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ, доцент, старший научный сотрудник ЮурГУ (НИУ)

Косенкова Юлия Леонидовна – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, главный научный сотрудник НИИТИАГ

Кукина Ирина Валерьевна – кандидат архитектуры, советник РААСН, старший научный сотрудник НИИТИАГ, профессор СФУ

Левашко Светлана Сергеевна – кандидат архитектуры, советник РААСН, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ, доцент СПбГАСУ

Михейкин Дмитрий Игоревич – старший научный сотрудник НИИТИАГ

Нугманова Гульчачак Гилемхановна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ

Степанов Кирилл Константинович – старший научный сотрудник НИИТИАГ, старший преподаватель ТОГУ

Ухналев Андрей Евгеньевич – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИТИАГ

Царев Владимир Владимирович – кандидат архитектуры, старший научный сотрудник НИИТИАГ, консультант отдела обеспечения градостроительной деятельности Минстроя Красноярского края

Царев Владимир Иннокентьевич – доктор архитектуры, советник РААСН, главный научный сотрудник НИИТИАГ, профессор СФУ

*Монография публикуется
в авторской редакции*

Оригинал-макет Т.Ю. Чепчуговой